

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ. Повесть въ стихахъ *Н. Д. Хвоцинской.*
(Часть первая).

МИХАЙЛО ФЛЕЙТРАВЕРСОВЪ. Разсказъ *В. А. Каприцкаго.*

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ИСПАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ. Статья *В. Толбина.*

III. МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ. Изданныя Диккенсомъ.

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. **Тарасъ Бульба,** драма въ трехъ дѣйствіяхъ, заимствованная изъ извѣстной повѣсти *Гоголя.*
2. **Сумасшедшая Актриса или Женнхъ и Хлороформъ,** водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Крестовскаго.*
3. **Мужъ не мужъ, жена не жена.** Водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ гг. *Тарновскаго и Руднева.* (Бенефисъ г-жи *Сосницкой*).
4. **Лекарь,** драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Г. Волларларскаго.*
5. **Тоска и смѣхъ,** драматическій капризъ *его-же.*
6. **Провинціальная гостиница,** комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *И. Карелина.* (Бенефисъ г. *Самойлова*).
7. **Ермиль Ивановичъ Костровъ,** драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, въ стихахъ, соч. *Н. В. Кукольника.*
8. **Иванильдъ,** опера въ одномъ дѣйствіи, слова и музыка *Юрія Арнольда.*

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Причины успѣха пьесъ въ бенефисъ и паденіе въ свѣдущія представленія и на оборотъ. — Нѣсколько словъ о бенефисѣ г-жи *Сосницкой*, вмѣсто предисловія къ французскимъ бенефисамъ. — *Замокъ Грантье.* — Возобновленныя пьесы въ октябрѣ. — *Le démon du Foyer* — Водевилъ. — Бенефисъ г. *Пейсара.* — «*Данаиды.*» — «*Избавитель.*» — «*Бенвенуто Челлини.*» — Г. *Ружэ* и его бенефисъ. — Пьесы изъ парижской жизни — Новые пьесы въ декабрѣ. — «*Королева, кардиналъ и папъ.*» — Новые водевилы. — «*Парижъ смѣющийся и плачущій.*» — *Альпійская пастушка.*

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.

Нѣсколько словъ о *Тифлисскомъ* театрѣ. — Его балетная труппа. — Г-жа *Чинова* въ роли *Сильфиды.* — Опера. — Театръ въ *Херсонѣ:* Пріѣздъ труппы г. *Бурмицкаго.* — Первые спектакли. — Бенефисъ *Бушено.* — Еще о *Херсонскомъ* театрѣ. — Новые артисты въ труппѣ *Бурмицкаго.* — Театръ въ *Костромѣ.* — Г. *Рыбаковъ.* — *Докучаевы.*

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА: отъ 19/21 декабря 1852 года.

Новыя названія главныхъ парижскихъ театровъ. — Привиллегія, данная *Драматической Гимназіи.* — Несчастье съ театромъ *Водевиля.* — Открытіе *Итальянской Оперы.* — *Отелло.* — *Крувелли,* *Белетти,* *Беттини* и *Кальцолари.* — *Сомнамбула.* — Г-жа *Бельтрамелли.* — Театръ *Комической Оперы:* Первое представленіе «*Удольфскихъ Тайнъ.*», оперы въ 3 дѣйствіяхъ, слова гг. *Скриба* и *Жермена Делавина,* музыка *Клаписсона.* — *Лирическій театр:* Первая представленія «*Кильморской Фермы.*», ком. оперы въ 2 д., слова гг. *Делп* и *Вѣстина,* музыка г. *Вернея,* и «*Трубача Гильери.*» ком. оперы въ 2 д., слова гг. *Левена* и *де-Боплана,* музыка г. *Сармиенто.* — Письмо изъ *Веймара* о *Бергаюзѣ.* — Первый французскій театръ: «*Судливанъ.*», комедія въ 3 д., въ прозѣ, г. *Мелезвила.* — *Одеонъ:* «*Ришелье.*», драма въ 5 д., въ стихахъ, г. *Пеллиона.* — «*Величіе и паденіе Жозефа Приюдома.*», комедія въ 5 д., въ прозѣ, г. *Генриха Монье* и *Гюстава Ваза.* — «*Четыре угла.*», комед. въ 1 д., г. *Леона Батю.* — Нѣсколько словъ о *Генрихѣ Монье.* — Театръ *Драматической Гимназіи:* «*Мужъ, которому нечего дѣлать.*», комедія-водевилъ гг. *Фурнье* и *Лорансена.* — «*Матушкинъ сынъ.*», комедія-водевилъ въ 3 д., гг. *Баира* и *Бьевилля.* — Театръ *Разнообразія:* «*Таконбѣ.*», водевилъ въ 5 д., гг. *Беро* и *Клервиля.* — Театръ *Веселости:* «*Альпійская пастушка.*», драма въ 5 д. гг., *Шарля Денойе* и *Деннери.*

V. СМѢСЬ.

1. **Страствованія по сушѣ и морямъ.** Листки изъ записокъ бывалаго челоѣка. Собранныя *В. Савиновымъ.*
2. **Самплетро.** Планъ трагедіи, расказанной артиллерійскимъ капитаномъ, *Наполеономъ Бонапарте.*
3. **Мое знакомство съ Гофманомъ.** Разсказъ изъ путевыхъ записокъ *Э. Скорни.*

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Ибнъ-Цаферъ, арабскій писатель XII вѣка. — Лекціи Сентъ-Марка Жирардена о сочиненіяхъ Жанъ-Жака Руссо. — **ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Актриса Марсъ. — Африканскій Росціи. — Римская пѣвица. — Отношеніе между театрами и народонаселеніемъ въ Парижѣ и Лондонѣ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Новая воздушныя машины. — Дождепитный ландшафтъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ.** — Альбомъ гангскаго двора. — Поклоненіе змѣямъ въ Сіамѣ. — Роговыя сабли. — Письмо изъ пасти тигра. — Египетская повѣсть. — Пожары въ Константинополь. — Обманутый бриллианщикъ. — Печальный случай. — Кристальный дворецъ въ Нью-Йоркѣ. — Человѣческія судьбы. — Старинная ошибка въ правописаніи. — Шиллеръ, какъ противникъ баловъ. — Барышъ отъ торговли опиумомъ. — Наказаніе за жестокое обращеніе съ животными. — Высочайшій городъ на землѣ. — Новая блестящія моды. — Разговоры миллионеровъ. — Семейства англійскихъ поэтовъ. — Воспитаніе дѣвушекъ въ Сѣверной-Америкѣ. — Константинопольскій базаръ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Прелюдія имброгліо. — Художественная выставка въ Училищѣ живописи и валянія, и нѣкоторыя впечатлѣнія, ею вызванныя. — Отзывъ о выставкѣ Карпа Федосѣича, и разговоръ о нѣкоторыхъ московскихъ новостяхъ. — Еще выставки картинъ, зѣвиринецъ, панорама и проч. — Новая колокольня Страстнаго монастыря. — Библиографическія извѣстія: продолженіе прежнихъ изданій, новыя книги, новое изданіе. — Газеты и «Москвитянинъ» № 21. — Театры: оживленіе ихъ, новыя пьесы русской и французской сцены; новый балъ. — Два слова о двухъ концертахъ. — Обращеніе къ читателю.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА:

Нѣсколько словъ о Вѣстникѣ. — Похожъ-ли онъ на фельетоны другихъ газетъ и журналовъ? — Цѣль и назначеніе Вѣстника. — Первая книга «Отечественныхъ Записокъ». — Богатство замѣчательныхъ статей. — *Нѣсколько лѣтънихъ дней*. В. Крестовскаго. — Переводъ Иліады. — Г. Ордынскій и его статьи. — Какимъ языкомъ должно переводить Гомера. — Простой и простонародный языкъ. — Усъщенные прилагательныя, странныя выраженія, тривіальности и провинціализмы. — Необходимость изученія Областнаго Словаря для пониманія перевода Иліады. — Правописаніе собственныхъ именъ. — Статья г. Забѣлина. *В. А. Жуковскій*. — *Русская Литература въ 1852 году*. — Война противъ фельетонистовъ. — Уклончивость «Отечественныхъ Записокъ». — Г. Небольсинъ и Меценатинъ. — Иностранная Литература и Смѣсь. — Сюрпризъ къ Новому году: десятая книжка «Сына Отечества». — Повѣсть о молодомъ человѣкѣ, написанная молодой дѣвицей. — Некрологъ: В. А. Волярярскій.

II. НОВЫЯ КНИГИ:

Театралы разныхъ возрастовъ. — Путешествія по Волгѣ, въ Америку и во всея страны свѣта, до Новой-Деревни включительно. — Дѣтство, молодость и послѣдніе дни знаменитаго поэта.

III. МУЗЫКА:

Нѣсколько словъ о пѣніи вообще и о пѣніи г-жи Виардо-Гарсиа въ особенности. — Дебютъ ея въ Итальянской Оперѣ. — Пѣвица Клара Добре — права ея на извѣстность. — Концертъ г. Рубинштейна. — Его сонаты. — Г. Всеволодъ Мауреръ и о скрипачахъ вообще. — Злоупотребленія солистовъ. — Концертъ г. Контскаго. — Еще фантазіи. — «Воспоминанія изъ Дона Пасквале и новая мазурка» Контскаго. — Новый инструментъ, изобрѣтенія г. Кажинскаго. — Предстоящіе концерты дѣтскихъ приютовъ и г. Бальфе. — Наша филантропія. — Сигизмундъ Штернъ и его «Теорія музыки». — Появленіе новаго Варламова. — Новыя музыкальныя изданія.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Оригинальность «Пантеона» и автора этихъ строкъ. — Праздники по поводу столѣтія Морскаго Кадетскаго Корпуса. — Литературное утро г. Гилью. — Стихи г-жѣ Вольнисъ. — Общественныя увеселенія. — Горы и музыка. — Театральные слухи и вѣсти. — Дагеротипы г. Леницкаго. — Юбилей торговаго дома барона Штиглица и Ко.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 1.

ТОСКА И СМѢХЪ. Капризъ. *Василья Волярярскаго.*

СОЛДАТЪ БАЛАГУРЪ или **ДРУЖБА ДРУЖБОЙ, А СЛУЖБА СЛУЖБОЙ.** Національный водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. *П. И. Григорьева 1-го.*

ПРИЛОЖЕНІЯ: *отсутствуютъ.*

1. Портретъ **В. В. САМОЙЛОВА**, копія съ портрета *Штейбена*.

2. **ПАНТЕОНЪ-ПОЦУРИ**, изъ русскихъ мотивовъ, соч. *К. Лдова*.

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Сеодоромъ Жоши.

Шиб 42437
182110, 7061

ТОМЪ VII.

ЯНВАРЬ — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

1853.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ПАИТЕОНЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Января 24-го 1853.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ.

ПОВЕСТЬ ВЪ СТИХАХЪ

Ж. О. Звощинской.

1.

Былъ лѣтній вечеръ, и ложились
Чернѣ тѣни. Полосой
Желтели нисы и клубились
Пары надъ свѣтлою рѣкой.
На берегу, склонясь, осины
Шептали что-то; строимъ длиннымъ,
Жужжа тянулись комары.
На небѣ меркнулъ свѣтъ зари.

Вдали пѣснь звонко заливалась
 И колокольчикъ вторилъ ей:
 Между желтѣющихъ полей
 Пыль по дорогѣ поднималась;
 Катился тарантасъ простой
 На тройкѣ рѣзвой и лихой.

Люблю дорогу межъ полями;
 Ромашка, куколь, васильки,
 Колосья съ тонкими иглами
 Такъ мило клонять стебельки
 Въ повозку: сбиты, по дорогѣ
 Печально стелятся въ тревогѣ
 И все привѣтливо глядятъ,
 Какъ—будто путника манять
 Къ свѣей красѣ, къ полямъ наряднымъ,
 Къ свободѣ, миру, тишинѣ....
 И сладко такъ бываетъ мнѣ
 Отдать свой умъ мечтамъ отраднымъ...
 Мнѣ дорога всегда одна
 Страны родимой ширина.

Со мной—бы вѣрно согласился
 Проѣзжій мой. Онъ такъ спѣшилъ,
 Что кони выбились изъ силъ,
 И тарантасъ едва катился....
 Вдали надъ храмомъ крестъ сверкнулъ,
 И тихо въ облакѣ тонулъ.

О крестъ родной, село родное!
 Снопы, трава родныхъ полей!
 Въ васъ что—то кроется бывшее,
 Хранится память прежнихъ дней!
 Холмы, тропинки, долы, нива,
 Не сохранили—ль вы ревниво
 Слѣдовъ младенца, до поры,
 Когда и годы и пиры
 Пройдутъ надъ нимъ, чтобъ—онъ тревожно
 Слѣдовъ младенческихъ искалъ,
 И тайно, горько призывалъ

Былое, шалость, смѣхъ ничтожный,
Игру, товарищей и страхъ,
Что ночь застанетъ ихъ въ поляхъ....

Былое! тѣнью пролетаетъ
Оно подъ склонами лѣсовъ,
И жаворонкомъ распѣваетъ
Надъ пышной озимью луговъ,
Глядитъ изъ тусклыхъ оконъ дома,
Скрыпите околицей знакомой,
Играетъ тонкой осокой
Надъ свѣтлой сонною водой,
Шумить у мельничнаго моста,
Бросая влаги пыль столбомъ,
Летаетъ яркимъ огонькомъ
По отдаленному погосту ...
Былое!... Въ этотъ чудный сонъ
И путникъ нашъ былъ погруженъ.

Домой онъ ѣхалъ. Но къ селенью
Покуда мчится тарантасъ,
Съ проѣзжимъ, безъ большихъ вступлений,
Позвольте познакомить васъ.
Онъ былъ совѣтникъ титулярный,
Въ отставкѣ, двадцати-трехъ лѣтъ,
Хорошъ собой, подчасъ поэтъ,
Хотя, признаться вамъ — бездарный,
Помѣщикъ десяти дворовъ
И звался Николай Петровъ.

Пяти лѣтъ только отъ рожденья,
Оставшись круглымъ сиротой,
Достался онъ на попеченья
И слезы бабушкѣ сѣдой.
Она его весь день кормила,
По псалтырю складамъ учила,
И горько плакала, крестя
Свое невинное дитя.
А онъ сестру свою качаетъ
Бывало въ люлькѣ, самъ не свой,

И нежной дѣтскою душой
 Утраты рано понимаетъ—
 По скорби, по слезамъ другихъ,
 Онъ выросталъ смиренъ и тихъ.

Отецъ Иванъ, священникъ строгій,
 Заботы бабушки дѣлилъ,
 Бранилъ Николю понемногу,
 И самъ что зналъ, всему училъ,
 Слѣдя глазами мошекъ стаю,
 Ребенокъ часто ужъ мечталъ,
 Припоминалъ и размышлялъ,
 Что значить мыслить, самъ не зная,
 Покуда птички рѣзвый летъ,
 Его раздумье перерветъ.

Хоть бадовства, какъ и излишекъ,
 Отецъ Иванъ и не любилъ,
 Но взводъ крестьянскихъ ребятешекъ
 Въ команду Коль отданъ былъ.
 Бывало утренней зарею
 Они отправятся гурьбою
 По дальнимъ рошамъ и дугамъ;
 Стрекозы, гнѣзда, горе вамъ!
 Спасало ихъ не состраданье,
 Но мысль ребенка, что ихъ плѣня
 И въ ласкахъ не найдеть замѣнъ
 Что жизнь мила для всѣхъ созданій...
 Разсорясь съ воинствомъ своимъ,
 Онъ уходилъ, осмѣявъ имъ.
 Зато, бывало, наслажденье,
 Съ какой-то тайною тоской,
 Грозы услышать приближенье,
 Внимать, какъ громъ гремитъ глухой,
 Подъ старой липой укрываться,
 Креститься съ страхомъ, любоваться
 Небесъ взволнованныхъ огнемъ
 И славно мокнуть подъ дождемъ
 Или коня поймать, съ отвагой
 Его распутать, зануздать,

Вскочить и бѣшено скакать,
Иль броситься въ живую влагу,
Подъ пѣну мельничныхъ колесъ,
Хоть послѣ разбранять до слезъ!

Уроки, шалости, мечтанья,
Забавы съ маленькой сестрой,
Ея причуды и желанья —
И въ томъ проходить годъ, другой;
Пошелъ десятый Николаю,
И утромъ къ день девятый мая.
Быль бабушкой отецъ Иванъ
Пирогъ откусать важно званъ.
Въ гостиной, съ дѣдовскимъ портретомъ,
Съ ковровой мебелью въ чахлахъ,
Пирогъ стоялъ на двухъ столахъ.
Сосѣди собрались при этомъ,
А именинникъ у дверей
Вертелся, глядя на гостей

Смущенъ-ли былъ онъ, одинокій
Дитя, ихъ шумнымъ торжествомъ,
Или предчувствіемъ далекимъ,
Но сердце замирало въ немъ.
Послушалъ онъ: всѣ толковали
О немъ, судьбу его рѣшали,
Отвезть въ губернію, отдать
Въ ученье. — «Нечего вамъ ждать,
«Сударыня,» такъ отозвался
Одинъ. «я вамъ скажу, того,
«Немного больше былъ его,
«А ужъ за матушку сражался;
«Сержантомъ былъ въ двѣнадцать лѣтъ.
«Да нынче не таковъ ужъ свѣтъ!»

И въ-слѣдствіе сего рѣшенья,
Что юный свѣтъ упрямъ и хилъ,
Отецъ Иванъ благословеньемъ
Въ путь Николая наградилъ.
Черезъ недѣлю, въ колымарь,

Мивуя горы и овраги,
 Тащилась бабушка, а съ ней
 И внучекъ — въ городъ. Плачь дѣтей,
 И Лизочки и Николая,
 Утихнулъ скоро. Лизу спать
 Уклала нянька, и гулять
 Ушла, прегромко распѣвая:
 Господь нѣтъ, можно отдохнуть;
 А Николая занялъ путь.

—
 Далеко-ль, близко-ль, — дотащился...
 Но занимательно-ль для васъ,
 Куда вступилъ онъ, какъ учился,
 Наказанъ былъ-ли, сколько разъ,
 И прочее? — по мнѣ ни мало!
 Извѣстно это все!.. Такъ стало
 Мы можемъ продолжать рассказъ.
 Ахъ, время годы скоро улетаетъ!
 Вотъ дѣти выросли.... Иной
 Уже серьезно размышляетъ
 Кудрявой русой головой....
 Но о послѣдствіяхъ ученья
 Къ чему пустыя разсужденья...
 Нѣтъ одинакихъ двухъ листовъ
 На деревѣ, нѣтъ двухъ головъ
 На столько сходныхъ, чтобы гладко
 Ученье мудрости равно
 Сложилось въ нихъ, и чтобъ оно
 Не потерпѣло отъ укладки.
 На что намъ знать, вступая въ свѣтъ,
 Доволенъ кто собой или нѣтъ?

—
 Доволенъ-ли наукой пышной,
 Или находить, что она
 Предъ жизнью слишкомъ неподвижна,
 Предъ свѣтомъ истины блѣдна,
 И самъ вдается въ разысканье;
 Или находить, что познанье
 Здоровой физикѣ вредить,
 Смущая сонъ и аппетитъ,

И все спокойно забываетъ,
Средь вихря свѣта, средь баловъ,
Цыганъ, балетчицъ, рысаковъ,
Вполнѣ счастливый, если знаетъ,
Что онъ въ семьѣ одинъ и есть
И что наслѣдствъ не перечестъ.

А что до внутренней идеи,
Стремленій къ истинамъ святымъ,
Позвольте эти всѣ затѣи
Оставить для поэмъ другимъ;
Другіе могутъ вамъ героя
Представить въ упоеньи боя
Съ людскою злобой, чернотой,
Пылая страстною душой
Къ прекрасному.... Мы ихъ видали!
Предавъ анаемѣ порокъ,
На другъ карточный должокъ
Они съ слезой въ очахъ писали,
На смерть за дѣву въ цвѣтѣ дней
Шли, — справясь: много-ли за ней?...

Мы знаемъ, есть и исключенья.
На свѣтлой жизненной зарѣ
Восходить облако сомнѣнья,
Тоски о правдѣ и добрѣ;
Душа томится, негодуетъ,
Печаль другихъ ее волнуетъ,
На подвигъ вѣры призвана,
Бороться, утѣшать она
Готова.... Тутъ всегда случится
Старикъ отецъ, больная мать,
Нужда, — и принужденъ молчать....
Вопль сердца смолкнетъ, покорится;
Пройдетъ десятокъ лѣтъ, другой,
И запоетъ онъ въ ладъ съ толпой.

А если нѣтъ?... Но что напрасно
Считать, чѣмъ скучнаго пѣвца
Гоняетъ съ сцены хоръ согласный,

Покуда стонить до конца?...
 Его andante—maestoso,
 Упреки вѣчные, угрозы
 Сбиваютъ съ толку и вредятъ
 Гармоніи, оркестръ не радъ,
 Да и директоръ не охототникъ,
 До бриковъ этихъ. И домой
 Бредеть, поникнувъ головой,
 Освистанъ бѣдный нашъ работникъ;
 И счастливъ, счастливъ онъ, когда
 Еще приобрести-то есть куда...

—

Но каюсь и прошу прощенья
 За многословье, — хоть не разъ,
 Я знаю, эти отступленья
 Еще растянуть мой рассказъ;
 Великимъ сладко подражанье!
 Герой нашъ поглощалъ познанья,
 И въ пятый классъ ужъ поступилъ;
 Годичный выпускъ близокъ былъ;
 Тутъ добрый человекъ сыскался
 И далъ ему благой совѣтъ :
 Скорѣе въ университетъ.
 Со школой Николай разстался;
 Экзаменъ выдержанъ, живой
 Студентъ любитъ Москвою,

—

Въ шестнадцать лѣтъ уже свободный,
 Своихъ поступковъ властелинъ.
 О счастье! Долгій, благородный,
 Широкий путь лежитъ предъ нимъ!
 Умомъ и слухомъ напряженнымъ
 Внимать восторженно священнымъ
 И яснымъ знанія словамъ,
 Съ любовью, съ трепетомъ; а тамъ
 Унести съ собой ихъ въ уголь тѣсный,
 Въ свой незатѣйливый пріютъ,
 И ночь застанетъ долгій трудъ,
 Веселый, жаркій и безвѣстный...

Покуда взглянетъ день сѣдой
Съ своей заботой и нуждой.

Хоть слезы намъ несетъ забота,
Умъ давить, сердце леденить,
Но въ годы школьничества что-то,
Какъ добрый ангелъ, насъ хравить;
Душа все скоро забываетъ.

Такъ птичка съ крыльевъ отряхаетъ
Росу холоднаго дождя.

Сберутся шумные друзья,
Что нужды, что обѣдъ — мечтанье,
Что дровъ въ печи давно ужъ нѣтъ!
Рѣшаетъ весело совѣтъ

Принести все лишнее въ закланье,

Чтобъ какъ-нибудь издалека

Послушать Сальви изъ райка.

А тамъ любовь, луна и дѣвы,

Мечты, листки плохихъ стиховъ,

Въ семнадцать лѣтъ возванья: «Гдѣ вы,

«О сны младенческихъ годовъ!»

И прочая; объятья міру

Иль ядовитую сатиру

На все, на дружбу, на людей —

За смѣхъ *измѣнницы* своей;

Хоть иногда предметъ страданій

И не имѣть чести знать

Страдальца... Какъ же не сказать:

Куда ушли вы, дни мечтаній,

И отчего вашъ свѣтлый путь

Какъ будто стыдно вспомнать?

И Николай жилъ по маленьку,

Велъ счетъ расходу и добру;

Малютки наши деревеньки

Не эльдорадо, не Перу,

Не золотое дно, — немного

Возьмешь съ нихъ. Лѣтнею дорогой,

Версть за пятьсотъ пѣшкомъ, къ нему

Бывало бабушка Оому
 Съ поклономъ шлетъ, съ благословеньемъ,
 И съ деньгами; но чтобы ихъ
 Не тратилъ для затѣй пустыхъ;
 Къ тому двѣ баночки варенья;
 Въ письмѣ записаны онѣ,
 Въ вѣстяхъ о дворнѣ и роднѣ.

—
 Въ письмѣ всегда сестры приписка.
 Она дрожащею рукой
 Всегда подписывалась низко
 Его покорнѣйшей слугой,
 Перомъ тугимъ, безмѣрно тонкимъ,
 Какъ будто бы зубцомъ гребенки
 Или вязательной иглой,
 Но онъ былъ счастливъ всей душой,
 Письмо нескладное читая,
 Онъ такъ и полетѣлъ бы къ нимъ,
 Къ садамъ душистымъ и густымъ
 Въ затишье, въ тѣнь роднаго рая!
 Судьба жъ всегда одно въ отвѣтъ:
 Нельзя! — и такъ прошло пять лѣтъ.

—
 Онъ выпущенъ, онъ кандидатомъ!
 Фортуна, щедрая въ тотъ разъ
 Своимъ участіемъ богатымъ
 Его устроила сейчасъ.
 Въ часъ выпуска, наградъ, прощаній,
 Рукопожатій, восклицаній,
 Изъ посѣтителей одинъ,
 Какой-то важный господинъ,
 Къ нему приблизился...» Я много
 «О васъ слышанъ...» — молвилъ онъ.
 А Николай ему поклонъ.
 — «Угодно вамъ со мной въ дорогу,
 «Въ Санктпетербургъ, служить при мнѣ?»
 Все это было какъ во снѣ.

—
 Но древнихъ изучалъ упорно
 И не вотще нашъ Николай.

Они гласятъ: » Лови проворно
Улыбку счастья, иль прощай,
Ужъ больше не придетъ. « — Учтиво
Судьбы подарокъ прихотливый
Онъ принялъ. Господинъ съ звѣздой
Ему вручилъ тутъ адресъ свой.
И ночь прощальную съ друзьями
Герой не могъ отпировать,
Онъ къ бабушкѣ засѣлъ писать:
« Я долго не увижусь съ вами,
« Мой путь въ далекую страну:
« Въ ней проживу мою весну!... »

Случалось, заносясь отчасти,
Невинный юноша мечталъ,
Что онъ постигъ людей, ихъ страсти;
Загадку жизни разгадалъ;
Пройдя вѣковъ и поколѣній
Исторью, онъ какъ нѣкій гений,
Ужъ зналъ, что въ будущемъ грозить....
Его ничто не удивить.
Что жъ стало съ нимъ, когда явилась
Жизнь съ прозой будничней своей,
Разчетовъ, сплетень, мелочей?

Догъ человека объясняя
Въ расчетъ ихъ не взялъ Цицеронъ...
Случалось часто, разбирая
Ихъ пыль, въ тяжелый полусонъ
Герой нашъ погружался. Странно
Все холодѣло въ немъ. Туманный
Душа вопросъ себѣ дала:
Ужели молодость прошла,
Что въ немъ такъ чувства оупѣли
И сталъ входить въ привычку трудъ?
И эти жертвы все ведутъ
Ужель къ одной лишь цѣли:
Хвалиться лишней пестротой
На груди впалой и больной?...

Напрасно призывалъ онъ тѣни
 Своихъ отрадныхъ юныхъ грезъ:
 Бывалыхъ, свѣтлыхъ убѣжденій,
 Благихъ даровъ благихъ небесъ,
 Что къ пользѣ общей все творится,
 Что онъ не для себя трудится...
 Примѣры темные кругомъ
 Его разувѣряли въ томъ.
 Всѣ себялюбія кумиру
 Честь отдавали и поклонъ;
 Онъ чувствовалъ, что зараженъ
 И самъ болѣзнию общей міру,
 Что подгонялъ его труды
 Крикъ честолюбыя и нужды.

Но онъ не сталъ бранить безплодно
 Весь міръ, съ досады на себя,
 И покоряясь благородно,
 Порывовъ сердца не губя,
 Сокрылъ ихъ въ чистомъ убѣжденіи,
 Что воззоветъ ихъ въ то мгновеніе,
 Когда для подвиговъ рука
 Сильна ужъ будетъ и крѣпка...
 Конечно, дѣтскимъ упованьемъ
 Уступку совѣсти своей
 Прикрылъ онъ, но утѣшась въ ней,
 Мирился онъ съ существованьемъ,
 Чтобъ какъ нибудь глядѣть на свѣтъ:
 Жизнь впереди вся въ двадцать лѣтъ.

Его отъ горя не избавилъ
 И свѣтъ. Не дружно принять въ немъ,
 На основаньи древнихъ правилъ,
 Дѣлецъ, лишь дышащій перомъ.
 Хоть красота, образованье,
 Пріятный умъ безъ притязанья,
 Давали въ обществѣ права
 Герою нашему — молва
 Его не знала. Въ отдаленья
 Поставленный существовать

Онъ роль Молчалина играть
Не взялся. Много, безъ сомнѣнья,
Сгубилъ движеній юныхъ онъ,
Но не былъ страшенъ и смѣшонъ.

Онъ понялъ, что судьба на долю
Тяжелый путь ему дала:
Что бѣдность—силу, страсти, волю,
И даже юность отняла;
Но гордый, не хотѣлъ теряться
Въ толпѣ и жалко пресмыкаться,
И принимать, какъ бы на смѣхъ,
Лишь крошки бѣдныхъ утѣхъ.
Онъ не набьется незнакомый,
Куда нибудь на вечерокъ,
Нѣтъ креселъ — не поидеть въ раекъ,
А лучше проскучаетъ дома,
Гдѣ пьесы Скриба, Мариво
Отвѣютъ, горе отъ него,

Во всемъ разборчивый, онъ мрачно
Дни молодые проводилъ:
Онъ бѣдно жилъ, за то изячно,
И грустно тѣмъ доволенъ былъ:
Любилъ-ли онъ? Въ томъ нѣтъ сомнѣнья!
Но слезъ, страданій, упоеній
Не довѣрялъ онъ никому;
Не звалъ онъ къ сердцу своему
Друзей, не требовалъ участья,
Услуги, помощи въ нуждѣ,
Раздѣла въ тягостномъ трудѣ
Иль утѣшенія въ несчастьи;
Трудясь и дѣйствуя вполне
Душою, жилъ онъ, какъ во снѣ.

Прошли три года. Получаетъ
Однажды съ почты онъ письмо
Съ печатью черною. Читаетъ
Отъ Лизаньки сестры оно...
Три мелко писанныхъ страницы.

Покуда онъ служилъ въ столицѣ,
 Въ какой-то пансіонъ она
 Была учиться отдана.
 Сестра печально извѣщала,
 Что бабушки на свѣтъ нѣтъ;
 Потомъ желанье и совѣтъ
 Она несмѣло выражала:
 — «Я здѣсь одна. Какъ жить одной?»
 «Ахъ, еслибъ были вы со мной!

—
 «Я васъ отягощу собою:
 «Пріѣхать къ вамъ я не могу;
 «А здѣсь хозяйства не устрою,
 «И ничего не сберегу.
 «Когдабъ могли вы согласиться
 «Подъ кровъ родной переселиться!
 «Когда жъ отечество отъ васъ
 «Услугъ потребуеть, у насъ
 «Въ уѣздномъ городѣ, конечно,
 «Найдется служба.» Нашъ герой
 Измѣяль письмо съ тоской нѣмой,
 Съ какой-то болю сердечной,
 На столъ свой головой уналь
 И горько, бѣдный, зарыдалъ.

—
 На завтра онъ въ отставку подалъ,
 Къ сестрѣ пять строчекъ написалъ,
 Тамъ собрался, что нужно продалъ,
 И на почтовыхъ ускакалъ....
 Мы видѣли его. Въ селеньи
 Звонъ колокольчика движенье
 Въ часъ непривычный пробудилъ
 И псовъ мохнатыхъ разъярилъ;
 Огни по окнамъ заходили;...
 Предъ домомъ среди двора
 Толпится гелядь. — «Гдѣ сестра,
 «Гдѣ Лиза?» — Братецъ, братецъ, вы-ли?
 Такъ скоро! — «Три дня изъ Москвы...»
 Но тутъ до будущей главы.

Не весело надъ городами
Поутру солнышку всходить,
Въ дыму надъ черными трубами,
Въ пыли по улицамъ сквозить,
По кровлямъ робко пробираться,
И, какъ проситель, дожидаться
У оконъ крѣпко запертыхъ,
Покуда изъ-за сторъ цвѣтныхъ
Лѣниво выглянетъ, зѣвая,
Усталый жить, усталый спать,
Готовый солнышку сказать:
«Сегодня я не принимаю,»
Одинъ изъ близкихъ, дорогихъ
Друзей—иль вашихъ, иль моихъ.

—
Въ деревнѣ, тамъ другое дѣло:
Все солнца ждетъ издалека;
Тамъ ягода въ кустѣ дозрѣла,
Тамъ въ нѣжной чашечкѣ цвѣтка
Букашка роется, росюю
Луга сияютъ, подъ водою
Играетъ рыба, и дрожить
Въ туманѣ синемъ чудный видъ,
И ждетъ луча, чтобы открыться
Со всею прелестью лѣсовъ,
Долинъ, пригорковъ и холмовъ,
Чтобъ заблестать и засвѣтиться,
Какъ—будто искрами огней,
Крестами дальними церквей.

—
Какъ спать тутъ? Но въ тотъ день, лѣнивый
Герой нашъ долго почивалъ.
Ужъ мужичекъ убралъ всю ниву,
Обѣдъ изъ кошеля досталъ,
А Николай едва поднялся,
Открылъ окно, любовался
Пустыннымъ садомъ, а потомъ

Разсѣянно смотрѣлъ кругомъ.
 Ему невѣрилось: онъ дома...
 Старинный домъ, широкій дворъ,
 Цвѣтникъ, бревенчатый заборъ,
 И все какъ-будто бы знакомо,
 А все не то... И странно, въ немъ
 Нѣтъ мысли просто ни о чемъ.

Онъ былъ въ томъ скучномъ положеньи,
 Когда любовь съ своей красой,
 Надежда, радость, сожалѣнье,
 Проходятъ смутно надъ душой,
 Скользятъ по ней, но не тревожатъ,
 И сердце сжатое не можетъ,
 Не зная какъ свой часъ убить,
 Смѣяться, думать, слезы лить...
 Вдругъ онъ услышалъ за стѣною
 Преживленный разговоръ:
 Сестра вступала въ жаркій споръ
 Съ своею ключницей сѣдою
 О странныхъ для него вещахъ —
 О талькахъ что-то, о холстахъ...

И стыдно стало Николаю,
 Что онъ себя заставилъ ждать.
 Одѣвшись, поспѣшилъ онъ къ чаю,
 И кетати приказалъ достать
 Подарокъ свой сестрѣ, обнову.
 И восхищеньемъ Лизы снова
 Онъ встрѣченъ былъ, какъ ввечеру;
 Но онъ разглядывалъ сестру
 Съ своимъ вниманіемъ обычнымъ,
 Заботливымъ, хотя и злымъ —
 Не кажется-ль въ ней что другимъ
 Неловко или неприлично,
 И чѣмъ въ толпѣ другихъ она
 Могла бы быть отличена?

Собой она прекрасна; это
Признаеть всякій, кто на ней
Взглядь остановитъ. Въ туалетъ
Смѣсь небреженья и затѣй;
Столичной модѣ подражанье,
Хоть на столичныя созданья
Деревня свой покрой кладеть,
И какъ-то такъ возсоздаеть,
Что не узнаешь. Серьги звонко
Качались въ розовыхъ ушкахъ;
Платокъ огромный на плечахъ
И бархатка на шейкѣ тонкой,
Межъ двухъ рядовъ простыхъ гранатъ....
Все это не одобрилъ братъ.

На ней былъ трауръ. Ситець черный.
Измятый, былъ когда-то новъ,
Но прелесть ручекъ двухъ проворныхъ
Изъ-подъ нескладныхъ рукавовъ,
Онъ выдавалъ чудесно. Смѣло
И ловко исполняли дѣло
Рученки эти, хоть не разъ,
Сама не зная чѣмъ смутясь,
Она склонялась граціозно
Къ столу и чашкамъ головой;
Тутъ черною ея косою
Полюбовался братецъ грозный,
Хотя замѣтилъ, что она
Была дня два не убрана.

Въ рѣчахъ ему пришла охота
Прислушаться къ ея уму;
Тутъ два-три сельскихъ оборота
Пришли не по сердцу ему,
Сужденья показались узки.
Заговоря съ ней по-французски,
Какъ будто ненарочно, онъ
Былъ точно громомъ пораженъ
Ошибками, произношеньемъ,
И пансіонъ въ душѣ своей

Онъ проклялъ... и неловко ей
 Вдругъ стало: эти наблюденья
 Она какъ будто поняла
 Въ морщинахъ братняго чела.

Задумавшись, онъ сталъ скучитье,
 Сигару молча зажигалъ;
 Она не знала, какъ скорѣе
 Оставить этотъ скучный залъ
 И ужъ тихонько уходила....
 Братъ оглянулся, очень мило
 Ей въ садъ пройтися предложилъ
 И руку подалъ. Онъ сложилъ
 Свой гнѣвъ на милость. Свѣта, шума
 Листовъ и птицъ былъ полонъ садъ.
 Къ тому жъ, что праздновать возвратъ
 Судьей премудрымъ и угрюмымъ;
 Не лучше-ль радости сыскать
 Хоть тѣнь и душу ей отдать?

И въ душу сладкій трепеть вкрался,
 Когда онъ вышелъ на балконъ;
 Но, устарѣвъ, балконъ шатался,
 Цвѣтникъ былъ пустъ и запущенъ;
 Семьями цѣлыми гуляли
 Въ немъ куры; розы доцвѣтали —
 Въ кустахъ забытыхъ — все живой
 И вѣчно-юной красотой.
 Двухъ дѣдовскихъ дубовъ чернѣли
 Обезображенные пни:
 Зимой вымерзли они.
 На коляхъ мокрые висѣли
 Мотки. Вдали терялся взглядъ
 Въ рядахъ смородины и грядъ.

Воспоминанья жаръ минутный
 Погасъ въ груди, и Николай
 Глядѣлъ и холодно и смутно
 На этотъ благодатный край,
 Не мысля. Дума улетаетъ

Куда-то, если день сіяетъ
Такъ беззаботно. Онъ стоялъ,
Знакомаго не узнавалъ,
Не слыша, какъ сестра твердила,
Что нуженъ дождикъ для полей,
Что были бѣ яблони сильнѣй
Да осень много повредила,
Что пчелы дурны этотъ годъ,
Что лучше все при немъ пойдетъ...

—
На выгонъ вышли чрезъ канаву,
И тутъ герою моему
Полегче стало. Всѣ забавы,
Вся прелесть дѣтства вдругъ ему
Свѣтло припомнились. Съ сестрою
Заговорилъ онъ и порою
Ей нѣжно руку пожималъ.
Надъ нимъ просторно такъ сіялъ
Сводъ неба; будто бы оковы
Съ души спадали, горѣ, зло,
Смирясь, во тьму свою ушло;
Онъ находилъ живое слово
Для ласки... Онъ сестру обнялъ,
Какъ будто только увидалъ...

—
Когда же стихнулъ благодатный
И освѣжающій порывъ,
Взглянулъ онъ въ первый разъ отрадно
Кругомъ, сталъ кротокъ и счастливъ;
Сестра, веселое созданье,
Его смѣшила. Онъ въ мечтанья
Пустился, началъ толковать,
Какъ будетъ домъ свой убирать;
О новостяхъ, знакомствахъ, модахъ,
О Петербургѣ рассказаль;
Потомъ отъ сердца повѣрялъ
Свои успѣхи и невзгоды,
Надежды... Сердцемъ увлечень,
Былъ въ первый разъ довѣрчивъ онъ...

И разговорами своими
 Занявшись, братъ съ сестрою шли
 Дорогой пыльной. Передъ ними
 Какъ будто выросъ изъ земли
 Вдругъ домъ помѣщечій, сосѣдній,
 Кривой, затѣмъ что многолѣтній.
 Завидя бѣлое пальто,
 Окно въ минуту поднято,
 И голова въ платкѣ вперила
 Глаза, и жмурясь, и косясь.
 Изъ братниной руки, смутясь,
 Свою сестра освободила...
 — «Ахъ, братецъ! съ вами мы идемъ
 Подъ ручку; точно съ женихомъ...»

— «Помилуй, Лиза!» Но напрасно
 Онъ сталъ бы Лизу убѣждать:
 Она твдила, что опасно
 Сосѣдей близкихъ раздражать
 Такою странной повизною.
 — «Пожалуй, скажутъ, вы съ собою
 Манерь столичныхъ навезли,
 Я загордилась — и пошли...
 Иванъ Ильичъ такой насмѣшникъ;
 Вѣдь съ нимъ не будешь жизни радъ, —
 Вотъ я вамъ расскажу...» Но братъ,
 Не слушая, ломалъ орѣшникъ,
 И длинной вѣткой молодой
 Сбивалъ траву передъ собой...

Прогулка кончилась въ молчаньи;
 По-крайней-мѣрѣ, Николай
 Не много говорилъ. Гулянье,
 Хозяйство, сонъ, обѣдъ и чай —
 Вотъ деревенскій день. И точно,
 Едва пришли они, въ урочный,
 Хоть ранній часъ, обѣдъ накрытъ.
 Герой нашъ былъ, конечно, сытъ;
 Онъ столь подобный въ Илиадѣ
 Прочелъ, и тотъ за мнѣя считалъ...

— «А вамъ Оома коверъ постлала,
Сказала Лиза, — тамъ, въ прохладѣ,
Въ саду; пойдете отдыхать?»
— Нѣтъ. — «Что же вы?» — Уйду гулять

И онъ ушелъ. Давно извѣстной
Дорогой, между желтыхъ нивъ,
Изрытой колеями, тѣсной,
Пошелъ онъ голову склонивъ.
Сверчки во ржи перекликались,
Возы съ снопами повстрѣчались;
Спѣшили все къ сторонкѣ стать,
Чтобы ему дорогу дать,
Его крестьяне шапки сняли.
Онъ началъ тихо говорить,
Что, вотъ, онъ съ ними будетъ жить,
Что любить ихъ. Они молчали,
И лишь съ почтеніемъ тупымъ
Смирренно кланялись предъ нимъ.

Какое вынесъ впечатлѣнье
Изъ этой встрѣчи нашъ герой,
Не знаю. Бѣдное селенье
Внизу чернѣло подъ горой;
И онъ, подумавъ самъ съ собою
Каковъ быть долженъ видъ зимою,
Къ одной избѣ направилъ путь.
Хотѣлъ онъ душу окунуть
Совсѣмъ въ свой новый міръ. Старуху
Нашелъ въ избушкѣ онъ одну.
— «Все въ полѣ.» — Я здѣсь отдохну,
Сказалъ онъ, и достало духу
Ему разспрашивать ее:
Что, каково ея житье?

И онъ узналъ, пока насѣдокъ
Подъ печь мальчишка загонялъ,
Что Богъ давалъ старухѣ дѣтокъ
И всехъ потомъ опять прибралъ;
Что дворъ ихъ прежде былъ богатый,

Да погорѣли; что въ солдаты
 Былъ отданъ Ваня, старшій внукъ;
 Она-жь осталася при двухъ
 Другихъ еще, — одинъ женился
 И вотъ она при немъ живетъ;
 Съ другимъ же, за прошедшій годъ,
 Такой ужъ видно грѣхъ случился, —
 Работникъ славный, молодой,
 Здоровый, — утонулъ весной.

Онъ тронуть былъ картиной тою,
 Однако, ни одной слезою
 Приправленъ не былъ тотъ рассказъ.
 —«Вамъ что, родной, жалѣть о насъ?
 Въдъ мы не ваши.»—И съ стѣсненной,
 Усталой грудью, мой герой
 Разстался съ черною избой,
 Крестясь на образъ освѣщенный;
 На свѣжій воздухъ онъ спѣшилъ:
 Въ избѣ такъ жарко, что нѣтъ силъ.

И долго Николай подъ сводомъ
 Березъ плакучихъ пролежалъ.
 Вдали, струясь, сверкали воды,
 И красный глинистый обвалъ
 Поросъ широкими листьями
 Травъ полевыхъ; шумѣлъ вѣтвями
 Кленъ гибкій, тонкій, молодой,
 И цвѣлъ кампануль голубой.
 Все тихой прелестью дышало,
 И свѣтъ небесъ и шумъ вѣтвей;
 Но подъ огнемъ дневныхъ лучей,
 Природа, мнилось, замирала,
 Иль тайной болью сражена
 Молчала, робкая, она....

Ея покорное молчанье
 Такъ понялъ Николай. Домой
 Пошелъ онъ. Уже дня сіянье
 Блѣднѣло. Онъ нашелъ съ сестрой

Того, кому все ихъ имѣнье
Поручено было въ правленье,
Прикащика. Пошелъ совѣтъ,
Что выгодно для нихъ, что нѣтъ.
Прикащикъ говорилъ не мало,
Герой не много понималъ,
Однако выслушавъ, сказалъ:
— «Здѣсь Лиза ничего не знала,
И многое не нужно намъ;
Во-первыхъ, управитель самъ.

—
«Онъ лишній въ маленькомъ имѣньи.
Но я все ближе разсмотрю,
Свои сведу соображенья,
И тамъ съ тобой погорю.
Ступай себѣ.» Дѣлецъ смущенный
Поклонъ отвѣсилъ, но сраженный
Лишь въ половину, рѣчь сказалъ,
Въ которой громко предрекалъ
Несчастія, бѣды, невзгоду,
Пожары, падежи и зло,
Когда оставить онъ село
И пашни. Давъ ему свободу
Докончить, Николай ушелъ
Съ сестрой опять за чайный столъ.

—
Чай конченъ. Лизанька сказала,
Садясь на шаткую ступень
Балкона:— «Мнѣ такъ скучно стало,
Васъ не видавши цѣлый день.
Вѣдь мы еще не говорили
Какъ должно. Сядьте. Вы ходили
Далеко? Встрѣтили-ль своихъ
Сосѣдей? Здѣсь одинъ женихъ
Богатый есть; онъ за оврагомъ
Живетъ, одинъ и молодой...
Ахъ, съ нимъ былъ случай пресмѣшной!
Во-первыхъ, онъ ужасный скряга...
Мнѣ все вамъ надо разсказать...»
— Разсказывай; давай болтать.

Огни заката догорѣли.
 Живою, пышною стѣной
 На блѣдномъ небѣ зачернѣли
 Деревья; далеко ночной
 Пѣлъ соловей. Червякъ свѣтился.
 Левкой измятый распустился
 И въ темнотѣ благоухалъ.
 И Николай въ тиши внималъ
 Подробному повѣствованью,
 Кто ихъ сосѣди, какъ кто жилъ,
 Въ ладу иль въ ссорѣ, кто кутилъ,
 Кто промоталъ все состоянье,
 Кто нажилъ, кто проевалъ дочь,
 Кто самъ жениться бы не прочь...

—
 Рядъ новыхъ лицъ, страстей, понятій,
 Условій, дѣлъ, умовъ, затѣй
 Прошелъ предъ нимъ.

Въ томительной печали
 Онъ слушалъ, слушалъ и не могъ
 Прервать разсказа... Только Богъ
 Счелъ эти тяжкія мгновенья
 И зналъ погибло сколько въ нихъ—
 Для лучшихъ дней—сѣмянъ благихъ
 Любви, довѣрья и прощенья,
 Какъ скука гордая росла
 И ядовитый плодъ дала...

—
 Жизнь ли это? Неужели
 Всѣ дни отъ свѣтлаго утра
 Безплодно проводить безъ цѣли, —
 Сегодня, завтра — какъ вчера?
 Для развлеченья — разговоры
 Пустые, мелочныя ссоры,
 Рядъ сплетень, глупости другихъ,
 Расходовъ счетъ своихъ, чужихъ, —
 И вотъ и все!.. Въ тоскѣ, въ волненьи,
 Тутъ Николай все позабылъ;
 Онъ за руку сестру схватилъ

И прошептала ей, — съ выраженьемъ,
Какому слова не найдешь:
— «Скажи мнѣ, какъ ты здѣсь живешь?..»

Она смутилась, такъ неожиданно
Вопросъ тревожный прозвучалъ;
Онъ какъ-то холодно и странно
И больно душу ей измялъ;
Ея веселью — осужденье
Дышало въ немъ. Свое смущенье
Ей стоило труда скрывать,
Чтобы съ улыбкой отвѣчать:
— Какъ я живу? Да какъ жила
Родные наши, какъ живутъ
Здѣсь все. Чудесно дни идутъ.
Конечно, многіе ѣзжали
Зимою въ городъ на житье,
Да дорого... Здѣсь все свое...»

Она боялась, чтобъ желанья
Братъ не прочелъ въ ея словахъ
Взглянуть на городъ, на собранье, —
Но это былъ напрасный страхъ.
Братъ смутно слушалъ, наблюдая,
Какъ тихо тлѣла, догорая,
Сигара на сырой травѣ.
Потомъ онъ всталъ. — «Тебѣ и мнѣ
Пора на отдыхъ, мы устали,
Сказалъ онъ, Богъ съ тобой, прощай;
Поди, спокойно почивай
И просыпайся безъ печали.»
Тревожно онъ сестру обнялъ
И какъ отецъ благословлялъ.

Войдя къ себѣ, воспоминаемъ
Онъ прослѣдилъ свой день. Сознаньемъ
Что день не такъ былъ проведенъ,
Какъ должно бы, терзался онъ;
Молилъ прощенія у Бога

Зато, что горестно ропталъ,
 Зачѣмъ онъ прелесть жизни взялъ,
 Когда желаній далъ такъ много,
 Зачѣмъ сознание въ грудь вложилъ
 Что много въ ней любви и силъ!..

—
 На что теперь любовь и силы?
 Что дѣлать имъ въ такомъ кругу,
 Гдѣ счастье мелко такъ, что милымъ
 Дать совѣстно его, врагу
 Отмщать не стоитъ: воздаянье
 Смѣшнѣй обиды!.. А познаныя?
 Восторгъ предъ чистой красотой,
 А жажда истины святой?
 Гдѣ мѣсто имъ? Ужель средь братій
 Всегда готовыхъ почивать,
 Попить, покушать, записать
 Все, что повыше ихъ понятій,
 Что шевелить сонливость ихъ,
 Въ счетъ бредней глупыхъ и смѣшныхъ?..

—
 Вотъ миръ его! Его пустыня —
 Вотъ кѣмъ она населена!
 Ты, воля твердая, святыня
 Его души, на что нужна?
 Что дѣлать и къ чему стремиться?
 Чѣмъ увлекаться, съ кѣмъ дѣлиться
 Надеждой, свѣтлою мечтой?
 Чего надѣяться?.. Какой
 Конецъ всему? Чѣмъ утѣшаться?
 Сестрой?.. Сестра еще дитя,
 И вѣкъ свой проживетъ шутя!..
 И ей ли въ горѣ признаваться,
 И ей ли муку довѣрять
 Какую вѣкъ ей не понять?..

—
 Есть цѣль: она свѣтла, прекрасна!
 Есть чѣмъ свои наполнить дни:
 Счастливить и любить несчастныхъ...

Но онъ такъ бѣденъ, какъ они,
Его подвластные! Ничтожны
Усилья будутъ. Невозможно
Послѣднй съ бѣднымъ хлѣбъ дѣлить:
Онъ не одинъ—и надо жить....
Сестрѣ въ трудахъ, среди страданій
Нельзя жестокой доли дать....
Онъ долженъ уши зажимать,
Чтобы не слышать всѣхъ стенаній,
Онъ долженъ жить какъ всѣ,—...

—
Онъ молодъ; дѣла просить руки.
Согрѣтъ божественнымъ огнемъ
Всѣмъ сердцемъ понятой науки;
Онъ любитъ мiръ и хочетъ въ немъ
Добра и правды. Онъ когда-то
На ихъ алтарь свой вкладъ богатый,
Всю душу молодую несъ....
Онъ видѣлъ много золь и слезъ;
Трудился, какъ работникъ, тайно
Надѣясь—часъ его придетъ,
Онъ будетъ силенъ, онъ отретъ
Тѣ слезы.... Переломъ случайный—
Конецъ надеждамъ, онъ ничто,
И все въ грядущемъ отнято!...

—
О, долго жить еще на свѣтѣ!...
Зачѣмъ не сѣдъ онъ, не такой,
Какъ этотъ прадедъ на портретѣ
Нарядный, грозный и нѣмой!...
Онъ скупъ на рѣчь былъ, и въ молчаньи
Предъ нимъ все кланялось. Преданье
О немъ не смѣетъ толковать.
О, еслибъ внукъ могъ перенять
Тотъ нравъ!.. Не сталъ бы онъ суровый,
Вездѣ задувши свѣчки самъ,
Какъ Лара мрачный, по ночамъ
Бродить на страхъ своимъ дворовымъ;
Онъ спалъ бы крѣпко, чтобъ народъ
Поднять съ зарею для работъ....

—«О бабушка! мой день рожденья
 Въ свой часословъ вписала ты,
 И вѣрно слезы умиленья
 Кропили желтые листы....
 Съ какимъ трудомъ она писала!
 И сколько плановъ создавала
 Надъ бѣдной дѣтской головой....
 О бабушка, Господь съ тобой!

 III.

Читатель мой, повѣствованье
 Событій одного лишь дня
 Несносно — и томить вниманье;
 Простите, право для меня
 Не легче: рядъ однообразныхъ
 Часовъ, рядъ словъ пустыхъ и праздныхъ,
 Къ нимъ какъ-то умъ мой не привыкъ;
 Писать ихъ тоже, что дневникъ,
 А у кого достанетъ силы
 И свой дневникъ перечитать,
 Чтобы съ вниманьемъ провѣрять,
 Что въ головѣ у насъ бродило
 Тогда-то? — Скукою жъ чужой
 Что васъ томить, читатель мой!

И кстати здѣсь я замѣчаю,
 Хотя они у насъ въ ходу,
 Я дневниковъ не понимаю
 И потому и не веду.
 Пусть тотъ, кому дано судьбою
 Пройти замѣтною стезею,
 Иль въ общей драмѣ роль играть,
 Или хоть близко увидать
 То, что суда и замѣчанья
 Достойно, — пусть тотъ пишетъ. Трудъ

Оцѣнять, примуть и поймутъ,
И можетъ быть, воспоминанье
Набросить истину и свѣтъ
На жизнь другихъ, грядущихъ лѣтъ.

Но нашъ дневникъ? Балъ, служба, моды,
Процессы, сплетни, зимній путь,
Споръ карточный, расцвѣтъ природы,
Подъ тощей ивой гдѣ-нибудь
Пикникъ, она, любовь, мечтанья,
Къ природѣ вздохи и воззванья...
И этимъ томы наполнять?
Друзей-ли ими убивать,
Самимъ-ли слогомъ любоваться?
Не думаю, хотя у насъ
Есть это свойство: на показъ
Мы любимъ какъ-то выставляться
Предъ нашимъ собственнымъ умомъ:
Противорѣчья не найдемъ.

А если, — о благіе боги!
Намъ наше прошлое смѣшно,
Мы стали холодны и строги,
Не вѣримъ многому давно,
Намъ нынче многого ненадо....
Съ какой озлобленной досадой
На эти строки мы глядимъ,
Иль какъ презрительно мы спимъ,
Измявши этотъ ленеть дѣтскій
Своей премудрой головой....
Мы судимъ зрѣлою душой
И нашей опытностью свѣтской!
Жаль жизни. Лучше позабыть,
Чѣмъ все такъ грозно осудить.

Вываютъ дни, ихъ грезъ истома
Листкамъ отрадно довѣрять,
Я знаю. Мой одинъ знакомый,
Всегда готовый осуждать,

Мнѣ говорилъ: — «Перо, чернила —

«Вездѣ съ собою мы беремъ:

«Вести дневникъ нашъ до могилы

«Мы обѣщаніе даемъ...

«Педантства сколько и кокетства!

«Что жъ дѣлать сердцу?... Вѣрьте мнѣ,

«Что стоитъ памяти — во снѣ

«Что сладко намъ приснилось въ дѣтствѣ,

«Съ любовью сердце оживить

«И безъ бумаги сохранить.

—
«Что вашъ дневникъ? Тетрадь расхода,

«Гдѣ вѣчно страшный недочетъ

«На что намъ знать въ теченіи года

«Придетъ-ли много или уйдетъ?

«Въ немъ чаще убыль и страданье....

«Зачѣмъ-же намъ воспоминанье

«И настоящее мрачить,

«Не лучше ль день за днемъ прожить?...

«Жизнь коротка. Скорѣй забвенье,

«Чтобъ не тревожилъ насъ собой

«Рядъ прошлыхъ дней».... Читатель мой,

Простите это отступленье

И этотъ злой авторитетъ;

Мое сужденіе не совѣтъ.

—
День проводя въ смертельной скукѣ,

А ночь не безъ тревожныхъ сновъ,

Не бралъ чернилъ и перьевъ въ руки

Герой мой, Николай Петровъ.

Не то, чтобъ не было охоты,

Но считалъ онъ лучше всѣ работы

По жатвѣ, по полямъ слѣдить,

И въ избы черныя входить.

Имѣлъ онъ чисто наслажденіе

Услышать за своей стѣной

Сужденіе ключницы съдой

О новомъ родѣ управленія

И приговоръ, что изъ того

Не выйдетъ ровно ничего.

Во все вникалъ онъ по немногу
Онъ въ сердцѣ твердо положилъ
Свой путь отчетливо и строго
Свершать, по мѣрѣ средствъ и силъ.
Онъ понялъ, хотъ въ другомъ значеньи;
Временъ минувшихъ поученье:
«Всего вѣрнѣй господскій глазъ!»
Онъ видѣлъ дѣло безъ прикрасть,
И если часто ошибался
Всѣмъ на смѣхъ, даже и сестрѣ,
За то объ истинномъ добрѣ
Нельзя сказать, чтобъ не старался....
Но сколько дразгъ и мелочей
Онъ вынести далъ душѣ своей!

Бывало, всякую услугу
Онъ не охотно принималъ,
Другъ приходи, — прогналъ—бы друга,
Теперь онъ звалъ людей — желалъ
Заботы, шума и движенья,
И если бъ врагъ въ уединенье
Къ нему забрелъ изъ тѣхъ сторонъ,
Откуда такъ недавно онъ,
Его-бы Николай, какъ брата,
Въ свои объятя заключилъ....
Онъ скуку тяжкую носилъ
Въ груди отъ утра до заката,
До сна — и если не ропталъ;
Такъ оттого, что клятву далъ.

Вглянувъ поближе, прежде милый,
Его не радовалъ пріютъ,
Деревня — въ ней природы силы
Развить обязанъ долгій трудъ;
Въ землѣ надежда и съ весною
Выходитъ свѣжею травою
И вьется въ колосокъ и ждетъ —
Что небо къ осени пошлетъ?
Въ землѣ вся жизнь: о ней съ моленьемъ,
И вся забота, а она

Бываетъ часто такъ бѣдна...
 Конечно, можно съ наслажденьемъ
 Здѣсь лѣтній мѣсяцъ, два — прожить,
 Чтобъ время какъ-нибудь убить.

Но цѣлый вѣкъ, но съ тайной думой,
 Что люди также здѣсь живутъ,
 Что ихъ снѣга зимой угрюмой
 Въ жилищахъ мирныхъ занесутъ;
 Нѣтъ, съ этой мыслью не сживешься,
 А развѣ, промѣнявъ свой фракъ
 На шлафрокъ, заведешь собакъ
 И тяжбой маленькой займешься
 Съ сосѣдомъ — за пять десятинъ, —
 Такъ годъ протянешь не одинъ...

Сосѣди моего героя
 Прекрасно жизнь свою вели:
 Не возмущало ихъ покоя
 Размежеваніе земли;
 Оно имъ призракомъ мелькало
 Вдали; весна весну смѣняла,
 И радуя владѣльца взоръ,
 Какъ будто шахматный коверъ
 Черезполосица пестрѣла.
 Не возмущала также ихъ
 Непрочность всѣхъ вещей земныхъ,
 Безпечность — ихъ питала, грѣла:
 На старомъ домѣ крышка льетъ,
 Никто тѣснички не прибѣтъ.

Самолюбиваго страданья,
 Тревогъ незнали ихъ умы.
 Одни бывали ожиданья:
 Зимой — жаровъ, въ жары — зимы.
 Занятъ ихъ неистощимы,
 То умолотъ, то всходъ озимый,
 Нѣтъ часа лишняго во днѣ
 И все идетъ по старинѣ.

Былъ, правда, и у нихъ въ приходѣ
Помѣщикъ, книжки все читалъ,
Онъ даже рѣчь одну сказалъ
Объ агрономіи, природѣ,
Въ собраньи гдѣ-то; къ-счастью, что
Его понять не могъ никто.

У ихъ бывали развлеченья;
Немножко бурно иногда
Они кончались, къ-сожалѣнью,
За то ихъ злоба и вражда
Сномъ, какъ горячка, проходила.
У одного изъ нихъ учила
Дѣтей несчастная мадамъ;
По-русски дѣти пополамъ
Съ гасконскимъ бойко объяснялись
Другимъ на диво. Въ зимній день,
Когда ужъ спать пѣтъ мочи, лѣнь,
Газеты иногда читались....
Одинъ другому ихъ даетъ,
Чтобы сберечь пустой расходъ.

Газеты миръ ихъ возмущали,
Покой ихъ.... Право, я число
Теряю, сколько золь, печалей
Книгопечатанье внесло!
А ужъ газеты!... Сколько споровъ
И толковъ, и за что; изъ вздоровъ,
Изъ партій глупыхъ и пустыхъ...
Какое дѣло намъ до нихъ!
Что Бонапарте вамъ пріятель?
А Кавеньякъ за то не милъ,
Что вашихъ мнѣній не спросилъ?
Не такъ повелъ себя?... Читатель,
Простите, можетъ быть, какъ я,
Вы не политикъ, не судья,

И толки гоните какъ можно
Подальше отъ своихъ ушей;

Скажу—умно и осторожно!
 И возвращаюсь поскорѣй
 Къ провинціаламъ. Хоть конечно
 Они въ смиреніи сердечномъ
 Читали лишь въ вѣдомостяхъ
 О перестройкахъ, откупахъ,
 Пропажахъ и тому подобномъ,
 Но если дружескимъ кружкомъ
 Они судили о другомъ —
 То такъ кричали дико, злобно,
 Какъ-будто подступалъ ужъ врагъ,
 И жены прятались въ сѣняхъ...

Однако строгое различье
 Между сосѣдей я кладу;
 Одни — поклонники приличья,
 А тѣ — отстали на бѣду.
 Что съ ними скучно, нѣтъ сомнѣнья;
 Но эти люди далеко
 Всегда отъ насъ и отъ сближенья
 Ихъ очень отучить легко.
 О нихъ довольно. Но другіе,
 Есть люди, тоже не простые,
 Въ домахъ кривыхъ, холодныхъ, грязныхъ,
 Скупцы, лѣнивцы, крикуны
 Иль подъ опекой у жены,
 И съ легиономъ скукой праздною
 Рожденныхъ страшностей, затѣй,
 Одна другой смѣшнѣй, пестрѣй...

Какъ съ ними жить, когда судьбою
 Иль землемѣромъ съ трехъ сторонъ
 Ихъ выгонъ съ вашею землею
 Навѣчно крѣпко соединень?
 Нельзя же вѣкъ прожить безъ встрѣчи,
 А встрѣтясь, не послушать рѣчи,
 И если дождь — къ себѣ не звать?
 А тамъ ужъ вамъ не сосчитать
 Знакомствъ въ пріятной перспективѣ,

Васъ стануть на рукахъ носить
И приведетъ васъ, можетъ-быть,
Гулянье по изсохшей нивѣ
Туда, гдѣ ждетъ васъ Гименей
Съ улыбкой милою своей....

Такихъ сосѣдей изобильно
Герою моему дала
Судьба, — настойчиво и сильно
Она пустытника гнала.
Онъ убѣгалъ и все напрасно:
Отъ встрѣчъ остались безопасны
Одинъ свой садъ и огородъ....
Сосѣдъ на жатвѣ, у воротъ,
Съ собакой по болоту бродить,
Съ супругой Лизу навѣститъ,
Днемъ въ холодкѣ въ лѣсу лежить,
А ночью перепела ловить....
Тутъ на бѣду благой законъ
Гостепріимства учреждень.

Ужъ тутъ приличія оковы,
Какихъ нѣтъ хуже. Ихъ поднять
Быль долженъ Николай; какъ новый
Онѣгинъ, онъ не могъ бѣжать
Черезъ заднее крыльцо. Въ молчаньи
Выслушивалъ повѣтствованье
Почтенной барыни, о томъ,
Какъ тестъ разбить параличемъ,
Какъ долженъ Николай лечиться,
Когда съ нимъ, Боже сохрани,
Случится тоже; какъ они
Поѣдутъ въ городъ веселиться.
Тутъ получалъ всегда герой
Взоръ дѣвы блѣдной и худой.

Потомъ вопросъ:—«А вы когда же
Свои пустынные мѣста
Покинете?»—Да скука таже....

— «Конечно, наша жизнь пуста,
 Нашъ шумный свѣтъ душѣ унылой
 Отяготительный, немилый,
 Вамъ нуженъ скромный уголокъ,
 Ручей, бесѣдка, вѣтерокъ,
 Чтобъ тихо колыхалъ сирени.
 О, вѣрно вы въ душѣ поэтъ!
 И нуженъ вамъ обширный свѣтъ,
 Балы и сотни развлеченій,
 И высшій кругъ.... ихъ намъ не знать,
 Увы, намъ нечѣмъ васъ занять!..

—
 Гуляя въ сумрачной аллеѣ,
 И съ братомъ и сестрой, втроемъ,
 Она становится смѣлѣе,
 О чувствѣ говоритъ родномъ....
 Но ужъ темнѣетъ. При прощаньи
 Она лепечетъ: «до свиданья!»
 Бросаясь Лизу цѣловать,
 И просить книжекъ почитать,
 Чтобы въ глуши, въ уединеньи,
 Языкъ боговъ не позабыть,
 Чтобъ сердце въ грусти оживить,
 Строкой возвышенныхъ твореній —
 Поэзья жизнь душѣ даетъ....
 Герой ей Вертера несетъ.

—
 Я мысль его не понимаю;
 Быть можетъ, онъ хотѣлъ шалить,
 Но я и шалость извиняю,
 Вѣдь надо какъ-нибудь прожить,,
 Онъ прожилъ день свой и прекрасно!
 Но согласитесь, что ужасно
 Забавой пошлой и пустой
 Занять свой день, благой судьбой
 Намъ посланный на размышленье,
 Добро, познанье, пользу, трудъ;
 Подумать страшно — что уйдуть
 Всѣ дни въ безплодномъ отступленьи.

И въ шуткахъ тягостныхъ уму, —
Не остроумныхъ ко всему...

Читатель строгій и холодный,
Ужъ вы, качая головой,
Сказали: — «А, болѣзнию модной
Страдаетъ вѣрно нашъ герой,
Немного мода устарѣла:
Лѣниться, призывая дѣло,
И пальца не поднимъ, смотрѣть,
Какъ дѣло начинаетъ тлѣть
Не тронуть, роптать въ страданьи,
На немощи души своей,
На безтолковыхъ злыхъ людей,
На невозможное желанье,
Носить въ груди къ чему-то месть,
Рыдать.... Всего не перечеть!...

Я соглашаюсь, мой читатель,
Средь жизни полной, занятой,
Ничтоженъ и смѣшенъ мечтатель,
Съ своею лѣнью и тоской;
Смѣшны идеи, отрицанье
Безъ положительныхъ познаній,
Забитыхъ въ школѣ на скамьѣ.
Когда ихъ крошками въ семьѣ
Филосовъ юный щеголяетъ;
Смѣшно презрѣнїе забавъ,
Когда онъ, вдоволь поскучавъ,
Вполнѣ себя вознаграждаетъ,
Не зная мѣры тѣмъ страстямъ,
Что прежде осмѣялъ - онъ самъ.

Но допустите исключенья:
Представьте разумъ молодой
Съ его тревогой и стремленьемъ,
Съ надеждой свѣтлой и живой,
Съ познаньемъ полнымъ, съ жаждой воли,

Съ душою любящей до боли,
 Готовой къ дѣлу и борьбѣ...
 Что если-бъ вздумалось судьбѣ
 Отнять у бѣднаго созданья
 Всѣ средства дѣйствовать, зарыть
 Его въ глуши и все твердить
 Днемъ, вечеромъ, въ напоминанье,
 Что онъ напрасно жизни ждетъ,
 Что даромъ молодость пройдетъ?

Ужель досаду, праздность, скуку.
 Осудите премудро вы,
 Ужель наложите вы руку,
 На дѣло мрачное судьбы,
 Ужели эти сожалѣнья,
 Желанья, тихія движенья,
 Невольный ропоть, слезы, сны,
 Вамъ будутъ странны и смѣшны?
 Простите, мой читатель грозный;
 Вы врагъ и возгласовъ и фразъ,
 Быть можетъ холодно, серьезно
 Скорѣй я разувѣрю васъ.
 Быть можетъ моему герою
 Хоть состраданье не большое
 Вы согласитесь оказать,
 Я общаюсь — не искать
 Обиды въ вашемъ состраданьи,
 Хотя вы сами, можетъ быть,
 Ея не потрудитесь, скрыть,
 Хоть ваше строгое вниманье
 И ваша вѣжливость не разъ
 Сколфузятъ скромный мой разсказъ.

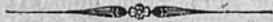
Тотъ годъ въ имѣньи Николая
 Былъ урожай, но онъ съ сестрой,
 Иначе дѣло понимая,
 Сказалъ ей прямо, что зимой
 Она не будетъ веселиться,
 Что надо съ бѣднымъ подѣлиться

Плодомъ томительныхъ трудовъ:
Обстроить надо мужиковъ,
Поправить бытъ ихъ и другое,
Тому подобное, хоть зналъ,
Что этимъ Лизу огорчалъ,
И за намѣренье благое
Онъ много ждалъ себѣ отъ ней
И скучныхъ сценъ и скучныхъ дней.

Смирясь, съ сосѣдомъ онъ видался,
Хотѣлъ сойтися какъ нибудь
Въ рѣчахъ, ... въ сужденьяхъ онъ старался
Ни чьихъ понятій не толкнуть,
Но было знать судьбѣ угодно
Что все казалось въ немъ несходно
Съ другими, и сосѣдъ рѣшилъ,
Что онъ не такъ, какъ люди жилъ,
Что внукъ Авдотьи Николавны
Поприще могъ себя держать,
Своихъ сосѣдей уважать,
Что все въ немъ странно и забавно;
Что онъ франтъ и нелюдимъ
Ученъ и скученъ, и Богъ съ нимъ!

Въ деревню онъ привезъ творенья
Любимыхъ авторовъ своихъ;
Читалъ, но утомляло чтенье
Уже давно знакомыхъ книгъ,
Притомъ-же надо, чтобъ хоть мало
Насъ внѣшнее располагало
Къ принятю, къ чувству красоты,
Въ хозяйствѣ не живутъ мечты.
Онъ бросился къ живой наукѣ
Съ любовью, рвеньемъ школьныхъ лѣтъ,
Но изучать и средства нѣтъ,
И размышленье вянетъ въ скукѣ,
И не кого на судъ позвать,
Чтобъ мысль иль мнѣнье провѣрять.

Межъ-тѣмъ, какъ осень обрывала
Лѣсовъ пестрѣющій уборъ,
Его душа судьбѣ шептала
Невольный, горестный укоръ:
Жизнь уходила средь бездѣля...
И вспомнилъ Николай веселье,
Съ какимъ онъ путь свой начиналъ....
Но въ скукѣ онъ не замѣчалъ,
Что утѣшенье, — больше, счастье
Не далеко, что трудъ готовъ,
Что онъ легокъ; немного словъ,
Немного ласки и участья,
Его сестра.... Но мы о ней
Разкажемъ послѣ и полнѣй.

II.

МИХАЙЛО ФЛЕЙТРАВЕРСОВЪ.

РАЗСКАЗЪ

В. А. КАПРИЦКАГО.

—
Не родись умень, родись счастливъ!
Русская пословица.
—

I.

У меня былъ школьный товарищъ, по имени Михайло Флейтраверсовъ. Онъ былъ сынъ уѣзднаго медика, о которомъ отзывались какъ о рѣдкомъ медикѣ и какъ о рѣдкомъ человѣкѣ. Онъ поступилъ въ школу не много позже меня. Школа эта была хотя частная, но значительная въ губернскомъ городѣ X. Въ то время, съ котораго я начинаю мой рассказъ, школы были совсѣмъ не то, что онѣ теперь. Тогда были и методы преподаванія иныя, и книги иныя и преподаватели иныя. Мы больше шалили, больше лѣнились, нежели учились. Наша школа славилась шалунами.

Всѣ мы учились плохо, до поступленія Флейтраверсова въ нашу школу. Съ поступленіемъ Флейтраверсова въ нашей школѣ произошелъ переворотъ. Всѣ единодушно съ перваго раза прозвали его *необыкновен-*

нымъ мальчикомъ. И дѣйствительно это былъ необыкновенный мальчикъ. Тихій, скромный, съ самыми счастливейшими способностями и самымъ рѣдкимъ сердцемъ. Учене для него было забава. Онъ могъ рассказать наизусть слово въ слово каждый заданный урокъ, разъ его прочитавши. Онъ поражалъ насъ своею необыкновенною памятью. Ни въ какія наши дѣтскія игры онъ не вмѣшивался, а только смотрѣлъ на нихъ издали и скучалъ. Его иначе нельзя было представить себѣ, какъ съ книгою въ рукахъ, или съ тетрадью подъ мышкой. Пятнадцати лѣтъ онъ говорилъ по-французски, по-нѣмецки и по-латынѣ.

Математика казалось была по преимуществу любимой наукой Флейтраверсова. Будущая страсть къ умозрѣніямъ выразилась у него въ школѣ страстью къ математикѣ. Когда онъ выходилъ къ доскѣ, бралъ мѣлъ и начиналъ изъяснять и доказывать какую-нибудь алгебраическую или геометрическую задачу, то все вытягивали шею и развѣвали рты отъ удивленія.

На него начали скоро глядѣть какъ на будущую славу нашей школы. Я съ нимъ подружился почти съ того дня, какъ познакомился. Ничто не могло быть противоположеніемъ нашихъ характеровъ. Онъ былъ даровитый и необыкновенный мальчикъ во всехъ отношеніяхъ, а я былъ отъявленный шалунъ и лентяй, вѣчно сидѣвшій на задней скамейкѣ. Спать въ классѣ казалось для меня всегда такимъ неизъяснимымъ наслажденіемъ! и вдругъ Флейтраверсовъ протягиваетъ ко мнѣ руку, знакомится со мной, дружится со мной.

Все удивились. Добродушіе Флейтраверсова было удивительное. Я былъ передъ нимъ чистый и круглый невѣжда, но онъ ни однажды не показалъ мнѣ, что считалъ меня въ чемъ-нибудь невѣждой. Я былъ въ восторгѣ отъ Флейтраверсова, я скоро не могъ дышать уже безъ Флейтраверсова. Но полюбивъ его, я не могъ уже долѣе оставаться неучемъ, и брезгать ученіемъ, которымъ Флейтраверсовъ былъ поглощенъ и которымъ онъ бредилъ ежеминутно.

Никогда не забуду, какъ однажды Флейтраверсовъ пришелъ въ классъ съ тетрадкою стиховъ, списанныхъ его рукою. На послѣдней страницѣ строки были еще влажны. Лицо Флейтраверсова было восторженно.

— Слыхали-ль вы братцы, спросилъ онъ, что-нибудь про нашего Александра Пушкина?

— Нѣтъ! отвѣчали мы въ одинъ голосъ.... А кто такой Александръ Пушкинъ?

— Это нашъ знаменитый стихотворецъ, который написалъ уже нѣсколько поэмъ, котораго теперь читаетъ, котораго теперь превозноситъ вся Россія, отвѣчалъ онъ торжественно.

Слова его насъ озадачили.

— Вотъ одна изъ его поэмъ, подъ названіемъ «Кавказскій плѣнникъ», которую а сейчасъ списалъ себѣ, продолжалъ онъ: хотите ли я вамъ ее прочту!

— Прочти! прочти! закричали мы.

И Флейтраверсовъ началъ читать.

Трудно представить себѣ то очарованіе, какое произвело на насъ пятнадцати и шестнадцатилѣтнихъ мальчиковъ чтеніе этой поэмы. Флейтраверсовъ вдругъ раскрылъ предъ нами новый очаровательный, поэтический міръ, о которомъ мы до сего и не подозрѣвали. Наши дѣтскіе умы вдругъ воспламенились. Мы бросились списывать и учить наизусть Пушкина; мы вдругъ все начали бредить Пушкинымъ. Счастливый и благодѣтельный бредъ! Классы наши стали менѣ оглашаться криками, зовущими на шалость и драку съ жидами. Въ нихъ стали раздаваться поэмы Пушкина, баллады Жуковского и оды Державина, выученныя наизусть. Мы вдругъ стали толковать и судить о русской литературѣ.

Какой переходъ! какой переворотъ! нашъ учитель словесности былъ человѣкъ стараго времени. Онъ не могъ читать Пушкина безъ отвращенія; но онъ, надобно отдать ему честь, не осудилъ однакожъ нашей страсти къ Пушкину, а далъ ей полную волю. Онъ зналъ, что изъ этого ничего худаго не выдетъ. Онъ только гнѣвался и досадовалъ, что мы, восхищаясь Пушкинымъ и Жуковскимъ, были равнодушны къ Кострову и Сумарокову, его идеаламъ. Досада эта и гнѣвъ оставались, однакожъ, безъ всякихъ послѣдствій. Добрый и престарѣлый нашъ наставникъ, вѣроятно, понялъ, что мы принадлежали уже другому времени и другому поколѣнію, и что насъ уже не можетъ восхищать то, что его вѣкогда восхищало. Онъ былъ доволенъ уже тѣмъ однимъ, что мы сидѣли въ его классѣ чинно, и слушали его внимательно.

Флейтраверсовъ читалъ и Ломоносова, и Сумарокова, и Кострова также точно, какъ Жуковского и Пушкина. Онъ началъ вступать иногда въ разсужденія и пренія съ нашимъ почтеннымъ наставникомъ словесности, о старыхъ и новыхъ нашихъ поэтахъ. Старикъ сердился, когда Флейтраверсовъ говорилъ о Пушкинѣ съ особеннымъ энтузіазмомъ, и ставилъ его поэмы выше Хераскова, Кострова и Сумарокова.

— Какъ, выше Сумарокова! дерзкій мальчишка! выше Сумарокова! На колѣни дерзкій! вскрикнулъ нашъ престарѣлый Карпъ Карпычъ однажды, выведенный изъ себя, бѣгая по классу. — На колѣни предъ великой тѣнью Сумарокова! предъ тѣнями Кострова и Хераскова!

Флейтраверсовъ сталъ смиренно на колѣни и молча выслушалъ потокъ необыкновенныхъ похвалъ Сумарокову, Кострову и Хераскову, и три потока браней Пушкину, Жуковскому, Батюшкову и другимъ подобнымъ поэтамъ-самозванцамъ.

— Ну что, ты теперь убѣжденъ, что Сумароковъ первый русскій стихотворецъ, которому подобнаго не бывало и не будетъ на Руси? спросилъ нашъ наставникъ, остановясь и принявъ грозное положеніе предъ Флейтраверсовымъ.

— Нисколько! отвѣчалъ сей послѣдній твердо и спокойно.

— Я прикажу тебя высѣчь! закричалъ до нельзя разгнѣванный Карпъ Карпычъ

— Но я и высѣченный не пережью мгнѣнія моего о Пушкинѣ, отвѣчалъ неустрашимый Флейтраверсовъ.

Карпъ Карповичъ покраснѣлъ. Карпъ Карповичъ чуть не заплакалъ отъ досады, что разгнѣвался на Флейтраверсова такъ жестоко изъ-за тѣни Сумарокова!

— Встань! мой другъ, встань! сказалъ Карпъ Карповичъ, поднимая Флейтраверсова. Отъ нынѣ я буду почитать твоего Пушкина, но съ тѣмъ, чтобы ты не осуждалъ любимаго моего Сумарокова.

Карпъ Карпычъ и Флейтраверсовъ помирились на этомъ условіи. Споры Флейтраверсова съ почтеннымъ Карпъ Карпычемъ можно было назвать борьбою стараго русскаго классицизма съ романтизмомъ — и классицизмъ долженъ былъ уступить.

Подобныя пренія о Сумароковѣ и Пушкинѣ были для насъ наставительныя и поучительныя цѣлыя тогдашнихъ курсовъ и книгъ о словесности. Мы быстро стали развиваться. Въмѣсто прежней страсти къ шалостямъ, къ непослушанію и къ дракамъ съ жидами, въ насъ поселилась страсть къ русской словесности.

У насъ былъ еще учитель нѣмецкаго языка, капитанъ австрійской службы, родомъ богемецъ, по имени Адалбертъ Само, лицо чрезвычайно оригинальное. Онъ носилъ постоянно подъ скюртукомъ красную жилетку. Жилетка этого цвѣта, по его увѣренію, была присвоена однимъ только капитанамъ австрійской службы.

Когда мы бывало расшалились въ его классѣ и разсердимъ его, то онъ, указавъ намъ пальцемъ на свою красную жилетку, приговаривалъ:

— Эта жилетка краснаго цвѣта! Понимаете ли вы, что значить жилетка краснаго цвѣта? Я іестемъ капитанъ! Псцихо! А то я васъ пальцемъ забіе!

И мы утихали въ одну минуту.

Но обратимся къ Флейтраверсову. Дружба моя съ нимъ станови-

лась каждый день тѣснѣе. Не проходило дня, чтобы мы съ нимъ не читали и не разбирали кого-нибудь изъ нашихъ старыхъ, или новыхъ писателей, не перечитывали журналовъ: «Вѣстника Европы», «Благонамѣреннаго», «Сына Отечества», «Отечественныхъ Записокъ», наконецъ мы стали получать и читать «Московскій Телеграфъ!» Не проходило дня, чтобы мы съ нимъ не спорили, не мечтали: я начиналъ чувствовать уже въ себѣ силы спорить съ Флейтраверсовымъ.

Каждый годъ на публичномъ экзаменѣ Флейтраверсовъ получалъ за блистательные успѣхи въ наукахъ и примѣрное благонравіе похвальный листъ и книгу. Я, который никогда ничего не получалъ и не былъ хвалимъ ни за что, удостоился подъ конецъ похвалъ за успѣхи мои въ русской словесности.

Мы съ Флейтраверсовымъ стали писать. Онъ писалъ прозой, я писалъ стихами.

— Отчего ты не пишешь прозой? спрашивалъ меня Флейтраверсовъ.

— Я чувствую неопределимую страсть къ стихамъ, отвѣчалъ я ему.

Флейтраверсовъ дѣлалъ недовольную мину при этомъ, но не возражалъ мнѣ.

Потомъ я, по совѣту Флейтраверсова, бросилъ стихи и взялся за прозу.

— Послушай! сказалъ мнѣ однажды Флейтраверсовъ, — куда ты думаешь идти по окончаніи курса въ нашей школѣ?

— Какъ куда? Въ гусары или въ уланы! отвѣчалъ я: это дѣло у меня уже рѣшеное!

— Какъ въ гусары?

— Куда же ты мнѣ идти прикажешь? спросилъ я его въ свою очередь, съ удивленіемъ.

— Въ университетъ! ступай въ университетъ!

— Но въ университетѣ надо знать по латынѣ, а я по латынѣ знаю очень плохо.

— Учись!

— Но въ университетъ идти надобно знать еще кое-что.

— Учись!

— Но въ университетъ идти надобно знать многое, чего я не знаю.

— Учись! Твоя наука не пропадетъ!

— Для чего же я буду столько учиться?

— А для того только, чтобы учиться. Неужели ты не понимаешь,

что нѣтъ ничего на свѣтѣ выше науки? Что наука есть трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высшее наслажденіе. Неужели ты думалъ иначе? Ежели только такъ, то я тебя гораздо выше ставилъ, нежели ты есть.

Мнѣ стало досадно.

— Но мой отецъ, сказалъ я, и слышать не захочетъ, чтобы я шелъ въ университетъ; мать моя ждетъ не дождется, когда я надѣну гусарскій ментикъ, шпоры и чикчиры съ лампасами.

— Убѣди своего отца, убѣди мать; докажи имъ, что тебя не занимаютъ ни шпоры, ни чикчиры, ни лампасы, а занимаетъ наука; что тебѣ суждено быть не гусаромъ, а ученымъ, а литераторомъ!..

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь могу быть литераторомъ? спросилъ я въ недоумѣніи, полагая, что Флейтраверсовъ шутить.

— Будешь! непременно будешь литераторомъ!

— Я буду литераторомъ!!!

— Да, да! Ты будешь литераторомъ! отвѣчалъ Флейтраверсовъ.

На лицѣ его было написано, что онъ вовсе не шутить, а дѣйствительно убѣжденъ, что я буду литераторомъ.

Флейтраверсовъ вдругъ опрокинулъ все мысли въ моей головѣ вверхъ ногами.

Три дни я думалъ о томъ, какъ быть? Идти ли мнѣ въ университетъ, или не идти? И наконецъ я рѣшился идти.

Когда я объ этомъ сказалъ Флейтраверсову, то онъ меня обнялъ и трижды поцѣловалъ.

— Но какъ теперь сказать моему отцу, что я хочу быть литераторомъ?.. Онъ на меня разгнѣвается, сказалъ я: какъ сказать моей матери, что меня не занимаютъ уже ни ментикъ, ни шпоры, ни лампасы? она подумаетъ, что я съума сошелъ.

— Убѣжденіе собственное есть великая вещь; коли ты убѣжденъ самъ въ пользѣ университета, то убѣдишь въ этомъ отца своего и мать.. Объясни имъ, что такое значить литераторъ и что такое значить литература!.. Я увѣренъ, что говоря объ этомъ предметѣ, ты будешь краснорѣчивъ и что они не устоятъ противъ твоего краснорѣчія.

Какъ Флейтраверсовъ сказалъ, такъ и сбылось; хотя съ трудомъ, но я убѣдилъ отца моего и мать не препятствовать мнѣ идти въ университетъ.

Я началъ учиться и учиться день и ночь. Я началъ учиться по латынѣ. У меня, вмѣсто прежней блестящей перспективы, вдругъ, пожелтѣло и позеленѣло въ глазахъ.

Нашъ окончательный экзаменъ приближался. Я учился и готовился трудно, Флейтраверсовъ шутя.

Я сидѣлъ надъ Цицерономъ и грызъ себѣ пальцы съ досады, что не могъ проглотить всего Цицерона разомъ, а долженъ былъ глотать по кусочку и по кусочку. Это мнѣ падоѣло хуже горькой рѣдки.

Входитъ Флейтраверсовъ.

— Мочи нѣтъ! воскликнулъ я. Эта латынь меня вгонитъ въ гробъ. Какъ я сожалею, что промѣнялъ гусарскаго коня на латынь.

Флейтраверсовъ вспыхнулъ отъ негодованія.

— Я мечталъ быть гусаромъ; я думалъ гарцовать на лихомъ конѣ; я хотѣлъ быть первымъ мазуристомъ въ арміи, и былъ бы... я мечталъ уже о побѣдахъ надъ дамскими сердцами — а ты, а ты лишилъ меня всего этого! О Флейтраверсовъ! Флейтраверсовъ!

Я замолчалъ.

— Продолжай! продолжай! воскликнулъ Флейтраверсовъ.

— Отецъ мой былъ гусаръ; мать моя вышла за него замужъ потому только, что онъ былъ гусаръ, а я долженъ былъ ее увѣрять, что я не рожденъ гусаромъ, а литераторомъ!.. Бѣдная мать моя заплакала, когда я ей объ этомъ сказалъ. Она воображала видѣть сына своего сіяющаго золотомъ, гарцующаго на конѣ... говорящаго дамамъ комплименты — и теперь она должна видѣть этаго самаго сына прикованнаго къ книжкѣ!!!... и бормочущаго по латыни!.. Я хотѣлъ владѣть мечемъ, я хотѣлъ быть воиномъ, а не латинистомъ... О Флейтраверсовъ!

— Все ли ты сказалъ? спросилъ Флейтраверсовъ, когда я остановился

— Все!

— Ты мнѣ говоришь о мечѣ, о мазуркѣ, о шпорахъ, а я тебѣ говорю о наукѣ. Мы толкуемъ совершенно о различныхъ предметахъ. Мазурка мазуркой, а наука наукой. Твоя мать желала бы видѣть тебя гарцующаго на конѣ; но гарцовать на конѣ не значить уже все. Чтобъ быть человѣкомъ достойнымъ уваженія неужно непременно умѣть гарцовать на конѣ. Посади Ньютона гарцовать на верблюда, онъ будетъ и на верблюдѣ сіять! Не верблюдъ тутъ важенъ, а тотъ, кто сидитъ на верблюдѣ! Александръ Великій завидовалъ Діогену, сидящему въ бочкѣ. Гарцованье не есть великая важность, а наука есть великая важность. Что такое наука? Наука есть тотъ великій древній оракулъ, къ которому приходили поклоняться величайшіе мудрецы древности, къ которому приходилъ поклоняться и самъ Александръ Македонскій, укротитель Буцефала. Наука есть для человѣка

все. Умъ человѣческой стремится въ безконечность — вотъ его поприще! И что значить передъ такимъ умомъ человѣкъ, гарцующій на конѣ! А? Что ты на это скажешь?

Я замолчалъ, потому—что мнѣ было трудно тягаться съ Флейтраверсовымъ, когда онъ начиналъ философствовать.

— А знаешь ли, Флейтраверсовъ, началъ я черезъ минуту, что отвѣчалъ мнѣ отецъ, когда я ему сказалъ, что я не хочу быть гусаромъ, а хочу быть литераторомъ? Онъ покачалъ головою и отвѣчалъ мнѣ: ты воленъ, мой любезный сынъ, быть чѣмъ тебѣ угодно, но только на ученость и литературу нѣтъ тебѣ моего родительскаго благословенія.

— Я бы желалъ, чтобы твой отецъ поговорилъ объ этомъ предметѣ съ моимъ отцомъ. Мой отецъ былъ сынъ деревенскаго дьячка, учился въ семинаріи, потомъ въ кievской Академіи, потомъ въ московской Медицинской Академіи. Я бы тебѣ желалъ когда-нибудь прочесть письма моего дѣда, деревенскаго дьячка, къ своему сыну о просвѣщеніи и пользѣ наукъ.

Ты учишься медицинѣ, писалъ онъ моему отцу; ты учишься доброй наукѣ, научающей врачевать тѣлесныя наши немощи. Но ты научись врачевать не только тѣлесныя человѣческія немощи, но и душевныя. Тогда ты будешь истинный лекарь. Раны душевныя горче ранъ тѣлесныхъ. Раны душевныя отчего происходятъ? Отъ невѣдѣнія!.. Будь у людей вѣдѣніе!.. Научись врачевать души! Но нужно для этого, мой сынъ, чтобы и ты имѣлъ душу. У тебя есть душа, я это знаю, потому—что я отдалъ тебѣ мою душу! Стоя на крыльцѣ я часто думаю о тебѣ, сынъ мой, и сокрушаюсь сердцемъ о томъ, зачѣмъ я не молодъ; зачѣмъ я не могу, взявши котомку на спину, отправиться въ Москву, чтобы сѣсть рядомъ съ тобою на ученическую скамейку. Зачѣмъ Богъ не удостоилъ просвѣтить меня во многомъ, во многомъ, чего я не понимаю! Какъ подумаю, то выходитъ, что я завидую тебѣ. Я въ жизнь мою не сдѣлалъ ничего добраго, но я сдѣлалъ одно доброе дѣло, что отдалъ тебя въ науку.

— Вотъ какъ разсуждалъ дѣдъ мой, деревенскій дьячекъ, она ухахъ! Такъ разсуждалъ объ нихъ мой отецъ, и такъ научалъ онъ и меня разсуждать.

Флейтраверсовъ замолчалъ. Я ему не возражалъ больше, потому—что онъ убѣдилъ меня окончательно въ томъ, что наука есть дѣло полезное для человѣка.

— Положимъ, я буду литераторомъ; положимъ, что это дѣло уже

рѣшеное; но ты, чѣмъ ты будешь и для чего ты себя готовишь? — спротивъ я вдругъ Флейтраверсова.

— Чѣмъ я буду? Для чего я себя готовлю? — повторялъ Флейтраверсовъ, озадаченный моимъ вопросомъ. — Я буду, можетъ-быть, ничѣмъ!

Я не понялъ этого отвѣта. Этотъ отвѣтъ былъ тогда выше моего понятія.

Наступилъ наконецъ нашъ окончательный, школьный экзамень. Флейтраверсовъ шелъ на всѣ экзамены, не готовясь. Вотъ наступилъ день торжественнаго акта, день публичнаго экзамена! Я боялся публики и всего публичнаго и тѣхъ минутъ, когда на васъ устремляются вдругъ тысячи глазъ. Флейтраверсовъ напротивъ. Флейтраверсовъ оживлялся при видѣ публики. Онъ только при видѣ ея входилъ, казалось, въ настоящую свою сферу.

Вотъ наконецъ начали появляться въ залу посѣтители. Нашъ почтенный директоръ засуетился. Вдругъ входитъ въ залу господинъ высокаго роста, старикъ лѣтъ шестидесяти, сухой, тонкій, съ согнутою спиной, съ морщиноватымъ, худощавымъ лицомъ, но съ блестящими юношескими глазами. Онъ остановился и сталъ искать кого-то глазами. Директоръ со всѣхъ ногъ, вмѣстѣ съ учителями, бросился къ этому господину... и началъ упрашивать его занять мѣсто впереди; но онъ отъ этой чести отказался... и избралъ себѣ мѣсто подлѣ порога.

— Кто этотъ господинъ, около котораго директоръ нашъ такъ сильно суетится? — спросилъ я Флейтраверсова.

— Гдѣ?

— Вонъ!

— Ахъ! — вскрикнулъ Флейтраверсовъ, вдругъ поблѣднѣвъ и покраснѣвъ, и не отвѣчая мнѣ на вопросъ, бросился самъ навстрѣчу этому господину.

Но въ залу вдругъ вошелъ губернаторъ съ прочимъ губернскимъ начальствомъ; заиграла музыка, раздался голосъ директора: — Смирно дѣти! по мѣстамъ!

И Флейтраверсовъ долженъ былъ вернуться назадъ.

Господинъ, при видѣ котораго Флейтраверсовъ вдругъ поблѣднѣлъ и покраснѣлъ былъ отецъ его, котораго онъ давно уже не видѣлъ и котораго онъ не ожидалъ сегодня видѣть.

Начался экзамень. Началось торжество Флейтраверсова. Его вызвали перваго. Директоръ всталъ съ своего мѣста, и обратившись къ публикѣ сказалъ: что Флейтраверсовъ есть первый ученикъ нашей школы, что Флейтраверсовъ есть рѣдкій ученикъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что если

кому—нибудь изъ присутствующихъ будетъ угодно, для удостовѣренія въ его познаніяхъ, предложить, свои вопросы, то это будетъ ему и гг. преподавателямъ пріятно, а Флейтраверсову сдѣлаетъ честь!

Флейтраверсовъ стоялъ, опутивъ голову къ землѣ.

Въ угожденіе директору, Флетраверсова вдругъ осыпали со всѣхъ сторонъ вопросами. Флейтраверсовъ отвѣчалъ на всѣ вопросы быстро, находчиво, иногда остроумно и совершенно не по ученически. Тутъ—то публика увидѣла и поняла, кто такой былъ Флейтраверсовъ!

Но что-же дѣлалъ въ это время отецъ его, сидѣвшій въ другомъ концѣ залы?... можно вообразить!

Шумъ рукоплесканій оглушалъ поминутно отвѣчающаго. Прочіе воспитанники и я, мы были почти забыты; публика занималась однимъ Флейтраверсовымъ, публика уже тотѣла однимъ имъ заниматься. Глядя въ это время на моего друга, на его торжество, на его превосходство надъ нами, я понялъ, что Флейтраверсовъ есть будущій геніальный человѣкъ, который прославитъ нашу школу, который прославитъ, можетъ—быть, Россію!...

Публика была въ восторгѣ отъ него.

По окончаніи экзамена, двое изъ преподавателей сказали рѣчи, одинъ по—латынѣ, а другой по—гречески. Публика не поняла ихъ, но слушала съ величайшимъ вниманіемъ.

Наконецъ, по знаку, данному Директоромъ на кафедре всходитъ Флейтраверсовъ.. Это было неожиданно не только для публики, но и для насъ, потому—что мы не знали, что Флейтраверсовъ будетъ говорить рѣчь на актѣ. Лица присутствующихъ съ любопытствомъ обратились къ необыкновенному оратору. Онъ взошелъ на кафедру, взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ его отецъ.... и вдругъ закрылъ лицо свое платкомъ.... видно было, что слезы текли по его лицу.... Черезъ минуту онъ открылъ свое лицо... Въ рукахъ его не было ничего писаннаго. Казалось, онъ хотѣлъ импровизировать. Не только публика, но даже мы, его товарищи, смотрѣли на него съ удивленіемъ.

Флейтраверсовъ началъ:

« Мои товарищи и я благодаримъ васъ, почтеннѣйшіе посѣтители, за то, что вы не отказались сегодняшній день посѣтить этотъ малый храмъ наукъ, чтобы своимъ присутствіемъ и участіемъ поощрить наши слабые успѣхи. Вы источникъ вышней нашей радости и нашего торжества. Ваше вниманіе для насъ благотворно, какъ благотворны капли дождя молодымъ растеніямъ. Ваше вниманіе согрѣло и оживило въ сердцахъ нашихъ сѣмена.... которые со—временемъ должны принести плодъ».

Громъ рукоплесканій покрылъ снова оратора.

«Благодаримъ тебя, добрый нашъ начальникъ и директоръ... и слезы блеснули въ глазахъ Флейтраверсова. Благодаримъ тебя... того, котораго любящее, отеческое сердце намъ однимъ только вполнѣ извѣстно; который прежде всѣхъ радовался нашимъ малѣйшимъ успѣхамъ и больше всѣхъ горевалъ о неуспѣхахъ; о которомъ память останется всегда незабвенна въ сердцахъ нашихъ!»

Новыя рукоплесканія перебили слова оратора.

«Благодаримъ васъ, наши наставники, за передачу намъ вашихъ познаній. Всякая крупинка познаній, почерпнутая изъ вашихъ устъ для насъ безцѣнна.

«Благодаримъ васъ, наши любезнѣйшіе родители, которые заботитесь объ насъ и печетесь»... и съ глазами, полными слезъ, ораторъ обратился въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ его отецъ.

Старикъ не выдержалъ; онъ глядѣлъ на своего сына и слезы струей текли по его лицу.

Ораторъ продолжалъ: «Позвольте мнѣ, почтеннѣйшіе посѣтитали, предъ лицомъ вашимъ принести сыновнюю благодарность моему родителю, который руководилъ моимъ воспитаніемъ... который руководилъ моею душою!»

И ораторъ будучи не состояннй продолжать дальше, сбѣжалъ съ своей кафедры и бросился на шею отцу.

Всѣ слушатели были тронуты до глубины слезъ этою необыкновенною сценою.

Но черезъ три секунды ораторъ вновь взбѣжалъ на кафедру.

«Мы были-бы неблагодарны, сказалъ онъ, еслибы мы при этомъ забыли долгъ благодарности нашей Государю, образъ котораго (ораторъ указалъ на портретъ Государя), напечатлѣнъ въ нашихъ сердцахъ. Онъ присутствуетъ здѣсь.... онъ все видитъ, онъ все слышитъ, что здѣсь происходитъ, что происходитъ въ нашихъ сердцахъ!.... Онъ на насъ смотритъ и насъ благословляетъ!»

Десятикратный громъ рукоплесканій потрясъ стѣны зданія.

«А благодарность Богу? Богу вездѣущему, всевѣдущему!... Всякое дыханіе да хвалитъ Господа! Благодаримъ Тебя, Господи, за то дыханіе жизни, которое Ты вдохнулъ въ насъ! — Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится Имя Твое; да прійдетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго, яко Твое есть царство и сила и слава, Отца и Сына и Святого Духа, во вѣки вѣковъ, аминь!» — сказалъ Флейтраверсовъ съ воздѣтыми къ небу руками и съ глазами, утопавшими въ слезахъ.

Всѣ слушатели до единого человѣка, директоръ, наставники наши, всѣ мы, его товатищи, утопали въ слезахъ.

Флейтраверсова сняли на рукахъ съ кафедры. Общій восторгъ и умиленіе были неописаны.

Мы отправились съ Флейтраверсовымъ въ университетъ.

II.

Мы прибыли въ Харьковъ и вступили въ Университетъ; но прежде нежели я стану рассказывать о вступленіи нашемъ въ Университетъ, я долженъ рассказать объ одномъ приключеніи, случившемся съ нами на дорогѣ въ столицу Украины. Мы съ Фрейтраверсовымъ, по условію, съѣхались въ Кременчугъ. Здѣсь мы взяли троешника и поѣхали дальше на тройкѣ. Троешникъ нашъ былъ обоянецъ и назывался Кузьма Дормидонтовъ. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей между русскими троешниками, колесящими по бѣлу свѣту.

Онъ исколесилъ полъ-свѣта, онъ перебивалъ не только новѣхъ русскихъ городахъ и городишкахъ, но онъ былъ въ Персіи, былъ въ Бухарѣ, былъ въ прусскомъ городѣ Берлинѣ, былъ въ саксонскихъ городахъ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ, былъ въ голландскомъ городѣ Саардамѣ, и видѣлъ мѣсто, гдѣ нашъ царь Петръ корабль себѣ строилъ и своими руками бревна тесалъ. Рассказываютъ, что щепы, которыя летѣли отъ этихъ бревенъ, говорилъ Дормидонтовъ, хранятся и цѣнятся голландцами наравнѣ съ брилліантами. Я не могъ нигдѣ достать для себя, ни одной такой щепы; я бы самъ берегъ и хранилъ ее какъ брилліантъ, и дѣтямъ своимъ завѣщалъ хранить. Вѣдь царь Петръ въ лаптяхъ ходилъ, сударики мои, въ лаптяхъ ходилъ!

Дормидонтовъ былъ не умолкаемъ. Онъ намъ пѣлъ пѣсни; онъ намъ говорилъ сказки. Онъ намъ говорилъ про свои походы. Но о Дормидонтовѣ я нехочу теперь распространяться; я о немъ расскажу когда-нибудь въ другое время.

Дормидонтовъ везъ насъ постоянно рысью; но вдругъ обыкновенная рысь ему надоѣдала и онъ пускалъ свою тройку во всю прыть. Пробѣжавъ такимъ образомъ во всю прыть версты три, онъ оставлялъ снова своихъ лошадей бѣжать рысью, приговаривая при этомъ: тише ѣдешь дальше будешь! Пословица эта ему однакожь не шла; по всему видно было, что ему тихо не ѣхалось!

Въ двой сутки мы проѣхали болѣе двухъ сотъ верстъ. Приѣзжаемъ въ большое казачье село Люботимъ.

— Здѣсь мы, сударики мои, покоримся, сказала Дормидонтовъ. Здѣсь у меня есть знакомая хозяйка козачка, Матренѣ Чупруниха, бѣсъ — баба! Лиха, накъ песь, но хозяйка такая, что трехъ мужчинъ, особливо нашихъ обоянцевъ, за поясъ заткнетъ, и не пикнуть. Я люблю такихъ бабъ! А дочка—то у нея, сударь мой, дочка, что ваши барыш-ни! Ваши барышни ей и въ подметку негодятся! —

и Дормидонтовъ вдругъ повернулъ во дворъ къ своей знакомой Матренѣ Чупрунихѣ.

— «Здорово Чупруниха!» крикнулъ Дормидонтовъ съ облучка, за-видя хозяйку.

— Здравствуйте, здравствуйте, Дормидонтовъ!—отвѣчала Чупруниха, оправляя платокъ на головѣ.

— «Я къ тебѣ съ гостями, съ господами! съ молодыми ребятами, которые ѣдутъ въ Харьковъ уму-разуму набираться. А ты также глупа, какъ и была?» —

Чупруниха коварно улыбнулась.

Мы вошли въ чистую и свѣтлую хату. Въ хатѣ на стѣнахъ висѣли картины и портреты, писанныя масляными красками, рукою како-го-нибудь бродячаго украинскаго маляра. На одномъ портретѣ было подписано: *Морозенько, що веде висько хорошенько!* на другомъ *Сагайдачный зъ люлькою*, и тому подобныя подписи.

— Може хочете чого покушати, паничиньки? спросила Чупруниха, отворивъ къ намъ двери изъ боковой комнаты.

— И очень хотимъ! отвѣчали мы.

Въ минуту Чупруниха принесла и поставила намъ на столъ: горячихъ варениковъ, сметаны, малороссійскаго сала, малороссійскую колбасу и въ заключеніе миску меду.

Мы принялись все это уплетать.

Вдругъ въ ухахъ нашихъ раздался звонкій голосъ:

— Чи не хочете, паничи, ягидь? — мы подняли головы.

— Чи не хочете, паничи, ягидь? повторилъ тотъ же голосъ, звонкій и нѣжный, какъ голосъ соловья.

На порогѣ стояла дѣвушка лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ пол-ной миской красной лѣсной клубники въ рукахъ.

Мы были поражены необыкновенною красотой этой дѣвушки.

Предстаите себѣ полуовальное, удивительно очерченное, смуглое лицо, которое лѣтній зной и загаръ уже болѣе не могли засмутить; черные глаза, но какіе глаза! которые горѣли, какъ два яркіе черные

бриллианта! Къ этимъ глазамъ прибавте двѣ плутовскія, коварныя ямочки на обѣихъ щекахъ; и къ этому розовыя уста, съ двумя рядами зубовъ ослѣпительной бѣлизны; и къ этому станъ, который вы свободно могли бы обнять вашими руками, и черную широкую косу, обвивавшую голову, и къ этому вѣнокъ на головѣ и короткую юпочку, обхваченую краснымъ поясомъ и босую ножку, обутую въ красныя черевички, и эту улыбку, эту улыбку! и вы будете имѣть портретъ дѣвушки, которая стояла на порогѣ, передъ нами.

Это была прекрасная Маруся, дочь казачки Чурунихи, о которой намъ говорилъ Дормидонтовъ.

— Чи не хочете, паничеки, ягидь? —

— Хотимъ! хотимъ! — отвѣчали мы, опомнившись отъ ослобненія.

И Маруся прыгнула къ намъ и поставила на столъ миску лѣсной пахучей клубники.

— Чи не хочете сливокъ да ягидь? —

— Сливкокъ? Да, давай намъ сливокъ, давай намъ сливокъ! давай намъ побольше сливокъ! — воскликнулъ Флейтраверсовъ.

Маруся шмыгнула изъ хаты, и черезъ три минуты воротилась и поставила передъ нами на столъ цѣлой горшокъ сливокъ.

Мы сидѣли съ Флейтраверсомъ на двухъ противоположныхъ концахъ длиннаго стола.

Когда Маруся поставила на столъ горшокъ сливокъ и сказала! — Вотъ вамъ, панички, и сливки! — то мое ретивое забилось и не выдержало.

Я мигнулъ Флейтраверсову. Флейтраверсовъ мигнулъ мнѣ. Мы поняли другъ-друга. Мы вдругъ, въ одно мгновеніе, вскочили съ своихъ мѣстъ, прыгнули къ Марусѣ и поцѣловали ее, онъ въ одну щеку, а я въ другую.

Она вскрикнула, вспрыгнула и исчезла изъ глазъ.

Мы стали съ Флейтраверсомъ другъ передъ другомъ, думая, что это передъ нами сонъ совершается! Какъ намъ обоимъ въ голову въ одно и тоже время могла придти мысль поцѣловать Марусю! мы сами удивлялись.

Не прошло пяти минутъ велѣдъ за этимъ, какъ въ хату къ намъ съ пламенѣющимъ лицомъ и съ поднятыми вверхъ руками вбѣжала Чуруниха.

Я состраху бросился вонъ изъ хаты и оставилъ Флейтраверсова одного на жертву страшной Чурунихѣ.

Выбѣжавъ на дворъ, я сталъ на дворѣ у окна, чтобы быть свидѣтелемъ, что будетъ происходить между Флейтраверсомъ и Чурунихой.

«Що се вы наробили? га?» вскричала Чупруниха, подбѣжавъ къ Флейтраверсову.

— Мы ничего не робили, отвѣчалъ Флейтраверсовъ, блѣдный, но спокойный и неустрашимый, какъ всегда.

«Вы поцѣловали мою дочку?»

— Поцѣловали! я не могу сказать, чтобы мы не поцѣловали.

«Какъ вы смѣли, какъ вы осмѣлились цѣловать мою дочку?»

— Да такъ, матушка, пришла храбрость!

«Ахъ вы шибенники! ахъ вы шмаркачи, школяри! Цѣловать мою дочку! Цѣлуйте чужихъ дочекъ. Почему вы непременно мою дочку вздумали цѣловать?»

— Потому, что дочка твоя чудная красавица, такая красавица, какихъ я отъ роду моего не видывалъ! — отвѣчалъ Флейтраверсовъ съ энтузіазмомъ.

Браво! Флейтраверсовъ, браво! думалъ я про себя. Флейтраверсовъ непременно сухъ изъ воды выйдетъ.

«Красавица, да не для васъ, шибенниковъ! Да какъ вы только могли поцѣловать мою дочку?» повторила Чупруниха съ большимъ гнѣвомъ и большимъ крикомъ.

— А такъ! товарищъ мой, который отъ тебя убѣждалъ и я, сговорились — поцѣлуемъ! и поцѣлуемъ! и подкрались къ твоей дочкѣ и поцѣловали: онъ въ одну щеку, а я въ другую.

«Ахъ ты сякой, ахъ ты такой! закричала вдругъ Чупруниха, и схвативъ со стола горшокъ со сливками, пустила прямо Флейтраверсову горшкомъ въ голову.

Къ счастью горшокъ разбился на лету и только облилъ Флейтраверсова съ головы до ногъ густыми сливками.

Ха! ха! ха! раздался въ дверяхъ голосъ коварной Маруси.

Ха! ха! ха! послышался густой басъ Дормидонтова.

Глядя на моего товарища, облитого съ ногъ до головы сливками и на замазанное лицо его, и на голову, поблѣвшую отъ сливокъ, я самъ не могъ удержаться, чтобъ не захохотать.

— Напрасно ты такъ гнѣваешься, напрасно ты такъ гнѣваешься! — говорилъ Флейтраверсовъ, отирая ротъ, лицо и глаза.

«Ну, чтобъ ты сказалъ, продолжала разгнѣванная хозяйка, еслибы я, Чупруниха, вдругъ бросилась къ тебѣ, обняла и поцѣловала?»...

— Поцѣлуй! отвѣчалъ мой товарищъ, съ такою прелестною наивно-стію, что его рѣшительно можно было за это поцѣловать! Поцѣлуй! Ты поцѣлуй меня, а я поцѣлую твою дочку.

Чупруниха плюнула на слова Флейтраверсова и выскочила вонъ изъ хаты.

Черезъ секунду она отворила изъ сѣней дверь и сказала, моему товарищу: «Вонъ изъ моего дому! Теперь дочку мою нельзя будетъ въ люди показать! вонъ изъ моего дому! Неплатите мнѣ ни копейки не за сметану, ни за сливки; я не хочу съ васъ ничего, только уберите вонъ!»

И Чупруниха скрылась, хлопнувъ сильно за собою дверьми.

— Уѣдемъ! сказалъ я Флейтраверсову входя въ хату.

— Я не уѣду, до-тѣхъ-поръ, пока не поцѣлую еще разъ прелесную Марусю! отвѣчалъ Флейтраверсовъ.

— Ты хочешь опять поднять на себя бурю и гнѣвъ Чупрунихи!—

— Пусть будетъ, что будетъ, а я не поѣду.

— Но ты послѣ этого происшествія Марусю уже не поцѣлуетъ.—

— Поцѣлую!

— Посмотримъ, какъ ты поцѣлуетъ!—

Вдругъ въ это самое мгновеніе въ окнѣ, изъ-за котораго я предъ этимъ взиралъ на сцену, происходившую между Флейтраверсовымъ и Чупрунихой, показалась голова Маруси.

Въ два прыжка Флейтраверсовъ выпрыгнулъ изъ хаты, и за третьимъ прыжкомъ очутился лицомъ къ лицу съ прекрасной Марусей.

Прелестная казачка хотѣла бѣжать, но Флейтраверсовъ загородилъ ей дорогу.

Вдругъ—послышался голосъ Дормидонтова. «Ай да баринъ! Его не уймешь ни громомъ, ни бурей! Ну какъ этого молодца не разцѣловать!»

Я изумился храбрости Флейтраверсова; храбрости, которой я въ немъ доселѣ и не подозрѣвалъ.

Прелестная казачка металась въ разныя стороны и отбивалась, но Флейтраверсовъ всякій разъ являлся передъ нею, лицомъ къ лицу, какъ грозная и неумолимая тѣнь!

Прелестная Маруся съ біющимъ сердцемъ, съ покраснѣвшимися отъ стыда щеками не знала, что дѣлать.

У Флейтраверсова тоже покраснѣлись щеки и билось сердце.

Жаль, что я былъ не живописецъ, чтобъ нарисовать эту безподобную борьбу прелестной казачки съ храбрымъ и сумасшедшимъ Флейтраверсовымъ.

Казачка хотѣла наконецъ закричать.

— Коли ты закричишь, сказалъ Флейтраверсовъ, то мать твоя

убьетъ меня на этомъ мѣстѣ. Тогда я поцѣлую тебя насильно. Но я не хочу тебя поцѣловать насильно; я хочу, чтобы ты позволила мнѣ поцѣловать тебя добровольно.

Маруся была очарована умоляющимъ и нѣжнымъ голосомъ Флейтраверсова. Она опустила глаза въ землю и опустила руки, и остановилась недвижима.

— Позволь мнѣ поцѣловать тебя добровольно! — сказалъ Флейтраверсовъ, взявъ ее за обѣ руки.

Маруся не отняла отъ него своихъ рукъ. Лицо ее горѣло, грудь волновалась, ноги дрожали...

— Позволь мнѣ поцѣловать тебя нѣжно и пламенно, такъ, какъ никто тебя уже больше не поцѣлуетъ! — повторилъ Флейтраверсовъ голосомъ, въ которомъ звучала удивительная нѣжность. Позволь мнѣ быть на верху блаженства! Позволь!

И Флейтраверсовъ, держа ее за руки, наклонился къ ея лицу и напечатлѣлъ на немъ продолжительный и страстный поцѣлуй.

— Теперь прощай, Маруся! Я тебя теперь никогда не забуду! — сказалъ Флейтраверсовъ.

И бросился въ кибитку, которая стояла уже запряженная за воротами.

Дормидонтовъ ударилъ по лошадямъ. Черезъ нѣсколько минутъ я оглянулся и Флейтраверсовъ оглянулся. Маруся стояла на томъ же мѣстѣ, какъ прикованная, какъ очарованная, и смотрѣла намъ въ слѣдъ.

Но нашъ слѣдъ скоро простылъ.

Флейтраверсовъ цѣлую слѣдующую ночь не спалъ и метался и бредилъ Марусей.

Ахъ Маруся, Маруся! говорилъ онъ во снѣ. Уйдемъ, уйдемъ, Маруся! уйдемъ отъ твоей матери, сердитой Чудрунихи! Улетимъ въ далекія, волшебныя края! Твоя мать не догонитъ насъ. Я тебя понесу, какъ перышко, на моихъ рукахъ!

III.

Мы вступили въ Университетъ. Здѣсь начинается совершенный переворотъ въ жизни Флейтраверсова. Изъ положительнаго человѣка онъ вдругъ сдѣлался меланхолическимъ и мечтательнымъ.

Мы жили розно, но всегда дружно, и чѣмъ дальше все дружнѣй. Не проходило дня, чтобъ мы съ нимъ не видались. Флейтраверсовъ былъ математикъ и шелъ по математикѣ, и вдругъ онъ предался нѣмецкой философіи. Нѣмецкая философія тогда всею кружила головы.

На третій день моего вступленія въ Университетъ я былъ въ гостяхъ и услышалъ слѣдующій разговоръ о нѣмецкой философіи.

Разбирали Канта.

— Кантъ былъ математикъ и въ одно и тоже время философъ! — сказалъ одинъ безпорядочно одѣтый и безпорядочно причесанный господинъ.

— Но отчего онъ сдѣлался преимущественно философомъ, а не математикомъ? спросилъ другой.

— Оттого, что никогда не выѣзжалъ изъ маленькаго своего городка Кенигсберга и жилъ, погруженный только въ самого себя.

— Погруженный въ самого себя! Погруженный въ самого себя! — подхватили слушатели.

— Я не могу представить себѣ, добавилъ одинъ изъ нихъ: чловѣка погруженнаго въ самого себя. Я могу только представить себѣ черепаху, погруженную съ самую себя. —

Ха! ха! ха! ха!

— Да какъ же онъ могъ судить и рядить о натурѣ, глядя только на ту натуру, которая была у него передъ носомъ? —

— Онъ былъ самъ великая натура! отвѣчалъ защитникъ Канта.

— Какая же это такая натура? —

— Нѣмецкая философская натура! Нѣмецъ съ материнскимъ молокомъ уже вливаетъ въ себя философскія идеи обо всемъ? У него отецъ философъ, мать философка, сестры философки. Къ тому же это былъ Кантъ, философъ по преимуществу, который глядѣлъ на природу, какъ на раскрытую книгу и читалъ...

— И читалъ и ничего не понималъ! —

— Ха! ха! ха! ха!

— Но философъ Платоль, по Аристотель, Цицеронъ странствовали, и много странствовали, чтобы научиться мудрости... —

— То Платонъ, а то Кантъ! воскликнулъ защитникъ Канта. Истинные философы рождаются только въ одной Германіи.

Эти сужденія были для меня новы и интересны; онѣ мнѣ потомъ пригодились.

Далѣе толковали о русской исторіи, о русскихъ сказкахъ и о русскихъ богатыряхъ! И о томъ, чего ожидаетъ исторія наша отъ этихъ русскихъ богатырскихъ сказокъ. Нѣкоторые считали эти русскія сказки кладомъ для нашей исторіи.

Это была для меня истинная новость!

Далѣ, въ небольшомъ кружкѣ толковали объ астрономіи. О кометѣ Энке. О новыхъ космическихъ облакахъ, открытыхъ Гершелемъ въ созвѣздіи Лиры.

Я былъ пораженъ всеѣмъ тѣмъ, что я вокругъ себя видѣлъ и слышалъ. Чтобъ все это постигать, надо учиться, думалъ я, и мысль о назначеніи наукъ, мысль, которой я прежде никакъ разжевать себѣ не могъ, вдругъ блеснула въ моемъ умѣ и стала ясна, какъ день.

Теперь мнѣ стало понятно, что такое просвѣщеніе и что такое невѣжество!

Оглянувшись вокругъ себя теперь, я понялъ: гдѣ я? что я?

Я предался ученью со всеѣмъ жаромъ и пыломъ молодого человѣка, влюбившагося въ науку. Посвящая себя исключительно изученію литературы, я обратился къ этому предмету и началъ съ римскихъ классиковъ. Черезъ двѣ недѣли я былъ уже совершенно поглощенъ хлѣбями классицизма. Занятія эти доставили мнѣ неисчерпаемое удовольствіе и вознаградили меня стократно за тѣ препятствія и неудачи, какія я встрѣтилъ, принимаясь въ первый разъ за Цицерона. Предо мною раскрылся Римъ во всемъ своемъ древнемъ величійи и славѣ. Римскій сенатъ! Величественныя фигуры Регула, Фабія, Сципіона, Катона, Цицерона рисовались предо мною, какъ живыя. Я восхищался этими великими фигурами человѣческими.

Я писалъ моей маменькѣ, что я переселился духомъ въ древній Римъ, что я обитаю теперь въ древнемъ Римѣ.

«Какія ты дѣлаешь глупости, дитя мое!» отвѣчала оно мнѣ съ сердечнымъ сокрушеніемъ. «Ты не пошелъ ни по отцѣ, ни по мнѣ. Не могу придумать, по комъ ты пошелъ!»

Я писалъ моему отцу, что я благословляю небо за пробудившуюся во мнѣ страсть къ наукамъ, къ литературѣ и къ латыни.

Отецъ мнѣ отвѣчалъ:

«Вздоры затѣваешь! Зачѣмъ нашему брату, русскому доброму помѣщику, латынь! Развѣ ты съ мужиками хочешь говорить по латынѣ? Они тебя сочтутъ за сумашедшаго, и сосѣди наши тожъ! Ты хочешь быть литераторомъ, но литераторъ, по моему, то же, что мотъ, что пьяница, что картежникъ и тому подобное.»

«Былъ у насъ, позабылъ фамилію—голякъ, весельчакъ и страстный охотникъ поить и поѣсть на чужой счетъ. У него никогда гроша за душею не было. Но онъ былъ стихотворецъ и удивительный мастеръ рассказывать сказки, которыя самъ же выдумывалъ. Его прозвали

за это Вральманомъ! Его всѣ любили, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ, надъ которымъ всѣ смѣялись. Наконецъ, даже въ разговорахъ стали его именовать Вральманомъ; тогда какъ его фамилія была совершенно иная. Вральманъ часто говорилъ о литературѣ. Онъ восхищался также литературой, какъ ты, точь-въ-точь! Должно полагать, что онъ былъ въ душѣ большой литераторъ. Ты также, какъ по всему видно, будешь большой литераторъ. Такъ ты стало-быть пошелъ по стопамъ Вральмана! Нѣтъ тебѣ на это моего родительскаго позволенія — такъ и запиши! А тамъ какъ знаешь!»

Можно вообразить, съ какимъ стѣсненіемъ сердца читалъ я это письмо моего отца.

Но обратимся къ Флейтраверсову.

Флейтраверсовъ здѣлался задумчивъ, мало говорилъ, такъ что мы часто, въ часы нашихъ бесѣдъ, просиживали съ намъ молча, какъ статуи, чего прежде никогда не бывало.

Флейтраверсовъ влюбленъ! Флейтраверсовъ жестоко влюбленъ! думалъ я про себя.

Мы стали видѣться, по этой причинѣ, нѣсколько рѣже.

Разъ онъ меня встрѣтилъ на лекціи и спросилъ, чѣмъ я занимаюсь?

— Римской литературой! — отвѣчалъ я.

— Гм! Римской литературой! повторилъ онъ.

— Я читаю теперь de'Officiis.

— А! de'Officiis!»

— А ты? Чѣмъ ты занимаешься и что ты читаешь? спросилъ я, въ свою очередь, Флейтраверсова.

— Я? я занимаюсь, отвѣчалъ онъ, помолчавъ и подумавъ не много, какъ бы не желая профанировать предо мною того слова, которое онъ хотѣлъ произнести: — я занимаюсь теперь нѣмецкой философій!»

Я не понималъ тогда всей важности этого Флейтраверсова отвѣта. Я не зналъ тогда, что этимъ тяжкимъ словамъ онъ изрекалъ будущую свою судьбу. Бѣдный Флейтраверсовъ! бѣдный Флейтраверсовъ!

Тогда была всеобщая страсть къ нѣмецкой философій. Все бредило нѣмецкою философій. Нѣмецкая философія смущала всѣ умы. Какая это была печальная страсть! Я скоро вамъ скажу, Гг. читатели, почему это была печальная страсть. Я расскажу вамъ цѣлую исторію объ этой страсти. У меня стрѣляетъ въ ухахъ, у меня зеленѣетъ въ глазахъ, у меня ноги и руки дрожать, когда кто-нибудь теперь произнесетъ предо мною слово: *нѣмецкая философія!* Этому роду припадокъ въ простонародіи называютъ болячкой. Я получилъ болячку отъ нѣмецкой философій! Я имѣлъ однажды глупость прочитать *Канта!*

Одинъ докторъ, ученикъ Ганемана, на основаніи *similia similibus*, совѣтовалъ мнѣ, чтобы вылечиться отъ этой болячки, прочитатъ въ другой разъ Канта; но я соглашусь лучше умереть, чѣмъ прочитатъ въ другой разъ Канта.

Извините меня, мои читатели и мои читательницы, если читатели и читательницы у меня будутъ — за это неприятное отступленіе.

Бѣдный Флейтраверсовъ! тебя уже несло водоворотомъ въ пропасть, въ глубокую и темную пропасть, но ты этого и не подозрѣвалъ, и я этого тогда не подозрѣвалъ.

Нѣмецкая философія казалась мнѣ самому тогда верхомъ человѣческой мудрости.

Черезъ день послѣ нашего свиданія на лекціи, я пришелъ къ Флейтраверсову; на столахъ, на стульяхъ, у него лежали груды книгъ.

— Что это такое? — спросилъ я.

— Это нѣмецкіе философы! отвѣчалъ мнѣ Флейтраверсовъ.

Я взглянулъ на эту кучу книгъ съ глубочайшимъ почтеніемъ. Тутъ-то мудрость! думалъ я про себя: тутъ-то мудрость!

Я сълъ. Флейтраверсовъ началъ ходить по комнатѣ, закинувъ на спину руки.

— Умозрѣніе! умозрѣніе! началъ онъ. Умозрѣніе только отличаетъ человѣка отъ скота. Человѣкъ умозрѣніемъ только можетъ жить. Человѣкъ умозрѣніемъ можетъ жить въ вѣкахъ. Человѣкъ умозрѣніемъ можемъ предупреждать вѣка. Онъ можетъ предвидѣть умозрѣніемъ далекое, далекое будущее. Человѣкъ не можетъ жить однимъ настоящимъ. Настоящее бываетъ часто печально!

Флейтраверсовъ остановился въ задумчивости. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ въ это время о Марусѣ. Я слушалъ Флейтраверсова съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ обладалъ удивительнымъ даромъ говорить и обворожать своею рѣчью и своимъ голосомъ.

— Настоящее бываетъ часто печально! повторялъ онъ. Человѣкъ можетъ найти счастье только въ самомъ-себѣ, въ собственномъ своемъ духѣ. Духъ нашъ есть источникъ тѣхъ наслажденій, которыхъ люди обыкновенные ищутъ внѣ себя — ищутъ, какъ ищейки, и не находятъ! Стремленію духа человѣческаго нѣтъ границъ, нѣтъ предѣловъ — наслаждаться духомъ я могу свободно, и кто можетъ запретить мнѣ наслаждаться духомъ!»

Опять ему на умъ пришла Маруся, подумалъ я.

— Человѣку недостаетъ только крыльевъ, чтобъ улетѣть, улетѣть... за стремленіемъ своего духа... на высоту... и взглянуть оттуда на землю, и покинуть землю съ тѣмъ, чтобы не возвращаться больше къ ней ни-

когда! Ахъ еслибы человѣку были даны эти крылья!.. Эти крылья! Но эти крылья когда-нибудь выростутъ, — выростутъ у него; тогда прощай земля! Теперь человѣкъ можетъ возноситься туда, къ тѣмъ далекимъ, блаженнымъ странамъ только духомъ своимъ. Что же онъ тамъ видитъ? Онъ видитъ тамъ, какъ шевелятся, какъ вращаются, какъ кружатся вокругъ одного общаго центра, вокругъ одной общей идеи безконечные міры!.. Онъ слышитъ тотъ шумъ, который производятъ эти міры своимъ вращаніемъ, — онъ слышитъ каждый звукъ, который издаетъ каждое небесное тѣло, и какъ эти звуки потомъ сливаются и соединяются въ одну общую великую, непрерывную, безконечную гармонію! Онъ слышитъ эту музыку! Онъ слышитъ эту музыку!»

Флейтраверсовъ остановился, глядя на меня и вопрошая меня глазами — понимаю ли я, что онъ говоритъ? Онъ глядѣлъ на меня, какъ вдохновенный...

Своимъ видомъ и своей рѣчью онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Мы разстались, я ушелъ домой, но фигура и вдохновенное лицо Флейтраверсова, говорящаго о великой гармоніи міровъ, долго рисовалась еще предо мною.

Черезъ мѣсяць я сталъ замѣчать, что Флейтраверсовъ началъ небрежнѣе одѣваться и небрежнѣе причесываться. Мы встрѣтились съ нимъ въ университетѣ.

— Ты очень измѣнился, сказалъ я моему товарищу, замѣтивъ вдругъ необыкновенную его блѣдность и впалыя щеки.

— Я не чувствую въ себѣ никакой перемѣны, отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Я слыхалъ, что ты ночи напролѣтъ просиживаешь надъ книгами. Ты такъ повредишь свое здоровье.

— Поврежу мое здоровье! повторилъ онъ иронически. Я никогда не думаю о моемъ здоровьѣ.

— Что ты новаго начиталъ у твоихъ философовъ? — спросилъ я, желая навести разговоръ на его любимый предметъ.

— Мои философы мнѣ часто леденятъ кровь своими противурѣчїями! — вдругъ вырвалось изъ устъ Флейтраверсова.

— Такъ вотъ оно что! подумалъ я.

— Но это только кажущіяся противурѣчїя, добавилъ онъ: кажущіяся противурѣчїя! Нѣтъ такихъ противурѣчїй, которыхъ нельзя было бы согласить...

— Чѣмъ?

— Критикой чистаго разума! О, какое это наслажденіе!

— А Маруся? — воскликнулъ я.

— Маруся! Маруся!» сказала Флейтраверсовъ, горько улыбаясь. Я на Марусю смотрю теперь а priori!

— А priori! подумалъ я: такъ вотъ оно что! И съ этой минуты я сталъ смотрѣть уже на философію подозрительно, и наблюдать за Флейтраверсовымъ.

Другъ мой дѣлалъ быстрые шаги въ философіи, но меня эти шаги не радовали.

На Флейтраверсова друзья его начали смотрѣть уже какъ на философа, на будущаго философа, на будущую блестящую звѣзду, идущую слѣдомъ за философскими свѣтилами Германіи.

Между-тѣмъ Флейтраверсовъ, окруженный вниманіемъ профессоровъ и сочувствіемъ своихъ товарищей, вмѣсто того, чтобы торжествовать отъ своихъ успѣховъ и быть счастливымъ и довольнымъ и веселымъ, дѣлался все печальнѣе и печальнѣе. Отчего это? Я вамъ скажу. Его вдругъ окружило облако тумана, въ который онъ погрязалъ все больше и больше. Мнѣ было ясно, откуда этотъ туманъ происходитъ. Я пытался вывести его на прежній свѣтъ, но напрасно. Я начиналъ говорить Флейтраверсову о Марусѣ, и призывалъ образъ ея для разсѣянія и развлеченія его, но и это было напрасно. Онъ продолжалъ сидѣть надъ своими книгами дни и ночи напролѣтъ. Мнѣ пришла наконецъ мысль сжечь эти книги; но я раздумалъ потомъ и не сжегъ. Флейтраверсовъ наканунѣ погрузился совершенно въ Кантову и Шеллингову философію. Ужъ онъ больше ни о чемъ не говорилъ, какъ о Кантѣ, Шеллингѣ и Гегелѣ. Вотъ отчего была его печаль.

Туманная нѣмецкая философія имѣетъ, между-прочимъ, какъ я замѣтилъ, еще тотъ ужасный недостатокъ, что она не питаетъ умъ, а истощаетъ и ослабляетъ его.

Бѣда слабому уму, который предается философіи; бѣда сильному уму, который предается ей совершенно. Флейтраверсовъ предался ей совершенно. Онъ ничего не могъ дѣлать въ половину, и отъ того... Но я не хочу предупреждать событій.

Мы уже вышли изъ Университета.

Флейтраверсовъ отлично учился, онъ былъ выпущенъ кандидатомъ. Я тоже. По окончаніи курса, онъ совершенно предался своей несчастной страсти, которая затягивала его все глубже, какъ тинистое болото.

Однажды я пришелъ къ нему.

Онъ сидѣлъ въ задумчивости, облокотясь на сочиненія Канта.

Онъ не замѣтилъ моего прихода. Я сѣлъ молча.

— Гм! Гм! Какая мысль! Какая великая мысль! говорилъ онъ

про себя. Громъ! свистъ! Тысяча смертей! Трупы.... Пожаръ.... Слава!... Герои!... И мирный трудъ... Любовь... Философія! Какая великая мысль!»

И вдругъ онъ оглянулся.

— А! ты здѣсь; хорошо, что ты пришелъ; я хочу съ тобою поговорить, сказалъ онъ. Слыхалъ ли ты о сочиненіяхъ Канта?

— Слыхалъ!

— Ты его не читалъ?

— И не намѣренъ читать.

— Мы съ тобою дѣти одной школы, но не однихъ мыслей. Ты, кажется, пошелъ по ложному пути.

— Я улыбнулся.

— Тебя не занимаетъ ничто великое!

— Меня занимаетъ то, что мнѣ доставляетъ удовольствіе.

— Что же тебѣ доставляетъ удовольствіе?

— Поэзія!

— Поэзія — мечта! Я самъ восхищался поэзіей, когда я былъ ребенкомъ. Теперь поэзія меня не восхищаетъ. Прости, поэзія!

— А Маруся! воскликнулъ я.

— Маруся!... этотъ чудный образъ! Онъ меня плѣнялъ. Въ удивленные часы ночи онъ мелькалъ передо мною!... То исчезалъ, то опять являлся. Однажды ночью я слышу голосъ, который будить меня: встань! встань Флейттриверсовъ! Какъ ты крѣпко спишь! Я проснулся. И вижу передо мною стоитъ Маруся, но уже не та Маруся! щеки ея поблекли, вѣнокъ на головѣ ея завялъ, руки дрожали отъ холоду, красныя черевички износились. Ты ли это? спросилъ я. Я, панычъ! отвѣчала она. Какъ ты крѣпко спишь! Какъ ты сладко спишь! Я пришла съ тобою повидаться. Я пришла тебя спросить, зачѣмъ ты лишилъ меня сна? Ты меня поцѣловалъ. Зачѣмъ ты меня поцѣловалъ? Развѣ я твоя невѣста? развѣ ты мой женихъ? Зачѣмъ ты лишилъ меня сна твоимъ поцѣлуемъ? Когда все уснуло, когда мать моя уснетъ, я встаю и брожу вокругъ дома, какъ ночное привидѣніе. Но это передъ тобою стоять не ночное привидѣніе; а сама Маруся, Чупрунихина дочка; та Маруся, которую ты поцѣловалъ вотъ сюда въ лицо, помнишь? Посмотри, что ты сдѣлалъ со мною твоимъ поцѣлуемъ! Ты мнѣ неровня; ты панычъ! Я пришла тебя спросить; хочешь ли ты сдѣлаться простымъ козакомъ и на мнѣ жениться? Коли хочешь, то ты будешь счастливъ...

счастливъ! — Ты будешь счастливѣйшій человекъ! Я рожу тебѣ сына, такого же козака, какъ и ты самъ! Я назову его твоимъ именемъ! А коли не хочешь, то ты будешь горемыка! Бѣдный, бѣдный горемыка!... Бѣдный! И ни накомъ не женишься, коли на мнѣ не женишься. Даю тебѣ годъ на размышленіе. Черезъ годъ, въ этотъ самый день, въ этотъ самый часъ я приду къ тебѣ за отвѣтомъ. — И съ этимъ словомъ она исчезла. Это былъ сонъ! Но какой ужасный сонъ! Что ты скажешь объ этомъ снѣ?

— Я думаю объ этомъ снѣ тоже, что и обо всѣхъ подобныхъ снахъ, которые намъ снятся, — отвѣчалъ я, съ притворнымъ равнодушіемъ.

Флейтраверсовъ былъ встревоженъ. Я далъ себѣ слово больше не напоминать ему о Марусѣ.

— Я записалъ день, я записалъ часъ, въ который Маруся явилась ко мнѣ. *15 сентября 1830 года, въ полночь.* Черезъ годъ въ это самое время она придетъ ко мнѣ за отвѣтомъ. Придетъ ли она за отвѣтомъ?

— Послушай, другъ мой, ты хотѣлъ со мною, кажется, поговорить, когда я вошелъ, не объ этомъ, сказала я, желая обратить вниманіе Флейтраверсова на другой предметъ.

— Да, да! Но у меня теперь въ головѣ все такъ перемѣшалось.

— Ты хотѣлъ, кажется, со мной поговорить о сочиненіяхъ Канта.

— Да, да! Но я поговорю съ тобой объ этомъ въ другой разъ.

И онъ пошелъ ходить по комнатѣ, повторяя про себя: ты будешь бѣдный горемыка! бѣдный... бѣдный!

— Да, я вспомнилъ, что я хотѣлъ тебѣ сказать, воскликнулъ вдругъ Флейтраверсовъ, остановившись предо мною. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать!

И онъ началъ излагать предо мною, со всеми подробностями, сочиненіе Канта.

— Что ты объ этомъ думаешь? а? спросилъ меня Флейтраверсовъ, окончивъ трактацию.

— Я думаю, что это есть чистѣйшая фантазія! несбыточная фантазія!

— Несбыточная фантазія! Ты такъ думаешь?

— Такъ думаю!

— Но какова идея! Какова идея!

— Что мнѣ въ этихъ идеяхъ! Идеи и фантазіи въ поэзіи я пони-

маю; но фантазія въ наукѣ для меня непостижима. Положи мнѣ эту идею на тарелку, тогда я ее пойму.

— Положить тебѣ идею на тарелку! Положить тебѣ въ ротъ идею!

— Пожалуй, въ ротъ еще лучше.

— Сенсуалистъ! грубый сенсуалистъ! Матеріалистъ!

— Пусть и сенсуалистъ! Но почему же мнѣ не быть сенсуалистомъ, когда меня природа создала такимъ!

— Стыдись! ты человѣкъ!

— Такъ что же? Развѣ люди все одинаковы. Людей недаромъ сравниваютъ, смотря по ихъ характеру, съ различными животными: инаго съ львомъ, инаго съ тигромъ, инаго съ орломъ, инаго съ цаплей, инаго съ зайцемъ, инаго съ осломъ. Въ этихъ сравненіяхъ есть много правды.

— Которое же изъ этихъ животныхъ ты бы желалъ избрать своимъ прототипомъ? спросилъ Флейтраверсовъ съ насмѣшкою.

— Я избралъ бы арабскаго коня! Люблю это поэтическое животное. Люблю его больше зато, что онъ не философствуетъ подъ сѣдокомъ, а повинуется уздѣ, и отъ того-то онъ и не спотыкается.

— Гусарь! Чистый гусарь! Истинная гусарская философія! Гусарь! можешь ли ты меня понимать? Гусарь! можешь ли ты понимать идеи Канта?

— Не могу! И не берусь зато, чего не могу!

— «Кантъ былъ человѣкъ, который открылъ новую великую науку-субъективный идеализмъ!

— Это для меня все равно, что Satur, agere, tenet, opere, rotas, abracatabra!

— «Satur, agere!.. воскликнулъ Флейтраверсовъ съ негодованіемъ.

— Что же это такое — субъективный идеализмъ? спросилъ я.

— Я тебѣ объясню! — И Флейтраверсовъ началъ мнѣ объяснять, что такое субъективный идеализмъ.

Я напередъ зналъ уже, что это такое!

Вы не знаете мои читательницы, что такое субъективный идеализмъ? И не знайте!

Изъ объясненій Флейтраверсова я понялъ только то, что рѣчь его, всегда ясная, живая и краснорѣчивая, сдѣлалась непонятною.

— Ты понялъ теперь, что такое субъективный идеализмъ? спросилъ меня Флейтраверсовъ.

— Понялъ! отвѣчалъ я.

— Надѣюсь, ты теперь, продолжалъ онъ, не поставишь Канта и Фихте на одну доску съ тѣми людьми, которые считаютъ человѣка

машиной, имѣющей ноги для хожденія, руки для хватанія, зубы для жеванія... машиной, не думающей о дальнѣйшемъ. Надѣюсь, ты въ нихъ разумѣешь людей, которые сдѣлали великое открытіе, которые въ человѣкѣ открыли другаго человѣка, невѣдомаго, неподозрѣваемаго... Кто же такой этотъ человѣкъ?

— А кто такой?

— Я!!! вскрикнулъ Флейтраверсовъ, поднявъ свою голову гордо и высоко вверхъ.

— Ты? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Я! повторилъ онъ. Мое я, человѣческое я. *Ячество! великое ячество!*

— Ячество?! Дурачество! дурачество! чистое дурачество! воскликнулъ я.

Флейтраверсовъ назвалъ меня профаномъ, котораго надобно образумить, и продолжалъ дальше.

— Прежніе философы принимали меня, тебя, Сидора, Ивана, Петра за людей дѣйствительныхъ, между-тѣмъ какъ это только люди кажущіеся.

— Люди кажущіеся?

— Люди кажущіеся. Истинный человѣкъ для нихъ былъ невидимъ; надобно было открыть этого истиннаго, новаго человѣка.

— Новаго homo?

— Новаго homo!

— Кто же такой этотъ новый homo?

— Человѣческое я!

— Неужели это я было прежде неизвѣстно?

— Незвѣстно. Оно было поглощено объективностію.

— Чудеса!

— И вотъ рождается Кантъ, направляетъ критическій взглядъ на человѣка и открываетъ это я. *Ячество! Человѣческую самость, сущносамость, самосущность!* Понятно?

— Понятно! — Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! подумалъ я. Понятно!

— Когда Кантъ открылъ человѣческое я и поставилъ его на свое мѣсто, тогда все сдѣлалось ясно, и науки и искусства, и мораль, и всѣ предметы. Тогда всѣ ученые, всѣ художники, всѣ ремесленники начали черпать идеи и жизнь, истинную жизнь, изъ натурального источника, изъ нѣдръ философіи. Что было прежде не ясно сдѣлалось ясно, что было прежде непонятно сдѣлалось понятно. Человѣкъ выросъ. Всѣ предметы, его окружающіе, представились ему въ настоящемъ своемъ

свѣтъ. Онъ сдѣлался центромъ всего его окружающаго. Тогда онъ понималъ, что онъ и что не онъ; что я и что не я!

— Какая мудрость!! —

— Всѣ предметы тогда выстроились, можно сказать, въ ряды и пошли мимо него церемоніальнымъ маршемъ, дѣлая ему честь и фронтъ.

— И дома и магазины пошли церемоніальнымъ маршемъ, и фонарные столбы и мосты?

— И фонарные столбы и мосты. Но не тѣ фонарные столбы и мосты, которые мы видимъ, а идеальные мосты, а идеальные столбы, абстракты столбовые. Человѣкъ научился дѣлать абстракты. Какое совершенство ума человѣческаго! Человѣкъ научился дѣлать абстрактны! Въ абстрактѣ вся сила, вся сущность.

Не люблю не слушай, а лгать не мѣшай! думалъ я про себя.

— Абстрактъ есть идея. Въ каждомъ предметѣ, который ты видишь передъ собою, есть своя идея, которая составляетъ его сущность. Въ этой свѣчѣ, въ этомъ подсвѣчникѣ, въ этой палкѣ есть своя идея, которая составляетъ ихъ сущность. Видъ и форма предметовъ, видъ и форма этого подсвѣчника, этой палки ничего не значать. Онѣ могутъ измѣняться до бесконечности, но сущность останется одна и таже. Какое совершенство ума человѣческаго, который умѣлъ все это постигнуть! Не форма предмета важна и составляетъ его сущность, а идея. Внѣшнія формы суть только феномены, призраки, ничто...

— Что же есть *что*? спросилъ я, выведенный изъ терѣвня этою галиматеей.

«Истинное *что* всякаго предмета есть его идея; вселенная есть ничто иное, какъ міръ идей, міръ идей, которыя надобно умѣть понимать. Видимые предметъ исчезаютъ, погибаютъ, сокрушаются, уничтожаются, а идеи никогда не уничтожаются, идеи вѣчны. Въ чемъ теперь заключается сущность предметовъ ты видишь самъ. Вотъ въ чемъ заключается субъективный идеализмъ.

Я молчалъ,

— Какъ ты думаешь, мой любезнѣйшій, продолжалъ Флейтраверсовъ, на чемъ вертится весь міръ?

— На чемъ?

— На одной идеѣ.

— На какой идеѣ?

— На идеѣ, или, лучше сказать, на конечномъ гегелевомъ синтезѣ. Какъ это просто и ясно!

— Такъ міръ вертится на гегелевомъ синтезѣ? спросилъ я.

— Да, да, на гегелевомъ синтезѣ. А знаешь ли ты, что такое гегелевъ синтезъ?

— Я предполагаю, что это такое!—отвѣчалъ я, пожавъ Флейтраверсову торопливо руку, и схвативъ мою фуражку, выбѣжалъ на улицу.

На улицѣ шелъ страшный ливень, но мнѣ сдѣлалось такъ невыносимо слушать Флейтраверсова, что я скорѣе рѣшился идти подъ страшнымъ ливнемъ и промокнуть до костей, чѣмъ воротиться назадъ его слушать.

Флейтраверсовъ скоро погрузился совершенно въ абстракты; уже онъ ничего больше не видалъ, кромѣ однихъ абстрактовъ.

Все ему стало представляться нѣ инымъ видѣ, въ превратномъ видѣ.

Однажды, мы съ ними отправились въ театръ. Давали Отелло о Дездемонѣ. Всѣ мы плакали, а Флейтраверсовъ хохоталъ и хохоталъ до упаду. Въ театрѣ вдругъ поднялся хохоть.

— Слышишь-ли ты этотъ хохоть? спросилъ меня Флейтраверсовъ. Слышишь-ли этотъ трагическій хохоть?... Этотъ хохоть, раздирающій душу? Вотъ истинный плачь!..

Пьеса кончилась. Мы вышли. На дорогѣ я замѣтилъ, что мой товарищъ шелъ домой безъ шинели и безъ фуражки; но сирвакъ оказалось, что онъ позабылъ въ театрѣ свою фуражку и свою шинель.

На другой день Флейтраверсовъ пришелъ ко мнѣ.

— Все видимое есть призракъ! сказалъ онъ, затворяя дверь. Ты и я ничто-иное, какъ одни призраки! Жизнь наша призракъ! Всѣ эти формы, всѣ эти разнообразныя формы, которыя ты видишь вокругъ себя, кто ихъ произвелъ?

— А кто?

— Я!

— Ты произвелъ?

— Я! Еслибы я ихъ не произвелъ, то бы ихъ и не было!

Всѣ дальнѣйшіе мои разговоры съ Флейтраверсовымъ были на эту тему. Состояніе его было печально. Безъ грусти, безъ тяжелой грусти я не могъ смотрѣть на него. Онъ безпрестанно толковалъ о кантовскихъ идеяхъ, о гегелевскихъ идеяхъ, о философскихъ идеяхъ, о избыточныхъ идеяхъ. Здоровье его видимо разрушалось.

Черезъ недѣлю я пошелъ навѣстить моего товарища. Онъ сидѣлъ сложа руки и опутивъ голову на грудь, блѣдный какъ смерть.

— Что съ тобою? ты боленъ? спросилъ я встревоженный.

— Я боленъ, я очень боленъ! Вчера у меня была Маруся.

— Ты воображаешь! ты все воображаешь, ты разстроилъ въ конецъ свое воображеніе.

— Садись, я тебѣ расскажу. Вчера было 15-сентября 1831 года. Вчера у меня была Маруся. Цѣлый этотъ день я былъ безпокоенъ. Насталъ вечеръ, настала ночь. На меня нашла тяжкая тоска. Ты не понимаешь, что такое тяжкая тоска! Въ домѣ наконецъ все улеглось и погрузилось въ сонъ. Когда все погрузилось въ сонъ, то на меня нашло еще бѣльшее безпокойство. Вдругъ слышу на дворѣ залаяла собака. Потомъ собака перестала лаять. Потомъ слышу кто-то отворяетъ наружныя двери... входитъ въ сѣни, вступаетъ на лѣстницу, идетъ по лѣстницѣ, ступаетъ по коридору, подходитъ къ моимъ дверямъ, отворяетъ дверь и устремляетъ на меня два неподвижные глаза. Я не боязливъ, но эти глаза навели на меня страхъ. Черезъ минуту передо мной стояла Маруся, но уже не прежняя Маруся, а одна только тѣнь Маруси.

— Я пришла къ тебѣ за отвѣтомъ! сказала она.

Я молчалъ.

— Я пришла къ тебѣ за отвѣтомъ! повторила она.

Я молчалъ.

— Я пришла къ тебѣ за отвѣтомъ!

Я молчалъ, потому-что я не могъ пошевелнуть языкомъ.

— Ты мнѣ не даешь никакого отвѣта; я знала напередъ, что ты мнѣ не дашь отвѣта, но и пришла за тѣмъ, чтобъ только сдержать свое слово. Ты, можетъ-быть, меня не узнаешь? Я Маруся, я та самая Маруся, которую ты поцаловалъ и сказалъ, что никогда ее забудешь. Ты меня не забылъ и я тебя не забыла. Знаешь-ли ты мою судьбу? Моя судьба вотъ какая: завтра я умру; послѣзавтра меня одѣнутъ, нарядятъ, цвѣтами голову уберутъ и положить въ гробъ. На третій день меня похоронятъ. Когда меня похоронятъ, тогда я ужъ не приду къ тебѣ болѣе за отвѣтомъ; тогда отвѣтъ твой ужъ ни къ чему не послужитъ. Я пришла съ тобой въ послѣдній разъ повидаться и проститься. Прощай, прощай, мой коханку, мой милый коханку, на вѣки прощай! И будь счастливъ, и будь счастливъ! сказала она и зарыдала. Я плачу, но не о себѣ плачу, я о тебѣ плачу. Ты не будешь счастливъ! ты не будешь счастливъ! ты не будешь счастливъ- не потому, что ты на мнѣ не женился, а потому, что такъ тебѣ на роду написано. Мы съ тобой родились подъ такой планетой! Моя планета уже погасла! И твоя планета гаснетъ, уже гаснетъ и скоро совѣмъ погаснетъ. Но ты останешься живъ—ты будешь жить безъ твоей планеты. Ты не знаешь, что значить жить безъ своей планеты? Видалъ ли ты траву пере-

кати-поле? Въ степи растетъ трава, которая называется перекаати-поле. Куда-бы ты ни шелъ, откуда-бы ты ни шелъ — эта трава тебя нагонитъ и перебѣжитъ черезъ дорогу и покатится, покатится колесомъ... Потомъ остановится и начнетъ катиться назадъ, опять черезъ дорогу — какъ будто она кого-нибудь ищетъ. Потомъ вдругъ остановится и начнетъ кружиться на одномъ мѣстѣ... и все кружится и все кружится! Кто это перекаати-поле? Это заблудшая человѣческая душа, которая живетъ безъ планеты, которая потеряла свою планету! Прощай! —

И съ этими словомъ она исчезла.

Флейтраверсовъ сидѣлъ съ закрытыми глазами и продолжалъ бредить о томъ, что Маруся сегодня уже умерла, что Марусю завтра похоронять, что Марусю онъ убилъ.

Грустно и безмолвно я смотрѣлъ на бѣднаго моего друга. Цѣлую ночь онъ просидѣлъ въ одномъ положеніи, бредя объ одномъ и томъ-же. Я отъ него уже не отходилъ. На другой день докторъ сказалъ, что у Флейтраверсова воспаленіе въ мозгу. Онъ заболѣлъ смертельно. Въ жару онъ вдругъ вскакивалъ съ своей постели и кричалъ, что въ домѣ пожаръ, что домъ горитъ, и что онъ самъ горитъ, и просилъ затушить огонь, который его пожираетъ; или хватался за голову и кричалъ, что голова его горитъ, что отъ головы его можетъ загорѣться домъ, можетъ сдѣлаться пожаръ, и требовалъ дать знать объ этомъ пожарной командѣ.

Его обложили льдомъ съ головы до ногъ и давали ему поминутно глотать ледъ. Это героическое средство помогло. Флейтраверсовъ послѣ этого пролежалъ еще мѣсяцъ въ постелѣ и наконецъ всталъ; онъ всталъ, но прежнія его физическія силы уже не возвратились.

Мы скоро съ нимъ разстались. Онъ уѣхалъ къ отцу на родину, по предписанію докторовъ, а я уѣхалъ въ Петербургъ.

Съ-этихъ-поръ мы уже съ нимъ не видались.

IV.

Много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ. Много могучихъ сосенъ и дубовъ поломано съ-тѣхъ-поръ бурями и повалено на землю... И не вставать имъ вновь и не выпрямлять своихъ вершинъ!.. Такъ что-жь? на мѣстѣ ихъ выросли новые дубы, выросъ новый восокоствольный лѣсъ!.. Про старые нѣтъ и помину. На томъ мѣстѣ, гдѣ они росли

и зеленѣли, зеленѣеть и шумить новый лѣсъ... но придетъ и его очередь! Много водъ рѣками унесено съ-тѣхъ-поръ въ море, но уменьшился-ли отъ этого ихъ источникъ? Нисколько. Нѣдра земли неистощимы. Силы ея, можетъ-быть, только еще въ зачатіи. Въ нѣдрахъ ея кишатъ миллионы новыхъ, будущихъ зарожденій; миллионы новыхъ жизней и новыхъ смертей... И что значить предъ ними наша жизнь и наша смерть? Менѣе нежели ничто. Жизнь наша есть единый, быстротечный мигъ. На что-же человекъ употребляетъ иногда этотъ единый мигъ? На сущіе пустяки. Смѣшно сказать, какіе мы еще дѣти!

Какъ бы то ни было, а прошло много лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались съ Флейтраверсовымъ. Я разстался съ тайнымъ предчувствіемъ, что я его больше не увижу. Нѣкоторое время мы были съ нимъ въ перепискѣ. Онъ мнѣ писалъ:

15 марта 1832 года.

Внѣшній міръ для меня не существуетъ. Я живу среди моихъ идей. Ты не любишь идеальнаго міра. Для тебя идеи отвлеченной не существуетъ. Ты бы желалъ прежде дотронуться до нее своей лапой, или лизнуть ее языкомъ, чтобъ ее понять. Но лапа и идея двѣ вещи разныя. Все для меня существуетъ только а priori. Люди кричатъ, люди плачутъ, люди страдаютъ для меня только а priori. Въ-самомъ-дѣлѣ они не кричатъ не плачутъ, не страдаютъ—это одинъ только оптическій обманъ. Понимаешь-ли ты меня? Понимаешь-ли ты меня?— Нѣтъ не понимаешь!

2 іюля 1833 года.

Какое прекрасное существо женщина въ идеалѣ, но какое оно не-совершенное существо на самомъ дѣлѣ. Глядя на прекраснѣйшій бюстъ женщины, я чувствую, что могу любить ее только а priori; я могу обожать ее только мышленіемъ. Когда я объ этомъ сказалъ однажды моему отцу, то онъ въ отвѣтъ только покачалъ головой. Отъ чего онъ покачалъ головой?

1 августа 1834 года.

Я читаю Спинозу. Спиноза былъ жидъ, но жидъ, о которомъ христіанскіе философы сказали, когда онъ умеръ: *inrugam animam et extremum spiritum plaude efflavit!* Еслибы Спиноза былъ живъ, я бы отправился теперь къ нему и записался въ его ученики. Онъ былъ выше Канта.

13 января 1835 года.

Я началъ заниматься теперь алхиміей и читаю алхимиковъ, читаю Раймонда Люллія, Альберта Великаго.

15 іюля 1835 года.

Одинъ человекъ плачетъ, другой хохочетъ! Онъ ironically хохочетъ. Этотъ хохотъ я понимаю! Меня сегодня звали на балъ; но какую фигуру буду я представлять на этомъ балѣ, коли я похожъ на совершеннаго мертвеца. Миѣ кажется, что балы и пляски слѣдовало бы устраивать на кладбищахъ. Тамъ только танцующіе будутъ часто шуткаться — по-то и хорошо! Я не понимаю, какое удовольствіе человекъ находить въ пляскѣ, и можетъ-ли онъ плясать отъ души. На улицѣ, передо мною, на цѣпи пляшетъ теперь медвѣдь. Вотъ онъ — такъ пляшетъ отъ души!

3 октября 1835 года.

Отецъ мой, превосходнѣйшій изъ людей захворалъ. Пишу тебѣ объ этомъ, какъ объ важномъ для меня событіи.

5 октября 1835 года.

Отецъ мой умеръ!

3 января 1836 года.

Я хочу рассказать тебѣ о печальномъ событіи, которое случилось со мною. Но я такъ убитъ, что я едва могу держать въ рукѣ перо, чтобъ написать тебѣ объ этомъ. Слушай! На третью ночь послѣ похоронъ моего отца я сидѣлъ въ моей комнатѣ одинъ и думалъ о томъ, существуетъ ли какая-нибудь связь между міромъ живыхъ и міромъ умершихъ, между-тѣмъ міромъ и этимъ міромъ; прерывается ли эта связь, или непрерывается. Могутъ ли тѣни, или души усопшихъ приходить навѣщать живыхъ. Объ этомъ было много писано pro и contra. Я слышалъ рассказъ моей старой няни о томъ, какъ однажды моя покойная мать явилась къ ней ночью, и погрозила пальцемъ за то, что она строго взыскивала съ меня за мои шалости. Этотъ грозящій палецъ моей матери не давалъ ей покою. Потомъ я вспомнилъ рассказъ стараго фельдшера, служившаго при моемъ отцѣ, который рассказывалъ, какъ однажды въ турецкую компанію умерше въ одномъ госпиталѣ отъ молдавской лихорадки, встали ночью изъ земли и отправились прямо къ квартирѣ другаго фельдшера, и окруживъ квартиру фельдшера, начали требовать тѣло его на растерзаніе;

и какъ бѣдный фельдшеръ, вскочивъ съ постели, хотѣлъ бѣжать, но подбѣжавъ къ окну и увидѣвъ цѣлую толпу мертвецовъ передъ собою такъ испугался, что тутъ же, стоя на ногахъ, и окоченѣлъ. Я самъ былъ этому очевидцемъ, свидѣтелемъ, сударь! — добавлялъ фельдшеръ.

Многое, что намъ кажется сверхъестественнымъ, можетъ быть очень естественно. Въ природѣ дѣйствительно, какъ говорилъ Горацио, есть много вещей, о которыхъ наши философы и неподозрѣваютъ. Почему-бы, на примѣръ, не могла ко мнѣ явиться тѣнь моего отца? думалъ я. Почему-бы онъ не могъ навѣстить меня и утѣшить меня хоть одной улыбкой, хотя одной холодной улыбкой! Мнѣ казалось только странно, отчего въ народѣ вкоренилось повѣрье, что появленіе покойника предвѣщаетъ непременно бѣду, или несчастіе. Не одинъ ли это ложный страхъ? Такъ разсуждалъ я самъ съ собою.

И вдругъ, слышу, въ мою дверь кто-то постучался. На городской колокольнѣ пробило 12 часовъ. Никто не могъ посѣтить меня въ этотъ часъ. Стукъ въ двери повторился слышнѣе.

— Кто тамъ?—спросилъ я.

— Отвѣта не было; но вмѣсто отвѣта, въ мою дверь раздался стукъ:
Тукъ! Тукъ!

— Кто тамъ?—спросилъ я громче.

Отвѣта не было; но вмѣсто отвѣта въ мою дверь раздался стукъ два раза:

Тукъ! тукъ!

— Кто тамъ?—спросилъ я въ третій разъ.

Отвѣта не было; но вмѣсто отвѣта мнѣ отвѣчали тремя ударами въ дверь.

Странно! Кто бы это такой? Иду, отворяю дверь и вижу передо мной стоять черная, неподвижная тѣнь моего отца. Лицо его было мрачно.

— Ты ли это?—спросилъ я его дрожащимъ голосомъ.

Отецъ мой кивнулъ головою, но такъ кивнулъ, что у меня ноги подкосились.

Онъ здѣлалъ знакъ рукою, чтобъ я ему далъ дорогу. Я отступилъ назадъ. Онъ вошелъ въ комнату и пошелъ прямо къ моему столу; на которомъ у меня лежало собраніе нѣмецкихъ философовъ и моя рукопись, надъ которою я трудился нѣсколько лѣтъ: *О распространеніи нѣмецкой философіи между дикихъ народовъ, въ особенности между Киргизами и Черкесами*. Это былъ плодъ глубокаго изученія философіи Канта, Шеллинга и Гегеля.

Мой отецъ посмотрѣлъ на мои книги и на мою рукопись и покачалъ головою.

Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ и такъ страшно покачалъ головою, что я долженъ былъ схватиться за стулъ, чтобы не упасть.

Потомъ онъ сѣлъ въ кресло и далъ знать рукою, чтобы и я сѣлъ противъ. Мы сѣли другъ противъ друга, какъ двѣ неподвижныя тѣни. Я хотѣлъ ему сказать наконецъ, что онъ меня пугаетъ. Я хотѣлъ съ нимъ заговорить; но онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы я не говорилъ. Онъ далъ мнѣ знакъ движеніемъ головы, что между нами уже всѣ разговоры кончились, что дальнѣйшія слова будутъ уже напрасны.

Между-тѣмъ на столѣ догорѣла свѣча; я хотѣлъ зажечь другую свѣчу, но онъ далъ знакъ, чтобъ я не трогался съ мѣста.

Мы остались теперь въ темной комнатѣ сидѣть вдвоемъ другъ противъ друга.

Что же будетъ дальше? подумалъ я.

Но какъ ни было въ комнатѣ темно, а я ясно различалъ фигуру моего отца, которая шевелилась во мракѣ передо мною.

Наконецъ онъ всталъ, вышелъ въ сѣни, воротился оттуда съ какою-то ношею и опустилъ эту ношу со стукомъ на землю.

Не гробъ ли это свой онъ принесъ съ собою? подумалъ я.

Онъ зажегъ лучину, и я увидѣлъ, что это была ноша дровъ, которые онъ началъ складывать посреди комнаты въ видѣ костра, при свѣтѣ лучины.

Невыразимый трепетъ овладѣлъ мною. Что изъ этого будетъ?

Потомъ онъ зажегъ лучиною этотъ костеръ. Костеръ вспыхнулъ и запылалъ.

Онъ обошелъ вокругъ пылавшаго костра; потомъ подошелъ къ столу, на которомъ лежали мои нѣмецкіе философы и моя рукопись, надъ которой я трудился столько лѣтъ, и схвативъ все это въ одинъ охабокъ швырнулъ все въ огонь. Костеръ запылалъ и затрещалъ. Наконецъ запылала моя рукопись.

— Моя рукопись! моя рукопись! закричалъ я, бросаясь спасти изъ огня мою рукопись.

Но неумолимая тѣнь моего отца загородила мнѣ дорогу и съ такимъ гнѣвомъ посмотрѣла на меня, и съ такимъ гнѣвомъ застучала ногами, что во мнѣ застучали всѣ кости.

Огонь пылалъ и озарялъ черную и грозную тѣнь моего отца; я стоялъ передъ нимъ, какъ мертвецъ, испугавшійся мертвеца.

Мнѣ казалось, что онъ глядѣлъ на меня и внутренно хохоталъ.

Когда все брошенное на костеръ, и книги, и моя рукопись, надъ которой я столько лѣтъ трудился, сгорѣло и обратилось въ пепель —

онъ подошелъ ко кнѣ и захохоталъ... но какъ захохоталъ! хохоть этотъ и теперь рождается еще въ моихъ ушахъ!... и исчезъ!

Я хотѣлъ все это принять на другой день за сонъ, но это былъ не сонъ!

Черезъ день, 4 января 1856 года.

Когда ты получишь мое письмо, то запиши, что Флейтраверсовъ не существуетъ уже на свѣтѣ. Я бы желалъ, чтобы ты, получивъ это письмо, мои послѣднія строки, бросилъ всё свои дѣла и отправился въ Казанскій соборъ отслужить по мнѣ панихиду. Воображаю тебя на этой панихидѣ!... Когда священникъ запоетъ: упокой Господи душу усопшаго раба твоего Михаила!... то ты будешь плакать... ты будешь плакать! ты можешь—быть заплачешь навзрыдъ. О комъ этотъ человѣкъ такъ плачетъ? спросить посторонній богомолецъ, котораго ты потревожишь своимъ плачемъ. О комъ?... ты знаешь о комъ! Такъ кончилъ я жизнь!

Я плакалъ на взрыдъ, читая это письмо Флейтраверсова. Я получилъ его 13 января 1836 года, въ 10 часовъ вечера. Это письмо его было послѣднее.

Прошло много лѣтъ съ-тѣхъ-поръ. Каждый годъ 13 января въ 10 часовъ вечера я служилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду о душѣ Флейтраверсова. На этой панихидѣ стояли только священникъ, дьячекъ и я. Я читалъ молитвы и пѣлъ за дьячка. Когда же священникъ начиналъ поминать раба Божія Михаила и молиться о душѣ его, то у меня вырывались и лились слезы, среди чтенія или среди пѣнія. Тогда дьячекъ меня выручилъ и продолжалъ дальше пѣть и чтвать самъ.

V.

Прошло еще десять лѣтъ Я. былъ на пути изъ Петербурга въ Одессу. Переѣзжаю Днѣпръ. На меня вдругъ повѣяло степнымъ воздухомъ. Какой упоительный воздухъ! Я услышалъ запахъ степныхъ цвѣтовъ.... Я услышалъ голосъ степнаго жаворонка; онъ вдругъ взвился надъ моею головою и запѣлъ, и запѣлъ, какъ великороссійскіе жаворонки не поютъ! Я въѣхалъ въ херсонскія степи. Степи эти моя родина. Степной жаворонкъ меня встрѣтилъ, какъ роднаго.... онъ узналъ меня! Я его также

узнать, я бы его узналъ по голосу среди тысячи другихъ жаворонковъ. О степь! степь! Какъ сладко дышать твоимъ воздухомъ. Кто дышалъ хоть разъ твоимъ воздухомъ, тотъ знаетъ, что значитъ упоенье. Передо мной безпредѣльная даль; передо мной вдругъ открылась безконечность. Я вперяю взоръ мой въ безконечность. Горизонтъ вокругъ меня становится все шире и шире. Я окидываю и измѣряю глазами цѣлое безконечное пространство. Понимаю вполне тоску бедуина, жильца и владыки безпредѣльныхъ степей, вдругъ переселеннаго въ душный и смрадный городъ. Пустынный арабъ и бедуинъ никогда не будутъ горожанами. Степь была ихъ колыбель и будетъ ихъ могила. Пустынному бедуину наша цивилизація не понятна. Онъ худъ и тощъ, но онъ силенъ и стремителенъ, какъ тигръ. Онъ идетъ на льва. Онъ худъ и тощъ, но онъ бодръ и неутомимъ, какъ его конь. Его палить зной, его кружить удушливый вихорь, на него налетаетъ степной ураганъ, но онъ не даетъ себя одолѣть ни зною, ни вихрю, ни урагану. Онъ торжествуетъ надъ ними и поетъ свою завѣтную пѣснь. Бедуинъ худъ и тощъ — вы скажете, что онъ питается однимъ воздухомъ. Да, да! онъ питается однимъ воздухомъ и сытъ. Онъ питается однимъ воздухомъ, и счастливъ! А вы, г-нъ философъ, который ѣдите и пьете за десятерыхъ, вы счастливы? Оттого, что вы ѣдите и пьете за десятерыхъ, у васъ желудокъ не варитъ. А коли у васъ желудокъ не варитъ, — у васъ хандра! Хандра! Эта ужасная вещь, хандра! Спросите бедуина о хандрѣ, знаетъ ли онъ хандру? Отъ того, что у васъ хандра, отъ того въ вашей головѣ вѣчный туманъ.... Отсюда и ваши туманные идеи, г-нъ философъ! Но попробуйте вспрыгнуть на арабскаго коня.... Пронеситесь на немъ верстъ двѣсти безъ сѣдла и безъ уздечки, дохните тѣмъ воздухомъ, которымъ дышитъ арабъ, почерпните того кишучаго воздуху, который черпаетъ Арабъ въ нѣдрахъ пустыни, и ваша философскія идеи разлетятся, какъ прахъ!... У васъ въ головѣ зароятся другія идеи!

Я въѣхалъ въ херсонскія степи. Я родился на этой степи. Мой предокъ былъ жилецъ этихъ степей. Мой архипредокъ за три тысячи лѣтъ до этого былъ скиѣцъ, который кочевалъ на этихъ самыхъ степяхъ. О мой почтенный предокъ, скиѣцъ! подумалъ я, узналъ ли бы ты во мнѣ теперь своего потомка? Исторія ничего не говоритъ о моемъ предкѣ: что онъ былъ за человѣкъ, какъ назывался и какого онъ былъ праву. Но кто бы онъ ни былъ, а я знаю навѣрное, что онъ умозрѣніями не занимался, и питалъ къ нимъ скиѣское отвращеніе, которое отъ потомковъ къ потомкамъ черезъ пятьсотъ поколѣній передалъ и мнѣ.

Я бы желалъ имѣть черепъ моего предка скиѣца, я бы желалъ

имѣть его костякъ! Дорого бы я далъ за эти скиѣскіе остатки! По его черецу, по его костяку я бы узналъ, какую роль онъ игралъ въ этихъ степяхъ, въ какихъ драмахъ онъ участвовалъ. По этимъ костямъ я бы прочиталъ всю его исторію. Можетъ-быть, онъ былъ человѣкъ знаменитый!

Мои почтовые лошади мчатся, мой возокъ летитъ, какъ стрѣла, по степи.

Степь эта и въ другомъ отношеніи любопытна. Она была прежде не такова. Здѣсь было нѣкогда царство звѣрей исполиновъ. Изъ глинь и известняковъ, составляющихъ нынѣшнюю степную почву, кучами вырываютъ кости медвѣдей, кости гіенъ, которыхъ теперь тутъ нѣтъ и слѣда. Стало-быть нѣкогда здѣсь росли лѣса и можетъ-быть исполинскіе лѣса. Гдѣ-же они теперь? Исчезли. Какими судьбами исчезли? неизвѣстно. Здѣсь жили прѣжде стада исполинскихъ быковъ (*bos latifrons*), исполинскихъ оленей (*ceruus megaceros*); здѣсь жилъ динотерій (ужасный звѣрь); здѣсь жилъ эламотерій, исполинскій прототицъ нынѣшней русской лошади; наконецъ здѣсь жили носороги, мамонты и мастодонты! эти исполинскія животныя все были травоядныя. Какая же трава должна была здѣсь расти, чтобы прокормить этихъ животныхъ! Никакого нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь было самое роскошное, самое исполинское растительное царство, ибо въ одномъ только такомъ царствѣ могло развиваться царство мамонтовъ и мастодонтовъ. Какая-же причина ихъ истребленія? Весьма натуральная. Земля стала меньше производить для нихъ корму, меньше и меньше, покуда она наконецъ совсѣмъ перестала ихъ кормить. Но человѣку данъ умъ, дана наука. Онъ можетъ на голой скалѣ вырастить для себя хлѣбъ. Онъ можетъ землю обратить въ хлѣбъ. Онъ можетъ огонь обратить въ воду, чтобы напиться; онъ можетъ воду обратить въ огонь, чтобы обогрѣться. Таковъ умъ человѣка! Исторія наша есть ничто иное, какъ рядъ побѣдъ человѣка надъ стихіями. Каждый Божій день онъ празднуетъ новыя побѣды; издаетъ новыя и новыя побѣдныя клики надъ стихіями. Вотъ его завоеванія! Человѣкъ поработитъ себя вѣтры и бури, и рано-ли, поздно-ли заставитъ вѣтеръ поднять себя и понести какъ птицу по воздуху... тогда прощай земля! какъ говорилъ Флейтраверсовъ.

Вотъ въ чемъ дѣло, а не въ умозрѣніи.

Почтовые мои лошади мчатся, возокъ мой летитъ, какъ стрѣла, по степи.

Я проѣхалъ уже десять станцій. Настала ночь. Южное небо озарилось милліонами звѣздъ. Не можешь оторвать глазъ отъ этихъ звѣздъ. Наступила тишина. Степь пѣма и глуха, какъ могила! Какая это огро-

мная могила прошедшаго! Стѣнь перемѣнилась; вмѣсто исполинскихъ быковъ и страшныхъ мастодонтовъ на ней гуляютъ теперь мирныя стада мериносовъ. Местодонтъ былъ представитель того времени, мерипосъ есть представитель нашего времени. Земля постепенно шла къ своему совершенству. На землѣ, какъ на настоящей сценѣ, картины безпрестанно измѣняются: однѣ фигуры исчезаютъ, другія являются. Въ свою очередь и эти фигуры исчезнутъ...

— Пошелъ! пошелъ, ямщикъ!

— Эй! съ горки на горку, дасть баринъ на водку! закричалъ ямщикъ на лошадей.

И лошади, ради того, что баринъ дасть ямщику на водку, помчались стремглавъ.

Я погрузился опять въ мечтанія: Время ночи есть время мечтаній. Во мракѣ ночи, когда живые предметы исчезаютъ предъ вами, какъ толпы привидѣній, когда всякій живой звукъ исчезаетъ, начинается пробуждаться голосъ вашей души... Вы не можете ему сказать: замолчи! Передъ вами невидимый чтець начинаетъ читать вслухъ вашу исторію, ваши дѣла, ваши тайны, ваши тайныя помышленія; высказываетъ, что у васъ на сердцѣ; что шевелится въ немъ, что въ немъ шевелилось; чѣмъ оно страдаетъ; чѣмъ оно страдало; что оно любило, кого любило; кого не любило! Начинаетъ вызывать по именамъ лица... можетъ-быть такія лица, которыя бы вамъ не хотѣлось чтобъ ихъ вызывали... предъ вами возникаетъ міръ ночныхъ фантомовъ!

Мнѣ вдругъ пришелъ на умъ Флейтраверсовъ. Флейтраверсовъ погибъ! Будь онъ математикъ, будь онъ астрономъ, будь онъ физикъ, будь онъ химикъ, онъ былъ бы нѣмецкій ученый; но онъ сдѣлался философъ и погибъ. Нѣмецкіе философы мечтаютъ, какъ поэты. Поэты сдѣлаютъ пегасовъ и фантазируютъ, сидя на пегасахъ; но философы пренебрегаютъ пегасами. Они сдѣлаютъ мухъ и комаровъ, и фантазируютъ, сидя одинъ на мухѣ, другой на комарѣ, и полагаютъ, что они могутъ парить... потому только, что у мухи и у комара есть крылья!... Въ нѣмецкой философіи нѣтъ и не было ничего твердаго и постояннаго. Это настоящая избушка на курьей ножкѣ. Одинъ кричитъ: избушка! избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ! и избушка поворачивается передомъ. Другой кричитъ: избушка, повернись назадъ! стань къ лѣсу передомъ, а ко мнѣ задомъ! и избушка повинуется и становится къ лѣсу передомъ, а къ нему задомъ. Избушка пляши! и избушка пляшетъ. Избушка провались сквозь землю! и избушка проваливается. И то мѣсто, гдѣ была избушка, осталось пусто.

Возокъ мой вдругъ остановился.

— Приѣхали! сказалъ ящикъ. Я васъ лихо докатилъ! —

А я и не замѣтилъ, какъ онъ меня докатилъ.

— Баринъ на водочку!

Я далъ ему гривенникъ на водку, и ящикъ обрадовался, какъ будто-бы онъ получилъ милліонъ.

Я вошелъ въ станціонный домъ. Миѣ хотѣлось отдохнуть. Вхожу въ станціонную комнату. Къ ней примыкала другая боковая комнатка. Въ этой боковой комнаткѣ, за столомъ, на которомъ мерцалъ сальный огарокъ, сидѣлъ станціонный писарь. Ему принесли мою подорожную; онъ развернулъ ее, прочиталъ, что-то пробормоталъ и началъ вписывать ее въ свою книгу.

— Послушай писарь! — сказалъ я.

— Что прикажете ваше высокоблагородіе? отвѣчалъ писарь, вытянувшись предо мною, и готовясь — какъ казалось бѣжать стремглавъ куда я прикажу.

— Я хочу здѣсь почевать.

— Слушаю-съ!

— Можно-ли здѣсь что-нибудь поѣсть?

— Что прикажете?

— Что-нибудь: хлѣба, масла, стаканъ чаю.

— Не прикажете-ли шампанскаго?

— Богъ съ тобой! Но неужели здѣсь есть шампанское?

— Есть, сударь!

— Кто-же тутъ торгуетъ шампанскимъ?

— Господинъ хозяинъ.

— А кто твой хозяинъ?

— Содержатель станціи, Борохъ Мошковичъ.

— Жидъ?...

— Жидъ! — повторилъ писарь иронически. — А что вы разумѣете, милостивый государь, подъ этимъ словомъ? — жидъ! — продолжалъ онъ, перемѣнивъ совершенно прежній тонъ. — Жидъ! думаете вы, жидъ! Но Спиноза былъ тоже жидъ! — воскликнулъ писарь совершенно уже не по-писарски.

Это восклицаніе и выраженіе, съ которымъ оно было сдѣлано, меня удивили.

Я вошелъ въ писарскую комнату и подошелъ къ огню, чтобъ при свѣтѣ его ближе разсмотрѣть лицо господина писаря.

Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти. Лицо его и лобъ были покрыты морщинами. Узкій подбородокъ выдавался впередъ. Лицо его не имѣло никакого выраженія, или имѣло глупое выраженіе, но голова его

была похожа на голову Сократа! На головѣ не осталось ни одного волоска. Это былъ одинъ только голый черепъ съ свѣтящимися глазами.

На немъ былъ сюртукъ изъ толстаго сѣраго сукна съ заплатами на локтяхъ, но на этомъ сюртукѣ не видно было ни пятнышка. Шея была повязана какою-то тряпичей, но изъ-за этой тряпицы выказывался воротъ рубашки, бѣлой, какъ снѣгъ. Съ головы до ногъ въ этомъ старикѣ было что-то странное, то привлекающее, то отталкивающее; какое-то смѣшеніе противоположностей.

Брови писаря насушились. Онъ казалось былъ недоволенъ тѣмъ, что я его со вниманіемъ разсматривалъ...

— Такъ ты знаешь жида Спинозу? Ты его читалъ?... спросилъ я съ любопытствомъ.

— О какомъ Спинозѣ—вы говорите?

— О философѣ Спинозѣ!

— Я философа, Спинозу зналъ лично! сказалъ писарь.

Онъ произнесъ эти слова такъ утвердительно, такимъ тономъ, что я готовъ былъ повѣрить, что онъ лично зналъ Спинозу. Въ лицѣ его выразилось что-то неестественное.

— Кто вы такой?—спросилъ я, глядя на него съ особеннымъ любопытствомъ.

— Я?... я Блудный Сынъ! милостивый государь! — сказалъ онъ, оставивъ на меня блестящіе глаза.

— Вы Блудный Сынъ?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да; вы видите передъ собою Блуднаго Сына. Вы видѣли картину Сальватора Розы, Блудный Сынъ? Сальваторъ Роза писалъ эту картину съ меня. Вы не вѣрите? Я вамъ расскажу еще не такія чудеса. Я получилъ отъ отца моего страшное богатство, и я расточилъ это богатство, какъ Блудный Сынъ. Могли-ли вы подозрѣвать во мнѣ бывшаго Креза?

Ха! ха! ха!

Ха! ха! ха!

— Такъ вы были Крезъ?

— А вамъ кажется это невѣроятно? Я былъ Крезъ! Но что всего удивительнѣе—я не былъ ни гуляка, ни пьяница, ни мотъ, ни картежникъ; я ни одному нищему не далъ ни гроша, а богатство мое разлетѣлось, какъ дымъ! Я все расточилъ.

— Какъ-же вы его расточили?

— Я искалъ философскаго камня, сударь! Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые отыскивали философскій камень!

— И вы нашли философскій камень?

— Нашелъ! Я нашелъ философскій камень! Но чего это мнѣ стоило! Двѣ драхмы съ половиной! чего это мнѣ стоило! Вотъ на что я расточилъ и обратилъ въ дымъ мои сокровища

— Но вы нашли философскій камень, а это стоить крезовыхъ сокровищъ! сказалъ я.

— Игра не стоила свѣчь, сударь! Игра не стоила свѣчь! отвѣчалъ писарь, голосомъ, въ которомъ слышалось отчаяніе.

— Расскажите же мнѣ исторію вашего философскаго камня, если это не тайна, продолжалъ я съ удвоеннымъ любопытствомъ.

— Я не для того трудился, чтобъ дѣлать изъ этого тайну. Я трудился для науки. Я хотѣлъ сдѣлать важное открытіе. Я убилъ мою жизнь и все мое состояніе на философскіе опыты. Я сидѣлъ передъ одной ретортою 365 дней и 365 ночей сряду, пока она не лопнула. Я перепробовалъ все извѣстныя намъ 60 элементовъ. Я жегъ пережигалъ, лилъ, переливалъ, перегонялъ, возгонялъ, и изъ этого ничего не вышло. Я убивалъ уже остатки моихъ силъ и моего состоянія, и напрасно! Я приходилъ въ отчаяніе. Я хотѣлъ наконецъ отдать мою душу дьяволу, какъ отдалъ ее Фаустъ, чтобы только достать философскій камень. Я началъ уже звать къ себѣ дьявола на помощь. Вдругъ является предо мною тѣнь Альберта Великаго.

— Бѣдный смертный! слабый смертный! сказалъ онъ мнѣ. Ты ищешь философскаго камня. Ты ложнымъ путемъ искалъ философскаго камня. Знаешь ли ты, какъ отыскать философскій камень?

— А какъ?

— Очень просто. Вотъ тебѣ рецептъ.

— Я развернулъ рецептъ дрожащими руками и началъ его читать: добудь драхму чистаго фосфору изъ костей, полдрахмы сѣры изъ крови и драхму краснаго ртутнаго порошку и двѣ драхмы съ половиною твоего собственнаго мозгу; положи все это въ фарфоровую реторту, закупорь реторту герметически и положи ее на огонь. Калѣ эту реторту 64 часа непрерывно. Къ концу третьихъ сутокъ ты услышишь въ ретортѣ громъ и свистъ, изъ реторты будутъ вырываться молніи, ты сяди терпѣливо, не шевеля пальцамъ, и жди. Въ ретортѣ будетъ происходить борьба противоположныхъ, враждующихъ стихій: сѣры, ртути и фосфора съ твоимъ мозгомъ. Образуется гремучій составъ. Потомъ когда громъ утихнетъ, сними реторту съ огня, дай ей постепенно охладиться; потомъ разбей реторту... и получишь блестящій кристаллъ, вѣсомъ въ пять драхмъ; это будетъ чистѣйшій философскій камень.

— Все это хорошо, но какимъ образомъ добыть двѣ драхмы съ половиною моего собственнаго мозгу? спросилъ я Альберта Великаго.

Но Альберта Великаго уже не было передо мною.

Я задумался. Нужно было двѣ драхмы съ половиной моего собственного мозгу!

Но я думалъ недолго. Я добылъ сѣры, фосфора, превратилъ обыкновенную ртуть въ красный ртутный порошокъ, недоставало только моего мозгу. Я раскрылъ себѣ черепъ и досталъ двѣ драхмы съ половиной моего собственного мозгу! Теперь у меня въ головѣ мозгу мнѣ двумя драхмами съ половиной. Но я трудился для науки. Я жертвовалъ ей моимъ мозгомъ.

Я съ судорожнымъ участіемъ слѣдилъ за необыкновеннымъ разсказомъ старика и за его фізіономіей, которая дѣлалась мрачнѣе и мрачнѣе.

— Я сдѣлалъ все, какъ было сказано по рецепту. Я сидѣлъ 62 часа передъ ретортой безъ пищи и сна. Наконецъ въ ретортѣ поднялся громъ и свистъ; изъ реторты начали вылетать электрическія искры и поражать меня ударами. Будто тысячи раскаленныхъ иглъ вдругъ пронизывали мое тѣло отъ мозгу до конца пальцевъ. Изъ меня самого начали вылетать огненные искры и пламя. Наконецъ все кончилось. Я снялъ реторту съ огня, далъ ей охладиться, разбилъ ее и получилъ философскій камень

— Это былъ блестящій кристаллъ чистаго золота, вѣсомъ въ пять драхмъ. Сколько матеріалу по вѣсу было употреблено, столько получено; но я превратилъ сѣру, фосфоръ и ртуть въ золото. Какая находка! Не правда ли? Я снова сталъ Крезъ! Я могъ теперь лить вокругъ себя золото неисчерпаемою рукою. Я могъ теперь быть благодѣтелемъ ближнихъ! Я прыгалъ отъ радости, какъ сумасшедшій! Но къ сѣрѣ, къ фосфору я добавилъ двѣ съ половиной драхмы моего собственного мозгу!.. Какъ вы думаете объ этомъ, ваше высокоблагородіе? Двѣ драхмы съ половиною моего мозгу!.. А?..

На лицѣ у меня выступилъ холодный потъ отъ словъ и голоса, съ какимъ они были произнесены.

— Я употребилъ такой матеріалъ, какого другіе философы не употребляли!.. Какой матеріалъ! Пять драхмъ золота и только! Пять драхмъ обыкновеннаго золота. Но я истратилъ на него матеріалъ, который стоилъ въ миллионъ разъ дороже! Я умѣлъ теперь превращать простыя вещества въ золото, но какія эти простыя вещества! Въ этомъ кускѣ золота находился мой мозгъ, сударь, мой мозгъ! Каково?

На лицѣ разсказчика изобразился ужасъ.

Онъ привелъ меня самого въ ужасъ.

— Вы хотите знать, что было дальше? Я вамъ скажу, что было дальше. Исторія моего философскаго камня будетъ поучительна для васъ. Въ моей головѣ сдѣлалось мозгу меньше на двѣ драхмы съ половиной. Я лишился этихъ частицъ. Двѣ драхмы съ половиной, много ли тутъ! Но это можетъ быть были лучшія и благороднѣйшія мои частицы. Съ-тѣхъ-поръ я сдѣлался калекой, умственнымъ калекой, сударь мой! Умственнымъ калекой! Когда я чувствовалъ въ себѣ прежде силы Голиафа! Я бы могъ быть Голиафомъ!

И старикъ выпрямился предо мною и поднялъ высоко свою голову, какъ-будто бы онъ хотѣлъ изобразить собою фигуру Голиафа. Я и теперь еще Голиафъ, но уже не настоящій Голиафъ... а только блуждающая его тѣнь!

— Въ природѣ нѣтъ того, чего ищутъ наши философы. Я это испыталъ. Я это отлично испыталъ..!

— Но ваше испытаніе послѣ этого кончилось. Вы перестали потомъ гоняться за пустыми мечтами, сказалъ я.

— Нѣтъ не кончилось. Еслибы я умеръ послѣ этого, то бы конечно все кончилось, но я не умеръ. Я, какъ Вѣчный Жидъ, не умираю. За этимъ начинается исторія моихъ походовъ. Слушайте, слушайте!

Я пошелъ бродить по свѣту. Я пошелъ въ Римъ, но въ вѣчномъ городѣ я не нашелъ уже тѣхъ великихъ мудрецовъ и учителей, съ которыми бы я хотѣлъ побесѣдовать и раздѣлить мои мысли, мои сомнѣнія. Они мучались всю жизнь и сошли въ могилу. Послѣ Галилея, послѣ Джіордано Бруно уже тамъ не было другаго Галилея, ни другаго Джіордано Бруно. Вѣчный городъ былъ пустъ для меня, какъ могила. Я встрѣчалъ тамъ однихъ мертвецовъ. Изъ Рима я пошелъ дальше. Я пришелъ въ Парижъ. У меня сердце сжалось отъ тоски, когда я взглянулъ на бѣснующуюся Парижъ. Шумъ, бѣготня, громъ, крикъ, свистъ!.. Я ушелъ изъ Парижа, и пришелъ въ Лондонъ. Въ Лондонѣ меня приняли за подозрительнаго челоуѣка и отправили обратно на твердую землю. Я выдавалъ себя за бѣднаго философа, ищущаго истины... меня принимали за бродягу и гнали всюду вонъ... allez vous en! кричали вѣжливые французы. Weg! weg! вопили добродушные нѣмцы, завидя меня: weg! Я шелъ дальше. Я уходилъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ города въ городъ, преслѣдуемый крикомъ: Weg! weg! Я началъ пугаться уже моей собственной тѣни. Я кричалъ уже моей собственной тѣни: Weg! weg! Geh weg!

Я пришелъ въ Гагу. Слушайте! Слушайте! Я пришелъ въ

Гагу. Въ Гагѣ жилъ и умеръ Великій Спиноза; здѣсь онъ умеръ, или какъ говорили объ немъ христіанскіе философы: *in prima anima et extremum spiritum plaudere efflavit*. Я отыскалъ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Онъ былъ запертъ на заперъ. Въ городѣ ходили вѣсти, что въ этомъ домѣ по ночамъ бродитъ какой-то духъ и поднимаетъ шумъ и гамъ!.. Чей же это могъ быть духъ, какъ не духъ Спинозы?

Я упродилъ, чтобы мнѣ открыли домъ. Я хотѣлъ поклониться тѣни великаго человѣка, такого же страдальца, какъ и я. Онъ также искалъ философскаго камня. Мы были дѣти одной матери, только онъ былъ старшій братъ, а я младшій братъ.

Я вошелъ въ домъ. Вхожу въ комнату, въ которой умеръ Спиноза; но едва я переступилъ за порогъ этой комнаты; какъ съ постели, на которой Спиноза испустилъ послѣднее дыханіе, *extremum spiritum efflavit*, поднялся скелеть... только одинъ голый черепъ, почернѣвшій отъ времени и голыя кости... Онъ былъ обезображенъ, но и въ своемъ безобразіи онъ казался передо мною красавцемъ.

— А! Здравствуй! закричалъ онъ ко мнѣ на встрѣчу, поднимаясь съ постели: — *Salve! Salve amice!*

— Здравствуй! Ты еще здравствуешь? — отвѣчалъ я, подавая ему мою руку.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку. Моя рука стала холодна, какъ ледь.

— Я давно тебя ждалъ, я начиналъ уже беспокоиться, что не дождусь тебя, продолжалъ онъ: что ты не придешь посѣтить меня. — Зачѣмъ ты не пришелъ ко мнѣ раньше?

Я слушалъ его, признаться, не безъ волненія; но скоро мое волненіе затихло потому, что моя кровь застыла... я превратился самъ въ мертвеца; я никогда не забуду этихъ минутъ.

Глядя на выраженіе, которое вдругъ приняло лицо разскащика, у меня самага оледенѣла кровь.

— Садись сказалъ мнѣ скелеть указывая на стулъ.

Я сѣлъ.

Онъ сталъ передо мной.

— Ты бѣдный философъ, началъ онъ: ты бѣдный мой братъ! Ты пошелъ по моимъ стопамъ. Я шелъ по терніямъ, я шелъ по голымъ скаламъ, я шелъ по непротопаннымъ дорогамъ — ты пошелъ по моимъ стезямъ. Я хотѣлъ тебѣ сказать, я хотѣлъ крикнуть тебѣ: не ходи по этой стезѣ — ты заблудишься! Я хотѣлъ идти и загородить тебѣ дорогу, но я тутъ запертъ!... я не могъ тебѣ помочь. Я видѣлъ, какъ ты шелъ, какъ ты быстро пошелъ; я считалъ твои шаги, я прислушивался къ шуму твоихъ шаговъ; я увидѣлъ, какъ ты остановился

напослѣдокъ ., я увидѣлъ наконецъ, какъ ты заблудился!... Какое горе! Какое горе! А между-тѣмъ ты бы могъ идти не заблуждаясь!... Мой вѣкъ былъ другой вѣкъ: мы были бѣдные пловцы среди океана; мы были утопающіе, хватавшіеся за щепки, за соломенки. Ты въ свой вѣкъ могъ быть великій, гордый пловецъ.... Ты могъ плыть въ открытое море, открывать новыя земли, новыя океаны, новыя міры; а ты держался старыхъ, опасныхъ береговъ, пока твой корабль не разбился о скалы.... Горе тебѣ, мой бѣдный братъ! Горе тебѣ! Если бы у меня были глаза, я бы наплакалъ много слезъ о тебѣ.... Но теперь слезы тебѣ не помогутъ!

Я заплакалъ!

— Не плачь! Слезы теперь не помогутъ. Ты могъ плыть въ далекія, волшебныя края... а ты погнался по болотамъ, за блудящими огнями, за философскими идеями, какъ дитя за мотыльками. Что такое твоя идея?... блудящій огонь.... мыльный пузырь, начиненный гремучимъ воздухомъ. Но что остается отъ этого? Пустота!... вѣчная, безотрадная пустота! Все, что германскіе философы создавали, обратилось въ прахъ! Они хотѣли построить храмъ изъ философскихъ идей.... изъ соломинокъ!... Какой жалкій матеріалъ! Они хотѣли поставить куполь, на тоненькихъ соломенкахъ...

Я самъ былъ философъ, я самъ заблуждался; но могила меня образумила. Пора бы философамъ перестать заблуждаться.

Чѣмъ занимаются философы? Идеями, отвлеченными идеями! Но что такое отвлеченная идея? Мечта! Фантомъ! Призракъ, ниначемъ основанный. Идея тогда только не фантомъ и не мечта если она есть результатъ опытовъ и экспериментовъ. Философія есть домъ призраковъ и фантомовъ. Она населила міръ призраками. Если хоть одно основаніе въ умозрительной философій, которое бы не было опровергнуто? Если хоть одна истина, которая была бы принята безъ возраженій? Что же это за наука?

Ты слышишь признаніе стараго философа, раскаявагося въ своихъ заблужденіяхъ!

Есть ли философъ, который бы не противорѣчилъ самому-себѣ? Есть ли философы, которые бы наконецъ подъ бременемъ тысячи противурѣчій, не впали въ скептицизмъ. А скептицизмъ есть уже безуміе. Что это за наука? Что это за люди?

— Философію называютъ великою наукою, но истинную науку вывести можно только изъ экспериментовъ, а философія ставитъ себя выше всѣхъ экспериментовъ а между-тѣмъ умозрительная философія есть дѣтская забава. Пора серьезнымъ философамъ перестать забавляться. О Кантъ,

Кантъ! Какой великій умъ, и на что онъ потраченъ! Какой почтенный человекъ, и какой буфъ! Онъ увлекъ васъ своими идеями, но эти новыя идеи похожи на новое, неперебродившее вано, которое скоро киснетъ!.. Ныиѣшніе германскіе философы будутъ отвѣчать вамъ на всѣ ваши вопросы безъ запинки, не краснѣя, и новички, плѣняясь этимъ философскимъ всезнаніемъ, которое ни предъ чѣмъ не останавливается, считаютъ ихъ великими мудрецами. Въ три дни они дѣлаются сами мудрецами. Въ три дни они проглотили сорокъ коробовъ философскихъ идей и сами стали философы. Какъ это все легко! Но эти идеи ядъ, который разстроиваетъ молодое воображеніе и отравляетъ молодой умъ. Чтобы истинно понять что—нибудь нуженъ долгій, долгій опытъ. *Vita brevis Ars longa!*

Всѣ философы, предававшіеся бесплоднымъ умозрѣніямъ, погибли для науки и умерли, оставивъ одинъ мрачный слѣдъ за собою. Такъ погибнешь, такой слѣдъ оставишь и ты за собою! Ты трудился какъ паукъ, а не какъ пчела.

Но утѣшься!

Видишь—ли ты тамъ на Востогѣ блеснула новая заря — какой чудный, восхитительный свѣтъ! Какой блескъ! То восходитъ юная звѣзда эксперимента! Эта звѣзда пролетѣтъ на землю истинный свѣтъ науки. Преклонись передъ нею! Время умозрѣній, время пустаго мудрствованія уже наисходѣ. Настаетъ вѣкъ эксперимента. Экспериментъ убьетъ умозрѣніе.

Взгляни, взгляни! новая звѣзда уже показалась. Толпы фантамовъ, созданныхъ неопытнымъ умомъ и воображеніемъ человѣческимъ, исчезаютъ и разбѣиваются, какъ дымъ. Преклонись передъ этой звѣздой!

Она будетъ свѣтить уже не для тебя. Ты поклонялся фантомамъ и твои фантомы, въ которые ты вѣровалъ, смотри, исчезаютъ въ воздухѣ, какъ клубы дыма. Твои идеалы превратились въ клубы дыма. На твоемъ лицѣ написано отчаяніе.

Ты искалъ философскаго камня!.. воскликнулъ Спиноза; ты искалъ *абсолюта!* Философскаго абсолюта! Ха!.. ха!.. ха! Абсолюта! Ты искалъ чудовища съ рогами, которое тебя задало. Ха! ха! ха!

Хохотъ этотъ былъ ужасенъ. Я самъ захохоталъ адскимъ ужаснымъ хохотомъ.

— Не правда—ли что теперь и тебѣ эти жалкіе искатели абсолюта кажутся смѣшны? — сказалъ Спиноза.

И захохоталъ еще пуще. Я самъ хохоталъ, ха! ха! ха! ха! ха! ха! но въ моемъ хохотѣ раздавался хохотъ и плачь.

И станціонный писарь, стоя передо мной, хохоталъ тѣмъ же самымъ ужаснымъ хохотомъ.

— Мы нахохотались съ Спинозою досыта.

— Но успокойся!... сказалъ мой собесѣдникъ.

Успокойся! Я ждалъ тебя къ себѣ, чтобъ тебя утѣшить, чтобъ тебя успокоить.

Но слова его однакожь раздирали мою душу.

— Утѣшься! повторялъ онъ. Я хочу тебя утѣшить! Я доставлю тебѣ утѣшеніе, котораго ты и не предполагаешь, я доставлю тебѣ истинное утѣшеніе.

Я глядѣлъ на философа съ изумленіемъ, не понимая, какое утѣшеніе онъ мнѣ можетъ доставить въ моемъ отчаяніи.

— Я тебя утѣшу! Вотъ чѣмъ я тебя утѣшу, продолжалъ онъ, вынимая изъ-подъ своего изголовья зеркало и поднеся его къ своимъ глазамъ. Смотри! воскликнулъ онъ, въ это волшебное зеркало!

Я взглянулъ въ зеркало!..

— Видишь-ли? видишь-ли? — спросилъ онъ, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ и потирая руки отъ удовольствіи.

Я былъ пораженъ удивительнымъ зрѣлищемъ, я былъ пораженъ такимъ зрѣлищемъ, ваше высокоблагородіе!..

И глаза разскащика вдругъ заблестали такимъ восторгомъ, такимъ восхищеніемъ, какъ бы заблестали глаза нищаго, вдругъ нашедшаго золотой кладъ.

— Я не могъ оторвать глазъ отъ волшебнаго стекла, отъ волшебнаго зрѣлища.

— Какое зрѣлище! какое зрѣлище! воскликнулъ я.

— Каково? каково! Неправда-ли я говорилъ, что я тебя утѣшу? — отвѣчалъ мой чудесный собесѣдникъ.

— Видишь-ли ты ясно? видишь-ли ты все? — повторилъ онъ.

— Вижу! вижу! отвѣчалъ я.

— Устремляй глаза все дальше и дальше!

— Какое зрѣлище! какое неописанное зрѣлище!

— Окинь глазами весь шаръ земной: моря, земли, горы, материни, океаны!

— Вижу, вижу!

— Окинь теперь глазами различныя государства!

— Вотъ Россія, вотъ Франція, вотъ Египетъ, вотъ Индія, вотъ Китай!

— Смотри теперь на людей: на *блѣлое* племя, на *желтое*, на *красное*, на *черное*.

— Вотъ всѣ эти народы у меня передъ глазами.

— Что же ты видишь, что же ты читаешь на ихъ лицахъ?

— На ихъ лицахъ я читаю... Но я, Ваше Высокоблагородіе, не скажу вамъ, что я прочиталъ на ихъ лицахъ. Это моя тайна, извините меня.

— Ты теперь удовлетворилъ свое любопытство? — спросилъ меня Спиноза.

— Позволь мнѣ посмотреть еще на одинъ предметъ! отвѣчалъ я.

— Знаю, на какой ты предметъ смотришь; у тебя слезы на глазахъ отъ восторга. Взгляни теперь въ это зеркало на самого себя! — взгляди пристально!

— Ахъ! я вижу самого себя, я вижу самого себя! Я безсмертенъ! я безсмертенъ! воскликнулъ я, роняя изъ рукъ зеркало.

— Ты безсмертенъ! Мы безсмертны! Душа человѣческая не умираетъ! воскликнулъ Спиноза. Земное наше страданіе ничто въ сравненіи съ нашимъ безсмертіемъ! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь!

— Аминь! подхватилъ я.

— Аминь! Аминь! повторилъ Спиноза.

— Теперь желаніе мое исполнилось. Теперь прощай! сказалъ онъ, наконецъ: иди съ миромъ! Да будетъ миръ съ тобою. Теперь ты мудрецъ!

Онъ пожалъ мою руку, я пожалъ его руку, и мы разстались.

Теперь мнѣ все разъяснилось.

Съ этихъ поръ въ моей душѣ водворился миръ и спокойствіе. Вотъ когда и какимъ-образомъ я узналъ Спинозу лично, добавилъ станціонный писарь, окончивъ свой рассказъ.

— Но рассказъ мой еще не кончился, ваше высокоблагородіе! Изъ Гаги я отправился въ Кенигсбергъ. Я посѣтилъ Канта въ Кенигсбергъ. Философія Канта теперь мнѣ представлялась въ уморительномъ видѣ. Какіе уморительныя сцены были у меня Кантомъ! Я думалъ найти въ немъ мудреца, а я нашель въ немъ ребенка, который пускаетъ мыльные пузыри... Я не хотѣлъ выводить этого почтеннаго человѣка, на старости лѣтъ, изъ его заблужденій и хвалилъ напропалую его философію. Но онъ замѣтилъ, что мои похвалы были не чистосердечны, что я лицемѣрилъ. Это стало ему досадно. Я его увѣрялъ, что его сочиненія переживутъ вѣка и дойдутъ до отдаленнѣйшаго потомства, какъ твореніе величайшей человѣческой мудрости. Онъ видѣлъ самъ,

что я лгу; я увѣрялъ, что я говорилъ по убѣжденію и посовѣсти, но онъ мнѣ не вѣрилъ и сердился. Я хохоталъ, а онъ сердился. Это было уморительно.

Однакожь онъ вызвалъ меня на откровенность, увѣряя, что онъ не будетъ сердиться, чтобы я ни говорилъ и какъ бы ни отзывался о его философіи.

Я поддался этому вызову и началъ излагать передъ нимъ смыслъ и значеніе его философіи.

Кантъ пришелъ въ ужасъ.

Но я уже, начавъ, не могъ остановиться. Я разобралъ его ученіе по буквамъ. Я началъ вызывать изъ мрака этой философіи на сцену всѣ идеи; идея за идеей, фантомъ за фантомомъ. Передъ нами вдругъ предстала толпа фантомовъ. Это была самая уморительная фантазмогорія.

— Подите къ чорту! Zum Teufel! Zum Teufel! закричалъ старый добрый Кантъ на этихъ чудовищъ.

— Мы твои дѣти! мы твои дѣти! отвѣчали фантомы въ одинъ голосъ. Куда намъ дѣваться? Кто насъ приметъ?

— Къ чорту! къ чорту! Васъ приметъ Фихте, васъ приметъ Шеллингъ, васъ приметъ Гегель! Къ чорту! къ чорту!

Вы можете представить себѣ, какъ я хохоталъ отъ этой сцены....

И станціонный писарь, вспоминая объ этой сценѣ, помиралъ со смѣху.

Когда я наконецъ сказалъ Канту мое послѣднее слово о его философіи, то онъ вдругъ схватилъ себя за голову обѣими руками, вскрикнулъ и Канта не стало.

Я былъ, сударь, убійцей Канта!

Потомъ я воротился въ мое отечество. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ мой домъ, былъ выстроенъ новый домъ. Кругомъ меня были все новые и незнакомые мнѣ люди, чуждые лица. Я былъ бѣдный горемыка. Никто во мнѣ не принялъ никакого участія, да и къ чему бы мнѣ послужило это участіе? Мое тѣло сдѣлалось слабо и немощно, но въ душѣ моей водворилось спокойствіе и даже веселіе...

Чтобы имѣть дневное пропитаніе, я опредѣлился церковнымъ сторожемъ къ одной церкви, потомъ я сталъ звонаремъ, теперь я служу, слава Богу, станціоннымъ писаремъ.

Этимъ и кончились мои житейскія похождения; что-будеть дальше, то пусть и будетъ! Какъ поѣдешь, такъ и поженешь.

— Кто вы такой? — спросилъ я этого необыкновеннаго станціоннаго писаря, когда онъ окончилъ свой рассказъ.

— Кто я такой? я вамъ рассказывалъ, кто я такой.

— Какъ ваше имя?

— Какъ мое имя? а какъ-бишь мое настоящее имя? У меня были разныя имена. Меня называли *философомъ!*... Подъ этимъ названіемъ подразумѣвалось все и мое имя, и чинъ, и фамилія. Потомъ когда я служилъ церковнымъ сторожемъ меня называли *Сторожемъ-Философомъ*; потомъ когда я былъ звонаремъ называли *Звонаремъ-Философомъ*; теперь меня называютъ *Писаремъ-Философомъ*, или просто *Старичкомъ-Весельчакомъ!* Но мое имя ни то, ни другое, ни третье; мое настоящее имя... А знаете-ли какъ мое настоящее имя? Знали-ли вы когда-нибудь, хотя по слуху, про нѣкоего Михайла Флейтраверсова, кандидата философіи?

— Зналъ!

— Такъ я и есть самъ онъ, Михайло Флейтраверсовъ, кандидатъ философіи! ваше высокоблагородіе!

— Ты Флейтраверсовъ? — вскрикнулъ я съ удивленіемъ.

— Да, Флейтраверсовъ! Чему же вы удивляетесь?

— Но въ тебѣ и тѣни нѣтъ прежняго Флейтраверсова?

— Я былъ прежде гусеница, а теперь я сталъ мотылькомъ!.. Бывшій Флейтраверсовъ теперь сдѣлался уже другой Флейтраверсовъ, но все же Флейтраверсовъ!

— Коли ты Флейтраверсовъ, то ты долженъ знать, кто я!

— Вы? Кто такой вы? Вы человекъ чиновный, баринъ.. ваше высокоблагородіе!

— Ты не знаешь меня, своего стараго однокашника?

— Вы мой однокашникъ? Развѣ вы были когда-нибудь гусеницей?

— Полно другъ мой! полно! Вглядишь въ меня хорошенько!

Флейтраверсовъ началъ въ меня пристально вглядываться.

— Кто же я? узналъ?

— Узналъ! о я васъ узналъ! Вы... На лицѣ на вашемъ написано, что вы честолюбець... честолюбець!.. который... однимъ словомъ честолюбець! А что такое честолюбець? Это звѣрь кошачей породы.

У васъ медъ на устахъ, а подъ погтемъ ядъ для всякаго желающаго... Въ душѣ вашей я вижу червяка, который васъ гложетъ, но вмѣсто того, чтобы выкинуть этого червяка, вы его лелѣете... это ваша задушевная мысль о... но вы сами знаете о чемъ! Этотъ червякъ есть вашъ идолъ. О я васъ знаю, сударь!... я васъ знаю какъ дважды два. Я васъ понимаю.

— Но ты сумасшедшій, если ты меня такъ понимаешь.

Флейтраверсовъ вдругъ побагровѣлъ.

— Я сумасшедшій? сумасшедшій! вскрикнулъ онъ: кто вамъ сказалъ, что я сумасшедшій? Я никогда не былъ сумасшедшимъ! Ужъ не въ первый разъ я слышу слова: онъ, дескать я, сумасшедшій! Если я, то послѣ этого всякій есть сумасшедшій! Скорѣе вы, милостивый государь, который считаетъ себя умникомъ, есть сумасшедшій! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я служу здѣсь писаремъ, меня никто не называлъ, такъ какъ вы называете, сумасшедшимъ! Я сумасшедшій! воскликнулъ Флейтраверсовъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Я сумасшедшій! Я теперь сумасшедшій! повторилъ онъ, и зарыдалъ... слезы градомъ полились по его лицу.

Мнѣ горько стало, что я неумышленно нанесъ огорченіе моему старому другу... тронувъ его чувствительную струту. Глядя на него, я самъ не могъ удержаться, чтобы не заплакать.

Флейтраверсовъ вдругъ закрылъ глаза руками и опрокинулся на стулъ полумертвый.

Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ подлѣ него.

Черезъ нѣсколько времени онъ очнулся. Я его перенесъ и уложилъ въ постель. Когда я замѣтилъ, что пульсъ его началъ биться правильнѣе и тише и что онъ внѣ всякой опасности, я его оставилъ и кинулся въ свою постель.

Но я не могъ заснуть спокойно. Сонъ мой былъ одинъ изъ тѣхъ сновъ, которые не успокаиваютъ человѣка, а усугубляютъ его безпокойство.

По утру я проснулся.

Солнце полнымъ блескомъ свѣтило въ окна. За окномъ щебетала ласточка, распѣвали веселыя пташки.

Въ открыто окно на меня пахнулъ утренній воздухъ, и я вдохнулъ въ себя этого воздуха столько, сколько его могло помѣститься въ моихъ легкихъ, и моей душѣ сдѣлалось отраднѣе.

Поднимаю голову и открываю глаза,

У двери ведущей въ боковую комнату, стоялъ Флейтраверсовъ. На немъ былъ тотъ-же самый старый сюртукъ съ заплатками. Онъ стоялъ, сложа руки и смотрѣлъ на меня умильными глазами.

— Здравствуй Флейтраверсовъ! сказала я.

— Здравствуй Каприцкій! отвѣчалъ онъ голосомъ, въ которомъ звучала нѣжность.

Въ этомъ нѣжномъ и мелодическомъ голосѣ я узналъ голосъ прежняго моего друга и однокашника.

— Такъ ты меня узналъ!

— Какъ тебя не узнать! я узналъ тебя какъ скоро увидѣлъ.

— За чѣмъ же ты мнѣ не признался?

— Не смѣлъ! отвѣчалъ онъ.

— Не смѣлъ!

Я покачалъ головою. Мы глядѣли другъ на друга молча. Мы оба молча вспоминали бывшее и сравнивали это бывшее съ настоящимъ. Флейтраверсовъ не хотѣлъ признаться мнѣ въ томъ, что онъ Флейтраверсовъ!!

— Панфилка! Панфилка!—закричалъ я моему слугѣ.

Панфилка вбѣжалъ, протирая глаза.

— Одѣваться!

Панфилка бросился къ моему платью и вдругъ оторопѣлъ.

— Кто вамъ, сударь, чистилъ платье нынче и сапоги?—спросилъ онъ, поднимая съ полу одинъ сапогъ и разсматривая его съ любопытствомъ. Сапогъ блестѣлъ какъ зеркало; Панфилка увидѣлъ въ немъ свое изображеніе. Съ-тѣхъ поръ, какъ онъ чистилъ мнѣ сапоги онъ въ первый разъ увидалъ въ нихъ свое изображеніе, такъ ясно, какъ въ зеркалѣ.

— Кто вамъ чистилъ, сударь, сапоги? повторилъ онъ.

— Развѣ не ты?

— Нѣтъ сударь! отвѣчалъ онъ съ видомъ человѣка, нежелавшаго присвоить себѣ того, что ему не принадлежало.

— Кто же чистилъ? спросилъ я въ свою очередь съ любопытствомъ. Флейтраверсовъ улыбнулся.

Улыбка эта не скрылось отъ глазъ моего Панфилки. Она не скрылась также и отъ моихъ глазъ.

— А знаете ли, сударь, кто чистилъ ваши сапоги? Я догадываюсь, шепнулъ Панфилка мнѣ на ухо.

— А кто?

— Вотъ этотъ писаришка. Онъ вѣрно хочетъ, чтобы вы дали ему гривенникъ на водку.

— Хорошо! хорошо!

— Панфилка, кивнувъ Фрейтраверсову головой въ знакъ того, что ему будетъ гривенникъ.

— Теперь ступай, Панфилка, сказалъ я, сдѣлавъ на скоро мой туалетъ. Придешь, когда я тебя позову.—

— Панфилка вышелъ.

— Когда Панфилка вышелъ, я спросилъ Флейтраверсова, неужели онъ въ-самомъ-дѣлѣ чистилъ мнѣ сапоги?

— Почему же нѣтъ! Если это самое я дѣлаю для моего хозяина, Бороха Мошковича, то почему я не могу этого для тебя сдѣлать? Панфилка твой никогда не чистилъ тебѣ сапогъ съ такою любовію, какъ нынче чистилъ я.

На это мнѣ нечего было ему отвѣчать.

На столъ былъ принесенъ самоваръ.

Мы сѣли съ Флейтраверсовымъ за столъ и разговорились о старинѣ.

— Помнишь-ли то, помнишь-ли другое, помнишь-ли третье? спрашивалъ я.

— Помню! отвѣчалъ онъ.

— Помнишь-ли Карпъ Карпыча! Помнишь-ли нашего капитана и его красную жилетку?

— Мнѣ смѣшенъ былъ Карпъ Карпычъ, мнѣ смѣшенъ былъ нашъ капитанъ, а теперь я самъ смѣшиѣ ихъ!

— Помнишь-ли университетъ и наши споры и наши несогласія? помнишь-ли Марусю?

Флейтраверсовъ заплакалъ.

— Помнишь ли, какъ ты предсказывалъ, что я буду литераторомъ?

— И что же? Изъ тебя навѣрное вышелъ литераторъ.

— Нѣтъ!

— Нѣтъ? а почему пѣтъ?

— Потому что я не чувствую въ себѣ призванія къ литературѣ?

— Да, безъ призванія плохо!

— Чтобъ быть станціоннымъ писаремъ надобно также имѣть призваніе сказала я!—

— Подъ окномъ раздался колокольчикъ. Приѣхали новые приѣзжіе. Фрейтраверсовъ побѣждалъ прописывать подорожную.

— Послушай Фрейтраверсовъ! сказала я, когда онъ снова съѣлъ подлѣ меня: мнѣ кажется, что тебѣ можно было бы перемѣнить должность станціоннаго писаря на что-нибудь другое.

— Перемѣнить! на что же перемѣнить? Я получаю три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, на всемъ на готовомъ; сытъ, обутъ, чего же больше? Я... я счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ!

Я взглянулъ въ лицо Флейтраверсову и прочиталъ на немъ, что онъ дѣйствительно считалъ себя счастливѣйшимъ человекомъ на свѣтѣ, и не захотѣлъ мѣшать его счастью.

Между-тѣмъ подъ окномъ вновь зазвенѣлъ колокольчикъ. Флейтраверсовъ побѣждалъ прописывать новую подорожную. Въ комнату, гдѣ находился я, вошелъ хозяинъ станціи, Борохъ Мошковичъ. Я спросилъ его изъ любопытства, давно-ли служить у него Флейтраверсовъ и какъ онъ служить?

— Онъ служить здѣсь другой годъ. Что-же касается до его поведения, то я не могу имъ нахвалиться. Позже всѣхъ ложится, раньше всѣхъ встаетъ, всѣмъ доволенъ, исправенъ до невозможности, и хмѣльнаго въ ротъ не беретъ. У него кажется тутъ немного недостаетъ....

И Борохъ Мошковичъ стукнулъ себя пальцомъ по лбу.

— Но это не мѣшаетъ! Онъ у насъ не только писарь, онъ у насъ мастеръ на все. Онъ портной, онъ столяръ, онъ коноваль, что хотите. Кромѣ того маракуеть по-французски. Онъ учитъ дѣтей моихъ по-французски. И при всемъ при этомъ хмѣльнаго въ ротъ не беретъ! Этакаго человека со свѣчей не найдешь.

— Какъ-же вы его нашли?

— Счастьемъ!

Счастливыцѣ.... подумалъ я, разумѣя подлѣ ними Бороха Мошковича и друга моего Флейтраверсова, на котораго я пятнадцать лѣтъ тому назадъ иначе не смотрѣлъ, какъ на гениальнаго Флейтраверсова!

Черезъ четверть часа кибитка моя стояла уже у порога. Панфилка мой вѣбжалъ сказать, что все готово.

— Прощай Флейтраверсовъ! крикнулъ я ему въ другую комнату, гдѣ онъ записывалъ въ книгу десятую подорожную.

— Прощай; прощай!—отвѣчалъ онъ, поспѣвая ко мнѣ на встрѣчу.

Мы встрѣтились на порогѣ. Онъ пожалъ мою руку, я пожалъ его руку. Мы взглянули другъ на друга и быстро повернулись въ противуположныя стороны. Онъ побѣжалъ къ своему столу дописывать подорожную, а я бросился къ своей кибиткѣ.... въ кибитку, и маршъ!.... и повѣсти конецъ!

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ИСПАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ.

Статья В. Толбина.

Начало испанскихъ художествъ, и въ особенности живописи, должно искать въ единственномъ ихъ источникѣ—христіанской религіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоить только взглянуть на какой-нибудь изъ памятниковъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣковъ, на которыхъ ясно отразилась вся народная жизнь, всѣ дѣянія, чувства и убѣжденія того времени. Эти гіероглифы своего рода, которыхъ частное значеніе исчезло среди хода вѣковъ, суть ничто—иное, какъ символическая поэзія пиринейскихъ племенъ, порожденная ихъ вѣрою и религіозною любовью. Облекая эту поэзію въ видимыя формы, творчество изсѣгало ее изъ камня, вырѣзывало на деревѣ, передавало на полотнѣ и пергаментѣ, и преимущественно украшало ею стѣны и капители храмовъ.

Францискъ Пачеко (Pacheco), писатель и вмѣстѣ художникъ семнадцатаго вѣка, которому, въ особенности предъ прочими писателями, обязана исторія испанскихъ художествъ полнотою и достовѣрностію свѣдѣній, служащихъ въ настоящее время лучшими источниками, въ своемъ

мистическомъ сочиненіи «Разсужденіе о живописи», даетъ ясное понятіе о первобытномъ направленіи испанской живописи, которую очень многіе упрекали въ пластичности, матеріализмъ и даже въ отсутствіи самобытности.

Производя происхожденіе живописи, какъ и вообще всѣхъ человѣческихъ знаній, отъ Бога, Пачеко, называетъ живопись «*безмолвнымъ письмомъ одного всеобщаго міроваго языка*», и слѣдя за развитіемъ художествъ у евреевъ, халдеевъ, египтянъ, грековъ и римлянъ, старается доказать, что во всѣхъ художествахъ всѣхъ этихъ народовъ, артистическое творчество всегда проявляется какъ символизация религіозныхъ идей. Эту же самую мысль онъ прилагаетъ и къ испанскимъ художествамъ, и съ восторгомъ говоритъ объ ихъ оригинальности, національности и отсутствіи вліянія на нихъ какого-бы то ни было чужеземнаго элемента. Причина этой особенности, незамѣчаемой въ исторіи художествъ другихъ западныхъ народовъ, покажется очевидною, если принять въ соображеніе обстоятельства, сопровождавшія развитіе живописи въ Испаніи.

Занятая, во все продолженіе среднихъ вѣковъ, постоянною борьбою съ маврами, нахлынувшими въ ея предѣлы, Испанія не имѣла почти никакихъ сношеній съ остальною Европой, и только одинъ Римъ, по своему религіозному значенію, имѣлъ на нее косвенное вліяніе, ограничивавшееся, впрочемъ, по большей части, только одними совѣтами и наставленіями, относящимися до территоріальнаго управленія, и декретами о сопротивленіи распространенію исламизма. Оставаясь такимъ образомъ вѣрно своимъ древнимъ убѣжденіямъ, Испанія, несмотря на все желаніе Императора Карла V, соединить всѣ подвластные ему народы въ одну общую монархію, не подчинилась ни германскому, ни итальянскому вліянію, какъ не подчинилась вліянію мавританскому. Вельможи, ученые и художники имперскіе не могли водворить ничего чужеземнаго на ея упорной почвѣ, точно также, какъ не могли найти въ ней для себя ни малѣйшаго отголоска новаго ученія и идеи протестантизма, волновавшаго всѣ германскія владѣнія Карла V. Наплывъ чужеземцевъ не произвелъ никакого переворота ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ испанцевъ, и испанскія художества, попрежнему, оставались запечатлѣннымъ знаменіемъ того простодушія, которое заповѣдали испанцы-предки испанцамъ-внукамъ.

Богъ и міръ вышій, святители и ихъ великіе подвиги были единственною сферою испанской живописи.

Подобно нашимъ славянскимъ иконописцамъ и итальянскимъ художникамъ четырнадцатаго вѣка, испанскіе художники приготовлялись къ

начатию своихъ произведеній, —которыя почти всё ограничивались картинами священнаго содержанія, —постомъ и молитвою. Между такими благочестивыми артистами особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Викентій Хуаннесъ и Людовикъ де Варгасъ. Такое набожное обыкновеніе сохранялось очень долго, и примѣромъ тому служить также, гораздо позже Хуанеса и де Варгаса, славный испанскій живописецъ Мурильо.

Изъ артистическихъ древнихъ біографій, относящихся къ 1680 году и сохранившихся въ королевской мадритской публичной бібліотекѣ, можно видѣть указанія на благочестіе Мурильо.

«Мурильо, говорится въ одной изъ нихъ, жившій не подалеку отъ «церкви Святаго Креста, Santa Cruz (въ Севильи) часто ходилъ въ нее, «молиться предъ запрестольною картиною, написанною Педро Кампаной, «изображающею «Снятіе Спасителя со креста». Однажды, ключарь этой «церкви, желая запереть главныя двери и найдя Мурильо, погруженнаго «въ нѣмое созерцаніе, спросилъ у колѣнопреклоненнаго художника о при- «чинѣ такого долгаго, непонятнаго ему пребыванія предъ этою кар- «тиною».

Пораженный живостью изображеній и высоко-скорбнымъ предметомъ картины, Мурильо отвѣчалъ ключарю:

— Мнѣ все кажется, что я могу дождаться той отрадной минуты, когда эти святые мужи снимутъ съ мучительнаго креста пречестное тѣло моего Господа!

Искусство живописи, которое Лука Джордано, —неаполитанскій художникъ, вызванный въ 1692 году, Карломъ II, для украшенія Эскуриа-ла, — говоря о картинахъ Веласкеца, — такъ справедливо называетъ «*Богословіемъ, изображеннымъ на полотнѣ кистью и красками*», — съ самаго начала своего появленія пользовалось въ Испаніи большимъ уваженіемъ, и люди, посвятившіе себя его изученію, пріобрѣтали отъ правительства многія, исключительныя предъ прочими сословіями, права и преимущества. Новый королевскій декретъ, изданный въ 1600 году, подтвердилъ эти старинныя привилегіи, и искусство живописи было объявлено — «*искусствомъ свободнымъ, а живописцы, «и вообще художники, скульпторы и архитекторы, изъятыми отъ «всякихъ служебныхъ обязанностей и общественныхъ повинностей и налоговъ*». Покровительствуемая такимъ образомъ королями и поощряемая вельможами, духовенствомъ и богатыми частными людьми, испанская живопись шла быстро къ усовершенствованію. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ обзорѣнью двухъ важнѣйшихъ въ исторіи испанскихъ художествъ вѣковъ, XVI и XVII, необходимо прослѣдить времена, имъ

предшествовавшия, и дать хотя малое понятіе объ эпохѣ младенческаго состоянія испанской живописи.

Художества, ремесла и науки, какъ и люди и даже цѣлыя поколѣнія, имѣютъ свою, какъ-бы свыше предназначенную имъ судьбу. Инымъ достается въ удѣлъ извѣстность и слава, съ самаго начала ихъ появленія; другимъ долго суждено оставаться въ неизвѣстности, несмотря на всѣ ихъ заслуги, всю важность и неоспоримую пользу и достоинства. Эта истина подтвердилась и на испанской живописи, которая въ-продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не обращала на себя того вниманія, котораго истинно заслуживала. Но благодаря новѣйшимъ ученымъ изысканіямъ, послѣдовательная исторія и судьба художествъ пиривейскаго полуострова, еще до очень недавняго времени темная, ограничивавшаяся весьма немногими извѣстными именами, прояснилась, и болѣе четырехсотъ живописцевъ, замѣчательныхъ своими мастерскими произведеніями, могутъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ барономъ Тейлоромъ, поставить испанскую школу на ряду со школою итальянскою, считавшеюся во главѣ всѣхъ прочихъ живописныхъ европейскихъ школъ.

Искусство живописи, собственно говоря, появляется въ Испаніи только въ тринадцатомъ столѣтіи, и въ одной рукописи того времени, сохранившейся въ королевской мадритской публичной библиотекѣ, заключающей въ себѣ разные счета, поданные королю дону Санчо IV, между 1291 и 1293 годами, есть одно мѣсто, которое указываетъ, что тогда уже существовало даже званіе королевскихъ живописцевъ, и одному изъ нихъ, именно, какому-то — «*Родригу Эстевану, живописцу короля, выдано было изъ положеннаго ему его величествомъ годичнаго жалованья, сто мараведисовъ*». До тринадцатаго-же вѣка, все искусство живописи ограничивалось лишь однимъ раскрашиваніемъ миниатюръ и заглавныхъ листовъ и страницъ въ разныхъ рукописяхъ.

Самымъ древнимъ памятникомъ такого живописнаго испанскаго искусства почитается раскрашенная рукопись, находящаяся въ мадритской библиотекѣ, относящаяся къ десятому вѣку. Въ этой же библиотекѣ есть также другая рукопись, написанная и раскрашенная какимъ-то Вигиллой, миниатюрнымъ живописцемъ или, лучше сказать *раскращикомъ* (il iluminador), бывшимъ священникомъ въ монастырѣ Св. Мартына Альбальды. Рукопись эта, какъ видно изъ ея предисловія, оконченная 25-го мая 976 года, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые декреты и постановленія верховнаго совѣта и украшена многими рисунками, изображающими портреты короля дона Санчо-Толстаго, короля дона Рамира Наварскаго, королевы донны Урраки и самаго Вигиллы. Кромѣ этихъ портретовъ, листы рукописи разрисованы орнаментами и разными арабесками, которыхъ краски,

несмотря на продолжительность времени, нисколько не потеряли ни своей первобытной свѣжести, ни своей яркости. Вигиллѣ помогали въ этомъ трудѣ, — поясняетъ заглавіе, — два другіе художника, нѣкто Саррацино и Гарція. Но кто они были, рисовали ли по обязанности, какъ живописцы короля, или были нанимаемы самимъ Вигиллой, этого изъ предисловія рукописи не видно.

Къ подобнымъ памятникамъ первоначальнаго испанскаго рисовальнаго искусства, принадлежитъ также біблія, хранящаяся въ соборной севильской бібліотекѣ и составляющая одну изъ ея самыхъ драгоценныхъ бібліографическихъ рѣдкостей. Библия эта, относящаяся къ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія, написана и разрисована какимъ-то Пабло де-Памплона, для короля дона Алонзо-Мудраго, по его приказанію. Кромѣ своего достоинства, какъ рѣдкая древность того вѣка, она замѣчательна какъ образецъ художественной композиціи своего времени. Предъ каждою новою главою этой бібліи находится нарисованный, раскрашенный красками, серебромъ и золотомъ листъ, поясняющій своимъ рисункомъ краткое содержаніе текста, составляющаго послѣдующую главу.

Болѣе совершенныхъ, по искусству, памятниковъ живописи, относящихся къ двѣнадцатому и тринадцатому столѣтію, нѣтъ, или, по-крайней-мѣрѣ, не сохранилось до нашего времени.

Между-тѣмъ потребность живописи и ея усовершенствованія была, кажется, до того ощутительна въ-теченіе этихъ двухъ столѣтій, что въ концѣ четырнадцатаго вѣка появляются въ Испаніи уже и иностранные художники. Живописецъ Жерардо Старнино, родомъ изъ Флоренціи, ученикъ Антоніо Венеціано, вызванный ко двору короля дона Хуана-Перваго, нѣсколько позже Дедло, также изъ Флоренціи, и Рочель, изъ Фландріи, прибывшіе ко двору короля дона Жуана-Второго, такъ много, своими произведеніями и практикою, способствовали успѣхамъ испанской живописи, что почти въ это же самое время испанскій художникъ Хуанъ Альфонзо, уроженецъ толедскій, росписалъ съ замѣчательнымъ искусствомъ главный алтарь въ толедскомъ соборѣ.

Въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія появляются въ Испаніи уже и художественныя, живописныя школы, имѣвшія сильное вліяніе на распространеніе вкуса къ живописи и на измѣненіе композиціи и правильность рисунка.

Живописецъ Хуанъ Санчесъ де-Кастро основаль, около 1458 года, въ Севильи, школу живописи, пользовавшуюся въ свое время большою извѣстностію, имѣвшую множество послѣдователей, которыхъ произведенія всѣ очень сходны между собою манерою, художественностію

отдѣлки, композиціею рисунка, колоритомъ и необыкновенною оконченностію исполненія.

Хуанъ Санчесъ де-Кастро замѣчательнъ многими религіозными картинами и между-прочими огромною картиною, болѣе натуральной величины, изображающею «Благовѣщеніе Господне», которую онъ написалъ по заказу монастыря Св. Исидора дель Сатро, въ Севильи, для главнаго алтаря собора.

Исполненіе этой картины, которое такъ справедливо осуждаетъ Францискъ Пачеко въ своемъ «Разсужденіи о живописи» за его аксесуары, можетъ дать точное понятіе о томъ, какъ далеки были еще живописцы отъ истиннаго изящества, какъ мало понимали настоящее значеніе изображаемыхъ ими предметовъ, и какъ были невѣжественны въ отношеніи исторической вѣрности избраннаго ими сюжета. Распространяясь о недостаткахъ картины Санчеса де-Кастро, Пачеко останавливаетъ вниманіе своихъ читателей на изображеніи костюмовъ.

Пачеко много говоритъ, по этому случаю, о правилахъ, какими должны руководствоваться художники, чтобы не впасть въ грубыя ошибки при писаніи предметовъ историческихъ, и основываясь на теологическихъ истинахъ, научаетъ, какъ должно изображать священные предметы съ тою точностію и тою исключительною особенностію, какія должны быть имъ приличны и свойственны. Такъ, чистыхъ духовъ, небожителей, Пачеко предписываетъ изображать всегда юными, съ бѣлокурыми или свѣтлорусыми, вьющимися кудрями, съ радужными крылами, съ дѣтски-безмятежнымъ и кроткимъ лицомъ, окруженнымъ сіяніемъ; а духовъ зла, демоновъ, писать подъ видомъ хищныхъ и нечистыхъ животныхъ, какъ то : змievъ, драконовъ, василисковъ, вороновъ, коршуновъ, львовъ, жабъ, нетопырей и т. д.

Почти въ одно время съ Санчесомъ де-Кастро жилъ Инглесъ, расписавшій съ большимъ искусствомъ главный алтарь въ церкви бунтрагской больницы и составившій себѣ огромную извѣстность множествомъ фамильныхъ портретовъ, между которыми особенно замѣчательны, по оконченности отдѣлки и тщательности аксесуаровъ, портреты фамили маркизовъ Сантильаны, сохранившіеся до-сихъ-поръ въ королевской мадритской картинной галлерей. По словамъ Пачеко, портреты Инглеса отличаются впрочемъ болѣе сходствомъ, чѣмъ истинною художественностію.

Послѣ Инглеса является вдругъ нѣсколько великихъ художниковъ, каковы: Антоіо дель Рицконъ, получившій отъ короля дона Фердинанда титулъ живописца всѣхъ католическихъ королей, и пожалованный имъ кавалеромъ ордена Св. Якова Комнестельскаго;—Педро Берругетта, придворный живописецъ короля дона Филиппа-Красиваго, отецъ знаменитаго

Алонзо Берругетта, очень сходного въ своихъ произведеніяхъ съ итальянскимъ художникомъ Перруджино; — Иниго де-Комонтесъ, Діего Лопецъ, Альваръ Перрецъ де-Виллодо, Алонзо Санчесъ и Лудовикъ де-Медина, расписавшіе алькадскій университетъ, и многіе другіе живописцы, искусству которыхъ арагонскій и кастильскій соборы обязаны лучшими своими картинами, фресками и другими, какъ живописными, такъ и скульптурными украшеніями.

Къ этому же времени принадлежитъ живописецъ Хуанъ де-Боргона, жившій въ Толедо и имѣвшій въ этомъ городѣ свою живописную школу.

Антоніо дель Ринконъ родился въ Гвадалаксарѣ, городѣ старой Кастиліи, въ 1446 году. Полагаютъ, что онъ учился въ Италіи, у живописца Андрея дель Кастаньо, или у Доменика Гирландайо. Ринконъ былъ первый испанскій художникъ, покинувшій существовавшую до него въ живописи готическую манеру письма и усвоившій въ своихъ произведеніяхъ приемы и правила, болѣе близкія къ природѣ и болѣе ей сообразныя. *Лица въ его религиозныхъ картинахъ проникнуты сильнымъ выраженіемъ и отлѣчены особеннымъ, приличнымъ каждому изъ нихъ характеромъ; драпировка его легка и всегда искусно расположена; рисунокъ довольно правиленъ.* Ринконъ особенно отличался въ портретной живописи, и самыми лучшими его произведеніями въ этомъ родѣ почитаются портреты, списанные имъ съ короля дона Фердинанда и королевы донны Изабеллы, находящіеся въ церкви Св. Хуана de Los Reyes, въ Толедо.

Ринконъ умеръ въ 1500 году, въ Мадридѣ, осыпанный почестями и милостями короля, оставивъ преемникомъ своей знаменитости живописца Хуана де-Боргону.

Хуанъ де-Боргона постоянно занимался живописью отъ 1495 до 1530 года; имя его тѣсно соединено со всеми великими произведеніями испанскаго искусства его времени — съ соборомъ толедскимъ, паранамифомъ алькадскимъ и съ знаменитою серебряною трапезою мадритскаго собора, исполненною золотыхъ дѣлъ мастеромъ Генрихомъ Арфомъ, нѣмецкимъ уроженцемъ, по рисункамъ, составленнымъ Боргоною и голландскимъ живописцемъ Копеномъ. Трапезу эту, кромѣ вычеканныхъ на ней рисунковъ, украшали еще двѣсти пятьдесятъ маленькихъ литыхъ статуй и богатые барельефы. Боргона извѣстенъ также множествомъ написанныхъ имъ портретовъ и фресковъ, какъ масляными, такъ и водяными красками. Большая часть портретовъ Боргоны, сохранившаяся въ Испаніи въ монастыряхъ, извѣстныхъ частныхъ и публичныхъ живописныхъ галереяхъ, изображаетъ кардиналовъ; еписко-

повъ и другихъ высшихъ духовныхъ лицъ, современныхъ ему, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, по заказамъ, дѣланнымъ ему отъ различныхъ монастырей. Лучшими изъ таковыхъ портретовъ почитаются портреты кардинала Сиснероса и архіепископа толедскаго Монтано, сдѣланные *al fresco*, а изъ писанныхъ масляными красками — портреты кардиналовъ Фонтески и дель Круца.

Боргона получалъ за свои картины и портреты суммы неизмѣрно значительныя для того времени, и въ 1511 году приобрѣлъ сто шестьдесятъ пять тысячъ мараведисовъ за пятнадцать картинъ, представляющихъ предметы изъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Комонтесъ и Виллодо получили сто тысячъ мараведисовъ за свои фрески. До этихъ художниковъ, плата за живописныя произведенія была далеко не такъ значительна, и изъ содержанія нѣкоторыхъ рукописей, сохранившихся въ королевской мадритской библіотекѣ, отъ тринадцатаго и четырнадцатаго вѣка, видно, что король донъ Санчо, за превосходно исполненное скульптурное произведеніе, наградилъ художника только пенсіономъ въ сто восемь мараведисовъ, а въ 1380 году, король донъ Хуанъ Первый, за гробницу отца своего, короля дона Генриха Втораго, почитавшуюся образцовымъ произведеніемъ своего времени, заплатилъ лишь четыре тысячи мараведисовъ.

Не менѣе Боргоны пользовался въ это время извѣстностію живописецъ Фердинандъ Галлегосъ, уроженецъ Саламанкскій, учившійся въ школѣ Алберта Дюрера. Всѣ произведенія его, особливо многочисленныя копіи, сдѣланныя имъ съ картинъ этого нѣмецкаго живописца, такъ сходны манерою и колоритомъ съ манерою Дюрера, что трудно различить копіи отъ оригинала. Изъ многихъ картинъ, сохранившихся послѣ Галлегоса, самыми лучшими почитаются: изображеніе святой Дѣвы съ младенцемъ, святой Андрей Первозванный и мученіе святого Христофора, находящіяся въ соборной саламанкской церкви.

Но между-тѣмъ, несмотря на такія утѣшительныя явленія, испанская живопись въ началѣ пятнадцатаго столѣтія представляетъ еще очень мало благоприятныхъ результатовъ. За исключеніемъ поименованныхъ художниковъ, по прочимъ картинамъ, сохранившимся отъ того времени, можно очень ясно видѣть, въ какомъ еще дѣтскомъ состояніи находились тогда испанскія художества, и въ особенности живопись. *Въ картинахъ пятнадцатаго столѣтія видно рѣшительное незнаніе перспективы и совершенное отсутствіе гармоніи въ группированіи фигуръ. Изображенные на этихъ картинахъ лица и положеніе фигуръ чужды всякой мысли, всякаго смысла и выраженія.* Чтобы сколько-нибудь пояснить значеніе нарисованнаго предмета, ху-

дожники очень часто прибѣгали къ страннымъ и смѣшнымъ средствамъ, замѣчаемымъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ англійскихъ каррикатурахъ и нашихъ лубочныхъ суздальскихъ рисункахъ, а именно: живописцы изображали выходящую изъ губъ фигуру письменную легенду, поясняющую, что каждая изъ нихъ думала, или готовилась предпринять. Иногда художники дѣлали еще болѣе: — сами подписывали подъ своими картинами, что желали они изобразить.

Пачеко приводитъ этому многіе примѣры. «Представьте себѣ, говоритъ онъ, двѣ фигуры, одну женскую, другую мужскую, одинаковыхъ физіономій; женскую стоящую на балконѣ, мужскую на землѣ, превышающую головою перила балкона, подъ которымъ находится дверь. Обѣ онѣ окружены деревьями, которыхъ вершины доходятъ лишь до плеча кавалера. На вѣтви одного изъ деревъ сидитъ птица, сравнительно похожая на орла, умѣстившагося на тонкой жерди, и подъ всею этимъ надпись: злополучный донъ Діего клянется доннѣ Антоніи, запертой ревнивымъ мужемъ отъ его взоровъ, что онъ никогда не перестанетъ любить ее. Онъ удаляется съ смертію въ груди; безчувственная природа глуха къ его страданіямъ, и одинъ только соловей своими сладкими пѣснями вливаетъ нѣкоторую надежду въ его душу. Представьте себѣ все это добавляетъ онъ, и вы будете имѣть точное понятіе о той испанской живописи начала пятнадцатаго столѣтія, которая не подпала еще подъ строгую ферулу художественныхъ школъ.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія всѣ такіе грубые недостатки начинаютъ видимо исчезать, и несмотря на то, что фигуры, изображаемыя на картинахъ, продолжаютъ еще сохранять свою статуальную неподвижность и походить какъ бы на готическія, ничего не выражающія колонны, въ нихъ уже начинается проглядывать изученіе анатоміи, и ихъ контуры и положенія гораздо правильнѣе и естественнѣе.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, — возбужденная, какъ бы гальванизмомъ, великими совершившимися въ немъ событіями, подвинувшими далеко впередъ всѣ знанія человѣческія, — открытіемъ Америки и изобрѣтеніемъ книгопечатанія, а также присутствіемъ многихъ извѣстныхъ итальянскихъ художниковъ: Павла Рубенса, Тиціана Вечелли, Луки Джордано, Павла Веронезе, Якова Тинторето и многихъ другихъ, призванныхъ, императоромъ Карломъ V и королями Филиппомъ II и Филиппомъ III, для украшенія Эскуріала и главныхъ дворцовъ, — испанская живопись получаетъ новыхъ, славныхъ дѣятелей искусства живописи. Въ главѣ всѣхъ ихъ является Лудовикъ де-Моралесъ, прозванный *el divino*, какъ за свое замѣчательное искусство, такъ и потому, что онъ писалъ картины одного священнаго содержанія.

Моралесъ родился въ Бадахосѣ, главномъ городѣ Эстремадуры, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, и, всего вѣроятіе, учился первоначально въ Вальядолидѣ или въ Толедо, имѣвшихъ множество хорошихъ учителей и извѣстныхъ своими художественными школами.

По словамъ Паломино * Моралесъ былъ ученикомъ Педро Кампаны, современника и соотечественника Алберта Дюрера, прожившаго двадцать лѣтъ въ Римѣ и двадцать лѣтъ въ Севильи и отличавшагося въ своихъ картинахъ сильнымъ выраженіемъ лицъ, строгостію композицій и изумительною силою своей свѣто-тѣни (Кампана умеръ въ Брюсселѣ, въ 1580 году). Это сказаніе Паломино не можетъ быть вѣроятно, потому-что, когда Педро Кампана прибылъ въ Испанію изъ Бельгій, въ 1548 году, Моралесъ былъ уже извѣстенъ многими замѣчательными картинами, написанными имъ для бадахосской соборной церкви и имѣющими на себѣ надпись, означающую 1546 годъ.

Все произведенія Моралеса отличаются особенностію, незамѣтною въ произведеніяхъ другихъ современныхъ ему живописцевъ, именно, строгимъ германскимъ стилемъ, который онъ признавалъ лучшимъ и естественнѣйшимъ. Сильное выраженіе лицъ его фигуръ, строгость композицій и мрачный характеръ предмета, угловатыя и тяжелыя складки драпировки, щепетильная тщательность въ отдѣлкѣ мелочей, замѣтны во всехъ картинахъ Моралеса, имѣють большое сходство съ тою манерою, которою отличаются картины художниковъ голландской и фламандской школъ, Фанъ Эйка, Геммелинга, Луки Лейденскаго и Алберта Дюрера.

Между многими картинами Моралеса, сохранившимися до настоящаго времени и признанными за подлинно имъ писанныя, болѣе прочихъ предметовъ повторяется у него одинъ предметъ, это — поясной образъ страждущей Богоматери, *mater dolorosa*, держащей въ рукахъ своихъ бездыханнаго Спасителя. Произведеніе это почитается однимъ изъ самыхъ удачныхъ и лучшихъ произведеній Моралеса. Холодное прикосновеніе смерти разлитое по блѣднымъ чертамъ Искупителя, и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе того невозмутимаго душевнаго спокойствія, которое

* Веласко донъ Анисела, Антоніо Паломино родился въ 1663 году и былъ придворнымъ живописцемъ короля Филиппа V. Его можно назвать испанскимъ Вазари. Онъ собралъ и издалъ жизнеописаніи всехъ испанскихъ художниковъ, и кромѣ этого важнаго труда, извѣстенъ въ отношеніи испанскихъ художествъ многими живописными произведеніями, доказывающими его изобрѣтательность, твердость въ рисункѣ и основательное знаніе свѣто-тѣни и колорита. Онъ умеръ около 1735 года, въ глубокой старости, оплакиваемый художниками какъ писатель и какъ художникъ. Образцовыя картины Паломино находятся въ Валенціи, въ церкви Святаго Іоанна del Mercado, въ часовнѣ del Purissima въ этомъ же городѣ, и въ часовнѣ картезіанскаго монастыря, въ Гренадѣ.

служило ученикамъ Его предвѣстiемъ Его славнаго воскресенiя, торжественность и глубина страданiй Пресвятой Матери Божественнаго Мученика, и гармонiя остальныхъ частей картины, выполнены бойкою и смѣлою кистию, съ одинаковою художественностию, во всѣхъ экземплярахъ, находящихся и въ церкви босоногихъ кармелитокъ въ Авилѣ, и въ церкви Святой Екатерины Зафра въ Гренадѣ, и въ бадахосскомъ соборѣ и въ церкви Святаго Августина тоже въ Бадахосѣ. Кромѣ этихъ картинъ, замѣчательны картины Моралеса: Святая Вероника, въ церкви босоногихъ тринитарiевъ, Ессе Номо, въ церкви Спасителя; Спаситель несущiй крестъ, сопровождаемый Богородицею и Иоанномъ Крестителемъ, проливающими слезы, въ томъ же городѣ; Спаситель, несущiй крестъ, и Иоаннъ Креститель, въ мадритскомъ соборѣ, и кромѣ этихъ картинъ, находятся много картинъ Моралеса въ соборной часовнѣ въ Севильѣ.

Моралесъ умеръ въ Бадахосѣ, въ 1586 году, въ глубокой старости. Онъ отличался дѣятельностию и трудолюбиемъ, а между-тѣмъ, несмотря на многочисленныя заказы, получаемыя со всѣхъ сторонъ, жилъ въ крайней бѣдности. Онъ уже почти совершенно ослѣпъ и не могъ поддерживать себя живописью, когда король Филиппъ II, проѣзжая, по возвращенiи своемъ изъ Лиссабона, въ 1581 году, чрезъ Бадахосъ, пожелалъ видѣть Моралеса и посѣтилъ его убогое жилище.

— Ты очень бѣденъ, сказалъ король, пораженный видомъ сильнаго недостатка и растроганный тяжкимъ физическимъ страданiемъ того, чье имя разносилось по всей Испанiи, а картины украшали стѣны почти всѣхъ публичныхъ зданiй.

— Да, государь, отвѣчалъ Филиппу Моралесъ: но что еще хуже, я очень старъ!

Король назначилъ Моралесу пожизненный пенсiонъ, приказавъ выдавать ему по триста дукатовъ въ годъ.

Моралесъ недолго жилъ послѣ этой неожиданной помощи, и умеръ, пять лѣтъ спустя, почти въ такомъ-же недостаточномъ положенiи въ какомъ нашелъ его, король. Моралесъ оставилъ послѣ себя сына, котораго картины не имѣютъ большаго достоинства, и многихъ учениковъ, нѣкоторыя картины которыхъ очень часто приписываютъ самому Моралесу, по чрезвычайному ихъ сходству съ его манерою. Между ними особенно извѣстенъ Хуанъ Лабрадоръ, по удивительной живости и искусству, съ какимъ онъ умѣлъ писать цвѣты, плоды и деревья, такъ, что въ этомъ отношенiи не было ему никогда равнаго. Картины Лабрадора отличаются строгою точностию и необыкновенною оконченностию. Онъ родился въ Эстремадурѣ, и умеръ въ 1600 году, въ глубокой старости.

Перое мѣсто на поприщѣ художествъ этого времени, послѣ Морале-

са, принадлежит Викентію Хуанесу, основателю въ Валенсіи школы живописи и сходному, какъ по своей манерѣ, такъ и по изображаемымъ имъ предметамъ, съ этимъ своимъ знаменитымъ современникомъ. Какъ Моралесъ, Викентій Хуанесъ писалъ только картины религіознаго содержанія, и всѣ онѣ носятъ на себѣ какой-то странный отпечатокъ. Въ композиціи рисунка, въ выраженіи лицъ замѣтно проявленіе какой-то грусти, глубокаго внутренняго созерцанія и набожности. Хуанесъ, также какъ и Моралесъ, отличался самою тщательною отдѣлкой аксессуаровъ, и въ особенности волосъ, такъ что, смотря на его картины, можно кажется сосчитать на каждой нарисованной имъ головѣ или бородѣ, волосокъ по волоску.

Манера и стиль Хуанеса робче и нерѣшительнѣе, чѣмъ у Моралеса, а колоритъ сильно напоминаетъ тотъ, которымъ отличаются произведенія римскихъ школъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обучался первоначально въ Италиі, въ мастерской какого-нибудь извѣстнаго художника, хотя и нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній какого именно. Паломіно увѣряетъ, что Хуанесъ былъ ученикомъ Рафаэля Санціо, но этотъ maestro папы Урбана, умершій въ 1520 году, никакъ не могъ быть учителемъ Хуанеса, умершаго въ 1579 году, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, и слѣдовательно, родившагося въ 1522 году.

Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Хуанеса почитается «Спаситель, идущій на распятіе», написанный имъ для часовни Св. Франциска де Вогга въ валенскій соборъ, по чудесному выраженію лица Спасителя, нѣжности письма (*le touché*) и по необыкновенно тщательной отдѣлкѣ аксессуаровъ. Кромѣ этой картины, высоко цѣнятся его Св. Францискъ, написанный для монастыря Св. Себастіана, въ натуральную величину, — образъ Спасителя въ валенской часовнѣ Св. Петра и Мученіе Св. Агнесы, находящееся въ двухъ экземплярахъ, въ монастырѣ валенскихъ августинцевъ и въ монастырѣ кармелитовъ, въ которомъ находится также, донинѣ всеми испанцами уважаемая его картина Зачатіе Господне, на которой Богородица изображена имѣющею подъ ногами своими луну а надъ головою Святаго Духа, въ видѣ голубя.

Рисунокъ въ картинахъ Хуанеса правиленъ, но лишенъ энергіи, колоритъ его холоденъ и однообразенъ, и только одна нѣжность кисти и неподражаемое выраженіе кротости, замѣчаемое на всѣхъ написанныхъ имъ лицахъ, могутъ искупить эти недостатки Хуанеса.

Нѣкоторые испанскіе критики, явившіеся уже слишкомъ строгими къ Моралесу, котораго Францискъ Пачеко упрекалъ даже въ незнаніи правилъ первоначальнаго рисованья, поставили Хуанеса въ главѣ всѣхъ испанскихъ живописцевъ шестнадцатаго столѣтія, и Паломіно, между

многими преувеличенными въ честь его похвалами, нисколько не стѣсняется утверждать, что будто Хуанесъ не только равнялся съ Рафаелемъ, но даже иногда, во многомъ, и превосходилъ его.

Хуанесъ имѣлъ двухъ дочерей, Доротею и Маргариту, также занимавшихся живописью и исполнившихъ много хорошихъ картинъ, и единственнаго сына, Хуана Викентія, которому не рѣдко приписывали произведенія его отца, и между-прочимъ, «Св. Іоанна Крестителя, проповѣдующаго въ пустынѣ пришествіе Спасителя». Лицо Іоанна поражаетъ выраженіемъ восторга и вѣры, написанными кистью выше-человѣческой. «Взирая на него, говоритъ баронъ Тейлоръ, такъ кажется и видишь предъ собою того Предтечу-пророка, который взыгрался еще въ чревѣ, чувствуя приближеніе матери своего Господа, несмотря на то, что рисунокъ далеко не удовлетворяетъ ни колориту, ни выраженію лица Крестителя». И въ-самомъ-дѣлѣ, въ очень многихъ картинахъ Хуана Викентія Хуанеса замѣтно очень неудовлетворительно изученіе челоѣческой натуры.

Въ одно время съ этими тремя живописцами были извѣстны Христофоръ Заріеніена, уроженецъ валенскій и ученикъ Тиціана, и Варооломей Гонзалесъ, живописецъ короля Филиппа III. Всѣ картины Заріеніены, по стилю и колориту, такъ сходны съ произведеніями его учителя, что многіе, въ-послѣдствіи, ошибались и приписывали огромныя картины, сдѣланныя Заріеніеною для королевскаго монастыря Св. Михаила de los Reyes, въ Валенсіи, самому Тиціану. Гонзалесъ извѣстенъ болѣе своими портретами, которые, говоритъ Паломіно, отличались такою живостью, что смотря на нихъ издали, казалось, будто изображенныя на нихъ лица поводили глазами и шевелили губами. Изучая основательно портретную живопись, Гонзалесъ изобрѣлъ даже правила, по которымъ можно было схватывать сходство съ перваго разу, но въ чемъ состояли эти правила, которымъ успѣшно слѣдовали его ученики, по словамъ Паломіно, онъ не объясняетъ.

Къ этому-же времени принадлежитъ Антоніо Мохедано. Онъ родился въ Антекверѣ, городѣ королевства гренадскаго, учился первоначально у Цезаря Арбазіа и потомъ у живописцевъ Юлія и Александра, вызванныхъ императоромъ Карломъ V изъ Италіи, для украшенія Альямбры. Всѣ картины Мохедано замѣчательны правильнымъ рисункомъ и колоритомъ, особенно его фрески, въ которыхъ мало было въ Испаніи равныхъ ему живописцевъ. По своимъ многочисленнымъ работамъ и по многимъ хорошимъ живописцамъ, образовавшимся въ его школѣ, Мохедано имѣлъ важное вліяніе на успѣхи живописи того времени. Но между-тѣмъ, несмотря на общую извѣстность Моралеса, Хуанеса и Мохедано,

болѣе всѣхъ ихъ способствовало развитію и совершенству живописи, особенно въ томъ, что касается до безукоризненной оконченности и строгости выполненія изображаемыхъ предметовъ, Хуанъ Фернандесъ Ксименесъ Наварретъ, извѣстный между своими современниками подъ прозваніемъ нѣмага живописца (*el mudo*).

Хуанъ Фернандесъ Ксименесъ Наварретъ родился въ Лограно, городѣ старой Кастиліи, около 1526 года. Въ-слѣдствіе тяжелой болѣзни постигшей его на третьемъ году возраста, Наварретъ совершенно оглохъ, и не имѣя возможности слышать звуки человѣческаго голоса, сдѣлался нѣмымъ. Всѣ чувства его сосредоточились тогда въ зрѣніи, и онъ съ самой ранней молодости началъ выказывать сильное призваніе къ живописи. Часто, за неимѣніемъ карандаша, бѣдный ребенокъ долженъ былъ довольствоваться однимъ углемъ, и рисовалъ все, что ни попадалось ему на глаза, со сходствомъ и правильностью, замѣчательными для его лѣтъ. Разсматривая многочисленные рисунки маленькаго Хуана, изображавшіе окружающую мѣстность, лица людей, съ которыми онъ былъ часто въ сношеніи, и видя изъ этихъ эскизовъ огромныя способности, отецъ Наваррета поспѣшилъ отправить его въ монастырь *della Estrella* (звѣзды), принадлежавшій монахамъ ордена Св. Иеронима, гдѣ тамошній монахъ, Францискъ Виценте, началъ давать первые рисовальные уроки будущему великому живописцу Испаніи. Достигнувъ юношескаго возраста, Наварретъ отправился въ Италію, посѣтилъ Римъ, Флоренцію, Неаполь, Миланъ, Венецію, и учился нѣсколько лѣтъ въ мастерской Тиціана и у многихъ другихъ извѣстныхъ итальянскихъ художниковъ того времени. Когда король Филиппъ II предпринялъ перестройку Эскуріала, извѣстность Наваррета была уже такъ велика, что онъ былъ вызванъ въ Мадридъ, наименованъ, въ 1568 году, королевскимъ живописцемъ и назначенъ главнымъ надсмотрщикомъ и распорядителемъ почти всѣхъ художественныхъ работъ. Наварретъ написалъ для эскуріальскаго монастыря восемь картинъ, изъ которыхъ три погибли во-время бывшаго тамъ пожара, а остальные пять, спасенныя отъ пламени, находились въ Мадридѣ, въ королевскомъ дворцѣ, и одна изъ нихъ, самая лучшая, находилась въ Парижѣ, въ галлерей бывшаго главнокомандующаго французскою арміею въ Испаніи, маршала Сульта. Картина эта, привлекавшая въ Эскуріаль многочисленную толпу, изображаетъ Рождество Спасителя, и замѣчательна необыкновеннымъ искусствомъ, съ какимъ Наварретъ освѣтилъ изображенныя на ней лица тройнымъ, различнымъ освѣщеніемъ — мерцаніемъ, распространеннымъ вокругъ сонма ангеловъ, сіяніемъ, окружающимъ Божественнаго Младенца, и блескомъ отъ факела, находящагося въ рукахъ Св. Іосифа. Болѣе всего заслуживаетъ вниманія въ этой

картинѣ группа пастырей, до того поражающая своею живостью, что Тибальди Болонскій, по словамъ Пачеко, останавливаясь предъ нею въ Эскуриалѣ, каждый разъ восклицалъ съ восторгомъ: *Oh, gli belli pastori! Oh, gli belli pastori!*

Въ 1576 году, король Филиппъ II приказалъ выдать Наваррету пять сотъ дукатовъ, за новую, нарисованную имъ для эскуриальскаго монастыря картину, изображающую Авраама, прислуживающаго за трапезою тремъ ангеламъ. Окончивъ эту картину, Наварретъ заключилъ контрактъ съ монахами монастыря святаго Лаврентія, и обязался имъ нарисовать тридцать двѣ большія картины духовнаго содержанія, изъ событій Ветхаго и Новаго Заветовъ, но преждевременная смерть, постигшая его въ 1579 году, дала ему возможность окончить только восемь изъ этихъ картинъ. Живописцы, Алонзо Сапчесь Коёлло (Cöello), уроженецъ португальскій, ученикъ Рафаэля Урбино, прозванный португальскимъ Тиціаномъ, и Лудовикъ де-Карабахаль, уроженецъ толедскій, монахъ монастыря святаго Иоанна Крестителя de-Monnegro, избраны были для окончанія остальныхъ картинъ, частію уже начерченныхъ самимъ Наварретомъ.

Наварретъ былъ самымъ восторженнымъ поклонникомъ своего искусства, и у многихъ испанскихъ біографовъ сохранилось извѣстіе о сильномъ и продолжительномъ спорѣ его съ королемъ Филиппомъ II, по случаю картины Тиціана «Тайная вечеря», кушленной для Эскуриала. Картину эту хотѣли помѣстить въ рефекторіи монастыря, и такъ какъ она оказывалась немного широка для того простѣнка, на которомъ должна была помѣщаться, то король приказалъ обрѣзать лишнее полотно. Соболезнуя объ участи, готовящейся произведенію его учителя, нѣмой живописецъ, казалось, восторжествовалъ надъ своимъ физическимъ недостаткомъ, и не обрѣтая въ устахъ своихъ явственныхъ словъ, самыми трогательными и убѣдительными тѣлодвиженіями просилъ у короля, какъ величайшей милости, позволить ему нарисовать съ картины Тиціана, копію самую точную и въ такихъ точно размѣрахъ, которые были необходимы для того, чтобы она могла помѣститься въ назначенномъ ей мѣстѣ. Наварретъ обязывался кончить свою работу не далѣе какъ въ шесть мѣсяцевъ, и въ залогъ вѣрнаго исполненія своего обѣщанія отдавалъ голову. Но несмотря на всѣ его убѣжденія и готовность взойти даже на плаху въ случаѣ промедленія одного только дня, нетерпѣливому Филиппу показался срокъ продолжительнымъ, и образцовое произведеніе италіянскаго maestro было обрѣзано, къ глубокому прискорбію его ученика. Приписывая это увѣчье картины совѣтамъ перваго королевскаго секретаря Переса, приведенный въ негодованіе Наварретъ тотчасъ же нарисовалъ большую картину, въ которой изобразилъ Пе-

реса въ видѣ палача, съ такою удивительною живостию и искусствомъ, что портретъ началъ привлекать въ мастерскую живописца многочисленную толпу, и королю, любившему Наваррета, стоило большого труда заставить уничтожить эту картину и примирить обоихъ противниковъ.

Всѣ произведёнія Наваррета отмѣчены смѣлостію рисунка, правильною строгостію композиціи, сильнымъ и мрачнымъ колоритомъ и, какъ выражаются о своемъ нѣмомъ живописцѣ испанцы, ему одному свойственною отважностію стиля — *bravura de estilo*. Манера Наваррета въ особенности отличается искуснымъ расположеніемъ свѣто-тѣни и тою истинно художественною смѣтливостію, съ какою онъ умѣлъ освѣщать, прилично и эффектно, каждую изъ написанныхъ имъ фигуръ. Эти достоинства, которыми онъ превосходитъ всѣхъ другихъ современныхъ ему художниковъ, пріобрѣтенныя имъ въ венеціанскихъ школахъ, доставили Наваррету, отъ испанцевъ, вполне заслуженное названіе испанскаго Тиціана.

Оставя по себѣ, на память потомству, множество картинъ, разбѣянныхъ по всей Испаніи, Наварретъ сохранилъ испанцамъ и собственное изображеніе. Написанный имъ съ себя портретъ поражаетъ какъ сходствомъ, такъ и необычайною живостию. Вся фигура Наваррета будто выходитъ изъ рамки, каждая черта дышитъ, глаза точно свѣтятся и самыя губы нѣмага, кажется, каждую минуту готовы открыться и что-то проговорить.

Лопе де-Вега Карпю, испанскій писатель и поэтъ, жившій въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, сочинилъ къ этому портрету Наваррета, въ похвалу ему, слѣдующіе стихи :

No quiso el cielo que hablase
Porque, con mi entendimiento,
Diese mayor sentimiento
A las cosas que pintase,
I tanta vida les di
Con el pincel singular
Que como ne pude hablar,
Hice que hablasen por mi!

что значить въ переводѣ :

« Небу не благоугодно было наградить меня даромъ слова, для того, чтобы я одною своею понятливостію придавалъ болѣе чувства всѣмъ нарисованнымъ мною предметамъ. И я придалъ имъ, моею удивительною кистию, столько жизни, что, не умѣя говорить, заставилъ ихъ самихъ говорить за меня.»

Кромѣ Наваррета, Испанія имѣла еще одного глухо-нѣмага живописца, Алонзо дель Арго, прозваннаго *el Sordillo de Pereda* (глухой изъ Переды). Онъ родился въ Мадридѣ, учился у живописца Антоніо Пе-

реды, и особенно былъ извѣстенъ портретною живописью. Прочія его произведенія, въ историческомъ родѣ, не такъ удачны, хотя во всѣхъ нихъ видѣнъ изящный рисунокъ, необыкновенная яркость красокъ, и въ особенности всегда удачное расположеніе фигуръ. Большая часть картинъ, написанныхъ Арко, находятся въ Мадридѣ, въ которомъ онъ расписалъ одинъ всю часовню Богородицы de la Novena. Огромныя картины его, Успеніе и Зачатіе Богородицы, написанныя имъ на первыхъ порахъ его художественнаго поприща, для мадритскаго монастыря босоногихъ тринитаріевъ, цѣнятся очень высоко всѣми знатоками художествъ конца семнадцатаго вѣка.

Алонзо Санчезъ Кцелло, окончившій недописанныя картины Наваррета, имѣлъ сильное вліяніе на распространеніе живописи въ Испаніи, по своему огромному художественному кредиту и тому уваженію, которое оказывалъ ему король Филиппъ II, и почти цѣлая Европа, какъ за его произведенія, отличающіяся вѣжностью письма и разнообразіемъ композиціи, такъ и за многихъ прекрасныхъ художниковъ, образовавшихся подъ его руководствомъ. Изъ числа ихъ особенно замѣчательны: Христофоръ Лонецъ, придворный живописецъ Дона-Жуана III, короля португальскаго, и Жуанъ Пантоха де ла Круцъ, превосходный портретистъ и замѣчательный историческій живописецъ, заступившій мѣсто Целло при королѣ Филиппѣ II. Лучшія картины Целло, религіознаго содержанія, изображающія святыхъ: Лаврентія, Евгенія, Георгія, Великомученицы Екатерины и Агнесы, находятся въ главномъ алтарѣ эскуріальскаго монастыря, а замѣчательнѣйшія изъ историческихъ картинъ въ мадритскомъ соборѣ и главныхъ приходскихъ церквахъ этого же города. Целло умеръ въ 1590 году, оставивъ послѣ себя болѣе шестидесяти тысячъ дукатовъ, сумму огромную для художника, по тогдашнему времени.

Не менѣе Алонзо Санчеса Целло пользовался въ Испаніи извѣстностію другой позднѣйшій ему живописецъ того же имени, донъ Клавдій Целло, уроженецъ мадритскій, ученикъ живописца Франциска Рици. Портретная и историческая живопись, кромѣ архитектуры, которою онъ также занимался съ большимъ успѣхомъ, была главнымъ его занятіемъ. Изучая тщательно произведенія Тиціана, Рубенса, Вандика и Рафаэля, Клавдій Целло сдѣлался однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ колористовъ своего времени, и былъ одаренъ такимъ живымъ воображеніемъ и такою изобрѣтательностію, что могъ, нисколько не затрудняясь, написать одинъ и тотъ же сюжетъ различно нѣсколько разъ. Удостоенный милостию короля и общимъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, предпочитавшихъ его картины картинамъ другихъ современныхъ ему живописцевъ, Клавдій Целло былъ уже назначенъ главнымъ распорядителемъ всѣхъ

живописныхъ работъ, предполагаемыхъ въ Эскуриалѣ, когда прибытіе изъ Италіи Луки Іордана уничтожило всѣ его надежды. Признавая гласно превосходство Іордана и несамолюбивый отъ природы Целло былъ между-тѣмъ сильно оскорбленъ преимуществомъ, которое отдали чужезатранцу, и всеобщими ему похвалами, прежде нежели онъ успѣлъ взяться за кисть. Онъ отказался отъ всѣхъ придворныхъ заказовъ и занялся исключительно свою живописною школою, которая почиталась самою знаменитою въ свое время и образовала много хорошихъ живописцевъ, изъ числа которыхъ извѣстнѣйшими были: Себастьянъ Муноцъ и Фредерикъ Ардеманъ, имѣвшіе оба званіе корелевскихъ живописцевъ. Между многими произведеніями Клавдія Целло, сохранившимися въ Сарагосѣ и Саламанкѣ, и портретами его, находящимися въ мадритской церкви Святаго Андрея, очень близко подходящими своею манерою къ прекрасной манерѣ Веласкеца, особенно замѣчательенъ куполь, расписанный имъ въ мадритской часовнѣ императорской коллегіи Карла V de santo Christo. Но обратимся опять къ послѣдовательной исторіи испанской живописи.

Въ-теченіе шестнадцатаго столѣтія, въ испанской живописи произошелъ довольно ощутительный переворотъ, и къ ея самобытному направленію начинаютъ примѣшиваться, у нѣкоторыхъ художниковъ, элементы чужеземные. Такъ Моралесъ поддался вліянію германскому; такъ Жоаннесъ ввелъ въ свои произведенія элементъ римскій; такъ Францискъ Рибальта, уроженецъ валенскій и ученикъ Аннибила Каррача, образовавшій въ школѣ своей многихъ хорошихъ живописцевъ, и сынъ его, Жуанъ Рибальта, до того усвоили себѣ манеру и стиль школы Рафаэля, что самые опытные италіянскіе художники того времени часто обманывались и принимали картины Рибальты, привезенныя изъ Испаніи въ Римъ, за произведенія самаго Рафаэля, какъ по характеру ихъ композиціи, такъ и по колориту. Но кромѣ этихъ двухъ иностранныхъ элементовъ, германскаго и италіянскаго, на произведеніяхъ испанскихъ художниковъ начали отражаться еще и многіе другіе, и приготавливать новую эпоху для испанской живописи.

Знаменитый Алонзо Берругеть (Берругуате, какъ называютъ его нѣкоторые), другъ извѣстнаго италіянскаго художника Андреа дель Сарто и ученикъ славнаго Микеля Анджело Буонаротти, какъ и онъ бывшій въ одно и тоже время и живописцемъ и архитекторомъ и скульпторомъ, распространилъ въ испанской живописи новый смѣлый и возвышенный стиль. Въ продолженіе своей долгой и славной восьмидесятилѣтней жизни Алонзо Берругеть наполнилъ своими картинами почти всѣ большіе испанскіе города: Толеда, Гренада, Сарагосса, Мадридъ, Севилья, Сала-

манка, Сеговия, Вальядолидъ и другіе, могли равно соперничать одинъ передъ другимъ его замѣчательными живописными произведеніями, его статуями и его архитектурными постройками. Самымъ цѣннымъ и уважаемымъ произведеніемъ Берругета считается его огромная картина, представляющая Преображеніе Спасителя на горѣ Фаворѣ, находящаяся въ соборной толедской церкви, въ которой, кромѣ ея, находятся его Святая Леокадія, Святой Евгеній и многіе сюжеты, заимствованные имъ изъ Ветхаго и Новаго Заветовъ. Изъ архитектурныхъ созданій Берругета остались въ Испаніи дворцы Пардо и возобновленный мавританскій дворецъ Альгамбра, поражающіе соризмѣрностію частей, легкостію стила и той игривостію художественнаго воображенія, которое расточилъ Берругеть на ихъ внутреннее украшеніе.

Берругеть роился въ Паредесъ де Нева, въ 1465 году, и умеръ, по свидѣтельству однихъ, въ Толедѣ, а по словамъ Паломино, въ Мадридѣ, въ 1545 году, осыпанный почестями отъ императора Карла V, котораго онъ былъ первымъ придворнымъ живописцемъ, и окруженный довольствомъ, славою и уваженіемъ всѣхъ классовъ испанскаго народа. Изъ многихъ учениковъ Берругета, кромѣ Зурбарана, составляющаго собою отдѣльную эпоху въ испанской живописи, извѣстны были, въ свое время, Жуанъ Моннегро, извѣстный также подъ именемъ Жуана де-Толедо, и Блазь де-Прадо.

Жуанъ Моннегро родился въ Мадридѣ и, какъ Берругеть, былъ и живописцемъ и скульпторомъ и архитекторомъ. Влекомый желаніемъ усовершенствованія, онъ уѣхалъ прямо отъ Берругета въ Италію, и въ короткое время оказалъ такіе замѣчательные успѣхи, что ему препоручено было расписать нѣкоторыя части въ церкви Святаго Петра въ Римѣ. Молва о прекрасномъ исполненіи порученныхъ ему заказовъ и прозваніе *valliante spagnoles*, данное ему итальянцами, обратили на него вниманіе Филиппа II. Моннегро былъ вызванъ въ Испанію, чтобы украсить своими картинами и статуями монастырь эскуріальскій и присутствовать при построеніи его базилики, которой внутренность вся исполнена по его рисункамъ. Онъ блистательно оправдалъ названіе, пріобрѣтенное имъ въ Италиі, и кромѣ картинъ, оставилъ на память позднѣйшимъ испанскимъ художникамъ часть колоссальныхъ статуй древнихъ испанскихъ королей, украшающихъ передовый фасадъ храма Святаго Лаврентія эскуріальскаго, и четырехъ Евангелистовъ, окружающихъ фонтанъ на главномъ эскуріальскомъ дворѣ. Другой ученикъ Берругета, Блазь де-Прадо, извѣстенъ болѣе своими пейзажами и необыкновеннымъ искусствомъ, съ какимъ онъ умѣлъ писать цвѣты. Призваніе его къ изображенію цвѣтовъ было такъ велико, что во всѣхъ своихъ, впро-

чемъ немногихъ, сохранившихся послѣ него картинахъ историческаго и религіознаго содержанія, онъ сыпалъ ихъ какъ весна, по словамъ Паломино. Изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній де-Прадо, по изящному вкусу и оконченности, почитается портретъ дочери мароккаго императора, находящійся въ мадритскомъ королевскомъ дворцѣ, сдѣланный по приказанію Филиппа II въ самомъ Марокко, куда де-Прадо ѣздилъ въ-сопровожденіи многочисленной свиты.

Примѣру Берругета слѣдовали и многіе другіе современные ему испанскіе художники, и самый извѣстный изъ нихъ, Гаспаръ Бецерра, также учившійся въ Италіи у Вазари и даже, можетъ-быть, у Микеля Анджело, образовалъ въ своей школѣ многихъ хорошихъ живописцевъ и скульпторовъ. Какъ и Берругетъ, живописецъ, скульпторъ и архитекторъ, Бецерра родился въ Безѣ, маленькомъ андалузскомъ городкѣ, въ 1520 году, и былъ въ свое время болѣе извѣстенъ какъ замѣчательный скульпторъ и превосходный знатокъ анатоміи и рисунка, нежели какъ живописецъ. Между самыми лучшими его скульптурными произведеніями считается статуя Богородицы, сдѣланная имъ для испанской королевы Валуа, дочери короля Генриха II, украшающая церковь мадритскаго монастыря Святаго Франциска Пауло.

Паломино, любящій примѣшивать иногда, въ своихъ жизнеописаніяхъ испанскихъ художниковъ, много чудеснаго, рассказываетъ, что когда Бецерра дѣлалъ эту статую и никакъ не могъ придумать ей величественнаго положенія, вдругъ услышалъ, въ просонкахъ, надъ своею работою, чей-то трекратный голосъ, который говорилъ ему:

— Проснись, Бецерра, встань, посмотри на головню, горящую въ твоемъ каминѣ, и возьми ее себѣ за модель!

Измученный Бецерра исполнилъ сказанное со всею точностію и статуя его получила всеобщее одобреніе знатоковъ и привела королеву въ восторгъ.

Множество картинъ и скульптурныхъ произведеній Бецерры находятся, болѣею частью, въ Мадридѣ, въ церкви кармелитокъ, въ ратушѣ этого же города, въ Бургосѣ и Саламанкѣ. Онъ умеръ въ Мадридѣ, въ 1570 году, въ полномъ цвѣтѣ силъ, не достигнувъ еще пятидесяти лѣтъ.

Потребность въ живописныхъ произведеніяхъ сдѣлалась въ это время до того ощутительна въ Испаніи, что каждый мало-мало замѣчательный городъ началъ заводить свои живописныя школы, изъ которыхъ вышли многіе извѣстные въ свое время живописцы. Болѣе прочихъ извѣстны: Германдъ Донадо, монахъ ордена босоногихъ кордовскихъ кармелитовъ, прозванный Францискомъ Пачеко *доблестнымъ живо-*

писецъ, Педро Нунецъ, Диего Поло, Григорій Бауза, Францискъ Варела, Францискъ Коллантесъ, превосходный пейзажистъ, Донъ-Жуанъ Гальванъ, Мицьеръ Пабло, имѣвшій свою живописную школу въ Сарагоссѣ, Жуанъ де-Ареллано, замѣчательный искусствомъ писать цвѣты и плоды, отецъ и сынъ дель-Марко, отличные батальные живописцы, и многіе другіе. Но всѣ эти школы, въ самомъ непродолжительномъ времени, затмила школа сеvilская, сдѣлавшаяся, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, центромъ всѣхъ живописныхъ школъ и расадникомъ всѣхъ изящныхъ искусствъ и художествъ.

Сеvilская школа быстро стремилась къ своему совершенству и вводила въ испанскую живопись новыя формы, новыя условія, безъ которыхъ уже не предполагалось истиннаго художественнаго достоинства, и новую жизнь.

Живописецъ Лудовикъ де-Варгасъ первый преобразовалъ въ Севильи готическій стиль, упорно господствовавшій до него въ искусствахъ во всей Андалузій, и далъ испанской живописи новое направление.

Лудовикъ де-Варгасъ родился въ Севильи, въ 1528 году, и обучался живописи, какъ полагаютъ, въ Римѣ, у живописца Перино дель Ваго, по причинѣ разительнаго сходства, какъ въ манерѣ, такъ и колоритѣ, замѣчаемаго въ картинахъ, написанныхъ обоими этими художниками.

Если вѣрить свидѣтельству Паломино, то Лудовикъ де-Варгасъ провелъ въ Испаніи двадцать-восемь лѣтъ, постоянно и прилежно занимаясь своимъ искусствомъ, которое сдѣлалось наконецъ его исключительною страстью. По другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, Варгасъ провелъ первоначально въ Римѣ семь лѣтъ, и потомъ возвратился въ Севилью, въ которой засталъ двухъ фламандскихъ художниковъ, Антонія Флореса и Педро Кампану. Сравнивая свои произведенія съ произведеніями этихъ живописцевъ, онъ понялъ, что ему предстоитъ еще много трудовъ и изученія природы и манеры итальянскихъ художниковъ, чтобы стать съ ними на ряду, и снова уѣхалъ въ Италію. Трудолюбіе его увѣнчалось успѣхомъ, и по возвращеніи вновь на родину, де-Варгасъ уже не могъ опасаться соперниковъ, и до того сдѣлался извѣстенъ своими картинами, что извѣстный, въ то время, живописецъ въ Севильи, Перецъ де-Алезіо, римскій уроженецъ и ученикъ Микеля Анджело, избѣгалъ съ нимъ всякаго состязанія.

Варгасъ писалъ почти для однихъ церквей, и изъ картинъ его болѣе прочихъ замѣчательны: Спаситель, несущій крестъ, находящаяся въ сеvilскомъ монастырѣ кармелитокъ, позади главнаго олтаря, и Адамъ и Ева, написанные для соборной церкви. Нога Адама, на этой картинѣ,

представленная въ ракурсѣ (сокращеніи) почитается верховъ совершенства живописи и рисунка. Перець де-Алезіо, разсматривая эту картину де-Варгаса, не могъ скрыть своего восторга, и сказалъ окружающимъ его ученикамъ:

— За одну погу эту я бы отдалъ не только мои картины, которыя вы видите въ этой же церкви и которыя до-сихъ-поръ заслуживали всеобщее одобреніе; но и всю свою прошедшую и будущую славу!...

Кромѣ историческихъ картинъ священнаго содержанія, Варгасъ, писалъ и много портретовъ, изъ которыхъ портретъ герцогини Алкала, находящійся въ публичной мадритской картинной галлерей признается однимъ изъ лучшихъ и можетъ считаться достойнымъ кисти самаго Рафаэля или самаго Рубенса.

Варгасъ отличался строгою, совершенно христіанскою, отшельническою жизнію, и послѣ его смерти нашли въ его молельной многія орудіе покаянія, употребляемыя католиками, какъ-то бичи, власницу и прочая. Многочисленныя картины его, писанныя какъ масляными, такъ и клеевыми красками, равно какъ и его фрески, ясно отражаютъ на себѣ его строго-набожный характеръ. Лица изображаемыхъ имъ фигуръ проникнуты выраженіемъ чувства и граціи, положенія ихъ всегда благородны и носятъ на себѣ отпечатокъ сильного характера и серьезности. Картины Варгаса могли бы служить образцами художественнаго совершенства, еслибъ въ нихъ не было замѣтно совершеннаго незнанія правилъ перспективы и недостатка основательнаго изученія главныхъ законовъ измѣненія и переломленія лучей свѣта и постепенности перелива и свѣта тѣней.

По словамъ Пачеко и еще другаго испанскаго біографа, Моргадо, Лудовикъ де-Варгасъ умеръ въ 1568 году, въ Севильи. Изъ учениковъ его извѣстны Алонзо Васкець, уроженецъ севильскій, отличавшійся отъ прочихъ живописцевъ того времени тѣмъ, что на картинахъ своихъ изображалъ совершенно обнаженныя фигуры,—явленіе очень рѣдкое въ испанской живописи,—свидѣтельствующія о превосходномъ его знаніи анатоміи, и картезіанецъ Педро Францискъ Галеасъ, котораго Францискъ Пачеко, въ своемъ «Разсужденіи о живописи» ставитъ на ряду съ самыми лучшими живописцами севильской школы, хотя послѣ него и не осталось въ публичныхъ мѣстахъ картинъ, которыя бы могли подтвердить этотъ лестный отзывъ Пахеко. Въ этомъ случаѣ Пахеко должно вѣрить на слово, потому-что Галеасъ писалъ картины не для публики, а для немногихъ изъ своихъ друзей, и потому онѣ остались достояніемъ людей частныхъ.

Кромѣ Лудовика де-Варгаса, былъ въ Испаніи еще другой живописецъ того же имени, Андрей де-Варгасъ, умершій въ 1674 году, котораго картины часто смѣшиваютъ, по сходству ихъ въ письмѣ (*touché*), вкусу и одинаковому расположенію группъ, съ картинами его учителя Франциска Камилло, но онъ не имѣетъ большой важности въ исторіи испанской живописи, хотя нѣкоторыя его картины и находятся въ Мадритѣ, въ часовнѣ Христа Спасителя de la Piedad, и въ монастырѣ босоногихъ тринитаріевъ въ томъ же городѣ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти де-Варгаса, именно въ 1580 году, началъ пользоваться въ Севильи большою извѣстностью Лудовикъ Фернандецъ, ученикъ Патрикія Каксеса, придворнаго живописца королей Филиппа II и Филиппа III, вызваннаго изъ Флоренціи для росписанія королевинной галлерей во дворцѣ Pardo, гдѣ онъ изобразилъ во многихъ картинахъ всю исторію цѣломудреннаго Іосифа. Испанская живопись болѣе прочихъ извѣстныхъ учителей обязана Фернандецу. Въ мастерской его образовалось цѣлое поколѣніе замѣчательныхъ художниковъ, составлявшихъ лучшее украшеніе живописнаго искусства того времени. Таковы были Пахеко, зять Фернандеца, Геррера Старый и Жуанъ и Августинъ дель Кастильо, которые составляютъ какъ бы переходъ отъ шестнадцатаго вѣка къ семнадцатому, и которые, въ свою очередь, образовали въ мастерскихъ своихъ Мурилло, Веласкеца, Алонзо Кано, Педро де Мойя, Кордобу и почти всѣхъ прочихъ извѣстныхъ живописцевъ, имена которыхъ неразлучно соединены со славою испанской живописи, и свидѣлствуютъ о цвѣтущемъ состояніи художествъ того времени.

Фернандецу предшествовалъ другой не менѣе его знающій свое искусство наставникъ, Педро де-лазъ Кувасъ, школа котораго надѣлила Испанію живописцами — Леонардо, Жуаномъ Ринальде, Антонио Передой, Антонио Ариасомъ, донъ Жуаномъ Карренно, Жуаномъ Монтера де-Рокасомъ, Симономъ Малемъ и Францискомъ Бургосомъ.

Францискъ Пахеко, котораго сочиненія о живописи вообще, и въ особенности критическія разсужденія объ испанской живописи долгое время пользовались неоспоримымъ авторитетомъ, имѣлъ огромное вліяніе на усовершенствованіе живописи, какъ искусствомъ направлять и руководить художниковъ, такъ и своею личною огромною практикой. Онъ усовершенствовалъ техническую процедуру живописи, особливо живописи клеевыми красками, изобрѣлъ новый способъ искусно и прочно раскрашивать статуи и барельефы, которые съ давнихъ временъ всегда почти раскрашивались въ Испаніи. Пахеко родился въ Севильи, въ 1571 году, и уже въ 1598 году приобрѣлъ из-

вѣстность своею картиною, нарисованною имъ на одной изъ сторонъ великолѣннаго погребальнаго катафалка Филиппа II. Несмотря на все свое искусство которое онъ приобрѣлъ въ школѣ Фернандеца, Пачеко желалъ еще болѣе усовершенствоваться, и поѣхалъ въ Италію, изучать произведенія Рафаэля; но и этого казалось ему еще недостаточно. Онъ возвратился въ Испанію и поѣхалъ по всеѣмъ городамъ, чтобы еще, что-нибудь заимствовать изъ картинъ лучшихъ своихъ соотечественниковъ. Поселившись, наконецъ, въ Толедѣ, Пачеко сблизился тамъ съ живописцемъ Францискомъ Греко, ученикомъ Тиціана, написавшимъ много сочиненій о живописи, скульптурѣ и архитектурѣ, и Викентіемъ Кордучо, флорентинскимъ урожденцемъ, придворнымъ живописцемъ королей Филиппа III и Филиппа IV. Эти художники, имѣвшіе также свои художественныя школы, передали ему свою методу живописи, и развили въ немъ желаніе сдѣлаться самому образователемъ молодыхъ живописцевъ.

Между многими картинами, оставшимися послѣ Пачеко, особенно замѣчательны его эпизоды изъ исторіи Дедала и Икара, написанные имъ для друга его, герцога Альбы, въ которыхъ ракурсы фигуръ поразительны своею естественностію; потомъ шесть картинъ религіознаго содержанія, въ севильскомъ монастырѣ кармелитовъ, и портретъ, списанный имъ съ Микеля Сервантеса, копіи съ котораго находятся во многихъ извѣстныхъ художественныхъ галлерейхъ Европы. Онъ умеръ въ Севильи, въ глубокой старости, въ 1644 году.

Вся жизнь и все произведенія Пачеко тѣсно соединены со всеѣми важными вопросами объ испанскихъ художествахъ, точно также какъ жизнь и произведенія другаго ученаго художника, его современника и друга Пабло де-Цеснедеса, скульптора и живописца, архитектора и поэта, лингвиста и антикварія, философа и литератора, который оставилъ послѣ себя многія сочиненія, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, касающіеся самыхъ разнородныхъ предметовъ.

Пабло де-Цеснедесъ родился въ Кордовѣ и былъ самъ себѣ обязанъ своимъ художественнымъ образованіемъ, и все его живописныя произведенія, какъ масляными красками, такъ и фрески, извѣстныя не только въ Испаніи, но и во всей Италиі, отличаются точностію, строгимъ рисункомъ, сильнымъ выраженіемъ лицъ, превосходнымъ знаніемъ перспективы, яркостію колорита и искуснымъ расположеніемъ свѣтотѣни. Самыя лучшія картины Цеснедеса находятся въ Кордовѣ, и особенно замѣчательна изъ нихъ картина, изображающая Тайную Вечерю, по выраженію кротости и величія въ чертахъ Спасителя и лукавому лицу Иуды; обѣ фигуры какъ-будто выходятъ изъ полотна. Кромѣ этой

картины, сохранились еще большія картины Цеснедеса въ монастырѣ святой Клары «Дѣвы мученицы» и святой Іоаннъ креститель, и великомученица Екатерина, въ іезуитской коллегіи въ Севильи. Цеснедесъ умеръ въ Кордовѣ, въ 1608 году.

Изъ школы Цеснедеса вышли многіе хорошіе живописцы, изъ которыхъ особенно извѣстны: Жуанъ Пеналоза, уроженецъ андалузскій, картины котораго, впрочемъ очень дурно сохранившіяся, находятся въ Кордовѣ; Жуанъ Лудовикъ Замбрано, отличавшійся необыкновенною граціею и точностію выполненія и сходный по своей манерѣ съ маперою Рафаеля Урбино; Христофоръ Вела, писавшій болѣею частію веселые предметы, въ родѣ Теньера и Остада, и Антошіо де-Контрерасъ, уроженецъ кордовскій, украсившій этотъ родной свой городъ многими прекрасными картинами.

Вмѣстѣ съ Пахеко и Цеснедесомъ пользовались извѣстностію живописцы Педро Орренте, Лудовикъ Тристанъ и Жуанъ Майно.

Педро Орренте родился въ Мурціи, учился у живописца Бассана, и былъ строгимъ послѣдователемъ венеціанской школы. Картины его отличающіяся пѣжностію письма, искуснымъ расположеніемъ группъ, свѣжестію колорита и правильнымъ рисункомъ,—многочисленны и разсѣяны по всей Испаніи. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ, по своей величинѣ и оконченности, суть: «Страшный судъ» и «Жизнь Спасителя и Богоматери», написанныя во многихъ картинахъ, находятся въ мурційскомъ монастырѣ святаго Іеронима; святыя Іаковъ и Себастьянъ, въ валенской часовнѣ los Pies de la Sen; мученія святаго Іакова-рудокопа и знаменитая въ Испаніи картина «Святая Леокадія, выходящая изъ гроба», въ Толедо; Поклоненіе волхвовъ и апостоль Іома невѣрующей воскресенію Спасителя, въ кордовской церкви San Eulogio. Орренте умеръ въ Толедо, въ 1643 году. Изъ учениковъ Орренте извѣстны Христофоръ Гарціа Саллиронъ и Пауло Понтосъ.

Самою замѣчательною картиною Тристана почитается Тайная Вечеря, сдѣланная имъ для толедскаго монастыря de la Silla: Паломино рассказываетъ, что за картину эту, написанную Тристаномъ еще тогда, когда онъ былъ ученикомъ у Доминика Греко, монахи не хотѣли заплатить условленныхъ двѣсти дукатовъ, и находя, что цѣна слишкомъ велика для такого посредственнаго произведенія, обратились къ Греко съ просьбою усовѣстить своего ученика. Греко призвалъ Тристана, и взявъ палку началъ осыпать его ударами, приговаривая:

— Такъ-то ты позоришь свое искусство, и такъ, стало-быть, мало признаешь въ себѣ дарованія, что берешься писать за двѣсти дукатовъ

то, за что мнѣ дали бы пятьсотъ дукатовъ, еслибы я намаралъ такъ дурно, какъ ты!

Капуцины повяли намекъ Греко и сѣвшили выдать Тристану деньги, опасаясь, чтобы онъ не удвоилъ цѣны послѣ учительскаго наказанія.

Всѣ картины Тристана отличаются необыкновеннымъ вкусомъ и правильностио рисунка, такъ-что знаменитый живописецъ Веласкецъ де-Сильва предпочиталъ его манеру манерѣ Пачеко, и всегда ставилъ за образецъ своимъ ученикамъ. Большая часть картинъ Тристана находятся въ главныхъ толедскихъ монастыряхъ, и высоко цѣнятся въ настоящее время. Тристанъ умеръ въ Толедо, въ 1649 году, оставивъ послѣ себя многихъ учениковъ, между которыми особливо былъ извѣстенъ Хуанъ Хиринось, расписавшій съ Варфоломеемъ Кардепой всю внутренность главной церкви монастыря Santa Maria d'Atoba, въ Мадридѣ.

Хуанъ Майно, также ученикъ Доменика Греко, монахъ монастыря святаго Петра мученика въ Толедо, соединялъ въ своихъ картинахъ всѣ главныя требованія искусства живописи, и ни одинъ изъ современныхъ ему художниковъ не могъ съ нимъ равняться въ строгой правильности рисунка, оконченности и чистотѣ вкуса, такъ что каждая изъ его картинъ можетъ смѣло почитаться за образцовое произведение. Замѣчательное дарованіе Майно доставило ему мѣсто учителя рисованья при инфантѣ Филиппѣ IV, который хотѣлъ его осѣнать и богатствомъ и почестями, но Майно отказался отъ всего, и умеръ простымъ монахомъ въ своемъ монастырѣ, въ 1654 году. Лучшія его картины находятся въ его монастырѣ, въ саламанкской духовной коллегіи и во дворцѣ Buen-Retiro, гдѣ всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе его батальная картина, на которой изображенъ герцогъ Олнварецъ, показывающій солдатамъ, для возбужденія ихъ мужества, портретъ короля Филиппа IV, написанный въ миниатюрѣ, со сходствомъ и искусствомъ изумительными.

Не менѣе Пачеко, Пабло де Цеснедеса, Орренте, Тристана и Майно, знамениты ученики Пачеко: Геррера и Алонзо Кано.

Геррера, прозванный Старымъ, Неггега el Viejo, родившійся въ Севильи, въ 1588 году, котораго эцентричность и буйный характеръ Паломино называетъ изъ вѣжливости *кипучимъ*, «писалъ не такъ, какъ писали прочіе художники», говоритъ Бермудецъ. «Онъ пачиналъ и кончалъ свои картины въ состояннн какого-то буйнаго расположенія и невѣроятной ярости—*inegeible furor*; вмѣсто карандашей, угля или мѣла, онъ рисовалъ контуры трѣстиникомъ (*cañas*), а писалъ, вмѣсто кистей,

большими щетками». Этотъ характеръ Герреры отразился на всѣхъ его произведеніяхъ и наложилъ на нихъ такой неподражаемый и оригинальный отпечатокъ, что между его картинами и картинами всѣхъ другихъ испанскихъ художниковъ, ни его, ни послѣдующаго времени, нельзя найти ничего общаго. Бермудецъ рассказываетъ, что однажды, когда жестокое обращеніе и буйный нравъ Герреры разогнали изъ его мастерской всѣхъ учениковъ, онъ замѣнилъ ихъ служанкою, которая должна была дѣлать ему подмалевку, послѣ чего Гертара самъ приступалъ уже къ работѣ, выводилъ на сырыхъ краскахъ линіи, чертилъ фигуры, обозначалъ группы, располагалъ свѣтъ и тѣни и такъ оканчивалъ всю картину.

Всѣ картины Герреры отличаются сильною энергіею и удивительною бойкостью кисти, и никогда, ни въ одномъ произведеніи Караваджіо и Риберы, двухъ великихъ практическихъ художниковъ, незамѣтно такого правильнаго рисунка, отчетливости выполненія и той оконченности, какими изобилуютъ всѣ картины Герреры. Жизнь его не прошла безъ приключеній. Увлеченный, вѣроятно, привычкою гравировать на мѣди, онъ часто отклонялся отъ прямаго своего назначенія, и подозрѣваемый однажды въ дѣланіи фальшивой монеты, угрожаемый стыдомъ и заточеніемъ, принужденъ былъ, для избѣжанія преслѣдованія, укрыться въ стѣнахъ іезуитской коллегіи святаго Гермингильда. Дальновидные іезуиты не отказали ему въ убѣжищѣ, и онъ, ласкаемый ими, расписалъ, въ знакъ благодарности за гостепрѣимство, бесплатно, несмотря на все свое сребролюбіе, главный алтарь ихъ церкви. Король Филиппъ IV, проезжая, въ 1624 году, чрезъ Севилью, посѣтилъ соборъ гермингильдской іезуитской коллегіи и замѣтилъ въ немъ картины Герреры. Восхищенный ихъ совершенствомъ, онъ даровалъ Геррерѣ прощеніе, приказавъ ему замѣтить: «что человѣку, обладающему такимъ замѣчательнымъ дарованіемъ, никогда не слѣдуетъ употреблять его во зло».

Послѣ многочисленныхъ заказовъ, исполненныхъ въ Севильи, Геррера переѣхалъ, въ 1650 году, въ Мадридъ, въ которомъ и умеръ шесть лѣтъ спустя. Дѣти его, не имѣя силъ сносить порывы его запальчиваго и сумасброднаго характера, принуждены были наконецъ бѣжать изъ родительскаго дома. Дочь постриглась въ монахини, а сынъ, Францискъ Геррера, прозванный *Молодымъ*, *Peçra el Moso*, удалился въ Италію, похитивъ у отца значительную сумму денегъ.

Францискъ Геррера учился въ Римѣ, въ различныхъ школахъ, и готовился быть архитекторомъ, не переставая, въ тоже время, писать особеннаго рода картины, извѣстныя въ Италіи подъ названіемъ *bottegoni*, и изображающія разныя мяса, внутренность кухни, столовые и прочіе

тому подобные предметы, въ томъ самомъ родѣ, которымъ прославилъ себя голландскій живописецъ Снейдерсъ. Геррера въ особенности отличался искусствомъ изображать разныхъ рыбъ, за что и получилъ между италіянцами названіе *lo Spagnolo dei pisci*. По смерти отца, Францискъ возвратился въ Мадридъ, въ которомъ, черезъ четыре года, въ 1660 году, наименованъ былъ королевскимъ живописцемъ и назначенъ вторымъ директоромъ севильской художественной академіи, президентомъ которой былъ Мурильо, и наконецъ главнымъ начальникомъ и распорядителемъ вѣсѣхъ архитектурныхъ проектовъ.

Кромѣ изображенія предметовъ кухни и рыбъ, Францискъ Геррера писалъ также картины историческаго и религіознаго содержанія, и многія изъ нихъ, по своему колориту, искусному расположенію свѣто-тѣни, нѣжности письма и тщательности отдѣлки, могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями испанской живописи. Паломинно описываетъ Герреру человѣкомъ самого самолюбиваго, гордаго и заносчиваго характера, соединеннаго съ ѣдкимъ художественнымъ остроуміемъ. Однажды, говоритъ онъ, герцогъ Оливарецъ поручилъ купить Геррерѣ нѣсколько картинъ изъ продававшейся картинной галлерей, и оставшись недовольнымъ его выборомъ, просилъ, неблагопріятно отзываясь о его вкусѣ, другаго художника выбрать картины. Узнавъ объ этомъ и видя, что вторыя картины далеко уступаютъ въ достоинствѣ купленнымъ имъ, Геррера пожелалъ отметить, и тотчасъ-же нарисовалъ большую картину, изображающую обезьяну, сидящую въ саду, наполненномъ самыми лучшими цвѣтами и хватающую рѣпейникъ, вмѣсто пышныхъ розъ и сочныхъ гранатъ. Онъ уже несъ свое произведеніе въ подарокъ герцогу, когда одинъ изъ друзей его, донъ Антоніо Сото-Майоръ, успѣлъ его отговорить отъ поступка, который могъ имѣть очень дурныя послѣдствія.

Геррера оставилъ послѣ себя множество картинъ, изъ которыхъ лучшими почитаются: святой Францискъ, въ севильскомъ соборѣ; святой Гермингильдъ, въ мадритской церкви босоногихъ кармелитовъ; святой Викентій, въ церкви аррагонскаго госпиталя, святой Іосифъ, съ младенцемъ Іисусомъ, въ іезуитскомъ коллегіумѣ; святая Анна пророчица, преподающая уроки Богоматери, святой Мартынъ, отдающій свою одежду нищему, и Христосъ, изнемогающій подъ бременемъ креста—въ мадритской соборной церкви. Францискъ Геррера слѣдовалъ манерѣ Тиціана и Рубенса. Онъ умеръ въ Мадридѣ, въ 1685 году, оставивъ преемникомъ основанной имъ школы ученика своего Матео де Торреса, уроженца города Эспинозы де los Monteras, который, по своему правильному рисунку, прекрасному колориту, знанію расположенія свѣто-тѣни и глубокому изученію произведеній лучшихъ италіянскихъ мастеровъ, совер-

шенно сходенъ съ своимъ учителемъ, какъ въ исторической, батальной и портретной живописи, такъ и въ пейзажахъ.

Въ одно время съ Геррерами, отцомъ и сыномъ, славился однофамилецъ ихъ донъ Себастьянъ Геррера Барнуэво, живописецъ, скульпторъ и архитекторъ; Антонио Геррера, отецъ его, былъ первымъ его наставникомъ и развилъ въ немъ тѣ огромныя способности къ живописи, которыя потомъ онъ усовершенствовалъ въ школѣ Алоизо Кано, и изучая Тициана, Павла Веронеза и Тинторета. Всѣ картины Герреры Барнуэво отличаются вкусомъ, яркостію красокъ и правильностію рисунка. Въ Мадридѣ, въ которомъ находится большая часть его картинъ и статуй, до сихъ-поръ тщательно хранится, въ національномъ музеумѣ, сдѣланная имъ восковая фигура, въ натуральную величину, нисколько не уступающая лучшимъ произведеніямъ Микель Анжело. Геррера слѣдовалъ манерѣ венеціанской школы, и почиталъ ее лучшею и естественнѣйшею.

Теперь слѣдуетъ сказать о второмъ ученикѣ Пачеко, Алонзо Кано, котораго имя соединено съ именами самыхъ знаменитыхъ живописцевъ, какихъ когда-либо имѣла Испанія. Создавая его, природа, кажется, соединила въ немъ всѣ свои совершенства, образовавъ изъ него прекраснаго живописца, замѣчательнаго скульптора и хорошаго математика. Алонзо Кано родился въ Гренадѣ, въ 1600 году, и первоначальное свое художественное образованіе получилъ подъ руководствомъ отца своего, Мигуэля Кано, предназначавшаго его къ архитектурнымъ занятіямъ. Не переставая прилежно заниматься черченіемъ плановъ, Алонзо пристрастился къ живописи, и уже изъ первыхъ его рисунковъ можно было угадать въ немъ будущаго великаго художника. Не желая препятствовать природнымъ склонностямъ сына, донъ Мигуэль послалъ его въ Севилью, къ Франциску Пачеко, въ мастерской котораго онъ восемь мѣсяцевъ единственно занимался рисованіемъ, и потомъ перешелъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, къ Хуану дель Кастильо, у котораго окончательно усовершенствовался и не желая стѣсняться болѣе ни чьими наставленіями, поспѣшилъ создать что-нибудь самъ, и первая его картина была признана всѣми за образцовое произведеніе. Съ этой попытки, талантъ Алонзо Кано началъ развиваться въ огромныхъ размѣрахъ, такъ что, не имѣя еще двадцати трехъ лѣтъ, онъ расписалъ трапезу главной небрндхской церкви съ необыкновеннымъ искусствомъ и кромѣ-того сдѣлалъ три изваянія, въ натуральную величину, изъ которыхъ одно изображало Богоматерь съ Спасителемъ на рукахъ, а два другія Апостоловъ Петра и Павла. Изваянія эти были такъ хорошо выполнены, что слава Алонзо разнеслась повсюду, и со всѣхъ-сторонъ спѣшили художники, что бы снять съ нихъ копіи, особливо съ изображенія Богородицы, изумлявшаго

самыхъ опытныхъ и въскательныхъ скульпторовъ. Но Алонзо не удовольствовался этою минутною славою; онъ желалъ еще большаго совершенства, и поспѣшилъ въ Мадридъ, подъ покровительство герцога Оливара. Тамъ, разсматривая картины великихъ итальянскихъ художниковъ, находящіяся въ Эскурялѣ и дворцахъ королевскихъ, онъ часто приходилъ въ невольный восторгъ и громко высказывалъ свое удивленіе.

— Къ чему стремлюсь я, говорилъ онъ ученикамъ своимъ, и сколько у меня должно быть самонадѣянности, когда мнѣ недостаточно двухъ жизней, чтобы создать что-нибудь подобное!

И онъ съ неутомимостію изучалъ манеру и письмо своихъ идеаловъ, вникалъ въ малѣйшія подробности, такъ наблюдательно, что если не превозшелъ Рафаэля, Веронеза и Тиціана, то, по-крайней-мѣрѣ, сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Художественныя заслуги Алонзо Кано доставили ему, въ 1638 году, званіе королевскаго живописца и мѣсто учителя рисованія при принцѣ донѣ Карлосѣ Австрійскомъ, а извѣстность и неоспоримое искусство—столько заказовъ, что нѣтъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго города въ Испаніи, въ которомъ бы что-нибудь не было написано Алонзо Кано.

Всѣ произведенія Кано отличаются обдуманностію предмета, необыкновенною правильностію рисунка, нѣжностію письма, яркимъ колоритомъ, неистощимымъ воображеніемъ, вкусомъ и глубокимъ знаніемъ расположенія свѣто-тѣни. Лучшими картинами Алонзо Кано почитаются: Чудо святаго Исидора, въ церкви святой Маріи, въ Мадридѣ; — Святой Францискъ, которому ангелъ показываетъ сосудъ съ прозрачною водою, символъ чистоты, которою долженъ быть проникнуть служитель Божій, приступая къ алтарю, въ церкви святаго Іакова; — добрый пастырь, великомученица Екатерина, воплощеніе и плачущая Марія Магдалина, въ соборной мадритской церкви.

Эта послѣдняя картина написана во вкусъ Корреджіо, и до того схожа съ манерою этого живописца, что итальянскіе художники, посѣщавшіе въ послѣдствіи Испанію, очень долго не соглашались вѣрить, чтобы она принадлежала Алонзо Кано.

Алонзо Кано умеръ въ Гренадѣ, въ 1676 году, въ глубокой старости, образовавъ въ своей школѣ множество учениковъ, изъ которыхъ особенно извѣстны: скульпторъ донъ Педро Мена, прекрасными статуями и барельефами котораго украшены почти всѣ испанскіе города; донъ Педро Атаназіо, многія картины котораго находятся въ Гренадѣ и въ Кордовѣ; Франциско Каро, написавшій, во многихъ картинахъ, для часовни святаго Исидора, въ Мадридѣ, всю жизнь Богородицы; Алонзо де-Месса, замѣчательный своею изобрѣтательностію и необыкновенною

рельефностію фигуръ; Мигуэль Цезарь; Амбросій Мартинецъ, лучшія картины котораго находятся въ королевскомъ монастырѣ святаго Геронима, въ Гренадѣ, и наконецъ, донъ Хуанъ Нино де-Гевара. Гевара родился въ Мадридѣ, и съ самой ранней молодости жилъ въ Малагѣ, гдѣ поступилъ въ школу Мигуэля Маурика, фламандскаго уроженца и ученика Рубенса, отъ котораго впрочемъ скоро перешелъ къ Алонзо Кану и оказалъ такіе замѣчательные успѣхи, что въ непродолжительномъ времени сравнялся съ своимъ учителемъ. Гевару сравниваютъ съ Мурильо, и многіе даже отдають ему преимущество въ рисункѣ. Всѣ картины Нино Гевары замѣчательны изяществомъ рисунка, хотя и отзывающагося иногда манерою фламандской школы, пріобрѣтенною имъ въ школѣ перваго его учителя, необыкновенною бойкостію кисти, свѣжестію колорита и разнообразіемъ композиціи. Лучшими картинами его считаются: «Воздвиженіе Креста», находящаяся въ Малагѣ, по множеству изображенныхъ на ней лицъ по необыкновенному вкусу композиціи и по глубокому историческому изученію одеждъ и аксессуаровъ; «Торжество Милосердія», представляющая лица всѣхъ замѣчательныхъ людей, подвизавшихся на поприщѣ благотворительности; Распятіе Спасителя, Вознесеніе Господне и Успеніе Богородицы, въ малагскомъ соборѣ Христа Спасителя, и кромѣ-того еще много другихъ картинъ, какъ въ Малагѣ, такъ въ Кордовѣ и Гренадѣ. Нино Гевара умеръ въ родномъ своемъ городѣ, въ 1698 году, шестидесяти семи лѣтъ, оставивъ послѣ себя въ Малагѣ живописную школу, изъ которой, къ удивленію, не вышло ни одного замѣчательнаго живописца, или, по-крайней-мѣрѣ, имена ихъ неизвѣстны и непереданы намъ ни однимъ испанскимъ біографомъ.

Время, въ которое жили Геррера Старый, Геррера Молодой и Алонзо Кано, было самымъ благопріятнымъ временемъ въ исторіи испанскихъ художествъ, и къ числу живописцевъ, раздѣлявшихъ всеобщую извѣстность съ Геррерами и Кано, принадлежитъ также современникъ ихъ Зурбаранъ.

Францискъ Зурбаранъ родился въ Фуэнте де Кантосъ, маленькомъ городкѣ провинціи Эстремадуры, около 1598 года, отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ Зурбарана былъ земледѣлецъ. Первоначальное художественное свое образованіе получилъ Зурбаранъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ испанскихъ біографовъ, въ томъ числѣ Бермудеца, въ родномъ своемъ городѣ, подъ руководствомъ одного изъ многихъ и лучшихъ учениковъ Моралеса el divino (какого именно, неизвѣстно), а потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, перешелъ въ Севилью, въ мастерскую живописца де лосъ Реоласа, фламандца и ученика Тиціана, поддерживавшаго блистательно соперничество съ Пачеко, Геррерой и де-Кастальо и слѣдовавшаго манерѣ, принятой венеціанскими школами. Предавшись совер-

шенно своему искусству Зурбаранъ дѣлалъ изумительные успѣхи, и имѣя только двадцать семь лѣтъ, уже успѣлъ составить себѣ славу огромными картинами, написанными имъ, въ 1633 году, для церкви святаго Апостола Петра, въ Севильи. Въ 1633 году онъ получилъ званіе королевскаго живописца, а въ 1650 украсилъ дворець Buen-Retiro изображеніемъ подвиговъ Геркулеса, а также и королевскіе замки del Campo и la Baveda de la Pieza, многими большими картинами, доставившими ему лестную похвалу короля Филиппа IV, образованнаго любителя и покровителя своихъ отечественныхъ художествъ.

Испанскій писатель Бермудецъ, оставившій, какъ Пачеко и Паломино, много замѣчательныхъ свѣдѣній объ испанской живописи и испанскихъ художникахъ, говоритъ, что когда Зурбаранъ, кончивъ послѣднюю свою картину въ Buen-Retiro, подписывалъ подъ нею свое имя и званіе королевскаго живописца, Филиппъ IV, приблизившійся незамѣтно къ нему въ эту минуту, ласково положилъ руку на плечо живописца и сказалъ ему:

— Прибавь же, однако, Зурбаранъ, къ этой подписи: «и король живописцевъ!»

Счастіе со всѣхъ сторонъ улыбалось Зурбарану, но онъ вкорѣ встрѣтился съ богатою дѣвушкою, донною Леонорою, изъ извѣстной испанской фамиліи де лосъ Йордера, на которой женился по любви, впалъ въ какую то болѣзненную задумчивость, и недовольный жизнію, отрицая въ себѣ даже художественное дарованіе, удалился на житье въ свой родной городъ, Фуэнте де-Кантосъ, и рѣшился никогда болѣе не дотрогиваться до кисти.

Молва объ этой странной рѣшимости вкорѣ разнеслась повсюду и достигла Севильи. «Испуганные севильскіе жители, говоритъ Паломино, изумленные его неожиданнымъ и непонятнымъ для нихъ удаленіемъ, слышали послать къ нему депутацію изъ самыхъ знатнѣйшихъ городскихъ жителей, чтобы склонить его переменить намѣреніе. Краснорѣчіе, съ которымъ они высказали Зурбарану все, что они въ немъ теряютъ, глубоко его тронуло и онъ, убѣжденный ихъ словами, согласился возвратиться.»

Бермудецъ, который полиѣ прочихъ говоритъ о Зурбаранѣ, не подтверждаетъ однакоже достовѣрности этого разсказа, и только пишетъ, что Зурбаранъ, послѣ тяжкой нравственной болѣзни, снова переѣхалъ изъ Фуэнте де-Кантосъ въ Севилью.

Возвратясь въ Севилью, Зурбаранъ, несмотря на свой кроткій и миролюбивый характеръ, не могъ избѣжать неприятностей. Неожиданная ссора вынудила его выдти на поединокъ, кончившійся смертію его противника. Филиппъ IV, любившій Зурбарана и знавшій всю его семей-

ную жизнь, принявъ въ уваженіе всѣ обстоятельства, предшествовавшія ссорѣ, простилъ его и приказалъ только удалиться на покаяніе въ кордовскій монастырь ордена братьевъ проповѣдниковъ. Въ этомъ—то монастырѣ написалъ Зурбаранъ свою знаменитую коллекцію мучениковъ въ Восточной Индіи, въ числѣ которыхъ болѣе прочихъ замѣчательны своею оконченностію и сильнымъ выраженіемъ фizioноміи, Святой Бруно, бесѣдующій съ папою Урбаномъ II, и Святой Гуго, представляющій для цѣлованія крестъ монахамъ. Обѣ эти картины сдѣланныя, имъ по заказу монаховъ севильскаго монастыря Святой Маріи de los Cuevas, во-время испанской кампаніи Наполеона перевезены въ Парижъ, въ галерею маршала Сульта, которая въ настоящее время распродана въ разныя столичныя живописныя галереи главныхъ европейскихъ государствъ.

Число картинъ, написанныхъ Зурбараномъ, говоритъ Паломино, такъ велико «que ragesen по tener nishogo» «что онѣ кажутся неисчислимыми», и ими наполнены всѣ церкви Андалузій и особенно Севильи, между—тѣмъ какъ, по какой-то неизъяснимой странности, публичный мадритскій королевскій живописный музеумъ имѣетъ только четыре картины Зурбарана, съ которыхъ сдѣланы прекрасныя литографіи Фридерикомъ Мадраузо, живописцемъ испанской королевы Христины.

Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Зурбарана почитается его Юдифь, написанная имъ для монастыря босоногихъ кармелитовъ въ въ Херлѣ. Кромѣ этой картины, высоко цѣнятся: Святой Антоній и Святой Апостоль Павелъ, написанные въ 1636 году, по заказу босоногихъ кармелитовъ въ Кордовѣ; Поклоненіе пастырей, написанное для короля Филиппа III, и исторія жизни и дѣяній Святаго Петра Ноласкаго, изображенная во многихъ картинахъ, для монаховъ севильскаго монастыря Святаго Спаса милостиваго.

Всѣ произведенія Зурбарана, котораго Паломино, пристрастный очень часто въ своихъ сужденіяхъ о испанскихъ художникахъ, упрекаетъ во многихъ художественныхъ недостаткахъ и говоритъ, что онъ не былъ замѣчателенъ ни въ одномъ родѣ живописи, отличаются, по словамъ прочихъ художественныхъ историковъ Испаніи, необыкновеннымъ искусствомъ, съ какимъ онъ умѣлъ располагать *пятна* (массы свѣта и тѣней) въ картинѣ, освѣщеніемъ фигуръ и также удивительнымъ разнообразіемъ, легкостію и неподражаемою сквозистостію драпировки.

«При взглядѣ на религіозныя картины Зурбарана, говоритъ Бермудецъ, становится какъ—то и страшно и радостно. Удивленному зрителю такъ и кажется, что онъ видитъ передъ собою тѣхъ благочестивыхъ отшельниковъ первыхъ временъ христіанства, которые силою воли,

борьбою съ плотію и страстями и всеми возможными мірскими лишеніями пріобрѣли себѣ неотъемлемое право на небесное наслѣдіе Божіе».

И въ-самомъ-дѣлѣ, ни въ одномъ живописномъ произведеніи италіанскихъ школъ, съ конца пятнадцатаго столѣтія, не замѣтно такой глубоко-христіанской композиціи и такой нравственности идей, какими отличаются все картины Зурбарана. Предметы, чаще всего повторяющіеся у Зурбарана и, кажется, болѣе имъ любимые суть монахи различныхъ орденовъ и внутренніе виды древнихъ испанскихъ монастырей съ ихъ мрачнымъ и однообразнымъ видомъ, переданныя такъ отчетливо и съ такими мелкими подробностями, что вематриваясь внимательно, самъ, кажется, чувствуешь себя среди ихъ уединенныхъ стѣнъ. Испанцы называютъ Зурбарана своимъ Караваджіо, и многіе изъ ихъ писателей, забывъ о Мурильо, приписываютъ ему первому мысль объ учрежденіи севильской художественной академіи, не основываясь впрочемъ ни на какихъ положительныхъ фактахъ. Зурбаранъ умеръ, по словамъ Паломинно, котораго впрочемъ ошибочныя свѣдѣнія часто изобличаются позднѣйшими ему писателями, въ 1662 году, въ Мадридѣ, а по словамъ Бермудеца въ Севильи, въ 1679 году, что кажется, гораздо достовернѣе. Зурбаранъ имѣлъ многихъ учениковъ и между прочими Антонио дель Кастильо, двухъ Поланкосовъ, Иосифа де-Сарабію, подражавшаго Рафаэлю, Варнаву де-Айлу, лучшія картины котораго находятся въ капуцинскомъ севильскомъ монастырѣ и составляютъ часть церковнаго иконостаса, и Иеронима де-Бовадилъу, урожденца антекварскаго, которому недоставало только безукоризненной правильности рисунка, чтобы быть однимъ изъ самыхъ великихъ живописцевъ своего вѣка. Въ прочихъ отношеніяхъ, какъ-то, въ изяществѣ композиціи, нѣжности письма и живости колорита, онъ не имѣлъ себѣ равнаго, такъ что самъ Мурильо, сознавая его превосходство предъ собою въ этомъ отношеніи, часто прибѣгалъ къ его совѣтамъ и кисти. Бовадилъа писалъ болѣею частію перспективные виды и маленькія историческія картины, которыя покрывалъ такимъ сухимъ и прозрачнымъ лакомъ, что онѣ казались зеркальными. Тайну составленія этого лака, котораго не замѣтно ни на одной изъ картинъ, ни испанской, ни италіанской школы, онъ унесъ съ собою въ могилу, не желая, чтобы кто-нибудь могъ быть съ нимъ схожимъ хотя въ лакированіи своихъ произведеній. Бовадилъа умеръ въ 1680 году, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ родился,

Разматривая внимательно картины Зурбарана и картины его учениковъ, можно замѣтить, что изображенныя ими фигуры очень мало обнажены и одрапированы почти съ головы до ногъ. Эта особенность, примѣчаемая также во всехъ живонисныхъ и скульптурныхъ произведеніяхъ

старинныхъ испанскихъ школь, заставляла многихъ сомнѣваться въ знаніи испанскими художниками анатоміи человѣческаго тѣла. Но въ этомъ предположеніи можно скоро разувѣриться, если внимательнѣе всмотрѣться въ тѣ части тѣла, которыя изображены были художниками обнаженными. Такъ, напримѣръ, въ знаменитой картинѣ Мурильо, представляющей старика, разбитаго параличемъ, обнаженное плечо страждущаго почитается всеми знатоками за чудо изображенія человѣческой мускулатуры. Тоже превосходное знаніе анатоміи замѣтно въ картинахъ и другихъ испанскихъ живописцевъ, а равно какъ и во всехъ скульптурныхъ произведеніяхъ, какъ семнадцатаго, такъ и предыдущихъ столѣтій. Но между-тѣмъ, несмотря, что все статуи покрыты длинною драпировкой, подь этою драпировкой явственно можно различить контуры правильныхъ и превосходно выполненныхъ человѣческихъ формъ. Болѣе другихъ испанскихъ скульпторовъ отличаются въ этомъ отношеніи скульпторы, Берругеть, составившій себѣ огромную славу *прозрачностію* своихъ мраморныхъ драпировокъ, если такъ можно выразиться; Германдь Доменикъ Бельтрандь, котораго статуи часто принимаются иностранцами за произведенія Микель—Анжело, и Торрижіано Торрижіани, умершій около 1552 года, въ севильскихъ темницахъ инквизиціи, голодною смертію, за то, что не получая условленной платы, разбилъ на части статую, заказанную ему для одного изъ севильскихъ монастырей. Обломокъ руки, сохранившійся отъ этого скульптурнаго произведенія Торрижіани, исполненнаго въ натуральную величину, до-сихъ-поръ еще сохраняется въ королевскомъ мадритскомъ музеумѣ и служитъ моделью живописцамъ. Превосходное знаніе анатоміи этимъ испанскимъ скульпторомъ можно повѣрить по его мраморнымъ и бронзовымъ обнаженнымъ статуямъ, находящимся донныѣ въ Римѣ, во дворцѣ *Fogge Borgia*. Слѣдовательно, упомянувъ еще при этомъ о знаменитомъ Андрѣ Везаліѣ * блистательно распространившимъ въ Испаніи науку анатоміи, несмотря на преслѣдованіе инквизиціи, обычай не выказывать обнажен-

* Андрей Везалій (Vesalius) родился въ 1513 году, въ Брюсселѣ, гдѣ отецъ его былъ аптекаремъ при дворѣ императора Максимилиана. Везалій учился сперва въ Луванъ, потомъ въ Парижѣ, и наконецъ, окончилъ свое образованіе въ Падуѣ, гдѣ преподавалъ публичныя лекціи анатоміи. Въ 1543 году онъ былъ сдѣланъ лейбъ-медикомъ императора Карла V и потомъ сына его Филиппа II, у котораго онъ пользовался особенною довѣренностію, за излеченіе сына, дон Карлоса, отъ тяжкаго головного ушиба, полученнаго имъ еще въ дѣтствѣ. Везалій началъ первый разсѣкать трупы въ Испаніи, и обвиненный инквизиціею въ убійствахъ, даже безбожіи, единственно только Филиппу II обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Возвращаясь изъ Палестины обратно въ Испанію, Везалій погибъ въ кораблекрушеніи близъ острова Занта, въ 1561 году. Анатомическія сочиненія его изданы въ Лейденѣ, въ 1725 году, съ гравированными рисунками и портретомъ автора, нарисованнымъ Тиціаномъ.

ныхъ формъ тѣла, должно, кажется, приписывать не къ незнанію испанскими художниками анатоміи, а скорѣе всего къ ихъ религіозному направленію и той артистической скромности, которую они наслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ, подвизавшихся на поприщѣ живописи въ среднихъ вѣкахъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, стоить только взглянуть, не только на испанскія, но даже на германскія старинныя художественныя произведенія, чтобы убѣдиться, что обнаженное тѣло всегда являлось какъ-бы изображеніемъ грѣха и нравственнаго паденія. Святые мужи, люди извѣстные своею мудростію и заслугами и важнѣйшіе сановники, всегда представлялись облеченными въ длинныя, цѣломудренныя одежды, и только одни падшіе духи, демоны, символы зла и коварства, и извѣстные злодѣи изображались обнаженными, какъ бы являющими плоть свою на всеобщее поруганіе. Гораздо позже уже, когда искусство опять обратилось къ покинутымъ образцамъ идолопоклонническимъ и снова устремило взоръ свой на произведенія древней Греціи, и подъ предводительствомъ Рафаэля, стало вновь обрабатывать почву языческой образованности, обнаженное тѣло опять начинаетъ являться первенствующимъ, какъ въ картинахъ, такъ и въ статуяхъ, и занимаетъ всюду главное мѣсто.

Эта исключительная принадлежность всѣхъ художественныхъ произведеній семнадцатаго и начала восемнадцатаго вѣка замѣтна, какъ въ дышащихъ нѣгою произведеніяхъ школы Рубенса, Джордано и Юлія Романо, такъ и въ произведеніяхъ чувственной школы временъ Людовика XV. Матерія снова подавила духъ, и существа міологическаго міра—нимфы, фавны и полубоги, снова воскресли въ изображеніяхъ лицъ и предметовъ, взятыхъ даже изъ современнаго общественнаго быта. Это вновь принятое странное направленіе живописи не можетъ, впрочемъ, показаться удивительнымъ, если только вспомнить, что художники того времени не были уже нисколько прежними созерцательными отшельниками, вдохновлявшимися единственно чтеніемъ духовныхъ книгъ и великими описанными въ нихъ подвигами и событіями. Художники того времени жили вельможами, предаваясь всѣмъ соблазнамъ и удовольствіямъ, которыя доставляли имъ огромныя получаемыя ими средства. Рафаэль съ своими женщинами и пажами, Челлини—флорентинскій, съ своими неподражаемыми приключеніями, рассказанными имъ самимъ и повторенными другими, Тиціанъ и Аретинъ и многіе другіе художники, видѣвшіе предъ собою только одну землю съ ея наслажденіями и мало помышлявшіе о нравственномъ мірѣ, немало способствовали введенію въ искусство этого небывалаго въ немъ эротическаго элемента.

На испанскую живопись это новое направление италіянскихъ художествъ имѣло очень мало вліянія, и всѣ ея художники, даже жившіе очень долго въ Италіи, — чему примѣромъ можетъ служить извѣстный Рибера, прозванный Эспаньолетомъ, — за исключеніемъ очень немногихъ, шли прежнею дорогою, указанною имъ ихъ предшественниками и прославленною ихъ произведеніями. Сохраненію этого древняго направленія испанской живописи и невведенію въ нее элемента зротическаго много способствовалъ самый характеръ испанскаго народа, мрачный и серьезный, упорно преданный старинѣ и поддерживаемый въ своихъ строгихъ нравахъ вліяніемъ инквизиціи.

Италіянцы утверждали долгое время, что Рибера родился въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ Галлиполи, и упорно называли его своимъ соотечественникомъ; но метрическія книги, отысканныя въ—послѣдствіи времени въ *Ксавитѣ*, нынѣшнемъ Санто-Филиппо, въ Валенціи, доказали, что Рибера родился въ этомъ городѣ, 12 января 1588 года. Отецъ его, испанскій дворянинъ, проведеній большую часть своей жизни въ арміи, предназначалъ и Риберу къ военной службѣ, но, между-тѣмъ, желая и кое-какъ образовать его, послалъ въ валенскій университетъ. Живя въ Валенсіи, Рибера познакомился съ однимъ изъ учениковъ живописца Рибальты, ученика Аннибала Каррачи, началъ брать у него срисовывать рисунки, сдѣланные имъ въ школѣ его учителя, и такъ пристрастился къ живописи, что бросивъ университетскія занятія, самъ поступилъ въ мастерскую Рибальты. Огромная способность къ живописи и замѣчательные успѣхи Риберы заставили его отца переменить свое намѣреніе; онъ рѣшился сдѣлать сына художникомъ, и отправить въ Италію, для окончательнаго усовершенствованія съ старшимъ своимъ сыномъ, служившимъ въ испанской кавалеріи въ Неаполѣ. Начавшіяся вскорѣ военныя дѣйствія разлучили Риберу съ братомъ, и тѣмъ поставили его въ самое затруднительное положеніе. Безъ всякихъ средствъ къ существованію, не зная италіянскаго языка, Рибера не потерялся, и переноса тягостныя лишенія, кое-какъ добрался до Рима, въ которомъ существовалъ лишь тѣмъ, что пошлетъ ему для пропитанія случай. Не надѣясь на счастье будущаго дня онъ работалъ безъ усталости цѣлый день, гдѣ случится, а ночевалъ, за неимѣніемъ квартиры, на улицахъ, на голой землѣ, или подъ навѣсами древнихъ портиковъ.

Отчетливость рисунковъ Риберы, попавшихся какъ-то въ руки Кардинала Борджіа, и граціозность ихъ отдѣлки, обратили его вниманіе на молодого испанца. Кардиналъ принялъ Риберу въ число своихъ придворныхъ служителей, предоставивъ ему полную свободу заниматься живо-

писью во всякое время. Освободясь отъ тягостей нищеты, Рибера сдѣлался безнеченъ, по цѣлымъ днямъ бродилъ по городу, зѣвая на проходящихъ, и совершенно позабылъ о живописи; но вскорѣ разсудокъ и природное влеченіе къ труду и искусству показали ему всю ничтожность и пустоту такой жизни. Онъ сбросилъ съ себя блестящую одежду, пренебрегъ ежедневными пиршествами, и снова пошелъ, покрытый прежнимъ рубищемъ, вести прежнюю жизнь, перебиваясь день за день и питаясь тѣмъ, что давали ему товарищи въ обмѣнъ его рисунковъ.

Изучая послѣдовательно произведенія Рафаэля, Каррачей, Микель Анжело и Корреджіо, Рибера, будучи двадцати двухъ лѣтъ, уже успѣлъ усвоить себѣ манеру и стиль этихъ художниковъ, и прибавить къ нимъ свою собственную манеру; а между-тѣмъ, несмотря на все свое искусство, едва могъ себя поддерживать. Отчаявшись поправить дѣла свои въ Римѣ, онъ отправился въ Неаполь, не имѣя другой рекомендаціи, кромѣ своего блестящаго дарованія. Онъ жилъ въ Неаполѣ нѣкоторое время въ самой ужасной нищетѣ, покуда одинъ богатый купецъ не принялъ въ немъ сильнаго участія. Портретъ, заказанный Риберѣ, послужилъ началомъ этому счастливому знакомству. Изумленный необыкновеннымъ искусствомъ молодаго художника и движимый чувствомъ уваженія къ его дарованію, купецъ этотъ предложилъ Риберѣ квартиру въ своемъ домѣ, и наконецъ выдалъ за него свою дочь, считавшуюся первою красавицею Неаполя. Съ-этихъ-поръ началось счастье Риберы; слава и извѣстность не замедлили за нимъ послѣдовать.

Однажды, когда Рибера выставилъ для просушки на солнце свою картину, изображавшую *одного изъ мучениковъ варфоломеевской ночи*, предъ окномъ его собралась такая толпа, что вице-король неаполитанскій приказалъ освѣдомиться о причинѣ такого сборища, пожелалъ видѣть картину и пригласилъ къ себѣ художника. Рибера былъ тотчасъ же назначенъ придворнымъ живописцемъ съ назначеніемъ значительнаго содержанія, и избранъ членомъ римской художественной академіи. Многочисленные заказы отъ частныхъ людей, различныхъ монастырей и испанскаго короля являлись ежедневно, и картины Риберы все болѣе и болѣе входили въ славу, особливо его двѣ картины: Снятіе со креста, сдѣланная имъ для картезіанскаго монастыря, и его мадона Вianca. Между-тѣмъ, несмотря на богатство, на сильныя связи и дружбу съ самыми знатными неаполитанскими вельможами и на свое гостепримство и привычку давать ежедневныя празднества, приверженность Риберы къ труду была такъ велика, что онъ проводилъ иногда за работою цѣлые дни, безъ пищи и питья, забывая все окружающее. Такое напряженное трудолюбіе разстрои-

вало видимо его здоровье, и родные и друзья его принуждены были нанять особеннаго служителя, котораго вся обязанность заключалась въ томъ, чтобы напоминать Риберѣ, «что онъ уже работалъ столько-то часовъ.»

Вазари, между-прочими свѣдѣніями, собранными о Риберѣ, рассказываетъ, что однажды двое неаполитанскихъ дворянъ, занимавшіеся алхиміею, пришли къ нему съ предложеніемъ взять его въ часть своей прибыли, если онъ согласится ссудить ихъ извѣстною суммою денегъ, необходимою имъ, для добытія химическимъ процессомъ золота. Рибера отвѣчалъ имъ, что тайна дѣлать золото ему уже давно очень хорошо извѣстна, и примѣтивъ на лицахъ ихъ выраженіе сильной недовѣрчивости, добавилъ, что если имъ угодно придти къ нему на слѣдующее утро, онъ имъ откроетъ свою тайну. Когда искатели философскаго камня явились на другой день, въ назначенный часъ, они застали Рибера сидящаго за работою. Художникъ извинился и просилъ ихъ немного подождать. Проходилъ часъ за часомъ, и алхимики начали уже выказывать сильное нетерпѣніе, когда Рибера окончилъ свою работу, и позвавъ слугу, отдалъ ему только что оконченную картину, приказывая отнести ее къ извѣстному купцу и получить отъ него четыреста дукатовъ. По возвращеніи посланнаго Рибера разсыпалъ по столу золото и сказалъ своимъ посѣтителямъ:

— Господа! вы видѣли мой химическій процессъ, и вотъ передъ вами чистое испанское золото. Согласитесь, что такое количество врядъ ли можетъ доставить вамъ ваша алхимія, въ столь короткое время!

У Риберы были двѣ дочери рѣдкой красоты, которыя часто служили ему моделями во многихъ его картинахъ. Одна изъ нихъ вышла замужъ за перваго испанскаго министра при неаполитанскомъ дворѣ. Паломино, въ своихъ жизнеописаніяхъ испанскихъ художниковъ, говоритъ, что Рибера умеръ въ Неаполѣ, въ 1656 году, восьмидесяти семи лѣтъ, окруженный богатствомъ и славою.

Во всѣхъ произведеніяхъ Риберы столько неподражаемаго, хотя и мрачнаго колорита и столько сильнаго эффекта, что, несмотря на все стараніе, многіе замѣчательные художники не могли съ нимъ сравниться и усвоить себѣ его манеру письма. Рибера особенно былъ искусенъ въ изображеніи стариковъ, лица которыхъ, несмотря на множество рѣзко изображенныхъ морщинъ, всѣ проникнуты необыкновенною нѣжностію и граціею, а любимыми его сюжетами были предметы страшные и меланхолическіе, въ которыхъ онъ могъ выказывать свое

знаніе анатоміи и мускулярной системы; поэтому—то онъ, бѣльшею частію, писалъ то Иксіоновъ, то Танталовъ и Пигмаліоновъ, а въ религіозныхъ картинахъ мучениковъ первыхъ временъ христіанства и ихъ истязанія. Лучшими картинами Риберы, изъ находящихся въ Испаніи, почитаются: Зачатіе, Рождество Спасителя, Іоаннъ Креститель, ласкающій агнца, всѣ въ натуральную величину — въ Эскуриалѣ; Поклоненіе пастырей — въ королевской мадритской галлерей; Святая Изабелла, лицо которой онъ списывалъ съ одной изъ своихъ дочерей, и которое, по требованію монахинь, было переписано живописцемъ Клаудіо — въ мадритскомъ монастырѣ святой Изабелы. Кромѣ этихъ картинъ, множество картинъ Риберы, изображающія святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Павла пустытника, святаго Августина, Себастіана, и многихъ другихъ испанскихъ мучениковъ, во многихъ экземплярахъ разсѣяны по всѣмъ провинціямъ и главнымъ городамъ Испаніи. Кромѣ своей извѣстности какъ живописецъ, Рибера славился какъ искусный граверъ, и множество гравюръ его, вытравленныхъ крѣпкой водкой, свидѣлствуютъ о его замѣчательномъ дарованіи и въ этомъ искусствѣ. Прочіе рисунки и эскизы, оставшіеся послѣ его смерти, сдѣланные имъ перомъ съ изумительнымъ искусствомъ и бойкостію, выгравированы, въ—послѣдствіи времени, извѣстными художниками Востерманомъ, Боржіани, Келлеманомъ и Ланомъ. Особенно, въ этихъ рисункахъ Риберы, обращаютъ на себя вниманіе головы и лица, по своимъ смѣлымъ и труднымъ оборотамъ и по сильному выраженію. Большая часть этихъ лицъ были лица разбойниковъ, съ развѣянными или всклокоченными волосами, оттушеванныя иногда бѣлымъ, иногда краснымъ карандашомъ, что придаетъ имъ еще болѣе выразительности. Подлинники съ которыхъ гравировали Востерманъ, Боржіани, Келлеманъ и Ланъ, очень рѣдки и немногіе изъ нихъ находятся въ королевскомъ мадритскомъ музеумѣ.

Современникомъ и соотечественникомъ Риберы былъ Энрикъ, прозванный *de las Maginas*, какъ и онъ жившій постоянно въ Италіи и какъ и онъ, умершій вдали отъ Испаніи. Энрикъ былъ чуть ли не единственнымъ испанскимъ художникомъ, посвятившимъ себя исключительно одной морской живописи. Онъ родился въ Кадиксѣ. Живописныя окрестности этого города и величественная перспектива береговъ рано развили въ немъ страсть къ живописи, къ изображенію волнъ въ различномъ ихъ состояніи, начиная отъ легкой зыби, пробѣгающей по ихъ поверхности, до сильной бури; такъ что не было ни одного живописца, современнаго ему, въ Европѣ, который бы могъ съ нимъ равняться. Многочисленныя картины его, изъ которыхъ лучшія находятся въ ко-

ролевской мадритской академіи, въ Римѣ и во Флоренціи, до того полны жизни, движенія и неподражаемой сквозности, что не остается желать ничего лучшаго. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Энрика de las Marinas почитается его видъ кадикскаго порта, по своей величинѣ, множеству фигуръ и предметовъ, сильному эффекту и превосходно выполненной перспективѣ. Энрикъ умеръ въ Римѣ, въ 1670 году, посреди сборовъ на родину, гдѣ ему сдѣлано было много заказовъ королемъ Филиппомъ IV.

Живописцы Хуанъ де-Толедо, Антонио дель Кастильо, Антонио Переда, донъ Хуанъ де-Вальдесъ, Веласкець де-Сильва и Варроломей Мурильо заканчиваютъ собою семнадцатое столѣтіе, — самую блестящую эпоху испанскихъ художествъ.

Хуанъ де-Толедо, уроженецъ города Лорка, въ Мурціи, учился первоначально у отца своего, Мигуэля Толедо, а потомъ въ Италіи, въ мастерской Микель-Анжело, и наконецъ у Аннело Фалькони. Тщательное изученіе антиковъ и произведеній лучшихъ итальянскихъ живописцевъ, находившихся во дворцахъ римскихъ, развило его природное дарованіе. Возвратившись въ Испанію, Толедо поселился на нѣкоторое время въ Гренадѣ, и занялся писаніемъ ночныхъ фарсовъ, сраженій, морскихъ видовъ, и наконецъ занялся единственно одною историческою живописью. Картины его, отличавшіяся вкусомъ, веселостію избираемыхъ имъ сюжетовъ, и живою, разнообразною композиціею, доставили ему вскорѣ такую извѣстность, что онъ вытребованъ былъ въ Мадридъ, по повелѣнію короля, для украшенія церкви мадритской доминиканской коллегіи d'Atocha. Житіе Св. Оомы, которое онъ написалъ въ куполѣ этой церкви, почитается образцовымъ его произведеніемъ. Кромѣ этой церкви, Толедо расписалъ куполъ женскаго мадритскаго монастыря дона Жуана de Alagon и украсилъ стѣны церкви картинами «Зачатія», «Св. Троицы» и огромной картиной, больше натуральной величины, «Воскресенія Христа Спасителя», замѣчательной множествомъ помѣщенныхъ въ ней лицъ. Всѣ произведенія Хуана де-Толедо отличаются нѣжностію письма, искуснымъ расположеніемъ группъ и дѣвственностію идеи. Кромѣ Мадрита, есть еще большія историческія картины Толедо, религіознаго содержанія, въ Мурціи: «Успеніе Богородицы» въ іезуитской коллегіи братства Св. Евгенія, и въ Алькалѣ de Henarez «Преображеніе Господне». Толедо умеръ въ Мадридѣ, въ 1665 году.

Изъ числа художниковъ, не покидавшихъ никогда Испаніи, Антонио дель Кастильо занимаетъ первое мѣсто, какъ по строгой правильности рисунка, сильному, многоразличному выраженію лицъ своихъ фигуръ, такъ и по благородству идеи и превосходному изученію человѣческой

натуры, которыми отмѣчены все его картины. Кастильо не доставало только граціи и живости колорита итальянской школы, чтобы стать рядомъ съ самыми знаменитыми, не только испанскими, но и итальянскими художниками. Получивши образованіе сперва въ мастерской отца своего, Августина дель Кастильо, а потомъ Зурбарана, Кастильо не могъ изучить той манеры, которою такъ прославились Рубенсъ, Тиціанъ и Рафаэль, великіе колористы своего времени, и сознавая самъ этотъ свой недостатокъ, пустился путешествовать по всей Испаніи, чтобы копируя съ картинъ, извѣстныхъ своимъ колоритомъ, пріобрѣсть то, чего ему доставало. Работая прилежно во всехъ городахъ, въ которыхъ только случалось ему останавливаться, Антонио дель Кастильо прибылъ наконецъ въ Севилью, гдѣ находился Мурильо, въ самомъ разгарѣ своей художественной славы. Рассказываютъ, что когда Кастильо увидѣлъ однажды одну изъ картинъ Мурильо, привлекавшую многочисленную толпу, яркостію красокъ, онъ отступилъ въ ужасѣ, и сказалъ окружающимъ его друзьямъ :

— Кастильо остается теперь только умереть, потому—что слава, которою онъ до-сихъ-поръ пользовался, кончена!

Онъ поспѣшилъ оставить Севилью и возвратился въ родной свой городъ Кордову, давно имъ покинутый, впалъ въ глубокую задумчивость, и вскорѣ умеръ, въ 1672 году.

Нѣкоторые испанскіе біографы, и въ томъ числѣ Бермудецъ, добавляютъ, что увидя картину Мурильо, Кастильо почувствовалъ къ нему какую-то безотчетную ненависть, и при всякомъ удобномъ случаѣ, стараясь, какъ только могъ вредить его славу.

Кастильо оставилъ послѣ себя множество картинъ, которыя, по своей рѣдкости, очень дорого цѣнятся любителями. Самыми замѣчательнѣйшими картинами Кастильо почитаются : «Обрѣтеніе честнаго животворящаго Креста» и «Раскаившійся разбойникъ», находящіяся въ больницѣ Назарейнина въ Севильи; «Распятіе Христа» въ главной залѣ бывшаго пиквизиціоннаго зданія въ Толедо; Апостолы Петръ и Павелъ, Святой Викторъ и «Успеніе Богородицы» въ часовнѣ испанскихъ проповѣдниковъ (Los Predicadores) и «Св. Филиппъ и Яковъ», въ Кордовѣ.

Изъ школы Кастильо вышло—очень много хорошихъ живописцевъ, изъ которыхъ особенно извѣстны: Педро Антонио, уроженецъ кордовскій, далеко превзошедшій въ колоритѣ своего учителя, и донъ Хуанъ де-Альфарио, прославившійся своими портретами, сходный своею манерою съ манерою Вандика, и въ—особенности своими миниатюрами. Изъ большихъ масляныхъ картинъ Альфарио болѣе прочихъ почитается, по оконченности и величинѣ, его картина «Воплощеніе», находящаяся въ кордовскомъ мо-

настырѣ босоногихъ кармелитокъ. Альфаро умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, унеся съ собою въ могилу самыя блестящія надежды. Манера дона Антоніо Переды, художника, какъ и Кастильо, непокидавашаго никогда Испаніи, очень сходна съ манерою венеціанскихъ школъ. Композиція картинъ Переды богата и полна жизни; все у него движется, все какъ-будто говоритъ и дышитъ; рисунокъ смѣлъ, рѣшительнъ и полонъ граціи; позы фигуръ всегда глубоко обдуманы; колоритъ отличается необыкновенною свѣжестью. Перэда родился въ Вальядолидѣ, въ 1599 году, и чувствуя съ самыхъ молодыхъ лѣтъ сильное призваніе къ живописи, спѣшилъ въ Мадридъ, и вступилъ въ мастерскую Педро де-Лосъ Кусваса, но недовольный его методою обученія и манерой, вскорѣ перешелъ къ живописцу Хуану Кресенціо, у котораго и усовершенствовался. Копируя съ картинъ лучшихъ итальянскихъ художниковъ, находящихся въ Эскуріалѣ и королевскихъ дворцахъ, онъ сдѣлался искуснымъ во всѣхъ родахъ живописи, въ пейзажной, исторической, и въ-особенности въ томъ родѣ, которымъ изобилуетъ фламандская школа. Не умѣя ни читать, ни писать, а между-тѣмъ, сознавая, что образованіе необходимо живописцу, чтобы быть вѣрнымъ изображаемымъ имъ историческимъ сюжетамъ, Перэда собралъ себѣ художественный кабинетъ, почитавшійся однимъ изъ первыхъ въ Испаніи, въ его время, и тамъ, окруженный эстампами, оригинальными рисунками, статуями и картинами лучшихъ живописцевъ Европы, проводилъ цѣлые дни. Къ этому художественному кабинету онъ присоединилъ всѣ извѣстныя сочиненія, касающіяся до живописи, скульптуры, архитектуры и перспективы, и желая писать какой-нибудь историческій предметъ, заставлялъ своихъ учениковъ, или знакомыхъ, читать ему то, что ему было нужно для исполненія его картины. Долговременные изустные уроки эти образовали изъ него одного изъ самыхъ ученыхъ и остроумныхъ художниковъ, какихъ, когда-либо, имѣла Испанія. Перэда умеръ въ Мадридѣ, въ одинъ годъ съ Кастильо, въ 1672 году, шестидесяти-четырехъ лѣтъ отъ роду.

Лучшими картинами Переды почитаются: его огромная историческая картина, изображающая маркиза Санта-Круца, подающаго помощь осажденнымъ Генуэзцамъ, сдѣланная для дворца Buen-Retiro; Спаситель, окруженный сонмомъ праведниковъ, въ церкви капуцинскаго монастыря Святаго Антонія *de! Prado*, въ Мадридѣ, и, кромѣ этихъ картинъ, много другихъ, пользующихся извѣстностью, въ городахъ: Толедо, Гренадѣ, Вальядолидѣ и Мурціи.

Донъ-Хуанъ Вальдесъ, также какъ и Кастильо и Перэда, никогда не видалъ образцовыхъ художественныхъ твореній римскихъ и венеціанскихъ школъ, и единственно самому себѣ обязанъ своимъ образованіемъ;

и потому всѣ его картины нисколько непохожи манерою на произведе- нія какой бы то ни было школы, хотя и отличаются тѣмъ же тонкимъ вкусомъ, благородствомъ идеи композиціи, правильностью рисунка, нѣж- ностью письма и яркостью колорита, какими отмѣчены картины перво- классныхъ итальянскихъ художниковъ. Ни одинъ живописецъ испанскій не изучилъ такъ вѣрно человѣческой природы, и никто отчетливѣе и выразительнѣе его не передавалъ на полотно тѣхъ многообразныхъ душевныхъ ощущеній и страстей, которыя волнуютъ человѣка. Всѣ лица его фигуръ, изображенныя имъ въ одномъ и томъ же душевномъ со- стояніи, такъ разнообразны, что сравнивая одинъ и тотъ же написан- ный имъ предметъ въ другихъ картинахъ, нельзя найти ни малѣйшаго сходства съ какимъ бы то ни было подобнымъ же сюжетомъ. Севильская художественная академія, признавая превосходство Вальдеса передъ про- чими его современниками, избрала его, по смерти Мурильо, своимъ президентомъ, и много была ему обязана своимъ усовершенствованіемъ.

Вальдесъ умеръ въ Севильи, въ 1691 году, въ глубокой старо- сти. Большая часть лучшихъ картинъ его находится въ Севильи и Кордовѣ.

Въ числѣ именъ испанскихъ живописцевъ этого періода мелькаютъ и нѣкоторыя женскія имена, между которыми болѣе прочихъ извѣстны имена Софонисбы Августіолы, по превосходно исполненнымъ миниатюр- нымъ портретамъ королевской фамиліи и другихъ знатнѣйшихъ испан- скихъ фамилій, и Луизы Рольданъ, ученицы отца своего, живописца Хуана Рольдана, которой многія историческія картины, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія, находятся во дворцѣ Buen-Retiro и въ мадритской соборной церкви.

Но весь этотъ семнадцатый вѣкъ, изобиловавшій столькими дарова- ніями и какъ бы сосредоточивавшій въ себѣ все, что только испан- скія художественныя силы могли произвести лучшаго, только два жи- вописца, Веласкецъ де Сильва и Мурильо, отмѣтили въ Европѣ своимъ существованіемъ и далеко разнесли славу испанскихъ художествъ. Прочіе художники, немного или даже нисколько неуступавшіе имъ въ да- рованіи и искусствѣ, оставались за ними, какъ-будто въ тѣни, возбуж- дали восторгъ только однихъ испанцевъ, и лишь въ недавнее время, благодаря историческимъ изслѣдованіямъ и безпристрастной критикѣ на- шихъ современниковъ, получили свою справедливую долю славы и из- вѣстности.

Діего Веласкецъ (Don Diego Rodriguez de Silva y Velasquez), ко-

того иныя называютъ Джакомо, заслужившій отъ современныхъ ему художниковъ прозваніе «*главы и князя всѣхъ испанскихъ живописцевъ*», родился въ Севильи, въ 1599 году. Мать его называлась Геронима Веласкецъ, а отецъ, донъ Родригезъ де-Сильва, происходилъ по прямой линіи отъ знатной и древней португальской фамиліи этого имени. Испанія должна быть много обязана дону Родригезу за то, что, восторжествовавъ надъ предразсудками, господствовавшими тогда въ высшемъ испанскомъ сословіи, онъ позволилъ своему сыну развить свои природныя наклонности и образовалъ изъ него художника. Давши предварительно сыну прекрасное домашнее образованіе, донъ Родригезъ отправилъ его потомъ въ мастерскую Герреры Старого, пользовавшагося тогда въ Севильи большою извѣстностью; но вскорѣ буйный нравъ и грубыя привычки Герреры едва не отняли у Веласкеца всякую охоту заниматься живописью. Робкій и кроткій Веласкецъ, никогда не пользовавшійся цвѣтущимъ здоровьемъ, не могъ привыкнуть къ выходкамъ Герреры, и съ сожалѣніемъ долженъ былъ покинуть своего учителя, дарованіе котораго онъ глубоко уважалъ и успѣлъ уже усвоить себѣ манеру, сильно отразившуюся на первыхъ его произведеніяхъ. Чувствуя, что собственныхъ его силъ и стараній будетъ недостаточно для окончательнаго усовершенствованія, Веласкецъ вступилъ къ Франциску Пачеко, котораго школу Паломино называетъ «*Золотою кляткой живописи, академіей, и убѣжищемъ, открытымъ для всѣхъ лучшихъ дарованій Севильи.*»

Неутомимое прилежаніе и успѣхи, оказываемые Веласкецомъ, обратили на него особенное вниманіе Пачеко, и онъ приложилъ особенное стараніе, чтобы способствовать развитію рѣдкой понятливости и плодовитаго воображенія своего ученика. Въ-послѣдствіи времени, когда первыя выставленныя картины Веласкеца обратили на него общее вниманіе, эти два знаменитые художника сблизились еще тѣснѣе, и Веласкецъ сдѣлался зятемъ Пачеко. Чтобы оправдать блестящія надежды, которыя полагалъ на него Пачеко, молодой художникъ удвоилъ свое прилежаніе и исключительно предавался изученію человѣческой природы, съ изумительнымъ успѣхомъ. Нанявъ къ себѣ въ услуженіе молодаго севильскаго крестьянина, Веласкецъ сдѣлалъ изъ него натурщика, и заставляя служить себѣ моделью во всякое время, то пугалъ, то изумлялъ его, то заставлялъ плакать или смѣяться, и передавалъ на полотно все разнообразныя душевныя ощущенія, которыя замѣчалъ на лицѣ своего слуги. Кромѣ этихъ этюдовъ съ живой природы, Веласкецъ занимался въ тоже время рисованіемъ всего того, что болѣе поражало его взглядъ, и такимъ-образомъ, съ рѣдкою отчетливостью писалъ пейзажи,

животныхъ, внутренность жилищъ, портреты, и составлялъ картоны для историческихъ картинъ и картинъ de genre..

Но между-тѣмъ первое направленіе, данное его таланту, привычка брать себѣ моделью все, что ни попадалось ему на глаза, совершенное незнаніе образцовыхъ произведеній италіанской школы, привязанность его къ манерѣ Герреры Старого, который болѣе всего искалъ только одной точности, не заботясь о граціи, положили на первыя произведенія Веласкеца какой-то общій, *вульгарный* отпечатокъ, напоминающій произведенія фламандской школы. Таковы были его картины: «el Aguador de Sevilla», изображающая сторожа у источника, подающаго пить мальчику, замѣчательная впрочемъ по смѣлости рисунка и граціозности композиціи, «Поклоненіе Пастырей», и «двое гулякъ, Barrachos» въ которой неподражаемо изображена грубая эпопея пьянства. Этими картинами начинается извѣстность Веласкеца. Впрочемъ Веласкецу не суждено было долго оставаться только однимъ прекраснымъ, матеріальнымъ подражателемъ натуры; и его идеи приняли другое направленіе при видѣ картинъ художниковъ италіанской школы и работъ Людовика Тристана, ученика Доминика Греко, остававшавшагося на время въ Севильѣ. Веласкецъ въ одну минуту повялъ, чего ему не доставало въ живописи, и не колеблясь оставилъ Севилью и переселился въ Мадритъ, въ которомъ онъ уже былъ многимъ извѣстенъ. Онъ прибылъ въ этотъ городъ въ 1622 году, имѣя только двадцать-три года, и поселился въ домъ двухъ богатыхъ мадритскихъ дворянъ дона Людовика и доня Мельхіора д'Альказаръ, доставившихъ ему всевозможныя средства и у которыхъ онъ написалъ своей первый знаменитый портретъ съ доня Луиджи Гонговы. Дарованіе Веласкеца доставило ему вскорѣ новое покровительство Хуана де Фонтекси, одного изъ первыхъ грандовъ короля Филиппа IV. Это первое пребываніе въ Мадритѣ впрочемъ не было продолжительно, и Веласкецъ, уступивъ требованію жены и тещи, долженъ былъ возвратиться въ Севилью, въ которой онъ пробылъ также недолго. Донъ-Хуанъ де Фонтекса снова вытребовалъ Веласкеца въ Мадритъ, въ которомъ общалъ ему богатство и почести, пенсіонъ отъ министра, герцога Оливареца, и входъ къ королевскому двору. Оливарецъ исполнилъ все, что общалъ, и Веласкецъ, въ знакъ своей благодарности, написалъ съ своего знаменитаго мецената портретъ, представляющій его на полѣ, между двумя противными арміями. Въ это же почти время Веласкецъ написалъ портретъ съ кардинала Фонсею, съ нѣкоторыхъ первокласныхъ грандовъ, съ инфантовъ и съ самаго короля Филиппа IV, котораго онъ представилъ верхомъ, въ полномъ вооруженіи. Картина эта, написанная Веласкецомъ въ натураль-

ную величину, почитающаяся за одно из образцовых его произведений, доставила ему званіе перваго королевскаго живописца и денежную награду въ триста золотыхъ дукатовъ. Вскорѣ послѣ этихъ работъ Веласкець избранъ былъ, вмѣстѣ съ живописцами Киксесомъ, Кардуго и Анжело Нарди, къ начертанію эскиза исторической картины, представляющей «Изгнаніе марвовъ изъ Испаніи въ царствованіе Филиппа III,» которая должна была украшать королевскую залу. Рисунокъ Веласкеца былъ предпочтенъ прочимъ, и кромѣ цѣны за прекрасное исполненіе заказа, Веласкець былъ наименованъ королевскимъ камергеромъ и главнымъ придверникомъ Эскуриала. Съ этихъ поръ началось для Веласкеца то блистательное поприще, которому такъ завидовали всѣ современные ему художники, считавшіеся также живописцами короля.

Въ 1628 году, прибылъ въ Мадридъ Рубенсъ, посланникомъ англійскаго двора, и скорѣ дружба соединила его съ Веласкецомъ, болѣе нежели ихъ официальные обязанности. Разматривая вмѣстѣ съ Веласкецомъ образцовыя произведенія, украшавшія галереи Пардо и Эскуриала, Рубенсъ постоянно говорилъ объ Италіи, прославляя Рафаэля и Микеля Анжело, и все болѣе и болѣе поселялъ въ душѣ испанскаго живописца желаніе увидѣть Римъ и Венецію. Филиппъ IV, нежелавшій разстаться съ своимъ любимцемъ, наконецъ долженъ былъ уступить его просьбамъ, и Веласкець, снабженный четырьмястами дукатами, жалованьемъ за два года впередъ и званіемъ уполномоченнаго короля, отплылъ изъ Барцелоны въ ту страну, о которой онъ наслышался столько чудеснаго.

Прибывъ въ Венецію, Веласкець началъ съ восторгомъ изучать Тинторета и Тиціана, но возникшая война между Франціею и Испаніею, за наслѣдство престола, принудила его оставить этотъ городъ и переехать въ Римъ, въ которомъ онъ былъ принятъ съ особеннымъ вниманіемъ папою Урбаномъ VIII. Помѣщенный въ самомъ Ватиканѣ, Веласкець могъ во всякое время свободно удивляться и изучать всѣ лучшія картины, которыми были украшены: храмъ Св. Петра и Павла и залы первосвященническаго дворца. Онъ воспользовался своимъ помѣщеніемъ и срисовалъ карандашомъ, «Послѣдній Судъ, Микель-Анжело и «Ложи» Рафаэля, и кромѣ этаго, въ продолженіе своего годичнаго пребыванія въ Римѣ, несмотря на другія живописныя работы, которымъ онъ посвящалъ почти все время дня, Веласкець написалъ свой портретъ, который послалъ онъ къ своему тестю Пачеко, «Кузницу Вулкана» и «Братья Іосифа, показывающіе Іакову одежду его сына», картины, высокоцѣнимыя въ Испаніи по своимъ рѣдкимъ художественнымъ достоинствамъ.

Между-тѣмъ годовое отсутствіе Веласкеца показалось слишкомъ

продолжительнымъ Филиппу IV, и онъ, поручивъ ему купить въ Римѣ и Венеціи нѣсколько картинъ Тинторета, Тиціана, и эскизъ картины «Рай» Веронеза, назначилъ ему самъ послѣдній срокъ, въ который онъ долженъ былъ непременно прибыть въ Мадридъ и занять мѣсто свое при дворѣ. Успѣвъ посѣтить Неаполь и навѣстить въ немъ своего соотечественника Рибера, Веласкецъ прибылъ къ назначенному сроку въ Мадридъ, гдѣ король принялъ его съ большою милостію, и объявилъ, что во все продолженіе его путешествія онъ не позволялъ ни одному изъ своихъ живописцевъ списывать съ себя портрета, дожидаясь единственно его. Картины, писанныя Веласкецомъ по прибытіи изъ Италіи, почти все, по этому случаю, изображали исключительно Филиппа IV, въ разныя минуты его торжества, или представляли особъ его семейства и знатныхъ вельможъ испанскаго двора, которыхъ портреты заказывалъ Веласкецу самъ король для своихъ дворцовъ. Милости Филиппа IV къ Веласкецу увеличивались съ каждымъ днемъ, и желая подражать своимъ предшественникамъ, Филиппу II и Филиппу III, и слыть также, какъ они, самому знатокомъ живописи и художникомъ, король очень часто посѣщалъ мастерскую Веласкеца и оставался тамъ по нѣсколько часовъ сряду. Паломіно говоритъ, что въ одно изъ такихъ посѣщеній, видя, что Веласкецъ доканчивалъ свой собственный портретъ, король взялъ у него изъ рукъ кисть, и сказалъ:

— Дай я самъ прибавлю къ твоему портрету аксессуаръ, который необходимъ, чтобы придать ему болѣе сходства, пририсовалъ орденъ Св. Іакова Компостельскаго, большаго креста, котораго тогда-же Веласкецъ былъ назначенъ кавалеромъ.

Черезъ десять лѣтъ Веласкецъ снова посѣтилъ Италію. Желая основать въ Мадридѣ, по примѣру Севильи, художественную академію, Филиппъ IV поручилъ своему любимцу закупить для нея въ Римѣ и въ Венеціи, статуи, картинъ и снять слѣпки съ лучшихъ антиковъ. Къ этому времени принадлежитъ портретъ, снятый Веласкецомъ съ папы Иннокентія X, который произвелъ въ Римѣ такой-же общій восторгъ, какой производилъ портретъ папы Льва X, писанный Рафаэлемъ, и портретъ Павла III, Тиціаномъ. Исполнивъ блистательно возложенное на него порученіе, Веласкецъ, былъ осыпанъ новыми милостями, назначенъ гофмаршаломъ и сопровождалъ Филиппа IV къ французской границѣ, для свиданія съ французскимъ королемъ Людовикомъ XIV, прибывшимъ для встрѣчи своей невѣсты, инфантинны Маріи Терезіи, въ 1660 году, 7 іюня. Возвратившись въ Мадридъ, Веласкецъ умеръ въ этомъ-же году, шестидесяти одного году.

Все произведенія Веласкеца отличаются нѣжностью письма, разно-

образіемъ композиціи, благородствомъ вкуса, яркимъ колоритомъ, и вообще напоминаютъ собою манеру Караваджіо, улучшенную въ знаніи человеческой натуры. Во всѣхъ нихъ замѣтна энергія древнихъ произведеній Греціи, правильность римскихъ школъ и граціозность венеціанскихъ. Замѣчательнѣйшія картины Веласкеца: Іосифъ, проданный своими братьями, *Aguador del Sevilla*, Изгнаніе Мавровъ изъ Испаніи, Вулканъ, Венера и Марсъ (превосходная по выраженію чувства удивленія и вмѣстѣ смущенія на лицѣ Вулкана), начатая и оконченная въ Римѣ, находятся во дворцѣ *Вуен-Ретіго*; Братья Іосифа, показывающіе его окровавленную одежду Іакову, Торжество Богородицы, обѣ въ натуральную величину, въ *Эскуріалѣ*; торжественное вшествіе Филиппа IV въ Лериду, Королева Изабелла Бурбонская на конѣ и герцогъ Оливарецъ верхомъ между двумя арміями, въ мадритскомъ королевскомъ дворцѣ *Torre de-la-Parada*, всѣ въ натуральную величину, и кромѣ-того множество картинъ въ мадритскомъ соборѣ, главныхъ церквахъ мадритскихъ и другихъ главныхъ городахъ Испаніи.

Въ Луврской галереѣ, въ Парижѣ, изъ извѣстныхъ картинъ Веласкеца, есть его собственное семейство, почитающееся однимъ изъ образцовыхъ произведеній, портретъ инфантинны Маргариты, дочери Филиппа IV, портретъ Маріи-Анны Австрійской и многіе портреты принцевъ австрійскаго дома, начиная съ Филиппа I до Филиппа IV. Въ собраніи испанскихъ картинъ С.-Петербургскаго Императорскаго Эрмитажа, между многими картинами Веласкеца особенно замѣчательны по своей оконченности: Смерть Св. Іосифа, портреты папы Інокентія X, Короля Филиппа IV, герцога Оливареца и смѣющійся мальчикъ (вѣроятно, одна изъ первыхъ картинъ Веласкеца, списанная имъ съ его севильскаго натурщика — слуги).

Изъ многихъ учениковъ Веласкеца болѣе другихъ извѣстны: Іаковъ Луцена, умершій въ молодыхъ лѣтахъ и очень сходный манерою съ своимъ учителемъ, Варфоломей Романъ, учившійся сперва у Викентія Кардучо, сходный манерою съ Рубенсомъ, — Мацо Мартинецъ, зять Веласкеца, прославившійся болѣе всего батальными картинами, изображеніемъ различныхъ охотъ, а также изумительнымъ искусствомъ, съ которымъ онъ дѣлалъ копія съ картинъ извѣстныхъ итальянскихъ художниковъ, — Николо де-Виллацесъ, разписавшій всю церковь босоногихъ тринитаріевъ въ Мурціи, — Францискъ Палаціосъ и Хуанъ Парейа, который въ особенности предъ прочими заслуживаетъ вниманія.

Хуанъ Парейа, Мавръ по происхожденію, родился въ Севильи и былъ невольникомъ Веласкеца, и потому то Веласкецъ, изъ уваженія, которое питалъ къ своему искусству, никакъ не хотѣлъ, чтобы Парейа учил-

ся живописи, и только въ знакъ особенной своей снисходительности къ видимой страсти своего невольника къ искусствамъ, позволялъ ему натирать краски, натягивать и грунтовать полотно, и мыть кисти. Бѣдный Мавръ, сознавая въ себѣ иное, высшее призваніе, исполнялъ свою обязанность съ затаеннымъ отвращеніемъ, и каждый разъ, когда Веласкеца не было дома, или когда онъ полагалъ, что за нимъ не присматриваютъ, принимался чертить, срисовывать съ картинъ своего господина, и иногда осмѣливался даже дотрогиваться до его кистей и палитры. Часто, удаляясь на темный чердакъ, служившій ему комнатою, Парейа проводилъ цѣлыя ночи, рисуя остатками мѣла или угля, которые ему удавалось припрятать незамѣтно, разныя фигуры и другіе предметы, видныя имъ днемъ. Страсть его къ живописи, по мѣрѣ его успѣховъ возрастала съ каждымъ днемъ, и не имѣя возможности рисовать самъ, онъ безотлучно находился позади кресель Веласкеца, внимательно слѣдя за каждымъ движеніемъ его руки, за каждою чертою и тѣнью, проведенною на картинѣ, стараясь что-нибудь подмѣтить, чтобы потомъ перенести въ головѣ на свой чердакъ. Превосходная память, безпредѣльная любовь къ живописи и непремѣнное желаніе сдѣлаться когда-либо художникомъ—много способствовали ему уловить манеру Веласкеца и пріобрѣсти то знаніе, которое получается только чрезъ долгое, матеріальное упражненіе.

Наконецъ страсть Парейи превратилась въ какой-то болѣзненный недугъ, не давала ему ни минуты покоя, и окончательно пересилила боязнь быть строго наказаннымъ за ослушаніе воли своего господина. Парейа написалъ на своемъ чердакѣ украдкою нѣсколько картинъ, выбралъ изъ нихъ лучшую, и ждалъ терпѣливо только счастливаго случая, чтобы какъ-нибудь умилостивить Веласкеца и показать ему, какъ много могло потерять искусство, такъ сильно имъ уважаемое, отъ ложныхъ понятій, что мавру не должны доставаться на долю извѣстность и слава. Случай этотъ скоро представился!

По возвращеніи изъ Рима, Веласкець ожидалъ къ себѣ, въ назначенный день, въ мастерскую, Филиппа IV.—Парейа зналъ, что Король имѣлъ привычку оборачивать всѣ картины, поставленныя рисункомъ къ стѣнѣ, и между неоконченными картинами Веласкеца и его учениковъ, ловко поставилъ и свою только-что оконченную картину, надъ которою онъ провелъ много безсонныхъ ночей, между страхомъ быть открытымъ и наказаннымъ, и надеждою со славою окончить свое произведеніе, чтобы имѣть въ немъ единственнаго за себя ходатая предъ непреклонною волею Веласкеца.

Чего ожидалъ Парейа, то случилось! Обернувъ и осмотрѣвъ нѣс-

колько картинъ, Король съ удивленіемъ и восторгомъ остановился предъ произведеніемъ Парейи, и показывая неменѣе его удивленному Веласкецу на прекрасный, правильный рисунокъ, на граціозность композиціи, яркій колоритъ и тщательную оконченность картины, спросилъ его, кто написалъ такое образцовое произведеніе: онъ самъ, или кто-нибудь изъ его учениковъ?

Всѣ молчали, переглядывались, и никто не могъ угадать таинственнаго художника. Тогда блѣдный и трепещущій Парейа бросился къ ногамъ Филиппа IV, и умоляя и его и Веласкеца о милосердіи, признался, какъ-будто въ какомъ страшномъ преступленіи, въ употребленной имъ хитрости: прося прощенія въ послушаніи приказанія своего господина и благодѣтеля, Парейа, въ трогательныхъ словахъ, прерываемыхъ рыданіями, высказалъ свою непреодолимую страсть, свой мучительный недугъ къ живописи, и все, что онъ перенесъ, чтобы окончить эту свою картину, и все, на что онъ готовъ рѣшиться и претерпѣть, лишь бы его не отрывали такъ безжалостно отъ любимаго занятія.

Тронутый Король, осыная похвалами дарованіе Парейи, предложилъ Веласкецу богатый выкупъ за его невольника.

— Государь, отвѣчалъ Веласкецъ, дружески поднимая Мавра: священную для меня волю вашего величества опередила уже высшая воля, воля Божеская! Съ той самой минуты, когда взглядъ мой упалъ на эту картину, я уже созналъ, что буду преступникомъ, если лишу мое отечество такого замѣчательнаго художника. Я уже болѣе не господинъ Парейи, по его лучшей другъ и заботливый наставникъ!

Веласкецъ сдержалъ свое слово, и Парейа нашелъ въ немъ точно и истиннаго друга, предупреждавшаго всѣ его нужды, и заботливаго наставника, который, предпочтительно предъ прочими своими учениками, старался посвятить его во всѣ таинства живописи и способствовать всѣми средствами къ развитію его природнаго дарованія. Проникнутый чувствомъ благодарности, Парейа не пожелалъ однако воспользоваться данною ему свободою, и постоянно жилъ у Веласкеца, прислуживая ему попрежнему, и даже послѣ смерти Веласкеца оставался слугою у его дочери.

Парейа особенно былъ искусенъ въ портретной живописи, и такъ былъ сходенъ во всемъ съ Веласкецомъ, что, не имѣя вѣрныхъ данныхъ, трудно иногда бываетъ отличить портреты Парейи отъ портретовъ его господина. Онъ умеръ въ Мадридѣ, въ 1670 году, семидесяти лѣтъ. Картины и портреты Парейи, болѣею частію, были писаны для частныхъ людей, и потому Паломіно не указываетъ ни на одно публичное зданіе, которое бы украшалось произведеніями Парейи.

Кромѣ Веласкеца—де—Сильва былъ въ Испаніи еще одинъ современный ему живописецъ этого же имени—Веласкецъ Минайя, писавшій исключительно однихъ звѣрей, птицъ, плоды и цвѣты. Онъ былъ главнымъ конюшимъ при Испанской Королевѣ, и почитался въ свое время хорошимъ живописцемъ, котораго картины находили себѣ многихъ охотниковъ.

Послѣднимъ представителемъ славной эпохи испанской живописи былъ Мурильо. По словамъ Паломино, Варфоломей—Эстебанъ Мурильо родился въ Пиласѣ, небольшомъ городкѣ, близъ Севильи, въ 1613 году, а по другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ самой Севильи, 1 января 1618 года. Дѣтство его было грустно, окружено всякаго рода лишеніями. Замѣчательныя способности къ живописи, выказанныя имъ съ самой ранней молодости, рѣшили отца его, челоуѣка бѣднаго, неимѣвшего никакихъ средствъ, дать ему хотя какое—нибудь образованіе, сдѣлать Мурильо художникомъ, и потому, когда ему наступило шестнадцать лѣтъ, онъ отданъ былъ въ ученіе къ дальнему своему родственнику Хуану дель—Кастильо. Прилежный и понятливый мальчикъ, скоро преодолѣлъ первыя трудности рисованія, и блистательно воспользовался уроками своего учителя, который, по всей справедливости, почитался превосходнымъ рисовальщикомъ, а между—тѣмъ колоритъ его оставался безцвѣтнымъ и сухимъ, какъ колоритъ всѣхъ художниковъ флорентійской школы, послѣдователемъ которой былъ также и Кастильо. Но вскорѣ самъ случай помогъ Мурильо измѣнить манеру и стиль своего учителя, слѣдуя которому, онъ никакъ бы не могъ въ—послѣдствіи заслужить названіе «главы испанскихъ колористовъ» и стать наряду съ Веласкецомъ—«главою всѣхъ испанскихъ живописцевъ». Денежныя дѣла требовали присутствія Кастильо въ Кадиксѣ, и онъ уѣхалъ изъ Севильи, къ большому сожалѣнію Мурильо, лишившагося въ немъ единственнаго руководителя. Предоставленный собственнымъ своимъ способностямъ, не имѣя никакихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни, Мурильо принялся рисовать маленькіе образа, хоругви, и продавать ихъ испанскимъ мореходцамъ, отправлявшимся въ Америку, къ новообращеннымъ въ христіанскую вѣру жителямъ Мексики и Перу. Такого рода работы погубили бы всякій другой талантъ, а между—тѣмъ Мурильо единственно имъ обязанъ былъ развитіемъ своего дарованія, навыкомъ и первою, новою своею манерою—яркостію колорита. Во—время этихъ поденныхъ работъ, чуждыхъ всякаго творчества и идеи, проѣзжалъ чрезъ Севилью въ Гренаду, возвращаясь изъ Лондона, живописецъ Педро де—Мойя, ученикъ Вандика. Мурильо увидѣлъ его произведенія, и приведенный ими въ восторгъ, посѣшилъ принять ихъ за образецъ художественнаго совершенства. Но присутствіе Педро де—Мойи въ Се

вилли не было продолжительно, и Мурильо вторично остался безъ наставника, котораго совѣты начинали уже видимо дѣйствовать на прежнее направленіе Мурильо. Глубоко пораженный этимъ отъѣздомъ, который онъ почиталъ для себя видимымъ несчастіемъ, Мурильо былъ нѣкоторое время въ неизвѣстности, что оставалось ему предпринять. Вдругъ блестящая мысль мелькнула въ головѣ его и вывела изъ безнадежности. Онъ рѣшился посѣтить Италію! Оставалось только найти средство къ исполненію этого предпріятія, отъ котораго Мурильо многого ожидалъ себѣ въ будущности. Но гдѣ и какъ найти эти средства? Блестящія мечты должны были рушиться, и будущность, полная славы, обратиться въ одинъ пустой и напрасный сонъ. У Мурильо не было ни знакомыхъ, ни друзей, ни покровителей, которые бы могли оказать ему помощь. Находчивость и твердая рѣшимость Мурильо нашли возможность преодолѣть все препятствія непреодолимая, для другихъ людей съ менѣе желѣзнымъ характеромъ. Мурильо накушилъ полотна, нагрентовалъ его, разрѣзалъ на маленькіе кусочки, и началъ писать образа, пейзажи, плоды, цвѣты, разныхъ животныхъ и тому подобное, продалъ ихъ все гуртомъ, и такимъ-образомъ получилъ порядочную сумму.

Первая преграда къ славѣ рушилась; не сказывая никому о своихъ замыслахъ, Мурильо, простился съ Севильею, и чтобы не дѣлать лишнихъ расходовъ, пошелъ пѣшкомъ въ Мадридъ, не будучи еще вполне увѣренъ, какъ онъ изъ него проберется въ Италію. Прибывъ въ Мадридъ, по какому-то счастливому случаю онъ нашелъ дорогу къ Веласкецу, и открылъ ему все, что таилось въ его душѣ. Этотъ вельможа-художникъ, котораго многіе испанскіе біографы несправедливо упрекали въ зависти къ таланту Мурильо, отклонилъ его отъ такого далекаго и убыточнаго путешествія, доставилъ ему возможность изучать произведенія Тиціана, Рубенса, Веронеза, Вандика, Микель-Анжело и Тинторетта, не выходя изъ Мадрита, и не жалѣлъ ни совѣтовъ, ни наставленій, ни денегъ, чтобы развить геніяльныя способности своего молодого соотечественника.

Три года провелъ Мурильо въ Мадридѣ, постоянно посѣщая Эскуріаль и залы королевскихъ дворцовъ, и изучая, подъ руководствомъ Веласкеца, все лучшія произведенія, собранныя въ-продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, въ особенности же колористовъ, Тиціана, Рубенса и Вандика.

Въ 1645 году Мурильо возвратился въ Севилью, въ которой не обратили на него никакого вниманія, и только черезъ годъ, художественная выставка, украшенная его картинами: Вдохновеніе монаха, Милостыня Санъ-Діега и Смерть святой Клары, сдѣланными для се-

вильскаго монастыря Святаго Франциска, открыли его забывчивымъ соотечественникамъ присутствіе въ ихъ городѣ знаменитаго художника. Всѣ дивились его произведеніямъ, и никто не понималъ, гдѣ могъ онъ приобрѣсти, въ такое короткое время, ту превосходную манеру, въ которой соединялись стиль Риберы со стилемъ Вандика и Веласкеца? Картины Мурильо привлекли всеобщее вниманіе, и поставили его выше всѣхъ прочихъ живописцевъ Севильи, хотя въ этихъ картинахъ надъ ихъ самобытностію видимо еще преобладали геній и вліяніе Веласкеца.

Съ-этихъ-поръ счастье начало улыбаться Мурильо, онъ получилъ многочисленныя заказы отъ разныхъ монастырей, и вскорѣ женился на богатой и знатной дѣвушкѣ, Беатрисѣ де-Кабрера, принесшей въ даръ только его одному дарованію, свое имя и свое состояніе.

Въ 1655 году Мурильо написалъ святаго Леандра и Святаго Исидора, обѣ болѣе натуральной величины, которыя окончательно упрочили за нимъ громкую славу. Напрасно будетъ приводить здѣсь нѣкоторыя мнѣнія, которыми зависть и жалкая посредственность хотѣли унижить достоинство Мурильо, доказывая, что онъ никогда не писалъ ничего возвышеннаго, что въ идеѣ его всегда слишкомъ много матеріальнаго, что рисунокъ его немного правильнѣе рисунка живописцевъ шестнадцатаго столѣтія, и т. п. Произведенія Мурильо сами могутъ уничтожить эти мелкія нападенія.

Въ 1667 и 1668 году онъ росписалъ главный предѣлъ севилской соборной церкви, подновилъ фрески, составленныя Павломъ де-Цеснедекомъ, и сочинилъ рисунокъ для купола монастыря монаховъ францисканскаго ордена. Увидя этотъ рисунокъ вблизи, монахи были испуганы его грубымъ исполненіемъ, но Мурильо, не отвѣчая ни слова на всѣ ихъ замѣчанія, требовалъ только, чтобы огромный картонъ его былъ поставленъ на назначенное ему мѣсто. Францисканцы едва согласились исполнить это требованіе.

Едва только картина достигла извѣстной высоты, лица изображенныхъ на ней фигуръ стали дѣлаться пѣжнѣ, драпировка легче и воздушнѣе, тѣни, тоны и полутоны начали гармонироваться и соединяться въ одно граціозное цѣлое. Достигнувъ своего назначеннаго мѣста, картина была найдена всѣми превосходною, а ликъ Богородицы, противъ котораго болѣе всего возставали францисканцы, показался написаннымъ нечеловѣческою рукою. Монахи должны были сознаться, что не могутъ имѣть ничего лучшаго, но оскорбленный Мурильо не хотѣлъ слушать никакихъ похвалъ, объявилъ, что оставляетъ картину себѣ, и францисканцы, чтобы сохранить ее, должны были удвоить условленную плату.

Время между 1670 и 1680 годами было самымъ блестящимъ вре-

менем славы Мурильо. Въ 1674 году онъ кончилъ свои большія знаменитыя картины: Святую Елисавету Королеву Венгерскую, —Блуднаго сына, —Христосъ, насыщающій хлѣбами и рыбами, —Авраамъ, принимающій къ себѣ трехъ ангеловъ, —Моисей, изсѣкающій изъ утеса воду, и Спаситель въ Геосиманской купели. Почти въ это же самое время Мурильо написалъ свою знаменитую картину—Святаго Петра, Младенца Иисуса, раздающаго хлѣбъ бѣднымъ, и кромѣ того двадцать-три картины, немного меньше натуры, которыя были ему заказаны севильскими монахами капуцинскаго ордена, и которыя были, говорятъ, перевезены въ Америку.

Удовлетворивъ многочисленнымъ заказамъ въ Севильи, Мурильо отправился въ Кадиксъ, въ которомъ онъ исполнилъ, для главнаго алтара монастыря капуциновъ, свое образцовое произведеніе—Обрученіе Велико-мученицы Екатерины.

Работая надъ этой картиною, Мурильо усталъ съ подмостокъ, и такъ сильно разшибся, что не могъ продолжать, и картина была окончена ученикомъ его Менезесомъ Озорію. Паденіе это разрушило здоровье Мурильо, и онъ, претерпѣвая нестерпимыя мученія, былъ перевезенъ въ Севилью, въ которой и умеръ послѣ продолжительныхъ страданій, на рукахъ любимаго своего ученика, кавалера Нунеца де-Виллавиценціо, 3-го апрѣля 1682 года, шестидесяти-четырехъ лѣтъ.

Съ рѣдкимъ художественнымъ дарованіемъ, Мурильо соединялъ самыя благородныя качества. Молодые художники всегда могли быть увѣрены въ его дружбѣ, покровительствѣ и въ его желаніи служить имъ всѣмъ своимъ знаніемъ и опытностію. Прежде было уже сказано, сколько обязана Мурильо Севилья своею академіею, при основаніи которой онъ долго долженъ былъ бороться съ горделивымъ упрямствомъ Хуана Вальдеса Леала и съ завистью Герреры Молодаго, и въ которой онъ первый завелъ публичное обученіе съ живой натуры. Исчисляя всѣ достоинства Мурильо, Дарру (Dargoux), въ своихъ замѣткахъ о немъ говорить, что кромѣ своей знаменитости, какъ историческаго живописца, Мурильо славился также какъ и превосходный пейзажистъ, и добавляетъ, что первоначально весь фонъ и задній планъ его картинъ былъ писанъ известнымъ итальянскимъ художникомъ Приартомъ, которому Мурильо, взявъ его пейзажи, писалъ на его пейзажахъ фигуры. Однажды, когда они условились вмѣстѣ писать картину, между ними возникъ споръ, кто первый изъ нихъ долженъ начать. Мурильо требовалъ, чтобы началъ Приартъ, — Приартъ настаивалъ въ противномъ. Друзья поспорили, и Мурильо одинъ написалъ и пейзажъ, и фигуры, и съ-тѣхъ-поръ уже не требовалъ ни чьей помощи.

Картинами Мурильо наполнены почти всѣ главные города Испаніи

и лучшія картинныя галереи остальной Европы. Въ Севильи, въ монастырѣ Святаго Франциска, находятся одиннадцать большихъ его картинъ, изображающія разныя событія изъ жизни братій этого ордена. Въ больницѣ Милосердія сохраняется его Святой Іоаннъ, несущій нищаго и вспомошествоемый ангеломъ, — Елисавета Венгерская, — Моисей, разсѣкающій жезломъ утесъ и Чудо пяти хлѣбовъ. Въ севильскомъ соборѣ: Святой Леандръ и Исидоръ, Зачатіе Богородицы и портретъ каноника Фаустина Нивеца, представленнаго съ собачкою въ рукахъ; въ капуцинскомъ монастырѣ Святаго Ѳомы Вильневскаго: Бѣгство Іосифа въ Египеть и Тайная вечеря; въ августинскомъ севильскомъ монастырѣ, картинами Мурильо украшена вся трапеза; въ Кадиксеъ предсмертная его картина — Обрученіе Великомученицы Екатерины; въ Гренадѣ, въ женскомъ монастырѣ del Angelo, Добрый пастырь, изображенный младенцемъ; въ Кордовѣ — Зачатіе Богородицы; въ Мадритѣ, въ часовнѣ женскаго кармелитскаго монастыря Святой Анны, поясной образъ святаго Іосифа и Младенца Спасителя; въ англійской національной галереѣ, между многими небольшими картинами Мурильо, находится одна изъ лучшихъ картинъ его, изображающая испанскаго нищаго мальчика, и наконецъ въ С. Петербургскомъ Императорскомъ Эрмитажѣ, между восемнадцатью картинами Мурильо небольшой величины, красуется знаменитое произведеніе его — Поклоненіе пастырей и Мученіе святаго Петра Доминиканца, въ натуральную величину.

Со смертію Веласкеца и Мурильо, испанская живопись снова пришла въ упадокъ, и хотя ученики Веласкеца и особенно ученика Мурильо — Антолинецъ, учившійся первоначально у мадритскаго живописца Франциска Риччи (Ricci), Виллавиценціо, Тобаръ, Менезесъ Озоріо, Охойа и нѣкоторые другіе и продолжали напоминать своими произведеніями знаменитыхъ своихъ учителей, но слава ихъ никогда не переносилась за границы Испаніи. Къ срединѣ восемнадцатаго столѣтія имена и этихъ дѣятелей искусства мало по-малу исчезаютъ, такъ-что къ концу восемнадцатаго вѣка едва ли можно было насчитать десять, двѣнадцать именъ, съ которыми бы была соединена громкая извѣстность, покуда Францискъ Гойа не пробудилъ испанскую живопись изъ ея летаргіи, и не придалъ ей новыхъ силъ.

Францискъ Гойа (Goya у Lucientes) родился въ Аррагоніи, въ 1760 году, и двадцать лѣтъ постоянно занимался живописью. Живописецъ релігіозный, историческій и картинъ *de genre* (*), портретистъ

* Техническое непереводаемое слово, означающее картины не историческаго содержанія, представляющія предметы изъ свѣтской жизни.

и граверъ, Францискъ Гойа, имя котораго произносится каждымъ испанцемъ съ уваженіемъ и гордостію, извѣстенъ въ остальной Европѣ болѣе своими остроумными и ѣдкими карриатурами на современные ему нравы, и особенно на министра Годоя, князя Мира. Сынъ бѣдныхъ родителей, Гойа самъ себѣ былъ обязанъ всѣмъ, и первоначальнымъ художественнымъ образованіемъ, и путешествіемъ въ Италію, въ которую онъ добрался съ большимъ трудомъ. Возвратившись изъ Рима, онъ тотчасъ-же былъ наименованъ королевскимъ живописцемъ, и скоро приобрѣлъ всеобщую извѣстность.

Какъ въ произведеніяхъ, такъ и въ жизни Гойа, отразились произведенія и жизнь испанскихъ живописцевъ среднихъ вѣковъ. Какъ Геррера Старый, онъ былъ замѣчателенъ своими странностями и артистическими причудами. Рассказываютъ, что живя въ своей богатой виллѣ, недалеко отъ Мадрита, Гойа въ минуты-отдыха собиралъ въ чашку все краски, снятыя имъ съ палитры, съ силою бросалъ ими въ бѣлую стѣну, и изъ образовавшихся пятенъ воспроизводилъ картины изъ современнаго быта. Такъ расписалъ онъ все свои стѣны, и такимъ же способомъ, почти одною ложкою и платяною щеткой, мало прибѣгая къ обыкновеннымъ кистямъ, написалъ извѣстную картину «Истребленіе французовъ мадритскою чернію».

Картины Гойи многочисленны. Вся внутренность церкви Святаго Антонія Флоридскаго, въ окрестностяхъ Мадрита, украшена его работою; Валенсія также полна его произведеніями, и не было въ его времени одной знатной испанской фамиліи, которая бы не имѣла хотя одного портрета, написаннаго имъ. Въ мадритскомъ королевскомъ музеумѣ помѣщены самыя лучшія произведенія Гойи; изъ нихъ особенно замѣчательны портретъ Карла IV, портретъ королевы верхомъ на лошади, въ натуральную величину и пикадоръ на травлѣ быковъ. Кромѣ этихъ картинъ, въ мадритскомъ королевскомъ музеумѣ находятся нѣсколько его картинъ, принадлежащихъ къ живописи, которую называютъ *de genre*.

Безпрестанныя пасквильныя картины Гойи, его ѣдкій саркастическій характеръ и его личная вражда съ многократно осмѣяннымъ имъ Годоемъ, были причиною удаленія его отъ двора и наконецъ и изъ самой Испаніи. Онъ умеръ въ изгнаніи, въ Бордо, около 1830 года, въ бѣдности, будучи глухимъ и слѣпымъ, семидесяти лѣтъ отъ роду.

Преемникомъ его извѣстности и званія королевскаго живописца сдѣлался Лопецъ де-Валенціо, слава котораго никогда впрочемъ не равнялась той славѣ и той извѣстности которыми пользовался Францискъ Гойа.

Въ настоящее время лучшимъ живописцемъ въ Испаніи почитается

Фредерикъ Мадрацо, которому въ нетакъ давнее время поручено было исправленіе всёхъ древнихъ и попорченныхъ картинъ, находящихся въ королевской мадритской галлерей. Мадрацо слѣдуетъ манерѣ французской школы. Славу Мадрацо раздѣляетъ Эспанель, хотя въ произведеніяхъ обоихъ, замѣчательныхъ эффектностію, мало характера и оригинальности.

Именами этихъ двухъ послѣднихъ художниковъ, мы оканчиваемъ бѣглый очеркъ испанской живописи. Слѣдовало бы, въ прибавленіе, указать мѣста, въ которыхъ находятся произведенія собственно испанскихъ художниковъ, и обозначить многочисленныя ихъ имена, не это вывело-бы насъ изъ границъ журнальной статьи.

Кромѣ Эскуріала, Буэн-Ретиро, Мадрита, Гренады, Кордовы, Бургоса, Кадикса, Толддо, Саламанки, Сарйгоссы, Севильи, Валенсіи, Вальядолида и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ городовъ Испаніи, большая часть образцовыхъ произведеній испанскихъ живописцевъ была перевезена, послѣ испанской компаніи Наполеона, въ Парижъ, въ галерею маршала Сульта, бывшаго главнокомандующимъ въ Испаніи. По смерти маршала, въ недавнее время, галерея его назначена была въ продажу, и нѣкоторыя изъ лучшихъ ея картинъ куплены, въ нынѣшнемъ году, профессоромъ Бруни, для С. Петербургскаго Императорскаго Эрмитажа.

МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ,

ИЗДАНЫЯ ДИККЕНСОМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Много прошло лѣтъ съ того времени, когда мы впервые почувствовали особенное уваженіе и любовь къ клоунамъ * и возымѣли непре-

* Для большинства нашихъ, русскихъ, читателей, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что пантомима и ея типическія дѣйствующія лица, (большую часть заимствованныя у итальянцевъ, какъ напримѣръ арлекинъ, панталонъ, и другіе), въ особенности же старинный клоунъ, играютъ очень важную роль на англійской сценѣ. Даже большіе театры ставятъ себя долгомъ давать пантомимы, потому-что отсутствіе ихъ возбудило бы ропотъ во всей публикѣ. Клоунъ пантомимы имѣетъ нѣкоторое сродство съ Шекспировскимъ клоуномъ: тотъ и другой — шутъ, юмористъ; но комизмъ пантомимнаго клоуна степени ниже. Онъ всегда занимаетъ подчиненную роль, нѣчто въ родѣ слуги у арлекина или панталона, нерѣдко переходитъ отъ одного къ другому. Плутство и воровство врожденныя ему свойства. Если онъ въ услуженіи у арлекина, то содѣйствуетъ ему въ похищеніи коломбины, и при

одолимое желаніе знать, какъ они живутъ, что дѣлаютъ и какъ смотрятъ въ сцены. Еще въ дѣтствѣ докучали мы роднымъ и знакомымъ безконечными разспросами объ этихъ дивныхъ существахъ, — о томъ, всегда ли они такъ падки на жаренныя сосиски и на другія лакомства, и откуда берутся у нихъ на этотъ предметъ деньги? Не случается ли имъ сидѣть въ тюрьмѣ за воровство, или оно имъ всегда прощается за то, что они воруютъ такъ мало и только ради шутки? Отчего они всегда такъ румяны, и гдѣ они живутъ? Любознательность наша по всемъ этимъ статьямъ и по тысячѣ другихъ была ненасытна; и притомъ она не ограничивалась одними клоунами, а простиралась также на арлекиновъ, панталоновъ и коломбинъ, которые все представлялись намъ существами дѣйствительными, неоставлявшими во весь круглый годъ тѣхъ странныхъ образовъ и ролей, въ которыхъ мы ихъ видали. Какъ часто помышляли мы о томъ, какъ должно быть пріятно имѣть синьора панталона опекуномъ, и высшее блаженство на землѣ полагали въ женитьбѣ на коломбинѣ!

И до-сихъ-поръ живъ въ нашей памяти тотъ необъятный восторгъ, въ который перенесла насъ пантомима, пріѣхавшая во-время ярмарки,

этомъ разъ двадцать переодѣвается. Все, что онъ ни дѣлаетъ, смахиваетъ на карриатуру и фиглярство. Шутовскими выходками осмѣиваетъ онъ все дѣйствія панталона; когда арлекинъ проскакиваетъ сквозь луну, онъ присѣдаетъ на корточки, какъ-будто хочетъ сдѣлать тоже, но отступаетъ; если у него что украдутъ, онъ показываетъ гримасами и жестами, что воръ — вѣрно кто-нибудь изъ почтенныхъ господъ въ партерѣ и въ ложахъ, и такъ далѣе. Конечно, не все клоуны одинаковы; но хорошій клоунъ непременно долженъ быть импровизаторомъ, и вѣрѣю вся его роль, съ начала до конца, состоитъ изъ импровизацій на всевозможныя темы, которыя онъ почерпаетъ изъ современныхъ происшествій, изъ общественныхъ толковъ, изъ пустаго случая, отовсюду. Понятно, что для этого онъ долженъ обладать врожденнымъ комическимъ талантомъ. У Гримальди, комизмъ клоуна былъ въ высшей степени обогороженъ. «Джозефъ Гримальди», говоритъ одинъ критикъ, по поводу книги Дикенза, «былъ самый гениальный и забавный изъ всехъ клоуновъ, когда-либо потѣшавшихъ Джонъ Буля, и самую природою назначенъ для театра. Никто никогда не производилъ большаго эффекта на англійской сценѣ. Въ частной жизни онъ былъ человекъ съ мягкимъ, любящимъ сердцемъ, честный, благородный и скромный. Высшія сословія уважали его и охотно принимали въ свои дома; для среднихъ и низшихъ классовъ, болѣе благодарныхъ, онъ былъ кумиромъ. И не даромъ: онъ доставлялъ имъ много пріятныхъ минутъ, потому-что на сценѣ невозможно было быть забавнѣе его. Ничто въ мірѣ не могло сравниться съ подвижностью его лица, особенно рта: онъ раскрывалъ его до баснословной ширины, давая ему всевозможныя направленія: глаза у него дѣйствовали совершенно независимо другъ отъ друга, такъ что однимъ онъ подмигивалъ, между-тѣмъ какъ другой выпучивался впередъ. Также свободно дѣйствовалъ онъ бровями, а все члены тѣла обладали такою гибкостью, которая сдѣлала бы честь любому акробату. Своимъ голосомъ онъ владелъ удивительнымъ образомъ; пѣлъ и говорилъ по произволу самымъ тонкимъ дискантомъ, теноромъ или самымъ густымъ басомъ. Говорилъ онъ свободно и изящно, а мимика его могла совершенно замѣнить слово».

Прим. Пер.

на Ричардсоновыхъ * фурахъ, въ тихій, укромный городокъ, въ которомъ мы имѣли счастье взрости. Мы помнимъ, какъ насъ, съ двумя десятками другихъ мальчиковъ, повели смотрѣть эти чудеса, предварительно надѣвъ намъ чистыя манишки съ плосными воротничками, и умывъ намъ, по возможности, руки. Съ какою гордостью стояли мы на подъѣздѣ и смотрѣли на глазбующій на насъ народъ, между-тѣмъ какъ учитель отечитывалъ двадцать четыре раза по девяти пенсовъ одному толстому господину въ готическомъ окнѣ, съ каймою разноцвѣтныхъ фонарей надъ головою. Кажется и теперь видимъ передъ собою, на балконѣ ближайшаго балагана, даму въ пестромъ нарядѣ, покрытомъ блестками и галунами, стоящую на одной ногѣ на огромномъ конѣ, съ зеленымъ парасолемъ въ рукѣ. И по-прежнему разбѣгаются наши глаза, въ ожиданіи, не увидятъ ли опять тѣже чудеса; и сердце опять бьется радостью, какъ въ то время, когда мы вручали засаленный билетъ арлекину, который, стоя у дверей въ своемъ нарядѣ изъ квадратовъ всевозможныхъ цвѣтовъ, очень милостиво привѣтствовалъ каждого изъ своихъ малолѣтнихъ посѣтителей парю ласковыхъ, ободрительныхъ словъ.

Но и это все было ничтожно передъ наслажденіями, ожидавшими насъ внутри балагана, когда, въ атмосферѣ, пропитанной запахомъ опилокъ и апельсинныхъ корокъ, который для нашихъ дѣтскихъ носовъ былъ во сто разъ пріятнѣе всякихъ розъ и фіялокъ, по окончаніи первой пьесы и послѣ того, какъ влюбленная чета была соединена, злой духъ укрощенъ, баронъ убитъ, и все дѣйствующія лица раскланялись, полные радости, восторга, — началась самая пантомима. Никакія слова не выразятъ величія и торжественности первой сцены, въ которой злой и хитрый черноморъ, державшій въ плѣну прекрасную царевну, стоялъ передъ огромною кабалистическою книгой и читалъ ее подъ глухіе звуки какого-то неизвѣстнаго инструмента; никакія слова не выскажутъ того чувства, которое овладѣло нами, когда этотъ злодѣй, волшебною силою, превосходившею собственную его силу, на глазахъ нашихъ былъ превращенъ въ клоуна! Какое было намъ дѣло до того, что вся сцена имѣла три сажени въ длину и столько же въ глубину? мы этого не видѣли. Зрѣніе, слухъ, все наши способности поглощались пантомимой. Потомъ, когда пьеса кончилась ** и убитый баронъ вышелъ на авансцену, поло-

* Ричардсонъ посѣщалъ армарки съ небольшою труппою, и вездѣ ставилъ свой балаганъ, который вмѣщалъ нѣсколько тысячъ человекъ и болѣе. Его называли просто директоромъ, the showman, потому-что никто не могъ съ нимъ соперничать. Многие знаменитые артисты начали свое поприще у него, напримѣръ Князь. *Примѣч. Пер.*

** Ричардсоновы мелодрамы и пантомимы продолжались иногда не болѣе четверти часа; за тѣмъ публика выходила, и смѣнялась новою толпою, сѣдѣвшіе смотрѣть ту же пьесу.

живъ руку на сердце, изъявить глубую благодарность мистра Ричардсона за благосклонное вниманіе публики, и объявить, что слѣдующее представленіе начнется черезъ четверть часа, — что могло бы сравниться съ досадою и изумленіемъ, выразившимися на лицѣ барона при видѣ шутника клоуна, который высунулъ голову изъ-за занавѣса и просилъ зрителей «не вѣрить этому мошеннику, потому-что онъ что ни скажетъ, все совретъ!» Одинъ только клоунъ могъ возбудить такой гомерической хохотъ, какой послѣдовалъ за этими словами; одинъ клоунъ могъ вырвать изъ устъ нашего учителя восторженное сознаніе, что это лучшая шутка, какую онъ когда-либо слыхалъ!

Мы давно лишились этого клоуна, хотя онъ еще живъ, и мы недалѣе, какъ наканунѣ прошлой Варооломеевской ярмарки, встрѣтили его у одного ресторана, гдѣ онъ уплеталъ здоровый ростбифъ; но мы съ прискорбіемъ увидѣли, что онъ передался на сторону неклассической драмы, ибо онъ пріѣхалъ въ каретѣ, принадлежавшей Кларкову цирку. Мы утратили того клоуна и ту пантомиму; но любовь наша къ нимъ нисколько не измѣнилась. Въ тѣ дни, когда даются новыя пантомимы на двухъ большихъ и двадцати или тридцати малыхъ театрахъ столицы, мы съ прежнимъ волненіемъ и прежнею жадностью пожираемъ двухъ аршинныя афиши, описывающія крупнымъ краснымъ и чернымъ шрифтомъ всѣ декораціи, превращенія и прочая; и подобно другимъ великимъ и маленькимъ людямъ готовы стать на колѣни на улицѣ, чтобы дочитать афишу до послѣдней строчки. Съ прежнимъ жаромъ и восхищеніемъ читаемъ мы въ воскресныхъ театральныхъ газетахъ, за недѣлю до представленія, объявленія о приготовляемыхъ зрѣлищахъ, и вѣримъ имъ также простодушно, какъ въ тѣ времена, когда двадцатилѣтній опытъ не доказалъ намъ, что всѣ подобныя объявленія въ Англіи — одна ложь.

При такой любви къ пантомимамъ не удивительно, что одно извѣстіе о томъ, что Гримальди, величайшій изъ клоуновъ, оставилъ записки о своей жизни, привело насъ въ какое-то лихорадочное состояніе, продолжавшееся до-тѣхъ-поръ, пока мы не прочитали рукопись. Почти весь послѣдній годъ своей жизни Гримальди посвятилъ составленію этихъ записокъ; это было почти исключительнымъ его занятіемъ и главнымъ его удовольствіемъ, и, какъ можно было ожидать, записки его вышли очень объемисты. Рукопись свою онъ отдалъ мистру Томасу Эджертону

Если же во-время представленія набиралось у входа достаточное количество новыхъ любопытныхъ, и они начинали изъявлять нетерпѣніе, Ричардсонъ давалъ знакъ актерамъ, и они распоряджались такимъ-образомъ, чтобы окончить пьесу въ пять минутъ. *Прим. Пер.*

Уильксу, для просмотра и передѣлки для изданія. Мистръ Уильксъ, хорошо знакомый съ Гримальди и окружавшими его людьми, сократилъ записки, исключилъ изъ нихъ многое непредставлявшее интереса для публики, прибавилъ кое что, слышанное имъ отъ самого Гримальди. Между-тѣмъ какъ онъ занимался этимъ, другъ его умеръ. Издатель купилъ у мистра Уилькса рукопись, съ согласія мистра Ричарда Гьюза, душеприкащика Гримальди, и притомъ съ правомъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнiю, что редакторъ и счелъ обязанностью объяснить, чтобы устранить всякое сомнѣнiе въ подлинности предлагаемыхъ записокъ. Что касается его участія въ нихъ, оно можетъ быть объяснено въ двухъ словахъ. Издатель поручилъ ему пересмотрѣть и исправить рукопись, придать изложенiю болѣе связи и живости. Гримальди, конечно, писалъ въ первомъ лицѣ; но послѣ значительныхъ сокращенiй и измѣненiй, сдѣланныхъ подъ собственнымъ его надзоромъ, почти всѣ особенности его изложенiя исчезли. Поэтому редакторъ разсудилъ, что лучше будетъ совершенно откинуть эту форму, и вообще сдѣлать всѣ измѣненiя, какія могли способствовать къ плавности и единству изложенiя, не касаясь только фактовъ и образа мыслей. Вообще, онъ вовсе не имѣлъ въ виду *сочинить книгу*: ничего не прибавлялъ къ рукописи, а только убавлялъ и сокращалъ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ сохранилъ даже много-словiе старика, потому что самое это многословiе показываетъ, что Гримальди съ особенною любовью воспоминалъ о тѣхъ или другихъ эпизодахъ своей прошедшей, особенно юношеской жизни.

Февраль, 1838.

Бозъ.

ГЛАВА I.

Родословная Гримальди, его рожденiе и первые дебюты. — Строгость отца. — Исторiя графа Дерби и парика. — Кошачка и награда за доброе дѣло. — Комедiя, разыгранная старымъ чудачкомъ, для испытанiя дѣтей.

Дѣдъ Джозефа Гримальди, съ отцовской стороны, былъ очень извѣстенъ во Францiи и въ Италiи, какъ отличный балетный танцовщикъ. Необыкновенная его ловкость и сила заслужили ему прозванiе «Желѣзной ноги» (*Jambe de fer*). Дибдинъ, въ своей Исторiи театра, расска-

зываетъ по этому поводу много любопытныхъ анекдотовъ; множество другихъ сохранилось по преданію. Вотъ одинъ, вполне достовѣрный. Въ одномъ представленіи, въ которомъ онъ танцевалъ съ особеннымъ энтузіазмомъ, можетъ-быть по случаю присутствія турецкаго паши, сидѣвшаго съ своею свитою въ крайней ложѣ, онъ сдѣлалъ такой необычайный прыжокъ, что задѣлъ за люстру, висѣвшую у входа, разбилъ ее, и осколокъ стекла полетѣлъ прямо въ лицо пашѣ. Турокъ счелъ это оскорбительнымъ для своей особы и подалъ формальную жалобу королю, который приказалъ Желѣзной-ногѣ публично просить прощенья у паши; что Гримальди и исполнилъ въ надлежащей формѣ, къ великой потѣхѣ своей, публики и вообще всѣхъ, кромѣ оскорбленнаго лица. Это важное дѣло кончилось остроумными куплетами.

Первый Гримальди, пріѣхавшій въ Англію, былъ сынъ Желѣзной-ноги и отецъ Джозефа. Онъ пріѣхалъ въ 1760 году, въ качествѣ придворнаго зубнаго врача королевы Шарлотты. Родился онъ въ Генуѣ, и пользовался нѣкоторою извѣстностью въ зубоврачебномъ искусствѣ; но потомъ любовь къ отцовскому искусству превозмогла; векорѣ по прибытіи въ Англію, онъ не просилъ у королевы увольненіе отъ возложеннаго на него званія и принялся за преподаваніе танцевальнаго и фехтовальнаго искусствъ; впрочемъ не отказался совершенно отъ прежней практики, и при случаѣ пользовалъ своихъ учениковъ. Какъ во времена менуэтовъ и котильоновъ танцваніе составляло науку несравненно болѣе хитрую и сложную, чѣмъ нынче, то молодыя поколѣнія знатныхъ и богатыхъ домовъ доставляли Гримальди достаточно работы и доходовъ. Поговаривали, что свое мѣсто при дворѣ онъ утратилъ влѣдствіе невѣжества и непочтительности, оказанныхъ имъ передъ нѣкоторыми придворными; но сынъ его всегда очень горячо вступался за честь отца, и между прочимъ доказывалъ неосновательность обвиненія, ссылаясь весьма убѣдительно на милостивое покровительство, которое постоянно оказывали имъ обоемъ и король и королева.

Гримальди достигъ значительной славы на новомъ своемъ поприщѣ, такъ что былъ даже ангажированъ на старый Дрюриленскій и на Садлервельзекій театръ, какъ балетмейстеръ и первый танцоръ-буффъ, и скоро сдѣлался, въ этомъ двойномъ амплуа, любимцемъ публики, которая почти еженедѣльно требовала представленія пантомимы, чтобы посмотрѣть на ея героя, снѣбора Гримальди. Въ частной жизни онъ славился честностью и благотворительностью; въ немалую честь ставили ему также то, что никто никогда не видалъ его пьянымъ; сынъ его съ гордостью упоминалъ о послѣднемъ обстоятельствѣ, и былъ совершенно правъ, потому-что это добродѣтель довольно рѣдкая въ Англіи

между новѣйшими драматическими артистами; тогда-же она была дѣломъ, почти неслыханнымъ между театральными знаменитостями.

Изъ сохранившихся анекдотовъ о Гримальди отцѣ, видно, что онъ былъ чудакомъ и эксцентрикъ первой руки. Однажды, напимѣръ, купилъ онъ домъ съ садомъ въ Ламбетскомъ предмѣстьи, и поселился тамъ въ самую глухую зиму; ему очень хотѣлось видѣть, каковъ будетъ садъ лѣтомъ, и не имѣя терпѣнія ждать настоящаго лѣта, онъ сочинилъ себѣ лѣто, уставивъ садъ искусственными кустами и цвѣтами и навѣшавъ на все деревья поддѣльные листья и плоды. Весьма странную черту въ его характерѣ составляла необыкновенная боязнь четырнадцатаго числа каждаго мѣсяца. По мѣрѣ приближенія этого дня становился онъ безпокоенъ, скученъ, угрюмъ и раздражителенъ; только что роковой день проходилъ, онъ дѣлался опять другимъ человекомъ, и съ радостью восклицалъ ломанымъ англійскимъ языкомъ: — «А! вотъ я опять спокоенъ на цѣлый мѣсяць!» И замѣчательно, что онъ родился, крещенъ, женился и умеръ *четырнадцатаго* марта.

Гримальди былъ подверженъ болѣзненныхъ припадкамъ хандры и раздражительности, и ужасно боялся смерти. Онъ зачастую по цѣлымъ часамъ бродилъ по кладбищамъ, размышляя о томъ, отъ какихъ болѣзней умерли похороненные подъ этими гробницами, каковъ былъ ихъ смертный часъ, и сколько изъ нихъ могли быть погребены заживо. Всего болѣе пугала его, всю жизнь, мысль, что и его могла постичь такая участь — быть погребеннымъ заживо. Поэтому онъ даже сдѣлалъ распоряженіе въ своемъ духовномъ завѣщаніи, чтобы до закрытія его гроба ему отрубили голову, что и было исполнено въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей.

И замѣчательно, что та-же смерть, преслѣдовавшая его въ досузіе часы, бывшая вѣчнымъ предметомъ его мрачныхъ думъ и мучительныхъ опасеній, составляла въ то-же время содержаніе его любимыхъ сценъ въ современныхъ пантомимахъ. Въ числѣ другихъ подобныхъ сценъ изобрѣтена имъ для клоуна знаменитая сцена скелета, которая въ свое время восхищала публику, и порой представляется донинѣ. Фактъ замѣчательный, какъ его ни толкуй: тѣмъ-ли, что ипохондрики особенно склонны смѣяться надъ тѣми именно предметами, которые втайнѣ смѣдаютъ ихъ тоскою или страхомъ, подобно тому, какъ вѣрующіе въ привидѣнія громче и смѣлѣе всехъ кричатъ, что они этому не вѣрятъ; или тѣмъ, что эти мрачныя, удручающія размышленія и видѣнія до того овладѣли душою страдальца, такъ неотступно тѣснились въ его фантазію, что самый смѣхъ его принялъ такой-же мрачный и таинственный отбѣнокъ.

18 декабря 1779 года, то есть въ годъ смерти Гаррика, въ Стангопъ-Стритѣ, у Клеръ-маркета, то есть въ той части города, гдѣ тогда, какъ и нынче, жила большая часть актеровъ, по близости отсюда театровъ, родился Джозефъ Гримальди, или старикъ Джо, какъ его звали въ-последствіи. Отцу его было тогда уже за семьдесятъ; тѣмъ не менѣе черезъ два года родился ему другой сынъ, единственный братъ Джозефа.

Мальчикъ недолго оставался въ этомъ безпомощномъ состояніи, которое составляетъ общій нашъ удѣлъ въ дѣтствѣ. Ему не было еще двухъ лѣтъ, когда отецъ вывелъ его на сцену стараго Дрюриленскаго театра. Пьеса, въ которой онъ въ первый разъ явилъ свой скороспѣлый талантъ, была знаменитая пантомима «Робинсонъ Крузо»; отецъ игралъ Робинсона, а сынъ маленькаго клоуна. И говорить нечего, что успѣхъ послѣдняго былъ громадный; его тотчасъ ангажировали, назначивъ ему жалованья пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю, и съ тѣмъ, чтобъ каждый годъ онъ бралъ новую, болѣе трудную роль. Онъ сталъ любимцемъ не только публики, но и самихъ артистовъ; за кулисами и въ уборной въ немъ души не слышали, и называли его умненькимъ Джо; прозвище Джо онъ сохранилъ на всю жизнь.

Въ 1782 году онъ дебютировалъ и на другомъ театрѣ, на Садлер-вельзскомъ, въ трудной роли обезьяны, и съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ амплуа клоуна на дрюриленской сценѣ. И тутъ также поступилъ онъ немедленно въ число постоянныхъ членовъ труппы, и пробылъ въ ней, за исключеніемъ одного только сезона, двадцать девять лѣтъ, то-есть, до конца своего артистическаго поприща.

Съ принятіемъ этихъ двухъ ангажементовъ началась для него истинно труженическая жизнь, ибо ему безпрестанно приходилось играть на обоихъ театрахъ въ одинъ и тотъ же вечеръ, почти въ одно и тоже время: задача трудная и для взрослога, а тѣмъ болѣе для ребенка. Можно положительно сказать, что если онъ когда-либо въ жизни получалъ значительные доходы, то они были куплены цѣною столь же значительныхъ умственныхъ и тѣлесныхъ напряженій. Молодые люди, помѣшанные на драматическомъ искусствѣ, неутомимые посѣтители публичныхъ и домашнихъ театровъ, жаждущіе сами поступить на сцену, потому-что, по ихъ мнѣнію, такъ легко и пріятно быть актеромъ, не подозреваютъ всѣхъ заботъ, трудовъ, напряженій, горестей и лишений, изъ которыхъ слагается жизнь большей части драматическихъ артистовъ.

Мы уже говорили, что старикъ Гримальди былъ чудакомъ; особенно непріятно проявлялись нѣкоторыя изъ его причудъ въ воспитаніи сына.

Мальчикъ, привыкая на сценѣ ко всякаго рода балагурствамъ и проказамъ, былъ вездѣ и всегда тотъ же клоунъ, тотъ же балагуръ и проказникъ, что на театрѣ. Актеры и актрисы за кулисами подстрекали его, и онъ отпускалъ свои проказы столько же для ихъ потѣхи, сколько для удовольствія публики. Однако это тщательно скрывалось отъ отца, который, какъ скоро что-нибудь подобное доходило до его свѣдѣнія, задавалъ маленькому Джо здоровую таску, потомъ поднималъ его за волосы и относилъ въ уголь, со строгимъ наказомъ, чтобы онъ не смѣлъ трогаться съ мѣста. Наказъ однако имѣлъ силу только въ присутствіи грознаго старика. Съ уходомъ отца, слезы высыхали на лицѣ маленькаго шалуна, и онъ еще съ болѣею живостью принимался за свои балагурства, сопровождая ихъ тѣми уморительными кривляніями и гримасами, которыя имѣли въ послѣдствіи тѣкой успѣхъ на сценѣ. Это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока не раздавалось предостереженіе: — Джо, Джо, отецъ идетъ! — Въ одно мгновеніе мальчикъ былъ опять въ углу, плакалъ и всхлипывалъ, какъ-будто не переставалъ плакать съ ухода старика. Эта сцена скоро стала одною изъ любимыхъ забавъ за кулисами, и маленькаго шалуна начали иногда напрасно пугать приходомъ отца, чтобы только видѣть какъ онъ побѣжитъ въ уголь. Это имѣло для него горестныя послѣдствія, потому что, замѣтивъ обманъ, онъ пересталъ вѣрить предостереженіямъ, и въ слѣдствіе того подвергался чаще прежняго побоямъ и таскамъ отъ своего строгаго, но въ душѣ предобрѣйшаго отца, какъ самъ Гримальди о немъ отзывается.

Однажды, когда онъ былъ уже одѣтъ для своей лучшей роли, маленькаго клоуна въ «Робинсонѣ Крузоѣ», и размалеванъ совершенно на подобіе отца, въ чемъ отчасти заключался комизмъ роли, старикъ привелъ его въ уборную, поставилъ въ обычный уголь, и строго приказавъ ему не трогаться съ мѣста, вышелъ. Въ это время вошелъ случайно одинъ изъ тогдашнихъ постоянныхъ посѣтителей актерскихъ уборныхъ, графъ Дерби, и позвалъ мальчика, котораго заплаканное лицо не вязалось съ его нарядомъ. Въ отвѣтъ на приглашеніе лорда, Джо сдѣлалъ преуморительную рожу, но остался въ углу. Графъ Дерби засмѣялся и ждалъ объясненія этой сцены.

— Онъ не смѣетъ выйти изъ угла, потому-что отецъ его поколотить, сказала мисъ Фарренъ, за которою графъ Дерби въ то время ухаживалъ, и которая стала въ-послѣдствіи его женою.

— Поколотить! повторилъ лордъ, — и Джо сдѣлалъ еще болѣе уморительную рожу въ подтвержденіе словъ мисъ Фарренъ.

— А я такъ думаю, что онъ не такъ боится отца, какъ вы полагаете, сказалъ лордъ, смѣясь: — пооди сюда, голубчикъ!

Съ этими словами онъ показалъ мальчику полукрунъ. Джо, зная цѣну деньгамъ, выскочилъ изъ угла, съ необыкновенною живостью схватилъ монету и хотѣлъ бѣжать назадъ, но графъ удержалъ его за руку.

— Послушай, Джо! сказалъ онъ; сними парикъ, брось его въ огонь, и я дамъ тебѣ еще полукрунъ.

Сказано, сдѣлано. Парикъ полетѣлъ въ каминъ, при всеобщемъ хохотѣ, а мальчикъ пустился прыгать на одной ножкѣ по комнатѣ, съ полукруномъ въ каждой рукѣ; но между-тѣмъ какъ онъ радовался, а графъ тащилъ щипцами изъ камина полюбгорѣвшій парикъ, явился отецъ, въ полномъ костюмѣ Робинсона. Счастье было для маленькаго Джо, что графъ Дерби всѣми силами вступился за него; бѣшенный отецъ готовъ былъ положить его на мѣстѣ. Самое даже ходатайство лорда не спасло несчастнаго отъ нѣсколькихъ здоровыхъ пинковъ. Слезы ручьями катились по густо намалеванному щекамъ и смыли краску, такъ что мальчикъ не только не походилъ на клоуна, но и вообще не было на немъ человѣческаго лица. Немедленно за тѣмъ онъ долженъ былъ выйти на сцену, и страшно взбѣсился отецъ увидѣвъ его обезображенную рожу, между-тѣмъ какъ между зрителями она возбуждала огульный хохотъ. Старикъ, еще болѣе взбѣшенный этимъ хохотомъ, тутъ же схватилъ несчастнаго и принялся тузить его; ребенокъ разревѣлся благимъ матомъ, а публика ну хохотать и аплодировать еще усерднѣе прежняго, принимая все это за новую сцену, введенную въ пьесу. На слѣдующій день всѣ газеты не могли надивиться истинѣ и естественности, съ какими талантливый малютка разыгралъ свою роль, и приписывали всю честь преподавательскимъ способностямъ отца.

Но самымъ жестокимъ наказаніемъ для мальчика было то, что добрый отецъ отобралъ у него такъ дорого доставшіяся деньги и опустилъ ихъ въ свой карманъ, куда точно такъ же опускалось и жалованіе Джо. Впрочемъ съ достопамятнаго дня сожженія парика, графъ Дерби давалъ ему полукрунъ каждый разъ, какъ встрѣчалъ его, и мальчикъ былъ не мало огорченъ; когда лордъ женился на мисъ Фарренъ и пересталъ ходить за кулисы.

На Садлервельскомъ театрѣ былъ онъ столько же любимъ, какъ и на Дрюриленскомъ. Актеръ Кингъ, главный акціонеръ перваго и директоръ втораго, очень уважалъ его и нерѣдко дарилъ ему гинеею, для покупки деревянной лошади, телѣжки или другой какой-либо игрушки.

Въ одномъ изъ представлений пьесы, въ которой Джо дебютировалъ на Садлервельзскомъ театрѣ, произвелъ онъ необыкновенный эффектъ тѣмъ, что одно сопровождавшее его всегда счастье спасло его отъ невозможности впредь являться на сцену. Онъ представлялъ обезьяну, и во все продолженіе пьесы былъ около клоуна, своего отца. Въ одной сценѣ клоунъ, держа его на цѣпи, и вытянувъ руку, съ неизвѣрною быстротою кружилъ на воздухѣ. Однажды цѣпь оборвалась, и Джо отлетѣлъ въ самый конецъ партера, но по какому-то чуду упалъ въ объятія одного изъ зрителей, и такимъ-образомъ не разшибся до полусмерти.

Къ числу лицъ, оказывавшихъ маленькому Джо особенную благосклонность въ этотъ періодъ его жизни, принадлежала знаменитая чета канатныхъ танцоровъ, мистръ Риджъ и его жена, прозванные маленькимъ чертенкомъ и прекрасною испанкою. Они часто дарили его деньгами, которыя отецъ постоянно отбиралъ отъ него и клалъ въ особенную небольшую копилку, на которой было написано имя маленькаго Джо. Тщательно закрывъ коробку, отецъ отдавалъ мальчику ключъ, говоря: — «Смотри, Джо, вотъ это будетъ твоимъ добромъ, когда я умру». Однако Джо лишился и этой кассы и всего своего достоянія, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Такъ какъ святочная пантомима на Дрюриленскомъ театрѣ рѣдко давалась долѣе четырехъ недѣль, представленія же Садлервельзскаго театра начинались послѣ Пасхи, и у маленькаго Джо было почти четыре мѣсяца свободныхъ, то отецъ посылалъ его на это время въ Путней, въ учебное заведеніе одного мистра Форда, о добротѣ и благорасположеніи котораго Гримальди до самой старости вспоминалъ съ благодарностью. Многіе изъ его тогдашнихъ школьныхъ товарищей посвятили себя также театру, но ни одинъ не избралъ пантомимы: обстоятельство довольно удивительное, потому-что по необыкновенной живости и увлекательному юмору Джо слѣдовало ожидать, что всѣ его товарищи пойдутъ съ нимъ въ клоуны.

Въ 1782 году, на святкахъ, явился онъ въ своей второй роли на Дрюриленскомъ театрѣ, въ пьесѣ «Арлекинъ младшій, или заколдованный поясъ». Онъ представлялъ демона, котораго злой чернокнижникъ прислалъ противодѣйствовать силѣ арлекина. Джо имѣлъ и тутъ такой же успѣхъ, какъ въ прежней роли; съ этого же времени началась его прочная слава, которая потомъ постоянно росла съ его лѣтами, развитіемъ его силъ и успѣхами. Въ слѣдующемъ году, занявъ онъ на Дрюриленскомъ театрѣ, кромѣ роли обезьяны, которую исполнялъ на садлервельзской сценѣ, еще роль кошки. Костюмъ его имѣлъ одно важное неудобство, а именно, что будучи зашитъ въ него, онъ ничего не видѣлъ. Такимъ-

образомъ онъ набрелъ однажды на люкъ, открытый для изображенія колдпа, и провалился на сорокъ футовъ глубины. Правда, что онъ переломилъ себѣ ключицу и получилъ нѣсколько ушибовъ; однако остался живъ. Его отнесли домой, отдали на попеченіе врача, и къ окончанію сезона на Дрюриленскомъ театрѣ онъ такъ уже оправился, что вскорѣ за тѣмъ могъ играть на Садлервельзскомъ театрѣ.

Лѣтомъ старикъ Гримальди позволилъ сыну, въ награду и въ знакъ особеннаго благоволенія, гостить, черезъ воскресенье, по цѣлому дню, у своего дѣда съ материнской стороны, который, какъ онъ говоритъ самъ, жилъ въ Гольбордѣ, въ Ньютоновской улицѣ, занимался оптовою торговлею мясомъ, и до самой смерти, то-есть лѣтъ шестьдесятъ, держалъ большую бойню въ Блумсбери*. Джо былъ въ большой милости у дѣда; его тамъ кормили сластями, ласкали, миловали, такъ что онъ всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, назначеннаго для этого важнаго посѣщенія. Отецъ съ своей стороны очень желалъ, чтобы Джо, въ этихъ торжественныхъ случаяхъ, поддержалъ честь семейства. Поэтому для одного изъ этихъ визитовъ, послѣ многихъ и долгихъ размышленій и совѣщанія съ портнымъ, маленькаго клоуна нарядили такимъ образомъ: на него надѣли зеленый кафтанъ, съ такимъ же множествомъ размазанныхъ цвѣтовъ, какимъ его отецъ украсилъ свой бамбетскій садъ; подъ кафтаномъ лоснился шелковый камзолъ непогрѣшимой бѣлизны; исподнее платье, изъ тонкаго зеленого сукна, обшито богатымъ галуномъ, было подвязано подъ колѣномъ, и за нимъ слѣдовали бѣлые шелковые чулки и башмаки съ блестящими пряжками. Этотъ костюмъ дополнялся кружевными жабо, галетухомъ и манжетками, треугольною шляпою, крошечнымъ часами съ брильянтами, — вѣроятно изъ театральнаго гардероба, — и тростью, которою Джо владелъ такъ ловко и смѣло, что хоть бы взрослому клоуну.

Передъ отправленіемъ, отецъ, по обыкновенію, сдѣлалъ инспекторскій смотръ его костюму, изъявилъ свое совершенное удовольствіе, поцѣловалъ мальчика, потребовалъ у него ключа отъ его копилки, вынулъ изъ нея гинею, и сказалъ: — «Слушай, Джо, теперь ты настоящій джентльмень; вотъ тебѣ гинея, положи ее въ карманъ!» Затѣмъ

* Такое родство было вещью весьма важною для семейства Гримальди; ибо какъ ни часто случается въ Англіи, что знатные и богатые люди женятся на актрисахъ, но дочери зажиточныхъ и почтенныхъ родителей весьма рѣдко идутъ на театр, а особенно въ танцовщицы. Лондонскій же оптовой мясникъ лицо довольно значительное. Намъ помнится, что дочь одного такого мясника имѣла 40000 фунтовъ (около 250.000 руб. сер.) приданнаго, и вышла за нынѣшняго лорда де Монфорда, потомка одной изъ древнѣйшихъ фамилій въ королевствѣ. *Пр. Пер.*

онъ подтвердилъ ему увѣщаніе, быть непремѣнно дома къ восьми часамъ вечера, и отпустилъ его, не позволивъ никому его провожать, такъ какъ онъ былъ настоящій джентльменъ и слѣдовательно совершенно въ состояніи самъ присмотрѣть за собою.

Появленіе маленькаго Джо въ этомъ костюмѣ на улицѣ произвело необыкновенный эффектъ, тѣмъ болѣе что онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ лицо публичное. Одинъ мальчишка кричалъ: — «Эй, вотъ идетъ маленькій Джо!» — «Убирайся съ твоимъ Джо! перебилъ другой: это идетъ обезьяна!» — «Вотъ выдумалъ! подхватилъ третій: это медвѣдь разрядился на балъ!» — «Всѣ вы врете! ревелъ четвертый; это кошка отправляется на посидѣлки!» Между-тѣмъ взрослые и болѣе разумные прохожіе также останавливались, смѣялись отъ души и говорили, что странно такъ пускать малютку одного по улицамъ, да еще въ такомъ нарядѣ. А Джо шелъ себѣ, ни о комъ не заботясь и отпуская по временамъ самыя уморительныя гримасы, пока не наткнулся на сидѣвшую на мостовой женщину, которой жалкая наружность уже собрала около нея многочисленную толпу зѣвакъ. Мальчикъ остановился подобно другимъ, и былъ такъ тронутъ разеказомъ о ея бѣдствіяхъ и страданіяхъ, что опустилъ руку въ карманъ, вынулъ изъ него единственную свою гиней, сунулъ ее въ руку несчастной, и еще важнѣе прежняго пошелъ своей дорогой. Толпа, назѣвавшаясь вдоволь на старуху, и видя новый предметъ для своего любопытства, тронулась велѣдъ за мальчикомъ, который смѣло шелъ впередъ, со свитою, тянувшеюся на двѣ улицы и провожавшею его кликами удивленія и смѣхомъ. Это торжественное шествіе продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока не повстрѣчался ему одинъ пріятель старика Гримальди, который взялъ мальчика на руки, несмотря на его сопротивленіе, посадилъ его въ свой экипажъ и отвезъ къ дѣду, гдѣ онъ провелъ весь день къ великому удовольствію своему и своихъ родныхъ.

Вечеромъ, когда онъ пришелъ домой, отецъ взглянулъ на часы похвалилъ и поцѣловалъ его за исправность, освидѣтельствовалъ его нарядъ, который оказался въ совершенномъ порядкѣ, и наконецъ потребовалъ ключа отъ копилки и гиней. Мальчикъ сначала не подумалъ объ утреннемъ пропешествіи, обшарилъ всѣ карманы, но они были пусты; наконецъ онъ припомнилъ свой поступокъ, бросился на колѣни передъ отцомъ, разсказалъ ему все случившееся и просилъ прощенія.

Отецъ сначала не зналъ что сказать и дѣлать, потому-что самъ много тратилъ денегъ на благотворительность. Минуту или двѣ смотрѣлъ онъ на сына въ нерѣшительности, потомъ собрался съ духомъ

и сказал отрывисто: — «Это тебѣ не обойдется безъ здоровой потасовки; теперѣ ступай спать!»

Къ числу причудъ старика, — и въ этомъ случаѣ не къ самымъ милымъ, — принадлежало то, что онъ всегда строго держалъ слово, хотя бы между обѣщаніемъ и исполненіемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ; впрочемъ, въ дѣлѣ наказанія такое отерочиваніе, было у него системою. Такимъ-образомъ прошло мѣсяца четыре, или пять, и мальчикъ во все это время не подавалъ новаго повода къ неудовольствію, какъ однажды отецъ неожиданно велѣлъ ему готовиться къ экзекуціи. Мальчикъ горько заплакалъ и жалобно спросилъ, за что? — «А гиней-то ты забылъ?» сказалъ старикъ; и дѣйствительно выскѣкъ его такъ больно, что Джо не забылъ этого до послѣдняго дня жизни.

Семейство Гримальди состояло въ это время изъ мужа и жены, маленькаго Джо и его единственнаго брата, Джона Баптиста, трехъ или четырехъ служанокъ и одного негра, который исправлялъ должность слуги и величался «чернымъ Сэмомъ!»*

Старикъ Гримальди былъ хлѣбосоль и любилъ хорошо принимать гостей. Онъ рѣдко обѣдалъ одинъ, а въ нѣкоторые торжественные дни, напримѣръ въ Рождество, имѣлъ обыкновеніе давать большіе званые обѣды, для каковыхъ важныхъ occasій вынимались изъ сундуковъ и выставлялись на удивленіе гостямъ отличный серебряный сервизъ и другіе драгоценные предметы. Однажды, когда столъ былъ накрытъ для большаго обѣда и блисталъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, оба мальчика прокрались въ столовую съ чернымъ Сэмомъ, и дѣтскіе глазенки ихъ разбѣжались отъ восторга при видѣ такого богатства.

— Что! сказалъ негръ: хорошо? Вотъ, когда стара барыня умирать, всѣ эта хороши вещи принадлежать вамъ.

Замѣчаніе негра произвело сильное впечатлѣніе на обоихъ мальчиковъ, особенно на меньшаго, Джона, который, по молодости лѣтъ, вѣроятно, не такъ мрачно смотрѣлъ на смерть, какъ отецъ; онъ захопалъ въ ладоши, и безъ малѣйшаго признака сожалѣнія объ отцѣ, вскричалъ, какъ онъ будетъ радъ, когда всѣ эти богатые вещи будутъ принадлежать ему.

Разговоръ на этомъ и остался. Негръ отправился по своимъ дѣламъ, дѣти принялись играть, и никто уже не думалъ объ этомъ случаѣ, кромѣ отца, который случайно подслушалъ восклицаніе сына. Нѣсколько дней былъ онъ особенно задумчивъ, и наконецъ рѣшился, для

* Самъ уменьшительно — отъ Samuel, Самуилъ.

испытанія чувствъ сыновей, прибѣгнуть къ средству, которое могло придти въ голову только подобному ему чудаку, вѣчно терзавшему свое воображеніе мыслями о смерти, и привыкшему видѣть такіе случаи на сценѣ. Онъ вздумалъ именно притвориться мертвымъ: велѣлъ одѣть себя въ саванъ, положить себя въ гостиной, притворивъ ставни, и потомъ осторожно объявить дѣтямъ, что отецъ ихъ скоропостижно скончался и ввести ихъ въ комнату.

Джонъ, будучи моложе и менѣе опытенъ въ жизни, нисколько не показалъ горести; онъ видѣлъ въ смерти отца только освобожденіе отъ побоевъ и книгъ, радовался, что серебро и другія богатства отца будутъ принадлежать ему, прыгалъ по комнатѣ, пѣлъ, щелкалъ пальцами, и говорилъ, что онъ очень радъ смерти отца.

— Ахъ ты негодный мальчишка! вскрикивалъ Джо: неужели ты вовсе не любишь нашего добраго, милаго отца? Ахъ, чего-бы я не далъ, чтобы видѣть его опять живымъ!

— Та-та-та-та! возразилъ Джонъ: полно тебѣ хныкать, дуракъ ты этакой! Теперь и часы съ кукушкой и все принадлежитъ намъ однимъ.

Это было уже не въ терпѣжъ покойнику. Онъ вскочилъ со стола, отворилъ ставни и принялся немилосердно драть меньшаго сына; между тѣмъ, какъ Джо, боясь такой-же участи, убѣжалъ и забился въ чуланъ, гдѣ негръ отыскалъ его, спящаго, часа два спустя; онъ отнесъ его къ отцу, который все это время искалъ его съ безпокойствомъ, и принялъ его необыкновенно нѣжно, какъ добраго и истинно любящаго сына.

Въ это время, до 1788 года, Джо бытъ ангажированъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ поступилъ первоначально, какъ на Дрюриленскомъ, такъ и на Садлервельзскомъ театрѣ

ГЛАВА II.

1788 — 1794.

Дѣйствительная смерть отца. — Его завѣщаніе и банкротство душеприкащика. — Благородный поступокъ учителя Форда и актера Роутона. — Покровительство Шеридана. — Труды и забавы Гримальди. — Ловля насѣкомыхъ. — Мистрисъ Джорданъ. — Прислѣченіе на постояломъ дворѣ. — Первая любовь.

Изъ разныхъ печатныхъ свидѣтельствъ видно, что отецъ Гримальди умеръ въ 1787 году; въ запискахъ же его сына говорится въ нѣ-

скольких мѣстахъ, что онъ умеръ 14 марта 1788 года, отъ водяной, на восемьдесятъ седьмомъ году жизни, и погребенъ на кладбищѣ Эксмутъ-стритской часовни, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе бродить и пускаться въ свои мрачныя размышленія о смерти. Онъ оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ опредѣлилъ всю свою движимость и драгоценныя вещи продать съ публичнаго торга, вырученныя деньги присоединить къ его капиталамъ, составлявшимъ до 15,000 фунтовъ стерлинговъ, и раздѣлить поравну между обоими сыновьями, по достиженіи ими совершеннолѣтія. Душеприкащиками онъ назначилъ мистра Кинга, о которомъ говорено выше, и нѣкоего мистра Джозефа Гопвуда, кружевнаго фабриканта, имѣвшаго очень значительное состояніе, кромѣ своей богатой фабрики. Мистръ Кингъ отказался отъ возложеннаго на него порученія; мистръ Гопвудъ внесъ весь капиталъ сиротъ въ свое торговое предіриятіе, черезъ годъ обанкрутился, бѣжалъ изъ Англіи, и съ-тѣхъ-поръ не было о немъ ни слуху, ни духу. Такимъ-образомъ сироты лишились всего своего имущества, и принуждены были содержаться своимъ трудомъ и помощью добрыхъ людей.

Къ чести друзей старика Гримальди и въ доказательство уваженія и благорасположенія, которыми пользовались его вдова и сыновья, надо сказать, что помощь немедленно явилась имъ со всѣхъ сторонъ. Мистръ Фордъ, учитель Джозефа, вызвался держать его бесплатно въ своемъ пансіонѣ, и даже усыновить его. Мать однако не приняла этого предложенія. Съ другой стороны, Шериданъ, бывшій въ то время директоромъ Дрюриленскаго театра, возвысилъ жалованье Джозефа до одного фунта въ недѣлю, а матери его, съ дѣтства бывшей танцовщицею на этомъ театрѣ, позволилъ принять другой ангажементъ, на Садлервельскомъ театрѣ, что она и исполнила, такъ что ея жалованіе удвоилось, ибо оба театра, значительную часть года давали представленія въ одно и то же время.

Дирекція Садлервельскаго театра, на которомъ Джо, вскорѣ по смерти отца, продолжалъ играть по прежнему, была не такъ щедра. Его содержаніе было сбавлено съ пятнадцати шиллинговъ въ недѣлю на три, а на всѣ представленія его матери было отвѣчено, что если она недовольна этою перемѣною, то сынъ ея властенъ предложить свои драгоценныя услуги любому другому театру. Какъ ни ничтожна была предложенная плата, обойтись безъ нея было невозможно, и Джо три года оставался на Садлервельскомъ театрѣ на трехъ шиллингахъ въ недѣлю, имѣлъ присмотръ за кладовою, помогалъ то плотнику, то декоратору, однимъ-словомъ, работалъ вездѣ, гдѣ помощь его могла быть полезна.

Лишившись всего своего достоянія, семейство Гримальди должно было измѣнить свой образъ жизни, и переѣхало на болѣе скромную квартиру, въ домъ одного знакомаго, мистра Бэйли, гдѣ и прожило нѣсколько лѣтъ. Джона нельзя было уломать принять постоянный ангажементъ, потому-что у него было одно желаніе въ душѣ,—идти въ море,—и онъ ненавидѣлъ театръ. Изрѣдка однако посылали за нимъ, когда въ представленіи на Дрюриленскомъ театрѣ нужны были дѣти, и платили ему по шиллингу за вечеръ. Но его неохота была такъ явна, что актеръ Роутонъ, около этого времени купившій отъ мистра Кинга Садлервельзскій театръ, принялъ участіе въ его склонности и доставилъ ему мѣсто на кораблѣ Остъ-Индской Компаніи, готовившемся къ отплытію.

Джонъ былъ внѣ себя отъ радости; но восторгъ его былъ скоро разрушенъ открытіемъ, что для экипировки его требовалось пятьдесятъ фунтовъ, и что мать не имѣла возможности снабдить его такою суммою. Мистръ Роутонъ устранилъ и это затрудненіе, и съ готовностію, вдесятеро увеличивавшею цѣну благодѣянія, далъ ему деньги, безъ всякой росписки, сказавъ только:—«Помни, Джонъ, что ты долженъ возвратитъ мнѣ эти деньги, когда дослужишься до капитана».

На третій день послѣ того, Джонъ, простившись съ родными, отправился на свой корабль; но когда узналъ, что корабль долженъ былъ простоять еще недѣлю или полторы, ему не стало терпѣнія ждать: бросивъ всѣ свои пожитки, онъ переплылъ къ стоявшему по близости военному кораблю, снимавшемуся съ якоря, записался въ его экипажъ каютъ-юнгою, подъ вымышленнымъ именемъ, уѣхалъ, и потомъ въ-продолженіе четырнадцати лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни духу.

Джозефъ, въ это время, не былъ празденъ. Каждое утро долженъ былъ онъ отправляться изъ Дрюрилена въ Садлервельзъ, на репетиціи, которыя тогда бывали въ десять часовъ. Къ двумъ часамъ возвращался онъ въ Дрюриленъ, обѣдать; за тѣмъ, ровно къ шести часамъ, то-есть къ началу представленія, слѣдовало ему посѣтить опять на Садлервельзскій театръ, гдѣ онъ бывалъ занятъ до одиннадцати часовъ почти безъ отдыха, нотому-что переодѣвался разъ двадцать и болѣе.

Такъ прошло для него нѣсколько лѣтъ, которыхъ однообразіе ожи влялось только постоянно возраставшими успѣхами его въ искусствѣ и расположеніи публики. Это обстоятельство, конечно, не осталось безъ вліянія и на его доходы. Въ 1794 году его содержаніе на Дрюриленскомъ театрѣ было утроено, а на Садлервельзскомъ оно въ это время возрасло отъ трехъ шиллинговъ до четырехъ фунтовъ въ недѣлю. Все это время онъ жилъ съ матерью въ домѣ мистра Бэйли. Хозяинъ меж

ду-тѣмъ умеръ, а дочь его вдовы, часто провожая мистрисъ Гримальди на Сардербельзскій театръ, познакомилась съ мистромъ Робертомъ Фербротеромъ (Fairbrother), которой также игралъ на обоихъ театрахъ, вышла за него замужъ, и затѣмъ мистрисъ Бэйли приняла его въ часть въ свою скорняжную торговлю; въ этомъ ремеслѣ повезло ему гораздо лучше, чѣмъ на театрѣ.

Гримальди зарабатывалъ не одну гинею отъ мистра Фербротера, помогая ему въ досужіе часы въ выдѣлкѣ мѣховъ; нерѣдко также, бывая у дѣда, онъ помогалъ ему рубить и отвѣшивать говядину, потому только, что не могъ четверти часа просидѣть безъ дѣла. Онъ не говоритъ, не тутъ ли онъ развилъ на практикѣ искусство и ловкость, съ какими онъ въ-послѣдствіи, на театрѣ, укорачивалъ жаркія и пироги, присылаемыя для жаренія и печенія въ его пекарню, и придумывалъ разныя ухищренія для того, чтобы прибавить вѣсу говядинѣ; впрочемъ, для чести булочнаго и мяснаго цеховъ, мы готовы согласиться, что нравственные понятія, приписываемыя имъ этимъ почтеннымъ торговцамъ, были чистымъ вымысломъ.

При такихъ разнообразныхъ занятіяхъ, находилъ онъ время и для развлеченій. Онъ держалъ голубей, охотился за насѣкомыми и составилъ собраніе разныхъ бабочекъ и букашекъ, въ 4000 экземплярахъ; это собраніе, говоритъ онъ, стоило ему много времени, денегъ и труда, но какъ страстный энтомологъ, онъ былъ вознагражденъ за все это съ лихвою. Еще на старости, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ припоминалъ эти охоты, и называлъ то или другое мѣсто въ Кентѣ, или въ Сурреѣ, гдѣ онъ нашелъ какую-нибудь замѣчательную козявку. Были у него двѣ особенно любимыя букашки; одну онъ называлъ кембервельской красавицей, по причинѣ ея необыкновенной уродливости; другую дартфордской лазоревкой; послѣдней онъ имѣлъ множество экземпляровъ, которые онъ успѣлъ собрать только послѣ большихъ усилій.

Ловля ихъ происходила въ іюнѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ онъ каждый вечеръ игралъ на Сардербельзскомъ театрѣ, то могъ пуститься на охоту только по окончаніи спектакля. Бѣзвратившись домой и поужинавъ, онъ отправился около полуночи въ Дартфордъ, за пятнадцать миль отъ Лондона; прибывъ туда въ пять часовъ утра, онъ отдохнулъ и позавтракалъ у одного пріятеля, Брукса, потомъ отправился рыскать по по-

* Арлекинъ и клоунъ, въ пантомимахъ очень часто являются сначала лавочниками или ремесленниками, напримѣръ булочникомъ и его подмастерьемъ. Гримальди былъ особенно забавенъ въ въ этой роли, когда стрѣзывалъ по кусочку отъ каждого принесеннаго для печенія паштета и пудинга, по общему обычаю лондонскихъ булочниковъ. *Прим. пер.* *

лямъ. Въ первый день охота его была не совсѣмъ удачна: онъ поймалъ одну только дартфордскую лазоревку; впрочемъ на первый разъ былъ доволенъ и этою поживою, возвратился къ пріятелю, простился съ нимъ въ часъ по полудни, а въ пять былъ уже въ Лондонѣ, и одѣвшись и напившись чаю, поспѣшилъ въ театръ. Не должно было терять времени, если онъ хотѣлъ дополнить свою коллекцію, потому-что пора лазоревокъ коротка. По окончаніи пантомимы и ужина, онъ опять отправился въ Дартфордъ, и на этотъ разъ наловилъ ихъ штукъ двадцать, тщательно приколовъ ихъ булавками, и къ четыремъ часамъ по полудни былъ уже въ Лондонѣ. Но добыча его еще далеко не доходила до опредѣленнаго числа экземпляровъ; поэтому онъ очень обрадовался, узнавъ, что пантомима на этотъ день была назначена для начала спектакля, такъ, что ему можно было выѣхать изъ Лондона въ девять часовъ, и въ часъ быть въ Дартфордѣ, гдѣ онъ поужиналъ и легъ спать, истощенный двумя бессонными ночами. Слѣдующій день былъ воскресенье, и ему не нужно было возвращаться въ городъ. Все утро онъ провелъ на ловлѣ лазоревокъ, наловилъ ихъ больше, чѣмъ ему было нужно; потомъ, просидѣвъ нѣсколько часовъ у пріятеля, къ ночи отправился въ городъ; на слѣдующее же утро, вставъ въ восемь часовъ, успѣлъ къ двѣнадцати выучить новую роль и быть на репетиціи.

Мы полагаемъ, что такія упражненія, при воздержной жизни, немало содѣйствовали развитію въ Гримальди той физической силы, гибкости и ловкости, безъ которыхъ онъ не могъ-бы дойти до такого совершенства въ своемъ искусствѣ. Впрочемъ не одна страсть къ энтомологіи побуждала его къ этимъ утомительнымъ путешествіямъ; тутъ была другая, болѣе сильная причина: именно то, что онъ обѣщалъ подарить коллекцію насѣкомыхъ одной изъ самыхъ милыхъ женщинъ своего вѣка, несчастной мистрисъ Джорданъ*. И дѣйствительно, въ первый день слѣдующаго сезона, послѣ репетиціи пьесы «*Какъ вамъ угодно*», въ которой мистрисъ Джорданъ въ первый разъ исполняла роль Розалинды, онъ поднесъ ей два ящика наколотыхъ на булавки бабочекъ и букашекъ. Рассказывая, съ какимъ стараніемъ и искусствомъ онъ составлялъ эту коллекцію, желая угодить первой красавицѣ своего времени, Гримальди всегда съ нѣкоторою гордостью прибавлялъ, что мистрисъ Джорданъ

* Мистрисъ Джордонъ прославилась столько же своимъ талантомъ, какъ и романтическими обстоятельствами своей жизни. Она была превосходная комическая актриса, съ пріятнымъ голосомъ, и особенно отличалась на сценѣ своею неотразимою веселостію. Незадолго передъ смертію, къ разнымъ душевнымъ страданіямъ присоединились долги, въ которые она вошла вълѣдствіе своей довѣрчивости и благотворительности; она принуждена была бѣжать во Францію, гдѣ и умерла въ крайней нищетѣ и умственномъ разстройствѣ. *Прим. пер.*

была восхищена ею неменѣе его самого, отвезла оба ящика домой, въ своей каретѣ, и потомъ, при первой встрѣчѣ съ нимъ, порадовала его сердце сообщеніемъ, что его королевское высочество, герцогъ Кларенсъ, изволилъ смотрѣть коллекцію, и сказать, что онъ никогда не видѣлъ ничего лучшаго въ этомъ родѣ.

Единственнымъ спутникомъ Гримальди въ этихъ прогулкахъ, кромѣ его дартфордскаго пріятеля, былъ Робертъ Гомери, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ пріятеля Боба, бывшій въ то время на Садлервельзскомъ театрѣ, а потомъ, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, восхищавшій публику мелкихъ театровъ столицы. Онъ еще живъ, по-крайней-мѣрѣ былъ живъ не такъ давно, и жилъ капиталистомъ въ Батѣ. Гримальди любилъ рассказывать одно маленькое приключеніе, случившееся съ ними обоими.

Однажды они, вдвоемъ, съ ранняго утра до поздняго вечера гонялись за насѣкомыми, и возвращались съ богатою добычею, но порядкомъ утомившись и проголодавшись.

— Бобъ, сказалъ наконецъ Гримальди, я голоденъ.

— И я тоже, подхватилъ Бобъ.

— Вотъ тутъ, кажется, трактиръ, замѣтилъ Гримальди.

— Какъ нельзя болѣе кстати! сказалъ Бобъ.

Въ послѣднемъ обстоятельстве, то-есть въ *своевременномъ* явленіи трактира, Гримальди былъ не такъ убѣжденъ, какъ его пріятель. Трактиръ былъ на видъ весьма приличный, да на бѣду въ карманѣ у него не было ни мѣднаго гроша, и онъ крѣпко сомнѣвался, чтобы карманъ пріятеля былъ въ лучшемъ состояніи.

— Войдемъ, сказалъ Бобъ:—уже становится поздненько. Ты заплаатишь!

— Нѣтъ, нѣтъ, плати ты!

— Съ большимъ удовольствіемъ, еслибъ только были у меня деньги!

Гримальди сдѣлалъ преуморительную гримасу, и принялся обшаривать всѣ карманы, одинъ за другимъ; потомъ снялъ шляпу, обыскалъ ее,—нигдѣ не было и слѣда денегъ.

Между-тѣмъ пріятели приближались къ трактиру, погруженные въ печальныя размышленія о безденежьи, какъ вдругъ Гримальди увидѣлъ, что-то блестящее подъ деревомъ, поднялъ и съ разными мимическими изъявленіями радости, вскричалъ:—«шесть пенсовъ, шесть пенсовъ!»

Лицо голоднаго пріятеля прояснилось, но не на долго.—«Это просто обрѣзокъ жести!» сказалъ онъ, нахмурившись.

Гримальди перевертывалъ на всѣ стороны, потиралъ и осматривалъ находку, и утверждалъ, что это настоящія деньги, пріятель сомнительно и печально покачивалъ головой.

— Вотъ что мы сдѣлаемъ! сказалъ Гримальди: мы войдемъ въ трактиръ и спросимъ хозяина. Эти люди больше насъ насмотрѣлись на деньги и съ перваго взгляда отличать настоящую монету отъ жестианого обрѣзка. Бѣбъ согласился съ предположеніемъ спутника; они пошли къ трактиру, не переставая спорить о достоинствѣ находки. Должно замѣтить, что мелкое серебро было въ то время такъ дурно и такъ истерто, что такія сомнѣнія возникали очень часто и рѣшать ихъ было дѣло не совсѣмъ легкое.

Трактирщикъ, толстенькій, веселый человѣчекъ, стоялъ на порогѣ своего заведенія и съ кѣмъ-то разговаривалъ. Наружность и дома и хозяина была такъ пріятлива и заманчива, что когда наши пріатели подошли къ нимъ на нѣсколько шаговъ, Гомери не могъ удержаться чтобы не шепнуть Гримальди, что не благоразумнѣе ли будетъ сначала спросить хлѣба и сыру, а потомъ уже приступить къ хозяину съ великимъ вопросомъ? Гримальди кивнулъ въ знакъ согласія, и они вошли въ гостинницу и велѣли подать себѣ хлѣба, сыру и кружку пива. Когда оба утолили голодь, Гримальди взялъ пенни, который неожиданно отыскался у него въ карманѣ, и бросилъ жребій о томъ, кому идти расплачиваться. Жребій палъ на Гримальди; онъ съ важностью пошелъ къ трактирщику, и съ преуморительною торжественностью положилъ передъ нимъ на столъ сомнительную монету, прося его взять что ему слѣдуетъ.

Точно такъ, сэръ, сказалъ хозяинъ, засмотрѣвшись не на деньги, а на комически торжественную фигуру Гримальди.

— Вѣрно-ли? спросилъ Гримальди.

— Вѣрно, сэръ, покорнѣйше благодарю, отвѣчалъ трактирщикъ, не взглянувъ даже на монету, и опуская ее въ карманъ.

Гомери не спускалъ глазъ съ Гримальди, а Гримальди все съ тою же важностью и торжественностью отошелъ отъ прилавка и вышелъ изъ дому съ своимъ пріателемъ, который едва удерживался отъ смѣху.

— Такого счастья я не видалъ еще никогда! сказалъ Гримальди: эти шесть пенсовъ пришли къ намъ такъ кетати!

— То-есть этотъ жестианой обрѣзокъ! подхватилъ Гомери. Но Гримальди сталъ опять утверждать, что это были настоящія деньги; онъ и до самой старости непоколебимо отстаивалъ это убѣжденіе, основываясь на томъ, что онъ послѣ того неразъ бывалъ въ томъ же трактирѣ, и

хозяинъ никогда не жаловался. Впрочемъ, достоинство находки никогда не было дознано болѣе положительнымъ и достовѣрнымъ образомъ.

Въ началѣ 1794 года Гримальди съ матерью наняли небольшой домикъ въ шесть комнатъ, съ садомъ, въ Пентонвилѣ. Часть дома они сдали въ наемъ мистру Люису и его женѣ, артистамъ Садлервельзскаго театра, и прожили такимъ-образомъ три года; между-тѣмъ жалованье Гримальди постоянно увеличивалось, такъ что онъ начиналъ считать себя почти независимымъ человѣкомъ. Но послѣ возобновились, по обыкновенію, представленія на Садлервельзскомъ театрѣ; Гримальди произвелъ фуроръ въ новой роли, и слава его начала быстро возрастать. Къ этому времени принадлежитъ новое знакомство, имѣвшее на нѣсколько лѣтъ большое и счастливое вліяніе на его жизнь. Вотъ какъ оно образовалось.

Въ тѣ дни, когда бывали репетиціи на Садлервельзскомъ театрѣ, мать Гримальди отправлялась въ театръ съ утра и проводила тамъ весь день, обѣдала въ уборной и занималась шитьемъ. Сначала она это дѣлала по необходимости, живя слишкомъ далеко отъ театра; когда же переселилась ближе, въ Пентонвилъ, продолжала по старой привычкѣ. Рядомъ съ театромъ былъ домъ одного изъ главныхъ его владѣтелей, мистра Гьюза, который тутъ и жилъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Мисъ Мери Гьюзъ, старшая его дочь, была очень милая дѣвушка. Она очень уважала и любила старушку Гримальди и не упускала случая, чтобы придти побесѣдовать съ нею; приходила въ театральную уборную часа въ три или четыре, съ работою, и просиживала до шести, то есть до того времени, когда начинали съѣзжаться прочія актрисы. Около пяти часовъ являлся самъ Гримальди, выпить чашку чаю съ матерью, и также оставался въ уборной до шести. Такимъ образомъ молодые люди познакомились, а отъ знакомства нетрудно было перейти и къ болѣе нѣжнымъ отношеніямъ.

На другой день послѣ своего блестящаго успѣха въ новой роли, отправившись въ обычный часъ въ уборную, Гримальди случайно сошелся съ свѣю жилищею, мистрисъ Люисъ, которая была кастеляншею при театрѣ. Она осыпала его поздравленіями и похвалами, которыя онъ выслушалъ съ явнымъ нетерпѣніемъ, потому-что ему было бы гораздо пріятнѣе услышать одно слово отъ мисъ Гьюзъ, которая была тутъ же, чѣмъ безконечную рѣчь мистрисъ Люисъ. Промучивъ его съ часъ времени, она наконецъ умолила, чтобы перевести духъ, какъ случается съ самыми неутомимыми ораторами. Мисъ Гьюзъ воспользовалась этой минутой, робко подняла глаза и съ нѣкоторымъ смущеніемъ сказала,

что мистръ Гримальди, по ея мнѣнію, прекрасно исполнилъ роль, такъ хорошо, что едва ли кто былъ въ состояніи сравниться съ нимъ.

Надо сказать, что дорогою къ Садлервельзскому театру, Гримальди обдумалъ свой образъ дѣйствія, и рѣшилъ, что если мисъ Гюзъ станетъ хвалить его игру, онъ отвѣтитъ ей ловкимъ и остроумнымъ комплиментомъ, въ которомъ тонко намекнетъ на свои чувства. Онъ даже придумалъ множество такихъ комплиментовъ, которые казались ему весьма удачными; но когда мисъ Гюзъ заговорила, онъ совершенно растерялся, не могъ произнести ни одного слова, скорчилъ преуморительную рожу, покраснѣлъ, смѣшался, отвѣсилъ самый неловкій поклонъ, и пошелъ къ дверямъ, чтобы удалиться. Въ эту минуту било шесть часовъ, и онъ столкнулся въ дверяхъ съ прѣхавшими артистками. Онъ всегда былъ ихъ любимцемъ и баловнемъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, самыя бойкія и веселыя проказницы, какія бываютъ въ каждой труппѣ и въ каждомъ обществѣ, поздравивъ его сначала съ вчерашнимъ успѣхомъ, принялись подшучивать надъ нимъ.

— «Джо такой уже великій человекъ и пользуется такою всеобщою милостью, что пора ему завестись пріятельницей,» сказала одна.

Джо взглянулъ на мисъ Гюзъ, и покраснѣлъ пуще прежняго.

— «Правда! подхватила другая. — Что скажете, Джо, если вамъ предложить на выборъ одну изъ насъ?»

Джо такъ смутился и сдѣлалъ такую смѣшную рожу, что всѣ расхохотались.

— «Если не ошибаюсь, сказала тутъ мистрисъ Люисъ, — Джо давно уже подарилъ свое сердце!»

Джо между-тѣмъ стоялъ какъ вкопанный, не смѣя ни сказать слова, ни даже поднять глаза; всего досаднѣе и больнѣе было ему то, что мисъ Гюзъ слышала эти сказки и могла имъ повѣрить. Наконецъ онъ собрался съ силами и вышелъ, принялся еще тщательнѣе обдумывать свое положеніе, и пришелъ къ тому заключенію, что прелестная мисъ Гюзъ произвела неизгладимое впечатлѣніе на его сердце, что онъ не можетъ жить безъ нея, никогда не женится на другой, и будетъ невыразимо несчастенъ, если она не пойдетъ за него; онъ вывелъ еще множество другихъ заключеній въ такомъ же родѣ, которыя у молодыхъ людей всегда выводятся изъ подобныхъ посылковъ. Съ этимъ открытіемъ вторглось въ его душу множество сомнѣній и опасеній. Разность общественнаго положенія его и его возлюбленной представилась ему непреодолимою преградой къ исполненію его желанія: какое имѣлъ онъ право предполагать, что мисъ Гюзъ питала къ нему болѣе нѣжное чувство, чѣмъ простое участіе къ сыну давнишней и уважаемой знакомки? Эти размышленія ввергли его въ

такую бездну печали и душевнаго страданія, какой только может желать самый горячій влюбленный. Онъ лишился аппетита и сна, лишился своей прежней веселости; стали во всей его наружности показываться болѣзненные признаки, которые могли бы возбудить безпокойство и въ другихъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе у пациента, котораго вся будущность, все надежды зависѣли преимущественно отъ сохраненія невозмутимой веселости и неисчерпаемаго юмора.

ГЛАВА III.

1794 — 1797.

Счастливое сватовство. — Несчастный случай и Гримальдиѣво натипраніе. — Новые драматическіе успѣхи. — Вторженіе воровъ.

Можно себѣ представить, что такая внезапная перемѣна въ чело-вѣкѣ, до того времени отличавшемся веселостью, не могла укрыться отъ вниманія окружавшихъ его, и особенно матери, которая наблюдала его со всею заботливостью и нѣжностью своего родительскаго сердца. Понятно и то, что все старались угадать причину перемѣны, но никто не могъ напасть на истину. На все разспросы друзей, онъ отвѣчалъ только, что ему не здоровится, что трудное амплуа и новыя роли истощили его силы, и т. п. Всего удивительнѣе и непонятнѣе казалось его матери то, что онъ уже не показывался въ уборную, гдѣ бывалъ прежде каждый день, а пилъ чай дома, передъ отправленіемъ въ театръ, или не пилъ его вовсе. Причиною тому было то, что онъ не могъ переносить шутокъ и насмѣшекъ проказницъ актрисъ въ присутствіи мисъ Гюзъ; тѣмъ болѣе что его смущеніе иногда очень забавляло хорошенькую Мери, а ему легче было не видать ее, чѣмъ быть предметомъ ея смѣха.

Такъ прошло нѣсколько недѣль, пока добрые люди не взялись горячо за дѣло.

Однажды, во-время представленія, Гримальди вошелъ зачѣмъ-то въ уборную, и противъ всякаго ожиданія, вмѣсто старушки мистрисъ Люисъ, засталъ мисъ Гюзъ. Когда дѣвушка, въ такихъ случаяхъ, выказываетъ нѣкоторое волненіе, влюбленный становится смѣлѣе; но въ мисъ Гюзъ не видно было и признака волненія, она очень спокойно

сказала: — «Джо, что значить, что васъ не видать уже двѣ недѣли? гдѣ это вы пропадали? отчего вы не приходили къ чаю?»

Дружескій тонъ, которымъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, нѣсколько ободрилъ влюбленнаго, однако онъ тщетно силился что то сказать; языкъ его поворачивался на одно только слово: «Я нездоровъ».

— «Нездоровъ!» подхватила дѣвушка, и съ выраженіемъ такого искренняго и теплаго участія, что это одно слово перевернуло душу Гримальди; а какъ онъ дѣйствительно былъ не совсѣмъ здоровъ, и нервы его были въ очень раздраженномъ состояніи, то онъ тщетно старался принять веселый видъ; слезы брызнули изъ его глазъ. Въ первую минуту дѣвушка очень удивилась, но потомъ сказала съ глубокимъ состраданіемъ: — «Я вижу, что вы въ-самомъ-дѣлѣ больны; вы ужасно перемѣнились: что такое съ вами? ради Бога, скажите, что съ вами?»

Между-тѣмъ молодой человѣкъ, наслѣдовавшій всю болѣзненную раздражительность отца, только безъ дурной ея стороны, упалъ въ кресла, плакалъ какъ ребенокъ, и съ трудомъ могъ выговорить нѣсколько словъ, изъ которыхъ ничего нельзя было понять. Мисъ Гюзъ старалась его успокоить, а въ ту же минуту вошла мистрисъ Люисъ, и застала юную чету въ этомъ сантиментальномъ положеніи. Гримальди показалось, что онъ разыгралъ пресмѣшную сцену; онъ вскочилъ и выбѣжалъ изъ уборной.

Мистрисъ Люисъ, будучи пожилою женщиною и, слѣдовательно, гораздо поопытнѣе въ подобныхъ дѣлахъ, чѣмъ наши молодые люди, ничего не сказала о томъ, что видѣла, но обдумала эту сцену про себя, и на слѣдующее утро ласково подошла къ Гримальди, когда онъ, послѣ мучительной, бессонной ночи, одиноко и уныло бродилъ по саду, перебирая и преувеличивая въ мысляхъ все сомнѣнія и опасенія, грозившія разбить въ пухъ самую дорогую его надежду. — «Боже мой, Джо, что такое съ вами? сказала добрая старушка: — на что это похоже, Джо? да на васъ лица нѣтъ! что съ вами?»

Сначала онъ отвѣчалъ уклончиво; но какъ онъ имѣлъ безграничное довѣріе къ ея разсудительности и добротѣ, она же была мастерица своего дѣла, то кончилось тѣмъ, что онъ ей во всемъ сознался, взявъ однако съ нея слово молчать. Мистрисъ Люисъ тотчасъ вызвалась быть посредницею, обѣщала вывѣдать расположеніе мисъ Гюзъ и посоветовала ему написать къ ней письмо, чистосердечно изложивъ въ немъ свои чувства; это письмо она бралась, въ случаѣ благопріятнаго результата ея бесѣды съ мисъ Гюзъ, передать ей на слѣдующее утро.

Гримальди провелъ всѣ свои свободные часы въ этотъ день за сочиненіемъ письма, приче́мъ, разумѣется, испортилъ и изорвалъ не одинъ листъ бумаги. Наконецъ онъ удовлетворительно окончилъ это трудное дѣло, хотя письмо, по его мнѣнію, все еще не выражало и половины того, что должно бы выразить. Затѣмъ онъ отправился въ театръ, — но не вошелъ въ уборную, — и сыгралъ свою роль съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ когда-либо. Переодѣвшись со всевозможною поспѣшностью, онъ отыскалъ мистрисъ Люисъ, и она дала ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за этотъ день, которыхъ результатъ казался ей весьма благопріятнымъ, а ему очень сомнительнымъ.

Мистрисъ Люисъ воспользовалась первою минутою, когда случилась одна съ мисъ Гюзъ, чтобы заговорить объ удивительной переменѣ Джо; на что мисъ Гюзъ отвѣчала, что она сама давно это замѣтила, и сказала это такимъ тономъ, по мнѣнію мистрисъ Люисъ, какъ будто желала продолжать разговоръ, но не знала какимъ-образомъ. — «Что съ нимъ такое? спросила она наконецъ.

— «О, я уже все провѣдала, мисъ Мери! Онъ влюбленъ.

— «Влюбленъ!»

— «Да, влюбленъ по уши. Я еще не видала молодаго человѣка, который любилъ бы такъ пламенно!»

— «А кто же эта счастливица? спросила мисъ Гюзъ, разсматривая, повидимому совершенно равнодушно, какую-то лежавшую передъ нею вещь».

— «Это тайна, отвѣчала мистрисъ Люисъ. Я знаю ея имя, но она еще не знаетъ, что онъ ее любитъ; я должна завтра вечеромъ передать ей письмо, въ которомъ онъ откроетъ ей свое сердце».

— «Мнѣ было бы очень любопытно узнать ея имя!»

— «Я обѣщала ему не болтать; впрочемъ, если вы непременно хотите знать ея имя, я могу, пожалуй, посвятить васъ въ эту тайну, не нарушая слова. Я покажу вамъ адресъ письма».

Мисъ Гюзъ сказала, что ей это будетъ очень пріятно, и вскорѣ затѣмъ вышла изъ комнаты, сговорившись насчетъ времени свиданія.

Гримальди не находилъ во всемъ этомъ такихъ причинъ радоваться и надѣяться, какія видѣла мистрисъ Люисъ. Онъ отправился домой, легъ въ постель, но не могъ заснуть. На слѣдующее утро, когда мистрисъ Люисъ ушла съ его письмомъ въ Садлервельзскій театръ, онъ былъ въ такомъ сильномъ волненіи, что не зналъ, какъ перенесъ этотъ день. Въ пять часовъ онъ былъ уже въ театрѣ, и освѣдомлялся объ участи письма. — «Я не успѣла еще передать его, сказала мистрисъ Люисъ;

ступайте сами въ уборную; вы найдете ее тамъ, и попытайтесь прочесть на ея лицѣ, равнодушна ли она къ вамъ или нѣтъ».

Онъ отправился въ уборную. Мисъ Гюзъ была очень блѣдна, и глаза ея были заплаканы. Прочелъ часть; — она поспѣшила въ комнату повѣренной, и съ живостью спросила, гдѣ письмо Джо.

— «У меня», отвѣчала мистрисъ Люисъ съ лукавою улыбкою.

— «Такъ покажите же; мнѣ ужасно хочется знать, кто та, отъ которой зависитъ счастье Джо.

— «По совѣсти, я боюсь показать его вамъ, не спросивъ позволенія Гримальди.

— «Добрая, милая мистрисъ Люисъ, покажите! Еслибъ вы только знали, какъ я мучусь со вчерашняго вечера?» вскричала мисъ Гюзъ; потомъ, немного помолчавъ, прибавила съ сильнымъ волненіемъ, что она съ ума сойдетъ, если эта неизвѣстность продолжится.

— «Помилуйте, мисъ Мери, зачѣмъ вамъ сходить съ ума! Возможно ли, чтобы вы были такъ неразумны, что сами полюбили Джозефа? Ну, если вы хотите непременно, вы увидите письмо, только съ уговоромъ: общайте, что вы сами замолвите у этой особы доброе слово за бѣднаго Гримальди».

Мисъ Гюзъ колебалась; потомъ однако, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сказала, что постарается, и мистрисъ Люисъ вручила ей письмо. Едва она успѣла прочесть адресъ, какъ бросилась, или скорѣе упала, въ объятія доброй старушки.

Гримальди былъ въ это время на сценѣ, и старался сыграть роль, какъ можно лучше, потому что зналъ, что все его надежды могли основываться только на его усиліяхъ и успѣхахъ. Передъ окончаніемъ первой пьесы, онъ слышалъ, что кто-то вошелъ въ ложу мистра Гюза, — взглянулъ, — это былъ предметъ его думъ.

— Она вѣрно уже получила письмо и рѣшила мою судьбу! подумалъ онъ, и лихорадка пробѣжала по его тѣлу. Онъ отдалъ-бы все на свѣтъ, чтобы знать, въ какомъ положеніи было дѣло. Его роль требовала, чтобы онъ въ эту минуту подошелъ къ самому оркестру, къ ложѣ, въ которой сидѣла Мери; она ему кивнула и улыбнулась. Не въ первый разъ кивала и улыбалась она ему; но на этотъ разъ ея дружескій привѣтъ привелъ его въ такое волненіе и въ такую радость, что онъ забылъ, что говорилъ и что вокругъ него дѣлалось. Никто не жаловался, чтобы онъ забылъ или перепуталъ роль; изъ этого онъ заключилъ, что исполнилъ свое дѣло, какъ слѣдовало, но какимъ-образомъ? — этого онъ никогда не могъ постичь.

Замѣчательно, что во всю свою жизнь, даже въ тѣ лѣта, когда другіе люди бываютъ еще дѣтми, Гримальди былъ убѣжденъ, что счастье и несчастье, радость и горе, удача и неудача идутъ всегда объ-руку. Такимъ-образомъ, въ минуту счастья онъ всегда готовился къ какой-нибудь неудачѣ или неприятности. Въ своихъ запискахъ онъ часто говоритъ объ этомъ, и придаетъ этому большую важность. И дѣйствительно, въ тотъ самый вечеръ провалились подмостки, на которыхъ стояло десять человекъ, въ томъ числѣ и онъ. Ему сильно придавило плечи, такъ-что его пришлось отнести домой. Ему тотчасъ оказали медицинскую помощь; но онъ провелъ всю ночь въ сильныхъ страданіяхъ, которыя однако къ утру уменьшились, благодаря чудесному дѣйствию одного натиранія, которое онъ всегда держалъ наготовѣ для подобныхъ случаевъ. Это средство завѣщаль ему отецъ, а въ-послѣдствіи, когда многіе примѣры доказали его пользу, онъ подарилъ рецептъ одному извѣстному хирургу, мистру Чэмберлейну, который, въ благодарность, назвалъ это средство Гримальдиевымъ натираніемъ, и въ короткое время разбогатѣлъ отъ его продажи.

Когда Гримальди выносили изъ театра, онъ сохранилъ достаточно присутствія духа, чтобы послать за мистрисъ Люисъ, и попросить ее съ возможною осторожностью увѣдомить мисъ Гюзъ о его паденіи; потому-что она еще до того ушла домой.

Мы не намѣрены долго останавливаться на этомъ періодѣ жизни Гримальди, хотя старикъ всегда съ особенною любовью вспоминалъ время, когда онъ узналъ все высокія душевныя качества той, которую онъ любилъ такъ искренно, и которой взаимная любовь сохранилась неизгладимо въ его памяти. На другой день послѣ своего паденія, когда онъ сидѣлъ на диванѣ съ подвязанной рукой, мисъ Мери пріѣхала провѣдать его; радуясь, что онъ отдѣлался такъ дешево, и желая ему скорого поправленія, она откровенно созналась ему въ любви; такъ-что онъ въ эту минуту считалъ себя счастливѣйшимъ изъ всехъ людей, или скорѣе юношей, потому-что ему было всего шестнадцать лѣтъ. Одно только нарушало его радость. Мисъ Гюзъ твердо и непоколебимо отказывалась отъ всякой переписки и всякихъ сношеній съ нимъ безъ вѣдома родителей. И не удивительно, что это нѣсколько опечалило и обезпокоило его, когда вспомнимъ, что мистръ Гюзъ былъ человекъ богатый, а Гримальди не имѣлъ ничего, кромѣ своего таланта. Онъ употребилъ всевозможное стараніе, чтобъ перемѣнить намѣреніе своей возлюбленной; но все его убѣжденія привели только къ тому, что она обѣщала немедленно открыть свою любовь матери, на доброту и скромность которой можно было положиться. Она такъ и поступила; а мис-

трись Гюзъ, понявъ, что отъ ея рѣшенія зависѣло счастье дочери, не стала противиться, и замѣтила только, что по чрезвычайной молодости какъ Мери, такъ и своего жениха, еще рано было думать о свадьбѣ. Мистру Гюзу тайна эта была открыта, только три года спустя.

Этотъ періодъ былъ счастливѣйшимъ въ жизни Гримальди. Почти каждый день видался онъ съ своею милою Мери, въ присутствіи своей или ея матери, и по воскресеньямъ почти постоянно проводилъ весь день въ ея обществѣ. Слава его быстро утверждалась и возрастала; съ каждою новою ролью приобреталъ онъ новыхъ почитателей въ публикѣ. Однимъ словомъ, онъ жилъ въ счастіи и довольствѣ.

Гримальди съ матерью и ихъ жильцы, мистръ и мистрисъ Люисъ, занимали въ это время одни цѣлый домъ, и не имѣли даже прислуги, потому—что ихъ служанка отпросилась на побывку въ деревню, а они не хотѣли нанимать другой на нѣсколько недѣль. Однажды, въ половинѣ августа, была назначена на Садлервельскомъ театрѣ ночная репетиція, послѣ представленія. Эти ночныя репетиціи представляютъ много неудобствъ, и потому онѣ бывають только, когда трудная піеса должна быть поставлена въ короткое время. Въ настоящемъ случаѣ предстояло дать черезъ нѣсколько дней новую піесу, которой актеры не успѣли еще хорошенько разучить, поэтому и была назначена ночная репетиція, которая, по разсчету, должна была продолжаться до четырехъ часовъ утра. Мистеръ Люисъ вышелъ послѣдній изъ дому, заперъ дверь, принесъ ключъ и отдалъ его Гримальди.

По окончаніи спектакля директоръ объявилъ артистамъ, что онъ призналъ удобнымъ отложить представленіе новой піесы еще на недѣлю, и что, слѣдовательно, ночную репетицію можно отмѣнить. Артисты быстро разошлись по домамъ. У Гримальди еще было дѣло на четверть часа; поэтому его мать и мистрисъ Люисъ ушли впередъ, а онъ пошелъ потомъ съ Люисомъ и двумя другими пріятелями.

Подходя къ дому, мистрисъ Гримальди и ея жилица съ удивленіемъ увидѣли, что садовая калитка была отворена; первая замѣтила, что это непростительная небрежность со стороны мистра Люиса. Пентонвиль тогда считался еще предмѣстьемъ, и именно въ это время его опустошала очень дерзкая шайка воровъ. Нѣкоторые изъ самыхъ отчаянныхъ членовъ ея были повѣшены, другіе сосланы; но это не удерживало болѣе счастливыхъ ихъ товарищей отъ новыхъ и еще болѣе смѣлыхъ подвиговъ. Еще болѣе удивились хозяйки найдя дверь дома отпертою, и когда, осторожно отворивъ ее, увидѣли свѣтъ въ корридорѣ. Обѣ, разумѣется, принялись кричать и звать на помощь. Въ эту минуту проходилъ случайно знакомый, и предложилъ имъ свои услуги. «Побудьте

здѣсь съ мистрисъ Люисъ, сказала мистрисъ Гримальди, а я войду, и закричу, если будетъ нужна помощь».

Затѣмъ она смѣло прошла корридоръ, спустилась внизъ, въ кухню, поспѣшно высѣкла огня, и увидѣла, что кухня совершенно обобрана. Она возвратилась къ дверямъ въ то самое время, какъ Гримальди съ своими спутниками подходилъ къ дому, и сообщила имъ свое непріятное открытіе. Тотчасъ было рѣшено сдѣлать строгій осмотръ по всему дому, потому—что въ немъ могъ еще скрываться кто-нибудь изъ воровъ, застигнутый врасплохъ. Къ хозяевамъ и гостямъ присоединились еще два ночные сторожа, принятые въ эту почетную должность, какъ водилось обыкновенно въ тѣ времена, по старости лѣтъ и неспособности къ трудной работѣ. Такимъ—образомъ весь отрядъ вступилъ въ домъ, женщины съ аханіемъ и оханіемъ, мужчины съ проклятіями и ругательствами. Въ домѣ повсюду былъ беспорядокъ, но воровъ не оказалось; шкафы, комоды и сундуки взломаны и обобраны; все было унесено, не исключая большого платка, который мисъ Гюзъ сама вышила для будущей свекрови. Гримальди и его пріятель мистръ Кингъ вооружились бичомъ и заржавѣлымъ палашомъ, и предоставивъ остальнымъ хныкать надъ пустыми сундуками, сами отправились осмотрѣть садъ, который съ боку отдѣлялся отъ смежнаго сада заборомъ фута въ четыре вышины, а сзади заборомъ футами двумя выше перваго, отъ огромнаго поля.

Ночь была темная; они долго шарили по всему саду, и никого не находили. Гримальди взобрался на болѣе высокій заборъ, и посмотрѣвъ черезъ низшій, увидѣлъ человѣка, готовившагося соскочить съ забора сосѣдняго сада въ поле. Воръ, — не подлежало сомнѣнію, что это былъ одинъ изъ воровъ, — увидѣлъ Гримальди, и принявъ его за одного изъ своихъ товарищей, остановился и тихо окликнулъ его: «Беть! беть! ты ли?»

— Я! отвѣчалъ Гримальди, приближаясь; и воръ, услышавъ чужой голосъ, едва успѣлъ соскочить съ забора, какъ Гримальди со всѣхъ силъ хватилъ его палашомъ. Воръ ужасно вскрикнулъ отъ боли, и упалъ; но тотчасъ же вскочилъ опять на ноги, и пропалъ въ темнотѣ. Гримальди закричалъ своему пріятелю, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ въ калитку, а самъ соскочилъ въ поле и погнался за бѣглецомъ, но пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, запнулся на лежавшую на травѣ корову, и упалъ. При этой невольной пантомимической штукѣ, онъ могъ бы тяжело ранить себя собственнымъ оружіемъ, еслибъ театральныя упражненія въ фехтованіи не научили его безопасно носить оружіе.

Поискавъ еще нѣсколько времени понапрасну, пріятели отправились домой. По осмотрѣ палаша, онъ оказался въ крови.

Между-тѣмъ явился констебль, и взявъ съ собою двухъ ночныхъ сторожей, отправился на поискъ, общая взять воровъ, живыхъ или мертвыхъ,—и отыскать похищенное имущество.

Гримальди принялся утѣшать дамъ и разставлять по мѣстамъ вещи, которыхъ воры не успѣли захватить. Ему тотчасъ попался на глаза платокъ, подаренный его матери ея futureю невѣсткою. Онъ поднялъ его, и изъ него тяжело выпала на полъ маленькая античная коробка. Мать всплеснула руками и съ живостью вскричала, еще громче, чѣмъ когда узнала, что домъ ограбленъ: «Мои деньги, мои деньги!»

— Чтo случилось, того не передѣлать! говорили со всѣхъ сторонъ: подумайте о бѣдной мистрисъ Люисъ, которая пострадала не меньше васъ.

Сравненіе было не совсѣмъ вѣрно, потому-что въ коробкѣ, которая подъ платкомъ какъ-то ускользнула отъ глазъ воровъ, было тридцать семь гиней; у мистрисъ же Люисъ было украдено все рѣшительно, и потому понятно что она просидѣла весь ужинъ повѣсивъ голову, и что ни увѣщанія друзей, ни утѣшенія старушки Гримальди, которая ободрилась послѣ того, какъ нашла свою коробку съ гинеями, не могли разсѣять ея горя. Послѣ ужина, друзья удалились, а хозяева принялись за надлежащія приготовления ко сну. Эти приготовления имѣли свою смѣшную сторону: оказалось, что никто не рѣшался почевать одинъ въ комнатѣ, и-наконецъ было рѣшено всѣмъ провести ночь вмѣстѣ. Въ гостиную притащили тюфяки, на которыхъ расположились дамы, не раздвѣаясь; мистръ Люисъ усѣлся въ кресла, а Гримальди въ другія; послѣднему, по общему соглашенію, досталось помѣститься аванпостомъ, у двери и лицомъ къ ней, для чего онъ зарядилъ два пистолета, обтеръ палашъ, и разложилъ всѣ эти оружія около себя.

Нѣсколько времени было тихо, и всѣ начали уже дремать, какъ вдругъ у задней двери, выходившей въ садъ, раздался громкій и продолжительный стукъ. Всѣ вскочили и взглянули другъ на друга. Дамы вскрикнули бы, еслибъ отъ страха не отняли у нихъ языки; мужчины вѣроятно расхохотались бы, еслибъ тоже чувство не сковало ихъ ртовъ, такъ что они не могли согнуть ихъ даже въ простую улыбку. Всѣ были увѣрены, что воры возвратились за остальною добычею. Гримальди первый ободрился, и обращаясь къ Люису съ самою уморительною гримасою, сказалъ: «Я сторожу здѣсь; такъ ужъ вы, дружище, ступайте посмотрѣть, чтo это тамъ за шумъ!»

Мистръ Люисъ очевидно былъ не совѣтъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Онъ подумалъ, боязливо взглянулъ на жену, и отвѣчалъ, что онъ охотно сдѣлалъ бы угодное мистру Гримальди, но не чувствуетъ въ себѣ рѣшимости идти къ дверямъ. Затрудненіе было наконецъ разрѣшено приговоромъ общаго совѣта, который опредѣлилъ: мистру Люису идти въ коридоръ, а Гримальди тихонько пробраться наверхъ, и изъ окна рекогносцировать непріятеля. Такъ и было сдѣлано. Стукъ за дверьми между-тѣмъ все продолжался и становился сильнѣе. Гримальди, вооруженный двумя пистолетами и палашомъ, и болѣе похожій на Робинсона Крузоа, чѣмъ онъ когда-либо бывалъ на театрѣ, въ роляхъ матроса, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, или маленькаго клоуна, взглянулъ въ окно и окликнулъ стучавшихся такимъ голосомъ, въ которомъ слышны были и безпокойство, и желанія побудить сосѣдей къ принятію участія въ предстоявшихъ переговорахъ. Это было часу въ третьемъ ночи. Въ полусвѣтѣ занимавшейся зари онъ различилъ двухъ человѣкъ, несшихъ что-то, повидому очень тяжелое, но не могъ разглядѣть, что именно. Во всякомъ случаѣ это не могло быть огнестрѣльное оружіе, и эта мысль нѣсколько успокоила его.

— Эй! кто тамъ? закричалъ онъ, выставляя сколько возможно на видъ пистолеты и палашъ. «Что тамъ такое?»

Отворите же! отвѣчалъ одинъ изъ стучавшихся; насилу то мы васъ добудились! ужъ думали, что придется идти домой не доставившись!

— А какая вамъ нужда будить насъ?

— А за имуществомъ-то!

— Зачѣмъ?

— Ну, да за украденнымъ имуществомъ! Мы обшарили все поле; и нашли!

Дверь тотчасъ отворилась, и ночные сторожа внесли два огромные мѣшка, которые были немедленно разобраны. Они заключали всѣ похищенные вещи, до послѣдней бездѣлушки, и въ придачу разныя отмычки, долота, клещи, подпилки, и другіе снаряды для взлома домовъ. Ночные сторожа были отпущены съ десятью шиллингами на брата и безконечными изъявленіями благодарности, а хозяева сѣли за завтракъ гораздо веселѣе, чѣмъ сѣли наканунѣ за ужинъ.

Само-собою разумѣется, что пошли самые разнообразныя толки о томъ, кто бы могли быть воры. Имъ очевидно было извѣстно о ночной репетиціи, назначенной на Садлервельзскомъ театрѣ, и они успѣли бы счастливо убраться съ добычею, еслибъ не была репетиція неожиданно отмѣнена. До отъезда служанки не было ни одного воровскаго покушенія на домъ, и хозяйки почти готовы уже были подозрѣвать ее; одна-

ко, подумавъ хорошенько, нашли это подозрѣніе неосновательнымъ, потому-что дѣвушка была дочь честныхъ родителей; ея дядя сорокъ лѣтъ состоялъ старшимъ портнымъ при театрѣ, а тетка когда-то была въ услуженіи у Гримальди, и служила вѣрно и честно. Сама же она получила хорошее воспитаніе, была въ домѣ уже пятый годъ, и всегда служила честно. Но кто бы ни были воры, слѣдовало защитить домъ на будущее время, и потому немедленно былъ призванъ плотникъ, и велѣно ему придѣлать къ дверямъ двойныя задвижки и крѣпкіе запоры. Несмотря на эти мѣры предосторожности, женщины долго не могли оправиться отъ страха и долго еще дрожали отъ малѣйшаго стуку, или шороху, послѣ сумерокъ. Одинъ изъ театральныхъ сторожей, дежурившій только послѣ одиннадцати часовъ, былъ приглашенъ стеречь домъ въ отсутствіе служанки; онъ являлся каждый вечеръ и уходилъ непрежде одиннадцати часовъ, то-есть когда хозяева возвращались сами.

Служанка также не мало удивилась и испугалась, когда, пріѣхавъ изъ деревни, узнала о сдѣланномъ въ ея отсутствіе покушеніи. Однако, когда ее спросили, не будетъ ли ей страшно оставаться одной, она объявила, что не боится воровъ и будетъ сидѣть дома одна, только бы ей позволили разводять огонь въ каминѣ въ комнатѣ мистра Люиса, чтобы воры думали, что господа дома, да дали бы ей большую трещотку, чтобы созывать сосѣдей на помощь въ случаѣ опасности. Желаніе ея было исполнено, и сверхъ-того дано на водку ночному сторожу, котораго будка стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, чтобы онъ усердно посматривалъ за нимъ, и въ случаѣ нужды немедленно шелъ на помощь.

Воры не удовольствовались тѣмъ, что потаскали все, что казалось имъ годнымъ, но оставили по себѣ еще другую память; взломивъ шкафъ въ кабинетѣ Гримальди, они безпошдно уничтожили богатое собраніе насѣкомыхъ, кромѣ разныхъ моделей, рисунковъ, красокъ. Для вторичнаго составленія такого собранія потребовались бы самому неутомимому и опытному собирателю нѣсколько лѣтъ труда, а чтобы купить его, надо было издержать, по-крайней-мѣрѣ, двѣсти фунтовъ стерлинговъ. Это несчастіе отбило навсегда у Гримальди охоту къ энтомологіи, и на слѣдующій же день онъ подарилъ одному пріятелю небольшой ящикъ насѣкомыхъ, уцѣлѣвшій какъ-то изъ всего собранія, и цѣлый приборъ для ихъ ловли.

По прошествіи нѣкотораго времени, принятые мѣры предосторожности совершенно успокоили жильцевъ, а недѣли черезъ двѣ они забыли всякій страхъ, тѣмъ болѣе, что воры, думали они, встрѣтивъ такую неудачу въ первомъ своемъ покушеніи, едвали рѣшатся на второе. На первый взглядъ, заключеніе было, пожалуй, довольно основательное; да

воры ихъ не спросились. Напротивъ того, на третій же день по возвращеніи служанки, они сдѣлали вторичное нападеніе на домъ, о чемъ будетъ разсказано въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

1797 — 1798.

Второе покушеніе воровъ.—Бесѣда Гримальди съ мистромъ Тротомъ, военная хитрость и успѣхъ ея въ третье нападеніе. — Магнетическая сила пантомимъ и великолѣпныхъ спектаклей.—Поездка въ Гревендъ и Чатамъ. — Непріятная встрѣча съ недоброжелательнымъ другомъ и пріятное путешествіе, какого можно пожелать всѣмъ путешественникамъ.

Два вечера прошли безъ всякихъ тревогъ. На третій, въ то время, какъ служанка работала на кухнѣ, ей послышался шумъ за дверью, выходящую въ садъ, какъ-будто ее пытались взломать. Она тихонько вышла въ коридоръ, и увидѣла, что замочная ручка сильно двигалась вверхъ и внизъ: кто-то сильно толкалъ дверь. Въ первую минуту страха она принялась кричать; но это нисколько не испугало воровъ; напротивъ того, они удвоили свои усилія, такъ что, какъ въ-послѣдствіи оказалось, сорвали дверь съ петель. Еслибъ она подалась нѣсколькими минутами раньше, служанку, безъ сомнѣнія, зарѣзали-бы. Но дѣвушка скоро опомнилась, подбѣжала къ передней двери, поспѣшно отворила ее, и подняла такой шумъ своею трещоткою, что немедленно сбѣжались сторожа и почти всѣ сосѣди. По всему дому и саду былъ сдѣланъ обыскъ, но воры успѣли убѣжать.

Это второе покушеніе воровъ было такъ смѣло и нагло, что ужасъ хозяевъ возобновился еще съ большою силою противъ прежняго. Всю ночь были въ домѣ караульные; всѣ дрожали отъ страха и приходили въ отчаяніе. На слѣдующее утро положено было принять новыя мѣры для обороны дома: обѣ двери были укрѣплены какъ крѣпостныя ворота, а Гримальди отправился въ Геттонъ-гарденъ, въ окружное полицейское правленіе, просить о помощи и защитѣ. При этомъ полицейскомъ управленіи находился въ то время опытный и смѣшленный сыщикъ, по имени Тротъ, который не рѣдко командировался для помощи къ дежурившимъ въ театрѣ констеблямъ, когда ожидалось особенно большое стеченіе народа. Когда Гримальди пришелъ въ правленіе, Тротъ вышелъ къ нему навстрѣчу и сказалъ, что самъ только собирался къ нему.

— Такъ вы уже слышали? спросилъ Гримальди.

— Еслибъ только слышалъ, въ этомъ еще мало было бы толку!

— Такъ что жь? схватили воровъ?

— Покаместъ нѣтъ еще; до-сихъ-поръ они у меня проходили сквозь пальцы. Когда они взялись за промыселъ, въ шайкѣ было человѣкъ двадцать по-крайней-мѣрѣ. Изъ нихъ человѣкъ шестнадцать или семнадцать получили должное наказаніе, а что осталось изъ шайки, вотъ тѣ-то и были у васъ. Должно полагать, у нихъ въ Пентонвилѣ гдѣ-нибудь притонъ. Они чуть ли не хуже всѣхъ воровъ, что ни есть въ Лондонѣ; — на все готовы, ничего не боятся!

Эти свѣдѣнія были вовсе неутѣшительны. Тротъ замѣтилъ безпокойство Гримальди, и продолжалъ. — Будьте спокойны, сэръ. Эти разбойники хотятъ только отмстить за то, что первая ихъ попытка окончилась такъ неудачно.

— Это ужасное положеніе! вскричалъ Гримальди.

— Гмъ! — вѣрю! особенно когда вспомнишь, что у нихъ угроза никогда не остается безъ исполненія. Но будьте спокойны, мистръ Гримальди.

— Они вчера были опять...

— Знаю; и сообщу вамъ еще тайну: они будутъ опять въ нынѣшнюю ночь.

— Какъ, опять? нынче?

— Такъ вѣрно, какъ то, что я здѣсь стою и говорю съ вами; и если у васъ въ домѣ мало народу, и вы не надѣетесь съ ними справиться...

— Всего, кромѣ меня, три женщины и одинъ мужчина!

— Ну этого мало, — безъ сомнѣнія, слишкомъ мало.

— Моя мать умретъ со страху!

— До бѣды не далеко! у меня тоже покойница матушка, — царство ей небесное! — скончалась въ-слѣдствіе подобнаго испуга.

Во всемъ этомъ было мало утѣшительнаго, и Гримальди смотрѣлъ на Трота безпокойнымъ, вопрошающимъ взоромъ; Тротъ подумалъ немножко, и сказалъ, что кажется, ему пришла въ голову хорошая мысль.

— Какъ же вы полагаете поступить? спросилъ Гримальди. Скажите, я вамъ буду безконечно благодаренъ; я готовъ на всякое пожертвованіе.

— Объ этомъ и не говорите. Отдайтесь только совершенно въ мои руки, и я спасу васъ и ваше имущество, и поймаю воровъ.

Тротъ пошелъ съ Гримальди на его квартиру, въ одну минуту обозрѣлъ ее своимъ орлинымъ взоромъ, и объявилъ, что ручается за полный успѣхъ своего плана, если только всѣ его распоряженія будутъ

исполнены въ точности. — Нужно будетъ, продолжалъ онъ съ важностью, обращаясь къ собравшимся обитателямъ дома, необходимо нужно будетъ изъ нижняго этажа все вынести, что не запирается плотно, или не заколочено наглухо, и предоставить домъ въ полное мое распоряженіе на одну ночь или, по-крайней-мѣрѣ, на все время, пока дорогіе гости не будутъ провожены съ надлежащимъ почетомъ.

Всѣ приказанія его были въ точности исполнены, и въ пять часовъ пополудни онъ явился опять, принять ключи дома. Хозяева отправились, по обыкновенію, въ театръ, оставивъ мистра Трота одного въ домѣ, потому-что даже служанка была отослана къ сосѣдямъ.

Онъ старался по возможности не подходить къ окнамъ, а въ сумерки осторожно и безъ шума выпустилъ черезъ садъ двухъ товарищей. Одинъ изъ нихъ замкнулъ и заложилъ болтами и засовами кухню, выходящую на улицу, въ подвальномъ этажѣ; другой заперся и укрѣпился такими же болтами въ жилыхъ комнатахъ верхняго этажа, а самъ мистръ Тротъ расположилъ главную квартиру въ покояхъ нижняго этажа. Наружная дверь въ садъ была также заперта и укрѣплена болтами; дверь же на улицу только замкнута.

Долго ничто не нарушало глубокой тишины, а гарнизону, безъ сомнѣнія, это время казалось еще длиннѣе, потому-что онъ оставался въ темнотѣ. Наконецъ раздался тихій стукъ въ наружную дверь съ улицы. Въ домѣ ничто не шелохнулось, и стукъ нѣсколько разъ повторился громче и смѣлѣе. Еще нѣсколько минутъ спустя, дверь съ улицы была отперта отмычкой; въ корридорѣ сталъ раздаваться шорохъ двухъ паръ мужскихъ ногъ; гости тщательно заперли и заложили за собою дверь, потомъ вытащили изъ-подъ платья два глухіе фонаря, и пошли на верхъ. Найдя дверь верхняго этажа запертою и крѣпко заложенною, они спустились опять внизъ, и попытались пробраться въ тѣ покои, гдѣ поселился Тротъ. Онъ между-тѣмъ приложилъ ухо къ замочной щели и отъ души смѣялся дуракамъ. Встрѣтивъ и тутъ отпоръ, воры сошли въ подвальный этажъ, и порядкомъ удивились, что одна кухня была заперта, а другая настежь. Они заглянули въ послѣднюю, и затѣмъ возвратились въ первый этажъ.

— Сегодня, намъ кажется, никто не придетъ помѣшать, сказалъ одинъ, входя по лѣстницѣ: — такъ не станемъ же тратить времени! Но взгляни ка, братъ, сюда!

— Что тамъ такое? спросилъ другой.

— Взгляни только на эту дверь; что за здоровые болты, да перекладины! и замки всѣ патентованные! Вѣдь все это заведено со вче-

рашняго нашего посѣщенія. Долго пришлось бы намъ тутъ поработать, и отступить ни съ чѣмъ!

— Дай-ка отворимъ, оно вѣрнѣе; неравно прицрутъ насъ съ той стороны, такъ было бы куда ударъ, по вчерашнему!

— Легко сказать отворить! Только пропасть времени уьемъ понапрасну, да поднимемъ такой шумъ, что всѣхъ сосѣдей разбудимъ. Давай лучше скорѣй приниматься за дѣло; сегодня вѣдь нѣтъ ночной репетиціи!

Оба засмѣялись и рѣшились начать съ комнаты, въ которой заперся Тротъ: мигомъ отомкнули замокъ, посредствомъ отмычки, и стали толкать дверь, но болты крѣпко держались.

— Тьфу, пропасть! вскричалъ одинъ, всею тяжестью тѣла напирая на дверь: — не подается, ты тутъ себѣ хоть тресни!

— Такъ начнемъ съ той кухни, что отворена, сказалъ другой: тотъ разъ мы въ ней нашли порядочную поживу. Пойдемъ!

— А скажи, Томъ, хотѣлось бы тебѣ узнать, кто тебя намеренъ такъ отпочивалъ палашомъ?

— Еще бы не хотѣть! Узнай я только, кто это былъ, да чтобы мнѣ на мѣстѣ провалиться, еслибъ я заставилъ долго себя ждать, и не отместилъ ему за себя! Пойдемъ къ дѣлу!

Они пошли внизъ, а Тротъ, потихонько отдернувъ болты, кошкою прокрался за ними по корридору, до наружной двери, замкнулъ ее и опустилъ ключъ въ карманъ; потомъ, остановившись на площадкѣ подвальной лѣстницы, сталъ съ душевнымъ удовольствіемъ прислушиваться къ изъясненіямъ удивленія воровъ, когда они принялись отворять шкафъ за шкафомъ, ящикъ за ящикомъ, и нигдѣ ничего не находили. — Вотъ-то притча, все повыгаскано! сказалъ одинъ; тьфу пропасть! чѣмъ это такое значило?

Тротъ выстрѣлилъ изъ пистолета холостымъ зарядомъ и поспѣшно удалился въ свою крѣпость. Это былъ сигналъ, по которому его два помощника должны были выйти изъ своихъ убѣжищъ. Воры бросились опрометью наверхъ, къ выходу; но дверь была заперта, и ихъ безъ труда схватили, связали, и отвели съ торжествомъ въ безопасное мѣсто.

Вскорѣ затѣмъ возвратились сами хозяева, и приняли квартиру отъ оставленнаго для того полицейскаго служителя. Гримальди на другое утро поѣхалъ опять въ Геттонъ-гарденъ, гдѣ въ первый разъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ лицо воровъ. Онъ и полицейскіе подали свои объявленія, личность воровъ была удостовѣрена, и мирный судья отдалъ приказъ о содержаніи ихъ въ тюрьмѣ, до слѣдующихъ засѣданій ассизнаго суда. Гримальди долженъ былъ дать подписку и залогъ въ томъ, что не отступится отъ иска. При производствѣ процесса, присяжные

единогласно признали подсудимых виновными, и они были сосланы въ каторжную работу.

Этотъ анекдотъ бросаетъ яркій свѣтъ на состояніе Лондона и его окрестностей, въ этомъ отношеніи, въ концѣ прошлаго вѣка. Дерзкіе, неустрашимые разбойники, развѣзжавшіе прежде верхами по большимъ дорогамъ, уже давно перевелись; но грабительскія шайки другаго рода, не столь сильныя и многочисленныя, опустошали столицу и предмѣстья съ такою дерзостью, о какой мы не можемъ составить себѣ и понятія. Въ наше время случай въ родѣ разсказаннаго доставилъ бы на три мѣсяца пищи всѣмъ журналамъ, а Лондонъ и всѣ окрестности, на тридцать миль вокругъ, всплеснули бы руками отъ удивленія и ужаса, услышавъ, что одни и тѣже люди отважились три раза возобновлять нападеніе на одинъ и тотъ же домъ.

При слѣдствіи открылось, что два схваченные вора были послѣдніе пѣзъ всей шайки, и это извѣстіе успокоило и очень обрадовало пентонвильскихъ жителей, избавивъ ихъ отъ опасенія, чтобы не отыскались новые мстители за судьбу товарищей. Несмотря на то, Гримальди и его мать не могли уже вполне примириться съ своею квартирою, которая все еще наводила на нихъ какой-то страхъ. Сверхъ-того, Гримальди разсудилъ, что пора наконецъ думать о женитьбѣ, и не отчаявался уже, какъ прежде, въ согласіи отца его невѣсты, съ-тѣхъ-поръ какъ мать ея была за него. Поэтому онъ рѣшился искать другой квартиры, и устроить ее сообразно съ своими настоящими средствами. Онъ разсчитывалъ, что мистръ Гюзъ будетъ сговорчивѣе, когда увидитъ, что женихъ можетъ ввести молодую въ квартиру, если не богатую, то все-таки приличную и красивую, и держать ее почти на такой же ногѣ, какъ она привыкла жить въ родительскомъ домѣ. Поэтому онъ объявилъ домохозяину о своемъ намѣреніи отказаться, и обошелъ, въ сопровожденіи миссъ Гюзъ, всѣ свободныя квартиры по сосѣднимъ улицамъ, отыскивая такую квартиру, которая пришлась бы по вкусу обоимъ. Пентонъ-стритъ былъ въ то время для Пентонвильскаго предмѣстья тоже, что Сентъ-Джемъ-стритъ въ болѣе аристократическихъ частяхъ города, и потому онъ былъ очень доволенъ, найдя въ этой улицѣ удобную и приличную квартиру, которую онъ отдѣлалъ совершенно по вкусу и назначенію миссъ Гюзъ.

У него было много свободнаго времени для мечтанія о будущемъ своемъ счастьи и для надзора за отдѣлкою новой квартиры, потому-что на Садлервельскомъ театрѣ представленія прекращались въ концѣ октября, а на Дрюриленскомъ должны были начаться только къ Рождеству, да и тогда не предвидѣлось много занятій для Гримальди, развѣ только директоры вздумали бы поставить новую пантомиму. Но директоры

нѣсколько лѣтъ уже замѣняли, и на этотъ разъ предполагали также замѣнить пантомиму великолѣпнымъ спектаклемъ. По мнѣнію Гримальди, эта перемена была не къ лучшему, а скорѣе къ худшему. Съ незапамятныхъ временъ никакой театръ не могъ обойтись безъ святочной пантомимы, и публика ожидала ее, какъ необходимаго условія; праздникъ былъ бы не въ праздникъ. Великолѣпные спектакли, въ родѣ «Рауля, синей бороды», «Рыцарскихъ вѣковъ», «Лодоиски» и тому подобнаго, давали очень хорошіе сборы, однако сомнительно было, чтобы эти сборы подходили къ тому, что доставляли пантомимы на Ковентгарденскомъ театрѣ. По-крайней-мѣрѣ такъ должно заключить изъ примѣра Дрюриленскаго театра, который счелъ наконецъ нужнымъ возвратиться къ пантомимамъ, и совсѣмъ бросилъ великолѣпные спектакли.

Гримальди участвовалъ во всѣхъ этихъ пьесахъ, начиная съ «Синей бороды»; но въ нихъ было мало работы, къ особенному его удовольствію, потому-что онъ предпочиталъ общество миссъ Гюзъ всѣмъ рукописаніямъ публики.

Къ концу февраля новая квартира была готова и Гримальди напомнилъ миссъ Гюзъ, что пора назначить день свадьбы, тѣмъ болѣе, что по случаю непостановки пантомимы, онъ совершенно свободенъ. Она отвѣчала, что за нею остановки не будетъ, какъ скоро онъ испроситъ согласіе ея отца. Этотъ отвѣтъ не вполне удовлетворялъ Гримальди, частью потому, что это значило отсрочивать его счастье на неопредѣленное время, частью же потому, что задача была для него весьма нелегкая. Онъ возразилъ, что невозможно обратиться къ мистру Гюзю, такъ какъ онъ выѣхалъ изъ Лондона.

— Тѣмъ лучше, сказала миссъ Гюзъ: я знаю, что ты никогда не соберешься съ духомъ объясниться съ нимъ лично; такъ напиши ему; онъ будетъ отвѣчать непременно съ первою почтою.

Мистръ Гюзъ былъ въ это время въ Эксетерѣ. Гримальди сочинилъ съ немалымъ трудомъ сообразное обстоятельствомъ посланіе, представилъ его на разсмотрѣніе миссъ Гюзъ, и по утвержденіи ею переписалъ и отправилъ на почту. На другой день Мери поѣхала въ Гревзендъ, погостить у одной-подруги. Ни въ какое время разлука съ невѣстою не могла быть такъ тягостна для бѣднаго Гримальди; ея общество было нужно для того, чтобы успокоивать его и поддерживать его надежды. Прошло пять дней, а онъ не получалъ отвѣта отъ ея отца, и готовъ былъ впасть въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ никакого занятія, которое насильно отрывало бы его отъ мрачныхъ думъ и тревогъ. Зато, какъ обрадовался онъ, получивъ отъ Мери приглашеніе съѣздить на слѣдующее воскресенье по Темзѣ въ Гревзендъ. Онъ совер-

шил поѣздку удачно и въ довольно короткое время, что было въ тѣ времена особеннымъ счастьемъ, потому-что тогда по Темзѣ ходили только парусныя суда, пассажиры же были въ совершенной зависимости отъ прилива и отлива, вѣтра и погоды, и должны были довольствоваться тѣмъ, что достигали мѣста назначенія, не взыскивая за лишнее время, потраченное на проѣздъ. Мери ожидала его на пристани; она объяснила ему, что сообщила тайну своему брату, стоявшему съ полкомъ въ Чатамъ, и что они проведутъ день у него.

— «Джозефъ, сказала она, когда они ѣхали вдвоемъ въ Чатамъ и послѣ первыхъ привѣтствій, необходимыхъ между женихомъ и невестой; Джозефъ, расскажи же мнѣ все, какъ было. Что пишетъ отецъ?»

— «Отъ него еще нѣтъ отвѣта!»

— «Нѣтъ еще? странно! Его все знаютъ, какъ самаго аккуратнаго человѣка!»

— «Я однако не получилъ отъ него ни строчки!»

— «Такъ напиши въ другой разъ, Джо, и безъ отлагательства. Сегодня ужъ будетъ поздно, а надо писать завтра, непременно. Его молчаніе удивляетъ меня.»

— «И меня также.»

— «Должно полагать, что онъ былъ занятъ какимъ-нибудь необыкновенно важнымъ дѣломъ, когда получилъ твое письмо, и что ему некогда было писать.»

Они мысленно объяснили себѣ молчаніе мистра Гьюза согласно собственнымъ желаніямъ, и затѣмъ, оставивъ этотъ предметъ въ покоѣ, провели день очень пріятно въ обществѣ молодаго Гьюза; вечеромъ возвратились въ Гревендъ, а въ одиннадцать часовъ Гримальди былъ уже на пути въ Лондонъ. Миссъ Гьюзъ обѣщала воротиться въ городъ въ слѣдующую субботу.

Въ каютѣ Гримальди неожиданно встрѣтился съ мистромъ Кливомъ, кассиромъ Садлервельскаго театра. На театрѣ водятся соперничества и вражды, точно также какъ въ бальной залѣ, въ школѣ и вездѣ. Кливъ враждовалъ съ Гримальди, — не за себя конечно, потому-что между-ними собственно не было ничего общаго, — а за одного мистра Гартленда, котораго слава совершенно померкла передъ славою Гримальди; онъ былъ также въ садлервельской труппѣ пантомимнымъ и мелодраматическимъ актеромъ, и по отзывамъ самаго Гримальди, былъ артистъ дѣльный и съ большимъ дарованіемъ. Мистръ Кливъ ненавидѣлъ Гримальди изъ дружбы къ Гартленду, такъ что эта встрѣча была довольно непріятна; еслибъ онъ только увидѣлъ съ нимъ миссъ Гьюзъ, непременно вышли бы какія-нибудь сплетни.

— «Вы ли это, Гримальди? Какими судьбами вы здѣсь?»

— «Такими же судьбами, какъ вы сами и всѣ другіе пассажиры: ѣду назадъ въ Лондонъ.»

— «Это я вижу; но какое дѣло привело васъ въ Гревзендъ.»

— «Собственно въ Гревзендъ не было у меня никакого дѣла; я какъ сошелъ съ пакетбота, такъ тутъ же поѣхалъ въ Чатамъ.»

— «Гмъ! вотъ оно какъ!»

Кассиръ скорчилъ очень недовольное лицо, изъ котораго ясно было видно, что онъ весь день рыскалъ по Гревзенду, желая выслѣдить Гримальди. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ: — «А я такъ думалъ, что вы были приглашены въ Гревзендъ на обѣдъ, къ одной молодой особѣ.»

Гримальди тотчасъ догадался, что кассиръ провѣдалъ о пребываніи миссъ Гюзъ въ Гревзендѣ и собственной его поѣздкѣ, и что онъ послѣдовалъ за нимъ съ благонамѣренною цѣлью что-нибудь подсмотреть и передать попринадлежности. Онъ былъ очень радъ, что Кливъ не видалъ его съ *молодою особою*, и предоставивъ сплетника собственнымъ размышленіямъ, отправился на палубу, предпочитая свѣжесть ночи холоду, который навела на него бесѣда кассира.

На палубѣ оставалось одно свободное мѣсто, на скамейкѣ, занимаемой однимъ сосѣдомъ, его женою, сестрою жены и подругою послѣдней, молоденькою и хорошенькою дѣвушкою, закутанною въ огромный непромокаемый плащъ. Гримальди сѣлъ подлѣ нея. Сосѣдъ, любившій позабавиться и пошутить, видя, что Гримальди дрогъ отъ холоду, пригласилъ подругу невѣстки подѣлиться съ сосѣдомъ плащемъ, котораго хватить на двоихъ. Дѣвушка покраснѣла по уши и засмѣялась; но послѣ нѣкотораго колебанія сняла съ руки правый рукавъ, подала его Гримальди, и они завернулись оба въ одинъ плащъ, какъ на рынкахъ показываютъ исполненскія шинели. Такъ совершили они всю поѣздку, и Гримальди всегда увѣрялъ, что это весьма пріятный способъ согрѣваться въ дорогѣ, въ чемъ мы, съ своей стороны, не станемъ ему противорѣчить: «Смѣйтесь, смѣйтесь, говорилъ онъ хохотавшимъ пассажирамъ; мы и сами смѣялись бы, еслибъ было чѣмъ отогрѣть себя изнутри, какъ этотъ плащъ согрѣваетъ снаружи!»

— «А чего бы вы пожелали для этой цѣли? спросилъ сосѣдъ.»

— «Чего бы лучше французской водки!»

— «Будь вы не простой клоунъ, а арлекинъ, и то не могли бы удачнѣе наколдовать*, сказалъ сосѣдъ, веселый, румяный толстякъ,

* Хорошая пantomима не можетъ обойтись безъ волшебства. Какая-нибудь фея или

поднимая обѣими руками большую и тяжелую фляжку. Того только не доставало. Ночь была холодная, но тихая и лунная, и прошла скоро и приятно. До пристани было еще далеко, когда занялась заря; фляжка была опорожнена, сосѣдъ спалъ, Гримальди уютно сидѣлъ въ одномъ плащѣ съ хорошенькою спутницею, а жена сосѣда и ея сестра болтали и смѣялись безъ умолку.

Они разстались на пристани; сосѣдъ съ своею семьею уѣхалъ въ наемную карету, и поѣхалъ домой, а Гримальди отправился въ Гресчерчъ-стритъ, въ почтовую контору. Контора была еще закрыта; онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, не хотѣлъ тревожить домашнихъ, и потому рѣшился прошататься нѣсколько часовъ по этой части города, которая была ему мало знакома.

добрый волшебникъ, превращая арлекина, снабжаютъ его волшебнымъ, хотя и деревяннымъ мечомъ, которымъ онъ, какъ герой пантомимы, превращаетъ все, къ чему прикоснется.

Прим. пер.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Тарасъ Бульба, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, заимствованная изъ извѣстной повѣсти *Гоголя*.

Сумасшедшая актриса или женихъ и хлороформъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Крестовскаго*.

Мужъ немужъ, жена не жена, оперета въ двухъ дѣйствіяхъ гг. *Тарновскаго и Руднева*.

(*Бенефисъ г-жи Сосницкой.*)

Лекарь, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. *Вонлярлярскаго*.

Тоска и смѣхъ, драматическій капризъ, *его-же*.

Провинциальная гостинница, комедія водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *И. Карелина*.

(*Бенефисъ г. Самойлова.*)

Ермилъ Ивановичъ Костровъ, драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, въ стихахъ, соч. *Н. В. Кукольника*.

Дебютъ г-жи Котовской.

Инвалидъ, опера въ одномъ дѣйствіи, слова и музыка *Юрія Арнольда*.

Мы не говорили о послѣднихъ бенефисахъ Александринскаго Театра по весьма простой причинѣ: о нихъ почти нечего сказать. Пьесы, данныя въ бенефисъ госпожи Сосницкой, выдержали нѣсколько представлений, но это еще не доказываетъ, что они могутъ выдержать даже

снисходительную критику. Видѣли мы въ этотъ бенефисъ драму въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ громкимъ заглавіемъ «Тарасъ Бульба», но не узнали въ ней ни Гоголевой повѣсти, ни героя ея. Передѣльватель выхватилъ изъ повѣсти, наудачу, нѣсколько эпизодовъ, кое-какъ связалъ ихъ, да и пустилъ на сцену, а имя Гоголя и В. А. Каратыгинъ, игравшій роль Тараса Бульбы, сдѣлали остальное.

За тѣмъ видѣли мы водевилъ г. Крестовскаго, не даровитаго беллетриста, знакомаго читателямъ «Пантеона», а Крестовскаго — водевиллиста, не имѣющаго съ первымъ ничего общаго. Водевилъ его называется «Сумасшедшая актриса, или женихъ и хлороформъ»; въ немъ молоденькая актриса, желая отдѣлаться отъ стараго жениха, притворяется сумасшедшей, а когда старый женихъ узнаетъ, что она не въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума, а только притворяется, она усыпляетъ его посредствомъ хлороформа, и увѣряетъ свою мать, что онъ пьянъ. Мать отказываетъ старому жениху и выдаетъ дочь за молодаго лекаря. Благодаря прекрасной игрѣ г-жи Самойловой 1 и г. Самойлова, этотъ незамысловатый водевилъ имѣлъ успѣхъ. Игра актеровъ спасла, въ этотъ же бенефисъ, еще одну пьесу, а именно оперетту гг. Тарновскаго и Руднева «Мужъ не мужъ, жена не жена».

Бенефисъ г. Самойлова былъ составленъ гораздо лучше, литературнѣе; онъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду бенефисовъ нынѣшняго года. Читатели «Пантеона» знакомы уже съ двумя изъ пьесъ этого бенефиса, съ драмой «Лекарь», напечатанной въ послѣдней нашей книжкѣ прошедшаго года, и съ небольшою комедіей «Тоска и Смѣхъ», названной авторомъ капризомъ и напечатанной въ этой книжкѣ. Оставляемъ судъ надъ этими пьесами другимъ журналамъ и нашимъ читателямъ. Что касается до водевиля «Провинціальная гостиница», третьей пьесы того-же бенефиса, то мы предпочитаемъ вовсе умолчать о ней, изъ снисхожденія къ ея автору, который въ первый разъ, если не ошибаемся, выступилъ на драматическое поприще. При томъ же у насъ впереди разборъ новой драмы Н. В. Кукольника, требующій всего нашего вниманія.

Появленіе новой пьесы г. Кукольника почитается у насъ замѣчательнымъ событіемъ; о пьесѣ говорятъ заранѣе, ее ждутъ съ нетерпѣніемъ, а на первое ея представленіе трудно бываетъ достать мѣсто. Что причиною такого успѣха драмъ г. Кукольника, — одно-ли достоинство его пьесъ, или и еще какія-нибудь обстоятельства?

Сомнѣваться въ дарованіи г. Кукольника нельзя, равно какъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что достоинства его драмъ много содѣйствуютъ ихъ успѣху, но столько-же, если не болѣе, содѣйствуетъ ихъ успѣху и

отсутствіе соперничества. Пробѣгите весь репертуаръ русскаго театра и за послѣдніе два, три года, и вы едва-ли начтете пять, шесть пьесъ, которыя заслуживаютъ вниманія, которыя могли-бы выдержать даже снисходительную критику. Въ журналахъ было напечатано нѣсколько комедій, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ несомнѣнныя литературныя достоинства, но на сценѣ, за исключеніемъ двухъ, трехъ пьесъ г. Тургенева, болѣе литературныхъ, нежели сценическихъ, мы изъ нихъ не видѣли ни одной. Не очевидно-ли, послѣ этого, что успѣхъ драмъ г. Кукольника основанъ не на одномъ ихъ достоинствѣ. Отсутствие соперничества поставило г. Кукольника на первое мѣсто, а первенство всегда имѣетъ преимущество доставлять успѣхъ. Но критика не должна, подобно публикѣ, ослѣпляться этимъ первенствомъ; у искусства есть свои непреложные законы, основанные на идеѣ истины и изящества, на основаніи которыхъ и должна она судить о произведеніяхъ искусства, устраняя отъ себя всякія постороннія вліянія.

Какъ бы то ни было, а дарованіе у г. Кукольника есть, и это дарованіе давно оцѣнено по достоинству, что ни говори почтенный баронъ Брамбеусъ, представившій недавно * г. Кукольника непонятнымъ и угнетеннымъ у насъ писателемъ. Дарованіе г. Кукольника оцѣнено даже до такой степени, что мы не считаемъ, нужнымъ повторять здѣсь этой оцѣнки, а только осмѣлимся замѣтить почтенному Барону, что онъ самъ, смотритъ на него съ совершенно ложной точки зрѣнія. Онъ объявилъ, въ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», что Н. В. Кукольникъ принадлежитъ къ триумvirату, произведшему, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, *переворотъ въ русской литературѣ*. — Какой триумvirатъ и какой переворотъ? спросите вы съ удивленіемъ. — Триумvirатъ этотъ, говоритъ баронъ Брамбеусъ, состоялъ изъ Н. В. Кукольника, К. П. Брюлова и Библіотеки для Чтенія, а переворотъ, совершенный ими, состоитъ въ томъ, что они возбудили реакцію противъ французскаго романтизма, подражаніе которому преобладало тогда въ нашей литературѣ. Каковъ парадоксикъ! Такихъ не писывалъ почтенный Баронъ и въ прежнее время своего литературнаго поприща. О Брюловѣ и «Библіотека для Чтенія» — ни слова, это не наше дѣло, но за Н. В. Кукольника мы вступимся, и спросимъ почтеннаго Барона, какимъ это образомъ онъ открылъ, что Н. В. Кукольникъ противодѣйствовалъ у насъ вліянію французскаго романтизма? Баронъ приводитъ въ примѣръ «Альфа и Альдону» и «Эвелину де Вальероль»; да, помилуйте, господинъ Баронъ, c'est de l'Alexandre Dumas tout pur. А Торквато Тассо, Джуліо

* См. отдѣлъ критики въ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» текущаго года.

Мости и весь рядъ романтическихъ драмъ г. Кукольника?... Баронъ Брамбеусъ жалуется далѣе, что первыми недоброжелателями г. Кукольника были литераторы, самые плохіе, по его мнѣнію, судьи новыхъ произведеній литературы. — Какую разницу видитъ баронъ Брамбеусъ въ сужденіи о новомъ и старомъ произведеніи литературы (разница есть, но онъ нисколько не пояснилъ ее, а это, для ясности его статьи было необходимо); да и самъ-то онъ, судящій и судившій о всяческой литературѣ, развѣ не литераторъ?

Теперь къ дѣлу, т. е. къ новой драмѣ г. Кукольника. Прежде всего бросается въ ней въ глаза переворотъ, совершившійся въ драматическомъ направленіи автора. Это третій съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ пишетъ драмы. Первые изъ нихъ, носившія названіе *драматическихъ фантазій*, не имѣли въ себѣ ничего сценическаго и не предназначались для театра. Потомъ стали появляться драмы, писанныя для сцены, но въ которыхъ авторъ не хотѣлъ подчиниться извѣстнымъ театральнымъ условіямъ, необходимымъ для успѣшнаго представленія драматическаго произведенія. Наконецъ, г. Кукольникъ, надѣявшійся, вѣроятно, основать новую школу въ драмѣ, пересоздать условія сцены и требованія публики, увидѣлъ бесполезность своихъ попытокъ, и, отказавшись, отъ второй своей манеры, перешелъ къ третьей, теперешней, т. е. подчинился принятымъ на театрѣ условіямъ и сталъ отливать свои драмы въ общепринятыя формы. Эта попытка удалась ему совершенно, и прошлогодній успѣхъ «Деньщика» оправдалъ его. Вслѣдъ за «Деньщикомъ» является «Костровъ», и приноситъ новое торжество. Но мы боимся, чтобъ это не увлекло г. Кукольника слишкомъ далеко и не ввело бы его въ несправимый промахъ. Поэтъ — въ *драматическихъ фантазіяхъ*, нововодитель — и преобразователь во второй группѣ драмъ своихъ, онъ теперь становится въ уровень со всеми, безусловно подчиняется устарѣвшей драматической рутинѣ, дѣлается угодникомъ публики. Вотъ на это послѣднее обстоятельство и хотѣли мы обратить вниманіе г. Кукольника.

Театръ существуетъ для публики, говорятъ у насъ, слѣдовательно, литераторъ, пишущій для театра, долженъ прежде всего имѣть въ виду публику. Справедливо, — но съ извѣстной точки зрѣнія. Драматургъ долженъ необходимо думать о томъ, чтобъ понравиться публикѣ, но не долженъ жертвовать искусствомъ своимъ ея прихотямъ. Есть возможность примирить требованія искусства съ требованіями публики; скажемъ болѣе, есть возможность подчинить себѣ публику. Правда, на это необходимо дарованіе, но у г. Кукольника нѣтъ недостатка нѣ немъ.

При томъ-же не надо вышускать изъ виду и того, что публика —

хамелеонъ безпрестанно мѣняющій цвѣтъ; трудно угодить всеѣмъ подойти подъ всея цвѣта, и тотъ, кто рѣшится принять на себя этотъ пракловъ трудъ, рано или поздно истощитъ все силы свои и низведетъ свой талантъ до послѣдней степени. Въ публикѣ есть зерно, другая, истинная публика, *status in statu*, разумное меньшинство—на него то долженъ смотрѣть писатель, имѣя дорожить, а не большинствомъ, которое въ дѣлѣ искусства, какъ и во многихъ другихъ обстоятельствахъ, часто ошибается. Неспоримъ, что у насъ труднѣе, нежели гдѣ-нибудь, отыскать это зерно, потому-что, при соперничествѣ русскаго театра съ нѣсколькими существующими у насъ иностранными, театральная публика разрознена, раздѣлена; но всеже это не невозможно.

Г. Кукольникъ сталъ, къ сожалѣнію, слишкомъ ревностнымъ угодникомъ большинства; благодаря дарованію, онъ еще довольно удачно миритъ эту угодливость съ требованіями истины и изящества, но уже и теперь у него много уступокъ, недостойныхъ его дарованія. Онъ созналъ, что пишущій для театра долженъ, отчасти, (только отчасти) имѣть въ виду актеровъ, но, имѣя въ виду, во чтобы то ни стало угодить публикѣ, онъ и тутъ впасть въ ошибку. Г. Кукольникъ знаетъ, напримѣръ, что В. А. Каратыгинъ отлично декламируетъ, что публика очень любитъ В. А. Каратыгина, и г. Кукольникъ старается, въ-слѣдствіе этого, вставлять въ свои пьесы, во чтобы-то ни стало, одну, двѣ, три сцены, часто вовсе неидущія къ дѣлу, но дающія В. А. Каратыгину случай выказать свое декламаторское искусство, какъ-будто этимъ и ограничивается его дарованіе. Позвольте впрочемъ разсказать вамъ новую драму г. Кукольника, и вставлять наши замѣчанія въ разсказъ, по мѣрѣ надобности. Начнемъ съ того, что завязка не нова и не оригинальна.

Госпожа Молодкова, не желая отставать отъ людей знатныхъ, къ которымъ себя причисляетъ, потому-что мужъ ея имѣлъ рангъ бригадира, а сама она удостоилась однажды, на охотѣ, услышать нѣсколько словъ изъ устъ Императрицы Елисаветы Петровны, разстроила свое имѣніе и вошла въ неоплатные долги. Чтобъ поправить дѣла, она придумала женить сына на дочери главнаго своего кредитора, господина Барсучкина, человѣка необразованнаго но очень богатаго. Но сынъ бригадирши, Аркадій, влюбленъ въ подругу своего дѣтства, Людмилу Сельскую, которую бригадирша хочетъ выдать за самого Барсучкина. Аркадій отказывается сначала повиноваться матери, но узнавъ о плохомъ положеніи ея дѣлъ, которое она до-тѣхъ-поръ отъ него скрывала, рѣшается пожертвовать собою. Людмила также соглашается покориться, узнавъ, что Аркадій женится. Притомъ-же Молодкова была благодѣ-

тельницей Людмилы, брошенной въ дѣтствѣ матерью, воспитала ее, и потому Людмила, убѣжденная въ равнодушіи Аркадія, приноситъ себя въ жертву, чтобъ заплатить Молодковой долгъ свой.

Барсучкинъ, разбогатѣвшій неизвѣстными, но, по всей вѣроятности не совсѣмъ честными средствами, очень желалъ-бы попасть въ знать. И чего, чего онъ для этого не дѣлаетъ.

Богатъ то я богатъ! Да что въ томъ толку?...
Хотѣлъ титулъ барона или графа
Себѣ купить... У насъ не продаютъ;
Ну, а титулъ нѣмецкій не годится.

Ужъ я-ль не знатень?! Домъ, не домъ — дворець:
Пройдешься, будто станцію проѣхалъ.
Собачки, — и у тѣхъ свои покои.
Гдѣ только могъ, въ гостиномъ, въ магазинахъ,
Скупилъ картины; всюду ихъ навѣшалъ;
Антиковъ больше сотни заказалъ,
Вездѣ наставилъ; зимній садъ завелъ;
Въ простыхъ садахъ — *фанталы, ранжирьи,*
Тіатръ домашній; пѣвчіе; оркестеръ;
Чего ужъ кажется: *свои цыгане.*
Всѣхъ смуглыхъ судомоекъ отобралъ,
Фалетера приставилъ въ запѣвалы;
Ревутъ отлично... Знатоки въ восторгѣ!

И дворня, какъ у самыхъ знатныхъ баръ.
Свой *дохторъ, секретарь и библотекаръ,*
Кухмистеръ, интендантъ и *камендинеръ,*
Пандуры, гайдуки и скороходы,
Арапы, карлики, шуты и дуры!...

По колымажной части: золотыя
Кареты, и колясы, и линей,
И всѣхъ мастей — шестерики. Живу
Какъ самый знатный баринъ. Ъзжу въ влобъ;
Играю въ ломберъ, фишка по червонцу;
И въ партіи съ сіятельными только.

Даю обѣды, *фейверки, балы,*
По вторникамъ и пятницамъ — спектакли...
Ну чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ ужъ я не знатень?!...

А туалетъ?... На мнѣ парикъ — парижскій;
Смерть жарко, въ потъ бросаетъ, а таскаю. —
Очки ношу, хоть вижу очень зорко;
Но мода, — я слѣпотствую по модѣ.

А дочка? Подъ брильянтами вкряхтитъ.
Лубокъ, не штофъ на платьяхъ; кружева;
Учитель намозолилъ ей языкъ
Французскими нужнѣйшими словами!

Ну, словомъ, все какъ слѣдуетъ... И что-жь?
Все, кажется, не достаетъ чего-то.
Въ гостяхъ — не свой. Войдешь — и оробѣешь.
Чуть знатный... шея такъ сама и гнется...
Оглянешься кругомъ... нигдѣ поддержки...

Нѣтъ, безъ родства, неловко между знати!...
И я распорядился мастерски:

Первѣйшаго изъ первыхъ жениха
Для Голендухи подобралъ. Годышъ,
Зато фамили ужасно древней;
Отличной репутаціи по службѣ;
Бонтонъ смертельный, разумъ министерскій;
А ужъ на дамъ московскихъ, такъ чума:
Замужнія и вдовы, и дѣвицы
Въ Аркадія повально влюблены:
Будь денга, онъ въ посланники залѣзетъ.

Вотъ у меня невѣста... не по вкусу.
Я въ женщинѣ люблю, чтобъ была булка,
Пыщь, дутикъ, вотъ, какъ Лёночка, актерка...
Ну, а моя Людмила Львовна — тѣнь,
Хлысть сухопарый, жидкая такая,
И рожа кислая... Что станешь дѣлать?
Зато отецъ... извѣстный человѣкъ,
И генераль, и кавалерій куча,
Извѣстенъ Государынѣ самой;
Со всею министеріей знакомъ.
Суворовъ у него въ гостяхъ бываетъ.
Что тутъ невѣста? Вздоръ! Тутъ важень тестъ;
Протекція, тутъ связи, ходъ дѣламъ...
Того гляди, и зять такого теста
Чинокъ получить, или крестикъ схватить.

Самъ удивляюсь, какъ мнѣ Богъ послалъ
Узнать, чего никто въ Москвѣ не знаетъ.

О чемъ и Молодкова и Людмила
И не мечтаютъ. Вотъ сюрпризъ имъ будетъ,
Когда узнаютъ. Взбѣсятся, да поздно.

Вы видите, что г. Барсучкинъ распорядился не дурно: самъ онъ женится на Людмилѣ, дочери генерала, происхожденіе которой никому еще въ Москвѣ неизвѣстно; а дочь свою Голендуху, зрѣлую дѣву, всю залитую въ шелкъ и брилліанты, знающую нѣсколько словъ по французски, но въ сущности не болѣе, какъ глупую невѣжду, прочить за Аркадія Молодкова. Онъ такъ увѣренъ въ успѣхъ своихъ замысловъ, что посылаетъ за Костровымъ, чтобъ заказать ему стихи на случай свадьбы. Костровъ, котораго отыскали въ его любимомъ Цареградскомъ трактирѣ, является, въ полной увѣренности, что за нимъ прислалъ какой-нибудь вельможа. Но узнавъ, съ какою *птицей* имѣетъ дѣло, онъ ставитъ Барсучкина въ самое затруднительное положеніе: смѣется надъ его чванствомъ, надъ очками, которыя тотъ носитъ изъ подражанія моднымъ людямъ, заставляетъ называть себя по имени и отчеству, и наотрѣзъ отказывается написать стихи:

Какъ это въ голову тебѣ могло
Прийти: Ермилъ Иванычу Кострову,
Какъ сапоги, заказывать стихи?!
Вельможи, мой любезнѣйшій, родятся:
А нѣтъ, такъ въ этотъ санъ по ступенямъ
Восходить государственной заслугой!
Изъ золота не отольешь вельможи,
И не найдешь такого Пигмальона,
Чтобъ знатность далъ болвану зототому.

Понятно, что эти выходки, на которыя Костровъ былъ великій мастеръ, не нравятся Барсучкину, и что Барсучкинъ приказываетъ вытащить Кострова и свести его въ харчевню. Но съ Костровымъ сладить не легко.

Руки коротки! (отвѣчаетъ онъ, грозя кулакомъ) Шалунъ!
Стихи заказывать Кострову!

Сядь за указку, азбуку возьми!
Убей свои богатства на ученье;
Великими заслугами отчизнѣ
Въ чинъ знатный—родъ свой темный возведи!
Тогда зови насъ, тружениковъ Феба,
И какъ Шуваловъ, Бецкій, Разумовскій,
Какъ Панинъ, Чернышovy, Безбородко,
Какъ Строгановъ, Демидовъ, Бѣлосельскій,
Какъ мой безсмертный богатырь, Суворовъ,

Съ привѣтной лаской истаго вельможи,
 Подай мнѣ лиру—и Костровъ въ харчевнѣ
 За здравіе твое стаканчикъ стукнетъ,
 И—олимпійскія полюбятся пѣсни!

Костровъ, какъ видите, не полюбилъ Барсучкина съ перваго раза, но узнавъ, что онъ женится на Людмилѣ Сельской, *сто первой любви* нашего сентиментальнаго поэта, дѣвушкѣ, которую онъ училъ русской словесности, къ которой писалъ стихи, —Костровъ начинаетъ ненавидѣть Барсучкина и объявляетъ себя открытымъ врагомъ его. Онъ самъ-бы радъ жениться на Людмилѣ, чтобъ снасти ее отъ Барсучкина.

.... Да есть препона

Въ карманѣ—ни копѣйки!...

Сцена Кострова съ Барсучкинымъ ведена авторомъ мастерски, живо, увлекательно; но сцена объясненія съ Людмилой намъ не понравилась, потому—что Костровъ является въ ней слишкомъ смѣшнымъ. Его сентиментальность доходитъ до карикатуры, до шутовства.

Между-тѣмъ является генералъ Сельскій, отецъ Людмилы.—Онъ шестнадцать лѣтъ не видалъ дочери. Сельскій, разсорили, съ своею женою, бросилъ ее и уѣхалъ въ армію, гдѣ шестнадцать лѣтъ сряду принималъ участіе во всѣхъ *битвахъ*. Жена его умерла въ бѣдности подбросивъ дочь свою Людмилу Молодковымъ. — Сельскій явился теперь за Людмилой, совершенно невинной въ проступкѣ матери; онъ не долженъ былъ бы покидать ее, тѣмъ болѣе, что имѣлъ полное и законное право взять ее; но это *licentia dramatica*, которую г. Кукольникъ счелъ себя въ-правѣ допустить, не смотря на видимую ея натянutosть.—Сельскій хочетъ увезти свою дочь, думая, что ее выдаютъ за Барсучкина насильно; но Людмила объявляетъ ему, по требованію Молодковой, что сама дала слово Барсучкину. Тогда Сельскій рѣшается разстаться со своею дочерью, потому—что видитъ въ ней кокетку, продающую себя за богатство, дѣвушку безъ сердца и правилъ.

Передъ возвращеніемъ въ армію, Сельскій отпращивается къ Кострову, чтобъ отдать ему письмо Суворова; это знаменитый отвѣтъ его на посвященіе Оссіана. Костровъ въ восторгѣ. Онъ принимаетъ генерала за простаго фельдъегеря, но потомъ узнаетъ свою ошибку и начинаетъ распрашивать его о своемъ чудо-богатырѣ. Генералъ удовлетворяетъ его любопытство и рассказываетъ ему, между прочимъ, о штурмѣ Измаила. Выписываемъ сцену разсказа, вставленнаго не со-всѣмъ кстати, но превосходно читаемаго В. А. Каратыгинымъ.

ГЕНЕРАЛЪ *(постепенно одушевляясь)*.

Эхъ, братецъ, батюшка Ермиль Ивановичъ!
Гремитъ въ великолѣпныхъ вашихъ одахъ
Великая какая-то побѣда;
Да *Измаила* нѣтъ, слышь, *Измаила!*
Нѣтъ мелочей, подробностей священныхъ,
Мгновеній тѣхъ торжественно-ужасныхъ,
Которыми Суворовъ — *Измаиль*
Въ исторіи такъ ярко отчеканилъ...

ЛУКА.

Нѣтъ перцу измаильскаго, смѣкаешь?

ГЕНЕРАЛЪ.

Громадная твердыня *Измаила*
Надъ арміей какъ-будто издѣвалась!
Мы плакали, осаду оставляя;
Рымникъ, Очаковъ на груди бодались;
Мы не привыкли отступать; мы выли,
Какъ дѣти. — Холодъ, голодъ и болѣзни
Перенесешь, а стыдъ — не свой братъ... Вдругъ
Курьеръ: Суворова Фельдмаршалъ проситъ
Взять *Измаиль*... Вотъ, братъ, найди стихи!
Перуны у Зевеса вырви!.. Мало!
Чай за Москвой «ура» слыхали наше!
Мы цѣловались, словно въ свѣтлый праздникъ.
Вотъ — бѣлый конь! На немъ — знакомый всадникъ!
За нимъ донскихъ полсотни казаковъ...
Точь въ точь скворцы на саранчу спустились.

Мы на *Измаиль*

Всѣ оглянулись; будто стоворились,
И, какъ одинъ, ослабились лукаво.
КОСТРОВЪ *(съ возрастающею живостью и участіемъ)*.
Тѣфу пропасть! Чай у Турки — лихорадка!...

ГЕНЕРАЛЪ.

Взглянулъ и онъ. «Что дѣти, видишь, крѣпость?»
«И ровъ глубокъ, и высока стѣна;
«А мы возьмемъ! Намъ матушка Царица
«Велѣла безпремѣнно взять его!...»
Давай Царьградъ! Съ тобой мы все возьмемъ!...
А взять то какъ? Не крѣпость, чертовъ дворъ;
Кругомъ — шесть верстъ; валъ — ростомъ — въ три сажени;
Ровъ — глубиной и шириной — шесть сажень;
Бойницы, бастіоны, двѣсти пушекъ,
Да войска тысячь сорокъ; въ томъ числѣ
Семнадцать тысячь янычаръ однихъ;

Всѣ гарнизоны: съ Кили, съ Бендеръ
И съ Хотина, и съ Аккермана, — тутъ же:
Пашей — десятка два, Капланъ Гирей,
И — старый котъ, — самъ Сераскиръ Мегметъ!
А насъ то? Тридцать тысячъ... только, счетомъ...
На половину — молодцы — Казаки,
Съ подрубленною пикой, пѣшимъ стрѣмъ,
Идутъ стѣной за старую пѣхоту.
Вотъ чудеса! Поэзія войны!..
Какъ ты ее стихами въ оду влѣпишь?

КОСТРОВЪ (*съ нетерпѣніемъ*).

Да отважись ты, братецъ, со стихами!
Разсказывай пожалуй! Что жъ Суворовъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Что? Рвы копай! Давай фашины и лѣстницы!
И ну учить насъ штурму по ночамъ.
Самъ, собственной рукой, фашину мечеть,
Самъ лѣстницу несеть и приставляетъ,
Самъ лезетъ вверхъ и дѣйствуетъ штыкомъ...
Солдаты, что за курицей цыплята...
Смекаютъ на лету. Вотъ срокъ приспѣлъ.
Совѣтъ военный. Пять минутъ. Платовъ
Махнулъ рукой и крикнулъ: «штурмовать!»
Суворовъ подскочилъ, разцѣловалъ
Товарищей, и пишетъ Сераскиру:
«Суворовъ съ войскомъ здѣсь! Двадцать-четыре
«Часа на размышленіе для слачи
«И — воля!...

КОСТРОВЪ.

Узнаю безсмертный штиль!

ГЕНЕРАЛЪ.

«Но первый выстрѣлъ мой — уже неволя!
«Штурмъ — смерть!»

КОСТРОВЪ.

Ухъ, лихо! Что же Сераскиръ!

ГЕНЕРАЛЪ.

Обидѣлся. Вретъ что-то по-турецки.

КОСТРОВЪ.

Ахъ, онъ болванъ! Какъ-будто онъ не зналъ,
Что въ армію пріѣхалъ самъ Суворовъ!

ГЕНЕРАЛЬ.

Зналъ, да не сладся...

КОСТРОВЪ.

Экой сумасшедшій!

ГЕНЕРАЛЬ.

Ночь на Данилинъ день! О кто опишетъ
Безмолвное величіе твое?!

Весь день играла музыка изъ пушекъ:
Вдругъ смолкло все; пустыня; ни гу-гу!
Чась третій ночи... Вдругъ шипитъ ракета.
За ружья!.. Опрометью на мѣста!..
Другая!.. Мы построились!.. стоимъ
А командиръ насъ дразнить: Нѣтъ сигнала.
Не видно зги; декабрь, а жарко! Духъ
Захватываетъ, такъ на приступъ тянетъ...
Хлопъ третья! Грянуло: Ура, Суворовъ!

—
Тутъ огненная крѣпости громада
За правду смахивала на Везувій!
Ужъ точно адъ пасть огненну разинулъ.
А намъ, спасибо, стало посвѣтлѣй!

—
Съ Дуная на флотиліи де-Рибасъ!
А съ нимъ: Морковъ, Чепега и Арсеньевъ;
Потемкинъ съ Ласси, Львовымъ и Мекнобомъ;
Самойловъ, а подъ нимъ графъ Безбородко;
Казакъ Платовъ, Орловъ, и нашъ Кутузовъ...
Главнoкомандующій на холмѣ
Передъ иконой молится походной,
Съ нимъ Тизенгаузенъ, Чернышевъ, Волконскій
Да иностранные большіе гости
Въ ученикахъ: Принцъ Гессенъ-Филипстальскій,
Принцъ Карлъ де-Линъ и герцогъ Ришельё..

КОСТРОВЪ.

Богъ съ ними! Ты гдѣ былъ?

ГЕНЕРАЛЬ.

Извѣстно — гдѣ
Я шелъ съ Кутузовымъ, въ шестой колоннѣ.
Узналъ насъ Сераскиръ! Завыли пушки;
Въ глазахъ рябитъ отъ ядеръ и картечи.

КОСТРОВЪ.

Фу, важно!

ГЕНЕРАЛЪ.

Ровъ!.. Залпъ... Рибопьеръ — упалъ.

Всѣхъ озадачила смерть Рибопьера;

Какъ-будто оконтузилъ всю колонну...

Кутузовъ хватъ солдатское ружье

Да въ ровъ! За нимъ рванулись офицеры,

За нами хлынула и вся колонна...

И лѣстница взбѣжала изъ штыковъ,

И по штыкамъ на валъ взошелъ Кутузовъ!

КОСТРОВЪ.

Какъ: первый?!

ГЕНЕРАЛЪ.

Первый!

КОСТРОВЪ

Ахъ ты, молодецъ!!

ГЕНЕРАЛЪ.

Взойти не чѣдъ, да устоять на мѣстѣ!..

Суворовъ самъ замѣтилъ, какъ намъ жутко.

Къ намъ кто-то прискакалъ, на валъ взобрался,

Да и кричить: Кутузова — Суворовъ

Назначилъ Измаильскимъ Комендантомъ!

КОСТРОВЪ,

Ахъ, умница, хитрецъ — мудрецъ изъ сказки!

Вѣдь выкинулъ же аховскую штуку!

Ну, что жъ Кутузовъ?..

ГЕНЕРАЛЪ.

Крикнулъ: Съ нами Богъ!

И Турокъ вылетѣлъ изъ бастіона...

КОСТРОВЪ.

Туда ему дорога, бусурману!

Ну, ну! Рассказывай, голубчикъ, дальше!

Ну, а другіе..

ГЕНЕРАЛЪ.

И другіе — тоже!

Яцунскаго полковника убили,

Команды нѣтъ. Чѣдъ жъ? Полковой священникъ

Взялъ крестъ; перекрестилъ солдатъ — и самъ

На Турку ринулся...

КОСТРОВЪ.

Не стало Турки!
Вотъ гдѣ поэзія!.. Ахъ, дальше, дальше!

ГЕНЕРАЛЪ.

Платовъ все видѣлъ, больно осерчалъ,
Самъ лѣстницу приставилъ! Крикнулъ: Братцы
За мною! Съ нами Богъ и Катерина!

КОСТРОВЪ.

Я такъ и вижу, какъ онъ Турокъ жарить!
Ну!..

ГЕНЕРАЛЪ.

Разсвѣло! Глядимъ — глазамъ не вѣримъ!
Шесть верстъ кругомъ — россійскія знамена!

КОСТРОВЪ.

Цалъ Измаилъ!!..

ГЕНЕРАЛЪ

Нѣтъ, братецъ, погоди!
Что приступъ намъ? Горячая похлебка,
Въ мигъ расхлебали, принялись за кашу:
Домъ, ханъ, пекарня, баня, лавка, погребъ,
Истокъ для грязи — всюду супостать!
Въ упоръ стрѣляютъ. Кипятокъ — фонтаномъ.
Вся мостовая поднялась на воздухъ.
Какъ злыя львицы, — женщины дерутся

КОСТРОВЪ.

Ахъ, дуры, дразнить! ..

ГЕНЕРАЛЪ.

Раздразнили, братецъ!
Пошла рѣзня, погосъ ужасной смерти!
Мы семь часовъ по улицамъ косили..
Домъ каждый брали штурмомъ; льется кровь..
Но вотъ — летить!

КОСТРОВЪ.

Суворовъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Стой!

КОСТРОВЪ.

Ура!

ГЕНЕРАЛЪ.

Съ коня долой и на колѣни!

КОСТРОВЪ.

Браво!

ГЕНЕРАЛЪ.

Мы отмолились, встали и — опять..

КОСТРОВЪ.

Ура?

ГЕНЕРАЛЪ.

Нѣтъ! Пушки!

КОСТРОВЪ.

Пушки? Молодцы!..

ГЕНЕРАЛЪ.

Паль Измаилъ къ стопамъ Императрицы!

И дружно нашей Матери великой,

Хоръ въ двадцать тысячъ грянулъ... *(Забывался, поетъ)*.

Многа лѣта!

КОСТРОВЪ

(за нимъ поетъ).

Многа лѣта!

ЛУКА *(пристаетъ къ нимъ и вмѣстѣ поютъ)*.

Многа лѣта!

КОСТРОВЪ *(по окончаніи пѣнія, бросаясь на шею къ генералу)*.

Ай, любо! Дай себя поздравить, братецъ! *(Бросается и обнимаетъ Луку)*.

Эта сцена имѣетъ огромный успѣхъ, благодаря превосходной декламации В. А. Каратыгина и отличной игрѣ г. Самойлова.

Выслушавъ разсказъ, Костровъ, вспоминаетъ наконецъ, что пора спросить, какъ зовутъ гостя. Меня зовутъ Сельскимъ! Костровъ объяснетъ отцу Людмилы положеніе его дочери и истинныя отношенія ея къ Барсучкину и Молодковой: Сельскій клянется спасти Людмилу.

Но дѣла влюбленныхъ принимаютъ, между-тѣмъ, очень плохой оборотъ: Аркадій Молодковъ, чтобъ спасти себя и Людмилу, рѣшается поставить на карту 800 рублей казенныхъ денегъ, довѣренныхъ ему, какъ полковому казначею, и проигрываетъ ихъ. Аркадію грозятъ стыдъ и наказаніе, но Костровъ спасаетъ его. Онъ только что получилъ 1000 рублей отъ Императрицы, за поднесеніе шести первыхъ пѣсенъ *Иліады*; встрѣтившись съ Аркадіемъ въ трактирѣ, онъ выпытываетъ у него его тайну и отдаетъ ему только что полученныя имъ деньги. Аркадій

не вполне признался Кострову, и сказалъ, что онъ потерялъ казенныя деньги, а не проигралъ; Костровъ отсчиталъ 800 рублей, бросилъ ихъ Аркадію, говоря, что нашелъ ихъ, и пустился бѣжать.

Людмила убѣждала изъ дому Молодковой и пришла просить помощи у отца, который, на этотъ разъ принимаетъ ее подъ свою защиту, и чтобы избавить ее отъ Барсучкина и Молодковой, предлагаетъ жениться на Голѣндухъ. Барсучкинъ, который не смѣлъ даже мечтать о такомъ счастьи, соглашается на все: отдаетъ Сельскому вексель Молодковой и отказывается отъ Людмилы, которая выходитъ за Аркадія. Разумѣется, что Костровъ играетъ въ этой развязкѣ не послѣднюю роль, и на радости самъ разноситъ всеѣмъ шампанское, не забывая и себя.

Драму эту, какъ видите, гораздо удобнѣе бы назвать комедіей, но дѣло не въ названіи.

Мы указали на главные, по нашему мнѣнію, недостатки направленія г. Кукольника; укажемъ теперь на достоинства его драмы. Первое мѣсто между ними занимаетъ лицо Кострова, задуманное вѣрно, написанное мастерски. Есть и въ немъ черты, которыя непохожи, но о нихъ послѣ, а теперь разберемъ это оригинальное лицо.

Ермилъ Иваповичъ Костровъ, по однимъ, сынъ государственнаго крестьянина Вятской губерніи, по другимъ сынъ дьячка, получилъ начальное образованіе въ вятской семинаріи, потомъ въ московской Духовной Академіи, наконецъ въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ въ 1778 году получилъ степень бакалавра. Потомъ сдѣлался онъ въ самое невыгодное для себя время: во-время подражаній Ломоносову. Подражаніе убило въ немъ самостоятельность, а меценатство заставляло писать оды на торжественные случаи. Эти оды составляютъ преобладающую часть его собственныхъ произведеній. Гораздо больше у него переводовъ, которые заслуживаютъ большаго вниманія, а что касается до его лирическихъ стихотвореній, то число ихъ незначительно, а достоинство ничтожно. Лучшее изъ его лирическихъ стихотвореній напоминаетъ одинъ старинный французскій романсъ, и мы думаемъ даже, что оно взято изъ этого романса. Мы приведемъ здѣсь и стихотвореніе и романсъ, потому что никому изъ біографовъ и критиковъ Кострова это сходство не было, по видимому, извѣстно.

На листочкѣ алой розы
Я старалась начертить
Милу другу, въ знакъ угрозы,
Что не буду вѣкъ любить.
Чѣмъ бы онъ меня ни льстилъ,
Что бы мнѣ не говорилъ.

Чуть окончить я успѣла,
 Вдругъ повѣялъ вѣтерокъ.
 Онъ унесъ съ собою листокъ —
 Съ нимъ и клятва улетѣла.

Дѣйствительно это очень не дурно для времени, въ которое писалъ Костровъ, но мысль стихотворенія, по всей вѣроятности, принадлежитъ не ему. Судите сами; вотъ куплетъ изъ французскаго романа:

J'avais juré d'aimer Rosine,
 Je l'écrivis étourdiment
 Sur une feuille d'églantine.
 Souffla le vent
 Il emporta la feuille et le serment.

Несмотря на недостатокъ самостоятельности въ произведеніяхъ Кострова, ему принадлежитъ довольно почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы, какъ переводчику Гомеровою Илиады (восьми съ половиною песенъ) и Оссіана. Трудъ этотъ въ-самомъ-дѣлѣ замѣчательнъ, хотя и утратилъ для насъ большую часть своихъ достоинствъ; но въ то время онъ долженъ былъ имѣть огромное значеніе и высоко поставить Кострова во мнѣніи всѣхъ любителей и покровителей отечественной словесности. Императрица Екатерина II удостоила принять посвященную ей Илиаду, пожаловала переводчику 1000 рублей (по мнѣнію другихъ 2000) и приглашала его къ своему столу; Суворовъ возилъ Оссіана съ собою во всѣхъ походахъ, называлъ Кострова не иначе, какъ по имени и отчеству, и отвѣчалъ на присылку Оссіана письмомъ въ стихахъ; блистательный Потемкинъ пожелалъ познакомиться съ Костровымъ и пригласилъ его къ обѣду, на который были приглашены многіе изъ знатнѣйшихъ людей того времени. Все это показываетъ, какъ высоко цѣнили трудъ Кострова, потому-что, хотя онъ былъ, правда, очень умный, острый и находчивый человекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большой чудакъ, неряха и чрезвычайно ревностный поклонникъ Бахуса. Чтобы дать понятіе о характерѣ и привычкахъ Кострова, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ его біографіи, напечатанной во второй части «Словаря достопамятныхъ людей Русской земли», составленнаго Бантынымъ-Каменскимъ; эти выписки покажутъ намъ, въ тоже время, вѣрно-ли представилъ Кострова г. Кукольникъ въ драмѣ своей.

Увѣряютъ, будто Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ въ молодыхъ лѣтахъ, сыгралъ слѣдующую шутку надъ Костровымъ: послѣдній, каждый день, бесѣдовалъ съ Музою и Бахусомъ. Поддерживая его въ веселомъ расположеніи, Дмитріевъ увезъ оригинала изъ Москвы, откуда Костровъ никогда не выѣзжалъ; поилъ его дорогою, и совершивъ путешествіе

выпустилъ на другой день, своего полупьянаго спутника на улицу. Гдѣ я? — произнесъ Костровъ, съ удивленіемъ. Я не узнаю Москвы! Онъ находился въ С. Петербургѣ. Здѣсь Князь Таврическій изъявилъ желаніе познакомиться съ переводчикомъ *Иліады*. Прошло нѣсколько дней, пока его совершенно протрезвили. Надобно было снарядить бѣгъ дѣломъ занялся Дмитриевъ вмѣстѣ съ своими двоюродными эратьями Бекетовыми. Всѣ они, особливо первый, были ростомъ выше Кострова: одинъ изъ нихъ подарилъ ему бархатный кафтанъ, другой камзолъ, и такъ далѣе. Можно представить себѣ забавную фигуру нашего стихотворца въ такомъ составномъ нарядѣ! Но Костровъ не गयाся за модами, не браковалъ портныхъ, и отправился напудренный и въ чужой одеждѣ къ фельдмаршалу. Послѣ продолжительнаго ожиданія, былъ онъ, наконецъ, введенъ въ кабинетъ свѣтлѣйшаго. Роскошный князь Тавриды покоился въ огромныхъ вольтеровыхъ креслахъ. Костровъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Вы перевели Гомерову *Иліаду*?—спросилъ его Потемкинъ, потомъ пристально посмотрѣлъ на него, и удовлетворивъ свое любопытство, кивнулъ головою. Костровъ отвѣчалъ другимъ неловкимъ поклономъ. Тѣмъ кончилась аудіенція. Переводчикъ *Иліады* вышелъ изъ кабинета, съ поспѣшностію пробирался сквозь толпу поклонниковъ, смотрѣвшихъ на него съ завистію и удивленіемъ, но былъ остановленъ адъютантомъ фельдмаршала и услышалъ утѣшительныя слова: *что свѣтлѣйшій прилагаетъ его къ своему обѣденному столу*. Невозможно описать изумленія удостоенныхъ одинакой съ нимъ чести: комическая фигура Кострова обратила на себя общее вниманіе, но нашъ провинціальный секретарь*, сидѣвшій въ концѣ огромнаго стола, оставляя всѣхъ и каждаго въ покоѣ, начиная съ хозяина, занимался только собственнымъ угощеніемъ: не пропускалъ ни одного блюда, ни одного напитка, опорожнилъ бутылки, стоявшія передъ нимъ и, потомъ, когда всѣ встали съ своихъ мѣстъ, началъ писать вензеля по княжескимъ паркетамъ, едва не пересчиталъ ступеней огромнаго крыльца, не помнилъ, какъ былъ посаженъ въ экипажъ, нанятый для него заботливыми друзьями, какъ возвратился въ свою квартиру. Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ Москвѣ, пригласила Кострова къ обѣденному столу, возложивъ это порученіе на Ивана Ивановича Шувалова. Слабость нашего поэта была извѣстна Меценату: онъ призвалъ его къ себѣ, велѣлъ одѣть на свой счетъ и убѣждалъ непременно явиться къ нему въ трезвомъ видѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать во дворецъ. Настаетъ день и часъ: Шуваловъ безпрестанно посылаетъ за Костровымъ; но его нигдѣ не находятъ; великодушный вельможа отправляется одинъ къ Государынѣ и оправдываетъ стихотворца приключившеюся, будто, ему болѣзнію. Недѣли черезъ двѣ является Костровъ къ Шувалову. Не стыдно-ли тебѣ, Ермилъ Ивановичъ — говоритъ, съ добродушіемъ, послѣдній — что ты никакъ не можешь бросить свой кабакъ? Побывайте-ка, Иванъ Ивановичъ, въ

* Въ этотъ второй офицерскій чинъ Костровъ былъ произведенъ въ 1782 году и умеръ въ томъ же чинѣ.

кабакъ — отвѣчалъ Костровъ: — такъ не то запоете De gustibus non disputandum est * — возразилъ Шуваловъ, съ кроткою улыбкою. На языкѣ Кострова пить *съ воздержаніемъ*, значило такъ, чтобы держаться на ногахъ. Однажды шелъ онъ изъ трактира съ Верещагиннымъ **, также поэтомъ, который, пивши не съ воздержаніемъ, поползъ на четверенкахъ. Верещагинъ! — закричалъ ему Костровъ — не по чину, не по чину! Въ другое время, послѣ обѣденнаго стола у Карина ***, Костровъ такъ упился, что, сидя на канане, опрокинулъ голову свою на спинку. Одинъ изъ присутствующихъ тутъ, желая подшутить надъ нимъ, спросилъ его: Что, Ермилъ Ивановичъ, у тебя мальчики въ глазахъ! И самые глупые! — отвѣчалъ поэтъ. Еще два анекдота, доказывающіе душевную доброту и остроуміе Кострова: Въ 1787 году, Императрица пожаловала ему тысячу рублей новыми ассигнаціями за переводъ *Иліады*. Онъ тотчасъ отправился съ этими деньгами въ Цареградскій трактиръ. Тамъ, куря трубку, съ стаканомъ въ рукѣ, мечталъ: Завтра полечу въ Питеръ: это не Москва! Стоитъ только явиться прилично. Моя лира знакома Императрицѣ. Теперь я по паду на путь торный. Костровъ не профессоръ, не учитель; но что!.. Можетъ-быть онъ будетъ?.. Тогда съѣлъ подлѣ него офицеръ, на лицѣ котораго яркими красками была начертана глубокая печаль. Костровъ предложилъ ему любимый свой напитокъ и, къ удивленію, получилъ отказъ; спрашивалъ: о чемъ онъ такъ сильно горюетъ? Оставьте меня — отвѣчалъ съ досадою офицеръ, — я несчастенъ! Но сердобольный Костровъ продолжалъ свои настоянія, и офицеръ, выведенный изъ терпѣнія его вопросами, отвѣчалъ съ сердцемъ: Что о томъ говорить, чему нельзя пособить! Я бѣдный человекъ, а теперь самый несчастный: потерялъ казенныхъ денегъ восемьсотъ рублей и долженъ перемѣнить шпагу на тесакъ! Услышавъ это, Костровъ сказалъ: Я нашелъ ваши деньги и не хочу воспользоваться ими. Съ этими словами, положилъ онъ на столъ восемьсотъ рублей передъ удивленнымъ офицеромъ, и тотчасъ ускользнулъ изъ трактира: но служители знали Кострова и благодѣтельный подвигъ его сохранился для потомства.

* О вкусахъ не должно спорить.

** Верещагинъ, Иванъ, изъ духовнаго званія, былъ прежде студентомъ философіи въ Троицкой Семинаріи, потомъ перешелъ въ Московскій Университетъ. Онъ сочинилъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній и торжественныхъ одъ, напечатанныхъ въ 1771 и 1775 годахъ.

*** Федоръ Григорьевичъ Каринъ, поручикъ, кромѣ мыслихъ разныхъ стихотвореній, сочинилъ: *правоучительныя правила*, напечат. въ 1770 году; *два торжественныхъ слова*: на заключеніе мира съ Портою и на открытіе Владимірскаго Намѣстничества, изд. 1775 г.; *Письмо къ Николеву на смерть Сумарокова*, заключающее въ себѣ разсужденіе о Словесности вообще и о Россійскомъ языкѣ, напеч. 1778 г., и *Россійскую Грамматику*, которая осталась въ рукописи. Онъ перевелъ нѣсколько *Панегириковъ Томаса* и Расинову трагедію *Ифигенію*, издан. въ Москвѣ 1796 года; скончался въ 1800 году.

Намъ кажется, на основаніи этихъ выписокъ, что г. Кукольникъ понималъ лицо Кострова вѣрно и изобразилъ его въ своей драмѣ довольно отчетливо. Многіе изъ зрителей осуждали автора, что онъ ни разу, въ продолженіе всей драмы, не показалъ Кострова пьянымъ, но это обвиненіе кажется намъ не совсѣмъ справедливымъ, а идеализція личности Кострова вполне извинительной. Вообще, лицо Кострова лучше всего остального въ драмѣ, хотя есть въ ней и другія лица очерченныя бойко. Бригадирша Молодкова, Барсучкинъ, Голендуха, типы не новые, но г. Кукольникъ умѣлъ ихъ сдѣлать занимательными и комическими. Прочія лица блѣдны и ничтожны, а лицо генерала Сельскаго, какъ читатели могли сами замѣтить изъ драмы, неестественно и натянуто.

Остается сказать нѣсколько словъ объ исполненіи и постановкѣ. Игрутъ пьесу отлично; трудно желать лучшаго исполненія. Первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ г-ну Самойлову, *создавшему* роль Кострова въ полномъ, художническомъ смыслѣ этого слова; если есть въ его игрѣ нѣкоторыя несообразности, то винить въ этомъ должно не его, а положеніе роли въ пьесѣ, не всегда вѣрное истинѣ. Мы считаемъ роль Кострова одной изъ лучшихъ ролей г-на Самойлова. Г-нъ Максимовъ также игралъ эту роль, игралъ недурно, но далеко не такъ, какъ Самойловъ, который глубже вдумался въ роль. Это не укоръ г-ну Максиму, одному изъ добросовѣтнѣйшихъ артистовъ нашихъ, исполняющему съ равнымъ стараніемъ все свои роли; роль Кострова не такъ удалась ему, какъ г-ну Самойлову, для котораго она была писана — вотъ и все. Она досталась г-ну Максиму по случаю болѣзни г-на Самойлова.

Г-нъ Сосницкій прекрасно исполнилъ роль Барсучкина, а г-жа Сосницкая — роль бригадирши Молодковой. Г. Каратыгинъ 1, постоянно возбуждаетъ рукоплесканія разговоромъ о штурмѣ Измаила, роль же его, какъ мы уже сказали, такъ неестественна и натягута, что изъ нея ничего нельзя сдѣлать. Г-жа Самойлова 2 — Людмила, г. Григорьевъ 1 — деньщикъ Лука, и г. Максимовъ (котораго замѣнялъ г. Степановъ) Аркадій Молодковъ, сдѣлали все, что могли изъ своихъ ролей.

Постановка драмы заслуживаетъ полную признательность; особенно понравились намъ двѣ декорации: *кабинетъ Барсучкина*, писанная г. Шастовымъ, и *картинная галлерей* въ домѣ Барсучкина, съ анфиладою освѣщенныхъ комнатъ, видимыхъ въ растворенныя двери галлерей, писанная г. Сѣрковымъ.

Музыка къ этой пьесѣ набрана изъ сочиненій Козловскаго, бывшаго директоромъ музыки въ 1799 году, и написавшаго, между-про-

чемъ, нѣсколько славившихся въ свое время *польскихъ*, которые употреблены здѣсь въ дѣло.

Слѣдуетъ упомянуть еще о дебютѣ г-жи Котовской, актрисы Виленскаго театра, въ драмѣ «Материнское благословеніе». Дебютъ былъ неудаченъ, потому-что въ произношеніи г-жи Котовской слышенъ польскій выговоръ, а игра ея принадлежитъ къ старой школѣ, вышедшей на нашей сценѣ изъ употребленія, но сохранившейся еще въ нашемъ нѣмецкомъ театрѣ.

Кстати о нѣмецкомъ театрѣ, о которомъ мы говоримъ очень рѣдко, зная, что онъ не интересуется нашихъ читателей. — Нѣмецкая труппа поставила небольшую оперу Ю. К. Арнольда, «Инвалидъ», имѣвшую заслуженный успѣхъ. Ю. К. Арнольдъ извѣстенъ многими композиціями, между-прочимъ, музыкой на балладу Жуковского «Свѣтлана», исполненную нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Александринскомъ театрѣ. Новое произведеніе его отличается многими достоинствами, особенно же оркестровкой, и нѣкоторыми нумерами, изъ которыхъ заслуживаютъ упоминенія: прекрасный квартетъ (теноръ, сопрано, баритонъ и басъ) и *хоръ спорящихъ женщинъ*. Увертюра также недурна. Желательно видѣть эту оперетту на русской сценѣ, но мы совѣтуемъ г. Арнольду передѣлать либретто, немного длинное и мало занимательное.

II.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Причины успѣха пьесъ въ бенефисы и паденіе въ слѣдующія представленія, и на оборотъ. — Нѣсколько словъ о бенефисѣ г-жи Сосницкой, вмѣсто предисловія къ французскимъ бенефисамъ. — «Замокъ Грантъ». — Возобновленныя пьесы въ октябрѣ. — *Le démon du Foyer* — Водевиль. — Бенефисъ г. Пейсара. — «Данаиды». — «Избавитель». — «Бенвенуто Челлини». — Г. Руже и его бенефисъ. — Пьесы изъ парижской жизни. — Новыя пьесы въ декабрѣ. — «Королева, кардиналъ и пажъ». — Новые водевили. — «Парижъ смѣющийся и плачущій». — «Альпійская пастушка». — Марія Серато:

Мы въ долгу передъ читателями, и запоздали немного съ нашей лѣтописью французскаго театра, остановившейся на октябрѣ мѣсяцѣ. Много было въ это время новостей на Михайловскомъ театрѣ, и если мы не торопились отдавать объ нихъ отчетъ, то потому только, что намъ случалось иногда по нѣскольку разъ смотрѣть эти новости, чтобы провѣрить свои впечатлѣнія, прислушаться къ суду публики, посмотреть сопровождается ли иную пьесу успѣхъ, встрѣтившій ее при первомъ представленіи, слабѣетъ онъ, или увеличивается. Какъ ни странно подобное явленіе, но оно дѣйствительно существуетъ и на Михайловскомъ театрѣ, хотя гораздо рѣже, нежели на Александринскомъ, и труднѣе объясняется. На обоихъ театрахъ сценическія новости являются обыкновенно въ бенефисы, но въ русскихъ спектакляхъ бенефисная публика бываетъ часто вовсе не та, какъ во всѣдневныхъ и воскресныхъ, тогда какъ въ публикѣ Михайловскаго театра вовсе незамѣтно этого различія. Когда на александринской сценѣ нравится въ бенефисѣ пьеса, не производящая потомъ никакого впечатлѣнія, или, что случается еще чаще, — бенефисная пьеса встрѣчается публикою очень неблагоприятно и холодно въ первое представленіе и съ громкими аплодисманами во второе, — причина этому заключается именно въ различіи публики. Случается это же на французской сценѣ, и мы ничему другому не можемъ приписать подобнаго явленія, какъ тому, что въ первыя представленія, на которыя собирается обыкновенно гораздо меньше посѣтителей, сужденіе меньшинства можетъ очевидно разниться отъ приговора большинства.

Публика, посѣщающая русскіе спектакли, многочисленнѣе той, которая смотритъ французскія пьесы. Вотъ еще причина, по которой даже слабыя русскія пьесы собираютъ иногда нѣсколько разъ сряду много зрителей. Кромѣ того, что на пьесы есть своя мода, какъ на фасонъ шляпки и длину жилета, но часто любопытство зрителей возбуждается самымъ названіемъ пьесы, именемъ автора, знакомымъ на другомъ поприщѣ, разными толками и случаями, возбуждаемыми усердствующими друзьями автора, — и по этому привычная публика русскихъ спектаклей часто смотритъ по нѣскольку разъ плохую пьесу, покамѣтъ все не пересмотрятъ ее. Каждый, разумѣется, не доволенъ пьесой, но считаетъ своею обязанностью разъ посмотрѣть ее, а это собраніе недовольныхъ составляетъ все-таки многочисленную публику, и авторъ плохой пьесы имѣетъ поводъ указывать на хорошій сборъ, какъ на доказательство успѣха пьесы... Впрочемъ, въ чемъ не находитъ утѣшенія авторское самолюбіе! Если пьеса торжественно падаетъ на александринской сценѣ, (а были дѣйствительно паденія замѣчательныхъ пьесъ) авторъ и тутъ имѣетъ право сказать, что современная публика не понимаетъ его, какъ не понимали въ свое время Шекспира. Какъ и въ чемъ найти настоящее мѣрило сценическаго успѣха? Вотъ вопросъ, едва ли не затруднительнѣе вопроса Гамлетоваго, и мы не беремъ за разрѣшеніе его по многимъ причинамъ, изъ которыхъ первая та — что это не относится къ обзорнью нашего французскаго театра.

Не принадлежа къ обычнымъ посѣтителемъ Александринскаго театра, мы бываемъ въ немъ однакоже въ дни первыхъ представленій замѣчательныхъ произведеній, имѣющихъ литературное достоинство.

Въ бенефисѣ г-жи Сосницкой давали *Тараса Бульбу*, драму, взятую изъ удивительной повѣсти Гоголя. Одно имя Бульбы и Гоголя должно было привлечь въ театръ многочисленную публику, но театръ былъ пустъ на половину, а изъ прекрасной повѣсти вышла такая непрекрасная пьеса, что намъ стало жаль и Гоголя, и передѣльватели пьесы. Признаемся, что насъ поразила эта особенная способность изъ хорошей вещи сдѣлать дурную, имы просидѣли въ чрезвычайно грустномъ расположеніи, котораго не могли разсѣять слѣдующія пьесы бенефиса. Несмотря однакоже на неудававшійся бенефисъ, его повторили цѣликомъ нѣсколько разъ сряду, потому только, что всякому русскому человѣку хотѣлось узнать, что вышло изъ Тараса Бульбы на Александринской сценѣ.

Почти подобная же исторія произошла и на французской сценѣ съ драмою Огюста Мале, сотрудника знаменитаго Александра Дюма, написавшаго половину его романовъ, съ «Замкомъ Грантъе». Въ первое пред-

ставленіе драма эта возбудила въ публикѣ неудовольствіе, и въ одне сценѣ даже смѣхъ; потомъ ее смотрѣли нѣсколько разъ, именно для того, чтобы убѣдиться, такъ ли дѣйствительно странна эта драма, какъ въ публикѣ говорили объ ней. А все-таки въ этомъ убѣждались довольно долго. Трудно дѣйствительно повѣрить, чтобы Маке, человекъ безъ всякаго сомнѣнія съ дарованіемъ, написалъ такую пустую пьесу, а главное, написалъ ее съ такимъ незнаніемъ сцены и сценическихъ условій. Это едва ли не первая пьеса, которая очень дурно ведена. Обыкновенно, во французскихъ пьесахъ слабость идеи и содержанія выкупается умѣньемъ вести пьесу и поддерживать интересъ въ зрителѣ. Въ «Замкѣ Грантъе» нѣтъ даже этого послѣдняго условія. Интрига пьесы двоятся самымъ непріятнымъ образомъ: половина дѣвствующихъ лицъ обманываетъ одного мужа; другая половина хлопочетъ объ отысканіи клада, зарытаго въ замкѣ, и эти двѣ идеи до того не вяжутся одна съ другою, что изъ драмы можно бы легко сдѣлать двѣ пьесы, изъ которыхъ каждая, отдѣльно взятая, могла бы быть лучше своего цѣлага. Не говоримъ уже о томъ, что герои этой драмы минутно умираютъ и опять оживаютъ; одного изъ нихъ даже взрываетъ на воздухъ при осадѣ Филиппсбурга, и онъ все-таки является въ послѣднемъ актѣ, чтобы соединиться съ героинею, обманувшею своего мужа, который великодушно уступаетъ ее своему сопернику. Подобными сценами и несообразностями французскіе драматурги впрочемъ нерѣдко угощаютъ нашу публику, и она, долготерпѣливая и многомилостивая, легко можетъ быть встрѣтила бы снисходительно, за неимѣніемъ лучшаго, подобныя сцены, но ей рѣшительно не понравилась, можетъ-быть очень смѣлая и новая мысль господина Маке, только ужъ никакъ не эстетическая:

Гораздо болѣе понравились публикѣ данный вскорѣ послѣ этого водевиль *Черезъ окна* (Pas les fenêtres), содержаніе котораго мы рассказывали въ Обозрѣніи Иностранныхъ Театровъ, и возобновленныя пьесы: *Сказки королевы Наварской* (Les contes de la reine de Navarre) самое нелѣпое произведеніе Скриба, по искаженію историческихъ лицъ и событій, самое умное по языку и самое интересное по ходу дѣйствія; *Дьвица де ла Сегиеръ* (M-lle de la Seiglière), одна изъ лучшихъ комедій всего французскаго репертуара; *Г-жа де Совъ и г-жа де Нанжи* (M-me de Sauves et M-me de Nangis) прекрасная комедія покойнаго Фредерика Сулье, взятая изъ эпохи междуусобныхъ войнъ при Генрихѣ IV; *Чувствительная струна* (La corde sensible) водевиль, въ которомъ герой хочетъ отыскать эту струну, дающую побѣду надъ женщиной, въ сердцѣ гризетки; *Надобно, чтобы дверь была открыта или*

заперта (Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée) драматическая поговорка Альфреда де Мюссе, съ которой открылся рядъ поговорокъ, наводнившихъ и французскую, и русскую сцены; *Два способа* (Les deux manières) быть счастливымъ въ супружествѣ, старинная, но умная комедія; *Г-жа Бертранъ и дѣвица Ратонъ* (M-me Bertrand et m-lle Raton), очень милый водевиль, написанный на тему басни, въ которой кошка таскаетъ изъ печи для обезьяны каштаны и внушенный знаменитою пьесою Скриба, гдѣ дѣйствуютъ господа Бертранъ и Ратонъ на политическомъ поприщѣ.

Эти двѣ новыя пьесы и семь данныхъ въ первый разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ составляютъ все богатство октября мѣсяца, въ которомъ было дано четырнадцать французскихъ спектаклей.

Ноябрь, напротивъ, изобиловалъ новостями. Перечислимъ ихъ по порядку появленія на французской сценѣ.

Блѣснокъ (Le démon du foyer) новая двухъ-актная комедія Жоржъ-Занда, неизмѣвшая большаго успѣха въ Парижѣ и непонравившаяся здѣшней публикѣ. Извѣстная писательница романовъ въ послѣднее время написала очень много пьесъ, потому-что этотъ родъ литературы приносить больше выгодъ. Немудрено, что при скоромъ производствѣ пьесъ, многія изъ нихъ, какъ на примѣръ *Les vacances de Pandolphe* и *Le démon du foyer* вышли очень слабы. Послѣдняя пьеса содержитъ въ себѣ мало занимательную исторію одного итальянскаго артистическаго семейства, въ которомъ одна избалованная молодая дѣвушка дѣлаетъ разныя шалости, даже не совсѣмъ невинныя. Странно, что создавъ одинъ изъ лучшихъ типовъ артистическаго міра Лукрецію Флоріани, Жоржъ-Зандъ написала тотчасъ же послѣ романа подъ этимъ же названіемъ и изъ того же быта, другой: *Le chateau des Désertes*, очень плохой, и пьесу еще плоше, всего два раза явившуюся на нашей сценѣ, несмотря на превосходную обстановку.

Изъ трехъ водевилей—данныхъ вмѣстѣ съ этою комедіей въ бенефисъ Лемениля, лучше прочихъ: *Мизантропъ и Овернецъ* (Le misanthrope et l'Auvergnat), доказывающій впрочемъ старую истину, что не всегда можно говорить правду; *Йоркъ собачье имя* (York, le nom d'un chien), хотя и написанъ Октавомъ Фелье, но не выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ водевилей. Содержаніе его вертится на собакѣ, которую очень любитъ одна дама и которую то спасаютъ, то топятъ, въ угоду или на зло этой дамѣ. Еще слабѣе водевиль *Donnant-donnant* Амедея Ашара. Возобновленъ также въ это время водевиль *La petite cousine*, игранный не разъ въ переводѣ и на нашей сценѣ.

Вторымъ бенефисомъ этого мѣсяца былъ бенефисъ г. Пейссара, режиссера французской труппы, человѣка весьма усерднаго, старательнаго и знающаго свое дѣло, но угощающаго публику всегда весьма плохими пьесами въ свой бенефисъ, хотя, вопреки общепринятому правилу, бенефисы его бывають полны народу. И на этотъ разъ главною пьесою его бенефиса былъ фарсъ *Маленькія Данаиды* (*Les petites Danaïdes ou 99 victimes*) вовсе неинтересный и даже совершенно непонятный для нашей публики. Это пародія на французскую оперу *Данаиды*, которую мы никогда не слыхали, пародія скучная, пустая, которую не могли разогрѣть ни живыя картины Олимпа и Тартара, ни даже Данаиды съ ихъ женихами. Водевиль *Красная куропатка* (*La perdrix rouge*), игранный въ этотъ же вечеръ, также довольно пустъ. Это тысяча первая исторія мужа, разошедшагося со своею женою и опять влюбляющагося въ нее, когда ближе узнаетъ ее. Сцена: *Tire la ficelle ma femme!* сыгранныя г. Леменилемъ, написана по образцу *Titi à la représentation de Robert-le-diable, La mère Michel aux Italiens* и другихъ фарсовъ, гдѣ одинъ артистъ читаетъ передъ публикой монологъ, въ которомъ, за отсутствіемъ смысла, есть много каламбуровъ.

Лучшею пьесою этого бенефиса была старинная трехактная комедія, *Избавитель* (*Un sauveur*) игранная лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ русскомъ переводѣ. Это довольно трогательная и оригинальная исторія любви одного глухо-нѣмого къ знатной дамѣ, которую онъ спасъ изъ воды. Пьеса оканчивается, разумѣется, бракомъ, но по крайней-мѣрѣ глухо-нѣмой не получаетъ мгновенно дара слова, какъ-бы слѣдовало въ мелодрамѣ. Г. Бертонъ былъ очень хорошъ въ роли глухо-нѣмого, г-жа Вольнисъ въ роли его матери, г. Верне въ роли стараго танцовальнаго учителя. Пьеса очень понравилась публикѣ.

Въ слѣдующій бенефисъ, г-жи Мальвины, шла драма Поль-Мериса *Бенвенуто Челлини*, имѣвшая большой успѣхъ и принадлежащая дѣйствительно къ замѣчательнымъ явленіямъ современной французской драматургіи. Несмотря на то, что драма почти цѣликомъ взята изъ романа Александра Дюма *Асканіо*, и что въ ней много изсканныхъ и даже невозможныхъ эффектовъ, самое положеніе дѣйствующихъ лицъ придумано такъ счастливо, что драма нравится почти противъ воли, затрогивая въ сердцѣ каждаго зрителя струны, которыя легко отзываются на призывъ искуснаго писателя. Пьеса основана на любви извѣстной герцогини д'Этампъ къ ученику Бенвенуто Челлини Асканіо и на усиліяхъ Челлини спасти Асканіо отъ этой любви, потому-что любовь герцогини пагубна. Къ этой главной пружинѣ драмы примѣшано множество эпизодовъ,

между которыми одинъ: отлитіе статуи Юпитера, написанъ съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца и чрезвычайно интересенъ. Самое лицо знаменитаго золотыхъ дѣлъ мастера, хотя и нѣсколько идеализированное въ пьесѣ,—вышло очень рельефно и занимательно. —Его окружаютъ другія историческія лица, также прекрасно очерченныя: Карлъ V. Францискъ I, герцогиня д'Этампъ, Прево Парижа; множество историческихъ анекдотовъ и изрѣченій еще болѣе оживляютъ драму, написанную превосходно и вполне знакомящую зрителя съ характеромъ эпохи, въ которую жилъ Челлини, оставившій намъ такія любопытныя записки о своемъ вѣкѣ и своихъ похожденияхъ. Драма разыгрывается превосходно на нашей сценѣ.

Водевиль: *Trois amours de pompiers* и *Ether, magnetisme et hachis* довольно забавны. Въ первомъ кухарка, у которой три обожателя изъ пожарной команды. Близорукій хозяинъ напрасно старается сохранить миръ и спокойствіе между всеми этими лицами; во второмъ довольно удачно осмѣиваются мнимыя чудеса животнаго магнетизма и упоеніе эвиря и хашиша. Напрасно только авторы этого водевиля вывели на сцену эвиръ, теперь уже нигдѣ и въ никакихъ случаяхъ не употребляемый и вполне замѣненный хлороформомъ.

Послѣдній бенефисъ въ ноябрѣ принадлежалъ г. Руже и былъ вообще послѣднимъ бенефисомъ его въ Петербургѣ. Вѣроятно, вся публика раздѣляетъ съ нами сожалѣніе о томъ, что этотъ даровитый артистъ оставляетъ нашу сцену. Не помнимъ ни одной роли, которую г. Руже сыгралъ—бы слабо, во все продолженіе своего десятилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, онъ почти во всѣхъ роляхъ былъ прекрасенъ. Съ неподдѣльнымъ комизмомъ въ этомъ артистѣ соединяется столько чувства, что амплуа его врядъ—ли можетъ быть вполне замѣнено другимъ актеромъ, и отъѣздъ его оставить въ нашей превосходной труппѣ назамѣнимую пустоту.

Всѣ три пьесы бенефиса Руже были взяты изъ парижской жизни и представляли вѣрныя картины этого города, играющаго такую важную роль въ исторіи Западной Европы. *Экономіи г. Кабашара* (*Le économies de m-g Sobochard*) впрочемъ довольно пустой водевиль, но комедіи *Три квартала* (*Les trois quartiers*) и *Воспоминанія молодости* (*Les souvenirs de la Jeunesse*) очень милы и занимательны. Въ первой пьесѣ заключаются похождения одного господина, влюбляющагося поочередно въ хорошенькихъ обитательницъ трехъ кварталовъ; во второй—картина жизни молодыхъ людей, дѣлающихся черезъ шесть лѣтъ степенными людьми. Въ особенности эта послѣдняя пьеса полна жизни, веселости, остроумія и чувства, и напоминаетъ *La vie de Bohème* Мюрже,

хотя и не оканчивается такъ печально. Пьеса эта разыгрывается съ такимъ увлеченіемъ и согласіемъ, что публика съ удовольствіемъ смотритъ на эту веселую картину парижской жизни.

Четырнадцать новыхъ пьесъ и одна возобновленная драма даны были въ пятнадцать спектаклей французской труппы, въ-продолженіе этого мѣсяца.

Въ декабрѣ бенефисы начались прощальнымъ бенефисомъ г. Готи, также отслужившаго свои десять лѣтъ и собирающагося оставить нашу сцену. Этого старательнаго артиста также жаль, какъ Руже, хотя послѣдній нужнѣе для нашей труппы и выше по дарованію. Изъ четырехъ пьесъ, данныхъ въ бенефисъ Готи, только одна имѣла успѣхъ. Это *Королева, кардиналъ и пажъ* (Reine, cardinal et page) комедія г. Ансело. Если мы скажемъ, что королева эта Анна Австрійская, кардиналъ—Ришелье, и что въ интригу пьесы вмѣшанъ, сверхъ-того англійскій посланникъ—герцогъ Букингемъ, то всякій, знакомый съ исторіею, хотя бы по романамъ Дюма, узнаетъ, что пьеса основана на известномъ анекдотѣ съ эвильетами Анны Австрійской. Пажъ служить здѣсь только для того, чтобы, оказавъ услугу королевѣ присканіемъ другаго эвильета, въ замѣнъ похищеннаго по наущенію Кардинала,—заключить пьесу, если не счастливой, то, по-крайней-мѣрѣ, удовлетворительной развязкой. Жаль только, что пьеса написана сухимъ языкомъ, какъ вообще всѣ произведенія Ансело.

Остальные пьесы бенефиса Готи были очень слабы. Пьеса Теофиля Готье *Заколдованная трехуголка* (Le tricorne enchanté) написана прекрасными стихами, но содержаніе ея ниже всякой арлекинады. Какого-то дурака увѣряютъ, что надѣвъ заколдованную шляпу, онъ сдѣлается невидимымъ, и пользуясь этимъ, надуваютъ его и выдаютъ за-мужъ его питомицу, на которой онъ самъ собирался жениться. *Репетиція оперы серія* (La prova d'una opera seria) старое повтореніе избитаго сюжета, основаннаго на капризахъ примадоннъ и протекціи, которую оказываютъ имъ директоры театровъ. Но слабѣ всѣхъ пьесъ произведеніе самаго г. Готи, *Парижъ и Петербургъ*, съ сюжетомъ самымъ неправдоподобнымъ, наскучавшая зрителямъ до нельзя и о которой мы считаемъ излишнимъ сказать даже нѣсколько словъ!

Въ бенефисъ г-на Дешана дали пьесу, понравившуюся публикѣ петербургской и получившую въ Парижѣ моральную премію. *Парижъ плачущій и Парижъ смѣющійся* (Paris qui pleure et Paris qui rit). Это опять сцены изъ парижской жизни, довольно интересныя, но отрывочныя и непроникнутыя никакою общою идеею, такъ, что половину изъ восьми дѣйствій этой пьесы можно легко исключить, и пьеса ничего не потеряетъ отъ этого. Въ ней-заключается исторія двухъ бра-

ковъ, несчастнаго—по разсчету, и счастливаго—по любви, какъ будто въ жизни не случается этого наоборотъ. Въ драмѣ есть и сумасшедшая, и мужъ обманутый, но счастливый, и рестораны съ отдѣльными кабинетами, и качели, и масляница, и кладбище отца Лашеза, и мерство, куда приносятъ записывать новорожденныхъ младенцевъ, есть много эффектовъ, много слезъ и смѣха; еесмотришь даже съ удовольствіемъ, но она ничего не оставляетъ ни въ сердцѣ, ни въ памяти.

Другая пьеса этого бенефиса: Grande représentation au bénéfice de Berliquet, фарсъ въ родѣ Titi. Плохой актеръ, которому дали бенефисъ, выбираетъ себѣ роль Оросмана въ трагедіи *Заира*, а называетъ ее на афишѣ Tragedie très gentil, dans la quelle m-lle Rachel aurait du jouer le principal role. Публика кидаетъ въ него мочеными яблоками, и онъ рассказываетъ въ длинномъ монологѣ о своемъ несчастіи. Все это довольно смѣшно хотя, и не остроумно.

Въ бенефисъ г-жи Лемениль шла трехъ-актная комедія какого-то господина Пельтье-Вольмеранжа: *Полина или испытаніе братьевъ* (Pauline ou les frères à l'épreuve). Несмотря на прекрасную обстановку этой пьесы, она не имѣла никакого успѣха, и ея содержаніе до того избито, что въ наше время какъ-то странно смотрѣть подобную пьесу. Дядюшка выдаетъ себя за мертваго, для того, чтобы испытать своихъ племянниковъ и узнать, который изъ нихъ болѣе любитъ его. Что можетъ быть старѣе подобнаго сюжета! Языкъ пьесы сухой, и сама она очень скучна.

Quand on va cueillir la poisette очень миленькій водевиль, хотя не много длинный. Одного крестьянина, довольно жаднаго и скупаго, какъ большая часть крестьянъ, его крестный отецъ, колдунъ, заставляетъ идти въ лѣсъ въ извѣстное время и увѣряетъ, что онъ тамъ найдетъ кладъ. Въ то же время является туда и крестьянка, которую тотъ же колдунъ увѣрялъ, что она найдетъ въ лѣсу мужа. Молодые люди, встрѣтятся, сначала ссорятся, потомъ влюбляются другъ въ друга, и пьеса оканчивается свадьбой.

Но главной пьесой бенефиса была пяти-актная драма: *Альпійская пастушка* (La bergère des Alpes), возбуждавшая много толковъ, заставившая плакать не одну чувствительную зрительницу. Мы почитаемъ эту пьесу лучшею въ нынѣшнемъ сезонѣ. Содержаніе ея довольно оригинально и ново: лавина засыпаетъ въ Альпійскихъ горахъ бѣдную пастушку и парижскаго денди, и онъ долженъ пробыть въ этой хижинѣ слишкомъ три мѣсяца, глазъ-на-глазъ съ неопытной дѣвушкой. Молодой человѣкъ не переноситъ этого искушенія, хотя у него есть невѣста, которую онъ любитъ. Вся пьеса служитъ только развитіемъ этой идеи

и основывается въ борьбѣ долга съ условіями свѣта и общества. Ведена эта драма превосходно, кромѣ нѣсколькихъ сценъ, написанныхъ для одного эффекта. Разыграна она въ совершенствѣ, и вѣроятно будетъ еще долго привлекать въ театрѣ многочисленную публику.

Въ пятнадцать французскихъ спектаклей этого мѣсяца было сыграно девять новыхъ пьесъ. Всего съ апрѣля мѣсяца было дано сто восемь французскихъ спектаклей, въ которые сыграно сто шесть новыхъ и возобновленныхъ пьесъ, почти по одной новой пьесѣ въ каждый спектакль, — богатство и разнообразіе репертуара изумительныя!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о тифлисскомъ театрѣ. — Его балетная труппа. — Г-жа Чинова въ роли Сильфиды. — Опера. — Театръ въ Херсонѣ: Прїездъ труппы г. Бурмицкаго. — Первые спектакли. — Бенефисъ Бушено. — Еще о Херсонскомъ театрѣ. — Новые артисты въ труппѣ Бурмицкаго. — Театръ въ Костромѣ. — Г. Рыбаковъ. — Докучаевы.

Вотъ что намъ пишутъ изъ Тифлиса о его театрѣ и театральныхъ новостяхъ:

«Теперь можно смѣло и съ удовольствіемъ сказать, что изъ всѣхъ провинціальныхъ театровъ въ Россіи, по великолѣпію зданія, по обставкѣ и составу труппы, театръ тифлисскій, безъ сомнѣнія, послѣ варшавскаго, занимаетъ первое мѣсто. До-сихъ-поръ, онъ не имѣлъ своей постоянной балетной труппы; теперь, благодаря заботливости дирекціи, есть и она, хотя составленная пока только еще изъ четырехъ персонажей, которые, разумѣется, не могутъ знакомить зрителей съ цѣлыми балетами, но дарятъ насъ отдѣльными изъ нихъ сценами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г-жи Чинова и Павлова скоро сдѣлаются любимицами тифлисской публики. Первая изъ нихъ много общается въ будущемъ, и ея первый дебютъ въ «Сильфидѣ» выказалъ всю ея легкость, бойкость и грацію. Второй дебютъ въ той же роли совершенно расположилъ публику въ ея пользу. Г-жа Павлова не такъ хороша въ роляхъ, требующихъ отчетливой художественности въ исполненіи, но зато она восхитительна въ пляскахъ

Испаніи и Италіи;—характерные танцы, которые она исполняетъ вмѣстѣ съ г-мъ Монохинымъ, — ея непремѣнное назначеніе. Она владѣетъ большою развязностью, граціею и прекрасною наружностью. Г. Монохинъ танцоръ, въ искусствѣ котораго подмѣчается много практики и большое изученіе своего дѣла.

Но главное наше сценическое наслажденіе заключается теперь въ оперѣ. Итальянскіе гости, въ числѣ которыхъ тифлисская публика встрѣтила двухъ, трехъ старыхъ знакомыхъ, обѣщаютъ намъ бездну удовольствій, истинно артистическихъ. Въ слѣдующемъ письмѣ расскажемъ объ этихъ удовольствіяхъ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о составѣ труппы и первыхъ ея дебютахъ. Въ главѣ пріѣзжихъ артистовъ, безспорно, должно поставить г-на и г-жу Рамони — баритонъ и примадонна; за ними г. Рицци — теноръ, двѣ сестры Вазоли — сопрано и контральто; потомъ старые знакомцы: Г-жи Миноци и Фискети и гг. Вилла, Викѣи и Бони. Нѣкоторые изъ этихъ артистовъ дебютировали въ трехъ операхъ: Норма, Эрнани и Лукреція. Пальма первенства въ этихъ дебютахъ принадлежитъ г. и г-жѣ Рамони. Въ нихъ мы уже встрѣчаемъ артистовъ опытныхъ, изучившихъ свое дѣло и сцену. Голосъ г. Рамони болѣе отвѣчающій низкому тенору и въ чисто-баритонныхъ партіяхъ — нѣсколько слабъ... Но этотъ недостатокъ вырывается отчетливостью исполненія партій и умною игрою пѣвца. Г-жа Рамони будетъ лучшимъ украшеніемъ нашей оперы; это можно заключить по первому ея появленію на сцену... Она обладаетъ голосомъ гибкимъ, свѣжимъ и большою опытностію. Сестры Вазоли впервые выступили на сценическое поприще только у насъ въ Тифлисѣ. Одна робость и еще несамоувѣренность мѣшала имъ въ первые дебюты выказать всю полноту и свѣжесть прекрасно и тщательно обработанныхъ голосовъ. О другихъ артистахъ скажемъ въ свое время—считая, впрочемъ, не лишнее замѣтить, что въ настоящій сезонъ мы прослушиваемъ оперы полныя и, по возможности, удачно обставленныя; чему, разумѣется, много помогаютъ хоры, безъ которыхъ, до пріѣзда нашихъ хористокъ и хористовъ, сцена много сиротѣла.

ТЕАТРЪ ВЪ ХЕРСОНѢ.

Долго въ Херсонѣ царствовалъ всеобщій сплинъ; долго въ общественной жизни не было никакого стремленія къ удовольствіямъ; а если нѣкоторые и желали веселиться, то составляли отдѣльные кружки и

веселились, какъ говорится, тихомолкомъ. Правда, стеченіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ могло постепенно уничтожить гулянья, собранія, театръ и всѣ другія проявленія общественнаго развлеченія... Жизнь въ Херсонѣ приняла другое направленіе: заиграла музыка, закружились танцоры, и первое развлеченіе пожилыхъ людей — преферансъ занялъ авторитетъ въ обществѣ нетанцующихъ. Жизнь въ Херсонѣ сдѣлалась гораздо шумнѣе и свѣтлѣе, и для того, чтобы вполнѣ удовлетворялось наше скромное желаніе удовольствій полныхъ, намъ недоставало только спектаклей.

Наконецъ, съ пріѣздомъ антрепренера Бурмицкаго, осуществилось и это желаніе. По зову длинныхъ афишъ, почти весь городъ стремится въ театръ и съ трудомъ, кое-какъ, размѣщается въ ложахъ и креслахъ.

При первомъ представленіи зрители не замѣчали безталантности актеровъ, отъ удовольствія, что неблагоклонная, до того времени, къ намъ Мельпомена, наконецъ помирилась съ нами, и рѣшилась снизойти къ нашей нуждѣ, пославъ въ Херсонъ своихъ служителей. Притомъ, еслибы публика и замѣтила слабости актеровъ въ исполненіи ролей, она бы снисходительно смотрѣла на ихъ игру, для того собственно, чтобы поощрить и удержать ихъ въ городѣ на будущее время. Bravo! и рукоплесканія сыпались щедро со-всѣхъ-сторонъ, и вызовамъ не было конца. Явились театралы, которые не замедлили абонировать ложи и кресла на всѣ представленія; заговорили журналы, закричали фельетонисты: у насъ есть театръ, есть спектакли! — Этотъ, можно сказать, всеобщій восторгъ вполнѣ показываетъ, какъ нетерпѣливо желала публика сценическихъ удовольствій.

Но несмотря на все, этотъ общій восторгъ скоро исчезъ... чего, впрочемъ, избѣжать было невозможно, ибо съ одной стороны частое повтореніе однихъ и тѣхъ же пьесъ, въ родѣ: «Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши — плачемъ», или «Тѣнь прародительницы», а съ другой — слабое ихъ исполненіе, скоро заставили зрителей зѣвать и скучать немилосердно. Съ отбытіемъ съ нашей сцены Горева-Тарасенкова и Охотниковой, двухъ драматическихъ талантовъ, театральная зала, во-время представленія драмъ, оставалась совершенно пустою, и лишь-только афиша объявляетъ о драмѣ или трагедіи, билеты въ театральной кассѣ далеко до половины не разобраны. Но случай поправляетъ обстоятельства, и между-тѣмъ даритъ публику неожиданнымъ и приятнымъ подаркомъ, именно: одна изъ послѣднихъ афишъ объявляетъ, что во вторникъ, 2 декабря, въ бенефисѣ г-на Бушона, любимаго нашего комика, будетъ представлено, въ первый разъ: «Герой преферанса»,

или душа общества», оригинальная комедія-водевиль, сочиненіе г-на Григорьева. «Что и деньги безъ ума, или горды на чердакъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Соловьева; а въ заключение: «Къ намъ пріѣхала первая танцовщица, или я вамъ Гамлета сыграю», интермедія съ танцами, въ одномъ дѣйствіи, соч. Ермолова, въ которой всѣ участвовавшіе персонажи будутъ танцовать каррикатурный кадрили; а г-жа Ижорская протанцуетъ solo.

За выборъ этой пьесы, мы обязаны г-ну Бушено, и ничуть не антрепренеру, потому-что, какъ видно было, г. Бурмицкій мало знакомъ съ нашимъ водевильнымъ репертуаромъ; онъ понялъ, что драмы имѣютъ огромное преимущество передъ комедіями, но, кажется, не могъ сообразить, что къ этому нужно имѣть актеровъ съ драматическими талантами, а у него нѣтъ ни одного такого. Успѣхъ этой аффиши былъ таковъ же, какъ и успѣхъ перваго объявленія. Театральная зала наполняется огромнымъ стеченіемъ зрителей; билеты разобраны, и г-нъ бенефициантъ пользуется полнымъ сборомъ. Хотя нѣкоторые изъ зрителей рѣшились быть посѣтителями спектакля потому только, что встрѣча съ знакомыми и разговоръ съ ними могли доставить нѣсколько минутъ пріятныхъ; но ожиданія этихъ нѣкоторыхъ не состоялись.... Взвилась занавѣсъ, и передъ зрителями—Александръ Андреичъ Прикупка (Востоковъ). Натуральная игра актера скоро привлекаетъ всеобщее вниманіе къ сценѣ; это вниманіе заинтересовываютъ и другіе исполнители: Бушено въ роли Андрея Андреевича Прикупки, Петровъ въ роли Козыревича и Волковъ въ лицѣ Минуса. Раздается браво, и мы хохочемъ отъ души. Правда, небольшой комплектъ труппы много вредилъ ходу этой пьесы, но игра актеровъ совершенно уничтожала такой недостатокъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить игру, нужно было видѣть Богдана Богдановича Пасъ (Чернявскій), въ то время, когда онъ объясняетъ приказаніе его превосходительства, и при этомъ досаду Андрея Прикупки и его жены; потомъ изумленіе и гнѣвъ игроковъ при чтеніи письма къ Минусу, и наконецъ нападеніе оскорбленныхъ на моднаго франта съ козлиной бородкой, — сцены, которыя вполнѣ могутъ показать не только стараніе, но и въ нѣкоторой степени истинныя комическія способности исполнителей. Особенно были хороши Бушено и Чернявскій. Востоковъ, какъ водевильный актеръ, прекрасенъ. Жаль только, что игрѣ г-жи Бурмицкой много вредятъ излишнія ужимки и прыжки. Петровъ былъ хорошъ. Объ игрѣ его можно сказать, что онъ бываетъ на мѣстѣ только въ роляхъ старыхъ солдатъ, по справедливости, это его амплуа, и къ нему никакъ нельзя отнести выраженія: «золотая посредственность, куда не поставь, вездѣ хорошъ», потому-что въ нѣкоторыхъ роляхъ, какъ мы видѣли, онъ плохъ.

Для публики подобныя спектакли новы, а потому она старалась отблагодарить актеровъ. Вызваны были слѣдующіе персонажи: Бушено, Бурмицкая, Чернявскій, Востоковъ, Ижорская и Волковъ. Дай Богъ, чтобы подобныя спектакли повторялись почаще.

АЛЕКСѢЙ АФОНАСЬЕВЪ.

ЕЩЕ О ХЕРСОНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Скажемъ еще два-три слова объ актерахъ, вновь поступившихъ въ труппу господина Бурмицкаго. Между ними первое мѣсто принадлежитъ *А. А. Померанцеву*, этотъ актеръ можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ людей, которые съ удивительнымъ самоотверженіемъ отказываются отъ многихъ выгодъ жизни и жертвуютъ всею, чтобы стать на дорогу своего призванія.

Онъ служитъ сценѣ до десяти лѣтъ, приобрѣлъ значительную извѣстность прекраснаго исполнителя малороссійскихъ ролей, особенно въ приволжскихъ губерніяхъ. Его амплоа — драматическіе резервы. — На херсонской сценѣ онъ является съ іюля настоящаго года; дебютъ его (Чуирунъ, въ *Москаль-чаровникѣ*) далъ самое выгодное мнѣніе о его сценическихъ средствахъ; роль городничаго (въ *Ревизорѣ Н. В. Гоголя*) вполне утвердила это мнѣніе. Мы видѣли его во многихъ роляхъ, и вездѣ игра его удовлетворительна. Г-нъ Востоковъ, молодой человекъ съ порядочнымъ образованіемъ, съ сценически-богатою наружностью, выполняетъ роли молодыхъ людей; онъ вмѣстѣ и писатель: нѣсколько водевилей, оригинальныхъ и переводныхъ, принадлежатъ ему; два изъ нихъ мы видѣли на нашей сценѣ. Болѣе замѣчательная роль въ его исполненіи, — это *Подколесинъ* (въ *Женитьбѣ*, Гоголя). Г-нъ *Ижорскій* не имѣлъ еще возможности высказаться вполне; приговоръ ему ограничивается словомъ — *порядочный актеръ*. Г-жа *Виноградова-Ижорская*, его жена, миловидная воспитанница московской театральной школы, восхищаетъ нашу публику качучами, разными характерными танцами и ловкими solo, и пр. Изрѣдка мы видимъ ее и въ водевиляхъ. *Мамоновъ* — машинистъ; онъ владѣетъ своимъ искусствомъ, какъ артистъ: при самыхъ ничтожныхъ матеріальныхъ средствахъ, обстановка пьесъ (напримѣръ, *Пьетро Дандини*, *Вотъ такъ пилюли, что въ ротъ, то спасибо*, и проч.) удовлетворяли самымъ строгимъ требованіямъ вкуса.

Остается сказать о выбывших изъ труппы: въ г-нѣ Горевъ-Тарасенковѣ и г-жѣ Охотниковой, труппа и публика потеряли лучшихъ исполнителей. Жалѣемъ отъ души; многіе изъ постоянныхъ посѣтителей спектаклей желали бы, конечно, хоть изрѣдка выносить изъ театра болѣе серьезныя впечатлѣнія, чѣмъ обыкновенно предлагаютъ водевильчики и проч. Учрежденіе дирекціи было бы благотѣльно во всѣхъ отношеніяхъ для актеровъ, и для зрителей.

В. НЕГРЕСКУЛЬ.

ТЕАТРЪ ВЪ КОСТРОМѢ.

Въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго года нашъ городъ, въ другое время такъ бѣдный удовольствіями, оживился пріѣздомъ прошлогодней труппы артистовъ, подъ управленіемъ г. Соловьева. Но какъ я теперь навѣрное узналъ, г. Соловьевъ отнюдь не управляетъ труппой въ такомъ смыслѣ, какъ это обыкновенно принято; онъ ничто иное, какъ простой антрепренеръ, казначей, что угодно, только не режиссёръ. Роли нераздаются, а разбираются полюбовно, каждый актеръ выбираетъ то, что ему нравится и что по силамъ. Поэтому не удивительно, если иногда являются маленькія несообразности, ибо ничто такъ неспособно увеличивать свои достоинства, какъ сценическое самолюбіе.

Зимній сезонъ нашъ открыли,—чѣмъ вы думаете?—«Гамлетомъ»! роль коего, какъ гласила афишка, будетъ играть артистъ Рыбаковъ.

Признаюсь, я мало ожидалъ удовольствія отъ подобнаго представленія, по весьма понятнымъ причинамъ; но мнѣ очень пріятно сознаться въ моей ошибкѣ—пѣса шла, какъ нельзя лучше, тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе сценическіе и матерьяльные недостатки провинціального театра. Г. Рыбаковъ имѣетъ весьма хорошую наружность, но уже слишкомъ полонъ и старъ для такихъ ролей, какъ Гамлетъ! Многіе артисты никакъ не хотятъ понять, что роль эта, какъ условіе sine qua non—требуетъ молодости и, если нещедренности, то, по крайней мѣрѣ самого умѣреннаго тѣлосложенія; какъ-то непріятно видѣть мечтательнаго, страдающаго, занятаго постоянной мыслью Гамлета толстымъ, пожилымъ, съ изряднымъ басомъ и довольно старымъ лицомъ, между-

тѣмъ, какъ сибарить Клавдій являлся по большей части щедрымъ, худенькимъ, съ постной физиономіей. По впечатлѣнію, произведенному первымъ актомъ, нельзя было многого ожидать отъ г. Рыбакова: игра его была натянута и до крайности неестественна; сцена съ тѣнью не произвела никакого эффекта, потому-что Гамлетъ очень равнодушно и передъ нею декламировалъ, а сама тѣнь была уже черезъ-чуръ смѣшна и чрезвычайно походила на святочныхъ наряженцевъ. Но за то въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ игра Рыбакова была одушевлена и естественна, Гамлетъ какъ-будто переродился. Въ особенности сцена его съ матерью (въ 4 дѣйст.) шла чудесно и была сыграна единодушно. Какое сильное и доходящее до глубины души значеніе придалъ онъ этимъ, на бумагѣ ничего незначущимъ словамъ «покойной ночи, королева»! Оглушительныя рукоплесканія были ему наградою. и, надо признаться, вполне заслуженною. Его нѣсколько разъ вызывали послѣ каждаго дѣйствія, исключая пераго, въ которомъ игра его рѣшительно никого не удовлетворила.

Одно только странно: Клавдій, Гертруда и Гамлетъ всегда выходили на сцену съ непокрытыми головами, а остальные персонажи, напротивъ, являлись всегда въ баретахъ и шляпахъ, и не снимали ихъ даже во-время разговоровъ съ королемъ или принцемъ. Не могу разгадать, при какомъ дворѣ могли водиться такія диковины. Полоній (г. Бѣлаевъ) былъ очень хорошъ и заслужилъ полную благодарность публики. Клавдій, король датскій (г. Мониновъ) былъ, такъ-сказать, не въ своей тарелкѣ. поэтому игра его вовсе не соотвѣтствовала характеру занимаемаго имъ лица. Лазръ (г. Докучаевъ) игралъ съ одушевленіемъ и любовію, какъ вообще во вѣсхъ роляхъ. Офелія (г-жа Алинекая-Докучаева) пропѣла довольно искусно свою арію, а сцена ея помѣшательства была одной изъ лучшихъ во всей трагедіи.

Вообще трагедія шла хорошо, благодаря игрѣ г. Рыбакова и бѣльшей части актеровъ; публика была довольна, чему докательствомъ служитъ то, что при повтореніи «Гамлета», театръ былъ полонъ—черезъ край.

Превосходенъ былъ г. Рыбаковъ еще въ роляхъ *Роберта Дравенсона*. «Фрегатъ Надежда», и *Доверстона* Отецъ и дочь, или «Сумасшедшій въ лѣсу».

Но тутъ и весь циклъ его представленій. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, куда его ангажировали на два года. Скажемъ безпристрастно: Рыбаковъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ актеровъ, и еслибъ онъ началъ и продолжалъ свое поприще на одномъ изъ столичныхъ театровъ, то въ настоящее время былъ-бы украше-

ніемъ и славою русекой сцены. Въ немъ много собственнаго постиженія и есть внутренній огонь, котораго не достаетъ у многихъ знаменитостей.

Въ *Водевиль съ переодѣваньемъ*, хотя пьеса сама по себѣ цѣлѣна, какъ и всѣ водевили, гдѣ переодѣванье служитъ основою всего дѣйствія, г-жа Алінская-Докучаева прекрасно выполнила роли цыганки и старой тетки; куплеты она пѣла премою, съ такою мимикою и выразительностію, что едвали кому уступить въ ихъ исполненіи. Она прекрасная актриса, и одна, своей игрою, оживляетъ самыя скучныя пьесы, которыя безъ нея на нашей сценѣ канули бы на вѣкъ въ Лету, не возбудивъ ни малѣйшаго сочувствія. Пьесамъ, въ которыхъ участвуетъ она, ея мужъ и г. Садовскій, заранѣе можно предсказать у насъ успѣхъ.

Г. Докучаевъ хотя еще молодой человѣкъ, но съ замѣчательнымъ талантомъ и прекрасною наружностію. Роли вертопраховъ, волокитъ, шалуновъ,—его сфера; онъ ихъ играетъ ловко, развязно, безъ утрировки, но всегда съ увлеченіемъ и теплою *Ив. Петр Шестаковскій* (*Водевиль съ переодѣваньемъ*) вышелъ у него живымъ типомъ и съ самыхъ серьезныхъ губъ срываетъ невольныя улыбки. Онъ всегда заинтересуетъ васъ своей личностію, потому-что не играетъ, а весь перерождается, вдумывается въ свои роли. Каждой старается онъ придать особый колоритъ, и представить, лицо вѣрно списанное съ натуры. Роли: *Минуса* въ «Игрѣ преферанса», *Подколесина* въ «Женидбѣ», *Орелина* въ «Рецептъ для исправленія мужей» и проч. служатъ доказательствомъ его дарованія, и доставили ему и его женѣ, которая особенно хороша въ роли *Троепольской*, въ пьесѣ, «Дебютъ Троепольской» заслуженную любовь и уваженіе всей публики. *Генрихъ*, «Дѣвица отшельница», выполненъ былъ имъ прекрасно, а въ *Робенъ*. «Записки демона» онъ увлекъ всѣхъ прекраснымъ исполненіемъ роли и эффектною костюмировкою.

Г. Садовскій, котораго одушевленная игра такъ скоро прославила, шагаетъ впередъ съ каждымъ днемъ; игра его округляется, веселость его не поддѣльна, а потому и заразительна; манеры его становятся все развязнѣе и пріятнѣе. Очень понравился онъ въ роляхъ: *Кочкарева*, «Женидба» *Фефелова* «Рецептъ для исправленія мужей», *Садовника* «Гусарская Стоянка», *Жака Силлоне* «Много шуму изъ пустаковъ» *Шумскаго* «Дебютъ Троепольской», *Кавалера де-Лараньерра*. «Записки Демона» и проч. гдѣ не разъ морилъ зрителей до слезъ своимъ неподдѣльнымъ комизмомъ. Онъ рѣшительно Мартыновъ нашей сцены и соперничать съ нимъ кому-нибудь здѣсь будетъ

трудно; публика такъ къ нему привыкла, такъ привязалась, что онъ любимецъ всѣхъ и каждаго.

Г-жа Маіорова, о которой я въ послѣднемъ своемъ письмѣ забылъ сообщить вамъ, уже дама не первой молодости, но играетъ съ душой, обдуманно и всегда старается вникать въ смыслъ своей роли, что составляетъ не маловажное достоинство всякой актрисы. *Агафья Тихонова* въ «Женидбѣ» была ею исполнена съ большимъ искусствомъ; уловки и жеманство переданы ею, какъ нельзя лучше. *Варвара Афанасьевна* «Рецептъ для исправленія мужей», *Аврора Силло-не* «Много шуму изъ пустяковъ», *Пулькина* «Герои преферанса» и проч., принадлежатъ къ лучшимъ ея ролямъ, особенно послѣднія двѣ, въ которыхъ у нея вырвались неподражаемо хорошіе моменты.

Г-жа Дробикова, въ роли *Юнкера Лелева* «Гусарская стоянка», была очень мила и ловка; жаль, что она рѣдко является въ роляхъ, болѣе способныхъ выказать талантъ актрисы.

«Сцена изъ мертвыхъ душъ», о капитанѣ *Копѣйкинѣ*, рѣшительно упала на нашей сценѣ; когда занавѣсъ опустился, во всей залѣ воцарилась мертвая тишина; таже самая участь постигла и «Харьковскаго жениха», пьесу, имѣющую такой постоянный успѣхъ въ Петербургѣ. Причины такихъ явленій мы предоставляемъ разрѣшить нашимъ литературнымъ физиологамъ.

Въ заключеніе, я не могу не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Бенефисъ ни-что иное, какъ мѣрка, но которой узнается степень привязанности публики къ артисту, или, наоборотъ, бенефисъ служить мѣриломъ и доказательствомъ таланта въ артистѣ. Вѣдь не станеть же публика любить бездарнаго и скучнаго актера. А если это предположеніе не подлежитъ спору, то спрашивается: почему гг. бенефицианты избираютъ въ своихъ бенефисахъ такія пьесы, въ которыхъ главная роль обыкновенно принадлежитъ собрату, менѣе любимому? Публика посѣщаетъ бенефисы изъ благодарности за удовольствіе, доставленное артистамъ; почему-же онъ почитаетъ себя въ-правѣ въ этотъ день играть не роль хозяина, а постороннаго лица?

Бенефисы ставятся у насъ на сцену на скорую руку, и къ несчастью, отличаются тѣмъ, что никто почти не знаетъ своей роли. Исключеніемъ изъ этого дурнаго обычая служатъ бенефисы четы *Докучаевыхъ*; *Докучаевъ* въ своемъ бенефисѣ («Записки демона») самъ игралъ главную роль, и сыгралъ ее прекрасно.

Недавно сцена наша оживилась прїѣздомъ двухъ танцовщицъ, бывшихъ воспитанницъ московскаго театральнаго училища: гг. *Гольтъ* и

Петровой. Обѣ еще молоды, но танцуютъ порядочно, особливо г-жа Петрова—премилое гразіозное созданіе.

Г. Молдуано, извѣстный ветеранъ всѣхъ фокусниковъ, далъ здѣсь три представленія, въ которыхъ обнаруживалъ большую ловкость, и вознагражденъ былъ тѣмъ, что у него всегда было множество посѣтителей.

Е. ГРИНБЕРГЪ.

Кострома,

3-го января 1853 года.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА; отъ 19/31 декабря 1852 года.

Новыя названія главныхъ парижскихъ театровъ.—Привиллегія, данная Драматической Гимназіи.—Несчастіе съ театромъ Водевиль.—Открытіе Итальянской Оперы.—Отелло.—Крувелли, Белетти, Беттини и Кальцолари.—Сомнамбула.—Г-жа Бельтрамелли.—Театръ Комической Оперы: Первое представленіе «Удольфскихъ Тайнъ», оперы въ 3 дѣйствіяхъ, слова гг. Скриба и Жермена Делавиня, музыка Клаписсона.—Лирической театр: Первые представленія «Кильморской Фермы», ком. оперы въ 2 д., слова гг. Дели и Вѣстина, музыка г. Верне, и «Трубача Гильери» ком. оперы въ 2 д., слова гг. Левена и де-Боплана, музыка г. Сармиенто.—Письмо изъ Веймара о Берліозѣ.—Первый французскій театр: «Сулливанъ», комедія въ 3 д., въ прозѣ, г. Мелезвиль.—Одеонъ: «Ришелье», драма въ 5 д., въ стихахъ, г. Пелліона «Величіе и паденіе Жозефа Прюдома», комедія въ 5 д., въ прозѣ, г. Генриха Монье и Гюстава Вацца.—«Четыре угла», комед. въ 1 д., г. Леона Батю.—Нѣсколько словъ о Генрихѣ Монье.—Театръ Драматической Гимназіи: «Мужъ, которому нечего дѣлать», комедія-водевиль гг. Фурнье и Лорансена.—«Матушкинъ сыночекъ», комедія-водевиль въ 3 д., гг. Баяра и Бьевилья.—Театръ Разнообразія: «Таконнѣ», водевиль въ 5 д., гг. Боро и Клервилья.—Театръ Веселости: «Альпійская пастушка», драма въ 5 д. гг., Шарля Денойе и Деннери.

Для начала, позвольте васъ увѣдомить, что большіе парижскіе театры, по случаю провозглашенія имперіи, перемѣнили свои названія: Большая Опера называется теперь *Императорской Академіей музыки*; Комическая Опера *Императорскимъ театромъ комической оперы*; господа общники Перваго Французскаго Театра получили титулъ *Актеровъ Е. В. Императора* — Comédiens ordinaires de S. M. l'Empereur. Прочіе театры остались при прежнихъ названіяхъ, несмотря на то, что многіе изъ нихъ получаютъ денежныя вспомошествованія отъ казны, subventions.

Театръ «Драматической Гимназіи» получилъ новую привиллегію, а именно,—право представлять трехъактные комедіи въ стихахъ и прозѣ. Онъ вполне заслуживаетъ этого, потому-что директоръ его, г. Монтиньи, много сдѣлалъ для драматической литературы и для драматическаго искусства вообще. Сцена «Драматической Гимназіи» первая познакомила публику съ драматическими произведеніями Жоржа Занда, Бальзака и

Альфреда де-Мюссе; на ней играютъ: Роза Шери, Брессанъ, Жоффруа и много другихъ отличныхъ артистовъ. Не надо при этомъ забывать, что «Драматическая Гимназія» подарила Первому Французскому Театру много первокласныхъ артистовъ, между прочими гг-жъ Алланъ и Вольниесъ; что знаменитая Рашель начала свое поприще на ея доскахъ; что въ настоящее время, наконецъ, есть въ этомъ театрѣ молодой артистъ, Дюпьи, сынъ извѣстной актрисы того-же имени, котораго отвергъ Первый Французскій Театръ, а «Драматическая Гимназія» приняла, доказавъ этимъ, что смыслить въ дѣлѣ искусства болѣе господъ общниковъ Перваго Театра, потому-что Дюпьи оказался отличнымъ артистомъ, и рано или поздно будетъ призванъ на отвергнувшую его сцену. Извѣстно также, что Эмиль Ожье отдалъ недавно «Драматической Гимназіи» пьесу, которую предназначалъ для Перваго Французскаго Театра. Теперь эту пьесу можно будетъ играть безъ передѣлокъ и безъ вставки безполезныхъ куплетовъ, какъ это дѣлалось до-сихъ-поръ. Было время, когда подобная привилегія надѣлала бы много шума, теперь-же всё находятъ ее справедливою. Это огромный шагъ впередъ; потому-что еще не такъ давно существовало нелѣпое убѣжденіе, что одинъ только Первый Французскій Театръ имѣетъ право и возможность играть комедіи въ стихахъ.

Съ театромъ «Водевиля» случилось нѣчто совершенно другаго рода: его обокрали, да обокрали, и престраннымъ образомъ. А все Бельгіицы, которымъ мало произведеній французскихъ беллетристовъ, ученыхъ и другихъ, перепечатаваемыхъ въ Брюсселѣ въ ущербъ французскимъ литераторамъ и книгопродавцамъ; теперь они вздумали подрывать театры и драматурговъ. Дѣло въ томъ, что въ Брюсселѣ давали недавно пьесу, назначенную для «Водевиля» и еще на немъ неизгранную. Какимъ образомъ ее достали? Вѣроятно подкупивъ переписчика, который переслалъ въ Брюссель копію. Этотъ поступокъ возбудилъ негодованіе во всей французской журналистикѣ. Пьеска называется *Le barometre des amours*—Барометръ любви, и не имѣла въ Брюсселѣ успѣха.

Всѣ хотя немного знакомые съ закулиснымъ міромъ знаютъ, что рѣдкую пьесу можно считать окончательно отдѣланною, если она не прошла чрезъ нѣсколько репетицій. Соревнованіе и желаніе поскорѣе попасть на очередь заставляютъ писателей торопиться; они представляютъ очень часто пьесы, набросанныя слегка, съ тѣмъ, чтобы довершить ихъ во-время репетицій. Въ-слѣдствіе этого случается, что пьеса до того измѣняется въ промежутокъ времени между первой репетиціей и представленіемъ, что ее нельзя бываетъ узнать. Прибавляютъ и выкидываютъ цѣлыя сцены, вводятъ новыхъ лицъ, выкидываютъ и вставля-

ють куплеты, и т. д. Одинъ изъ авторовъ извѣстной пьесы «Les Saltimbanques», покойный Дюмерсанъ, не разъ рассказывалъ своимъ друзьямъ о множествѣ превращеній, которымъ подвергся этотъ водевиль до перваго представленія.

Какъ-же назвать, послѣ этого, поступокъ бруссельскаго театра, который произвольно овладѣлъ чужой пьесой и поставилъ ее безъ согласія и совѣтовъ авторовъ? Quousque tandem!... восклицаютъ парижскіе журналы. Дѣйствительно, страсть Бельгійцевъ къ контрафакціи хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Но васъ, въ Петербургѣ, все это, можетъ-быть, вовсе не занимаетъ, а потому перехожу къ болѣе интересной новости.

У насъ есть, наконецъ, опять Итальянская Опера! Это трудное предпріятіе взялъ на себя г. Корти; говоримъ трудное, потому-что оно поглотило въ два сезона 300,000 франковъ, а по другимъ—полъ-миліона. Впрочемъ, г. Корти человекъ опытный; онъ управляетъ уже двумя итальянскими сценами, въ Бергамо и въ Миланѣ, и потому можно надѣяться, что онъ преодолѣетъ всѣ предстоящія ему препятствія. Препятствій этихъ много. Ему нужно, во-первыхъ, составить себѣ новую публику, потому-что, за исключеніемъ небольшого числа дилеттантовъ, прежняя публика Итальянской Оперы не существуетъ. Она приобрѣла новыя привычки, которыя трудно будетъ передѣлать. Одни живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, другіе перешли къ Большой Оперѣ, зимній абонементъ которой увеличивается съ каждымъ днемъ.

Прежняя публика Итальянской Оперы ѣздила въ театръ въ-слѣдствіе рутинны; ее занимали не пьесы, которыя она знала наизусть, но артисты. Ѣздили въ Оперу и для того еще, чтобы *людей посмотреть и себя показать*. При началѣ сезона, эта публика не думала о репертуарѣ, а справлялась объ артистахъ, и если въ програмѣ стояли любимыя имена Рубини, потомъ Маріо, Лаблаша, Тамбурини, Ронкони, Гризи, Персіани, то она тотчасъ-же посылала деньги кассиру, не заботясь объ остальномъ. Женщины начинали готовить уборы, стараясь превзойти одна другую роскошью и вкусомъ; собиравсь въ Оперу какъ на выставку, на которой выдаются преміи за красоту и изящество. Онѣ еще менѣе мужчинъ думали о репертуарѣ; для нихъ даже артисты имѣли второстепенный интересъ.

Но артисты эти были такъ превосходны, что къ нимъ пристращались, и каждый изъ нихъ имѣлъ ревностныхъ приверженцевъ. А когда, въ октябрѣ 1848 года, публика увидѣла, что ни одинъ изъ нихъ не возвращается, что всѣ они предпочли Парижу Петербургъ, зала Итальянской Оперы внезапно опустѣла. Напрасно, въ прошедшемъ году, знаменитый

Ломлей, снявшій этотъ театръ, прибѣгалъ ко всеѣмъ ухищреніямъ, которыя подсказывала ему его опытность, они не помѣшали ему обанкрутиться. Желая возвратить въ театръ его прежнюю блистательную публику, онъ вздумалъ было печатать на билетахъ, что необходимо пріѣзжать въ бальныхъ костюмахъ; но и это не помогло. Продолжали одѣваться просто, а если появлялись изрѣдко бальные костюмы, то на нихъ указывали съ насмѣшкой, говоря: *это даровой билетъ*.

Такъ вотъ какія затрудненія предстоятъ нашему новому импрессарию, г. Корти! Мы впрочемъ за него надѣемся.

Открытіе Итальянскаго Театра произошло 16 ноября, оперою Россини «Отелло». Хотя въ тотъ-же день было назначено чрезвычайное представленіе въ «Комической Оперѣ», публика собралась многочисленная; было много хорошенькихъ женщинъ и богатыхъ нарядовъ. Мы не принадлежимъ къ числу фанатическихъ почитателей нѣмецкой музыки, которые съ презрѣніемъ отзываются о музыкѣ итальянской, и желали-бы предать огню театръ Комической Оперы, потому только, что исполняемая въ немъ музыка недовольно серьезна. Мы избрали себѣ девизомъ, въ этомъ отношеніи, извѣстный стихъ:

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux.

Все рѣды хороши, за исключеніемъ скучнаго, и слѣдуемъ за вкусомъ публики, инстинктъ которой никогда не ошибается. Нельзя сомнѣваться, что итальянская музыка заключаетъ много истинно прекраснаго и высокаго, потому-что вся Европа любитъ ее. Неужели-же Паэзіелло, Чимароза, Россини, Меркаданте и Верди—люди бездарные? Неужели все тѣ, которые восхищаются ихъ произведеніями, люди безъ вкуса и смысла? Россини болѣе другихъ посчастливилось во Франціи, и сверхъ-того, ему удалось осчастливить одного француза, переводчика его оперъ, который нажилъ этимъ около 400,000 франковъ. Но возвратимся къ г. Корти.

Онъ ангажировалъ четырехъ извѣстныхъ уже Парижу и любимыхъ имъ артистовъ, которые дебютировали въ «Оттелло»: Софію Крувелли, гениальную пѣвицу, превосходную въ страстныхъ роляхъ; басса Беллетти, съ которымъ познакомилъ насъ г. Ломлей; тенора Кальцолари, не всегда удачно исполняющаго первыя роли, но превосходнаго въ роляхъ второстепенныхъ; наконецъ, Беттини, тенора съ большими физическими средствами, дебютировавшаго въ первый разъ въ 1847 году, на театрѣ Большой Оперы, въ «Робертѣ Брюсѣ» (Donna del Lago) и тогда уже оцѣненнаго по достоинству однимъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ критиковъ, а именно г. Луи Денойе, писавшимъ въ то время въ газетѣ Siècle

Надо вамъ сказать, что, несмотря на краснорѣчивое заступничество Луи Денойе, Беттини не посчастливилось въ 1847 году; онъ пѣлъ на чужомъ ему языкѣ, былъ еще молодъ, неопытенъ и не привыченъ къ сценѣ. Вы можете изъ этого понять, что ему предстоялъ довольно трудный подвигъ: побѣдить предубѣжденіе публики. Встрѣтили его молча; но скоро, замѣтивъ, что онъ выигралъ во всѣхъ отношеніяхъ, привѣтствовали его нѣсколькими, довольно слабыми впрочемъ, аплодисманами, значительно усилившимися послѣ дуэта съ Яго, который заставила повторить, какъ въ блистательныя времена Рубини и Тамбурины, Маріо и Ронкони.

Беллетти былъ хорошъ въ роли Яго, но мы невольно вздохнули о Тамбурины и Ронкони. Г. Кальцолари очень удовлетворительно исполнилъ второстепенную роль Родриго, а Арнольди, также игравшій некогда въ Большой Оперѣ, подъ именемъ Арно, довольно счастливо справился съ ролью Эльмиро, ролью, правда, ничтожной, но страшной, потому-что мы помнимъ въ ней Лаблаша.

О госпожѣ Крувелли, игравшей роль Дездемоны, мы скажемъ въ двухъ словахъ: она превзошла Джулію Гризи и почти сравнялась съ Малибранъ. Выше этой похвалы трудно что-нибудь придумать, но она не преувеличена.

Затѣмъ давали »Сомнамбулу», въ которой дебютировала г-жа Бельтрамелли, въ роли Амины. Г-жа Бельтрамелли еще очень молода, но ея сопрано довольно обширенъ и приятенъ. Ей аплодировали, особенно въ третьемъ дѣйствіи; въ первыхъ двухъ она была слабѣе и замѣтно робѣла. Мы поговоримъ о ней подробнѣе въ будущемъ письмѣ, равно какъ и о новой для насъ оперѣ Верди, «Луиза Мюллеръ», передѣланной изъ извѣстной трагедіи Шиллера «Коварство и Любовь». Эта опера уже репетируется и, вѣроятно, скоро появится на афишѣ.

Въ «Большой Оперѣ» не было въ послѣднее время ничего новаго, за исключеніемъ Россиніевой оперы «Моисей», которая переведена на французскій языкъ, и имѣла, въ этомъ новомъ видѣ своемъ, большой успѣхъ.

Театръ «Комической Оперы» поставилъ новую трех-актную оперу гг. Скриба и Жермена Делавиня; музыка Клапписсона, «Удольфскія тайны». Произведеніе, подписанное такими именами, не могло не имѣть успѣха, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что его встрѣтили и проводили рукоплесканіями. Хотя оба либреттиста видимо старались оставить всю честь успѣха композитору, составивъ для него поэму, которая позволила ему выказать все свое дарованіе, мы должны однакоже отдать справедливость искусству и знанію сцены гг. Скриба и Делави-

ня. «Удольфскія тайны» имѣютъ общаго съ извѣстнымъ романомъ г-жи Радклифъ одно только названіе. Дѣйствіе происходитъ въ Даніи, въ царствованіе Карла XII, короля шведскаго. Мы въ Удольфскомъ замкѣ, старомъ, полуразрушенномъ зданіи, обитаемомъ только привратникомъ Тоберномъ я его племянницей Евой. По увѣренію Евы, подземелья замка населены привидѣніями; которыя гремятъ по ночамъ цѣпами и производятъ, вообще, такой шумъ, что какой ни будь храбрець, а ночью не уснешь. Однажды является въ замокъ дѣвушка, бѣдная спотка, ушедшая изъ Копенгагена, чтобъ избѣжать преслѣдованій одного молодаго человѣка, котораго она любитъ, но за котораго не можетъ выйти замужъ, по причинѣ различія состояній и положенія въ свѣтѣ. Христина явилась въ замокъ для исправленія должности чтицы при графинѣ Сусаннѣ, которая назначила ей тамъ свиданіе. Вотъ тутъ—то и начинаются тайны. Ева отворяетъ шкафъ, чтобъ повѣсить въ него мантилью Христины; вдругъ!— какъ вы думаете, кто выходитъ изъ шкафа?—графъ Норби, тотъ самый, отъ котораго бѣжала Христина. Но какимъ образомъ онъ попалъ туда?

Графъ Норби удалился изъ Копенгагена, чтобъ избѣгнуть казни, на которую его осудили вмѣстѣ съ роднымъ и двоюроднымъ его братьями, за поединокъ. Надо вамъ сказать, что между Удольфами и Норби существуетъ точно такая-же вражда, какъ между Монтекки и Капулетти. Чтобъ положить конецъ этой кровавой враждѣ, король приказалъ женить одного изъ сыновей стараго графа Норби на графинѣ Сусаннѣ, единственной наслѣдницѣ имени Удольфовъ. Уже три мѣсяца какъ Сусанна овдовѣла; мужъ ея былъ убитъ въ стычкѣ Датчанъ со Шведами. Съ этой минуты взаимная ненависть Удольфовъ и Норби воскресла еще съ болѣею силою.

Графъ Удольфъ пріѣзжаетъ въ замокъ вмѣстѣ съ Сусанною. Можете представить его бѣшенство, когда онъ узнаетъ, подъ одеждою матроса, заклатаго врага своего, одного изъ участниковъ въ поединкѣ, въ которомъ погибъ его сынъ. Въ качествѣ губернатора провинціи, графъ Удольфъ хочетъ поступить съ нимъ по всей строгости законовъ, если онъ не согласится жениться на вдовѣ своего брата. Только съ этимъ условіемъ проститъ онъ его и его сообщниковъ. Сначала графъ Норби колеблется, изъ любви къ Христинѣ, но потомъ соглашается.

Здѣсь—то начинается цѣлый рядъ таинственныхъ обстоятельствъ, одно другаго необъяснимѣе. Сначала похищаютъ графиню и увлекаютъ въ подземелье, а потомъ ея мужа, который идетъ оспаривать свою жену у привидѣній. Впрочемъ долго было-бы рассказывать о всѣхъ необъяснимыхъ вещахъ, приключающихся въ Удольфскомъ замкѣ; ска-

жемъ только, что первый мужъ Сусанны живъ и скрывается въ подземельи, вмѣстѣ съ королевой Ульрикой, претендующей на шведскій престолъ. Въ замкѣ существуетъ повѣрье, что статуя родоначальника фамилии Удольфовъ сходитъ съ своего пьедестала всякій разъ, какъ въ замкѣ случается какое-нибудь несчастное приключеніе, и вручаетъ кому-нибудь изъ присутствующихъ его смертный приговоръ. Графъ и королева хотятъ воспользоваться этимъ повѣрьемъ. Они дѣйствительно, употребляютъ его въ свою пользу, и дѣло кончается тѣмъ, что графъ Норби, обрадовавшись встрѣчѣ съ братомъ, уступаетъ ему жену, а самъ женится на Христинѣ.

Партитура «Удольфскихъ тайнъ» написана, какъ уже сказано выше, г. Клапписономъ, композиторомъ, талантъ котораго не нуждается въ похвалахъ; онъ написалъ уже нѣсколько оперъ, имѣвшихъ заслуженный успѣхъ; изъ нихъ «Gibby la Cornemuse», представленная на театрѣ Комической Оперы, и «Jeanne la Folle», предпоследнее его произведеніе, представленное на сценѣ Большой Оперы, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не упоминаемъ о множествѣ мелкихъ сочиненій, также отличающихся оригинальностью и прелестью мелодій.

Новое произведеніе г. Клапписона не уступаетъ прежнимъ; оно изобилуетъ мелодіями, отличающимися оригинальностью и доказывающими въ композиторѣ глубокое знаніе музыки. Г. Клапписонъ особенно хорошо пишетъ вокальные номера своихъ партитуръ, а это, въ настоящее время, немаловажное достоинство. Оркестровка его блестяща и цвѣтита, хотя иногда слишкомъ шумна. За исключеніемъ этого недостатка, общаго почти всѣмъ современнымъ композиторамъ, она заслуживаетъ полную похвалу.

Этой пьесой ограничиваются новости «Комической Оперы», и потому мы переходимъ къ Лирическому Театру, поставившему, въ послѣднее время, двѣ новыя пьесы. Во первыхъ:

«Кильморскую ферму», комическую оперу въ двухъ дѣйствіяхъ, слова гг. Дели и Вѣстина, музыка г. Варнея. — Либретто этой новой оперы принадлежитъ къ разряду наивныхъ: въ немъ преобладаютъ сельскіе нравы.

Макъ-Иводъ (дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи) любитъ миссъ Сусанну (опять Сусанна!). Миссъ Сусанна любитъ Макъ-Ивода. Но фермеръ Бобъ также любитъ Сусанну. Сверхъ-того, Пегги, сестра Боба, любитъ Торнепса, а Торнепсъ любитъ деньги и сытный столъ. Только это и узнаете вы изъ перваго акта. Во второмъ дѣйствіи Бобъ по-прежнему любитъ Сусанну, точно такъ-же какъ Пегги любитъ Торнепса; но Макъ-Иводъ, который едѣлся — было, чтобъ понравиться

молоденькой фермершѣ, пастухомъ, снова надѣваетъ свой бархатный казакинъ, и женится... на своей кузинѣ Элифи. Сусанна приходитъ въ отчаяніе, а Бобъ, все еще непереставшій любить ее, предлагаетъ себя вмѣсто Макъ-Ивода. Сусанна сначала задумывается, но думаетъ не долго, и отдаетъ Бобу свою руку. — Вотъ и все! Какъ вамъ нравится? Музыка еще лучше, и потому мы о ней умолчимъ.

Второю новостію Лирическаго Театра была:

«Трубачъ Гильери», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова гг. Левена и де-Боплана, музыка г. Сармиенто.

При поднятіи занавѣса представляется дикое горное ущелье въ Испаніи. Въ глубинѣ его шумитъ водопадъ; нѣсколько тощихъ деревьевъ лѣплятся по кремнистымъ уступамъ горъ. Показываются нѣсколько французскихъ солдатъ изъ арміи Вандома; они отстали отъ главнаго корпуса, сбились съ пути, и бродятъ, отыскивая товарищей, подъ лучами палашаго солнца, изнемогая отъ усталости и голоду. Къ счастью, съ ними маленькій трубачъ Гильери, который поддерживаетъ ихъ духъ и бодрость. Они останавливаются, дѣлаютъ смотръ своимъ ранцамъ, и не найдя въ нихъ ни сухаря, принимаютъ пѣть, чтобъ заглушить голодъ. Кончивъ пѣсню, солдаты замѣчаютъ, что это средство, предложенное Гильери, никуда не годится, потому-что въ желудкахъ ихъ стало еще пустѣе прежняго. Въ-слѣдствіе этого отправляются искать хоть плодовъ, чтобъ утолить голодъ. Между-тѣмъ является молодой человѣкъ, по имени Фабрицій, и хорошенькая Зина, — страстно другъ въ друга влюбленные и безжалостно преслѣдуемые. Зина — воспитанница дона Реболосо, который хочетъ выдать ее за дона Каскарелло, стараго, больнаго и очень смѣшнаго алькада. Чобъ избавиться отъ опекуна, жениха и старой гувернантки своей Леонарды, Зина убѣждала съ Фабриціемъ. Они вытаскиваютъ изъ походнаго мѣшка жаренаго цыпленка и располагаются на травѣ завтракать; въ этомъ положеніи застаютъ ихъ французскіе солдаты, возвратившіеся изъ своихъ поисковъ съ пустыми руками. Можете представить себѣ удивленіе влюбленной четы и радость солдатъ! Испанцы дѣлятся завтракомъ съ французами, а Зина, вмѣсто закуски, угощаетъ ихъ балладой, въ которой воспѣвается какая-то страшная пропасть. Эта застольная пѣсня очень не нравится французамъ, которые выслушиваютъ ее однакоже до конца. Вдругъ раздаются выстрѣлы! Солдаты снова уходятъ, чтобъ приготовиться къ оборонѣ, а вмѣсто нихъ являются опекунъ Зины и ея гувернантка Леонарда. Любовники скрываются въ пещеру, а Фабрицій бросаетъ Зинину мантилью на край пропасти, чтобъ заставить Реболосо подумать, что его воспитанница погибла. Леонарда первая замѣчаетъ

мантилю, и приходитъ въ величайшее отчаяніе; Реболосо слѣдуетъ сначала ея примѣру, но разсудивъ, что имущество Зины будетъ теперь принадлежать ему, онъ переходитъ отъ отчаянія къ радости. Между тѣмъ возвращаются солдаты, таща на плечахъ огромные ящики, которые тотчасъ же принимаются разбирать, надѣясь найти въ нихъ что-нибудь съѣсное. Но вмѣсто пищи, они находятъ въ ящикахъ платье, цѣлый приборъ странствующаго шарлатана, стклянки съ одеколономъ, зубнымъ эликсиромъ и тому подобное. Что дѣлать со всею этою дрянью? Гильери совѣтуетъ нарядиться въ платье шарлатана и пробраться, въ этомъ нарядѣ, во французскую армію. Всѣ одобряютъ мысль трубача, раздѣляютъ между собой гардеробъ и собираются пуститься въ путь. Этимъ кончается первое дѣйствіе.

Во второмъ дѣйствіи, Гильери и его товарищи дурачатъ испанцевъ, въ особенности же стараго Реболоса. Леонарда находитъ своего мужа, котораго уже болѣе пятнадцати лѣтъ считала погибшимъ. Фабрицій женится на Зинѣ, а Гильери удостоивается общей благодарности, за искусство, съ которымъ устроилъ всѣ дѣла и вывелъ всѣхъ изъ затрудненія.

Вы видите, что во всемъ этомъ очень мало новаго. Либретто г. Левена и де-Боплана блѣдный сколокъ съ комедіи Бомарше; Реболоса списанъ съ Бартоло, Фабрицій съ Альмавивы, Гильери съ Фигаро, а Зина съ Розины. Но нельзя сказать, чтобъ либретто было плохо, потому-что авторы его мастера своего дѣла и знаютъ сцену.

Г. Сармиенто, авторъ музыки, родомъ италіянецъ; онъ недавно пріѣхалъ въ Парижъ, и это первый его опытъ. Музыка его не лишена достоинствъ, хотя въ ней много заимствованій.

Этимъ ограничиваются наши музыкальныя новости, но мы считаемъ долгомъ присоединить къ нимъ извѣстіе объ успѣхѣхъ за границей одной французской оперы, а именно «Бенвенуто Челлини». Авторъ ея, г. Берліозъ, былъ у васъ, въ Петербургѣ, и потому вы, вѣроятно, не безъ удовольствія прочтете о его успѣхѣхъ.

«Нашъ дворъ, пишутъ изъ Веймара одной газетѣ, продолжающій под-
«держивать, съ достойнымъ удивленія постоянствомъ, великія и благо-
«родныя преданія, его прославившія, далъ на-дняхъ нѣсколько музыкаль-
«ныхъ праздниковъ по случаю представленія «Бенвенуто Челлини»,
«оперы Берліоза. Успѣхъ этой оперы былъ такъ великъ, что самъ
«Берліозъ не могъ желать большаго. Поставленная другомъ Берліоза,
«Листомъ, который выказалъ при этомъ весь свой вкусъ, все свое глу-
«бокое пониманіе музыки и страстную любовь къ ней, опера была
«представлена два раза сряду на придворномъ театрѣ, при самыхъ вос-

«торженныхъ рукоплесканійхъ. Въ оба раза театръ былъ совершенно «полонъ, потому—что много наѣхало народу изъ Іены, Брауншвейга, «Ганновера, Лейпцига и другихъ сосѣднихъ городовъ. Въ первое пред- «ставленіе, публика такъ настойчиво вызывала автора послѣ третьяго «дѣйствія, что директоръ упросилъ его показаться. Второе представле- «ніе, происходившее, такъ—же какъ и первое, подъ управленіемъ при- «дворнаго капельмейстера Листа, было блистательно не менѣ перваго. «Потомъ у насъ былъ концертъ, въ которомъ, подъ дирекціей самаго «Берліоза, была исполнена его симфонія «Ромео и Джульетта» и два «первые акта изъ его Фауста. Этого было, можетъ—быть, слишкомъ «много для обыкновеннаго концерта, однакоже, несмотря на поздній часъ «ночи, публика заставила повторить нѣсколько нумеровъ. Мы увѣре- «рены, что Берліозъ никогда не забудетъ этого вечера, въ который его «осыпали всевозможными изъявленіями сочувствія и удивленія. Вей- «марская академія пѣнія въ первый разъ присоединилась, въ этотъ ве- «черъ, къ артистамъ театра, для исполненія хоровъ. Большая часть «дамъ любительницъ, имѣющихъ хорошіе голоса и познанія въ музыкѣ, «также участвовали въ концертѣ, по окончаніи котораго великій гер- «цогъ прислалъ Берліозу орденъ *Благо-Сокола*. На слѣдующій день «былъ обѣдъ при дворѣ; представитель Франціи, г. де-Талейранъ, при- «сутствовалъ на этомъ обѣдѣ, и благодарилъ его высочество за милости «его къ Берліозу. Наконецъ, всѣ веймарскіе артисты и множество лю- «бителей дали Берліозу обѣдъ въ городской ратушѣ (*Stadt-Haus*); за «обѣдомъ послѣдовалъ балъ, во-время котораго артисты поднесли герою «праздника серебряный капельмейстерскій жезлъ, а въ три часа утра «пошли провожать его на путевой дворъ желѣзной дороги, и напутство- «вали его восторженными криками»...

Вы порадуетесь, вѣроятно, вмѣстѣ съ нами за нашего общаго зна- комца Берліоза, и затѣмъ позволите возвратиться къ главному пред- мету нашего письма, къ парижскимъ театрамъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ написанъ водевиль, подъ назва- ніемъ: «Докторъ Робень». Это было въ то несчастное для «Драмати- ческой Гимназіи» время, когда Общество драматическихъ писателей пре- слѣдовало этотъ театръ своею ненавистью и объявило, что не будетъ давать ему ни одной пьесы. Богъ знаетъ, какихъ геройскихъ усилий стоила эта война знаменитому директору «Драматической Гимназіи», Пуарсону. Всѣ были увѣрены, что театръ его умретъ отъ недостатка драматической пищи, а между-тѣмъ, онъ живъ и здоровъ до-сихъ-поръ.— А! вы думаете, что у меня нѣтъ пьесъ, сказалъ г. Пуарсонъ, такъ погодите же! И такъ напугалъ своею стойкостію драматическихъ писате-

лей, что они не на шутку струсили, а г. Пуареонъ могъ съ честью удалиться съ поля битвы, уступивъ театръ нынѣшнему его директору, г. Монтиньи. Тогда-то былъ написанъ *Докторъ Робенъ*, замѣчательный еще и потому, что знаменитый Буффѣ простился въ немъ съ «Драматической Гимназіей». Эта пьеса принадлежитъ перу г-на де-Премаре, который тогда только еще начиналъ свое поприще, а теперь ставитъ пьесы свои на сцену Перваго Французскаго Театра, и считается однимъ изъ лучшихъ критиковъ. Пьеса его основана на извѣстномъ происшествіи съ знаменитымъ англійскимъ актеромъ Гаррикомъ. — Молодая, знатная дѣвушка влюбляется въ Гаррика, который вылечиваетъ ее отъ любви, прикидываясь развратнымъ и порочнымъ человѣкомъ. Онъ самъ любить ее, но жертвуетъ собой, потому-что знаетъ, что родители дѣвушки никогда не простятъ ей любви къ актеру и что, слѣдовательно, она будетъ съ нимъ несчастна. — Эту пьесу играли также и на Пале-Рояльскомъ-театрѣ, а теперь поставили въ Первомъ Французскомъ; но только теперь пьеса называется «Сулливанъ», по имени главнаго дѣйствующаго лица, которое замѣнило въ ней Гаррика, и принадлежитъ уже не г-ну де-Премаре, а г-ну Мелезвилю, который имѣетъ полное право называть ее своей, потому-что передѣлалъ ее, такъ-сказать, съизнова.

«Одеонъ» поставилъ три новыя пьесы; первая по времени, «Ришелье», драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, написана г-номъ Пелліономъ, молодымъ, только-что начинающимъ литераторомъ. Она имѣла большой и вполне заслуженный успѣхъ, но его затмилъ успѣхъ другой пьесы: «Величіе и паденіе Жозефа Прюдома». Эта пяти-актная комедія написана Генрихомъ Монье, въ сотрудничествѣ съ Гюставомъ Ваэцомъ.

«Одеонъ» служилъ постоянно цѣлью для нападеній всѣхъ и каждаго; нѣтъ водевилета, начиная съ г-на Скриба, который не счелъ бы обязанностью острить и смѣяться надъ нимъ; а между-тѣмъ, «Одеонъ» продолжаетъ жить, и скажемъ болѣе, приносить пользу искусству. Для него писали: Казиміръ Делавинь, Альфредъ де-Виньи, Эмиль Ожье, Понсаръ, Жоржъ-Зандъ; онъ первый познакомилъ французскую публику съ «Волшебнымъ-стрѣлкомъ» Вебера; онъ популяризовалъ во Франціи многія изъ произведеній Россіи. За что же нападаютъ на «Одеонъ»? Правда, и у него были черныя дни, но были и дни свѣтлые, когда мѣста его продавались на вѣсь золота, какъ, напримѣръ, въ первыя представленія «Лукреціи» Понсара, «Франсуа найденыша» Жоржа-Занда, и т. п. Теперь опять наступили свѣтлые дни, благодаря комедіи гг. Генриха Монье и Гюстава Ваэца. Мы расскажем вамъ ея исторію,

потому-что у нея есть уже исторія, хотя представлена она въ первый разъ 23 ноября.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Генрихъ Монье былъ живописцемъ, но убѣдившись, что живопись плохо кормитъ, рѣшился поступить на сцену и перенести на нее, вмѣстѣ съ собой, типы и каррикатуры, которые карандашъ его рисовалъ въ минуты бездѣлья и безденежья, не для публики, а для друзей. Всѣ, знавшіе Генриха Монье поближе, были заранѣе увѣрены въ его успѣхъ — и не ошиблись. Онъ составилъ канву для пьесы «Импровизованная фамилія», двое литераторовъ ее обработали, и Парижъ чуть было не умеръ отъ смѣху. Генрихъ Монье самъ игралъ въ пьесѣ, и являлся, попеременно, — то скептическимъ старикомъ-волокитой, настоящимъ сколкомъ съ типовъ временъ регентства, — то г. Прюдомомъ, смѣшнымъ и напыщеннымъ человѣчкомъ, съ самодовольствомъ рассказывающимъ, что онъ «Жозефъ Прюдомъ, профессоръ чистописанія, ученикъ Брара и Сентъ-Омера, экспертъ, признанный присутственными мѣстами», — то старой экономкой, то, наконецъ, торговцемъ волами — лицомъ, заимствованнымъ у Карла Вернѣ. Успѣхъ этой пьесы былъ великъ, но болѣе всего понравилось въ ней лицо г. Прюдома, типъ чисто-французскій, взятый прямо изъ французской жизни и потому сдѣлавшійся скоро народнымъ. Это подало поводъ къ составленію новой пьесы: «Г. Прюдомъ путешествуетъ!» имѣвшей еще бѣльшій успѣхъ, который не можетъ, однакоже, сравниться съ успѣхомъ послѣдняго превращенія г. Прюдома въ пятиактную комедію.

Къ-сожалѣнію, г. Прюдомъ, какъ мы уже сказали выше, типъ чисто-французскій, типъ исключительный, недоступный пониманію тѣхъ, кто неблизко знакомъ съ жизнію, изъ которой онъ выхваченъ, и потому мы не будемъ рассказывать вамъ исторію о его величій и паденіи. Притомъ же надо видѣть въ роли Прюдома самого Генриха Монье, безъ котораго пьеса потеряетъ пятьдесятъ процентовъ.

Другое дѣло — комедія г. Леона Батю: «Четыре-угла»; ее рассказать легко, а понять еще легче. Извольте прислушаться.

Господинъ Добрѣ, опекунъ молоденькой Октавіи, уѣхалъ въ Америку, поклявшись Гортензій ***, прекрасной, но чрезвычайно кокетливой вдовушкѣ, что будетъ любить ее вѣчно. Этотъ отъѣздъ привелъ въ отчаяніе Октавію, которая тайно любила своего опекуна; но такъ-какъ со времени отъѣзда Добрѣ прошло уже три года, то Октавія начинаетъ утѣшаться, потому-что время залечиваетъ, какъ извѣстно, самыя тяжкія сердечныя раны, особенно въ молодыхъ лѣтахъ. Много содѣйствовало утѣшенію Октавіи общество веселой Гортензій, а еще болѣе частыя посѣщенія одного очень красиваго юноши, котораго зовутъ

Доріаномъ. Надо вамъ сказать, однако же, что Гортензія принимаетъ эти посѣщенія на свой счетъ, хотя Доріонъ рѣшился уже просить руки Октавіи.

Между-тѣмъ возвращается Добрѣ. Трехлѣтнее пребываніе въ Америкѣ значительно охладило его любовь, но видъ Гортензіи напоминаетъ ему данную имъ передъ отъѣздомъ клятву. Дѣлать нечего! — онъ готовъ сдержать обѣщанное. Впрочемъ Гортензія не напоминаетъ ему о этой клятвѣ; она даже очень недовольна его возвращеніемъ, потому-что рассчитывала на Доріона. Октавія, напротивъ того, такъ рада возвращенію своего опекуна, что отказываетъ Доріону. Вы уже, вѣроятно, угадали развязку: Октавія выходитъ за Добре, а Доріонъ женится на Гортензіи. — «Одеонъ» могъ бы и не ставить этой одноактной комедіи, особенно въ настоящее время, когда у него нѣтъ недостатка въ хорошихъ пьесахъ.

Говорятъ, что только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ, а между-тѣмъ у насъ есть неоспоримыя доказательства противнаго, а именно, комедія-водевиль гг. Фурнье и Лорансена «Мужъ, которому нечего дѣлать», данная на театрѣ «Драматической Гимназіи». Г. Деклюзэ, вѣря въ вышеприведенный нами парадоксъ, хочетъ основать на немъ свое супружеское счастье, то-есть, ничего не дѣлать и быть, въ слѣдствіе этого, счастливымъ. Женившись на мадемуазель Адели, онъ подалъ въ отставку и посвятилъ себя исключительно домашней жизни, и постоянно сидитъ дома. Но это приводитъ его къ послѣдствіямъ, совершенно неожиданнымъ: онъ ужасно надоѣдаетъ своей женѣ.

Молодая вдова, Валентина, подруга его жены, объясняетъ ему опасность его положенія. Тогда онъ объявляетъ женѣ, что назначенъ смотрителемъ желѣзной дороги, хотя это и неправда. Дѣло кончается тѣмъ, что Валентина, чтобъ спасти пріятельницу, дѣйствительно выходитъ замужъ, а Деклюзэ не въ шутку получаетъ мѣсто смотрителя желѣзной дороги, и даетъ себѣ слово не выходить въ отставку.

Кромѣ этой маленькой пьески, давали еще на театрѣ «Драматической Гимназіи», трех-актную комедію-водевиль гг. Баяра и Бьевиля «Матушкинъ сынокъ», имѣвшую большой успѣхъ.

На театрѣ «Разнообразія» производитъ figuе пятиактный водевиль гг. Антони Бери и Клервиля «Таконнѣ», въ которомъ удивительно хорошъ Фредерикъ Леметръ. Таконнѣ былъ очень любимый, или, какъ говорятъ у насъ, очень популярный актеръ, и пьеса гг. Бери и Клервиля есть ничто иное, какъ драматизированная его біографія.

Въ первомъ дѣйствіи мы видимъ Таконнѣ въ его мастерской; онъ столяръ и собирается жениться на молоденькой торговкѣ, Жаннѣ Пико.

До свадьбы уже недалеко, но этой свадьбѣ не бывать. Одинъ неблагоговоситанный банкиръ, баронъ Камюзе, оскорбилъ Жанну; Таконнѣ чтобъ отомстить за свою невѣсту, идетъ въ театръ, съ твердымъ намѣреніемъ освистать актрису Люиззи, къ которой Камюзе неравнодушенъ. Но увидавъ актрису, Таконнѣ самъ въ нее влюбляется. Чтобъ сблизиться съ ней, онъ бросаетъ свое ремесло и дѣлается машинистомъ. Люиззи узнаетъ о любви Таконнѣ и не оскорбляется ею, потому—что неограниченная любовь мужчины всегда льститъ самолюбію женщины. Но бѣдный Таконнѣ попадаетъ въ страшный просакъ: заглядѣвшись на предметъ своей страсти, онъ остается на сценѣ послѣ поднятія занавѣса, въ—слѣдствіе чего его лишаютъ мѣста машиниста. Настойчивый Таконнѣ дѣлается тогда актеромъ.

Третье дѣйствіе происходитъ въ домѣ Люиззи. Всѣ говорятъ объ успѣхахъ Таконнѣ, на театрѣ Николѣ. Этотъ театръ былъ тогда въ большой модѣ, и самое лучшее общество не стыдилось посѣщать его. Однажды Таконнѣ, играя одну изъ своихъ лучшихъ ролей, замѣтилъ въ ложѣ Камюзе, и такъ осмѣялъ его, что Камюзе выпросилъ позволеніе посадить его въ тюрьму. Таконнѣ бѣжалъ и случайно, а можетъ—быть и нарочно, попалъ къ Люиззи. Нарядившись въ блестящій костюмъ, онъ учитъ драматическому искусству актеровъ королевскаго театра, которыхъ встрѣчаетъ въ гостиной предмета своей страсти, но является полиція и уводитъ его въ тюрьму.

Въ четвертомъ актѣ Таконнѣ находится въ самомъ затруднительномъ положеніи; онъ получилъ свободу, но узналъ, что бывшая невѣста его продолжаетъ любить его и принесла, для его освобожденія, множество пожертвованій. Таконнѣ колеблется между нею и Люиззи. О! еслибъ она была актриса, говоритъ онъ: тогда бы я не задумался. Жанна узнаетъ о желаніи Таконнѣ, дебютируетъ, дѣлается съ перваго раза любимицей публики и, въ то же время, такою женою, о какой мечталъ Таконнѣ.

Намъ остается разсказать объ одной пьесѣ, имѣвшей невѣроятный успѣхъ, объ «Альпійской пастушкѣ», драмѣ въ пяти дѣйствіяхъ, гг. Шарля Денойе и Денери, игранной на театрѣ «Веселости».

Въ одной изъ безчисленныхъ долинъ въ швейцарскихъ Альпахъ, пріютилась небольшая деревушка, по имени Сенъ-Дидье. Замѣчательна ли она въ историческомъ, промышленномъ или какомъ—нибудь другомъ отношеніи, право не знаемъ, но въ ней есть трактиръ для путешественниковъ, и случилось въ ней, скоро послѣ паденія Наполеона, то—есть въ первые годы возстановленнаго правительства Бурбоновъ, очень трогательное происшествіе.

Въ одно прекрасное утро прибыли въ Сенъ-Дидье пять путешественниковъ : герцогиня Шатогонтье, ея внучка Леонія, внукъ Фернандъ, компаньока Гортензія и капитанъ Дюкло, бывший адъютантъ Фернандова отца, убитаго при Ватерлоо. Все это общество было очень весело, за исключеніемъ капитана Дюкло. Капитанъ любитъ Леонію, а Леонія любитъ своего двоюроднаго брата Фернандо, за котораго герцогиня хочетъ выдать ее за-мужъ : вотъ отъ чего грустенъ капитанъ Дюкло. Но пока путешественники отдыхаютъ въ трактирѣ, мы познакомимъ васъ съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ нашего разсказа, съ альпійской пастушкой.

Ее зовутъ Повреттой, и это имя нельзя какъ болѣе идетъ ей. У Повретты нѣтъ ни семьи, ни даже собственной хижины; мать ея умерла въ бѣдности, не оставивъ своей дочери ничего, а отецъ, служившій въ войскахъ Наполеона, ушелъ въ походъ на Россію, и съ-тѣхъ-поръ не подавалъ о себѣ вѣсти. Повретта зарабатываетъ себѣ пропитаніе тяжкими трудами; она пасетъ стада на горахъ. Лѣтомъ ей хорошо среди швейцарской природы, которую она любитъ всей душой, но зимой жизнь ея ужасна. Ежегодно, передъ наступленіемъ ненастнаго времени, она прощается со своей деревней, и цѣлыя три мѣсяца живетъ вдали отъ людей, потому-что снѣжныя лавины, ниспадая съ горъ, засыпаютъ ея хижину и овчарню, такъ что она въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ не видитъ никого, кромѣ овецъ и вѣрной собаки своей Мирó.

Скоро должно наступить ненастное время; Повретта спустилась съ горы въ деревню, попросить, чтобъ ей поскорѣе доставили зимній запасъ, потому-что внезапная перемена погоды предвѣщала скорое паденіе снѣжныхъ лавинъ. Она повстрѣчала молодую дѣвушку на одной изъ самыхъ узкихъ нагорныхъ тропинокъ, у самой пропасти. Дѣвушка, непривыкшая къ альпійскимъ путямъ и слишкомъ понадѣявшаяся на свои силы, оступилась, и навѣрное погибла бы, еслибъ Повретта не подошла во-время, и не спасла бы ее отъ вѣрной смерти. Эта дѣвушка, внучка герцогини Шатогонтье, Леонія. Она не знаетъ какъ благодарить Повретту, а Повретта никакъ не можетъ понять, за что ее благодарятъ, и отказывается отъ денегъ. Ея поступокъ кажется ей очень простымъ и естественнымъ, а денегъ ей не нужно.

— Такъ возьми же вотъ эту бумажку, говоритъ Леонія, на ней написанъ мой адресъ, и если тебѣ будетъ когда-нибудь нужна моя помощь, то приходи ко мнѣ; возьми еще вотъ это кольцо, благословенное Папою, и носи его на память обо мнѣ, сестра моя.

Повретта увѣрена, что умереть среди своихъ родныхъ горъ, которыя любить и ни за что не рѣшится покинуть, но беретъ и бумажку и

кольцо, потому—что полюбила уже Леонію, отъ которой въ первый разъ слышала сладкое имя сестры. Повретта возвращается въ свою подблочную хижину, гдѣ проживетъ три мѣсяца съ своими овцами и собакою Мирó, но она не такъ весела и безпечна, какъ прежде, ей грустно прощаться съ людьми, потому—что между ними остается Леонія, сестра ея. Скоро вся толпа, провожавшая Повретту, скрывается изъ глазъ, и только изрѣдко долетаютъ далекіе и отрывистые звуки пѣсенъ проводниковъ.

Едва успѣла Повретта удалиться, какъ пришелъ къ трактиру старый солдатъ; изношенная одежда его покрыта пылью, лицо блѣдно и худо. Видно, что онъ прошелъ далекій путь и перенесъ много трудовъ и лишеній. Онъ проситъ у трактирщика кусокъ хлѣба и стаканъ воды.

— Мнѣ не стыдно просить здѣсь, говоритъ онъ, потому—что здѣсь моя родина. Двадцать лѣтъ тому назадъ, ушелъ я за знаменами Наполеона, былъ въ Россіи, попался въ плѣнъ, но получилъ, наконецъ, свободу и пѣшкомъ прошелъ Россію и Германію, чтобъ увидѣть родину и мою добрую Катерину.

— Но кто же ты? спрашиваетъ его удивленный трактирщикъ.

— Я Морисъ, мужъ Катерины Морисъ, которую прижму сейчасъ къ моему сердцу. Вонъ ея хижина. Я отдохнулъ; спасибо вамъ; пойду къ моей старухѣ, которую оставилъ молоденькой? Узнаетъ-ли она меня?

Бѣднякъ не зналъ, что его жена давно уже успокоилась на сельскомъ погостѣ, не дождавшись мужа.

Тяжело стало старику, но ему оставалось еще утѣшеніе; жена родила ему дочь, нѣсколько дней послѣ его ухода въ походъ, и дочь эта — Повретта. Несмотря на усталость, старикъ снова беретъ свой посохъ, спрашиваетъ Фернанда, отправляющагося посмотрѣть на обрядъ благословенія на зиму стадъ, взять его съ собою, и идетъ къ своей дочери. Дорогой застаютъ ихъ буря, они сбиваются съ пути и расходятся. Фернандъ первый приходитъ къ хижинѣ, но не застаютъ уже ни церемоніи, ни поселянъ, его встрѣчаетъ одна только Повретта. Она принимаетъ его въ своей хижинѣ и предлагаетъ проводить, но его въ ту самую минуту, когда они собираются пуститься въ путь, раздается страшный гулъ, и огромная лавина, сорвавшаяся съ ближней вершины, покрываетъ хижину, и на всю зиму запираетъ въ ней Фернанда и Повретту. Морисъ также приходитъ наконецъ къ хижинѣ, но можетъ только издали благословить дитя свое.

Три мѣсяца, проведенные въ совершенномъ отдаленіи отъ всякаго общества, сближаютъ, разумѣется, молодыхъ людей: Фернандъ полюбилъ Повретту, которая также полюбила Фернанда. Но когда наступаетъ

весна, и плѣнники выходятъ изъ-подъ снѣжнаго своего дома, никто не встрѣчаетъ Повретту съ ласкою и привѣтомъ, какъ бывало прежде; три мѣсяца, проведенные съ Фернандомъ, погубили ее въ мнѣніи ея односельянь. Принужденная удалиться изъ Сень-Дидье, Повретта идетъ просить помощи у Леоніи.

Между-тѣмъ Леонія чуть не умерла отъ тоски по Фернандѣ, котораго она считала погибшимъ; только Дюкло, по-прежнему влюбленный и безкорыстный, поддерживаетъ въ ней жизнь надеждою, что Фернандъ возвратится.

Старикъ Морисъ также переселился въ Гренобль и живетъ въ домѣ герцогини Шатогонтье, въ ожиданіи писемъ изъ Сень-Дидье. Онъ и дѣйствительно получаетъ письмо, но вмѣсто радостнаго извѣстія о его дочери, оно приноситъ ему вѣсть о мнимомъ позорѣ ея.

Скоро является и Фернандъ. Его пріѣздъ воскрешаетъ Леонію, но самъ онъ, какъ замѣчаетъ Дюкло, не очень радъ свиданію съ своей невѣстой; онъ чѣмъ-то озабоченъ и задумчивъ. Дюкло спрашиваетъ его о причинѣ задумчивости и узнаетъ, что онъ любитъ Повретту и желалъ бы жениться на ней? Дюкло увозитъ его на время въ Парижъ, зная, что его признаніе можетъ убить Леонію.

Между-тѣмъ Повретта, прождавъ понапрасну Фернанда, рѣшается идти просить помощи у Леоніи; Леонія принимаетъ ее какъ сестру, одѣваетъ ее въ свои платья, поселяетъ въ своемъ домѣ. Она какъ ребенокъ рада приходу пастушки, старается развеселить и занять ее, показываетъ ей свою свадебную корзинку. Повретта забываетъ на время свое горе; но разбирая свадебную корзинку, находитъ въ ней портретъ Фернанда. Это портретъ моего жениха! — говоритъ ей Леонія.

Повретта рѣшается бѣжать изъ дому своей соперницы; но старикъ Морисъ ее останавливаетъ. Онъ только-что получилъ письмо изъ Сень-Дидье и проситъ ее прочесть его. Трепещущая Повретта читаетъ свое осужденіе и не смѣетъ признаться Морису, что она дочь его.

Въ четвертомъ дѣйствіи, Фернандъ, повинувшись чувству долга, хочеть переговорить съ своей невѣстой наединѣ. Возвратившись домой поздно вечеромъ, онъ входитъ въ комнату Леоніи, застаетъ ее безъ огня, молящуюся, и признается ей въ любви своей къ Повреттѣ. Но можете представить себѣ его удивленіе, когда онъ узнаетъ Повретту въ той, которую принималъ за Леонію. Повретта счастлива, что Фернандъ не пересталъ любить ее; такъ счастлива, что готова на все, даже на самопожертвованіе, но не знаетъ на что рѣшиться.

Является Морисъ. Она падаетъ къ его ногамъ и спрашиваетъ, что ей дѣлать? Исполняйте долгъ, отвѣчаетъ онъ ей! Вы не можете быть же-

ною графа Шатогонтье, а потому должны оставить этотъ домъ.—Бѣдная дѣвушка склоняетъ голову и уходитъ. Фернандъ хочетъ за ней послѣдовать, но ему попадаются на встрѣчу герцогиня и Леонія, которыя его останавливаютъ.

Герцогиня ничего не замѣчаетъ. Она воображаетъ, что все идетъ какъ нельзя лучше, и хочетъ даже побранить своихъ внуковъ, что они скрываютъ отъ нея любовь свою. Она видитъ доказательство ихъ скрытной любви въ кольцо, которое на пальцѣ у Фернанда, и которое принадлежитъ Леоніи.

Это кольцо, данное Повреттѣ Леоніей, объясняетъ послѣдней все; Морисъ также догадывается, что Повретта дочь его.

Въ пятомъ дѣйствіи, Повретта уходитъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, изъ дому. Дюкло положилъ въ ранецъ солдата тысячу фразговъ.

Несмотря на удаленіе Повретты, Фернандъ рѣшился не жениться на своей кузинѣ. Тогда герцогиня прибѣгаетъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она говоритъ своему внуку, что выѣдетъ изъ замка, ему принадлежащаго, и будетъ жить трудами Леоніи, потому—что не хочетъ быть обязаной неблагодарному. Разстроганный Фернандъ соглашается на все. Леонія пишетъ письмо на имя короля, извѣщая его о своемъ бракѣ, а Дюкло немедленно отправляетъ его, къ величайшей радости герцогиня.

Въ это время снова являются Морисъ и Повретта; они пришли возвратить деньги, которымъ имъ хотѣли заплатить за ихъ несчастіе. Дюкло въ отчаяніи. Но тутъ сцена перемѣняется. Леонія соединяетъ Фернанда съ Повреттой и объявляетъ своей бабушкѣ, что въ письмѣ къ королю она написала не Фернандово имя, а имя Дюкло, который тронулъ ее своею безкорыстною любовью и постоянствомъ....

Повторяемъ, эта драма имѣла огромный успѣхъ.

Слѣдовало бы разсказать вамъ о драмѣ «Кучерь Жанъ», знаменитаго Бушарди, но въ ней больше ужасовъ, нежели здраваго смысла, и потому мы о ней умалчиваемъ, равно какъ и нѣсколькихъ мелкихъ пьесъ, данныхъ въ послѣднее время на бульварныхъ театрахъ и не заслуживающихъ большаго вниманія.

СМѢСЬ.

СТРАНСТВОВАНІЯ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА,

СОБРАННЫЕ В. САВИНОВЫМЪ.

МИХѢЙ ЛОГИНОВИЧЪ.

Воспоминаніе минувшаго. — Какъ Михѣй Логиновичъ извѣщалъ моего батюшку о моемъ рожденіи. — Потомъ, какъ онъ меня пѣжилъ. — Пора учиться! — Мы ѣдимъ за французомъ и нѣмкою. — Синюшкины. — М-ше Нестлейнъ и м-г Бажатель. — Батюшка и тѣже. — Кондиціи. — Макарь Макарычъ Остроумовъ. — М-г Бажатель охотится. — Пропали: конь, деньги и французъ. — Военные планы Синюшкина. — Укрѣпленіе. — Амалія Карловна въ волчьей ямѣ. — М-г Бажатель. — Михѣй Логиновичъ дѣлаетъ подвигъ. — Два слова о близкомъ прошедшемъ.

Путники, которымъ достанется проскакать на почтовыхъ, или пройти пѣшкомъ, или съ удобствами и комфортомъ проѣхать въ коляскѣ съѣверный и средній Крымъ — до Бахчисарая, долго будутъ оставаться при однихъ и тѣхъ же впечатленіяхъ. Но, потомъ, переходы отъ безмолвной, выжженной солнцемъ пустыни къ яснымъ признакамъ жизни, къ труду, къ прекрасной декорации южнаго берега и его растительно-

сти — поразительны! Тамъ... голая безмолвная степь... безъ мазанки, безъ признака жилья, безъ пріюта; здѣсь татарскія селенія, виноградники, встрѣча проѣзжихъ и путешественниковъ — общають много разнообразія... Въ-самомъ-дѣлѣ, когда я оставилъ Бакчисарай и взглянулъ направо и налево — мысль моя сдѣлалась какъ-то свободнѣе, сердце, такъ много испытывшее въ минувшіе два дни, готово было отдохнуть... Но исторія этихъ минувшихъ двухъ дней, воскрѣшая во всей полнотѣ своей въ моей памяти — заставила забыть и роскошную природу южнаго берега и его чистое, октябрьское небо. Я погрузился въ воспоминанія, которыя, теперь, остановясь въ сѣверной свободкѣ — Севастополя, записываю съ логическою точностію. Не часто намъ случается — такъ ясно и подробно заглядывать въ свое младенчество и въ свою юность, съ которыми миновалось столько безпечности, столько счастья — невозмущеннаго ни невзгодами возраста, ни встрѣчами — гдѣ много болитъ душа и сердце, вынося бездну испытаній и грусти. Я былъ несказанно радъ этимъ прекраснымъ минутамъ, перечувствовавъ въ нихъ — все, что миритъ насъ съ жизнію въ серьезный разсвѣтъ ея, и, что такъ лѣлѣетъ нашу старость. Брошенный въ прошедшее — я встрѣтилъ его, какъ ласку матери, — какъ первую любовь и радъ былъ ему, потому, что въ эти минуты возвратился къ моей семьѣ, къ первымъ днямъ жизни, къ моему младенчеству и юности.

Подробно рассказать всего нѣтъ возможности; запишу, что помню*.

Я родился въ деревнѣ. Батюшка въ это время ремонтировалъ лошадей для полка, въ которомъ служилъ — и когда возвратился домой, несказанно былъ обрадованъ тѣмъ, что наконецъ у него есть давно ожидаемое потомство. Первый поздравившій его съ рожденіемъ сына, былъ, въслѣдствіе мой добрый дядька, Михѣй Логиновичъ, старый и вѣрный слуга отца. Еще далеко звонкая бричка отца моего недоѣхала до села, какъ усердный Михѣй Логиновичъ — остановилъ саврасенныхъ и пренизко поклонился своему барину.

— Что случилось Логинычъ? спросилъ отецъ, замѣчая усталое и встревоженное лицо своего слуги.

— Очень хорошо, батюшка Василій Петровичъ, едва переводя духъ промолвилъ послѣдній...

— Да, что такое — говори!

— Все обстоитъ благополучно... Съ прибылью, ваше высокоблагородіе!

* Тетрадь этихъ воспоминаній мы болѣе выпиываемъ для того, чтобы ознакомить читателя вн о лѣ съ нашимъ героемъ.

— Съ какою прибылью?

— Не пугайтесь... все благополучно! Такъ-таки и кончилось все благополучно... разрѣшились... поздравляю ваше высокоблагородіе...

— Но... кто же и чѣмъ!

— Съ сердечнымъ умиленіемъ, скажу батюшка баринъ, что матушка барыня, изволили произвѣсти — мальчика съ... отлично хорошаго сложенія... здоровенькаго, словомъ — подарили васъ сыномъ...

— Какъ! Давно ли, Логинычъ!

— Позапрошлый день, выходить, около — полуночи.

— Ну... и что же — все благополучно!

— Безъ всякихъ выходить непріятностей... Все благополучно...

— И жена здорова?

— Сегодня собственноручно мнѣ деньги на расходъ выдавали и сами двѣ банки варенья отправили къ сосѣдкѣ Марьѣ Петровнѣ Синюшкиной.

— Спасибо Логинычъ, спасибо! сказалъ батюшка... Ну, садись со мною... Поторопимся.

Не переставая рассказывать о красотѣ, полнотѣ и прекрасномъ сложеніи новорожденнаго, Михѣй Логиновичъ, взабрался на козлы брички и, нетерпѣливый отъ природы, самъ завладѣвъ возжами — погналъ саврасенькихъ до барскаго дома.

Я уже сказалъ, что батюшка былъ весьма радъ моему появленію на свѣтъ и потому, въ день его пріѣзда домой, я рѣшительно былъ разлученъ съ мамкой. Отецъ не спускалъ меня съ рукъ и, уже совершенно измученный своимъ восторгомъ, крикомъ новорожденнаго и дальнимъ переѣздомъ, только къ полночи передалъ меня на руки моей кормилицы.

Служба не позволяла батюшкѣ часто посѣщать свой домъ и я, можно сказать, росъ подъ надзоромъ и на рукахъ моего почтеннаго Михѣя Логиновича, ласка и попеченія котораго превосходили часто ласку матери и старухи Аксиньи. Всегда мирный и ничѣмъ невозмутимый Михѣй Логиновичъ въ это время — велъ безпрестанную вражду съ моею старою нянькою.

Бывало стоило мнѣ только вскрикнуть, чтобы на мой вопль тотчасъ же явился Михѣй Логиновичъ. Какъ теперь помню, встревоженный и оторопѣлый вбѣгалъ онъ въ дѣтскую и почти насильно вырывалъ меня изъ рукъ няньки, приглубивая своего любимца у плохо выбритаго подбородка.

— Что! — въ сердцахъ говаривалъ онъ, обращаясь къ старой Аксиньѣ,

ужь и одного-то тебѣ унянчить не въ могу... А-ахъ ты лапотъ истоптанная!..

— Да, вотъ... поди ты сноровливъ, нектатѣ! Попытай... унянчай его... Капризный, словно съ норовомъ...

— Съ норовомъ! Только и умѣешь: шишь, шишь!.. А нѣтъ, чтобы приголубить ребенка, да, хоть бы сороку-ворону сказать... Кричить! а почему знаемъ, что здоровъ онъ, или нѣтъ... можетъ-быть, и зубочки прорѣзываются...

— Экъ — опомнись! Не въ десять же рядовъ у него растутъ зубы.. Ужь ребенку шестой годъ скоро минеть.

— Молчи... шестой! Нѣтъ въ тебѣ, выходитъ, никакого хорошаго пожеланія... Не мамка ты — коровница, — прости Господи!

При этомъ Михай Логиновичъ значительно потряхивалъ головою, бралъ колоду масляныхъ картъ и садился со мною у стола, принимаясь строить домики. Несмотря на то, что подобныя развлеченія повторялись нѣсколько разъ на дню, я былъ совершенно доволенъ присутствіемъ моего дядьки и особенно его прибаутками.

— А вотъ и выстроили, батиска баринъ — Николай Васильевичъ, говаривалъ онъ; вишь ты какіе хоромы!.. Высокіе—рукой не достать, со свѣтелкой, да съ пристройками, — а вотъ это и скотный дворъ — поодаль, — продолжалъ Михай Логиновичъ, пристроивая еще двѣ карты... Туда Аксинью — пошлемъ! добавлялъ онъ, искоса поглядывая на мою старуху...

— Ань самъ туда пойдешь! сердито отзывалась мамка.

— Ань — и непоиду... А, вотъ, какъ мы выростимъ съ батюшкой Николаемъ Васильевичемъ, такъ и скажемъ: зачѣмъ ты насъ не берегла старая... Ступай-ко, ступай...

— Спасибо!.. Это за то, что я бессонныя ночиньки у его зыбки просиживала!

— Дремавши... знаемъ... Вотъ и скажемъ: нехорошая мамка, не берегла насъ... Ступай ты на скотный...

— Учи, учи — барчука — быть злыднемъ; бери грѣхъ на душу!

— Какой грѣхъ. За что грѣхъ?.. Злому-братъ—злое; доброму-доброе... Вотъ что! Береги насъ, сами сбережемъ тебя... А ты что? Лежебокъ — только! Да! А это выходитъ, кормилецъ нашъ ростеть... Приголубь насъ теперь — приголубимъ тебя послѣ...

— Ну, ужь Логиничъ!.. Богъ тебѣ судья...

— Что Богъ судья... Неправду — говорю, что-ли?

— Вѣстимо неправду!

— Ой ли? А для чего же мы у тебя угомону незнаемъ?

Ну-ко скажи?

— Да ужъ такой есть!

— Такой! Вотъ еще на насъ и небыллцу взводишь...

— А что же онъ у меня не плачетъ... На все ссоровка, да умѣнье, голова... Вотъ, погляди, мы и раземѣмся... Дунь, батюшка баринъ,— дунь... Свали карточки!..

Въ этомъ случаѣ Михѣй Логинычъ совершенно торжествовалъ, вполне достигая своей цѣли, потому-что разрушить его карточные хоромы было для меня великимъ наслажденіемъ.

— А! видишь? самодовольно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сурово спрашивалъ онъ, — мы теперъ смѣемся... а!

Затѣмъ добрый дядька начиналъ рассказывать свою остроумную сказку:

— Вотъ, батюшка баринъ, скажу тебѣ сказочку хорошую... Прислушай: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ, выходитъ, государствѣ; за тридевять земель—на горѣ стояла ель, а на ели той торчала—молчала... Ну, неначать ли батюшка—Николай Васильевичъ, сказку съ начала?»

— Скажи Логинычъ, скажи! отвѣчалъ я.

И неутомимый Логинычъ до сотни разъ повторялъ все одно и то же, убаюкивая меня наконецъ—своими прибаутками.

Такъ я росъ въ родной усадьбѣ, ламая карточные хоромы, лакомясь вареньемъ, а подчасъ и дергая хвосты пѣтухамъ! Минуло мнѣ семь лѣтъ, когда въ третій только разъ, во время моего малолѣтства, батюшка, получивъ отпускъ, пріѣхалъ погостить въ своемъ семействѣ. Последняя его разлука съ нами была очень продолжительна и потому добрый отецъ не скрывалъ своей душевной радости, встрѣтивъ во мнѣ бойкаго и уже взрослого малютку.

— Ну, Николаша, сказалъ онъ — съ нѣжностью потрепавъ меня по щекѣ, когда мы усѣлись около самовара... Какъ поучиваешься? А... Что-жъ молчишь? Тебя спрашиваю: хорошо-ли ты учишься?

Подобнаго вопроса мнѣ еще до-сихъ поръ никто не предлагалъ, да и никто, даже самъ Михѣй Логиновичъ,—остававшійся въ эту минуту у дверей столовой, никогда не намекалъ мнѣ ни на азбуку, ни на нумерацію.

— Да еще, батюшка баринъ, Николай Васильичъ—не изволили начинать—съ... робко отозвался мой дядька.

— Какъ! спросилъ отецъ, сурово взглянувъ на матушку, — такой большой мальчишка и не учится, еще и за указку не брался... Да,

благодѣтели мои—что-же вы мнѣ, пастуха выростить хотите, недоросля!... Нѣтъ, ужъ извините, этому не бывать....

— Эхъ, Василій Петровичъ, съ упремомъ перебила матушка,—ну, статочное-ли дѣло семилѣтняго ребенка наукой мучить—за грамату сажать....

— Э! матушка, Пелагея Николавна.... Такъ вотъ вы какъ-съ... По вашему—этому молодцу' понадобится букварь вмѣстѣ съ бритвами.... Хорошо-съ!... Не хочу, чтобы онъ тутъ оболванился.... Снаряжай его, жена!...

— Снаряжать! Господи помилуй! Куда это?

— Въ полкъ, со мною.—На моихъ глазахъ—онъ и самъ будетъ—видѣть въ оба, а тутъ изъ него, душа мнѣ говоритъ, слѣпца сдѣлаютъ! Такъ-то! Не сдѣлаю ученымъ, да дальше носа будетъ что-нибудь видѣть! говорилъ батюшка. У насъ въ полку есть писарь Винокурниковъ—онъ его мнѣ выстрогаетъ.... Пройдетъ съ нимъ отъ аза до ижицы, на счетахъ кости бить научить, а исторію—артельный дядька послѣ расскажетъ,—города самъ узнаетъ, какъ пошагаетъ изъ губерніи—въ другую.... Десять заповѣдей самъ растолкую, а потомъ «присягу»—А для солдата этаго за глаза—довольно....

Такая рѣчь, высказанная батюшкою тономъ рѣшительнымъ—и противу обыкновенія, — спокойнымъ — заставила прослезиться и матушку и Михея Логиновича.

— Последняго дѣтища, последнее утѣшеніе — хочешь отнять у меня—Василій Петровичъ, сказала первая.... Вотъ и Костю, моего голубчика, также взялъ, да увезъ.... выучилъ, подъ ружье отдалъ, потомъ подъ черкеса послалъ.... только и видѣли...

— Царство ему небесное, набожно перекрестясь, сказалъ отецъ—удостоилъ Господь! — Костя умеръ честною смертию, какъ дай Богъ умереть мнѣ и Николашѣ.... А ты чего старый дуракъ хнычешь? продолжалъ онъ, обращаясь къ Михею Логиновичу.

— Съ вашего позволенія, батюшка баринъ, ужъ Николая то-бы Васильевича, по гражданской пустили....

— Въ цифирки — небойсь!

— Ужъ выучили-бы, отецъ и благодѣтель,—воспитали-бы сколько животовъ нашихъ хватило.... Нужный человекъ, матушкинъ кормилецъ.... Сами, ваше высокоблагородіе, захирѣли отъ ранъ; хворую долю, что ни на есть кажинный день прихватываете, дому не видите.... Ну, что будетъ наша барыня безъ подпоры, — какъ грѣхъ случится.... Такъ сказать: безъ мужчины въ домъ?... Хотя ихъ пожалѣли-бы.... Подумайте, батюшка баринъ!

— Да, небойсь — на васъ понадѣяться! нѣсколько смѣгчаясь, отозвался отецъ.

— Ужъ повѣрьте совѣсти, батюшка баринъ!

— Да я все отдамъ, все что имѣю, подхватила моя добрая мать; вѣдь подумай: онъ у насъ одинъ.... Выучу его всему, всему! На разные деалекты.... и француза найму и нѣмку.... Семинариста для латины и русскаго краснословія возьму.... Въ университетъ пошлю!... Сжался ты надъ дѣтищемъ, Василій Петровичъ.

— Гм! Да, вѣдь это все такъ предполагается только? — отозвался батюшка, въ раздумьи пробарабанивъ по столу.

— Нѣтъ.... будетъ такъ! Завтра-же отправлюсь за совѣтомъ къ Марьѣ Петровнѣ Синюшкиной: она своихъ дѣтей воспитывала, и меня научить, какъ это дѣло устроить.... Завтра-же будетъ у меня и французъ и нѣмка....

— Ну, ладно, ладно.... Увидимъ! Еще надо будетъ поразсмотрѣть, что это за народъ — въ передѣлку которымъ ты прочишь нашего Николашу, сказала батюшка.... Знаемъ мы этихъ французовъ!... Хорошо.... Извольже, Пелагея Николавна,—завтра отправляться къ Синюшкиной.... Смотри, чтобы дѣло устроилось до моего отъѣзда.... а нѣтъ—такъ не взыщи—только и видѣла своего ненагляднаго.... въ казарму!

Такая скорая уступка и перемѣна въ мысляхъ со стороны батюшки ясно доказывали, что добрый отецъ желалъ только пострадать чадолубивую матушку и скорѣя усадить меня за указку. Во всякомъ случаѣ, усердный Михѣй Логиновичъ, на этотъ разъ, отвѣсилъ чрезвычайно низкій поклонъ моему отцу, а матушка, предложивъ ему выкушать передъ чаемъ ароматической наливки, съ любовью и слезами поцѣловала меня въ голову.

На другой день рано утромъ я былъ разбуженъ громкимъ говоромъ, раздававшимся подъ окнами надворнаго флигеля.

— Что тамъ случилось, Михѣй? спросилъ я моего усерднаго ментора, никогда меня непокидаващаго.

— Это дворовые шумятъ, батюшка, отвѣчалъ онъ... барыню въ дорогу снаряжаютъ...

— А развѣ маменька ѣдетъ?

— Вмѣстѣ съ вами и со мною—къ Синюшкинымъ... вотъ только чаванье кончимъ, да и отправимся; такъ ужъ неперемѣнно угодно Василью Петровичу: ихъ боярская воля: стало-быть такъ надо.

Дѣйствительно, вооруженный неизмѣнною трубкою, батюшка уже стоялъ на крыльцѣ, наблюдая за хлопотами лакѣевъ и горничныхъ.

Громадный дормезъ, рыжій отъ времени, мѣстами зеленый отъ плесени,

былъ вытасченъ изъ сарая, пара малорослыхъ лошадокъ, впряженныхъ въ его оглобли, понутивъ косматую шею, флегматически помахивали хвостами — отгоняя докучныхъ слѣпней. Въ тоже время ящикъ дормеза наполнялся узлами съ пирогами и жареной курицей, тутъ же, на всякій случай припрятали двѣ бутылки съ квасомъ, баночку съ огурцами и другую съ вареньемъ. Въ полдень, напутствуемые приказаніемъ батюшки незасиживаться въ гостяхъ — мы тронулись и дормезъ нашъ, перикачиваясь съ боку на бокъ, медленно потянулся песчанымъ проселкомъ. Михѣй Логиновичъ, возсѣдая на вершинѣ громаднхъ козелъ, и при этой okazji не перестовалъ заботиться о моей особѣ. Онъ, то предлагалъ матушкѣ — откинуть кожаный, разукрашенный ремнями и стеклами навѣсъ дормеза, думая защитить меня тѣмъ отъ солнечнаго зноя, — то въ каждой встрѣчной тучкѣ видѣлъ грозу и проливной дождь; иногда на ухабѣ и рытвинѣ, при остановкѣ лошадей, собиравшихся съ силами, обращался ко мнѣ съ вопросомъ: не хочетъ ли батюшка баринъ кваску испить? — и наконецъ, завидѣвъ соснякъ — нашель, что здѣсь не худо бы было остановиться и покормить курочкой Николая Васильевича.

Привалъ былъ сдѣланъ; курица съѣдена, квасъ выпить и мы отправились дальше... Путешествіе совершилось безъ всякихъ замѣчательныхъ происшествій и, только, кучеръ Сенька, задремавши на солнцѣ — потерялъ съ ноги опорку. Возникшая была по этому случаю тревога на козлахъ тотчасъ же прекратилась, когда мы завидѣли усадьбу Спнюшкиныхъ. Десятка два избъ — цвѣта обертки покойнаго «Телеграфа» съ своими зубастыми частоколами и плетнями — неправильными группами раскидывались на берегу озера; справа отъ нихъ, въ гору, подымались пашни, прорѣзанныя торною дорогою, которая тянулась къ барскому дому, поставленному на холмѣ. Это не были каменные палаты, какіе мы не рѣдко встрѣчаемъ нынѣ... Путешественникъ встрѣтилъ бы въ барскомъ зданіи Спнюшкиныхъ — крошечный редуть, со всѣми удобствами жилья, построеннаго крѣпко — на долгую службу. Главный флигель господскаго строенія, выдвинутый на самую площадку холма, саженой четырнадцати по фасаду, украшенный въ тоже время рѣзнымъ крыльцомъ — представлялъ рисунокъ зданія одноэтажнаго и плоскаго, съ претензіями на арабесковыя украшенія оконъ и оконечностей крыши; даже, самыя трубы на немъ прикрывались рѣзными флюгарками въ образѣ пѣтуховъ, стрѣльцовъ и самоваровъ. По сторонамъ его, дѣлая тупые углы, тянулись анбары и службы, образуя такимъ-образомъ обширный дворъ, поросшій травой, осиной и липой. Деревянная рѣшетка, въ ннхъ мѣстахъ оскалившая пригнутые ржавые гвозди — служила оградой этого мирнаго пріюта, мирныхъ смоленскихъ помѣщиковъ. Мужики и бабы,

возвращавшіеся въ это время съ работъ — встрѣчали съ почтительнымъ поклономъ нашъ дормезъ, который, наконецъ, на срединѣ подъема въ гору, увязъ въ песокъ по самыя ступицы и сталъ. Несмотря на сплывныя и краснорѣчивыя увѣщанія соннаго Сеньки, малорослая лошади не трогались съ мѣста. Теперь, какъ прежде отъ слѣпней, онъ только отмахивались хвостомъ отъ его увѣщаній.

— Ну, встали, какъ встали... Хотя зарѣжь! Ну, вы!.. Нейдутъ, прахъ ихъ возьми! сказалъ Сенька, бросивъ возжи и спрыгнувъ на землю.

— Нѣтъ ужъ голова, тутъ не совладать, замѣтилъ Михѣй Логиновичъ, повторяя маневръ кучера... Вотъ обождемъ крестьянъ, — авось изъ бѣды-бѣдущей выручатъ.

Между-тѣмъ, изъ оконъ барскаго дома, вѣроятно, замѣтили несчастное крушеніе нашего экипажа, вставшаго на мель у самой гавани, — потому, что не прошло и трехъ минутъ, какъ управитель Синюшкиныхъ, а за нимъ и самъ Иванъ Матвѣевичъ, обладатель нагорной усадьбы, явились къ намъ на помощь. Послѣ сотни восклицаній, вопросовъ о здоровьи и въ родѣ: «какъ васъ Богъ милуетъ? Да, какъ это вы дорогие мои собрались къ намъ!» Иванъ Матвѣевичъ, объявилъ, что Марья Петровна поспѣшила въ туалетъ войти и, что онъ почтетъ себя много счастливѣйшимъ, если удостоится любезнѣйшей Пелагеѣ Николаевнѣ сопутствовать до дому, предложивъ ей свою руку!..

Надо замѣтить, что Иванъ Матвѣевичъ отличался особеннымъ добродушіемъ, и въ тоже время самую утонченную галантерейностію. Обращеніе этого стараго премьеръ-маіора напоминало юнаго франта временъ очаковскихъ, который побывалъ въ Парижѣ.

Матушка оставила бричку, я тоже, и всѣ мы — отправились къ рѣшеткѣ, украшенной ржавыми гвоздями. Дормезъ остался на попеченіи Михѣя Логиновича и Сеньки, которымъ была обѣщана скорая подмога.

Едва мы миновали дворъ, какъ Марья Петровна, окруженная толпою своихъ взрослыхъ ребятъ, въ пышномъ капотѣ и съ неизмѣннымъ на рукѣ ридикюлемъ, встрѣтила матушку на крыльцѣ. Разумѣется, я тотчасъ же былъ привѣтствованъ громкимъ крикомъ моихъ товарищей, оставшихся съ ними на дворѣ.

— Вотъ Никола, славно сдѣлалъ, что пріѣхалъ къ намъ сегодня, сказалъ старшій сынокъ Ивана Матвѣевича; мы, братъ, всѣ трое, послѣ завтра... тютю!

— Какъ это тютю? спросилъ я.

— Прощай... ѣдемъ въ Петербургъ, въ корпусъ...

— Мы ужъ всему дома выучились, подхватилъ другой... Грамма:

тину Меморскаго знаемъ... ариметику... и по-нѣмецки и по-французски...

— Врешъ, врешъ! перебилъ старшій, по-нѣмецки и по-французски ничего не знаемъ...

— Какъ же, а вѣдь у васъ есть французъ, учитель!.. спросилъ я.

— Ну, такъ что жъ? Онъ, братъ тѣкой добрый, что никогда намъ ничего не задавалъ, да ничего съ нами и не дѣлалъ...

— А вотъ и неправда... Онъ намъ змѣи дѣлалъ, мячики шилъ... Славный такой! Вотъ бы Николая тебѣ у него учиться... И книгъ даже не нужно... Право! Онъ говорить: безъ книгъ лучше...

— Да мы за нимъ и пріѣхали, отвѣчалъ я.

— Ага! Такъ вѣрно и Амалію Карловну отъ насъ возьметъ... Нѣмку-то?

— Не хорошая... Ужъ не то, что господинъ Божатель... на колѣна иногда ставитъ... и знаешь, въ другой разъ, за уши... да братъ мы не подавались...

— Ну, это только ты одинъ, замѣтилъ старшій, а со мною она всегда была ласкова.

— Съ тобою! Знаю отчего... Ты умѣешь ее задобривать.

Серьезный разговоръ нашъ о добродѣтеляхъ М-ше Нестлейнъ и М-г Бажатель длился недолго, мы занялись играми и, спустя часъ, были позваны къ обѣду, который у Синюшкиныхъ, по случаю нашего пріѣзда, въ этотъ день повторился въ другой разъ.

За столомъ я сосредоточилъ все мое вниманіе на двухъ особахъ: на тощемъ и высокомъ французѣ, который каждую минуту, желая здоровья, то хозяину, то хозяйкѣ — обращался къ бутылкѣ, и на Амаліи Карловнѣ, сіявшей необыкновенно яркимъ румянцемъ. М-г Божатель часто поглядывалъ на меня съ особенною любовью, въ глазахъ Амаліи Карловны я такъ же читалъ пріязнь и расположеніе.

Когда разговоръ между моею матушкою, Амаліею Карловною, Иваномъ Матвѣевичемъ и его супругою сдѣлался общимъ, М-г Бажатель, передавая мнѣ сладкій пирожокъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

— Что, душенька, сказалъ онъ: вы хотите учиться?

— Хочу-съ, отвѣчалъ я.

— Прекрасно, душенька: учиться необходимо, особенно европейскимъ языкамъ... Французскому, напримѣръ. Полезно знать его, очень полезно!.. Вонъ, посмотрите, какъ нашъ Петя... все знаетъ... Петенька!.. какъ по-французски... салфетка?

— Салфетка-съ?

— Ну-да... Ну!.. Serviette?... Такъ вѣдь?

— Такъ-съ...

— А! видите... Ну, а рябиновка?.. Liqueur faite de sorbes... Такъ, такъ! продолжалъ М-г Бажатель, дѣлая вопросы, и самъ отвѣчая на нихъ... Прекрасно! Видите, все знаютъ... И вы все будете знать. Вы, душенька, хотите у меня учиться?

— Хочу-съ.

— Вы умникъ: учиться надо, а я учу... такъ легко, что вы и сами не догадаетесь, когда успѣли узнать все... Ни книгъ, ничего не надо... О, да мы съ вами далеко пойдемъ... Я вижу: у васъ отличныя способности... Мы съ вами будемъ скоро объясняться по-французски.

Изъ словъ М-г Бажателя я легко могъ заключить, что матушка уже успѣла переговорить съ моими будущими наставниками.

Дѣйствительно, на другой день, мы отправились домой, а за нами, въ трясуцей бричкѣ, — Амалія Карловна и французъ...

Батюшка встрѣтилъ пріѣзжихъ гостей въ парадныхъ комнатахъ и въ своемъ маіорскомъ сюртукѣ. Въ то время, вообще, на воспитателей своихъ дѣтей наши отцы имѣли обыкновеніе смотрѣть, какъ на людей чрезвычайно жалкихъ и далеко поставленныхъ ниже ихъ, несмотря на то, что имъ платили не въ мѣру много, разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ я говорю о французахъ и нѣмцахъ. Но все-таки съ ними не церемонились, разсуждая и говоря прямо: «вотъ тебѣ мусье— деньги, квартира, водка, вино и Ѳомка на посылки, а ты, братъ, учи моего Николашу, да смотри за ухо его не тронь: нашалить или чего недоучить, заупрямится, мнѣ скажи!» Батюшка поступилъ совершенно обратно. Съ большими церемоніями принявъ будущихъ воспитателей своего дѣтища, онъ обворожилъ ихъ ласковымъ обхожденіемъ, особенно М-ше Нестлейнъ...

Какъ теперь помню эту встрѣчу моего отца съ ученымъ французомъ и жеманною Амаліею Карловною.

— Очень радъ васъ видѣть, сказалъ имъ батюшка... Прошу садиться.

Гости сѣли.

— Вы уже, кажется, кончили воспитаніе дѣтей Ивана Матвѣевича? началъ онъ, обращаясь къ господину Бажателю.

— Кончили, съ пренизкимъ поклономъ отвѣчалъ послѣдній, и, кончили, г. маіоръ, — съ большимъ успѣхомъ... Вы имъ, что угодно дайте теперь: хоть самого ученаго французскаго автора... Такъ-таки, не заикнувшись, отъ доски до доски и переведутъ его...

— Даже, если угодно прямо на нѣмецкій языкъ, робко замѣтила Амалия Карловна.

— Да-съ, хоть пожалуй и на нѣмецкій.... Старшій и на итальянскій можетъ.... я съ нимъ и этимъ предметомъ немного занимался.

— А! такъ вы изучили итальянскій языкъ?

— О, помилуйте ... да языкознаніе страсть моя.... я знаю двадцать одинъ живой и четырнадцать мертвыхъ языковъ.

Амалия Карловна съ изумленіемъ посмотрѣла на своего сотрудника. Батюшка былъ удивленъ, неменѣе ея и меня.

— Какіе же это мертвые? спросилъ онъ.

— Да тѣ, на которыхъ не говорятъ...

— Однако!

— Да мало ли ихъ.... Много съ.... Очень много.... Напримѣръ: вавилонскій, ассирійскій, древне-еврейскій.... холдейскій, варяжскій, хазарскій и проч. и проч.

— Стало-быть, вы обладаете чрезвычайно острою памятью....

— Какъ же-съ.... за мою удивительную память имѣю десять премій отъ европейскихъ академій наукъ, въ томъ числѣ шесть медалей.... Скажу вамъ правду, что мнѣ ужъ узелка завязывать не надо.... на-примѣръ, хронологію,—исторію—я знаю, какъ день своего рожденія.... Все вамъ по пальцамъ перечту, ни въ одной цифрѣ не ошибусь ...

Изумленіе слушателей росло съ каждымъ словомъ; мосье Бажатель, пользуясь случаемъ, лгалъ безъ умолку. Наконецъ, оказалось, что будущій мой наставникъ знаетъ все.

— Скажите, пожалуйста, перебилъ его батюшка, что же васъ заставило поселиться въ Россіи и оставить свое отечество, которому бы вы принесли столько пользы и гдѣ бы могли занять весьма видное мѣсто?

— Зависть.... интриги, г-нъ маіоръ, —неблагодарность соотечественниковъ заставили меня отказаться отъ моей родины.... Теперь я совершенно доволенъ моимъ званіемъ домашняго учителя и погруженный въ тайны науки — не мечтаю ни о славѣ, ни о почестяхъ, ни даже о золотѣ.

— Давно вы въ Россіи?

— Съ Аустерлицкаго дѣла, гдѣ командуя конно-егерями, въ чинѣ полковника, я былъ взятъ въ плѣнъ, и съ-тѣхъ-поръ остался въ Россіи, полюбя ее, какъ вторую родину....

При этомъ званіи, въ которое мосье Бажателю угодно было пожаловать себя, добрый и честный отецъ мой почтительно приподнялся насвоемъ стулѣ и протянулъ свою руку гостю.

— Душевно радуюсь, сказалъ онъ, что воспитаніе моего сына, могу поручить человѣку много-образованному и заслуженному. Только, извините меня, продолжалъ онъ, я буду съ вами откровененъ.... Много цѣня и уважая вашъ умъ, вашу необыкновенную ученость—я при моемъ весьма ограниченномъ состояніи, не могу обѣщать вамъ много за ваши полезныя труды....

— О, помилуйте, г. маіоръ, отозвался ученый, — просвѣщать юные сердца и умы, для меня наслажденіе, это страсть моя? и потому я не ищу выгодъ и наживы, но ищу только средствъ къ существованію.... Я совершенно готовъ на тѣ же условія, на какихъ пять лѣтъ прожилъ у г. Синюшкина.

— А позвольте узнать — въ чемъ заключались эти условія?

— Во-первыхъ, я получалъ двѣ тысячи жалованья, столъ.... съ разными принадлежностями, разумѣется, квартиру.... Къ этому прибавлялось два ружья хорошей работы, постоянный ремонтъ пороху, да при вступленіи, мнѣ еще была куплена удочка.... Вотъ и только.... Условія весьма умѣренныя.

— Такъ, такъ! проговорилъ батюшка, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатамъ и снова останавливаясь передъ конноегерскимъ полковникомъ.

— Изволите видѣть, сказалъ онъ: удочку, два ружья и пожалуй порохъ — я вамъ дамъ.... все это есть.... Но, не хочу скрывать отъ васъ, что въ моемъ имѣніи нѣтъ ни дичи, ни рыбы....

— Ничего, замѣтилъ мосье Бажатель—я могу познакомиться съ вашими сосѣдями и навѣщать ихъ лѣса и пруды.

— Столъ, вино и квартиру вы также получите, продолжалъ батюшка, но что касается до двухъ тысячъ жалованья, то это много....

— Много! Двѣ тысячи, много?

— Весьма много....

— За то, что я образу юмъ и сердце вашего дитяти? Да, вѣдь, господинъ маіоръ, — вы встрѣчаете во мнѣ человѣка, отъ котораго ваше дѣтище получить европейское образованіе.... Если вамъ угодно, за эти деньги, я буду читать ему и философію и химію и.... и санскритскій языкъ!

— Куда ему, когда онъ еще русскою азбукою не знаетъ!

— Да! ну, ужъ русская азбука — не мое дѣло.... нѣтъ, нѣтъ, маіоръ, не скупитесь....

— Не запрашивайте много.... У Синюшкиныхъ вы занимались съ тремя сыновьями, у меня съ однимъ, и потому я вамъ предложу только шесть сотъ рублей.... Больше, извините меня, не могу!—Мосье Бажатель, кажется, не ожидалъ такого результата. Понадѣясь на свою

хвастливость, онъ былъ совершенно пораженъ—и потому долго не могъ рѣшиться на отвѣтъ, поглядывая, то на Амалію Карловну, съ трепетомъ ожидавшую рѣшенія своей участи, то на батюшку, равнодушно раскуривавшаго въ эту минуту свою трубку.

— Ну, г. маіоръ, извольте, семьсотъ рублей, сказалъ онъ тономъ особеннаго радужія... И то соглашаюсь на эту микроскопическую цѣну, потому только, что чувствую къ вашему семейству какое-то странное душевное влеченіе...

— Благодарю васъ... И все-таки не прихвастну рублемъ больше шести-сотъ...

— Извольте! Что съ вами дѣлать... Такъ-шесть-сотъ рублей жалованья, два ружья, порохъ, удачка, квартира и столъ...

— Такъ точно.

— Согласенъ.

Кончивъ съ французомъ, батюшка обратился къ нѣмкѣ.

— Ну, а вы сударыня, сказалъ онъ... Ваши условія?

— Тѣже самыя, какъ и условія — Мг Бажатель?

— Какъ! вамъ также нужны два ружья и удачка?

— О, исключая этихъ предметовъ...

— Ну, а деньги?

— Шесть сотъ рублей?

— Много. Вамъ могу я предложить четыреста...

— Помилуйте, возразила Амалія Карловна... Это не слыханно дѣшевая цѣна...

— Да вѣдь и трудъ-то не великъ, матушка; ну, будь онъ еще дѣвочка при этомъ батюшка указалъ на меня, тогда, другое дѣло, на вашу долю выпало-бы больше хлопотъ, на то что вамъ?.. Нѣмецкій-то языкъ... Не великая премудрость!.. Сзми матушка учились... знаемъ! Просто за просто кончимте-ка Амалія Карловна четырьмя стами, да съ завтрашняго утра, съ Богомъ, принимайтесь и за дѣло.

М-те Нестлейнъ долго старалась отстоять еще нѣсколько рублей, но батюшка былъ непреклоненъ и Амалія Карловна, которой будущее, за окончаніемъ воспитанія дѣтей Синюшкина, не представляло ничего отраднаго и выгоднаго, скоро изъявила свое согласіе...

Такимъ образомъ отъ Аксиньи и «Бѣлаго бычка» Михея Логиновича я перешелъ на руки француза и нѣмки. Разставаясь съ ними въ этотъ вечеръ, батюшка примолвилъ, что даетъ имъ надо мною полную власть и, что если я буду лѣниться, то М-г Бажатель можетъ иногда, смотря по величинѣ вины моей, и взыскать съ меня. Это, какъ можно было замѣтить, особенно понравилось великому ученому; онъ разразился

какою-то латинскою фразою и вышелъ, за нимъ, съ паробалическими книжесами, послѣдовала и Амалія Карловна.

Долго оставался на порогѣ мой батюшка, слѣдя удалившихся гостей....

— Странно, сказалъ онъ наконецъ въ раздумьѣ и, какъ-бы забывая мое присутствіе. У этого господина конно-егерея чрезвычайно подозрительная фізіономія.... Право! Попадись онъ самъ въ Аустерлицкомъ дѣлѣ, такъ я бы, не знаю... кажется не запретилъ бы моимъ гренадерамъ познакомиться съ нимъ поближе и покероче.... Однакожь, продолжалъ онъ, — Спичюшкинъ, старый елужака и человѣкъ опытный, а могъ съ нимъ ужиться пять лѣтъ и, какъ кажется, остался совершенно доволенъ наставникомъ своихъ дѣтей... Ну, ладно! Во всякомъ случаѣ главный надзоръ за Николашей, а вмѣстѣ и за французомъ, я поручу Остроумову; онъ хотя и молодой человѣкъ, да русскаго воспитанія и человѣкъ обстоятельный! видна птица по полету!

Батюшка еще не кончилъ раздумывать вслухъ, какъ въ передней комнатѣ раздались чьи-то тяжелые шаги, и велѣдъ за тѣмъ на порогѣ столовой показался молодой человѣкъ.

Доброта и откровенность выражались на блѣдномъ и изхудаломъ лицѣ незнакомца, густые, свѣтлорусые волосы, зачесанные назадъ, кудрявыми косичками, падали на сюртукъ его. Низкимъ поклономъ пришлецъ встрѣтилъ батюшку.

— А! Макаръ Макарычъ... вскричалъ послѣдній, милости просимъ, любезнѣйшій... Что, изъ городу?

— Сейчасъ только.

— Садись, братъ, садись! Ну, теперь ты совѣмъ!

— Совѣмъ и со веѣмъ моимъ хозяйствомъ.

— Да! въ-самомъ-дѣлѣ, гдѣ же твое добро-то?

— Не велико оно и все вмѣщено вотъ въ этомъ узлѣ.

— Какъ все... И платье и хозяйство?

— Любя науку и трудъ, я какъ истинный мудрецъ, заключилъ мое богатство въ книгахъ и на нихъ издерживаю мой послѣдній грошъ.

— Хорошо, хорошо Макаръ Макарычъ! Но вѣдь это все для ума; да надо же братъ, что-нибудь и для тѣла. Впрочемъ, продолжалъ батюшка, дружески ударивъ мудреца по плечу... Все у насъ будетъ съ тобою, только займись Макаръ Макарычъ поприлежнее съ моимъ сыномъ.... Научи его уму разуму, добру да полезному знанію...

— Ужь будьте спокойны: рачительно займусь этимъ дѣломъ.

— Такъ вотъ тебѣ и питомецъ твой...

— А! отозвался Макаръ Макарычъ, взявъ меня за руку. Я вижу въ немъ малютку, съ дарованіемъ, сказалъ онъ.

— Слышишь, Николаша, сказалъ батюшка, обращаясь ко мнѣ: полюби Макара Макарыча, слушайся его добрыхъ совѣтовъ и учись прилежно. Теперь ужъ полно... Пора бросить игрушки, а надо приняться за книги. Ну, заключалъ онъ, обращаясь къ гостю... Съ Богомъ, Макаръ Макарычъ, начинай завтра.. А теперь иди-ко, отдохни... Спроси Михѣя Логиновича, онъ тебѣ укажетъ, гдѣ отведено твое помѣщеніе...

На другой день въ семействѣ нашемъ явились три новыя и разнохарактерныя лица. Не буду рассказывать тѣхъ сценъ, какими ознаменовалась встрѣча Макара Макаровича съ ученымъ французомъ и Амаліею Карловною. Скажу только, что Діогенъ не полюбилъ Мг Бажателя съ перваго на него взгляда. Послѣдній мало заботился объ этомъ нерасположеніи и, оказывая всевозможное вниманіе Амаліи Карловнѣ, повидимому, былъ чрезвычайно доволенъ, когда батюшка, чрезъ нѣсколько дней снова отправился въ полкъ.

Съ его отъѣздомъ вниманіе ко мнѣ француза и нѣмки совершенно исчезли. Одинъ только Макаръ Макаровичъ усердно занимался своимъ дѣломъ. Амалія Карловна постоянно рядилась и съ утра до поздняго вечера рассказывала матушкѣ о своей милой Курляндіи, а Мг Бажатель являлся только къ обѣду: цѣлые дни и ночи почтенный наставникъ мой проводилъ въ полѣ, гдѣ за неимѣніемъ дичи, велъ ожесточенную войну съ воробьями и воронами. Поведеніемъ его болѣе всѣхъ оставался недоволенъ Михѣй Логиновичъ...

— Вотъ, часто говаривалъ онъ, обращаясь къ Макару Макаровичу, какъ посмотришь, на этого Бажателя? такъ право незадумавшись скажешь, только и проку—то въ немъ, что пугаетъ воронъ на нашихъ огородахъ... Просто, взялъ бы метлу, да со двора, какъ негодную рокожу, за ворота бы и вымелъ!

— Такъ, такъ, отвѣчалъ Макаръ Макаровичъ: никакого вниманія нѣтъ къ своему пенату... А за деньгами первый.

— Эге!... да еще какъ, Макаръ Макаровичъ! впередъ отдай! Вотъ онъ народъ—то какой... А за что, примѣрно сказать? за то, что дармоѣдничаетъ...

Однако, не смотря на непріязненные взгляды Михѣя Логиновича и Макара Макаровича, мосье Бажатель не разставался ни съ своею удочкою, ни съ ружьемъ; изрѣдка онъ удостоивалъ заняться со мною, но съ появленіемъ Макара Макаровича или Амаліи Карловны тотчасъ же оставлялъ меня, извиняясь передъ ними, что отнимаетъ у нихъ нѣсколько пріятныхъ часовъ бесѣды съ ихъ умнымъ ученикомъ.

Михѣй Логиновичъ долго крѣпился и наконецъ написалъ батюшкѣ челобитную, прося его избавить насъ отъ француза, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство разлучило насъ съ мосье Бажателемъ.

Однажды утромъ въ началѣ весны 1812 года, испуганный и взволнованный Сенька явился къ матушкѣ и упалъ ей въ ноги, прося помилованія.

— Что случилось? Что ты сдѣлалъ? спросила матушка.

— Бѣда стряслись кормилица-барыня... Взмилуйся, ни душой ни тѣломъ не повиненъ въ бѣдѣ-бѣдущей...

— Да что такое?.. Встань! Ну, говори.

— Коня со двора свели, матушка барыня, Буланчика, любимаго верховаго коня барскаго.

— Какъ, когда?

— Ныче ночью, матушка барыня... и съ сѣдломъ!...

Между-тѣмъ, какъ Сенька рассказывалъ о пропажѣ, въ комнату къ матушкѣ вбѣжала Амалія Карловна въ такомъ отчаянномъ и растрепанномъ видѣ, что при первомъ на нее взглядѣ легко могло родиться сомнѣніе въ цѣлости ея разсудка. Платье ея было въ беспорядкѣ, волосы тоже, глаза заплаканны, лицо на этотъ разъ оставалось безъ обычныхъ прикрасъ. За нею слѣдовалъ Михѣй Логиновичъ также встрѣженный.

— Да, ужъ повѣрьте, матушка Амалія Карловна... у насъ такого грѣха никогда не случалось, говорилъ онъ.

— Такъ что же! Кто же? кричала Амалія Карловна... Чужихъ здѣсь нѣтъ!...

— Ну, да ужъ только не нарекайте на нашу дворню, народъ честный, и на художества не способенъ...

— Что еще случилось? спросила испуганная матушка.

— Ограбили! меня обокрали.... У васъ обокрали! рыдая и почти съ крикомъ сказала Амалія Карловна. Последнія мои деньги... Все мое сокровище, тысячу рублей, которые я скопила со всѣми лишеніями... Ахъ, Курляндія! Курляндія... не видать мнѣ тебя болѣе. Палагея Николаевна!... Спасите меня... Я умру отъ горя... Прикажите обыскать вашихъ людей... Это они виноваты.

Матушка успокоивала бѣдную женщину, какъ могла, — общая употребить всѣ старанія, чтобы отыскать и вора и пропажу. Въ это время, когда объяснялись странныя событія минувшей ночи, Макаръ Макарычъ, прежде всѣхъ узнавшій о горѣ Амаліи Карловны, явился тутъ же.

— Не клеветникъ я, сказалъ онъ, и безъ истиннаго убѣжденія не взведу ни на кого злаго нарѣканія; а теперь, по многомъ изслѣдованіи

и по внимательномъ обѣужденіи, я напалъ на слѣдъ вора. Это вѣрно господинъ Бажатель!...

— Возможно ли! вскричала Амалія Карловна, всплеснувъ руками.

— Вотъ ужъ это я такъ и зналъ... Онъ всегда воромъ смотрѣлъ, замѣтилъ Михѣй Логиновичъ.

— Неправда, неправда! этого быть не можетъ!... продолжала Амалія Карловна... Идемте къ нему, идемте!

— Да онъ ѣжалъ, замѣтилъ Макарь Макаровичъ, похитивъ изъ конюшни коня.... Да! въ комнатѣ его, по моему обыску, оказалось: одна забытая перчатка и брошенный на полъ разломанный ларець....

— Съ перламутромъ! вскричала Амалія Карловна.

— Да, отвѣчалъ Макарь Макаровичъ: и въ этомъ ларецѣ я только нашелъ баночку съ какимъ-то пурпуровымъ порошкомъ, да нѣсколько кусковъ сахару.

Противу такихъ доводовъ невозможно было спорить. Они ясно убѣждали Амалію Карловну признать разломанный ларець своею собственностію... Досада и изумленіе были общи. Всѣ знали француза за вѣтреннаго и безпутнаго человѣка, даже за большаго лѣнтяя, но никто не предполагалъ, чтобы онъ рѣшился на такой безсовѣстный поступокъ.

— Догнать его! замѣтилъ Макарь Макаровичъ...

— Куда, отецъ и благодѣтель, возразилъ Михѣй Логиновичъ... Гдѣ вы его сыщите? Богъ его вѣдаетъ, куда и въ какую онъ сторону кинулся...

— Но, вѣдь тысяча, моя тысяча! всхлипывая проговорила Амалія Карловна.

— Да!... вѣдь тысяча, Михѣй Логиновичъ, подхватилъ Остроумовъ.

— Что жъ, матушка... Тысяча не такъ тяжела, чтобы конь присталъ на первыхъ парахъ... Я чай, господинъ Бажатель теперь отмахалъ ужъ верстъ двадцать-пять... ищи его, какъ вѣтеръ въ полѣ!

Еще собравшіяся лица много и долго разсуждали о продѣлкѣ моего ученаго наставника, какъ матушкѣ доложили о пріѣздѣ Ивана Матвѣвича Спешкина. Надо сказать, что жантильный маіоръ въ отставкѣ, израненный въ дѣлахъ на Дунаѣ и на берегахъ Днѣпровскаго Лимана, кромѣ того еще прихварывалъ и падагрой, а потому онъ чрезвычайно рѣдко оставлялъ свою усадьбу и только какой-нибудь экстренный случай, случай особенной важности могъ принудить Ивана Матвѣвича на двадцати-верстный переѣздъ. Появленіе маіора не мало удивило насъ всѣхъ, и, разумѣется, болѣе всѣхъ матушку.

Между тѣмъ, показавшееся въ дверяхъ лицо Ивана Матвѣвича было

совершенно спокойно ; оно даже улыбалось, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ привыкло улыбаться всеѣмъ дамамъ, молодымъ и старымъ. После обоюдныхъ привѣтствій маіоръ, которому были предложены спокойныя кресла, — первое свое вниманіе обратилъ на наше общество, выраженіе лицъ котораго ясно ему сказывало, что въ домѣ не все здорово...

— Какъ, спросилъ онъ: такъ вамъ, матушка, Пелагея Николаевна... ужъ все извѣстно?

— Все, все! вскричала Амалия Карловна.... Этотъ народъ настоящіе грабители!..

— Да, вы... на счетъ француза! спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Именно, именно! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— А вы развѣ что-нибудь знаете? спросила матушка.

— Какъ же... Помилуйте... За тѣмъ то я къ вамъ и пріѣхалъ. Шалятъ они, крѣпко шалятъ!

— Да еще, какъ шалятъ-то, замѣтилъ Михѣй Логиновичъ.... И деньги взялъ, и коня барскаго увелъ.

— Кто? тревожно спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Французъ, ваше высокоблагородіе, все онъ же.

— Шкатулку и коня?... Да что вы это говорите?...

— А, вотъ просто запросто, отозвался Макаръ Макаровичъ: сегодня ночью, пользуясь мракомъ и общимъ усыпленіемъ, господинъ Бажатель рѣшился на хищеніе, и у Амалии Карловны взялъ изъ ларца тысячу рублей, а съ барской конюшни свелъ коня, и обратился въ бѣгство...

— Ахъ, чортъ возьми... то-есть... того.... Извините, Пелагея Николаевна.... Такъ онъ, выходитъ шпионъ!.... Вѣдь знаете ли, сударыня, какая штука.... Ужасъ! просто нашествіе иноземныхъ... сказалъ маіоръ, прищолкнувъ по ручкѣ креселъ своею табакеркою.

— Что вы говорите?

— Да.. вы не пугайтесь.... Это такъ; ничего,.. Не то, чтобы нашествіе... Ну, а... такъ сказать не хорошо... Только вы не пугайтесь!... Не благополучно, мы благоденствуемъ... Ничего!...

— Но, говорите, ради Бога. — успокойте насъ! сказала матушка...

— Да за тѣмъ то я пріѣхалъ, чтобы васъ успокоить... Это моя обязанность, мой долгъ... Мнѣ поручено васъ успокоить.

— Поручено!?

— Да... Дворянскій предводитель... просилъ, съ очевиднымъ замѣшательствомъ сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Такъ стало-быть бѣда грозитъ цѣлому уѣзду?

— Не то, что бѣда, а совѣтуютъ быть осторожнымъ.... Не ровень

часъ, матушка... Понимаете?... Да вы успокойтесь... вѣдь это ничего, такъ только : одно предостереженіе... Изволите видѣть... Вотъ и мужъ вашъ пишетъ мнѣ тоже, чтобы я васъ успокоилъ.

— Мужъ! сказала матушка, понимая теперь совершенно, съ какимъ порученіемъ явился Иванъ Матвѣевичъ, и стараясь сколько возможно сохранить наружное спокойствіе...

— Послушайте, Пелагея Николаевна... Вы не пугайтесь, началъ было маіоръ, — право дѣло еще не такъ страшно, и... Богъ милостивъ...

— Будьте откровенны, Иванъ Матвѣевичъ, перебила матушка: какова бы ни была вѣсть, которую вы хотите передать мнѣ : я твердо и спокойно ее выслушаю...

— Ну-съ, такъ стало-быть, дѣлать нечего! съ рѣшительнымъ видомъ сказалъ маіоръ, пожавъ плечами. Дѣлать видно нечего... повторилъ онъ. Не умѣлъ я, старый балясникъ, молодецки приняться за порученіе... Такъ вотъ... на, пришелъ, да все съ перваго слова и брякъ! Не хочу скрывать болѣе, да признаться, и не умѣю... Ужъ я, изволите видѣть, почтеннѣйшая Пелагея Николаевна, и дорогой-то, ѣхавши къ вамъ, все раздумывалъ : какъ бы половче, да полегче, такъ сказать, не съ разу... не могъ, не съумѣлъ. Просто вамъ сказать... война!

— Съ французскою націею, выходитъ съ Наполеономъ?... спросилъ Макаръ Макарычъ.

— Съ нимъ, именно съ нимъ, неугомоннымъ... И война, долженъ вамъ объявить—сердитая, бойкая!.. Французы перешли наши границы...

— Какъ! супостаты въ нашей отчизнѣ! съ негодованіемъ вскричалъ Остроумовъ.

— Они въ Витебскѣ... Изъ главной квартиры — я получилъ, Пелагея Николаевна — письмо отъ вашего мужа, которымъ онъ просилъ меня приготовить васъ къ этой печальной вѣсти, налагая въ тоже время пріятную намъ обязанность, сколько могу, быть вашимъ защитникомъ... Назначеніе его по службѣ было такъ неожиданно, что онъ не успѣлъ даже проститься съ вами... Долго я медлилъ... теперь пришло время, и надо быть откровеннымъ... А вотъ и письмо къ вамъ. Съ этими словами Иванъ Матвѣевичъ подалъ матушкѣ запечатанный пакетъ.

Кромѣ неизбѣжныхъ утѣшеній, которыми батюшка успокоивалъ наше небольшое семейство, въ письмѣ было высказано еще и то, чтобы матушка совершенно повиновалась совѣтамъ стараго маіора. «Тяжелыя послѣдствія войны, при настоящихъ обстоятельствахъ, — неизбѣжны, писалъ онъ... надо ждать всего и ко всему быть готовымъ... Воля Божія — молись Ему, береги себя и сына. Если непріятель будетъ въ

нашихъ сторонахъ, сбри какіе есть пожитки, что найдется цѣннаго, и отправляйся къ сестрѣ въ Воронежъ; если же, чего Боже сохрани, ты не успѣешь этого сдѣлать — то переселяйся въ усадьбу къ Ивану Матвѣвичу; его имѣніе въ глуши и въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, да онъ же старый волкъ и костливъ — его не скоро проглотятъ... Между прочимъ прикажи Логинычу отобрать изъ дворни и изъ мужиковъ народъ повидиѣе и отошли ихъ къ маіору; онъ ихъ обстругаетъ — быть-можетъ и пригодятся: теперь каждый человѣкъ нуженъ на службу отечеству... При отпускѣ рекрутовъ обмундировывай ихъ какъ можно скорѣе... не скупись, отдай послѣднее — это долгъ нашъ! Береги мнѣ сына и молись за меня.»

— Вотъ-съ и слезки показались! сказалъ Иванъ Матвѣвичъ, обращаясь къ матушкѣ, которая въ эту минуту дочитала письмо... А еще общали, любезнѣйшая Пелагея Николаевна — твердо перенести все! Успокойтесь, дорогая моя... Богъ милостивъ! Не въ первый разъ отпускать вамъ мужа — на славное дѣло... Вѣдь ужъ былъ и подъ шведомъ, перевѣдался и съ туркой... Живъ — слава Богу! Надо же кому-нибудь остаться живымъ, а быть-можетъ нашими молитвами чугунная или тамъ какая ни на есть свинцовая и обочтется Николаемъ Петровичемъ... Такъ-то?

— Какъ Богу угодно... Его святая воля! сказала матушка, повидимому успокоенная нѣсколько словами гостя.

— Да вотъ неприятная вѣсть: врагъ перешелъ наши границы! замѣтилъ Макаръ Макаровичъ, когда матушка оставила комнату.

— Ну такъ что-жь? Развѣ у насъ рукъ нѣтъ... Да, покажись они здѣсь: такъ я имъ съ моими мужиками такихъ бѣдъ настряпаю, что ай-до любо будетъ! вскричалъ маіоръ, почти помолодѣвшій десятью годами при мысли о встрѣчѣ съ врагомъ... въ дреколя, въ рогатины и топоры ихъ! Просто таки за просто, залягу гдѣ ни на есть съ моею дворнею въ оврагѣ при дорогѣ... Бей! Нѣтъ тебѣ пардону: не ходи къ намъ незваный! Вотъ какъ у насъ... да такъ и будетъ!

— Да такъ и надо! отозвался Макаръ Макаровичъ, разгоряченный словами маіора... Я самъ готовъ сію минуту идти въ солдаты!

— Ай-да, отецъ и благодѣтель, Макаръ Макаровичъ!.. Не ждалъ такой удали, отозвался Иванъ Матвѣвичъ... Обойми меня—дорогой мой!

— Иду! иду! восторженно повторилъ Остроумовъ, — крѣпко поцѣловавъ обнявшаго его маіора.

— Но, погоди... Куда же ты пойдешь?

— Куда? Да до перваго русскаго полка... Ужъ найду своихъ.

— Ну, а мой совѣтъ пообождалъ бы немножко...

— Нѣтъ, нѣтъ! Хочу, жажду ратовать!

— Да, братецъ, голубчикъ — Макаръ Макарычъ, эта оказія отъ насъ не уйдетъ и поколотить врага мы всегда успѣемъ... Видишь-ли... скажу... по секрету только... вы смотрите... Дамамъ нигугу!...

Тутъ Иванъ Матвѣевичъ, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Французъ... недалеко отъ Смоленска...

— Эва! Какъ мѣтнулъ, окаянный! замѣтилъ Михѣй Логиновичъ.

— Подъ Смоленскомъ! отступая шага на два, повторилъ Остроумовъ.

— То-есть — не далеко... Ну, понимаешь.. Этакъ вѣдь, братъ, и къ намъ пожалуетъ... Такъ стѣить-ли ходить къ нему на поклонъ... Милости просимъ сюда...

— Именно, именно! Команъ-ву-потриву, скажемъ, прибавилъ Михѣй Логиновичъ. . Неудбно-ли такъ сказать, понюхать, выходить — нашей порошинки.

— Ну, вотъ — тото и есть... Вѣдь и здѣсь молодцы нужны... Мой планъ вотъ каковъ...

— Внимаю, внимаю — говорите! сказалъ Макаръ Макарычъ.

— Прошу прислушать, началъ маіоръ: если, говорю я, врагъ будетъ подъ Смоленскомъ, то будетъ и у насъ; ждатель надо, что сюда забредетъ какой-нибудь отрядъ, быть-можетъ, просто нѣсколько бродягъ, которымъ придетъ охота попользоваться хотя мужицкими лаштами... По одиночкѣ они насъ переберутъ, какъ мухъ, и потому намъ надо и бить ихъ, и отстаивать себя вмѣстѣ...

— Да, совокушно! подхватилъ Макаръ Макарычъ.

— Нигдѣ такъ удобно и, быть-можетъ, счастливо, продолжалъ маіоръ, не отстоимся мы, какъ въ моей усадьбѣ, и именно въ моемъ домѣ. Окопаемъ гору, укрѣпимся за частоколомъ, сберемъ и вашихъ и моихъ ребятъ, вооружимъ ихъ, чѣмъ Богъ послалъ, да и за дѣло!

— Такъ что-жь это, смѣю спросить ваше высокоблагородіе, промолвилъ Михѣй Логиновичъ: я что то въ толкъ не возьму, неужто же мы только и будемъ отлеживаться въ усадьбѣ?..

— И... нѣтъ, братецъ! зачѣмъ отлеживаться?.. Будемъ со своими ребятами понавѣдываться и на большую дорогу и по окрестностямъ, гдѣ встрѣтимъ супостата по силамъ...

— Дѣло, дѣло, г. маіоръ! подхватилъ Макаръ Макарычъ, весело потирая руки.

— Ну, да! Все своимъ порядкомъ... Понятно! На случай же, если не въ моготу придетъ, вотъ тогда и засядемъ въ свою берлогу, да и начнемъ отгрызаться... Не скоро укусятъ... Запасъ сдѣлаемъ большой, и смѣло отстоимся... У меня же ребята такъ подготовлены, что хоть

сейчасъ подъ ружье... Головорѣзы, охулки на руку не положить, и стрѣлки такіе, только укажи кого запятнать, какъ пить дать — свинцомъ прихлыстнетъ... А между-тѣмъ, главное-то... и семьи наши безопасны, да если и въ сосѣднихъ деревняхъ въ набатъ приударятъ, намъ и туда можно... мы всегда въ сборѣ, всегда на готовѣ... Понимаете? А? самодовольно заключилъ маіоръ, которому все эти планы напоминали его славную молодость, проведенную въ чистомъ полѣ.

Михѣй Логиновичъ и Остроумовъ изъявили полное удивленіе къ воинскимъ способностямъ и тактическимъ соображеніемъ стараго маіора...

Матушку не трудно было убѣдить оставить свою усадьбу и перебраться къ Ивану Матвѣевичу.

Вся слѣдующая ночь прошла въ хлопотахъ, въ связываніи узловъ и въ сборѣ пожитковъ. На другой день, рано утромъ шесть экипажей, нагруженныхъ нашимъ хозяйствомъ и цѣнными вещами, отправились, вмѣстѣ съ нами, въ усадьбу Синюшкина. За бричками, предводимыя Макаромъ Макарычемъ — слѣдовали двадцать отборныхъ молодцовъ, назначенные въ распоряженіе маіора. Подъѣзжая къ его усадьбѣ, Остроумовъ не могъ удержаться отъ восторженнаго восклицанія, при видѣ той декораціи, которая на самомъ дѣлѣ осуществляла планы Ивана Матвѣевича. Вся его небольшая деревенька, раскиданная за озеромъ, имѣла теперь видъ импровизированнаго укрѣпленія... Передъ избами, выдвигались пять или шесть подвижныхъ бойницъ, отъ нихъ вправо — плотина, пролегавшая между правымъ берегомъ озера и болотами единственная дорога къ крестьянскимъ избамъ, заиралась двойнымъ рядомъ телегъ, — у которыхъ, вооруженные длинной викой и ружьемъ, расхаживали двое молодцовъ.. Направо, по другую сторону озера, какъ я уже сказалъ прежде, тянулась песчаная дорога, окаймленная мелкимъ кустарникомъ и поднимавшаяся въ гору, до хормъ воинственнаго хозяина. Здѣсь, при укрѣпленіи рѣшетчатаго фаса барскаго дома, Иванъ Матвѣевичъ, казалось, истощилъ все свои фортификаціонныя способности. Кроме множества волчьихъ ямъ, которыя еще не были — фальшиво затрамбованы, по всей площадкѣ передъ домомъ тянулся глубокій ровъ, черезъ него перекидывался живой мостикъ, готовый разсыпаться при первомъ шагѣ на него Крыловскаго лежца... За рѣшеткою, куда мы въѣхали съ большимъ трудомъ и опасностями, боясь, прежде жданныхъ враговъ, провалиться въ волчьи ямы — выдвигались тѣже тесовыя бойницы...

Внимательный хозяинъ встрѣтилъ насъ на дворѣ. Лицо его сіяло особеннымъ удовольствіемъ; онъ быстро повертывался изъ стороны въ другую, самодовольно посматривая на воинственную обстановку своего ре-

дута. По всему можно было заключить, что маіоръ находился въ своей сферѣ.

— Ну, что... каково? спросилъ онъ наконецъ, когда матушка скрылась на террасѣ.

— Чудо, диво!.. велелѣпіе и резонъ! отозвался Макаръ Макаровичъ... Съ точностію ученою созиждено все это...

— Ну, еще не все, дорогой мой Макаръ Макаровичъ... еще надо одну штучку, такъ, сказать, приспособить...

— Какую же... я, по истинѣ, нахожу во всемъ полноту и совершенство...

— Вотъ тото и есть... дѣло мастера боится, дорогой мой... Ну, ко, извольте — окинь глазомъ... Смекни — чего недостаетъ...

Макаръ Макаровичъ повелъ кругомъ внимательнымъ глазомъ, задумался на минуту, и нерѣшительно отвѣчалъ:

— Да чего жъ-бы еще кажется.... Право не знаю.

— А ну, однако.... Смѣкни-ка!

— Ужъ развѣ, по моему уразумѣнію, такъ-сказать гадательно нахожу.... что здѣсь недостаетъ.... пушки, Иванъ Матвѣевичъ....

— Пушки! Эку пулю слилъ отецъ и благодѣтель.... Да, гдѣ намъ мелкопомѣстнымъ воинамъ еще и орудіями заводить.... на кой намъ прахъ пушки....

— Да, да! отозвался Остроумовъ, стараясь тономъ сочувствія загладить свой промахъ... И конечно, зачѣмъ намъ пушки.... мы можемъ и камнемъ мѣтать во врага....

— У.... разумѣется.... Камнемъ его! Ну, а все-таки вотъ и недогаешься чего нѣтъ! А?

— Право, не понимаю, что-же еще тутъ быть должно....

— Не вѣдаешь?... А на крышѣ-бы, на примѣръ?

— Что-же на крышѣ.... флагъ, что-ли?

— Башни, батюшка, башни!...

— А! такъ-сказать, обзорща?

— Ну да; съ которой-бы можно было обозрѣвать всю окрестность, вотъ что!... Она-то у меня теперь и дѣлается.... Пойдемъ, все покажу.... Да, а ну позволъ-ка, продолжалъ Иванъ Матвѣевичъ замѣчая присутствіе прибывшихъ съ нами крестьянъ. Эти молодцы-то?

— Эти, ваше высокоблагородіе, — отозвался съ поклономъ Михайлъ Логиновичъ....

— Бравый народъ.... Бравый! Ну, что, православные, продолжалъ Синюшкинъ: вотъ извольте видѣть, къ намъ идетъ врагъ, полонить насъ, дома наши жечь да грабить....

— Слышали, напасть—кормилецъ! слышали! отозвались ратные....

— То-то.... слышали.... Ну, такъ какъ вы того, на счетъ этого думаете? А?

— Да, что думать, вашескоблагородіе, отозвался одинъ изъ молодыхъ парней.... Нехорошо эвто выйдетъ....

— Не надо-тъ бы себя въ обиду дать!... подхватилъ другой.

— То есть, примѣрно сказать врагъ замахнется, а ты его ударь, ударить а ты его и приголубь..

— Вѣстимо, кормилецъ.... Для чежь и не накостылять нехрыстю загривку.... Что мы ему некрещенные достались.... Либо што безголосые, безъ отълику! замѣтилъ тотъ-же говорунъ.

— Да, да! такъ! Ай да Сенька — ухо! подмигнувъ, сказалъ Михай Логиновичъ....

— Вотъ теперь, ребята, я васъ и спрошу: срълять-то вы умѣете? снова началъ маіоръ.

— Для-ча — не стрѣлять? Было дѣло.... стрѣливали, вашеское благородіе.

— Ну, а если этакъ, примѣрно сказать, иному прочему, на коня бы посадить пришлось?

— И то можемъ-съ.

— Bravo! Видите, Макарь Макаровичъ.... затѣи-то у меня какого рода.... У насъ и разъѣзды будутъ. Хорошо, ребята, — хорошо! Что-же касается до рукопашной, то я васъ знаю, ребята... и на случай подраться, ужъ и не прошу....

— И не просите, вашеское благородіе, промолвилъ передовой, рослый и здоровый мужикъ.... Только встрѣлся-бы намъ незванный, такую ему баню истопимъ, съ вашего позволенія, что и на предки не пожалуетъ....

— Да, говорятъ, замѣтилъ другой, самъ батюшка Царь молвилъ, чтобы дескать всѣ, малъ и великъ, поголовно шли на врага:

— Правда, братцы—правда! Идите теперь съ Богомъ въ деревню, а вечеромъ мы вамъ и службу укажемъ.

Мужики разошлись, а Синюшкинъ, Остроумовъ и Михай Логиновичъ отправились обозрѣвать укрѣпленіе. Съ этаго дня въ усадьбѣ Ивана Матвѣевича начались безпрестанныя воинскія упражненія. Неутомимый маіоръ обучалъ своихъ ратниковъ стрѣльбѣ, строю, дѣлалъ тревоги, и въ двѣ съ небольшимъ недѣли онъ уже распорядился такими молодцами, что въ случаѣ дѣйствительной нужды — смѣло могъ понадѣяться и на отважность и на сноровку своихъ ратниковъ.

А между-тѣмъ слухи о приближеніи непріятеля съ каждымъ днемъ

получали болѣе и болѣе вѣроятности. На первое августа отрядъ казаковъ и гусарь, изъ корпуса Раевского, бивуакировалъ въ нашей усадьбѣ.... Со втораго Макарь Макаровичъ—простился съ нами, и благословенный старымъ маіоромъ, съ двѣнадцатью конными и хорошо вооруженными молодцами, отправился на поискъ. Два дни не было никакой вѣсти о нашихъ ратникахъ, наконецъ — къ утѣшенію Ивана Матвѣевича, Сенька завидѣлъ съ вышки возвращающійся отрядъ въ полномъ составѣ и невредимый. Въ то-же время послышались отдаленные залпы орудій, которые скоро слились въ одинъ протяжный гулъ, изрѣдко превращавшійся въ страшный раскатъ грома. Пальба не умолкала до поздней ночи. Мы все были на ногахъ.... Дамы находились въ совершенномъ ужасѣ. Амалия Карловна рѣшительно обезпамятѣла.... И когда, вечеромъ, успокоенные совершеннымъ молчаніемъ, мы собрались въ столовой — все были изумлены отсутствіемъ мадамъ Нестлейнъ.... Бросились искать ее, обошли садъ, дворъ, амбары — Амалии Карловны не было.

Это обстоятельство поставило въ недоумѣніе все наше небольшое общество. Никто не могъ разгадать, куда бы могла пропасть крупная Амалия Карловна. На этотъ счетъ было сдѣлано нѣсколько предположеній, и наконецъ, все остановилось на мнѣніи маіора: онъ думалъ, и даже утверждалъ, что мадамъ Нестлейнъ съ испугу спряталась гдѣ-нибудь на чердакѣ, или въ подвалѣ, или на сѣновалѣ, расположенномъ надъ амбаромъ.

— Будьте покойны, добавилъ онъ: нѣмка отсидится и придетъ.... Пропастъ ей не-куда. Всего лучше, займемся дѣломъ. Пока будемъ чай пить — не угодно ли вамъ, Макарь Макаровичъ, сдать коротенькій рапортъ командиру редута, маіору Синюшкину, о результатѣ вашей экспедиціи.

— Два дня и двѣ ночи бродилъ я въ окружныхъ поляхъ и кустарникахъ, сказалъ Макарь Макаровичъ, но не встрѣтилъ ни одного врага, а сегодня, назарѣ, заслышавъ выстрѣлы — невольно посвѣшилъ въ усадьбу, думая—что въ ней присутствій мое нужнѣе.

— Такъ, такъ! отозвался маіоръ. Слѣдовательно, вы нигдѣ не замѣтили непріятели....

— Все осмотрѣлъ понемногу, и ничего не видалъ....

— Ну, а выстрѣлы-то съ которой стороны вы слышали?

— Со стороны Смоленска.

— И порядочная была жарня?

— Безъ умолку.... Гадательно, что цѣлые легіоны сразились....

Въ эту минуту надъ озеромъ раздался выстрѣлъ, за оградою бар-

скаго дома отвѣчали тѣмъ же, и скоро, по всему нашему укрѣпленію загудѣла перестрѣлка, которой вторилъ за озеромъ набатный колоколь.

— Что это.... Неужели ужъ гости! вскричалъ маіоръ.... Скорѣй, скорѣй друзья! Логинычъ, береги барынь.

Маіоръ и Макарь Макаровичъ въ ту же минуту выбѣжали на дворъ, гдѣ уже исправные ратники стояли подъ ружьемъ....

— Огня! Фонарей! кричалъ Иванъ Матвѣевичъ... Ну, что случилось? спросилъ онъ, когда освѣтили дворъ и когда смолкла перестрѣлка.

— Не можемъ знать, батюшка баринъ....

— Да кто стрѣлялъ?...

— Насъ вызвалъ Сенька.

— Сенька, для чего ты стрѣлялъ?...

— Да Макарь, кажись, началъ, али кто другой, только вонъ первая свиснула изъ правой бойницы...

Началось слѣдствіе, и оказалось, что всю эту перепалку началъ сапожникъ Макарь.

— Ты выстрѣлилъ? спросилъ маіоръ, обращаясь къ нему.

— Я, вашеское благородіе, а за мною и все прочіе, по этому же случаю и набатъ ударили....

— Да для чего же ты поднялъ тревогу?

— А какъ же.... Вѣстимо, вѣдь сказано было, что часовой отъ своего мѣста ни на одинъ шагъ, а коли что приключится, стрѣлай изъ ружья....

— Экіе олухи, олухи! Ну, такъ что же у тебя случилось....

— А, какъ же.... вонъ, эвотколь, шаговъ на пять отъ меня, кто-то ввалился въ яму, ну и кричить: помогите! Вѣстимо, какъ тутъ помочь.... я и выстрѣлилъ; думалъ, что Сенька смегнетъ, а онъ и тово, а отъ него и другіе приняли.

— Въ ямѣ, говоришь ты? спросилъ Макарь Макарычъ; да кто-жь бы это?

— А, Богъ его вѣдаетъ.

— Пятеро за мной! сказалъ маіоръ.... Марш!

Калитка была отперта, и маіоръ, сопровождаемый Макаромъ Макаровичемъ и пятью вооруженными крестьянами, быстро, какъ только позволяла ему болѣзнь, перебѣжавъ мостикъ, подошелъ къ указанной волчьей ямѣ.

— Возьмико ребята на прищѣль.... Посвѣти!

Курки щелкнули и пять ружейныхъ дулъ, освѣщенные фонаремъ, склонись надъ ямой.... Въ тоже мгновеніе громкій вопль испуга раз-

дался въ ямѣ, и любопытные взглянувъ въ нее, къ общему изумленію, вмѣсто заарканеннаго врага, встрѣтили умоляющій взглядъ и испуганное лицо Амаліи Карловны....

— Матушка сударыня! да какъ это вы сюда попали.... Еще спасибо, кажется, Богъ миловалъ, безъ вреда! вскричалъ маіоръ.

— Спасите! Спасите, Иванъ Матвѣевичъ! отозвалась Амалія Карловна, стараясь протянуть вверхъ руки.

— Да, какъ не спасти.... свой человѣкъ.... Помогите ей, братцы.... Эхъ, матушка, добавилъ Синюшкинъ, когда мадамъ Нестлейнъ была возвращена нашей усадьбѣ.... Трамбовку-то, такъ-сказать, мнѣ испортили! Да какъ это вы туда попали?

Оказалось, что Амалія Карловна, испуганная отдаленными выстрѣлами и мыслию о приближеніи враговъ, рѣшилась бѣжать въ кустарникъ, гдѣ думала найти вѣрное спасеніе и гдѣ просидѣла въ оврагѣ до самой ночи. Когда выстрѣлы смолкли, она нѣсколько успокоенная, нашла болѣе выгоднымъ провести ночь подъ кровлею Синюшкина, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, и стала взбираться на гору. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рва, одинъ изъ сторожевыхъ, замѣтивъ приближающагося человѣка, такъ страшно рявкнулъ подъ ухо Амаліи Карловны: «Кто идетъ? Говори — убью!» что несчастная, не оправясь еще отъ перваго страха, съ ужасомъ и крикомъ: спасите, спасите! метнулась всторону и прямо полетѣла въ яму. Тутъ-то и подслужился Макаръ. Это событіе доставило матерьяла для разговора на цѣлую ночь.

Слѣдующій день никто не смыкалъ глазъ. Канонада — подъ городомъ возобновилась.... Иванъ Матвѣевичъ послалъ Сеньку поразвѣдать, а между-тѣмъ продолжалъ готовиться къ встрѣчѣ враговъ. Человѣкъ скоро привыкаетъ ко всему. Точно также, трое сутокъ прислушиваясь къ неумолкаемымъ выстрѣламъ, общество наше, разумѣется, говорю продамъ, на четвертый день совершенно равнодушно вязало чулки подъ разтворенными окнами, въ которыхъ нерѣдко дрожали, стекла при страшныхъ, хотя и отдаленныхъ отъ насъ залпахъ орудій. Поздно вечеромъ того дня явился Сенька. Приходъ его былъ давно ожидаемъ, а потому всѣ взоры обратились къ вошедшему.

— Ну, что Сения? спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Да что, вашеское благородіе... вѣдь право слово насилиу утекъ.

— Какъ? Случилось развѣ что-нибудь?

— А вотъ извольте видѣть, я вамъ доложу все попорядку, т. е, какъ оно было выходить...

— Ладно, говори, да только околенной не надо.

— Для-ча околесную; такъ-таки прямымъ манеромъ все и выскажу, какъ на столъ выложу...

— Ну, ну!

— Выходить, вашеское благородіе, — позавчера отправился я, пополуничавши... никого, такъ себѣ, не встрѣлъ и добрался до Кваскова... Тутъ съ вашего позволенія, на утро у меня страхъ и руки и ноги отнялъ; словно онѣмѣлъ весь... Такъ вотъ меня ужасъ и прогвоздила съ головы до пятъ... ядры, знаете, свищуть... пыль, дымъ... Просто, въ самую-то что ни на есть сумятницу попалъ... Вотъ я и тягу и назадъ, опять въ Квасково... Думаю, приказано развѣдать, ну, дескать, и надо развѣдывать. Просидѣлъ я, примѣрно сказать, у пріятеля Оомы Иванова до другаго вечера... Погляжу, народъ-то православный собралъ пожитки, да и въ лѣсъ. Что это, говорю, какая болѣсть приключилась? А вотъ, говорятъ, обожди, увидишь... Смоленскъ взять. Французъ идетъ. Дѣло было къ ночи... Нечего грѣха таить, не больно охотно собрался я въ дорогу; одному-то какъ-то не повадно... Да дѣлать нечего: всѣ уходятъ, думаю, и намъ пора пришла. Задалъ овсеца соврасому, засѣдлалъ быстроногого... иноходчикъ вѣдь, вашеское благородіе... ну, и пустился. Ночь, примѣрно сказать, застигла меня на распутии... я и заплутался. Брошусь вправо, или лѣво или колода, сворочу налѣво — глядь проселокъ потерялъ, а столбовой держаться не пора, трушу, признательно вашей милости сказать... Такъ мучился я до сегодня; конь было началъ уставать, да лиха бѣда дорога найдена... Ну, думаю, соврасый тащи хоть черезъ силу, овсеца пересыплю. И самого, грѣха таить нечего, маленько прошибло... слышу, что вотъ просто отъ голода пухну, съ вашего позволенія. Да ничего, молъ — и до фатеры теперь не далеко, вытерпимъ, что дѣлать-то!.. взялъ, да съ голодухи и зятянулъ «*Въ сарафанъ кума, во кумашномъ она....*» Вдругъ цапъ... Пафъ! Пафъ!...

— Что-о! выстрѣлъ? тревожно спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Еще и не одинъ, а два... Мой саврасенькій чебурахъ на всѣ четыре ноги, а я, вѣстимо дѣло, подъ него... Ну, думаю, Сенька, придется твоей хозяйкѣ на все село голосить. Вотъ и рванулся было я изъ-подъ коня, а ужъ саврасенькій храпитъ, и шею вытянулъ... погляжу кругомъ, а около меня, какъ лѣсъ выросъ... Человѣкъ пятнадцать лиходѣевъ, да такія рожи, съ вашего позволенія, батюшка Иванъ Матвѣичъ, что у меня въ глазахъ зелено стало. Вытащили они меня изъ-подъ сѣдла, нечего грѣха таить, дали и треуха раза два... вотъ я и ободрился. Погляжу, у одного хара такая знакомая, что будто бы вотъ только вчера съ нимъ цѣловался. Другіе-то, знаете, такъ непо-

христіанскому что-то заговорили, а одинъ просто по нашему, по русскому, и говорить: Сенька, веди насъ въ усадьбу къ Синюшкину, мы де, говорить, заплутались. А ты, я говорю, нешто нашъ... почему ты меня знаешь! — Маршъ, говорить, нетолкуй, прикладомъ пришибу.

— Ахъ, прахъ побери! вскричалъ Иванъ Матвѣевичъ, да кто жъ-бы это былъ, что даже и мою фамилію назвалъ?..

— Кому же больше, какъ не г. Бажателю... Разбойникъ, это онъ! съ невыдержаннымъ негодованіемъ отозвалась Амалія Карловна.

— А что думаете: вѣдь пожалуй... Ну, ну, продолжай, Семень.

— Вотъ-съ... дѣлать него, повели меня молодца, какъ борзую на сворѣ... Иду, оглянусь, а къ затылку мнѣ такъ и наровятъ свинцовый пластырь примазать... только я небудь промахъ, проплуталъ съ молодцами до поздней ночи, завелъ недруговъ въ болото, да и юркнулъ въ кусты...

— Молодецъ! Молодецъ!

— По мнѣ, изволите видѣть, пули три свиснули въ догонку, да обочлись... Я на уходъ... они за мной... я вправо, влѣво... завелъ гостей въ такой омутъ, что и самъ думалъ изъ него не выберусь; однако Богъ миловалъ, утекъ.

— Далеко-ли-же, по твоему разсчету, ты ихъ оставилъ?

— Отъ усадьбы-то, вашеское благородіе?

— Да.

— Вѣрстахъ въ десяти будетъ... Да куда имъ, провалятся тамъ въ окна.

— Ну, нѣтъ, любезный, не шути! отозвался Иванъ Матвѣевичъ: если съ ними въ-самомъ-дѣлѣ этотъ измѣнникъ Бажатель, то онъ найдетъ дорогу: ему въ окрестности каждая тропинка знакома; онъ вѣдь и дневалъ и ночевалъ въ кустахъ, гоняясь за бекасами... Однако ничего... Спасибо, что съумѣлъ уйти и предупредить. Мы сейчасъ распорядимся.

При этомъ маіоръ, несмотря на просьбы жены и матушки, не покидать ихъ, распорядился такъ: въ усадьбѣ на плотинѣ, у телегъ, оставилъ только четверыхъ молодцовъ, за рвомъ, въ домѣ десять, поручивъ ихъ командирству Михѣя Логиновича, а самъ съ остальными и съ Макаромъ Макаровичемъ, раздѣляясь на два отряда, рѣшился идти на поискъ, увѣренный, что непременно встрѣтитъ бродягъ.

Мы дѣти, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ настоящей опасно-

сти, съ большимъ любопытствомъ заглядывались на вооруженіе, которое раздавалъ своей храброй дружинѣ храбрый Иванъ Матвѣевичъ.

Наконецъ майоръ простился съ нами, вспрыгнувъ на сѣдло, и отправился къ болотамъ. Макаръ Макаровичъ съ своимъ отрядомъ направился къ большой дорогѣ.

Въ тоскливомъ ожиданіи и страхася каждую минуту нечаяннаго нападенія, дамы наши, то забирая насъ съ собою, уходили въ самые отдаленные углы кухни, или спускались въ подвалы, или на нѣсколько мгновеній появлялись на террасѣ. Михѣй Логиновичъ, съ важною осанкою, стараясь казаться совершенно равнодушнымъ и готовымъ на всякую встрѣчу, павлиньимъ шагомъ расхаживалъ у рѣшетки. Заглядывая въ бойницы, онъ безпрестанно повторялъ: не дремать, ребята! Поднимая голову вверхъ, протяжно окликалъ Сеньку, поставленнаго на вышку, часто повторяя ему неизмѣнное: Посматривай!.. Наконецъ, подходя къ террасѣ, онъ же, неусыпный и внимательный Михѣй Логиновичъ, обращаясь къ дамамъ, медленно снималъ съ руки кожаную рукавицу, потомъ также флегматически приподнималъ свой картузь и говорилъ. Успокойтесь, матушки-барынки: все благополучно; выходить, по моему глупому разсчету, такъ-сказать, ничего не будетъ!

Дѣйствительно тяжелая долгая тьма ночи, которая показалась намъ тогда цѣлымъ вѣкомъ, начала разсѣиваться, и скоро, къ нашему удовольствію, а особенно къ радости Сеньки, легко уже было различить всѣ предметы вереты на двѣ въ окружности. Свѣтъ дня имѣетъ удивительное вліяніе на моральныя силы человѣка... Душа и сердце, какъ бы они ни были робки, при первомъ проблескѣ зари ободряются... Такъ точно и моя матушка, вмѣстѣ съ Амалією Карловною и Марьею Петровною, вздохнули свободно отъ полноты изнуренной души, когда полусонное лицо и вся фигура Михѣя Логиновича, украшенная ружьемъ и кинжаломъ, вырисовалась въ глазахъ ихъ, во всемъ своемъ богатырскомъ величіи.

Марья Петровна приказала подать кофе. Столъ вынесли на террасу. Оставалось приняться за фрыштикъ, какъ громкій крикъ: Французъ! Французъ! раздавшійся на вышкѣ, будто упавшая къ ногамъ нашимъ молнія лишила насъ всякой смѣлости и возможности двинуться съ мѣста. Страхъ былъ до того великъ, что Амалія Карловна, почти въ помѣшательствѣ, схватила кофейникъ, стараясь спрятать его, очевидно отъ враговъ, куда-нибудь подальше. Между-тѣмъ, ясно можно было разглядѣть человѣкъ двѣнадцать французскихъ солдатъ, показавшихся со стороны лѣса. Забросивъ, съ примкнутыми штыками, свои ружья на плеча,

они безопасно стали подниматься въ гору. Въ эту минуту четыре выстрѣла раздались за телегами на плотинѣ, и одинъ изъ солдатъ упалъ, повидимому, раненный на смерть. Въ толпѣ враговъ сдѣлалось замѣшательство и они, по знаку передоваго, кинулись къ телегамъ...

— Наши бѣгутъ... бѣгутъ! Ахъ разбойники... спасовали, бѣгутъ! крикнулъ, Сенька.

— А, вотъ я ихъ уже... барину скажу! отозвался оторопѣвшій Михѣй Логиновичъ, въ то время, какъ четверо защитниковъ плотины дѣйствительно пустились на уходъ, къ толпѣ бабъ и мальчишекъ, собравшихся на берегу озера...

Однако враги не преслѣдовали бѣгущихъ, и очевидно, отдѣливъ изъ своей партіи человекъ пять, на случай предупрежденія новой засады, стали быстро подниматься къ барскому дому...

— Сюда идутъ... къ намъ! къ намъ! крикнулъ Сенька.

— А? Къ намъ! Вотъ мы ихъ! отвѣчалъ Михѣй Логиновичъ... Стрѣлай ребята!.. или нѣтъ... Постой! Обожди...

— Да чего ждать-то? спросилъ Макаръ... Руки чешутся, я право свисну...

— Ну... пожалуй, валай! Не подпускай ихъ только близко...

— Чтѣ-жъ командуй, Михѣй Логиновичъ!

— Да чтѣ тутъ командовать... Валай безъ команды... Дуй въ голову, да и баста...

— Пали, ребята! крикнулъ Макаръ, и бойницы одѣлись дымомъ, пули свиснули перекрестнымъ дождемъ на встрѣчу французамъ...

На террасѣ между нами раздался общій крикъ ужаса, и всѣ бросились, кто куда могъ. Между-тѣмъ, вотъ чтѣ случилось въ наше отсутствіе...

Встрѣтивъ ружейный залпъ, враги съ крикомъ угрозъ и проклятій, положивъ штыкъ на руку, бросились ко рву...

Тутъ только Михѣй Логиновичъ вспомнилъ, что по отъѣздѣ Синичкина и Остроумова, онъ забылъ снять мостикъ...

— Батюшки! Батюшки свѣты! Завопилъ мой дядька... то вѣдь мостъ лежить... стрѣлай! пали! въ топоры ихъ...

Но уже было поздно. Ловкіе егеря живо перебрались черезъ ограду, штыками опрокинули бойницы и съ народомъ, кинувшись на Михѣя Логиновича.

— Что вы, душегубы... Что вамъ надо? вскричалъ старикъ, схватившись за кинжалъ...

— Ни съ, мѣста, старый колпакъ... вскричалъ передовой солдатъ: добрыхъ знакомыхъ не узнаешь!..

— А! разбойникъ Бажатель... шкатулка канальская. Песъ смердящій!

— Э! братъ, да ты еще браниться! Смотри... ты видишь, что у насъ хватить рукъ завязать тебѣ языкъ въ узелъ... Тутъ онъ обратился къ своимъ, и передалъ имъ, на непонятномъ для Михѣя Логиновича нарѣчїи, какое-то приказаніе.

Двое товарищей Бажателя взвели курки ружей и вышли впередъ опрокинутыхъ бойницъ, грозя прострѣлить каждую высунувшуюся оттуда голову.

— Ну, видишь, прїятель, продолжалъ французъ, помоги тебѣ ждатель неоткуда... А тѣ, что за озеромъ, намъ нестрашны: ихъ стерегутъ пять молодцовъ... Ну, говори, гдѣ баринъ?

— Господь здѣсь нѣтъ никого... я только одинъ? отвѣчалъ Михѣй Логиновичъ.

— Лжешь, старикъ!

— А что мнѣ за надобность обманывать тебя? Вонъ ужъ третій день, какъ они уѣхали изъ усадьбы.

— Ну, хорошо... Намъ ихъ не надо! Скажи ко, гдѣ ихъ добро... Тамъ серебро, кой-какія хорошія вещицы?

При этомъ вопросѣ отчаянная и рѣшительная мысль мелькнула въ головѣ Михѣя Логиновича.

— Вотъ въ этомъ амбарѣ... все складено... Да неужли ты насъ ограбишь, господинъ Бажатель... Насъ, чью хлѣбъ-соль ѣлъ?

— Рассказывай тутъ... Давайко ключъ!

— Что дѣлать... Доля невольная... Изволь, пойдѣмъ, все укажу; но только съ тѣмъ, чтобы ты крестянского и волоса не тронулъ.

— Убирайся ты со своими лапотниками... Есть что у нихъ взять... Ну, поворачивайся... Живо! Время дорого...

— Позволь же... вѣдь надо засвѣтить фонарь... Тамъ темно...

— А гдѣ у васъ фонарь? Я пошлю: сыщутъ...

— Да для чего далеко ходить... въ каждой бойницѣ есть по фонарю... Эй! Макаръ! давай фонарь...

Макаръ высунулъ свою голову, и видя, что ни одно ружейное дуло не угрожаетъ ему, спокойно вылезъ изъ своего заключенія...

— На! проклятый измѣнникъ! сказалъ онъ, подавая Михѣю Логиновичу фонарь.

Между-тѣмъ, въ ту минуту, какъ французы принялись добывать огонь, — старикъ успѣлъ что-то шепнуть на ухо Макару.

— Ну, теперь все готово... Ступай впередъ! сказалъ Бажатель, весьма неделикатно толкнувъ Михѣя Логиновича.

Старикъ повиновался... отперъ амбарную дверь и переступилъ порогъ ея: за нимъ слѣдовали и все французы, не замѣчая того, что отчаянный Макаръ остался за дверью... Едва только послѣдній изъ враговъ, скрылся въ амбарѣ, какъ дверь, быстро захлопнутая удалцомъ, была заперта на ключъ, который въ ту же минуту полетѣлъ въ ровъ...

— Ребята бей ихъ! крикнулъ Макаръ, кидаясь на близъ стоящаго къ нему врага.

Крестьяне ободрились, ударили въ приклады, и смяли сторожевыхъ...

Еще на дворѣ не кончилась эта моментальная схватка, а уже полное восторга и удовольствія лицо Михѣя Логиновича, показалось въ слуховомъ окнѣ сѣнника, расположеннаго надъ амбаромъ... старику, который рѣшительно готовъ былъ пожертвовать собой — посчастливилось. Едва только онъ замѣтилъ, что грабители заперты, какъ, не теряя ни минуты, потушилъ огонь въ фонарѣ, и пользуясь темнотою, бросился къ лѣстницѣ, вѣдущей на сѣноваль. Взбѣжать на верхъ и приподнять лѣстницу для бодрого и рѣшительнаго старика было дѣломъ одного мгновенія.

— Знай нашихъ! Звѣрки въ ловушкѣ... Спасибо, Макарушка, за помощь! Кричите! Ругайтесь — волки некормленные, а ужъ шкурку-то потянемъ съ васъ! говорилъ Михѣй Логиновичъ, спускаясь на землю, въ то время, какъ отчаянные удары прикладами градомъ сыпались на дверь анбара...

— А, вотъ и наши! А вотъ и батюшка Иванъ Матвѣевичъ! крикнулъ Сенька, равнодушный зритель всего происходившаго передъ его глазами.

Дѣйствительно, храбрый маіоръ подоспѣлъ во-время. Пятеро французовъ, занявшихъ входъ у плотины, при появленіи Ивана Матвѣевича — обратили тылъ. Заключенные въ амбарѣ были съ большими церемоніями и торжествомъ обезоружены, и какъ военно-плѣнные переданы по принадлежности, не исключая и ученаго м-га Бажателя, которому жестоко досталось, въ день его пораженія, отъ Амаліи Карловны...

Вотъ единственная и замѣчательная сцена изъ достопамятной эпохи, которую я живо помню. До занятія Москвы непріателемъ и въ несчастное его отступленіе намъ болѣе не удавалось съ нимъ встрѣчаться... Разъ только неутомимому Макару Макаровичу, — гдѣ-то, на проселочной дорогѣ, довелось порубиться съ мародерами, чему очень завидовалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Кончились ужасы, какими было полно время нашествія врага на Россію; мы снова перебрались въ свою усадьбу, гдѣ, послѣ долгой разлуки, обняли батюшку... Израненный — не долго жилъ онъ, и умирая, поручилъ меня попеченіемъ матушки и надзору добраго Михѣя Логиновича... Съ нимъ-то я странствовалъ вездѣ... На его глазахъ снова принялся за книгу, и на его же глазахъ кончилъ университетское образованіе. Матушка умерла на второй годъ моего отъѣзда изъ деревни. Крѣпко возставалъ старикъ, когда я объявилъ ему мое желаніе ѣхать на Кавказъ... Но я настоялъ на своемъ, и теперь мы въ дорогѣ. И вотъ тысяча встрѣчъ, которыя-то волнуютъ сердце, то глубоко залягають на немъ — послѣднее обстоятельство... встрѣча съ Таничкою... кажется, не скоро растанется съ моею душою... И дѣйствительно, какая бездна причинъ задуматься объ этой встрѣчѣ. На дорогѣ, на станціи, въ самую грустную минуту дорожныхъ тревогъ, встрѣчается прекраснѣйшая дѣвушка, какихъ еще не рисовало мое воображеніе. Изъ разказовъ ея добраго старика отца и слугъ, я узнаю, съ замирающимъ отъ горя сердцемъ... что эта миленькая, хорошенькая Таничка — почти лишена разсудка, — потерявъ своего жениха... И вдругъ откровенный папаша несчастной дѣвушки разказываетъ, что я чрезвычайно похожъ на того, кого такъ страстно любила дочь его... Въ-самомъ-дѣлѣ... это же самое на другой день высказывается и во всѣхъ словахъ, во всемъ обращеніи Танички со мною... Цѣлый день, даже два я былъ счастливъ... А теперь!.. Бѣдная Таничка — она плакала, разставаясь со мною; она почти рыдая — готова была просить меня, чтобы я ѣхалъ съ ними въ Пятигорскъ... И радъ бы, да служба, да Михѣй Логиновичъ...

Но чего не случается... Еще быть-можетъ встрѣчусь!

САМШЕТРО.

ПЛАНЪ ТРАГЕДИИ, РАЗСКАЗАННЫЙ АРТИЛЕРЙСКИМЪ КАПИТАНОМЪ

НАПОЛЕОНОМЪ БОНАПАРТЕ,

Въ двухъ миляхъ отъ Марсели находится прекрасное имѣніе, принадлежавшее прежде семейству императора Наполеона, гдѣ молодой Бонапарте началъ, можетъ-быть, впервые задумываться надъ своею будущностью.

У подошвы дикихъ горъ раскинутъ превосходный пейзажъ, который, кажется, ждетъ только гениальнаго живописца, чтобъ перейти на полотно. Вездѣ огромныя деревья, голыя скалы, пропасти, и между ними рѣдкія растенія, роскошныя цвѣты блестятъ яркими красками, и все это оживлено вѣчнымъ ропотомъ морскихъ волнъ.

Въ этомъ очаровательномъ убѣжищѣ семейства Клари, Бонапарте мечталъ о тронѣ на Востокѣ, который разрушился при осадѣ Сень-Жанъ д'Акра. Странно, что Наполеону суждено было видѣть всегда передъ собою горы. Начиная съ волкановъ Аяччіо до св. Елены, передъ нимъ промелькнули горы Марсельскія, ущелья Оліульскія, Альпы, Сень-Бернаръ, Симплонъ, островъ Эльба, цѣлая жизнь усѣянная потухшими волканами.

Недалеко отъ дома возвышается самое благородное, и величественное дерево, произведенное природою — кедръ финикійскій. Невозможно означить, даже приблизительно, дня рожденія этого исполина, потому-что очень легко ошибиться нѣсколькими столѣтіями. Страшно подумать, сколько происшествій, сколько переворотовъ пропеслись надъ этимъ старымъ кедромъ. Ароматы растений и морской вѣтеръ набальзамировали его, какъ мумію, жизнь остановилась въ его жилахъ, корни давно высохли, но кедръ все еще стоитъ твердо, играетъ съ бурями, улыбается солнцу и любитъся на море.

Однажды, въ лѣтній вечеръ 1794 года, подъ кедромъ собралось веселое молодое общество и вздумало разыгрывать шарады. Начали импровизировать костюмы греческіе и турецкіе, изъ золоченой бумаги начали дѣлать каски, булавы и шлемы, изъ шалей мантии и тоги. Одна дѣвушка, прекрасная какъ грація, нарядилась Ифигеніей и вдругъ закричала :

— Вотъ идетъ мой братъ, артиллерійскій капитанъ. Онъ, вѣрно, хочетъ проститься съ нами передъ отъѣздомъ въ Тулонъ.

Въ аллеѣ показался молодой человекъ, блѣдный и худощавый, съ правильными и благородными чертами. Въ его глазахъ выражалось столько твердости и силы, что актеры, не знавшіе его, немного смутились, потому-что онъ засталъ ихъ за дѣтскими играми. Одинъ изъ молодыхъ людей, одѣтый греческимъ героемъ, снялъ даже свой золотой шлемъ и съ комическою важною поклонился гостю. Летиція Бонапарте представила всѣмъ своего сына и импровизованные артисты обступили молодого человека, какъ бы дожидаясь позволенія продолжать игру.

— Вы играете въ шарады? спросилъ артиллеристъ.

— Точно такъ, капитанъ, отвѣчалъ греческій герой. Мы уже представляли турецкаго генерала, которыхъ, какъ вы знаете, зовутъ ага и египетскую статую *Мемнона*. Теперь остается только представить *Агамемнона*.

Говорящій это вѣрно не подозрѣвалъ, что передъ нимъ стоитъ будущій Агамемнонъ.

Такъ-какъ шарада была уже отгадана, то и не стоило оканчивать ее. Все общество бросило костюмы и столпилось подъ кедромъ. Молодой артиллеристъ сѣлъ возлѣ своей матери и посмотрѣлъ на всѣхъ такъ пристально, что многіе опустили глаза.

— Съ-тѣхъ-поръ какъ я пріѣхалъ съ моимъ семействомъ въ

Марсель, сказалъ онъ: меня занимаетъ одна мысль, одно воспоминаніе о Сампјетро де-Бастелика, который былъ моимъ соотечественникомъ и котораго я уважаю за его необыкновенный характеръ и твердость. Сегодня, въ одной изъ старыхъ улицъ, я нашелъ древній домъ, въ которомъ, по моему мнѣнію, должна была происходить страшная драма. Я увѣрилъ себя, что въ этомъ домѣ жилъ Сампјетро, и хотя наша эпоха пристрастилась къ идилліи, съ-тѣхъ-поръ, какъ во Франціи всюду сцены, ужаса, я искалъ вездѣ сюжета для трагедіи.

— Ты хочешь написать трагедію, братецъ, спросила красавица, похожая на оживленную греческую статую.

Но капитанъ не обратилъ вниманія на слова сестры и продолжалъ.

— Я искалъ сюжета изъ нашей исторіи, а что можетъ-быть выше корсиканскихъ героевъ, съ твердою душою, съ непреклонною ненавистью. Сампјетро одинъ изъ такихъ героевъ, и съ нимъ не можетъ сравниться мавръ Шекспира.

Всѣ въ молчаніи придвинулись къ молодому оратору и жадно слушали его импровизацію.

— И такъ, сегодня, продолжалъ онъ, я мечталъ о Сампјетро и его странной судьбѣ и бродилъ по улицамъ Марсели. Вдругъ, поднявъ голову, я остановился въ удивленіи. Передо мною былъ домъ временъ Генриха II, съ рѣзными украшеніями, узкими окнами и фантастическими фигурами по угламъ. Я подумалъ, что, можетъ-быть, въ этомъ домѣ жила жена Сампјетро и ждала мужа. Она была богата и принадлежала къ одному изъ древнихъ семействъ въ Корсикѣ, стало-быть, очень возможно, чтобы этотъ домъ, который и въ 1555 году былъ однимъ изъ лучшихъ въ городѣ, принадлежалъ Ванинѣ Орнано. Непреодолимое любопытство влекло меня къ этому древнему жилищу и я пошелъ по лѣстницѣ.

— Кого вамъ надобно? спросила меня какая-то женщина.

— Ванину Орнано, жену Сампјетро, отвѣчалъ я.

— Здѣсь нѣтъ такой женщины.

— Кто же живетъ въ первомъ этажѣ?

— Первый этажъ пусть, послѣ колдуна Готфрида, котораго сожгли.

Эти слова поразили меня. Тутъ жилъ колдунъ, но прежде его могъ жить и страшный Сампјетро, потому-что есть роковыя жилища, назначенныя судьбою для необыкновенныхъ гостей. Я попросилъ позволенія осмотрѣть эту квартиру; мнѣ отвѣчали, что она не заперта, и чтобы я отворилъ дверь и осматривалъ все, что мнѣ угодно.

«Я вошелъ въ большую мрачную комнату, на обояхъ которой были представлены сцены изъ рыцарской жизни. Особенно привлекъ мое вниманіе рыцарь, проколовшій себя своею шпагою. Это еще болѣе увѣрило меня, что въ этой комнатѣ происходила страшная трагическая сцена, двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Декорація для моего послѣдняго акта была готова. Я со вниманіемъ осмотрѣлъ полъ комнаты, дотронулся до стѣны, къ которой прислонялась дрожащая Ванина, избѣгая холоднаго взгляда своего мужа. Двѣ тѣни предстали предо мною и воскресили прошедшее.

«Вы, можетъ-быть, не знаете героя моей трагедіи — я вамъ разскажу его біографію. Сампјетро родился въ селеніи Бастелика, близъ Аяччіо, отъ бѣдныхъ родителей, и любилъ Францію столько же, сколько ненавидѣлъ Геную. Исторія поставила его на ряду съ искуснѣйшими полководцами своего времени. Съ тремястами Корсиканцевъ онъ освободилъ крѣпость, защищаемую десятью тысячами германцевъ и отличился при Пони, Ландреси и Серизоли. Потомъ онъ вознамѣрился, освободивъ Корсику отъ ига Генуэзской республики подчинить ее власти Франціи. Цѣлый годъ онъ завоевывалъ, шагъ за шагомъ, холмъ за холмомъ; и принудилъ наконецъ генуэзцевъ переплыть море. Но торжество его было непродолжительно, потому-что непріатели возвратились съ безчисленными силами. Чтобъ спасти Корсику отъ разорительной войны, онъ рѣшился начать мирные переговоры и отправился въ лагерь генуэзцевъ, вытребовавъ прежде охранный листъ. Однако, несмотря на эту предосторожность, непріатели его схватили и заключили въ крѣпость Бастію. Ненависть его къ Генуи увеличилась до того, что онъ убилъ бы своею рукою того корсиканца, который не раздѣлялъ его чувствъ. Генрихъ II съ трудомъ выхлопоталъ, чтобъ Сампјетро даровали свободу. Онъ вышелъ изъ крѣпости и сталъ просить руки самой богатой невѣсты Корсики, Ванины Орнано. Красавица съ гордостью отдалась герою, но только что молодые супруги собрались ѣхать во Францію, Сампјетро узналъ, что генуэзскій сенатъ раскаялся въ своемъ великодушіи, и подослалъ подкупленныхъ убійцъ, слѣдить за каждымъ шагомъ героя. Это новое преслѣдованіе не могло увеличить ненависти корсиканца, потому-что она наполняла уже всю его душу, но онъ рѣшился отметить. Отправивъ жену въ Марсель, онъ остался въ отечествѣ, посреди дикой природы и храбрыхъ горцевъ, которые любили его истинно, и горячо чувствовали обиды, нанесенныя имъ полководцу. Сампјетро началъ собирать партизановъ и внушалъ имъ непримиримую ненависть къ Генуи и привязанность къ Франціи; но вдругъ ужасная вѣсть поразила героя. Онъ узналъ, что жена его,

жившая въ Марсели, начала переговоры съ генуэзскими сенаторами, прося у нихъ, чтобы они пощадили ея мужа. Этого униженія не могъ перенести Сампietro, и черезъ недѣлю онъ вошелъ въ комнату, которую я осматривалъ сегодня утромъ.

— Здѣсь будетъ развязка моей трагедіи. Капитанъ Бонапарте остановился на минуту и посмотрѣлъ на свою мать. Эта женщина, съ правильными чертами, напоминала древнюю Корнелію. Глаза Корсиканки блестя были негодованіемъ, слыша о поступкѣ Ванины. Артиллеристъ улынулся.

— Простите Ванину, матушка, сказалъ онъ: она была молода и неопытна, и думала, что можно примирить Сампietro съ его врагами. Я видѣлъ въ Корсикѣ ея портретъ. Она не похожа на своихъ пылкихъ, смуглыхъ соотечественницъ. Ванина была блѣлая красавица, съ кроткимъ лицомъ, которое выражало столько доброты и достоинства, что всякій готовъ былъ пасть предъ нею на колѣна. При томъ же она хотѣла вернуться въ отечество, которое любила и которое все мы, корсиканцы, не можемъ забыть, какъ бы далеко ни забросила насъ судьба. Я самъ не могу забыть впечатлѣній молодости. Не знаю, что ждетъ меня въ будущемъ, но если и меня, какъ Сампietro, непріятель, заключивъ на какой-нибудь скалѣ, лишитъ солнца и воздуха, то я найду въ груди своей новый міръ, новое утѣшеніе. Я буду жить прошедшимъ. Возвратимся однакоже къ моей трагедіи.

Ванина съ крикомъ радости встрѣтила своего мужа и хотѣла броситься въ его объятія, но Сампietro оттолкнулъ ее и она задрожала, встрѣтивъ холодный, презрительный взглядъ мужа.

— Передъ вами изгнанникъ, сказалъ онъ хладнокровно, голова котораго оцѣнена, и вы знаете къмъ.

— Чѣмъ болѣе вы несчастливы, тѣмъ болѣе жена ваша должна любить васъ.

— Моя жена торгуетъ моею честью.

— Что вы говорите.

— То, что въ Генуѣ знаютъ теперь все: Сампietro унижился до того, что умоляетъ о прощеніи.

— Развѣ вы просили о помилованіи?

— Я просилъ прошенія у генуэзцевъ! вскричалъ Сампietro. Понимаешь-ли ты, что говоришь, Ванина!

— Ты пугаешь меня, другъ мой.

— Развѣ ты забыла, что генуезцы настроили замки на нашихъ горахъ и оттуда грозно собирають дани съ нашего отечества. Ты не помнишь ихъ жестокости, низости, коварства. Они взяли меня измѣною, оковали цѣпями, мучили меня, и теперь подкупили убійцъ, которые слѣдятъ за мною, чтобы получить плату за мою голову. Ты забыла все это, жена Сампietro!

— Нѣтъ.

— И ты думала, что послѣ этого я буду просить генуезцевъ!

— Стало-быть мы навсегда простились съ Корсикою?

— Развѣ изгнаніе такъ тяжело для тебя, Ванина.

— Съ тобою я пойду на край свѣта.

— Но Генуя, можетъ-быть, благосклонно приметъ просьбу Ванины, сказалъ Сампietro съ принужденною улыбкою. Генуезцы такъ великодушны.

— Да, мой другъ, отвѣчала молодая женщина, обманутая улыбкой мужа: сенатъ сжадется надъ нами... Вспомни Данте; онъ говоритъ «хлѣбъ чужбины горекъ для изгнанниковъ»,

— Притомъ же у Ванины есть могущественные друзья. Орнано, Дорія ей родня; они легко могутъ угговорить сенаторовъ и спасти несчастнаго Сампietro.

— Что еслибы это случилось, проговорила въ смущеніи Ванина, подходя къ мужу, еслибы сенатъ подписалъ твое прощеніе...

— По просьбѣ нѣжной жены, не такъ ли? проговорилъ Сампietro, стараясь удержать свой гнѣвъ.

Но молодая женщина не подозрѣвала, какая буря происходила въ душѣ корсиканца, и продолжала:

— Я вижу, что ты все знаешь, мой другъ, я не могу больше скрываться, и признаюсь, что прощеніе твое подписано Дожемъ.

— Подписано мое безчестіе, закричалъ Сампietro, и ты, жена моя, ты выхлопотала это. Благодарю!!

— Боже мой! что ты хочешь дѣлать!

Мавръ Отелло, это выдумка, венеціанская легенда. Корсиканецъ объявилъ своей женѣ, что должно наказать ее, а самъ любилъ ее до безумія. Онъ съ состраданіемъ смотрѣлъ на блѣдное, но прекрасное лицо женщины, которую долженъ былъ наказывать за измѣну. Онъ далъ бы тысячу жизней, чтобъ искупить ея преступленіе. Но слова *генуэзская республика, прощеніе враговъ отечества бесчестіе*, подняли такую бурю въ груди корсиканца, что ихъ должно было смыть, чтобъ не запятнать свое имя въ исто-

ріи. Сампіетро рѣшился сдѣлать это, но прежде сталъ на колѣна передъ Ваниною, взялъ ея руки и осыпалъ ихъ поцѣлуями, не сводя глазъ съ прекраснаго лица молодой женщины. Казалось, что любовь взяла верхъ надъ мщеніемъ. Надежда ожила въ сердцѣ Ванины, и она упала на грудь мужа, отвѣчая на его ласки и стараясь улыбаться. Сампіетро плакалъ съ отчаянія... Но мщеніе свершилось...

— Мнѣ больше правится Отелло Шекспира, сказалъ одинъ слушатель. Если вы, капитанъ, хотите написать трагедію изъ этой исторіи, то дайте Сампіетро какого-нибудь соперника, разумѣется, знатнаго генуезца. Тогда будетъ понятно, что вашъ герой, подозрительный какъ супругъ, и оскорбленный какъ патріотъ, рѣшился на страшное мщеніе.

— Тогда Сампіетро будетъ походить на другихъ людей, отвѣчалъ молодой артиллеристъ, и никто не узнаетъ, на что способно сердце корсиканца, наполненное мщеніемъ.

— Позвольте замѣтить, капитанъ, сказалъ другой собесѣдникъ, занимавшій роль Агамемнона, что въ вашей трагедіи всего одна сцена нѣтъ ни развязки, ни дѣйствія.

— Я вижу, что публикѣ очень трудно угодить, отвѣчалъ Бонапарте. Вы требуете постепеннаго развитія и хода дѣйствія. Это очень скучно. Я отказываюсь отъ славы автора, и отправлюсь лучше къ осадѣ Тулона.

Молодой артиллеристъ дѣйствительно бросилъ свой планъ и трагедію Сампіетро; онъ занялся другими работами, которыя обратили на него вниманіе всего свѣта, и скоро возвысили его на степень славы и могущества.

(Voleur)

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ГОФМАНОМЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

(Посвящается С. А. В....му).

Какъ въ литавры барабанилъ дождь въ кожаный верхъ нашихъ экипажей, когда мы остановились въ Берлинѣ, передъ гостиницею *zu den zwei Gracien* «двухъ грацій.»

Мнѣ предстоялъ не маловажный подвигъ — выгрузить изъ экипажа неизлечимаго подагрика, графа Б.....

Совершивъ эту многотрудную операцію въ качествѣ домашняго врача, имѣющаго привиллегію на титулъ «*l'ami de la maison*», — я отворилъ другой экипажъ....

Какъ двѣ птички, выпорхнули изъ него двѣ дочери графа, едва-едва вышедшія изъ дѣтства.

Это были такія миленькія, такія хорошенькія брюнетки.

Я помню, въ Римѣ, одинъ старый художникъ, увидя ихъ, поклонялся, что самъ «*il grano Sapova*» разбилъ бы модели, по-крайней-мѣрѣ, «двухъ грацій,» передъ этими образцами идеальной красоты и граціи.

Я не счелъ нужнымъ спорить съ этимъ восторженнымъ художникомъ; можетъ-быть, онъ былъ правъ.

Старшей графинѣ, Розаліи, было пятнадцать лѣтъ, вторая, Зинаида, была годомъ моложе. Младшая графиня съ быстротою итальянской руды взлетѣла вверхъ по лѣстницѣ и исчезла въ безконечной перспективѣ....

Я повелъ Розалію съ гувернанткой на скользкія ступени крыльца. Гувернантка была довольно оригинальная миссъ.... Я называлъ ее миссъ «Чортвней», несмотря на то, что она, могильнымъ голосомъ, каждый разъ напоминала мнѣ, что надо произносить ея имя Чаурдоу-ней; она не постигала причины моихъ постоянныхъ ошибокъ, не постигала, что я не въ состояніи былъ выворотить весь ротъ наизнанку, для приданія должной нѣжности этому гармоническому имени; даже не постигала и того, что ей было около пятидесяти лѣтъ. Впрочемъ, миссъ Чортвней была самая скромная миссъ: репертуаръ ея разговора ограничивался тремя, четырьмя фразами въ день. Молодыя графини отъ души любили миссъ Чортвней, за то, что она постоянно не оставляла своей комнаты.

На первой ступенькѣ лѣстницы, Розаліа остановила свои дивные, жгучіе глазки на вывѣскѣ гостинницы.

— Васъ удивляетъ этотъ девизъ! — сказалъ я: но съ той минуты, какъ вы и ваша сестра остановились въ этой гостинницѣ, ничто не можетъ быть справедливѣе этой вывѣски....

— Послушайте, мосьё Скорни! я докажу на васъ добрымъ Берлинцамъ, что вы контрабандой вывезли изъ Варшавы самые неподозрительные комплементы.

— За это я отомщу вамъ: я тоже сдѣлаюсь донощикомъ, и докажу, что вы, вопреки всѣмъ таможеннымъ постановленіямъ, привезли сюда столько самыхъ опаснѣйшихъ зажигательныхъ веществъ, запрятанныхъ подъ длинными рѣсницами, что ихъ достаточно для взрыва всей молодежи Германіи.

— Пойдемте скорѣе, миссъ Чаурдней, мосьё Скорни самый злой человѣкъ: онъ скоро и у васъ отыщетъ какую-нибудь контрабанду....

— Ввозъ антиковъ не воспрещенъ, сказалъ я на языкѣ Дапта, чтобы скромная миссъ Чортвней не покраснѣла отъ удовольствія.

Серебряный смѣхъ Розаліи разсыпался по лѣстницѣ, со всѣми его модуляциями. Она бросилась на помощь къ отцу, который на каждой ступенькѣ рационально обдумывалъ, съ старымъ камердиверомъ — какъ бы поудобнѣе переставить ногу на слѣдующую ступеньку.

Я пошелъ отыскивать въ экипажѣ мой дорожный портфель, съ путевыми записками.

Роясь между женскими атрибутами, я услышалъ голосъ Розаліи... Выглянувъ изъ кареты, я увидѣлъ въ раскрытомъ окнѣ гостиницы, какъ въ готической рамѣ, прелестную головку графини.

— Что вы отыскиваете, мосьё Скорни? вскричала она, высунувши свой очаровательный бюстъ.

— Свое сердце! отвѣчалъ я, тономъ самой отчаянной наивности.

Между нами завязался было интересный разговоръ, но въ комнатѣ раздался болѣзненный голосъ графа; онъ вопіялъ противъ сквознаго вѣтра: Розалія закрыла окно.

Графъ и миссъ Чортвней не понимали италіянскаго языка, на которомъ я говорилъ всегда съ графинями, но добрый отецъ радовался, что онѣ имѣютъ въ немъ постоянную практику.

Дивныя были эти двѣ сестры! розовыя, рѣзвыя, невинныя шалуньи, съ совершеннымъ незнаніемъ свѣта, и въ то же время изумительно ученныя: ихъ воспитывалъ послѣ смерти матери какой-то знаменитый педагогъ, который безъ церемоніи объяснялъ имъ самыя отвлеченныя вещи, какъ бы говорилъ съ студентами академіи.

У нихъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ; по-крайней-мѣрѣ, больной графъ никого не принималъ.

Несмотря на совершенное удаленіе отъ общества, въ ихъ турнюрахъ, въ каждомъ движеніи, проглядывали грація и благородство. Живыя, какъ ртуть, горячія, какъ пирофоръ, онѣ обнаруживали столько чувства, столько энергіи, что изъ нихъ можно было бы сдѣлать дюжины двѣ поэтовъ нашего времени. И эти трепещущія полнотою жизни созданія были окружены развалинами... Начиная съ отца, въ домѣ графа все носило отпечатокъ тлѣнія.

Графъ думалъ только о подагрѣ, и мучимый сплиномъ, заживо похоронилъ себя въ кабинетѣ. Его лечилъ одинъ мой знакомый докторъ, бывший прежде моимъ профессоромъ. — Наскуча возиться съ упрямымъ старикомъ, онъ рекомендовалъ ему мою особу, какъ средство для развлеченія и какъ врача, который безпрестанно будетъ слѣдить за ходомъ его болѣзни. Я перешелъ въ домъ графа; онъ полюбилъ меня, и я принялъ опеку надъ его сплиномъ и подагрой. Первымъ моимъ попеченіемъ было достать фортепяно; я не могъ жить безъ музыки, и увѣрилъ графа, что музыкальные звуки будутъ имѣть большое вліяніе на его здоровье. Въ-самомъ-дѣлѣ, при первыхъ звукахъ старой, танцевальной музурки, которую сыгралъ я, — постоянно сдвинутыя брови графа начали расходиться; на лицѣ его блеснуло воспоминаніе удалой молодости; старикъ очевидно повеселѣлъ.

Вскорѣ, я выкопалъ цѣлую коллекцію балльной мѣзыки, въ архивѣ одного стараго музыканта, и началъ этой ископаемой музыкой магнитизировать слухъ моего паціента. Въмѣсто сомнамбулизма, у него появилась охота разсказывать балльные похождения, когда онъ, въ мундирѣ ротмистра, злодѣйски закручивалъ усы, рисуясь на паркетѣ салоннѣ, съ очаровательными паненками...

Этого результата, моею меломаніею ожидалъ я, но не съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ того, что въ графиняхъ разовьется страсть къ музыкѣ... Онѣ обладали удивительной полнотою голоса; мнѣ хотѣлось — разумѣется, изъ музыкальной филантропіи — разработать этотъ серебристый рудникъ и, какъ художнику, отлить драгоценный матеріалъ въ формы, выѣпленные моимъ поэтическимъ воображеніемъ...

Я принялся сверлить маленькія, хорошенькія ушки графинь мотивами италіянскихъ оперъ; я замиралъ, я таялъ на финалахъ, какъ порція мороженаго на горячемъ языкѣ разгоряченнаго артиста... Всѣ искусительныя козни, которыя геній музыки внушалъ италіянцамъ, подъ скромнымъ названіемъ *экспрессіи* — были пущены въ дѣло... Я пѣлъ тогда... и не умѣю сказать какъ сладко и упоительно!

Четыре ручки дочерей графа такъ сильно обвились около шеи папаши и до-тѣхъ-поръ висѣли на ней, пока онъ далъ согласіе, чтобы синьоръ Скорни, началъ учить ихъ музыкѣ. Уроки начались. Графини были въ восхищеніи; онѣ отъ души благодарили меня за то, что я ввожу ихъ въ новый, чудесный міръ звуковъ, о которомъ онѣ такъ часто мечтали...

Музыка увлекла ихъ; онѣ не хотѣли ничѣмъ заниматься, кромѣ музыки, за то и успѣхи были невѣроятные. Прошло менѣе года, и я почти начиналъ раскаяваться, что научилъ ихъ владѣть такимъ оружіемъ, отъ котораго нѣтъ обороны, нѣтъ защиты; древніе герои боялись его пуще огня и меча: это — пѣніе сиренъ!

Графинямъ нужна была практика... Но на комъ же имъ попробовать это оружіе, которое я такъ хорошо выточилъ? Разумѣется, на мнѣ, грѣшномъ!

Кто же будетъ мишенью этихъ звуковъ, которые глубже пули впишутся въ сердце бѣднаго слушателя? Все-таки я, — больше никого нѣтъ!..

А въ ту минуту, когда звуки, дрожащіе лихорадкою страсти, разшевеливъ душу самой пѣвицы, и кровь заревомъ начнетъ сквозить въ прозрачныя щечки, а глаза, залитые влагою чувства, будутъ искать чьего-нибудь участія, — на комъ же они должны остановиться... Опять

на мнѣ, и все на мнѣ! А моя грудь вовсе не похожа на фортепянную крышку, къ тому же, и жилы совсѣмъ другаго свойства съ мѣталлическими струнами инструмента... Хотя, въ то время я былъ довольно солиднымъ человѣкомъ, прожившимъ уже на свѣтѣ двадцать три года и три мѣсяца, но все—таки тогда еще не существовало общества страхованія отъ огня... Я былъ въ явной опасности!

Молодая графиня такъ свыклись со мною, что, кажется, считали меня даже существомъ одинакаго съ ними пола... Онѣ почти отняли меня у отца, и завладѣли мною, какъ энциклопедическимъ лексикономъ, въ которомъ безпрестанно рылись, удовлетворяя жаждѣ своего любознания...

Иногда, зачитавшись долго вечеромъ, я не могъ проснуться въ обыкновенное время, — шалуньи прибѣгали къ моей двери и начинали будить меня съ разными комическими вариантами.

Розалія, облекшись однажды въ халатъ, очки и колпакъ своего отца, басомъ напѣвала мнѣ сонному на ухо — реквиѣмъ, а Зинаида, съ выведенными усами, въ моемъ плащѣ и фуражкѣ, акомпанировала ей на скрипкѣ, такими фальшивыми, провзительными звуками, что я вскочилъ, какъ полуумный, принявъ мучителя— скрипача, за камердинера, которому я позволялъ учиться на моей скрипкѣ. Послѣ такихъ продѣлокъ, шлуны исчезали, какъ китайскія тѣни, и цѣлый день заливался безконечнымъ смѣхомъ.

Слишкомъ годъ время лилось для меня быстрымъ, игривымъ, разнообразнымъ мотивомъ, не омраченнымъ ни однимъ звукомъ диссонанса, ни однимъ аккордомъ, которой бы заставилъ задуматься, мечтать, или забиться сердце скорѣе обыкновеннаго...

Розалія, Зинаида и я составляли постоянное тріо: мы разыгрывали и вариировали одну и ту же тему; изъ этого видно, что у насъ была одна гармонія, одинъ тонъ, одинъ тактъ; все шло такъ хорошо, такъ стройно, но вотъ бѣда, — вдругъ обѣ сестры вздумали фантазировать!.. каждая заиграла *свое*, и вообразите, что за звуки: въ нихъ закипѣли всѣ страсти драматической музыки!..

Я былъ въ ужасномъ положеніи: та и другая фантазерка хотѣла, чтобъ я ей акомпанировалъ. Но посудите сами, возможно ли акомпанировать — двумъ, разомъ? Если я пристану къ одной, что жъ будетъ дѣлать другая? Вы думаете замолчить? Стало-быть, вы не знаете женскихъ фантазій!..

Время летѣло, — я не рѣшался сдѣлать выбора. Та и другая сто-

рона дѣлали мнѣ такіе удивительные знаки, какихъ нельзя отыскать ни въ одной музыкальной школѣ.

Я молчалъ, я казался слѣпымъ.

Розалія стала задумываться, полюбила уединенныя прогулки въ безконечныхъ аллеяхъ заглохшаго сада. Она тосковала, бѣдненькая! Однажды, встрѣтивъ ее въ саду, я подаль ей руку; молча, мы прошли нѣсколько шаговъ, она остановилась, вздохнула, хотѣла что-то сказать, на глазахъ у ней наворачивались слезы; долго, долго она смотрѣла на меня... мнѣ было неловко... Я слышалъ, какъ прерывалось ея дыханіе... Глаза мои были опущены... Вблизи слышались чьи-то шаги, — Розалія замѣтно вздрогнула, какъ пробудившись послѣ тяжкаго сновидѣнія. Я заглянулъ ей въ глаза, и никогда не забуду ихъ выраженія... Розалія тихонько пошла отъ меня.

— Васъ ожидаетъ графъ, сказалъ старый камердинеръ.

Я кивнулъ головой и не трогался съ мѣста. Мнѣ было душно! Я вздохнулъ — и вздохнулъ такъ неловко, что почувствовалъ, будто у меня въ груди все тронулось съ мѣста...

— Быть худу, быть бѣдамъ! прошепталъ я слова Гамлета. Мы все больны! Графъ отъ зѣвоты скоро вывихнетъ челюсти, Зинаида и Розалія почти не говорятъ другъ съ другомъ, я... колпакъ, колпакъ мнѣ! и такой колпакъ, въ который-бы я могъ все спрятаться. Есть одно средство, которое все намъ поможетъ! Сегодня же прошу его графу! Скорѣй въ Италію, въ Парижъ! Намъ нужно пить разсѣяніе, купаться въ немъ, или мы все очумѣемъ!

Я думалъ, что трудно уговорить старика принять это средство, но, къ моему удивленію, графъ охотно согласился, и вотъ мы покатали черезъ Пруссію, и какъ видите, остановились въ Берлинѣ, въ гостинницѣ «Двухъ Грацій». Съ этого мѣста начался мой разсказъ о молодыхъ графиняхъ; теперь услышите о знакомствѣ съ Гофманомъ.

Отыскавъ мой портфель и выйдя изъ кареты, глаза мои наткнулись на удивительную вывѣску, прибитую надъ дверьми, противъ нашей гостинницы.

На вывѣскѣ была изображена скрипка, обставленная крестообразно бутылками; вверху парило какое-то крылатое существо, вѣроятно геній... внизу написано: «винный погребъ».

— Зачѣмъ эта скрипка очутилась надъ виннымъ погребкомъ? Сдѣлайте одолженіе, растолкуйте мнѣ этотъ девизъ? спросилъ я у одной проходившей мимо меня честной фізіономіи. Честная фізіономія по-

смотрѣла на меня такими глазами, какъ будто я спросилъ ее: »Зачѣмъ солнце очутилось на небѣ?«

— Вы, вѣроятно, пріѣзжіи, если не знаете, что это любимый погребъ Гофмана.

— Какъ Гофмана! неужели того самаго Гофмана, поэта, музыканта, литератора и, и...

Честная физиономія утвердительно кивнула головой и пошла далѣе.

Въ минуту я очутился у глубокой канавы, чрезъ которую былъ переброшенъ узенькій мостикъ, ведущій къ дверямъ погреба. Странно, подумалъ я: здѣсь не позаботятся о перилахъ на дорогѣ изъ погреба... Это дѣлаетъ честь нѣмецкой трезвости!

Отворивъ двери погреба, я былъ встрѣченъ человѣкомъ, который смѣло могъ претендовать на формы кувшина: такая же коротенькая шейка, такая же выпуклость со всѣхъ сторонъ туловища, и на этой шейкѣ, какъ огромный арбузъ, покоилась голова, самой отчаянной флегмы. Я умалчиваю о сизомъ носѣ этой фигуры, который живописно перегнулся черезъ нижнюю губу.

— Кто владѣтель этаго погреба? Я чуть было не сказалъ—носа.

— Это я самъ, Иоганъ Окзофтъ; а вотъ это мой портретъ, написанный углемъ, рукою знаменитаго Эрнеста Амедея...

— Гофмана? — договорилъ я, подошедши къ бѣлой стѣнѣ, на которой во весь ростъ, эскизомъ, бойко набросана была вся корпуленція Иогана Окзофта. Сходство было разительное!

Дивны были эти черты въ художественномъ значеніи! Каждый небрежно брошенный штрихъ, каждая какъ-будто неправильная черта, пролетѣвшая зигзагомъ молніи въ быстромъ эскизѣ, были на своемъ мѣстѣ и рѣзко обличали могучую руку генія; въ каждомъ натискѣ угля можно было замѣтить пылкую, тревожную душу Гофмана. Гофмана называли чудакомъ даже нѣмцы! Зато этотъ чудакъ разшевелилъ всю Германію. Весьма немногіе понимали его, да и какъ можно было понять его, когда онъ самъ рѣдко понималъ себя... Въ его головѣ бродилъ густой фантастическій туманъ, проявлявшійся, то чудовищными миражами видѣній сверхъестественныхъ, то скопляясь музыкальными тучами, гремѣлъ такими звуками, что ему приходилось жутко. Какой-то могучій, неотразимый гений побуждалъ его передавать людямъ то, что бродило въ горячей головѣ его, и Гофманъ схватывалъ то палитру, то скрипку, то свое волшебное перо... Но этихъ средствъ ему было недостаточно, чтобы выражать то, что онъ чув-

ствовалъ, выражать невыразимое... Измученный, истерзанный, невольный своими твореніями, бѣднякъ упалъ духомъ, и тяжелая масса спина навалилась на грудь его. Въ эти минуты, Гофманъ приходилъ въ бѣшенство: палитра летѣла подъ столъ, скрипка — въ уголь, а толстая тетрадь, плодъ безсонныхъ ночей, разлеталась по полу, расщипанная въ мелкіе лоскутья. Стараясь заглушить мысли, раздражающія болѣзненно мозгъ его, Гофманъ убѣгалъ въ этотъ погребъ, какъ онъ говорилъ, побесѣдовать съ духами... Въ это время, чудакомъ ничего не бралъ въ руки, кромѣ скрипки и огромнаго стакана, на которомъ онъ нацарапалъ кремнемъ голову смѣющагося демона. Тогда поклонники его талантовъ сбѣгались въ этотъ погребъ, ловить его неподражаемая музыкальная импровизація, которая сыпалась неслыханными звуками изъ его чарующей скрипки, обглоданной крысами. Гофманъ не замѣчалъ, что его слушаютъ; иначе, онъ бросилъ бы скрипку.

И такъ, я усѣлся за столъ въ этомъ погребѣ, въ которомъ стѣны были пропитаны звуками чудовищныхъ фантазій Гофмана, а столы его чудовищнымъ пуншемъ.

Мнѣ захотѣлось попробовать этого пунша.

— Г. Окзофтъ! цѣль ли у васъ любимый стаканъ Гофмана?

— О, я скорѣй потеряю мою голову, нежели этотъ стаканъ!

— Хорошо, такъ едѣайте же мнѣ въ немъ пуншъ, такой, какъ дѣлали Гофману.

— Donner Wetter! да развѣ кому-нибудь можно пить этотъ пуншъ кромѣ г-на Гофмана? Знаете-ли вы, какъ онъ готовится?.. Знаете-ли какой стаканъ...

— Знаю, знаю: въ Варшавѣ, одинъ знакомый Гофмана рассказывалъ мнѣ всѣ его похождения.

— И вы хотите выпить цѣлый стаканъ?

— Разумѣется; я никогда не пью по поль-стакану и жду какъ можно скорѣе моего пунша. Понимаете-ли, г. Окзофтъ?

— Понимаю.

Минуть черезъ пять, Окзофтъ поставилъ предо мною стаканъ... Вы ужаснулись бы, взглянувъ на этого исполна!

Окзофтъ, отойдя въ сторону, уставилъ на меня свои глаза, величиною въ жилетную пуговицу: въ нихъ шевелилась насмѣшка; приподнятые углы губъ, какъ-будто выговаривали: я посмотрю, какъ ты задохнешься отъ этой порціи.

Это ушибнуло мое самолюбіе за живое: я хотѣлъ доказать, съ упорностію англійскаго туриста, что обращаю такое-же вниманіе на этотъ стаканъ, какъ на бывшую у меня въ рукахъ сигаретку, хотя въ него входила цѣлая бутылка рома. Края этого историческаго стакана были толщиною въ большой палецъ. Фантастическая рожа, которая была на немъ выпарапана, тоже насмѣшливо оскаливала зубы.

Я прихлѣбнулъ равнодушно этого гѣлленъ-пунша, и принужденъ былъ протереть глаза, чтобы скрыть пробившіяся слезы... Мнѣ показалось, будто у меня въ горлѣ проволокли пилу.

— Г-нъ Окзофтъ, сколько вы поллили воды въ этотъ стаканъ?

— Воды, ни одной капли! одинъ горячій ромъ, сахаръ и сокъ, выжатый изъ свѣжаго лимона; но вы сказали, что знаете...

— Разумѣется знаю! Я потому и спрашиваю, не вздумалось-ли вамъ изуродовать пуншъ г. Гофмана?

— О, какъ я смѣю портить гѣлленъ-пуншъ! Однажды, составляя его г-ну Гофману, я, забывшись, смочилъ водою сахаръ, что-же вы думаете: узналъ—и весь стаканъ вылилъ мнѣ за пазуху. Поэтому-то я и сомнѣваюсь, можете-ли вы выпить этотъ стаканъ! прибавилъ онъ съ самодовольною улыбкою.

— Стаканъ останеся, г. Окзофтъ; объ остальномъ не безпокойтесь.

Пуншъ простылъ; но не простыло мое упрямство выпить эту страшную пропорцію рома. Черезъ десять минутъ, въ стаканѣ начало сквозить дно. Въ это время фигура г. Окзофта показалась мнѣ въ двухъ экземплярахъ.

Это оптическое явленіе было для меня совершенно ново, потому что никогда не случалось со мною въ то время, когда я могъ выпивать только по шести стакановъ обыкновеннаго пунша, извѣстнаго подъ названіемъ «меридіана».

Окзофтъ, выпустивши нѣсколько междометій, пошелъ къ своей конторкѣ, читать газету и дымить противнымъ кнастеромъ, а я, забывая все тревожное, погрузился въ «dolce far niente».

Дверь скрипнула; на порогѣ явился сѣрый, поношенный сюртукъ, облекающій фигуру ниже обыкновеннаго роста, съ рельефными чертами лица, лѣтъ сорока пяти, и съ глазами цвѣта потемнѣвшей полированной стали, которые, казалось, смотрѣли на что-то далекое, невидимое...

Окзофтъ засуетился, вскочивъ съ своего мѣста.

Посѣтитель медленно подвигался впередъ, не обращая вниманія ни на меня, ни на поклоны Окзофта; мускулы его доброй физиономіи были въ движеніи; казалось, онъ страдалъ лихорадкою. Незнакомецъ уѣлся въ отдаленномъ углу погребѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ тихо вошли человѣкъ шесть молодыхъ людей. Въ походкѣ и въ физиономіяхъ ихъ была замѣтна принужденная осторожность; они дѣлали другъ-другу какіе-то непонятные мнѣ знаки, и наконецъ, перешопываясь, заняли мѣста.

— Не Гофманъ-ли это? подумалъ я. Этотъ высокой, выпуклый лобъ обѣщаетъ что-то необыкновенное. Глаза этихъ молодыхъ людей съ такимъ вниманіемъ слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ; но что всего удивительнѣе: Окзофтъ не спрашиваетъ «что угодно» этимъ посѣтителямъ; всѣ, какъ-будто боятся нарушить молчаніе...

Окзофтъ! сказалъ больной посѣтитель слабымъ, груднымъ голосомъ.

— Что вамъ угодно, г. Гофманъ?

— Развѣ я ничего не говорилъ тебѣ?

— Нѣтъ?

— Мнѣ! я забылъ! Мнѣ чего-то хотѣлось...

— Вотъ онъ, вотъ онъ! тотъ человѣкъ, котораго давно жаждала видѣть душа моя! чуть не вскричалъ я, пожирая глазами Гофмана.

Скорѣй-же рекомендоваться ему...: скажу, что я уважаю... не только его гений, даже его стаканъ, который, въ видѣ факта, стоитъ предо мною...

Я хотѣлъ встать, чтобъ подойти къ Гофману, но этотъ маневръ оказался неисполнимымъ.... Средній сгибъ моего тѣла получилъ такую тяжесть какъ-будто въ него было налито нѣсколько пудовъ свинца.

Но это ничего! такой человѣкъ, какъ Гофманъ, вѣроятно, не обратитъ вниманія, въ сидячемъ-ли положеніи находится его поклонникъ или нѣтъ.

Попробуемъ, какъ-то поднимется языкъ?

Но и этотъ проектъ, я не привелъ въ исполненіе, вспомнивъ, что слабая, мягкая частичка нашего тѣла первая начинаетъ фальшивить, когда мы... то-есть когда у насъ беременна голова. Притворюсь спящимъ! чудесная мысль! Соннаго не зацѣплять вопросомъ....

А какъ удобно наблюдать!... Къ тому-же, я не рискну сказать что-нибудь недостойное моего я... Это я такъ вытянулось въ моемъ воображеніи, что едва-ли кто могъ достать его рукою,

Установивъ на столѣ локти, я опустилъ на ладони мою голову.

— Кто этотъ молодой человѣкъ? спросилъ Гофманъ у Окзофта.

— Я думаю, что прїѣзжій! отвѣчалъ Окзофтъ: онъ долго любовался моимъ портретомъ, потомъ спросилъ вашъ стаканъ.

— Ого! ужъ не вздумалъ-ли онъ отвѣдать гѣлленъ-пунша, къ которому, кромѣ меня и доктора Риттера, никто не смѣлъ прикоснуться? Такъ и есть, онъ пилъ его! Остатки доказываютъ это! Этотъ пуншъ составлялъ мою репутацію, продолжалъ Гофманъ съ комическою важностію, а теперь... увы! этотъ юноша, съ такою цѣломудренною фізіономією, у котораго еще сталь не лизала подбородка, осмѣлился перелить въ себя это бездонное озеро, и не теряя равновѣсія, задремалъ на берегу его, какъ-будто, надъ какой-нибудь элегіей.... Sic transit gloria! Горе тебѣ, докторъ Риттеръ! горе и мнѣ! Нашу славу выпилъ этотъ мальчикъ.

При этихъ словахъ мой носъ, за которымъ давно водился порокъ гордости — приподнялся значительно кверху.

— Г. Окзофтъ! воскликнулъ Гофманъ, со всеми признаками огорченія: я буду пить горькую чашу.... наполни мой стаканъ, но не подкладывай сахару: я хочу почувствовать всю горечь дыма улетѣвшей славы.... Кстати, набей табакомъ мою фаму; пусть облака дыма будутъ ея живымъ изображеніемъ.

Гофманъ подаль Окзофту фарфоровую трубку, сдѣланную въ видѣ летящей женщины, у которой откинута назадъ нога служила вмѣсто чубука.

Горячій ромъ и трубка были поданы.

— Какъ жаль, сказалъ онъ, поднося къ губамъ свой чудовищный стаканъ, — что въ желудокъ ведетъ такая узкая дорога: потеряешь терпѣніе, пока взойдетъ туда этотъ толстякъ!

Но толстякъ сдѣлалъ только три небольшія остановки и исчезъ въ прїемной Гофмана, оставивъ у входа пустую оболочку.

— Г. Окзофтъ! сказалъ Гофманъ, голосомъ, принимающимъ одушевленіе: толстякъ говоритъ, что ему *одному* скучно въ моемъ желудкѣ: потрудись послать туда еще такого-же молодца. Кстати: здорова-ли моя любимица?

— О! я берегу ее пуше моей Каролинхейъ, отвѣчалъ Окзофтъ, съ особеннымъ уваженіемъ: она у меня виситъ вотъ въ этомъ шкафѣ, вмѣстѣ съ превосходными любскими колбасами!

Молчаливые посѣтители разразились громкимъ хохотомъ. — «Вина,

г. Окзофтъ! — кричали они — будемъ пить здоровье той, что висѣтъ въ шкафѣ!»

— Подай сюда повѣшенную, — закричалъ Гофманъ, — моя любовь оживитъ ее!

Окзофтъ принесъ скрипку.

Въ глазахъ Гофмана блеснулъ какой-то фосфорическій свѣтъ: «Тебя слѣдовало-бы повѣсить на ея мѣсто; пощупай, злодѣй! она—вся мокрая....»

— Это ничего! возразилъ Окзофтъ: можно оберечь.

Пока продолжалась прозаическая чистка скрипки и смычка, пока скрипѣли колки, натягивая сырыя струны, нетерпѣніе мое достигло до болѣзненнаго раздраженія: я готовъ былъ дать отрѣзать себѣ одно ухо, чтобы только другимъ — услышать поскорѣе игру Гофмана, который, между-прочимъ, успѣлъ проглотить еще полетакана горячаго рома.

Наконецъ, всѣ эти мытарства кончились, и вотъ — какъ теперь вижу — Гофманъ отбросилъ лацканъ своего сюртука, рванулъ галстухъ, у котораго концы передвинулись къ правому уху, и лѣвая сторона подбородка прищемила скрипку....

Словно ураганъ закрутилась прелюдія; поднимаясь все выше и выше, она схватывала на лету бездну модуляцій, кружила ихъ, перепутывала съ летучими мыслями. Этотъ музыкальный сифонъ росъ, росъ, и наконецъ разсыпался брызгами стакатто.

Гофманъ бросилъ скрипку.

— Тысячу молній! закричалъ онъ, глядя на свои синеватые пальцы, — теплота не проникла еще въ эти деревяшки!... надо поддать пару! Съ нѣкотораго времени, я совершенно превратился въ паровую машину: не могу ничего мыслить, ничего исполнять безъ этаго адскаго пара!

Допивъ остальное въ стаканѣ, онъ опять взялъ скрипку. Звуки раздались.... но это были уже не прежніе звуки, буйные, бѣшеные, это былъ какой-то мотивъ, проникнутый эстетической теплотою души; двойныя ноты, сливающіяся лигою, пѣли, какъ два юныя чистыя существа, передающія другъ-другу скромнымъ шопотомъ завѣтныя тайны сердца, только что начинающаго чувствовать.

Я дивился чистотѣ, мягкости, отчетливости исполненія, и не могъ постигнуть, какъ эта ужасная масса рома не затопила способностей этаго человѣка?

Гофманъ продолжалъ фантазировать. Его фантазіи рождались вмѣстѣ съ звуками, онъ не игралъ ничего чужаго... и если бралъ въ руки скрипку, то игралъ не иначе, какъ экспромтомъ. Самъ Паганини удивлялся его импровизаціямъ.

Звуки мотива, начатаго «въ sol minog», начали колебаться; смычекъ дѣлалъ арпеджіо... Миѣ казалось, я вижу прихотливое колебаніе волнъ, искрящихся бриліантами переломленныхъ лучей солнца. Эти звуки укачивали, убаюкивали мой слухъ, до-тѣхъ-поръ, пока рѣзкій акордъ «въ г. b. majeure, съ малою септимою, не измѣнилъ каданса и мысли фантазіи; мракъ диссонансовъ охватилъ ее... началась буря... Басъ издавалъ какія-то страшныя завыванія; пальцы прыгали зигзагами молніи; казалось, эта буря колебала мои волосы; даже лицо Окзофта приняло выраженіе—испуганнаго бульдога.

Гроза приходила къ концу... мракъ сталъ разсѣиваться; фантазія какъ будто озарилась свѣтомъ проглянувшаго солнца; безчисленные голоса птицъ защебетали ему привѣтствіе... послышался рожокъ тирольскаго пастуха... горное эхо стало перебрасывать его звуки... они дѣлались слабѣе, слабѣе и наконецъ замерли въ воздухѣ.

Я заснулъ.

Рука, потрясающая мое плечо, вывела меня изъ усыпленія.

— Gnädiger Herr, gnädiger Herr! милостивый государь, милостивый государь! кричалъ Окзофтъ надъ моимъ ухомъ: я хочу запирать погребъ... двѣнадцатый часъ!

— А гдѣ же г. Гофманъ? спросилъ я, протирая глаза.

— О! его уже давно нѣтъ...

Нетвердымъ шагомъ побрелъ я къ двери, которую Окзофтъ давно уже принялъ на себя трудъ отворить.

— Берегитесь, — проговорилъ онъ, — тамъ, знаете — узенькій мостикъ... безъ периль...

— Знаю, знаю! покойной ночи, г. Окзофтъ!

Дверь погреба заперлась; я подошелъ къ знакомому мостику. Голова моя была тяжела, какъ сорока-восьми-фунтовое ядро.

— На этомъ проклятомъ мосту надо быть осторожнымъ, — проговорилъ я, летя въ канаву, болѣе четырехъ аршинъ глубиною.

Ударившись ногами во что-то упругое, эластическое, я отскочилъ, какъ резиновый мячикъ.

— Два оркестра вѣдьмъ! промычалъ близъ меня хриплый голосъ.

Кто это осмѣливается нарушать сонъ мирнаго гражданина? Развѣ мое брюхо-турецкій барабанъ, что въ него можетъ ударять всякая дубина?

— Знаете-ли вы, честный гражданинъ этого канала, отвѣчалъ я, — что на грубости, достойныя дубины, отвѣчаютъ тоже дубиною... но на этотъ разъ я готовъ просить извиненія у вашего брюха, хотя вовсе не имѣлъ намѣренія беспокоить его. Законы тяготивныя тѣль...

— Довольно, довольно! прахъ побери Ньютона и его законы тяготенія! Если у васъ не сломаны руки, то дайте какую-нибудь: мы познакоимся. Вы, вѣроятно, никогда не дѣлали знакомствъ въ такомъ скромномъ мѣстѣ; здѣсь даже болтливыя лягушки не осмѣливаются громко квакать... Извините нескромный вопросъ: вы вѣрно были недалеко... въ погребѣ? Я тоже былъ тамъ, и хотѣлъ, напившись парами, улетѣть, какъ аэростатъ — въ небо, и уже выбрался благополучно изъ погреба, но вспомнилъ дорогою, что позабылъ тамъ мою богиню славы — трубку, хотѣлъ я сказать!..

— Богиню славы, говорите вы! такъ стало-быть вы — Гофманъ?

— Почему вы это думаете?

— Какъ почему? Я видѣлъ самъ, какъ вы сосали ногу этой богини! Вы вѣрно замѣтили меня, я спалъ въ погребѣ у Окзофта.

— Развѣ вы ясновидящій, когда, спавши, могли замѣтить мою трубку?

Я рассказалъ Гофману, что принудило меня притвориться спящимъ, и какъ наконецъ его волшебные звуки, въ-самомъ-дѣлѣ убаюкали меня.

Гофманъ смѣялся отъ души.

— Вашъ геній, продолжалъ я, — заманилъ меня въ этотъ погребъ; ваша скрипка — заставила полетѣть душу за облака... а вашъ стаканъ пособилъ моему тѣлу — полетѣть — сюда, по особенной симпатіи, чтобъ имѣть удовольствіе отрекомендоваться вамъ!

— И чудесно отрекомендовались!.. Будемъ друзьями господинъ... господинъ... извините, я не знаю вашего имени.

Я сказалъ свое имя; также сказалъ, что воляжирую съ графомъ Б...

— Съ графомъ Б...! вскричалъ съ изумленіемъ Гофманъ, — это одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ!.. Въ былое-время, мы съ нимъ весело проводили время... Онъ нажилъ — чудесную подагру!.. Ну, что его миленькія малютки? — Лѣтъ шесть, какъ я не видалъ ихъ! Какъ онѣ любили меня, какъ любили мою скрипку! Я думаю, какъ выросли! какъ

похорошѣли! Ихъ головки много обѣщали въ будущемъ! Я, какъ теперь вижу ихъ правильные, античные контуры, съ такими колючими глазками...

— Молодые графини здѣсь, г. Гофманъ! Онѣ часто вспоминаютъ объ васъ!

— Милые амурчики! кричалъ Гофманъ, котораго голосъ вдругъ принялъ всю нѣжность италіянскаго amogoso. Еслибы вы знали, какъ я привязался къ нимъ, когда гостилъ нѣсколько мѣсяцевъ у графа. Я никогда не могъ отказать имъ, когда онѣ умоляли меня играть, или пѣть швейцарскіе мотивы, которые имъ такъ нравились. Мнѣ стоило только зайти въ своей комнатѣ, и эти малютки летѣли ко мнѣ, какъ молодые ласточки, услышавшія призывъ матери. Я любилъ въ нихъ отсутствіе дѣтской застѣнчивости и совершенное незнаніе приличій, которымъ еще съ колыбели научаютъ дѣвочекъ... Зато, ни одна цивилизованная кошка не умѣла такъ вкрадчиво приласкаться, какъ онѣ ласкались ко мнѣ! О! я хочу, я долженъ ихъ сейчасъ видѣть! ихъ обнять, обнять добраго графа!

— Вы позабыли о маленькихъ препятствіяхъ, г. Гофманъ! Первое — надобно кого-нибудь попросить выгрузить насъ изъ этой грязной канавы, а потомъ, огнемъ и водою уничтожить слѣды нашей спиртуозо-гидравлической экскурсіи... а, вотъ кстати кто-то идетъ: я закричу...

— Тсъ! что вы хотите дѣлать? Завтра-же фельетонистъ, какой-нибудь грязной газеты обрадуется, найдя новый матеріалъ для назидательной статейки, подъ названіемъ: путешествіе г-на Г... въ канавѣ такой-то улицы, близъ погреба г. Окзофта, для ученыхъ наблюдений, касательно «паденія въ грязь, съ данной высоты»... Говорю вамъ, — пусть радуется одинъ настоящій виновникъ этого похождения, — зачѣмъ-же давать случай радоваться его жалкимъ копіямъ? Погодите немного, скоро мимо насъ, то-есть, надъ нами — пойдетъ ночной сторожъ этой улицы; я тотчасъ узнаю его по звуку дубины, на которую онъ опирается. Я неоднократно путешествовалъ на его плечахъ до моей квартиры — разумѣется ночью! — Онъ совершенно лишенъ возможности въ чемъ-нибудь проболтнуться: потому-что цѣлый день спитъ и принимается за свое занятіе — когда заснуть всѣ другіе. Только одна неизмѣнная его спутница — дубина можетъ поспорить съ нимъ въ скромности.

Какая чудесная 'ночь! — продолжалъ онъ: смотрите, вонъ — созвѣздіе Плеядъ швырнуло намъ огненное яблоко!.. Обжора воздухъ проглотилъ его!

— Наши тѣла, — продолжалъ Гофманъ, глядя на звѣздное небо: какъ тѣла этихъ планетъ, имѣютъ свои орбиты, свои аспекты; ваша орбита — задѣла мою, и вотъ у насъ знакомство. Намъ говорятъ: аспекты планетъ имѣютъ вліяніе на человѣчество: аспекты великихъ людей всегда имѣли его.

— Темно! подумалъ я.

Авторъ «Кота Мура» умолкъ. Широкія полосы свѣта, выбѣгавшія изъ оконъ гостинницы «Двухъ Грацій», ударили въ бѣлой плитнякъ, которымъ была одѣта канава, и отражаясь отъ него, падали на лицо Гофмана, то волнистою рябью свѣта и тѣни, то матовою блѣдностію.

Изъ гостинницы, долетѣлъ до насъ звукъ — раскрываемаго окна.

— Это онѣ! невольно вскричалъ я, думая о графиняхъ.

— Вы какъ поэтъ, восклицаете мѣстоименіями, сказалъ Гофманъ: не явились-ли вамъ какіе-нибудь признаки — стелющіе, дрожащіе, волюющіе?

— Нѣтъ! призраки боятся учениковъ Эскулапа! Мнѣ только послышался звукъ раскрываемаго окна, въ гостинницѣ, гдѣ квартируютъ графини...

— Неужели онѣ въ этой гостинницѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ? И вы мнѣ не сказали этого! — Чудесная мысль! — Попробуемъ силу моего прежняго заклинанія, которое вызывало ихъ изъ — перинъ и подушекъ.

Гофманъ запѣлъ швейцарскую арію:

Steh' nur auf, steh' nur auf
Du schöner Schweizer Bub!

Я изумился: гдѣ взялъ Гофманъ этотъ чистый грудной теноръ! Въ финалахъ, подражающихъ горному эхо, онъ переходилъ почти въ контральто, разумѣется, фистулою. Гласисъ канавы какъ нельзя лучше служилъ резонансомъ прихотливымъ звукамъ мелодіи. Я не постигалъ, какъ могло ущѣлѣть горло Гофмана отъ лавы его пунша? Чародѣй, этотъ Гофманъ!

Черезъ нѣсколько минутъ, у насъ надъ головами послышались голоса Розалии и Зинаиды, заглушающія слабый голосъ Войцеха, стараго графскаго камердинера, который умолялъ ихъ возвратиться въ гостинницу.

— Это онъ, это Амедей! Мы слышали его голосъ: мы должны его видѣть! Боже мой, неужели онъ здѣсь въ этой канавѣ?...

— Здѣсь, мои милыя малютки! И тысячу разъ счастливъ, что вы, изъ этой могилы услышали голосъ вашего стараго друга! О, еслибы, ревнивая глубина не удерживала меня такъ крѣпко въ своихъ объятіяхъ, я бы уже обнималъ васъ, мои несравненные!

— Ахъ! нашъ добрый Амедей! какая встрѣча! какъ это вы сюда попали?

— Мой духъ, вознесшійся сегодня выше назначенныхъ ему предѣловъ, былъ сверженъ, какъ Люциферъ, въ эту преисподнюю. Но мой товарищъ говоритъ: будто это произошло отъ законовъ тяготѣнія тѣлъ. Позвольте мнѣ отъ него передать вамъ почтеніе: сегодня, онъ во второй разъ теряетъ языкъ.

— Еще бы не потерять! возразилъ я: когда найдешь такую рѣдкость, какъ вы, г. Гофманъ. Я по сю-пору не могу понять, во снѣ, или на яву мнѣ слышатся голоса графинь?

— И вы здѣсь, сеньоръ Эмилио! вскрикнула Розалія.

Я имѣлъ причины думать, что послѣ этого восклицанія, туча сарказмовъ пронизетъ меня милдонами иглъ насмѣшекъ, но я ошибся: въ голосѣ Розаліи было замѣтно живое участіе, даже грусть.

— Это ужасно! продолжала она: неужели эта гадкая канава хочетъ отнять у насъ все, что мы...

— Любимъ? договорилъ Гофманъ.

— Ну да, да! любимъ! подтвердили обѣ сестры.

— Посмотримъ, какъ *глубока* ваша любовь, сказалъ Гофманъ: сравнится-ли она *глубиною* хоть съ этимъ каналомъ?

— Вы не вѣрите! не вѣрите нашей дружбѣ! кричала Зинаида, топая ножкою: и вы то-же, сеньоръ Эмилио? Вы не отвѣчаете? О если бы была лѣстница, я сейчасъ спустилась бы къ вамъ и доказала...

— Donner Wetter! Этотъ господинъ вѣрно расположился ночевать у меня въ погребѣ! Милостивый государь! я уже два раза принимался будить васъ: мнѣ давно пора запирать погребъ, говорилъ Окзофтъ, очень чувствительно раскачивая всю мою корпуленцію.

Я сталъ осматриваться.

Предо мною улыбались двѣ рожи: одна принадлежала Окзофту, другая фантастическому существу...

Не бойтесь! послѣдняя была нацарапана на Гофмановомъ стаканѣ.

— Я долго не рѣшался потревожить вашъ сонъ, потому-что вы что-то бредили, на сонятомъ мнѣ языкѣ, продолжалъ Окзофтъ.

— Да, я видѣлъ во снѣ Гофмана и кой-что еще... но такъ живо такъ осязательно.

— Это обыкновенное дѣйствіе гѣлленъ-пунша: покойникъ Гофманъ за это и любилъ его; онъ всегда подливалъ въ этотъ пуншъ настойки изъ какихъ-то грибовъ.

— Вѣрно изъ мухоморовъ, подумалъ я.

— Этой настойки осталось у меня цѣлая бутылка, и такъ какъ вы приказали сдѣлать вамъ такой-же пуншъ, какой пилъ г. Гофманъ, то я и подлилъ вамъ двадцать капель его настойки.

— Благодарю васъ, г. Окзофтъ: эти капли познакомили меня съ Гофманомъ.

Возвратившись въ гостиницу, я разсказалъ графинямъ о моемъ фантастическомъ знакомствѣ съ Гофманомъ.

Гофманъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ другомъ графа Б... онъ неоднократно гостилъ у него въ домѣ: Графини очень хорошо помнятъ этого эксцентрическаго человѣка.

Э. Скорни.

СОВРЕМЕННОЙ.

ЛИТЕРАТУРА. — Ибнъ-Цаферъ, арабскій писатель XII вѣка. — Лекція Сень-Марка Жирардена о сочиненіяхъ Жанъ-Жака Руссо. — **ТЕАТРЪ, МУЗЫКА ИСКУССТВА.** — Актриса Марсъ. — Африканскій Росцій. — Римская пѣвица. — Отношеніе между театрами и народонаселеніемъ въ Парижѣ и Лондонѣ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Новая воздушная машина. — Допотопный ландшафтъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ.** — Альбомъ гангского двора. — Поклоненіе змѣямъ въ Сіамѣ. — Роковыя сабли. — Письмо изъ пасти тигра. — Египетская повѣсть. — Пожары въ Константинополѣ. — Обманутый брилліанщикъ. — Печальный случай. — Кристальный дворецъ въ Нью-Йоркѣ. — Человѣческія судьбы. — Старинная ошибка въ правописаніи — Шиллеръ, какъ противникъ баловъ. — Барышъ отъ торговли опиумомъ. — Наказаніе за жестокое обращеніе съ животными. — Высочайшій городъ на землѣ. — Новая блестящая мода. — Разговоры миллионеровъ. — Семейства англійскихъ поэтовъ. — Воспитаніе дѣвушекъ въ Сѣверной-Америкѣ. — Константинопольскій базаръ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Ибнъ-Цаферъ, арабскій писатель XII вѣка. — Недавно вышелъ въ свѣтъ итальянскій переводъ одного арабскаго сочиненія, заслуживающаго всеобщее вниманіе: «Сольванъ-эль-Мота», — итальянскій переводъ Микеля Амари. Авторъ этой книги — Ибнъ-Цаферъ жилъ въ первой половинѣ XII вѣка, и лучшее его сочиненіе «Сольванъ-эль-Мота» было обнаружено въ 1159 году, а въ 1172 умеръ онъ отъ горя и нужды.

Арабская литература процвѣтала въ Сициліи, какъ при магометанскихъ, такъ и при христіанскихъ владѣтеляхъ. Только по смерти короля Рожера въ 1154 году начала она упадать. Тамъ было много поэтовъ, историковъ, географовъ, астрологовъ, медиковъ и ботаниковъ, но во времена Ибнъ-Цафера всѣ они уже исчезли и въ Палермѣ оставались только должностные придворные поэты. Ибнъ-Цаферъ родился въ Сициліи, но желая избѣжать владычества христіанъ, переселился въ Африку, надѣясь, что званіе писателя вездѣ ему доставитъ хлѣбъ. Онъ странствовалъ изъ страны въ страну, былъ почти вездѣ, гдѣ царство-

валъ исламизмъ: въ Малой Азїи, Сирїи, Египтѣ, но нигдѣ не нашель постоянного убѣжища. Ибнъ-Цаферъ былъ однимъ изъ плодovitѣйшихъ писателей своей эпохи. Въ то время, какъ онъ обнаруживалъ «Сольванъ-эль-Мото», онъ уже написалъ двадцать-пять сочиненій. По обычаямъ тогдашняго времени посвящалъ онъ свои произведенія какому-нибудь владѣтелю, который по достоинству сочиненія награждалъ автора. Изъ жизнеописанія Ибнъ-Цафера можно, однакоже, удостовѣриться, что и тогда званіе писателя было самымъ слабымъ обезпеченіемъ въ жизни. Не имѣя успѣха въ одномъ мѣстѣ, Ибнъ-Цаферъ переселялся въ другое. Такимъ-образомъ прибылъ онъ въ Гаму, мѣстопребываніе Абуль-Феды, гдѣ нашель хорошій прїемъ и гдѣ ему назначено было годовое содержаніе. Здѣсь написалъ онъ нѣсколько сочиненій. Впрочемъ жалованье его было такъ недостаточно, что онъ не могъ содержать своей дочери, и принужденъ былъ выдать ее за человѣка низкаго происхожденія, — что у магометанъ считается большимъ стыдомъ.

Вскорѣ случилось съ нимъ большое несчастіе. Зять увезъ его дочь въ другую землю, и продалъ ее невольницею. Этотъ ударъ свелъ отца въ могилу.

Ибнъ-Каллиранъ, написавшій біографію Ибнъ-Цафера, говоритъ, что онъ былъ низкаго роста, весьма неблаговиденъ и что судьба гнала его во всю жизнь. Высокій умъ и способности заставляли его еще болѣе чувствовать несчастія, придавая вмѣстѣ съ тѣмъ твердость переносить ихъ.

Арабскіе писатели всѣ чрезвычайно его хвалятъ. Имадеддинъ, современникъ его, называетъ его *имамомъ* (учителемъ) своей эпохи, говоря, что «онъ удивительно объяснялъ коранъ, былъ прекрасно образованъ, одушевленъ любовью къ наукамъ, и что тѣ, которые приходили утолять жажду въ источникъ его познаній, не могли оторваться отъ наслажденія читать его произведенія». Похвала такого писателя должна служить порукою въ достоинствѣ его сочиненія.

Въ предисловіи своемъ къ «Сольванъ-эль-Мото», Ибнъ-Цаферъ объясняетъ названіе своей книги. *Сольванъ* — множественное число слова *Сольванакъ*, означаетъ кору дерева, употребленіе котораго, по мнѣнію арабовъ, прогоняло тоску влюбленныхъ. Одинъ арабскій поэтъ говоритъ:

Употреблене сольвана

Не даетъ спокойствія душѣ моей;

Къ-чему мнѣ всѣ богатства міра,

Когда недостаетъ *ея*.

Въ этой книгѣ Ибнъ-Цаферъ приводитъ сперва поученія корана, изрѣченія Магомета и другихъ лицъ, извѣстныхъ своею ученостію и набожностію; потомъ обращаетъ онъ эти поученія на обстоятельства жизни, представляя ихъ въ видѣ басенъ, анекдотовъ, разказовъ. Хотя большая часть его поученій основана на фатализмѣ магометанъ, но какъ они примѣнены къ настоящей жизни, то и пригодны для философїи всѣхъ народовъ.

Вотъ нѣкоторые изъ его афоризмовъ :

«Если съ тобою случится какое-нибудь несчастіе, никогда не говори : еслибъ я сдѣлалъ то и то... но всегда воскликни : такъ угодно Богу, а что Ему угодно, пусть то и совершится».

«Кому непріятель не довѣряетъ, тотъ уже вполнину побѣжденъ».

«Лучше погибнуть въ огнѣ, чѣмъ жить въ безчестьи».

«Съ нетерпѣніемъ переносить неудачу, значитъ быть неблагодарнымъ къ добру, которое еще можетъ случиться съ нами въ будущемъ Мужество въ несчастіи добродѣтель великихъ душъ».

«Самые несчастные люди въ свѣтѣ — влюбленные старики.»

Разказы въ «Сольванѣ» чрезвычайно перепутаны, такъ что ихъ очень трудно отдѣлить одинъ отъ другаго.

Вышелъ уже и англійскій переводъ этого сочиненія.

—

Лекціи Сен-Марка-Жирардена о сочиненіяхъ Жанъ-Жака Руссо. — Извѣстный французскій писатель строго-охранительной партіи Сенъ-Маркъ-Жирарденъ окончилъ въ прошломъ году публичныя лекціи о Жанъ-Жакѣ Руссо, читавшіяся въ Сорбоннѣ и заслужившія полное одобреніе всѣхъ благомыслящихъ людей, уважающихъ только нѣкоторыя сочиненія этого писателя. Извлекаемъ изъ этихъ лекцій, печатаемыхъ въ журналѣ «Revue des deux Mondes», замѣчательнѣйшія черты, относящіяся къ теоріи искусства, оперѣ и нѣкоторымъ другимъ статьямъ Руссо, вмѣстѣ съ краткимъ очеркомъ нѣкоторыхъ событій его жизни.

Изучая со вниманіемъ жизнь Жанъ-Жака Руссо, прежде всего насъ поражаетъ безпрестанное противорѣчіе и разногласіе между имъ и его вѣкомъ. Сравненіе сдѣлаетъ эту мысль еще яснѣе. Посмотрите на Вольтера : въ частной его жизни вездѣ видна покорность общественнымъ условіямъ. Онъ всегда остается сыномъ своего вѣка, представителемъ окружающаго общества. Онъ былъ литераторомъ въ литературномъ вѣкѣ, свѣтскимъ человѣкомъ въ салонномъ обществѣ. Воспитывался онъ у іезуитовъ, въ институтѣ Людовика XIV Въ юношескомъ возрастѣ является онъ соискателемъ академической преміи. Потомъ онъ сочиняетъ трагедіи. Форма его сочиненій всегда сообразна съ этикетомъ и требованіями вѣка. На старости поселяется онъ въ своемъ фернейскомъ-зѣмкѣ, и вся Европа посѣщаетъ его. Пріѣзжая въ Парижъ, онъ принимается Академіею съ отверстыми объятіями.

У Руссо, напротивъ, ничто не подходитъ ни ко времени, ни къ нравамъ — ни жизнь его, ни мысли. Онъ человѣкъ съ умомъ, а судьба дѣлаетъ его лакеемъ, который служитъ за столомъ. Это печальное униженіе растравляетъ его гордость. До тридцати-шести лѣтъ пресмыкается онъ во мракѣ и нуждѣ, ведя жизнь бѣдняка, женатаго на трактирной служанкѣ. Чтобъ добиться извѣстности въ XVIII вѣкѣ, надобно ему было напасть на свой вѣкъ. По одному академическому вопросу бросаетъ онъ перчатку вызова этой академіи. Будучи литераторомъ и въ литературномъ вѣкѣ, онъ обнаруживаетъ внутреннюю болѣзнь тогдашней литературы.

Начавъ однажды эту борьбу, Руссо уже неумоимо продолжаетъ ее. Напрасно строятъ ему домъ въ Монморанси и уединенное убѣжище въ Эрменонвилѣ; напрасно Юмъ выхлопоталъ ему пенсію отъ англійскаго короля, — Руссо отвергаетъ все это, отъ недовѣрчивости, неблагодарности, гордости, а болѣе всего оттого, что онъ никогда не принадлежалъ ни своему вѣку, ни обществу. Пишетъ-ли онъ жизнь свою, выражаетъ-ли свои мысли, — онъ вездѣ видимо нарушаетъ свѣтскіе обычаи.

И однакоже, несмотря на это безпрестанное несогласіе съ установленными обычаями, Руссо платитъ самую блистательную дань той неумолимой необходимости порядка и повиновенія, которая составляетъ врожденное чувство человѣка.

Безпокойная и скитальческая жизнь утомляетъ Руссо. Здравый смыслъ, преобладающій надъ всѣми ошибками его воображенія, надъ всѣми заблужденіями жизни, говоритъ ему, что человѣку нуженъ законъ и порядокъ, и что онъ не можетъ обойтись безъ нихъ.

Кто жилъ, тотъ чувствовалъ и испыталъ многоразличныя приключенія. Всякій и надѣялся, и сомнѣвался въ жизни. Вотъ почему рассказы изъ частной жизни всегда занимательны. Самый безвѣстный человѣкъ интересуется насъ, если только онъ вѣрно передаетъ впечатлѣнія своего сердца и голосъ совѣсти.

Въ этихъ рассказахъ первая глава, то-есть молодость, всегда лучшая. Но чтобы ее хорошо написать, надо самому быть уже немолодымъ Жанъ-Жакъ Руссо, на пятьдесятъ-четвертомъ году, написалъ свои «Признанія». (Confessions). Молодость, рассказываемая старостью, украшается сожалѣніями.

Кто рассказываетъ о своей молодости, о періодѣ удовольствій и заблужденій, часто примѣшиваетъ къ разсказу вымыселъ, передаетъ событія такъ, какъ бы желалъ, чтобъ они случились, а не такъ, какъ они дѣйствительно были. Руссо въ своихъ «Признаніяхъ» сознается, что память часто ему измѣняла. «Я описывалъ, говоритъ онъ, все какъ было, а когда забывалъ, то придумывалъ самое натуральное окончаніе, но никогда не писалъ противнаго тому, что могло случиться. Я придавалъ иногда истинѣ украшенія; но никогда не вставлялъ вмѣсто нея ложь, чтобъ скрыть свои пороки, или присвоить себѣ небывалыя добродѣтели».

Увлекательность разсказовъ Жанъ Жака Руссо о своей молодости происходитъ не отъ занимательности событій, но отъ его личныхъ впечатлѣній. Последнія всегда интереснѣе происшествій. Напрасно писатели романовъ такъ истощаютъ свое воображеніе на вымыслы. Они бы могли нравиться гораздо легче. Пусть только они выражаютъ чувства съ истинною и живостию. Въ этомъ-то и состояло искусство Руссо. Онъ говоритъ о событіяхъ для того только, чтобъ описывать свои впечатлѣнія. Если онъ при самомъ началѣ жизни бѣжалъ изъ отечества и перемѣнилъ вѣроисповѣданіе, то страсть къ искательству приключеній ослабляла въ умѣ его этотъ поступокъ. Онъ могъ въ одинъ день перейти изъ Аннеси въ Женеву, — но провелъ въ дорогѣ три дня. «Всякій замокъ обѣщалъ моему воображенію какое-нибудь приключе-

ніе; я не смѣлъ никуда ни постучаться, ни войти; я былъ очень робокъ. Но у каждаго окна, изъ котораго могли меня видѣть, я пѣлъ пѣсни до усталы, — и очень удивлялся, что никакая дѣвушка или дама не является на мой прекрасный голосъ, и не слушаетъ моихъ умныхъ пѣсень, которыя я выучилъ отъ своихъ товарищей, и пѣлъ удивительно хорошо».

Въ этихъ описаніяхъ юности видна пронія, видѣнъ старикъ, но во всѣхъ воспоминаніяхъ молодости есть увлеченіе и прелесть. Руссо описываетъ на примѣръ, какъ пріятно путешествовать пѣшкомъ.

«Мнѣ легко было идти, — говоритъ онъ: — желанія юности, очарованія надеждъ, блистательные проекты наполняли мою душу. Всѣ окружающіе меня предметы ручались, повидимому, въ будущемъ моемъ счастіи. Въ домахъ воображалъ я вседневные праздники; на лугахъ — веселыя игры; по берегамъ рѣки — гулянье, купанье, рыбную ловлю; на деревьяхъ — сочные плоды; подъ тѣнью деревъ — сладостныя свиданія; на горахъ — фермы, молоко, спокойствіе, простоту, свободу идти, куда глаза глядятъ. Все, что встрѣчали мои взоры, приносило сердцу неизъяснимое удовольствіе.»

Руссо, на старости лѣтъ, и въ прозѣ былъ поэтомъ. Когда же онъ былъ молодъ, и писалъ стихи, онъ вовсе былъ не поэтъ. Первые его оперы и комедіи въ стихахъ дурны. — Чтобъ быть поэтомъ, мало имѣть воображеніе, надобно умѣть выражать ощущаемыя чувства. Всѣ куски мрамора могутъ произвести статую, но только рѣзецъ художника создаетъ изъ нихъ образцовое произведеніе. Только слогъ автора вызываетъ поэзію изъ души, — а слогъ плодъ труда. Жанъ-Жаку Руссо много надобно было трудиться, чтобъ достигъ до выраженія того, что онъ ощущалъ.

Жизнь каждаго человѣка составляетъ поэму, которую онъ не умѣетъ только разсказать. Въ ней всегда есть нравственный вопросъ, котораго онъ не можетъ только рѣшить. Какой моральный вопросъ заключается въ жизни Жанъ-Жака Руссо? Онъ глава школы, которая почитаетъ чувствительность высшимъ правиломъ жизни. Кто руководствуется чувствительностію, тотъ не можетъ заблуждаться, или, по-крайней-мѣрѣ, заблужденія его безвредны. Эта школа думаетъ, что сердце человѣка всегда исполнено доброты. Эта важная ошибка. Оно не добро, а равно чувствительно, какъ къ добру, такъ и къ злу. Г-жа Скюдери въ своихъ сантиментальныхъ разговорахъ опредѣляетъ чувствительность — нежностію души. Опредѣленіе неясно и неточно. Чувствительность больше принадлежитъ матеріальнымъ чувствамъ. Юность и жаръ крови много содѣйствуютъ ей. Люди, чувствительные въ тридцать лѣтъ, дѣлаются эгоистами и жестокосердыми въ шестьдесятъ. Кромѣ нравственной слабости, чувствительность имѣетъ и другое неудобство: она слишкомъ наполнена очарованіями, то-есть, ложными мечтами. Она вводитъ въ заблужденіе, увѣряя человѣка, что онъ дѣйствительно имѣетъ силу тѣхъ чувствъ, которыхъ впечатлѣніе ощущаетъ. Обманувшись въ себѣ, человѣкъ легко обманываетъ и другихъ. Изъ обманутаго онъ становится шарлатаномъ.

Чувствительные люди во многомъ похожи на женщинъ: они не въ состояніи господствовать надъ событіями своей жизни. Надобно, чтобы кто-нибудь другой руководилъ ими,—или случай и страсти будутъ ихъ вожатыми. Къ несчастію, Руссо съ самой молодости оставилъ родительскій домъ и отечество, все, что могло имъ руководить, — и вмѣсто этихъ спасительныхъ руководителей, нашелъ только г-жу Варренсъ. Слѣдственно, въ дѣтствѣ — романы, а въ юношескомъ возрастѣ женщина философка, — то-есть, такая, у которой нѣтъ уже добродѣтелей своего пола и нѣтъ еще качествъ мужчинъ, — однимъ-словомъ, ложныя, а не истинныя правила нравственности, — встрѣтили Руссо при началѣ его жизни. Съ краснорѣчивымъ раскаяніемъ сожалѣетъ онъ потомъ, что не сдѣлался гравѣромъ, какъ этого хотѣлъ его отецъ; однакоже онъ нигдѣ не раскаивается въ любви своей къ г-жѣ Варренсъ.

Женщина всегда болѣе, нежели мужчина, обязана подчиняться свѣтскимъ условіямъ. Тягость исполненія ихъ всегда облегчается любовью и привязанностію. Она не можетъ жить одна; она создана для семейной жизни; она средоточіе этой жизни, если не начало; она сердце семейства, если не голова. Если она выступитъ изъ этой сферы, — то погибаетъ отъ огорченій, или раздражительности нравовъ. Женщина философка имѣетъ претензію жить внѣ семейства и обойтись безъ него. По нравственной системѣ исключаетъ она, какъ слабости, всѣ естественныя качества своего пола, необходимѣйшія для скрѣпленія союза семействъ. Такъ г-жа Варренсъ забыла, что скромность служитъ въ женщинѣ ручательствомъ во всѣхъ прочихъ чувствахъ, какъ у мужчины чувство чести. Какъ ни старается Жанъ-Жакъ Руссо прикрыть шарметскія приключенія, но рассказъ видимо обнаруживаетъ его замѣшательство: нѣтъ ни чистоты, ни гордости въ чувствахъ. Послѣдующія происшествія доказали, что онъ и въ этой любви былъ обманутъ. Послѣ поѣздокъ его въ Женеву, Лионъ, Монпелье оказалось, что мѣсто его занято и что онъ сдѣлался чужимъ въ этомъ домѣ.

Онъ оставляетъ это жилище, сдѣлавшееся ему несноснымъ, — и отправляется въ Парижъ, гдѣ поселяется въ улицѣ Корье, близъ Сорбонны. Тутъ онъ познакомился съ Терезою, трактирною служанкою, неизмѣвшею ни ума, ни красоты, и женился на ней. Что его прельстило? Онъ былъ робокъ и бѣденъ, Тереза была кротка и добра; — вотъ что было основаніемъ продолжительной ихъ дружбы.

Вотъ вся исторія чувствительной половины жизни Руссо. Она печальна. Посмотримъ теперь на писателя.

Молодые люди воображаютъ, что всякому дарованію стоитъ только показаться, чтобы слава и счастье встрѣтили его съ отверстыми объятіями. Но въ исторіи мы, напротивъ того, видимъ, что гениіи должны долго бороться, много страдать, прежде нежели свѣтъ признаетъ его достоинство. Люди нелегко вѣрятъ гениямъ. Постоянство всего нужнѣе гению. Чтобы блеснуть года на два, — но это станетъ многихъ дарованій; они быстро входятъ въ моду — и также скоро предаются забвенію. Гениіи терпѣливы и трудолюбивы. Слава ихъ упрочивается временемъ.

Начальное поприще Жанъ-Жака было тягостно и безвѣстно. Онъ уѣхалъ изъ Шармента съ пятнадцатью лудорами въ карманѣ и новою системою для списыванія нотъ. Въ Парижъ явился онъ сперва, какъ музыкантъ. Академія наукъ не приняла его системы нотъ, хотя академики и хвалили его разсужденіе, написанное по этому предмету. Профессоры принимали его равнодушно, или разсѣянно. Пятнадцать лудоровъ быстро истратились. Онъ спокойно ждалъ, когда они кончатся, предаваясь лѣни и мечтамъ, какъ однажды аббатъ Кастель сказалъ ему:

— «Музыканты и ученые не принимаютъ вашей методы, — обратитесь къ дамамъ. Можетъ-быть, вы лучше успѣете у нихъ. Въ Парижѣ ничего не дѣлается безъ женщинъ.»

Руссо послушался; началъ являться къ свѣтскимъ дамамъ; влюбился въ одну изъ нихъ; написалъ любовное объясненіе — и былъ ею прогнанъ. Впрочемъ, женщины выхлопотали ему мѣсто секретаря у графа Монтегю, назначеннаго посланникомъ въ Венецію. Ему дали тысячу франковъ жалованья.

Черезъ два года онъ поссорился съ Монтегю, возвратился въ Парижъ, чтобъ жаловаться на него, — и не имѣлъ успѣха.

Вскорѣ потомъ италіянская группа приняла его маленькую пьесу: Нарциссъ. Она доставила ему свободный входъ въ театръ, — и больше ничего. Онъ отправился въ это время въ замокъ Шенонсо — и участвовалъ во всѣхъ увеселеніяхъ г-жи Эпинеи. Тогда любили домашніе спектакли, — и Руссо игралъ комедіи. Шестъ мѣсяцевъ училъ онъ роль — и во-время представленія не зналъ изъ нея ни слова. Послѣ этого ему уже не давали ролей. Это говоритъ самъ Руссо, но г-жа д'Эпинеи рассказываетъ объ этомъ иначе.

«Мы играли новую комедію сочиненія Руссо: *L'engagement téméraire*. Самъ авторъ игралъ въ ней роль. Хотя это и комнатная пьеса, но она имѣла большой успѣхъ. Сомнѣваюсь впрочемъ, чтобъ она на театрѣ удалась, — однако же авторъ ученый, хотя и странный человекъ. Онъ говорилъ комплименты безъ всякой учтивости, или, по-крайней-мѣрѣ не показывая вида ея. Онъ, повидимому, не знаетъ свѣтскихъ обычаевъ но видно, что умный человекъ. Онъ лицомъ смуглъ и глаза его олушевлены. Когда онъ говоритъ и когда смотришь на него, — онъ кажется хорошъ собою, но когда послѣ вспоминаешь о немъ, то всегда со смѣшной стороны.»

Въ этомъ обществѣ Руссо рассказывалъ свои несчастія и ссоры съ посланникомъ. По рассказамъ его всѣ находили, что у него чувствительное сердце и героическая душа.

Посреди этихъ пустыхъ занятій готовилъ онъ свою *Речь о художествахъ и литературѣ*.

Руссо рассказываетъ, что если въ этой рѣчи онъ возсталъ противу наукъ и художествъ, — то это было слѣдствіемъ вдохновенія. Идя въ Венсенъ, навѣстить Дидеро, Руссо перелистывалъ дорогою газету: *Messager de France*. Ему попалась на глаза задача лижонской Академіи: *содѣйствовала ли успѣхъ наукъ и художествъ къ очищенію нравовъ?*

«Вдругъ, — говоритъ онъ, — умъ мой озаренъ былъ внезапнымъ свѣ-

томъ. Тысячи новыхъ идей представились мнѣ такъ ясно, что я пришелъ въ замѣшательство. Голова моя была въ совершенномъ чадѣ. Сердце волновалось, я задыхался на ходьбѣ, и долженъ былъ броситься подъ одно дерево. Полчаса пролежалъ я тутъ въ самомъ сильномъ волненіи, — и когда всталъ, весь мой камзолъ былъ смоченъ слезами, которые я пролилъ безсознательно.»

Вся эта исторія очень чувствительна. Лагарпъ рассказываетъ однако-же дѣло иначе. Руссо пришелъ къ Дидеро въ Венсеннъ и рассказывалъ ему о вопросѣ, заданномъ дижонскою Академіею.

— Чтò жъ ты намѣренъ сдѣлать?—спросилъ Дидеро у Руссо.

— Я докажу, что успѣхи въ наукахъ и художествахъ очищаютъ нравы.

— Глупецъ!—вскричалъ Дидеро. Докажи противное—и ты надѣлаешь много шуму.

Вотъ почему Руссо, по словамъ Лагарпа, бросился въ парадоксъ чтобы написать чтò-нибудь необыкновенное.

Въ Римѣ, при Августѣ, въ самую лучшую эпоху образованности, поэты и историки вопіють противу упадка нравовъ и злоупотребленія наукъ и художествъ, объясняя этотъ упадокъ утонченностію просвѣщенія. Они безпрестанно выставляютъ варварство выше просвѣщенія. Гораций расхваливаетъ Скиевъ и добродѣтели ихъ. Трогій Помпей, или Юстинъ также ставитъ Скиевъ выше Грековъ, говоря, что первые добродѣтельны въ своемъ невѣжествѣ, а другіе порочны со своими науками. Тацитъ описываетъ нравы германцевъ такъ, что на каждомъ шагѣ горько упрекаетъ Римлянъ.

Когда Готы опустошали Грецію, всѣ библіотеки спаслись отъ истребленія только тѣмъ, что одинъ изъ полководцевъ варваровъ сказалъ, что эту дрянъ надобно оставить непріятелямъ, которые книгами отвращаются отъ военныхъ занятій и приучаются къ сидячей и бездѣйственной жизни.

Когда Карлъ VIII, почти не обнажая меча, завоевалъ Неаполитанское королевство и часть Тосканы, то царедворцы приписали эти неожиданные успѣхи тому, что италіянскіе принцы и дворяне занимались больше ученостію, нежели войною.

При этомъ нападеніи Руссо не только слѣдовалъ своей врожденной зависти, — но хотѣлъ приобрести успѣхъ, полезный собственно для себя. Философы имѣли большое вліяніе въ свѣтѣ; царедворцы и богачи ласкали ихъ. Но у нихъ были и непріатели. Къ этой-то партіи присталъ Руссо. Принцъ Конти, герцогъ Люксембургскій, г-жа Буфле сдѣлались его покровителями. Не одна Рльч доставила ему эти протекціи, но и другія сочиненія. Рльч въ особенности расположила къ нему тѣхъ людей, которые не любили философовъ. Замѣтимъ и въ этомъ разность между Руссо и Вольтеромъ. Руссо вовсе не умѣлъ сохранять своихъ покровителей и употреблять ихъ въ свою пользу. Вольтеръ умѣлъ быть, гдѣ было нужно, полукліентомъ и полупатрономъ.

Слѣдственно, сатирическія выходы Руссо на нѣкоторые современныя знаменитости между философами не должно принимать за одну зависть. Эти нападки доказывали, что новѣйшіе философы и философія наши себѣ противника, у котораго есть своя партія, и что Руссо можетъ сдѣлаться опаснымъ врагомъ для каждаго.

Современники сперва не поняли ученія Руссо, потому-что видѣли только одну сторону его. Они привязались къ тому, что нравилось по злости и остроумію,—а именно къ сатирѣ на литераторовъ и литературу.

Оспаривать пользу наукъ и художествъ—значитъ оспаривать всѣ основанія воспитанія, которыми уже столько лѣтъ руководствуется Европа и которыя служили правиломъ Аѳинамъ и Риму. Тѣлесныя упражненія болѣе занимали мѣста въ воспитаніи древнихъ, нежели у насъ. Дурно-ли поступали древніе народы? Руссо говоритъ, что да!—и что мы еще хуже поступаемъ: мы думаемъ только о развитіи умственномъ, забывая тѣлесныя упражненія. Отъ этого рождаются утонченныя и самолюбивыя умы, слабыя тѣла и съ ними слабыя души. Какъ мечамъ не нужны шелковыя ножны, такъ и крѣпкимъ душамъ не нужно слабое тѣло. Если Жанъ-Жакъ Руссо возстаетъ противу изнѣженнаго воспитанія, ослабляющаго тѣло, подъ предлогомъ сдѣлать гибкимъ умъ, если онъ хочетъ возстановить точное равновѣсіе между физическою и умственною силою,—съ нимъ можно согласиться. Въ Германіи, въ 1811 и 1812 годахъ, профессоръ Янъ говорилъ молодымъ студентамъ, сокрушавшимся объ игѣ Франціи, тяготѣвшимъ надъ ихъ отечествомъ:

— Упражняйтесь въ гимнастикѣ, и не занимайтесь философіею. Укрѣпляйте тѣло свое для войны, если хотите возвратить независимость Германіи. Умѣйте держать въ рукѣ тяжелые мечи, а не однѣ кпиги.

Янъ былъ правъ. Молодые люди, окрѣпшіе въ гимнастическихъ упражненіяхъ, содѣйствовали тогда къ освобожденію Германіи. Но научая ихъ дѣйствовать ружьемъ и саблею, онъ не говорилъ имъ, чтобъ сжечь книги и тетради. Совѣтуя укрѣплять тѣло, онъ не требовалъ, чтобъ они подавили способности ума и сдѣлались звѣрями.

Ипполитъ Пасси говоритъ, что при отступленіи французовъ изъ Россіи, офицеры лучше выдерживали непогоды, нежели солдаты. Они не такъ скоро теряли бодрость; нравственная сила поддерживала физическую. Руссо правъ, требуя, чтобъ заботились о тѣлѣ; онъ неправъ, желая, чтобъ пренебрегали развитіемъ ума.

Руссо ссылается на Монтеня; но тотъ смѣется надъ педантами, а не надъ учеными. Въ свѣтѣ много дураковъ безъ латинскаго и греческаго языка. Неужели, для того, чтобъ не быть смѣшнымъ, достаточно быть невѣждою. Монтень справедливо смѣется надъ педантами: они бесполезны. Но въ каждомъ сословіи, въ каждомъ ремеслѣ есть педанты. Они бываютъ въ салонахъ и будуарахъ, превращая въ искусство и ремесло всякое удовольствіе и даже моду. Литература должна

возвышать умъ и дѣлать его способнымъ къ благороднымъ наслажденіямъ, а не подавлять его.

Зато, что Руссо напалъ на науки и литературу, напали и на него со всѣхъ сторонъ. Сперва начались брань и насмѣшки, какъ и всегда, а потомъ уже и разсужденія. Пренія, которыя онъ выдерживалъ противъ своихъ противниковъ, гораздо любопытнѣе его *Рѣчи*. Сущность ея парадоксы и реторика, — но въ преніяхъ онъ благоразуменъ, зная, что это единственное средство быть сильнымъ. Всѣ его разсужденія о слишкомъ большомъ развитіи наукъ и литературы въ XVIII вѣкѣ очень основательны, потому-что въ нихъ нѣтъ парадоксовъ.

Варварство, предшествовавшее просвѣщенію, также невѣжественно, какъ и слѣдующее за нимъ, но первое невѣжество невинности, а второе звѣрства. Два поэтическія созданія олицетворяютъ и то и другое: Павель и Виргинія Бернардена де-Сенъ-Пьера изображаетъ первобытную невинность; Калибанъ Шекспира одичалость. Павель и Виргинія чисты, какъ золотой вѣкъ, Калибанъ-же видитъ образованность и остается звѣремъ, перенимая тогчасъ-же одни пороки матросовъ. Вотъ что дѣлается изъ образованности, переходящей въ варварство. И для этого не нужно искать Калибановъ на пустынныхъ островахъ. Они вездѣ найдутся. У всѣхъ просвѣщенныхъ обществъ есть свои дикари, и по несчастью, они перенимаютъ у образованныхъ людей одни пороки. Одинъ путешественникъ, видѣвшій Востокъ и предпринимаемый тамъ реформы въ законахъ и нравахъ, сказалъ: «Это все тѣже дикари, только они дѣлать вилами».

Ученіе Руссо выражаетъ одни сожалѣнія, но не указываетъ на средства къ исправленію. Онъ вздыхаетъ о первобытной простотѣ и невѣжествѣ. Но какъ этого состоянія уже нельзя возвратить, то что остается дѣлать? «Ничего», отвѣчаетъ Руссо, «какъ только сожалѣть объ участи человѣка».

Рѣчь о наукахъ и художествахъ надѣлала много шуму и вывела Руссо изъ неизвѣстности. Въ своихъ «Признаніяхъ» говоритъ онъ, что искренно сожалѣетъ объ этомъ и что успѣхъ этотъ былъ причиною его несчастій. Впрочемъ въ 1750 году онъ вовсе не отвергалъ пріобрѣтенной имъ славы: онъ, напротивъ, старался объ этомъ, участвуя въ конкурсахъ Академіи и распространяя свои связи въ свѣтѣ, который старался удивить странностію своихъ идей и привычекъ. Уже гораздо позже, тогда какъ онъ сдѣлался извѣстнымъ и знаменитымъ, вздумалъ онъ возвратиться въ неизвѣстность и сожалѣлъ о ней.

Въ эту эпоху своей жизни оставилъ онъ всѣ украшенія въ одеждѣ, надѣлъ круглый парикъ, шпагу и выбралъ себѣ ремесло нотнаго копіиста.

«Я рассчитывалъ, говоритъ онъ, что пріобрѣтя, какъ литераторъ, нѣкоторую извѣстность, всегда буду имѣть много работы, какъ переписчикъ нотъ. Увы! оказалось, что одно занятіе мѣшало другому. Сдѣлавшись моднымъ писателемъ, я уже возбуждалъ всеобщее любопытство. Всѣ хотѣли познакомиться со мною, или хотя посмотрѣть на страннаго человѣка, который не искалъ ни чьего знакомства и желалъ жить спо-

койно и независимо. Комната моя безпрестанно наполнялась людьми, которые подъ разными предлогами отнимали у меня все время. Дамы употребляли тысячи хитростей, чтобъ заманивать меня на свои объѣды. Чѣмъ грубѣе я отказывался, тѣмъ неотвязчивѣе становились онѣ. Я хотѣлъ питаться ремесломъ моимъ: публика не хотѣла этого. Придумывали разныя средства, чтобы вознаграждать меня за потерянное время; я долженъ былъ, какъ полишинель показываться всѣмъ и всякому. Нѣтъ ничего унижительное и ужасное подобнаго положенія. Я рѣшился отказываться отъ всѣхъ большихъ и малыхъ подарковъ. Это еще увеличило число докучныхъ лицъ».

Все, что Руссо рассказываетъ здѣсь о себѣ,—жалкая комедія. Сдѣлаться ремесленникомъ, въ тоже время рассчитывая на литературную извѣстность, не чистая ли это комедія XVIII вѣка, который однакоже охотно даетъ себя въ обманъ, отправляясь къ нотному копіисту, чтобы видѣть литератора, и платя ему за свое любопытство.

Въ это время Руссо не былъ еще мизантропомъ. Онъ даже говорить, какъ бы льстя женщинамъ, что только онѣ могутъ укрощать дикихъ звѣрей. Г-жа Креки дѣйствительно укротила на нѣкоторое время его философскія выходки. Многія дамы старались привязать Руссо къ себѣ, не разъ въ его жизни, но напрасно.

Такимъ-образомъ Руссо, стараясь быть мизантропомъ, продолжалъ въ своихъ сочиненіяхъ слѣдовать по первому пути, то-есть, нападая на просвѣщеніе. Она работала для Энциклопедіи, для академій, по вездѣ бранила художества и литературу, стараясь возвратитъ людей къ первобытной простотѣ и добродѣтели. Корсиканская Академія предложила для конкурса слѣдующій вопросъ: «Какая добродѣтель всего нужнѣе героямъ, и у какихъ именно героевъ ее не доставало».

Этотъ вопросъ, довольно похожій на загадку, внушилъ Руссо дурную Рѣчь, которая только тѣмъ любопытна, что онъ продолжаетъ въ ней нападать на литературу. Онъ говоритъ, что характеристическая черта героизма состоитъ въ *длительности*, и опираясь на это опредѣненія, нападаетъ на Сократа и Платона, потому-что Сократъ видѣлъ несчастія своего отечества, и только сожалѣлъ о нихъ, а Тразибулъ прекратилъ ихъ; Платона онъ порицаетъ потому-что тотъ только риторствовалъ при дворѣ Діонисія, а Тимолеонъ освободилъ Сиракузы.

Что же хочетъ этимъ сказать Руссо? Что дѣятельность полководцевъ полезнѣе покорства философовъ? Кто жъ въ этомъ сомнѣвался? Другая идея его въ этой Рѣчи вѣрнѣе. «Сила героя (говоритъ онъ) часто заставляетъ людей благословлять его дѣйствія, потому-что онъ причащаетъ ихъ покорствоватъ законамъ».

Сочиняя рѣчи для академическаго конкурса, Руссо брался писать и за другихъ лицъ, которыя хотѣли быть литераторами, не имѣя къ тому дарованій. Онъ написалъ надгробное слово въ честь герцога Орлеанскаго по заказу аббата Дарси. Этотъ Дарси хотѣлъ быть проповѣдникомъ, и однажды, желая произнести панегирикъ въ честь Людовика IX, обратился къ Вольтеру, а теперь, для надгробнаго слова герцогу Орлеанскому, прибѣгнувъ къ Руссо. Но и тотъ и другой доказали:

что, писавши для Дарси, они вовсе не такъ писали, какъ сами для себя. Рѣчь Дарси надъ громомъ герцога очень плоха.

Важнѣйшее сочиненіе Руссо въ продолженіе этой эпохи было: *Речь о политической экономіи*, написанная для Энциклопедіи. Въ ней менѣе парадоксовъ, нежели въ прежнихъ его произведеніяхъ, но любопытно видѣть его мнѣніе и систему. Онъ не принадлежитъ ни къ школѣ Гроціуса, ни Монтескье; онъ не заботится ни о исторіи, ни о нравахъ, и обычаяхъ гражданскихъ обществъ; онъ держится только системы древнихъ писателей, и старается, чтобъ политическая экономія была основана на нравственности.

Но оставимъ пустые софизмы Руссо о политической экономіи, и расскажемъ о другихъ произведеніяхъ его той-же эпохи, а именно: о первомъ представленіи оперы «*Деревенскій колдунъ*». (*Devin de village*) и «*Письмо о французской музыкѣ*».

Пребываніе Руссо въ Венеціи приохотило его къ итальянской музыкѣ. Онъ написалъ оперу: «*Les Muses galantes*», но она не имѣла успѣха. Онъ сдѣлалъ вторую попытку,— и *Devin de village* имѣлъ величайшій успѣхъ. Разсказъ самаго Руссо о первомъ представленіи этой оперы въ Фонтенбло, въ присутствіи короля, составляетъ очень любопытный эпизодъ. Очарованіе успѣха, удовлетворенная гордость, неловкость его при дворѣ, и усилія, чтобъ показаться строгимъ философомъ, все это представляетъ другую, забавнѣйшую комедію.

«Я былъ одѣтъ въ этотъ день точно также, какъ и въ другіе: съ большою бородою и въ дурно причесанномъ парикѣ. Это неприличіе почиталъ я мужествомъ,— и съ нѣкоторою гордостью явился въ залу, куда должны были вскорѣ прибыть король, королева и весь дворъ. Когда все было освѣщено и я увидѣлъ себя въ этой толпѣ разодѣтыхъ вельможъ, мнѣ стало какъ-то неловко. Я спросилъ самъ себя: мое-ли тутъ мѣсто? и едва смѣлъ дать себѣ отвѣтъ. Я старался ободриться,— и успѣлъ въ этомъ. Къ удивленію, всѣ были ко мнѣ ласковы. Я приготовился къ любопытству, насмѣшкамъ,— но всеобщее снисхожденіе заставило меня снова смутиться. Я однако-же вскорѣ успокоился. При первыхъ сценахъ оперы услышалъ я шопотъ необыкновеннаго удовольствія; и чѣмъ далѣе, тѣмъ выраженіе это дѣлалось сильнѣе и благопріятнѣе. Вокругъ меня всѣ говорили: «Какъ это мило! Какъ трогательно! Всякій звукъ идетъ къ сердцу!»— Удовольствіе, доставленное мною другимъ, тронуло меня самаго до слезъ». Замѣтимъ при этомъ, какъ измѣняется вкусъ публики. Когда эту оперу возобновили въ Парижѣ въ 1823 году— она упала,— и какой-то шутникъ, въ довершенію паденія, бросилъ на сцену старинный парикъ.

Въ это же самое время возникла знаменитая борьба и споры между приверженцами итальянской музыки и французской. Руссо принималъ живѣйшее участіе въ этихъ распряхъ. Вотъ, что онъ разсказываетъ объ этомъ:

«За нѣсколько времени до представленія «*Деревенскаго колдуна*» прибыла въ Парижъ итальянская оперная группа. Появленіе ея открыло уши французамъ. Тогчасъ-же составились двѣ партіи. Одна

всегда собиралось со стороны ложи королевы и называлась *уголом королевы*, а другая подъ королевскою ложею, и прозвана *уголом короля*. Гриммъ первый началъ войну, разбранивъ французскую оперу *Омфалу* (слова Ламота, музыка Детуша). Но это еще были не большія спибки. Руссо увлекъ обѣ партіи въ генеральное сраженіе своимъ *Письмомъ о французской музыкѣ*. Это не только диссертация о музыкальномъ искусствѣ, но и анализъ французскаго языка. Руссо сдѣлалъ вопросъ, музыкальный ли это языкъ? У него нѣтъ просодіи,—или, что еще хуже—есть, но дурная, неопредѣленная, невѣрная. А какъ всякая музыка соотвѣтствуетъ духу языка той націи, гдѣ сочиняется, то французская музыка и должна быть такая-же, какъ просодія языка. Исчисливъ очень остроумно и дѣльно все хорошія качества французскаго языка въ краснорѣчій и все недостатки для музыки, Руссо заключаетъ слѣдующими словами:

«Доказавъ, что во французской музыкѣ нѣтъ ни метра, ни мелодіи, что французскій языкъ не что иное, какъ безпрестанное лаянье (*abolement*), несносное для всякаго непривычнаго уха; что гармонія этой музыки груба, безъ выраженія и совершенно ученическая; что французскія аріи—вовсе не аріи, а речитативы,—я заключаю, что у французовъ нѣтъ музыки и не можетъ быть,—а если когда и будетъ,—то тѣмъ хуже для нихъ.»

Въ «Лексиконѣ Музыки» (*Dictionnaire de Musique*). Руссо продолжаетъ эту войну. Въ немъ бездна статей, составляющихъ чистые пасквили. Напримѣръ, въ словѣ *кричать* сказано: «значить до того усиливать голосъ, что звуки уже не музыкальны, а производятъ крикъ. Французская музыка требуетъ, чтобъ ее выкрикивали: въ этомъ весь ея характеръ». При словѣ *геній*, — авторъ впадаетъ въ декламацію, и говоритъ, что музыкальный геній долженъ заставлять вздыхать, тосковать, плакать, рыдать; когда же не въ состояніи достигнуть этого, — то пусть пишетъ французскую музыку. При словѣ *копіистъ* — Руссо, разумѣется, спѣшитъ говорить о себѣ. «Странное дѣло», восклицаетъ онъ, «я литераторъ, а всегда говорилъ о литературѣ очень дурно. Я композиторъ французской музыки, а люблю одну италянскую. Я описалъ все пороки общества, когда былъ счастливъ въ немъ. Теперь, какъ дурной музыкальный копіистъ, долженъ я показать: что значитъ быть хорошимъ».

И однакоже, когда Руссо называетъ себя дурнымъ копіистомъ, не вѣрьте ему. Онъ страхъ какъ самолюбивъ на этотъ счетъ. Вотъ послѣдній анекдотъ по атому поводу, рассказанный г-жею д'Эпиней.

«Вчера была маленькая ссора между Гриммомъ и Руссо. Оба шутили, но если я не ошибаюсь, Руссо сильно страдалъ. Руссо принесъ г-ну д'Эпиней списанную для него музыку, — и тотъ спросилъ его, въ состояніи ли онъ написать въ двѣ недѣли еще столько же экземпляровъ.

— Можетъ-быть въ состояніи, а можетъ-быть и нѣтъ, — отвѣчалъ Руссо. Это будетъ зависѣть отъ расположенія духа, времени и здоровья.

— Ну, такъ напишите мнѣ только шесть, — сказала д'Эпиней, потому-что мнѣ надобно имѣть нѣсколько экземпляровъ.

— Пожалуй, — отвѣчалъ Руссо, — только шести экземпляровъ будетъ слишкомъ мало въ сравненіи съ остальными, которые вы закажете переписать другому; и однакоже они будутъ не хорошо переписаны, потому-что лучше меня мудрено написать.

— Вотъ самолюбіе! — вскричалъ Гриммъ. — Еслибъ ты сказала, что въ твоихъ сочиненіяхъ нѣтъ ни одной ошибки противу языка, всѣ бы повѣрили этому, но въ перепискѣ ноть, бьюсь объ закладъ, что есть невѣрности.

Руссо покраснѣлъ и замолчалъ. Когда же Гриммъ дѣйствительно нашелъ ошибку, Руссо еще больше покраснѣлъ, и весь вечеръ былъ печаленъ.

Довольно самолюбиво, если даже не съ шарлатанствомъ говорить Руссо о дѣйствіи, которое произвело его: *Письмо о французской музыкѣ*.

«Это была критическая эпоха парламентскихъ ссоръ. Вдругъ появилась моя брошюра, — и всѣ прочіе споры были забыты. Всѣ бросились защищать французскую музыку. Произошло всеобщее возстаніе, — но только противу меня». Впрочемъ Гриммъ подтверждаетъ почти эти слова.

Обвинять ли Руссо въ его самолюбіи и заблужденіяхъ? Надобно, въ оправданію его, сказать, что большая часть и того и другаго принадлежитъ его современникамъ. За *Речь*, весьма слабую, его вдругъ повсюду прославили и превознесли. За незначущую оперетку — всѣ придворныя дамы осыпали его самыми восторженными похвалами. За *Письмо о французской музыкѣ* — едва не поставили его въ ряду первыхъ знаменитостей — и все это въ-продолженіе трехъ лѣтъ. Изъ ничего — провозгласили его великимъ человѣкомъ. Кого бы не ослѣпилъ этотъ быстрый переходъ отъ мрака къ неожиданному блеску. Руссо возгордился и имѣлъ полное право на это. Онъ былъ упоенъ своими неожиданными, чрезвычайными успѣхами, — и чашу упоенія поднесла ему вся тогдашняя Франція. Современники произвели во Франціи больше сумасшедшихъ, нежели природа и болѣзнь.

II. ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Актриса Марсъ. — Многіе умные люди порицають похвалы и уваженіе, которыми окружають театральныхъ знаменитостей въ блистательное время ихъ таланта. Другіе сожальютъ напротивъ, что публика скоро забываетъ заслуги и успѣхи великихъ артистовъ на сценѣ, привязываясь къ новымъ любимцамъ. Актриса Марсъ можетъ служить лучшимъ примѣромъ этого непостоянства публики. Какіе восторги и по-

хвалы встрѣчали знаменитую артистку во-время ея драматическаго поприща и какъ хладнокровно забыли объ ней, когда она оставила сцену!

Къ счастью, критика не всегда одного мнѣнія съ публикою, и если во-время представленія самолюбіе артиста часто бываетъ совершенно удовлетворено, то послѣ спектакля критика старается отравить это наслажденіе, и не скупится на замѣчанія, насмѣшки и сравненія. Часто и она превозноситъ талантъ; но въ самыхъ восторженныхъ похвалахъ не можетъ удержаться, чтобы не сдѣлать какого-нибудь замѣчанія, которое все-таки доказываетъ артисту, что онъ далекъ отъ совершенства, и что и въ немъ есть недостатки, несмотря на приговоръ толпы.

Стало-быть театральная слава самая непрочная и недолговѣчная. Послѣ нея не остается часто и воспоминанія!

Когда-же публика забываетъ совершенно своихъ прежнихъ любимцевъ и обращается къ новымъ свѣтиламъ, тогда, на оборотъ, театральная критика дѣлается восторженною и старается возвысить репутацію таланта, который сама прежде унижала. Она называетъ забытыя имена, чтобы ими уничтожить молодые таланты, и говоритъ имъ, что они никогда не возвысятся до дѣвицы Марсъ, точно также какъ говорили Марсъ, что она не можетъ сравниться съ актрисою Контъ. Будущія поколѣнія услышатъ, безъ сомнѣнія, вѣчныя похвалы неподражаемой Рашель.

Критика всегда была такова, да никогда и не перемѣнится. Она твердитъ молодымъ талантамъ старыя имена, въ началѣ поприща упрекаетъ ихъ неопытностью и незнаніемъ сценическихъ преданій, а когда эти недостатки исчезаютъ современемъ, критика очень учтиво замѣчаетъ, что безъ очарованій молодости нельзя увлекать и одушевлять публики. Въ 1810 году Марсъ было около тридцати лѣтъ и она была въ полномъ развитіи и блескѣ своего неподражаемаго таланта, но журналы уже начали подсмѣиваться надъ тѣмъ, что она въ свои почтенныя лѣта играетъ роли молодыхъ героинь, и совѣтовали ей перейти на амплу *кокетокъ*. Несмотря на это, великая актриса создала роль *Эммы* въ *Fille d'honneur* черезъ десять лѣтъ послѣ этихъ колкихъ замѣчаній; потомъ въ 1822 году сыграла съ необыкновеннымъ успѣхомъ *Валерію*, и наконецъ, въ 1839, вышла въ роли *Mademoiselle de Belle-Isle!*

Надобно замѣтить, что сама Марсъ чрезвычайно заботилась о журнальныхъ статьяхъ, гдѣ разбирали ея талантъ, и была ласкова и великодушна со всѣми мелкими фельетонистами. Правда, она не уважала ихъ, и ласкала только, когда они были ей нужны, не обращая потомъ на нихъ никакого вниманія. По этому случаю, рассказываютъ одинъ любопытный анекдотъ.

Во-время реставраціи былъ одинъ театральнй фельетонистъ, который обѣдалъ каждый понедѣльникъ у знаменитой актрисы, потому что и тогда театральные обзоры выходили въ этотъ день. Въ-продолженіе десяти лѣтъ писатель не пропускалъ ни одного понедѣльника

и считался домашнимъ человѣкомъ у артистки, которую еженедѣльно осыпалъ печатно самыми восторженными похвалами. Однажды, въ субботу, фельетонистъ поссорился съ издателемъ журнала и, разумѣется, тотчасъ-же получилъ отставку. Марсъ узнала объ этомъ случайно на другой день, и тотчасъ-же послала своему десятилѣтнему почитателю слѣдующую записку:

«Дѣвица Марсъ предупреждаетъ Г. Д., что въ понедѣльникъ она отозвана и не можетъ принять его».

Ясно, что бѣдный Д. былъ для артистки не человѣкомъ и не другомъ, а просто фельетономъ, распространяющимъ ея славу. Какъ часто и другія лица не артистическаго круга приглашаютъ на свои обѣды людей, не потому что они ихъ уважаютъ или любятъ, а потому только что они имъ нужны.

Если при жизни Марсъ фельетонъ иногда позволялъ себѣ слишкомъ строгія сужденія и невѣжливыя замѣчанія, зато послѣ ея смерти всѣ журналы запѣли торжественный гимнъ въ честь великаго таланта превосходной артистки. Недавно еще фельетонисты съ ожесточеніемъ унижали талантъ великаго Дюпре, стараясь доказать сначала, что у него только одинъ голосъ, но ни малѣйшаго драматическаго таланта; а потомъ эти-же самые писатели презноносили игру артиста и сожалѣли, что у него нѣтъ голоса. Впрочемъ, современное поколѣніе не такъ строго. Оно скорѣе приходитъ въ восторгъ и не замѣчаетъ микроскопическихъ недостатковъ въ великихъ артистахъ. Притомъ-же и публика уже не такъ доврчива и не такъ слѣпо вѣритъ сужденіямъ театральнымъ аристарховъ.

Недавно одинъ умный и почтенный человѣкъ говорилъ:

«Я не читаю больше театральныхъ фельетоновъ, потому-что они только мѣшаютъ мнѣ наслаждаться и портятъ всѣ мои впечатлѣнія. Во-время представленія новой пьесы мнѣ случается иногда плакать, иногда смѣяться, но фельетонъ всегда доказываетъ, что трогательная пьеса — глупа, а смѣшная не можетъ заставить улыбнуться, и я, слѣдственно, остаюсь въ дуракахъ. Къ счастью, многіе раздѣляютъ мое мнѣніе и не всегда вѣрятъ журналу».

Эти замѣчанія о современной критикѣ болѣе однакоже какъ необходимое предисловіе къ жизни актрисы, которую уже нѣсколько разъ описывали и восхваляли, и которая во-время своего продолжительнаго поприща и послѣ него доставила такъ много пищи для критикъ и фельетоновъ.

По обыкновенію надобно было-бы начать съ года и числа рожденія дѣвицы Марсъ, но въ этомъ-то и несогласны всѣ ея біографы, потому-что свидѣтельство о ея крещеніи потеряно. Полагаютъ, что великая артистка родилась въ декабрѣ 1778 года, въ одинъ день съ герцогиней Ангулемской, и оправдываютъ это тѣмъ, что отецъ дѣвицы Марсъ, Монвель сказалъ, слыша въ этотъ день колокольный звонъ и пушечные выстрѣлы:

«Вотъ какъ радуются всѣ, что у меня родилась дочь!»

Другіе угадываютъ, что она родилась 9-го февраля 1779 года.

Маленькая Ипполита росла и училась подъ присмотромъ своего отца, Монвеля, замѣчательнаго актера и драматическаго писателя, и матери, актрисы Марсъ, которая изъ провинціи перешла на Театръ Республики. Не сохранилось ни одного анекдота изъ дѣтства Ипполиты. Вѣроятно только, что малютка рано полюбила сценическое искусство, хотя и не отличалась особенными способностями. Въ четырнадцать лѣтъ она дебютировала на театрѣ Монтансіе (Разнообразія), въ роли Колена, маленькаго брата Жокриса, въ пьесѣ *Отчаянныя Жокриса*, соч. Дорвиньи. Роль ея состояла изъ нѣсколькихъ фразъ, но всѣ замѣтили, съ какою наивною и простотою она представила маленькаго крестьянина, и предсказали ей блестящую будущность.

Черезъ годъ она играла въ Федо наивныя роли, (*les ingenuités*) и называлась уже не малюткой Марсъ, а дѣвицей Марсъ. Потомъ она поступила на Театръ Республики, сдѣлавшійся въ-послѣдствіи *Французскимъ Театромъ*.

Первые дебюты Марсъ были блистательные. Актриса Конта охотно уступила ей свои роли и перешла на амбюа *кокетокъ*, которое въ-послѣдствіи передала той же самой Марсъ, сдѣлавшейся достойною ея наслѣдницей.

До 1800 года она создала много ролей, но театральные архивы погибли во-время революціи, какъ многіе другіе важнѣйшіе документы.

Съ 1800 по 1838 извѣстно, что она создала и сыграла *сто восемь* ролей, какъ показано въ реестрахъ Французскаго-Театра. Любопытно пробѣжать этотъ реестръ. Большею частью встрѣчаются въ немъ неизвѣстныя и забытыя имена, но которыя производили большое впечатлѣніе на тогдашнюю публику. Во всякомъ случаѣ это множество ролей доказываетъ гибкость таланта великой актрисы, которая могла изображать всѣ роды сочиненій, и составила извѣстность нѣкоторыхъ жалкихъ поэтовъ, которые безъ нея остались бы въ вѣчномъ мракѣ. Правда, что во-время сорокалѣтняго поприща Марсъ написано было для нея много слабыхъ и дурныхъ пьесъ, державшихся на сценѣ только ея чуднымъ талантомъ, а послѣ нея упавшихъ безвозвратно; вотъ почему нѣкоторые старики такъ безжалостно нападаютъ на современную драматическую литературу, и со вздохомъ говорятъ: Въ старину умѣли писать хорошія комедіи, и дѣвица Марсъ отлично играла роль Анжелики въ *Семейномъ собраніи*, или Доримены въ *Неръшительномъ!*

А между-тѣмъ объ эти комедіи очень плохи, и тоже самое можно сказать о большей части драмъ и водевилей, составляющихъ репертуаръ Марсъ. Хорошія пьесы пережили ее, и роли изъ нихъ составили и увѣковѣчили ея славу. Лучшія ея роли были: миссъ Макдональдъ въ *Эдуардъ въ Шотландіи*, Бетти въ *Молодости Генриха IV*, г-жи Бельмонъ въ *Слѣдствіи Маскерада*, Эмили въ *Плащъ*, Розы Вольмаръ въ *Сердитой молодой жещинѣ* и г-жи Данвиль въ *Школѣ Стариковъ*.

Однако надобно замѣтить, что хотя она создала эти роли и играла ихъ превосходно, но современникамъ болѣе всего нравились въ роляхъ

стариннаго репертуара, которыя, по ихъ мнѣнію, никто уже не можетъ играть послѣ незабвенной Марсъ.

Мольеръ, Реньяръ, Мариво, Бомарше — вотъ безсмертные писатели, которыхъ она передавала съ такой прелестью, что грустно послѣ нея видѣть въ этихъ роляхъ неопытныхъ ученицъ.

Недавно давали на Французскомъ-Театрѣ комедію: *Игра любви и случая*, эту превосходную бездѣлку, гдѣ каждая фраза дышетъ остроуміемъ. Всѣ хохотали надъ глупостью Паскина, чванствомъ Лизеты и наивностью Сильвіи. Однако нѣкоторые почтенныя лица оставались серьезны, и задумчиво слѣдили за игрою Сильвіи, вспоминая, вѣроятно, прежнюю несравненную Сильвію, которая называлась дѣвицею Марсъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, кто можетъ не только сравниться, но даже приблизиться къ тону и манерамъ г-жи Марсъ, когда она играла знатную даму? Всякій былъ увѣренъ, что она создана для этихъ ролей, но потомъ мнѣніе перемѣнилось, когда она играла ловкую и лукавую Сусанну въ *Свадьбѣ Фигаро*. Знаменитый критикъ Жюль Жаненъ былъ тоже очень грустенъ въ это представленіе, и когда его спросили, отчего онъ не смѣется въ комедіи Мариво, онъ отвѣчалъ:

«Мнѣ грустно отъ того, что я долженъ надолго отказаться отъ пьесъ стараго репертуара. Марсъ оставила по себѣ такое живое воспоминаніе, что никто уже не можетъ нравиться послѣ нея. Чтобы играть пьесы, въ которыхъ она прославилась, надобно подождать, чтобы современники ея въ публикѣ совершенно забыли ее, или смѣнились новыми поколѣніемъ, или чтобы на сценѣ не показывались тѣ, которые играли вмѣстѣ съ нею, какъ на примѣръ Самсонъ, Мирекуръ и другіе. Теперь же мнѣ больно смотрѣть на новую Сильвію, и я лучше уйду, не дожидаясь конца комедіи».

Однако, несмотря на отзывъ Жюль-Жанена и на задумчивость старинныхъ ричковъ, комедія Мариво была разыграна въ этотъ вечеръ превосходно, и молодые люди, невидавшіе старушку Марсъ были въ восторгѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ Самсонъ былъ очень веселъ, г-жа Броганъ жива, Брендо нѣженъ, г-жа Анаисъ остроумна; чего же больше. Никто не могъ найти въ нихъ малѣйшаго недостатка. Но въ душѣ стариковъ раздавался еще чудный, мелодическій голосъ дѣвицы Марсъ, который умѣлъ трогать и удивлять, и вотъ почему они равнодушно слѣдили за разсчитанной игрою молодой и талантливой Сильвіи.

Въ-самомъ-дѣлѣ это одна изъ тѣхъ ролей, которыя послѣ Марсъ недоступны для современныхъ актрисъ. Развѣ явится для комедіи такой же превосходный талантъ, какъ у Рапели для трагедіи. Словомъ, если можно допустить совершенство въ драматическомъ искусствѣ, то одна Марсъ была совершенна.

Впрочемъ и это не удивительно. Роли Селимены въ *Мизантропѣ*, Араминты въ *Ложной довѣренности*, Сильвіи въ *Игрѣ любви и случая*, Генриетты въ *Ученыхъ женщинахъ*, Графини въ *Завѣщаніи*, Сусанны въ *Свадьбѣ Фигаро*, Викторины въ *Невольномъ Философѣ*, г-жи Клервилъ въ *Неожиданномъ пари*, Эмилии въ *Плащѣ*, г-жи Бельмонъ въ *Слѣдствіи маскарада*, — всѣ эти роли Марсъ играла въ-продолженіе

двадцати лѣтъ, стало-быть могла постигнуть всѣ ихъ тонкости, могла изучить всѣ эффекты, всѣ остроты, понять мысль автора, разгадать всѣ оттънки изображаемаго характера, и придать ему еще болѣе рельефности и полноты.

Случается, что авторы не успѣвають или не сумѣють изобразить всѣ тонкія, почти непримѣтныя черты женскаго характера, и опытная актриса, создающая роль, обязана сама отыскать и отмѣтить нѣжныя оттънки, остающіеся потомъ принадлежностью этой роли.

Марсъ не только создавала, но даже оживляла роли въ старыхъ комедіяхъ, точно также, какъ Рашель оживила передъ нами лица трагедіи, которыя иначе нельзя себѣ представить, какъ только въ такомъ видѣ, какъ она ихъ изображаетъ.

Въ Селименѣ, напримѣръ, Марсъ изобразила такъ вѣрно и живо свѣтскую кокетку, которая принимаетъ у себя лучшее общество великаго вѣка, отличающееся изысканными манерами и умными разговорами. Это былъ настоящій кумиръ общества, по уму, любезности, ловкости, граціи. Ея вѣеръ былъ скипетръ, передъ которымъ склонялись ея поклонники, и по ея желанію они выражали ей свое уваженіе, любовь, или удивленіе. Въ послѣднемъ дѣйствіи она выслушиваетъ упреки тѣхъ, которыхъ одурачила, но дѣлаетъ это съ гордостью, съ достоинствомъ. Она съ пренебреженіемъ глядитъ на этихъ мелкихъ людей, которыхъ можетъ опять привлечь къ своимъ ногамъ однимъ словомъ, однимъ взглядомъ.

Играя Эльмиру въ *Тартюфъ*, она понимала, что жена Оргона не можетъ быть женщиною высшаго круга, и потому выказывала больше простоты, хотя ей было это и трудно, потому-что она сроднилась съ ролями свѣтскихъ кокетокъ, и сохранила ихъ манеры, любезность и тонъ даже въ домашней жизни.

Это всегдашнее достоинство внушало всѣмъ окружающимъ ее столько уваженія и даже страха, что служители ея не смѣли къ ней подойти и обезпокоить ее, хотя она всегда была съ ними добра, снисходительна и ласкова.

По этому случаю рассказываютъ слѣдующій анекдотъ:

У г-жи Марсъ служилъ поваръ, къ которому она была весьма благосклонна за его усердіе и долговременную службу. Онъ до того уважалъ свою госпожу, что никогда не могъ рѣшиться сказать ей ни слова, а если она сама заговаривала съ нимъ, то онъ краснѣлъ, смущался и бормоталъ непонятныя слова. Если же случалось, что онъ видѣлъ ее въ роли Селимены или Араминты, то робость его возрастала, и онъ долго не смѣлъ поднять на нее глазъ. Однажды плита въ кухнѣ испортилась и надобно было ее починить. Стоило только сказать нѣсколько словъ г-жѣ Марсъ, но поваръ недавно видѣлъ ее въ одной изъ лучшихъ ролей, и потому обратился къ мадамъ Жюльенъ, другу артистки, и которая изъ привязанности къ ней занималась ея хозяйствомъ.

Мадамъ Жюльенъ, желая подшутить надъ ребячествомъ стараго по-

вара, объявила, что не знаетъ какъ быть съ плитою и что надобно согласіе г-жи Марсъ, чтобъ позвать печника.

Старикъ не смѣлъ просить пріятельницу своей госпожи взяться за эти хлопоты, и самъ также не рѣшился заговорить съ театральной парницей, которой онъ едва осмѣливался хлопотать въ театрѣ.

Нѣсколько разъ доходилъ онъ до комнаты г-жи Марсъ и приготовлялъ свою рѣчь, но робость останавливала его, и онъ сказалъ во второй разъ госпожѣ Жюльенъ, что плиту надобно починить.

— Я тебѣ сказала, мой другъ, что не могу этимъ распоряжаться, отвѣчала домоправительница, смѣясь. Стыдись! Въ твои ли дѣла быть застѣнчивымъ, какъ дѣвушка.

— Чтѣ жъ мнѣ дѣлать, сударыня, если я при моей госпожѣ не могу выговорить ни одного слова.

— Не можешь говорить, такъ напиши просьбу.

— Ахъ какая мысль! Благодарю васъ. Какъ это я прежде не догадался. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ комедіяхъ всегда пишутъ письма, когда не смѣютъ говорить; подать письмо совсѣмъ не страшно. Только... что-жѣ я напишу! Моя госпожа привыкла къ такимъ прекраснымъ разговорамъ и письмамъ... а я не сочинялъ никогда ничего.

— Напиши просто, что надобно поправить плиту, и все тутъ:

— Какъ же! ворчалъ старый поваръ, оставшись одинъ съ своими кострюлями: развѣ можно говорить съ нею просто! Нѣтъ, тутъ надобно подумать, да и подумать, какъ приличіе написать ей, что надобно позвать печника.

Цѣлую недѣлю сочинялъ старикъ свое письмо, передѣлывалъ его двадцать разъ и бредилъ о немъ во снѣ. Его не развлекали ни соусы, ни пирожки: всѣ въ домѣ думали, что поваръ пишетъ эпическую поэмю.

Наконецъ онъ явился съ радостнымъ лицомъ въ госпожѣ Жюльенъ, которая давно уже забыла о его плитѣ, и подалъ ей письмо.

— Чтѣ это? спросила она.

— Мое письмо къ барынѣ. Извольте прочитать.

— Не надо, любезный, отвѣчала домоправительница, думая, что посланіе очень длинное: я увѣрена, что ты сочинилъ хорошо.

— Вы будете довольны мною. Притомъ-же письмо не длинно и просто, какъ вы мнѣ совѣтовали.

— Прочти же мнѣ самъ.

Тогда старикъ развернулъ большую бумагу и прочелъ, декламируя, какъ стихи:

«Сударыня, необходимо починить плиту въ кухнѣ, потому-что кострюли качаются на ней, какъ птички на вѣткѣ. Остаюсь съ всенижайшимъ почтеніемъ вашъ покорный поваръ...»

— Какъ вы находите мой слогъ, сударыня, хорошо ли я выразился?

— Очень... хорошо... проговорила госпожа Жюльенъ, удерживаясь съ трудомъ отъ хохота.

— Я хотѣлъ подобрать рѣшмы, но никакъ не могъ сдѣлать этого въ такое короткое время.

— Зачѣмъ, мой другъ, и такъ хорошо, сказала подруга актрисы и убѣждала, чтобъ посмѣяться на свободѣ и рассказать все Ипполитѣ.

Этотъ анекдотъ долго забавлялъ общество великой актрисы.

Впрочемъ не смѣли очень громко смѣяться надъ поваромъ, потому что, если онъ не умѣлъ сочинять, то хорошо стряпалъ, а это правилось всѣмъ посѣтителемъ отеля Ларошфуко, гдѣ жила г-жа Марсъ.

Вся исторія жизни артистки заключается въ списокѣ ея ролей, который находится въ реестрахъ французской комедіи. Послѣ амбуа de jeunes prēmies она перешла на роли кокетокъ и благородныхъ героинь, какъ и всѣ актрисы.

Г-жа Марсъ имѣла свое собственное политическое мнѣніе, и о ея приверженности къ Имперіи рассказываютъ много анекдотовъ, извѣстныхъ уже давно. Во-время реставраціи она перенесла много неприятностей.

Вообще послѣдніе годы ея театальной жизни прошли въ безпрестанныхъ неудовольствіяхъ.

Послѣ преслѣдованій за фіалки, зависть и ненависть отыскивали другое средство огорчать великую актрису. Маленькіе и большіе журналы напали на нее съ ожесточеніемъ, и не находя недостатковъ въ ея игрѣ и дикціи, упрекали ее за то, что она не молода и не хочетъ уступать молодымъ актрисамъ своихъ ролей, хотя сама смѣшна въ нихъ. Послѣ журнальныхъ статей посыпались на нее безыменные письма, которыя она сама не читала, но которыя собирала госпожа Жюльенъ. Эти мелкіе и низкіе нападки еще болѣе разстраиваютъ и убиваютъ, чѣмъ открытая, благородная вражда. Несмотря на всѣ предосторожности ея друзей, она находила подобныя письма и пасквили въ своей каретѣ и даже въ уборной театра.

Притомъ же обвиненія противъ г-жи Марсъ были совершенно несправедливы. Въ 1834 году она сама приготовляла дѣвицу Плесси и играла съ ней въ *Passion secrète*; въ 1835 она согласилась играть съ г-жею Дорваль, въ Анжелю, роль, которая совершенно не шла къ ея средствамъ; наконецъ въ 1839, она сама начала драматическое воспитаніе превосходной артистки, дѣвицы Дозъ, которая сдѣлалась бы достойною преемницею славы и таланта той, которая называла ее дочерью, еслибы не промѣнила сцену на счастливую семейную жизнь.

Въ 1841 году г-жа Марсъ, почти вынужденная оставить театръ, подала въ отставку. Она явилась послѣдній разъ 30 марта, и играла Эльмиру въ *Тартюфъ* и Сильвію въ *Игрѣ любви и случая*. Въ это представленіе случилось происшествіе, о которомъ всѣ сожалѣли. Въ то время, какъ занавѣсъ падалъ, къ ногамъ Сильвіи бросилъ кто то вѣнокъ черныхъ иммортелей. Разумѣется старались объяснить, что печальные цвѣты брошены съ цѣлью доказать, что театръ въ траурѣ, но вѣнокъ этотъ произвелъ страшное впечатлѣніе на великую артистку, и съ этой минуты здоровье ея разстроилось и она видимо ослабѣвала.

Вскорѣ послѣ этого, 15-го апрѣля, г-жѣ Марсъ дали прощальный бенефисъ, въ которомъ она играла въ послѣдній разъ Селимену и Араминту и который составляетъ эпоху въ дѣтописяхъ театра. Ее встрѣ-

тиль громъ рукоплесканій. При окончаніи же спектакля, когда ее вызвали, всѣ зрители встали съ своихъ мѣстъ, мужчины хлопали и кричали, дамы бросали букеты и плакали. Даже сама артистка растрогалась и со слезами прощалась со своими товарищами и почитателями. Этотъ вечеръ вознаградила ее за печальный вѣнокъ.

Съ этой минуты жизнь ея была однимъ страданіемъ. Ей мало было круга друзей. Она привыкла къ дѣятельности, къ шуму театра. Она родилась на сценѣ и желала бы умереть на ней.

Однако объ ней все еще помнили и послѣ ея отставки, потому-что во-время похоронъ незабвенной артистки ее провожали на кладбище отца Лашеза всѣ знаменитости Парижа. Надъ могилой ея говорили рѣчи, бросали вѣнки, и плакали неподдѣльными слезами. Тутъ была пѣвица Даморо-Чинти, современница славы Марсъ, г-жа Роже де-Бовуаръ, ея любимая ученица, бывшая дѣвица Дозъ, и много другихъ знаменитостей.

Надобно бы сказать нѣсколько словъ о частной жизни великой актрисы и о ея характерѣ, но у нея почти не было другой жизни, кромѣ театальной. Долго жила она въ своемъ домѣ въ улицѣ Ларош-фуко, но ее обокрали тамъ два раза; она рѣшилась продать его и перѣехала въ улицу Лавуазье, гдѣ и умерла.

У нея украли, кромѣ брилльянтовъ, великолѣпный золотой вѣнокъ, составленный изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, на которыхъ написаны были названія сыгранныхъ ею ролей.

Въ 1827 году у нея былъ маскерадъ, о которомъ долго говорили въ Парижѣ. Это былъ великолѣпный праздникъ, на который собрались всѣ парижскія знаменитости. Съ нимъ можетъ только сравниться багъ, данный въ 1832 году Александромъ Дюма.

Говорили тоже, что г-жа Марсъ такъ прилежно изучала свои роли, что запиралась въ кабинетъ и не пускала къ себѣ никого въ это время. Смѣемъ увѣрить, что она иногда учила роли при всѣхъ, слушая, разговаривая и работая. Какъ умная и опытная актриса, она часто прибавляла нѣсколько выраженій къ своей роли, или передѣлывала нѣкоторыя фразы. Въ *Анжело*, когда Катарина падаетъ къ ногамъ Тизбы и проситъ пощады, она вскричала съ презрѣніемъ:

— Не смѣйте дотрогиваться до меня!

И эти слова были включены въ роль. Въ *Mademoiselle de Belle Isle* она должна была говорить: какъ я счастлива! и долго не могла найти выраженія для этихъ словъ. Часто дома и на репетиціи она вдругъ вскрикивала: какъ я счастлива! и потомъ сердилась, что все это выходило не такъ.

Въ разговорѣ г-жа Марсъ была очень остроумна и напоминала маркизу Креки. Ее обвиняли въ ироніи и злости, потому-что она часто однимъ словомъ выражала свое мнѣніе или сужденіе, и всегда вѣрно, но нисколько не зло. Разумѣется, что остроумное замѣчаніе ея, переходя отъ одного къ другому, часто украшалось и измѣнялось, такъ что наконецъ становились въ-самомъ-дѣлѣ злыми. Умные люди поймутъ однако, что еслибы Марсъ была злая женщина, то надъ гро-

бомъ ея не плакали бы такъ горько, не только друзья, но всѣ которые ее знали и слѣдовательно успѣли полюбить.

Африканскій Росцѣй въ Лейпцигѣ. — Альдриджъ, чернокожій актеръ (о которомъ мы уже сообщали нашимъ читателямъ), приводитъ теперь въ удивленіе Лейпцигъ. Въ одной англійской біографіи, которую онъ самъ о себѣ составилъ, сообщены слѣдующія свѣдѣнія: Предки его были владѣтелями одного племени Фуласовъ на рѣкѣ Сенегалѣ. Миссіонеры, прибывшіе туда, старались просвѣтить отца его. Они уже убѣдили царствовавшего тогда дѣда его, чтобъ плѣнниковъ, забираемыхъ на войнѣ, не продавать, а вымѣнивать, но прочіе предводители племени не согласились на это, — и произошла междоусобная война. Посреди этихъ волненій дѣдъ былъ убитъ, а отецъ нынѣшняго актера, при содѣйствіи миссіонеровъ, уѣхалъ въ Америку и поступилъ тамъ въ учебное заведеніе.

Въ-послѣдствіи Альдриджъ (отецъ) сдѣлался теологомъ. Но когда узналъ, что предводитель, низвергшій дѣда его, убитъ, то захотѣлъ возвратить отнятое у него достояніе, дабы ввести между африканскими племенами просвѣщеніе и христіанство. Съ молодою женою, на которой онъ женился въ Америкѣ, воротился онъ на берега Сенегала, — но успѣхъ не соответствовалъ его ожиданіямъ. Началась новая война — и партія просвѣщенія была побѣждена. Альдриджъ съ трудомъ спасся. Въ это время родился и Альдриджъ нынѣшній актеръ — и девять лѣтъ скитался съ родителями въ Африкѣ, посреди величайшихъ опасностей и нуждъ. Наконецъ имъ удалось бѣжать въ Америку.

Здѣсь Альдриджъ (отецъ) приобрѣлъ всеобщее уваженіе въ прежнемъ своемъ духовномъ званіи, — и 27 сентября 1840 года умеръ. У сына его былъ единственный братъ, который недавно былъ убитъ въ одномъ игорномъ домѣ въ Новомъ-Орлеанѣ, — и какъ убитый былъ негръ, то, по тамошнему обыкновенію, произведено даже никакого судебного слѣдствія объ убійствѣ... Объ артистическомъ поприщѣ Альдриджа общають сообщить въ-послѣдствіи.

Римская пѣвица. Въ Римѣ славится теперь одна пѣвица, какъ превосходнымъ голосомъ, такъ красотою и знатнымъ происхожденіемъ. Это княжна Маріетта Пикколомини. Родители ея и родственники истожили всѣ усилія, чтобъ удержать ее отъ поступленія на сцену, — но напрасно. Родители покорились наконецъ своей участи, но родня, и въ томъ числѣ дядя, кардиналъ Пикколомини, все еще не успокоились. Послѣдній обѣщальъ увеличить ея приданое десятью тысячами скуди, если она оставитъ сцену, но молодая пѣвица объявила, что готова лучше умереть, нежели отказаться отъ артистическаго поприща.

Отношеніе между театрами и народонаселеніемъ въ Парижѣ и Лондонѣ. — Въ то время, какъ въ Лондонѣ на два милліона жителей двадцать три театра, въ Парижѣ на милліонъ жителей двадцать шесть театровъ, въ которыхъ ежедневно бываютъ по тридцати-четыре тысячи посѣтителей. Сверхъ-того въ Парижѣ сто-пятьдесятъ-шесть увеселительныхъ заведеній, въ которыхъ бываетъ пѣніе, драматическія представленія или танцы, и въ которыхъ ежедневно собирается до двадцати-четыре тысячъ человекъ. Въ Парижѣ живутъ отъ восьми до девятисотъ писателей и композиторовъ, изъ которыхъ каждый поставилъ уже на сцену одну, или нѣсколько пьесъ.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Новыя воздушныя машины. — Уже нѣсколько лѣтъ ученые стараются вмѣсто паровъ употреблять одинъ нагрѣтый воздухъ. Эта важная задача для мореходства рѣшена теперь, какъ кажется, въ двухъ мѣстахъ, а именно, въ Америкѣ и въ Германіи.

Американскій изобрѣтатель Эриксонъ строитъ теперь судно, называемое *Килорическимъ кораблемъ*, — и можетъ-быть, оно уже готово въ настоящее время. Воздухъ, нагрѣтый небольшою печкою, долженъ въ большихъ цилиндрахъ (какъ и паръ) имѣть два противоположныя теченія. Достигая до проволочной сѣти, называемой *регенераторомъ* (какъ въ Девіевой лампѣ), воздухъ вдругъ остываетъ, сгущается и приводитъ въ движеніе рычагъ, находящійся надъ регенераторомъ.

Выгоды этого новаго способа состоятъ въ сбереженіи мѣста, топлива и расходовъ, дѣлая сверхъ-того всякій взрывъ невозможнымъ.

Германское изобрѣтеніе принадлежитъ амтману Прену, который посвятилъ на это цѣлую жизнь, пожертвовавъ всею своимъ имуществомъ. Сперва онъ хотѣлъ получить въ Англіи привиллегію на свое изобрѣтеніе, но это требовало продолжительныхъ проволочекъ и 350 фунтовъ стерлинговъ платы за патентъ. Онъ сообщилъ свое изобрѣтеніе Макферсону и Стефенсону, которые вполне одобрили его и выдали ему свидѣтельство въ томъ, что изобрѣтеніе достигаетъ своей цѣли. Послѣ этого обратился онъ къ берлинскому министерству, — но тогда былъ несчастный 1848 годъ, и представленіе его оставлено безъ отвѣта. Зато Гумбольдтъ, Ренгольдъ и Шумахеръ нашли открытіе совершенно удовлетворительнымъ. Больше ничего онъ не могъ добиться. Горе убило его. Онъ умеръ, оставя вдову и семерыхъ дѣтей въ крайней бѣдности.

Кильскій профессоръ Карстенъ, разсматривавшій изобрѣтеніе Прена, нашелъ, что оно не только теоретически совершенно вѣрно, но и въ практическомъ примѣненіи вполне удовлетворительно. Онъ обратился къ датскому правительству, и просилъ о покупкѣ изобрѣтенія.

Въ такомъ положеніи находится это дѣло. Послѣдствія еще неизвѣстны.

допотопный ландшафтъ. — Недалеко отъ Баденскаго озера, близъ деревни Эннингенъ, на Рейнѣ, открыты на южной сторонѣ Шинбергской горы слои мергельнаго шифера, которые еще въ началѣ прошедшаго столѣтія возбудили вниманіе естествоиспытателей изобиліемъ разныхъ органическихъ остатковъ допотопнаго міра. Нынѣ произведены тамъ новыя разработки, и найдены пятьдесятъ-пять породъ растительнаго царства. Сверхъ-того одинъ мастодонтъ, одна лисица, пара зайцевъ, слѣды птицъ, тринадцать породъ рыбъ (нынѣ несуществующихъ), двѣ черепахи, двѣ змѣи, колоссальная лягушка, три породы жабъ и большая саламандра. Болѣе же всего найдено насѣкомыхъ, мухъ, клоповъ, саранчи, жуковъ (102 породы).

Нѣсколько тысячъ лѣтъ прошло со дня существованія всѣхъ этихъ животныхъ. Но можно себѣ вообразить, что тогда окрестности этого озера представляли совершенно другой ландшафтъ, населенный чудовищными животными, которыхъ породы давно уже исчезли съ лица земли.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ.

Альбомъ гаитскаго двора. — Въ Нью-Йоркѣ вышелъ недавно литографическій, красивый альбомъ, въ которомъ находятся всѣ портреты Сулука, его семейства и всего двора. Портреты писаны итальянскимъ живописцемъ Корради, по приказанію Сулука, — и одинъ взглядъ на нихъ можетъ удостовѣрить зрителя въ чрезвычайномъ ихъ сходствѣ.

Первая картина альбома представляетъ императорскій гербъ Гаити, около котораго французская надпись; (всѣ девизы и подписи альбома французскіе). Гербъ состоитъ изъ коронованнаго орла на двухъ пушкахъ, лежащихъ крестъ-на-крестъ. Щитъ герба поддерживаютъ два льва. Надъ щитомъ корона, съ крестомъ надъ нею и съ надписью: *Dieu, ma patrie et mon érée.*

Вторая картина изображаетъ празднество коронаціи на Марсовомъ полѣ въ Портъ-о-Пренсѣ, 11 апрѣля, гдѣ Сулукъ и супруга его (бывшая прежде рыбною торговкою) коронуются. Передъ ними стоятъ на колѣняхъ весь дворъ и наслѣдникъ ихъ Бобо. Главный викарій и двадцать духовныхъ лицъ помазываютъ Сулука на царство и возлагаютъ на него корону. Англійскій и французскій консулы участвуютъ при этой церемоніи со всѣми высшими сановниками.

Третья картина представляетъ церемоніальное шествіе коронаціи. Карета Сулука въ восемь лошадей ѣдетъ мимо рядовъ пѣхоты, которая—на картинѣ— вся одинаково одѣта и вооружена. (По частнымъ же письмамъ войско это представляло чрезвычайно пеструю толпу: кто въ мундирѣ, кто въ сюртукѣ, кто въ одной рубашкѣ, кто съ палкою вмѣсто ружья, кто въ башмакахъ, а кто и босикомъ, въ томъ числѣ и офицеры).

Четвертая картина представляетъ самого Фаустина I на тронѣ, съ короною и скиптромъ. Нарядъ его блеститъ драгоцѣнными камнями. Черное лицо имѣетъ самое непріятное выраженіе, глаза впали. Живописецъ не польстилъ ему нисколько.

На пятой картинѣ императрица Аделина, тоже въ коронѣ и великолѣпной одеждѣ; руки, шея и грудь обнажены и покрыты драгоцѣнностями, Фигура ея вполне соотвѣтствуетъ прежнему ея званію.

На шестомъ листѣ принцесса Олива, дочь Сулука. Она приличнѣе одѣта, нежели мать ея, и довольно недурна для негритянки.

На седьмомъ листѣ два портрета: принцъ Іоаннъ-Іосифъ, герцогъ Пор-де-пе, бригадный генералъ, кавалеръ ордена почетнаго легіона 1-й степени и военнаго ордена св. Фаустина (братъ императора); другой портретъ: принцъ Невиль-Іосифъ, генералъ-маіоръ, кавалеръ тѣхъ же орденовъ (сынъ принца Іосифа). Оба во всѣхъ орденахъ.

№ 8. — Его превосходительство, герцогъ Марень, оберъ-камергеръ и генералъ адъютантъ, кавалеръ тѣхъ же орденовъ, генералъ-лейтенантъ. Фигура совершенно дикаго негра.

№ 9. — Дюфрень, герцогъ Тобкоронъ, военный министръ, морской и иностранныхъ дѣлъ, оберъ-гофмаршалъ. (Дюфрень — бѣлый. Онъ французъ).

№ 10. — Генералъ-маіоръ Луи-Этьенъ-Фелисите де-Саломо меньшей, герцогъ Сенъ-Луи де-Зюль, — министръ финансовъ и торговли. Довольно доброе и умное лицо.

№ 11. — Делава, графъ де-Сенъ-Марсъ, великій канцлеръ, генералъ-маіоръ и генералъ-адъютантъ.

№ 12. — Лучшее лицо всей коллекціи. Это чистый негръ съ толстыми губами, плоскимъ носомъ, большими глазами и шерстью на головѣ вмѣсто волосъ. Виль де-Любенъ, графъ Истіонвиль, бригадный генералъ и генералъ-адъютантъ, губернаторъ столицы Портъ-о-Пренса.

Поклоненіе змѣямъ въ Сіамѣ. — Близъ Чанти-Буна, въ Сіамѣ, чрезвычайное множество дикихъ слоновъ, тигровъ и пресмыкающихся. Въ числѣ послѣднихъ вреднѣе и злѣе всѣхъ кобра-капелла, а послѣ нея бѣлые муравьи.

Какъ-скоро муравьи устроятъ себѣ муравейникъ, то прежде нежели онъ отвердѣетъ отъ солнца, змѣя кобра вторгается въ него и располагаетъ въ немъ свое жилище. Муравьи тотчасъ же все оставляютъ муравейникъ, а Индусы, которые всегда караулятъ это переселеніе, дѣлаютъ въ тотъ же день около муравейника закрытую изгороду изъ терновника, такъ-что змѣя не можетъ уже выйти, не переранивъ себя иглами. Но вмѣсто того, чтобъ уморить змѣю съ голода, Индусы, по суевѣрію своему, начинаютъ всякой день носить змѣѣ молока, яицъ и другой пищи, такъ-что кобра вскорѣ привыкаетъ къ этому роду жизни и выходитъ навстрѣчу своимъ поклонникамъ. Нисколько не пуга-

ясь ихъ, она при нихъ же съѣдаетъ приносимые припасы и потомъ удаляется во внутренность муравейника.

Рокковыя сабли. — Когда Наполеонъ вступилъ въ Каиръ (22 июня 1798 года), городское начальство поднесло ему три драгоценныя восточныя сабли, которыхъ рукоять блистала алмазами, а ножны осыпаны были жемчугомъ.

Возвратясь въ Европу, подарилъ онъ одну изъ этихъ сабель корпусному генералу Нею, а другую Мюрату. Этимъ подаркамъ завидовали тогда многіе, зная, что Наполеонъ высоко цѣнитъ эти сабли. Когда послѣ аудіенціи, на которой Ней получилъ этотъ подарокъ, саблю стали всѣ разсматривать, взялъ ее въ руки и караульный офицеръ бывшаго овернского полка — и видъ этотъ произвелъ на молодого человѣка сильное впечатлѣніе.

Прошли годы, и всѣ забыли объ этихъ сабляхъ, только Ней и Мюратъ не разлучались съ ними ни на минуту. Послѣ стодневнаго царствованія Наполеона въ 1815 году, Ней, предвидя, что онъ подвергнется строгой отвѣтственности за свое поведеніе, уѣхалъ на Ульканскія воды, гдѣ ожидалъ паспортовъ для отъѣзда въ чужіе края. Вдругъ получено было приказаніе взять его подъ стражу. Онъ скрылся въ замокъ Босникъ, къ одному родственнику жены своей, — и долго никто не зналъ мѣста его убѣжища.

Однажды, разсматривая портретную галерею замка, услышалъ онъ шумъ пріѣхавшаго экипажа, и спѣшилъ удалиться поскорѣе въ свою комнату, но въ торопяхъ забылъ въ залѣ свою саблю, съ которою никогда не разставался.

Пріѣхавшій гость былъ полковникъ королевскихъ войскъ, тотъ самый офицеръ овернского полка, который тринадцать лѣтъ тому назадъ разсматривалъ саблю Нея. Едва онъ ее увидѣлъ, какъ вскричалъ :

— Здѣсь въ замкѣ или самъ Наполеонъ, или Ней.

Напрасно приступили къ нему съ просьбами, чтобъ онъ умолчалъ объ этомъ происшествіи; долгъ присяги требовалъ, чтобъ онъ тотчасъ же донесъ обо всемъ, явились жандармы — и Ней безъ сопротивленія сдался.

Участь его извѣстна.

По странному стеченію обстоятельствъ оба владѣльца этихъ сабель, Мюратъ и Ней были разстрѣляны въ томъ же году: одинъ въ октябрѣ, другой въ декабрѣ. Владѣтель третьей сабли окончилъ жизнь на островѣ Св. Елены.

Письмо изъ пасты тигра. — Грейгъ, офицеръ 26 ость-индскаго полка, и я (пишетъ одинъ англичанинъ) отпросились въ отпускъ на два съ половиною мѣсяца, чтобъ поохотиться за тиграми, пантерами и медвѣдями. Мы вышли 19 марта, съ толпою музыкантовъ. Музыка эта состояла изъ большаго барабана, большаго колокола, четырехъ малень-

кихъ барабановъ и пары пистолетовъ, изъ которыхъ безпрестанно стрѣляли. Звуки этой музыки служили для того, чтобъ выгнать звѣря изъ лѣса. Если и этого было недостаточно, то двадцать, тридцать человекъ крикуновъ дополняли этотъ концертъ; но охотниковъ было только двое.

Запасъ оружія простирался у насъ до десяти двустольныхъ ружей и пары пистолетовъ. По причинѣ дождей, не могли мы охотиться до 22 числа, но въ этотъ день, пройдя часа два, приискали прекрасную и безопасную стоянку. Музыканты и крикуны стали подгонять къ намъ звѣрей. Не пошло двадцати минутъ, какъ Грейгъ шепнулъ мнѣ:

— Тигръ бѣжить.

И мы вмѣстѣ выстрѣлили изъ двухъ двустольныхъ ружей. Всѣ четыре выстрѣла попали. Тигръ сдѣлалъ ужасный скачекъ и исчезъ въ лѣсу.

Вскорѣ появился другой, молодой тигръ, величиною съ большую собаку, и Грейгъ тотчасъ же убилъ его. Надобно было теперь отыскать большаго тигра. Это легко дѣлается на слонахъ, но мы охотились пѣшкомъ. Съ четверть часа искали мы тигра по слѣдамъ крови. Я отдался отъ Грейга шаговъ на семь и наклонился къ одному кусту, но вдругъ раздался ужасный ревъ... Я почувствовалъ страшную боль, и очутился въ пасти тигра, который шаговъ десять пробѣжалъ по лѣсу, держа меня въ зубахъ. Онъ схватилъ меня почти за самое горло, такъ что голова моя касалась его щеки... Вдругъ раздался выстрѣлъ — и тигръ упалъ, не выпуская меня однако же изъ пасти. Это былъ Грейгъ, который, подбѣжавъ, спустилъ курокъ пистолета прямо въ ухо звѣрю.

Тутъ осторожно подошелъ, онъ и освободилъ меня изъ пасти звѣря. Взглянувъ на убитаго тигра, Грейгъ въ утѣшеніе мое сказалъ, что пуля прошла двумя дюймами выше головы моей. Дрогши рука — и спаситель мой раздробилъ бы мнѣ черепъ.

Мы сняли шкуру въ видѣ трофея. Она была въ 12 футовъ длины. Мы были въ пятидесяти шагахъ отъ лагеря, — и Грейгъ велѣлъ нести меня на носилкахъ до ближайшаго города Джаата.

Но счастію, вся окрестность повиновалась Грейгу съ подоботсрастіемъ, потому-что онъ въ прошломъ году освободилъ область отъ тигра, разорвавшаго уже двадцать четыре человекъ и доѣдавшаго одну женщину въ ту минуту, какъ былъ убитъ.

Изъ лагеря же выслали мнѣ въ Джаатъ палангинъ съ 12-ю носильщиками. Раны мои были болѣзненны, но не опасны. Я помню, что родители мои всегда говори обо мнѣ, что у меня чрезвычайно слабая комплекція. Теперь докторъ сказалъ, что еслибъ у меня не была такая желѣзная натура, я погибъ бы непременно.»

Египетская повѣсть.—Англійскій путешественникъ сэръ Джонъ рассказываетъ повѣсть, сообщенную ему однимъ египетскимъ феллахомъ и составляющую какъ-будто отрывокъ изъ «Тысячи одной ночи».

«Въ четырехъ миляхъ отъ города Танты находилась нѣкогда деревня Кафръ-Геммиръ, (деревня Ословъ). Жители ея такъ глупы, что не умѣютъ счесть своихъ ногъ. Ихъ нарочно за два часа до полудня созываютъ на молитву, чтобъ они не опоздали. Прежде они были еще глупѣе. Однажды, когда ихъ муэдзинъ осипъ, они весь день пролежали въ постели, думая, что солнце не вставало.

Въ это время явился между ними горбатый мальчикъ. Одна изъ женщинъ нашла его подъ деревомъ спящимъ, и не понимая, какъ онъ могъ придти къ нимъ, вообразила себѣ, что его принесли птицы. Она стала спрашивать ихъ объ этомъ, но вороны отвѣчали ей: каръ, каръ! воробьи: при, при, а голуби: куру, куру!

Женщина присѣла къ горбатуму мальчику и сказала:

— Маленькое, кривое существо! На своихъ ли ты пришелъ ногамъ, или приѣхалъ на верблюдѣ, лошади, быкѣ, или ослѣ? Встань и скажи: откуда ты? и какъ тебя зовутъ?

Она потолкала его но тогъ, не открывая глазъ, продолжалъ храпѣть. Это храпѣнье приняла она за отвѣтъ.

— Храхра! — вотъ странное имя, сказала она со смѣхомъ, и еще разъ толкнула его, но тогъ все храпѣлъ.

— Вѣрно родители бросили его за то, что онъ безобразенъ; возмужо я его къ себѣ, оттого, что у него пресмѣшное имя.

Дѣйствительно, она взяла его въ свой домъ, и онъ у нея выросъ. Храхра сдѣлался очень честолюбивъ, но чувство это всегда употреблялъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ.

Однажды шейхъ Эль-Беледъ взялъ у крестьянки, вскормившей Храхра, вмѣсто своего безхвостаго барана, другаго, очень красиваго. Горбунъ началъ его зато бранить и сказалъ, что когда онъ будетъ шейхомъ, то за каждую ногу взятаго барана потребуетъ по быку, за каждое ухо по ослу, за каждый глазъ по козѣ и за каждый зубъ по барану.

— Какъ! вскричалъ шейхъ, ты меня хочешь слгздить! Ты завидуешь моему мѣсту?

Онъ велѣлъ его отколотить палками по пятамъ, и отправилъ домой, Храхра обѣщавъ, что за каждый полученный ударъ дастъ въ свою очередь по пятидесяти.

Вскорѣ Храхра, почувствовавшій въ себѣ расположеніе къ купеческому званію, отправился въ Каиръ, испытать счастья. Онъ посадилъ въ корзину двѣ дюжины куръ, выпросивъ, какъ милостыню, чтобъ его взяли на лодку, плывшую въ этотъ городъ, куда и прибылъ благополучно. Но здѣсь попалъ онъ въ шайку воровъ, которые отняли у него куръ, платье, и вытолкали на улицу, гдѣ онъ со страха спрятался въ колодезь. Поутру увидѣлъ его изъ окна одинъ житель, и вытащивъ изъ колодезя, привелъ къ себѣ, обмылъ, накормилъ, одѣлъ и поставилъ разсказать свои приключенія, надъ которыми отъ всей души смѣялся. Когда онъ окончилъ разсказъ, хозяинъ сказалъ:

— Человѣкъ съ твоими дарованіями и твоей красотою здѣсь въ Каирѣ не на своемъ мѣстѣ. Ты бы лучше воротился въ деревню и

тамъ занялся торговлею; я слышалъ, что твои кафъръ-геммирскіе земляки почитаютъ, что вся мудрость состоитъ въ бородѣ. Я тебѣ дамъ мазь, отъ которой у тебя она выростетъ, какъ у муфти. Это лучшее средство составить себѣ счастье, и гораздо дѣйствительнѣе, нежели продавать куръ и прятаться въ колодцѣ.

Храхра поблагодарилъ своего благодѣтеля, и съ данною ему мазью воротился въ свою деревню, гдѣ объявилъ, что принесъ съ собою чудную мазь. Но къ удивленію его, всѣ надъ нимъ тамъ стали смѣяться. Съ грустью онъ воротился въ домъ свой, и свѣтъ ему опротивѣлъ; однако въ тотъ же самый день стали къ нему приходять разные люди за мазью. Сперва прислалъ шейхъ, потомъ цирюльникъ, потомъ содержатель кофейнаго дома, — но всѣ потихоньку. Къ вечеру продалъ онъ уже весь свой товаръ, а покупщики всѣ намазали свои подбородки, и легли спать съ увѣренностію, что къ утру прибавится у нихъ на столько же ума, сколько выростетъ волосъ. Каково же было удивленіе поутру, когда они, ошупавъ свои бороды, почувствовали, что всѣ волосы ихъ отпали отъ подбородка, который сдѣлался гладокъ, какъ ладонь; жены ихъ начали надъ ними смѣяться; они бросились на улицу, и тамъ ихъ встрѣтилъ всеобщій смѣхъ. Но какъ почти все народонаселеніе деревни воспользовалось привезенною мазью, то и рѣшились всѣ, посмѣявшись вдоволь надъ своею легковѣрностію, наказать горбуна. Его схватили и притащили къ шейху, гдѣ собрались уже всѣ старѣйшины.

При видѣ безбородыхъ лицъ, горбунъ самъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Онъ смѣется надъ оскверненіемъ нашихъ бородъ, закричали они. Онъ заслуживаетъ смертную казнь. Зашьемъ его въ мѣшокъ и бросимъ въ рѣку, чтобъ его и въ поминѣ не было.

Это предложеніе было всѣми принято. Несмотря на сопротивленіе Храхра, его положили въ мѣшокъ, перекинули на спину осла и повезли къ рѣкѣ.

Но какъ до нея было далеко, то около полудни всѣ остановились для отдыха, и расположась около мѣшка, уснули. Въ это время старикъ гналъ мимо большое стадо барановъ. Ему странно показалось, что цѣла толпа спитъ около одного мѣшка. Изъ любопытства подошелъ онъ къ мѣшку и въ одно отверстіе увидѣлъ глазъ Храхра.

— Вотъ странность! сказалъ онъ. Въ первый разъ еще вижу мѣшокъ съ глазами.

Тихо спросилъ онъ этотъ глазъ, что это значитъ? Тогда глазъ превратился въ ротъ, который и отвѣчалъ, что онъ несчастный Храхра, котораго везутъ къ пашѣ, чтобъ насильно женить его на дочери паши.

— Какъ!—вскричалъ старикъ (имѣвшій въ продолженіе своей жизни тридцать три жены). Развѣ ты не доволенъ этимъ счастьемъ?

— Да такъ недоволенъ, что отдалъ-бы все имѣніе, чтобъ найти вмѣсто себя охотника.

— Пожалуй, я займу твое мѣсто, — отвѣчалъ пастухъ: я еще не

старь. У меня осталось во рту два зуба,—а одинъ глазъ у меня еще очень хорошо видить; только боюсь, что они не согласятся взять меня вмѣсто тебя.

— «Скажи только, что тебя зовуть Храхра. Это волшебное имя, за которое меня и взяли. Оно должно привести счастье пашѣ. Развяжи мѣшокъ и выпусти меня.

Пастухъ выпустилъ Храхра, подарилъ ему все свое стадо, и просилъ завязать мѣшокъ pokrѣиче, чтобъ его не узнали.

Вскорѣ потомъ стража проснулась, и взявъ мѣшокъ на осла, продолжала дальше путь, до прибытія къ рѣкѣ. Тутъ они, раскачавъ мѣшокъ, бросили въ воду бѣднаго старика, въ ту самую минуту, какъ онъ мечталъ о свиданіи съ дочерью пашаи.

На другое утро Храхра спокойно воротился въ деревню со своимъ стадомъ барановъ. Всѣ изумились и испугались; они думали, что онъ успѣлъ на нихъ принести жалобу пашѣ, и собрались къ горбуну выпросить прощеніе.

— «Бездѣльники! вскричалъ онъ. — Зачѣмъ вы меня бросили въ такое мѣсто рѣки, на днѣ котораго пасутся одни бараны.— Еслибъ вы подальше меня кинули, тамъ цѣлыя стада верблюдовъ и воловъ, я-бы теперь былъ богатѣйшимъ человѣкомъ».

Эти слова заставили жителей задуматься. Они составили между собою совѣтъ и рѣшили, чтобы изъ всякаго семейства зашить въ мѣшки по одному человѣку и бросить въ рѣку подальше, чтобъ тотъ могъ забрать тамъ верблюдовъ и всловъ.

Въ тотъ-же день исполнили они свой планъ — и перетопили всѣхъ молодыхъ людей деревни.

Цѣлую недѣлю ждали они потомъ возвращенія ихъ со стадами, наконецъ начали беспокоиться объ ихъ участи, и пришли совѣтоваться съ горбуномъ.

— «Вы вѣрно бросили ихъ на то мѣсто, гдѣ пасутся стада верблюдовъ, и не дали имъ съ собою веревокъ. Имъ нечѣмъ связать ихъ....

Жители употребили всѣ свои деньги на покупку веревокъ, которыя и побросали въ рѣку. Но прошла недѣля; прошелъ мѣсяцъ, — а ни стада, ни веревокъ, ни молодыхъ людей не было видно. Догадались, что горбунъ съ ними сыгралъ дурную шутку. Всѣ возстали на него и хотѣли убить,—но онъ ушелъ и вторично отправился въ другую деревню, гдѣ правилъ староста или шейхъ. Магомедъ, которому было очень скучно. Однажды позвалъ онъ своего помощника и сказалъ ему:

— «Мнѣ скучно, Абдалла, найди мнѣ человѣка, который-бы развеселилъ меня, или сказалъ что-нибудь необыкновенное.

Абдалла долго искалъ, но ничего не нашелъ, и поѣхалъ дальше. Въ этотъ самый день горбунъ ѣхалъ въ эту деревню. Абдалла увидѣлъ его — и разсмѣялся надъ его безобразіемъ.

— «Постой!—сказалъ онъ, подумавши. Вѣдь если я засмѣялся, такъ и шейхъ, можетъ-быть, сдѣлаетъ тоже. Эй! проѣзжіи! хочешь получить сто червонныхъ?

— «Ой много! — отвѣчалъ Храхра. Мнѣ здѣсь однажды старуха

предлагала одинъ червонецъ за какую-то услугу, а потомъ украла у меня все платье. Такъ за твои сто червонныхъ ты, вѣрно, потребуешь съ меня головы моей?

Но Абдалла успокоилъ его,— и они отправились къ шейху, который сидѣлъ, угрюмо смотря на всѣхъ. И въ этотъ день не случилось нигдѣ ничего особеннаго и все было благополучно. Абдалла не смѣлъ нарушить молчанія,—а Храхра спрятался за дверь.

Выглядывая изъ-за нея по временамъ, обратилъ онъ на себя вниманіе шейха, и сталъ дѣлать ему знаки, что хочетъ поговорить съ нимъ наединѣ. Шейху показались эти знаки и гримасы забавными,— но онъ все молчалъ. Тутъ Храхра погрозилъ ему кулакомъ и опять продолжалъ дѣлать тѣ-же знаки. Наконецъ Магомедъ всталъ и пошелъ изъ залы. Храхра не дождался его выхода, и пошелъ впереди его, дѣлая по прежнему разные знаки, и покачивая своимъ горбомъ изъ стороны въ сторону. Такимъ образомъ дошли они до середины деревни.

Здѣсь горбунъ остановился и далъ знакъ шейху, чтобъ онъ наклонился къ нему, и послушалъ, что тотъ скажетъ на ухо. Шейхъ исполнилъ это желаніе,—и Храхра съ важностью спросилъ его:

— Былъ ты, шейхъ, когда-нибудь въ Дамаскѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Магомедъ.

— Ну, и я тоже, не былъ,—сказалъ Храхра...

Эта неожиданная глупость до того насмѣшила шейха, что онъ хотѣлъ до истерики. За это велѣлъ онъ взять къ себѣ горбуна, полюбилъ его, и черезъ нѣсколько времени, по его ходатайству, горбунъ былъ сдѣланъ—кафръ-теммирскимъ шейхомъ,—и на этомъ мѣстѣ исполнилъ все, что обѣщалъ сдѣлать, бывши еще бѣднымъ крестьяниномъ, и управлялъ спокойно деревнею до своей смерти

Пожары въ Константинополѣ. — Сочинитель *Босфорскихъ сценъ* описываетъ слѣдующимъ образомъ пожары въ Константинополѣ:

Пожары составляютъ предметъ ежедневныхъ разговоровъ турецкаго общества. Безъ нихъ не о чемъ было-бы говорить. Когда горитъ въ Перѣ, или Галатѣ, Турки съ удовольствіемъ смотрятъ на ту сторону пролива, говоря, что для богатыхъ джіауровъ это ничего не значитъ. Цероты съ такимъ-же равнодушіемъ смотрятъ, когда горитъ въ столицѣ. Если загорится въ фанариотской части,—франки и турки не заботятся о несчастіи, постигшемъ грековъ.

Когда хотятъ очистить, украсить какую-либо часть города, когда носильщикамъ и работникамъ мало заработка,—то происходитъ тотчасъ-же пожаръ. Въ прошломъ году хотѣли устроить третій мостъ черезъ гавань, но хозяева близъ лежащихъ домовъ не хотѣли продавать ихъ; сдѣлался пожаръ, и триста домовъ сгорѣло. Здѣсь заранѣе почти знаютъ, въ какомъ кварталѣ будутъ пожары.

Диванъ, служачій и постелью, коверъ, жаровня для угольевъ, кофейникъ и трубки—вотъ вся домашняя утварь восточнаго семейства.

Какъ скоро раздается сигналъ пожара и загремятъ вѣстовыя пушки, турокъ складываетъ все свое имущество въ мѣшки, всегда приготовленные на подобный случай, и очень спокойно выходитъ изъ своего дома, оставляя его напроизволь судьбы. Какъ фаталистъ, турокъ и не думаетъ противиться ярости огня. Такъ угодно Аллаху,—говорить онъ,—и спокойно смотритъ на разрушеніе своего дома.

При томъ же у турковъ нѣтъ и средствъ гасить пожаръ. Маленькія пожарныя трубы, очень дурно и слабо дѣйствующія, являются, правда, на плечахъ носильщиковъ, но онѣ принадлежатъ частнымъ людямъ, которые продаютъ свои услуги за дорогія деньги. Трубы не прежде двинутся съ мѣста, покуда не условятся въ цѣнѣ и не заплатятъ впередъ звонкою монетою (ассигнацій не принимаютъ). Водоносы поступаютъ точно также. Они не прежде явятся съ водою, покуда въ резервуары ихъ не высыпано нѣсколько мѣшковъ серебра,—такъ что въ нихъ иногда больше денегъ, нежели воды.

Кромѣ-того, морскіе солдаты бѣгаютъ съ крюками, и больше наносятъ ими вреда людямъ, нежели помогаютъ тушить пожаръ.

Наконецъ является папа съ неизбѣжною свитою, въ числѣ которой всегда служителъ съ трубкою табаку. Но вмѣсто распорядженій, смотритъ онъ спокойно на пожаръ и говоритъ: Машаллахъ!

Очень забавную роль играютъ носильщики. Они помогаютъ спасать имущество погорѣлыхъ. На нихъ нагружаютъ вещи и привязываютъ веревкою одного къ другому, а хозяинъ идетъ впереди и держитъ конецъ этой веревки. Такимъ-образомъ ни одному изъ нихъ нельзя скрыться. И однако-же, несмотря на эту предосторожность, много крадутъ.

Обманутый бриллианщикъ.—Къ одному берлинскому бриллианщику вошелъ однажды въ лавку молодой, щегольски одѣтый человекъ.

— Вы вѣрно меня не узнали? Конечно! я прежде былъ въ военной службѣ... мундиръ, усы... все это измѣняетъ физиономію. Меня зовутъ И; я вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ помѣстьи. Но какъ я у васъ прежде часто покупалъ разныя бездѣлки, то и теперь зашелъ за этимъ же. Помогите мнѣ выбрать невѣстѣ моей, графинѣ, хорошенькой подарокъ. Въ цѣнѣ мы, вѣрно, сойдемся.

Ювелиръ былъ очень радъ, и разложилъ передъ покупателемъ свои вещи... Вдругъ мимо окна идетъ другой молодой человекъ. Покупщикъ бѣжитъ и стучитъ во окно. Другой посѣтитель заходитъ.

— Здравствуй, баронъ.

— Ва! это ты, Фрицъ! Давно-ли въ Берлинѣ?

— Свадьба, братецъ...

— Слышалъ... Славная, богатая партія... Графиня твоя всѣхъ съума сводила... Счастливецъ, поздравляю.

— Спасибо... заходи пожалуста...

— Непремѣнно.—Что, вѣрно подарки покупаешь для невѣсты? Смори-же не скупись; она стоитъ сокровищъ великаго могола.

— Помоги мнѣ покуда выбрать, что-нибудь получше.

— Съ охотою...

Послѣ тщательныхъ розысковъ и прицѣнокъ, наконецъ выбрали вещь на 2000 талеровъ.

Когда дѣло дошло до уплаты, женихъ здаумался и сказалъ:

— Послушайте,—вѣдь женщины капризны... вдругъ, что-нибудь не понравится, такъ мнѣ бы не хотѣлось даромъ бросать деньги... Вотъ вамъ двѣсти талеровъ задатку... я схожу и покажу сперва вещи будущей моей тещѣ... Это здѣсь черезъ два дома, а баронъ останется у васъ въ закладѣ вмѣсто меня, покуда я ворочусь...

Ювелиръ согласился. Женихъ ушелъ,—и баронъ началъ разговаривать съ хозяиномъ о разныхъ городскихъ новостяхъ. Наконецъ, когда все переговорили, баронъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Ну, ужъ извините, любезный другъ. А мнѣ некогда; жениха вѣрно заговорила теща,—и я не могу здѣсь долѣе ждать...

Ювелиръ былъ однако-же неговорчивъ и не согласился отпустить барона. Слово-за-слово произошла ссора, крикъ...

Вдругъ вошелъ въ лавку служитель полиціи, и спросилъ, что за шумъ. Хозяинъ ему рассказалъ все дѣло...

— А много-ли вы задатку получили?—спросилъ полицейскій.

— Двѣсти талеровъ.

— Мнѣ кажется, что я этихъ господъ знаю... Покажите задаточныя деньги.

— Вотъ онѣ... четыре облигаціи по 50 талеровъ.

— Такъ и есть. Господинъ баронъ! (сказалъ онъ, обратясь къ заложнику), извольте слѣдовать за мною...

— Что это значить?..

— Вамъ объяснить это комиссаръ... отдайте мнѣ эти деньги онѣ фальшивыя, и мы черезъ васъ тотчасъ-же отыщемъ вашего друга... Пожалуйте... не заставляйте употребить неприятныя средства...

Баронъ покорился судьбѣ и отправился на дрожжахъ съ полицейскимъ, который сказалъ ювелиру, чтобъ тотъ черезъ полчаса, или раньше, пришелъ къ комиссару.

Увы! Когда хозяинъ пришелъ туда, открылось, что всѣ три лица: женихъ, баронъ и мнимый полицейскій, были воры. О нихъ никто не зналъ,—и съ-тѣхъ-поръ никто не видалъ.

Печальный случай. На-дняхъ случилось въ лондонскомъ зоологическомъ саду Реджентс-Парка печальное происшествіе. Смотритель за змѣями, Гостингъ, принесъ имъ пищу,—и въ излишней самонадѣянности взялъ одну изъ самыхъ ядовитыхъ змѣй, *кобра-капеллу*, и обвилъ ее около своей шеи. Змѣя укусила его въ лицо. Изъ раны потекло много крови. Смотритель понялъ свою неизбежную участь, отнесъ змѣю въ клѣтку, ея и позвалъ директора зоологическаго сада, который тотчасъ-же отправилъ его въ госпиталь. Черезъ часъ несчастный умеръ. Онъ вовсе не страдалъ. Свойство яда этой змѣи было наркотическое—и онъ умеръ въ летаргій.

Кристалльный дворецъ въ Нью-Йоркѣ. — Дворецъ этотъ, отстраиваемый для всемірной выставки въ нынѣшнемъ году, будетъ, также какъ и лондонскій, состоять изъ одного стекла и желѣза. Но вмѣсто формы латинскаго креста, внутренность его будетъ походить на греческій. На пресѣченіи двухъ главныхъ галлерей будетъ возвышаться куполь въ 122 фута. Снаружи все зданіе будетъ представлять правильный восьмиугольникъ. Длина каждой стороны восьмиугольника составитъ 159 футовъ при ширинѣ 5-ти дюймовъ. На каждомъ углу будетъ возвышаться башня въ 8 футовъ діаметра и 75 высоты. Галлерей будутъ въ два этажа. Ширина обѣихъ главныхъ галлерей 45 фут. 8 дюймовъ, высота 67 фут. У трехъ главныхъ входовъ устраиваются балконы значительной величины. Все зданіе будетъ занимать площадь въ 173,009 квадратныхъ футовъ (англійскихъ), слѣдственно, около седьмой части кристаллаго дворца въ Гейдъ-Паркѣ.

Это будетъ величайшее зданіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Церковь св. Троицы въ Нью-Йоркѣ имѣетъ 189 фут. длины и 85 вышины; ратуша 216 фут. длины, 105 ширины и 85 вышины. Вашингтонскій Капитолій 382 ф. длины, а куполь 120 ф. вышины. Какъ въ Лондонѣ, такъ и здѣсь, кристалльный дворецъ строится частнымъ обществомъ. Для плана зданія былъ составленъ конкурсъ. Явились девять составителей, а въ томъ-числѣ строитель гейдъ-паркскаго дворца. Избранный планъ составленъ датчаниномъ г. Карстенсеномъ, и нѣмцемъ Гильдемейстеромъ.

Человѣческія судьбы. — На-дняхъ задержанъ былъ въ Парижѣ одинъ молодой человѣкъ, Жюльенъ Д., размѣнивавшій одну фальшивую монету. Онъ вскорѣ успѣлъ доказать совершенно свою невинность, но при допросахъ оказалось, что вся жизнь его состоитъ изъ самыхъ странныхъ событій. Въ 1845 году, будучи круглымъ сиротою, пасъ онъ въ Бретани стадо коровъ. Одинъ ученый, производившій въ этой странѣ геологическія изслѣдованія, встрѣтилъ его и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Остроуміе мальчика и ясность отвѣтовъ его изумили ученаго. Мальчикъ могъ производить въ умѣ самыя трудныя ариѣметическія счисленія.

Ученый взялъ его съ собою и сталъ о немъ заботиться; молодой человѣкъ со своей стороны тоже помогалъ ему во многомъ. Вдругъ благодѣтель умеръ, — и юноша опять остался безъ всякой помощи въ Парижѣ. Чтобъ не умереть съ голода, онъ долженъ былъ слѣзаться поденщикомъ у каменьщиковъ.

Недавно, при починкѣ одного водопровода, инженеры заспорили между собою о количествѣ воды, которую будетъ давать фонтанъ водопровода. Одинъ изъ мастеровъ каменьщиковъ, слушавшій нѣсколько времени этотъ споръ, сказалъ одному изъ ученыхъ:

— Напрасно вы ломаете себѣ голову. У меня есть работникъ, который вамъ въ минуту скажетъ все это навѣрное.

Жюльена позвали — и дѣйствительно онъ тотчасъ же рѣшилъ спорный вопросъ. Инженеры не довольствовались однимъ выраженіемъ

удивленія. Она единогласно представила объ этомъ донесеніе своему начальству, и рекомендовали молодого человѣка самымъ усерднымъ образомъ.

Черезъ нѣсколько дней городской совѣтъ назначилъ Жюльену ежегоднаго пособія по 1200 франковъ. Съ этими средствами принялся онъ за ученье (до-сихъ-поръ не умѣлъ онъ даже читать) — и дѣлаетъ удивительные успѣхи во всѣхъ наукахъ.

— **Старинная ошибка въ правописаніи.** — Нѣкто французъ Гальдо обнарудовалъ брошюру, въ которой доказываетъ, что имя знаменитой Юанны Д'Аркъ должно писать просто *Даркъ* (безъ апострофа). Самъ авторъ принадлежитъ къ потомкамъ брата героини. Онъ живетъ въ Навси, гдѣ и вышла его книга: *Examen critique de l'histoire de Jeanne Darc*. Дѣйствительно имя *Д'Аркъ* доказывало бы дворянское происхожденіе, тогда какъ орлеанская дѣва была дочерью простаго крестьянина въ Домреми (въ Шампани), гдѣ она долгое время была служанкою въ трактирѣ. Главнымъ доказательствомъ приводимой авторомъ ореографіи служить патентъ Карла VII, которымъ семейство героини возведено въ дворянское достоинство, и въ которомъ имя ея ясно написано *Даркъ*.

— **Шиллеръ, какъ противникъ баловъ.** — Хотя Шиллера и часто называютъ поэтомъ молодости, но онъ не любилъ танцевъ, къ которымъ молодые люди чувствуютъ такъ часто сильное влеченіе. Въ недавно напечатанныхъ письмахъ его къ г-жѣ Вольцогенъ говоритъ онъ (въ 1788 году) слѣдующее: Хотя удовольствія друзей моихъ мнѣ и дороги; но я не люблю, когда они проводятъ свое время на балахъ. Не знаю почему, но я терпѣть не могу баловъ. Безъ тайнаго страха не могу я смотрѣть на существа, дорогія моему сердцу, которыя несутся съ какимъ-то самозабвеніемъ между рядами другихъ людей, которыхъ я терпѣть не могу. Здѣсь уже ни родственница, ни сестра, ни невѣста не принадлежатъ вамъ, а первому попавшемуся танцору».

— **Барышъ отъ торговли опиумомъ.** — Барышъ получаемый, ежегодно Остъ-Индскою Компаніею отъ торговли опиумомъ, простирается до шестидесяти милліоновъ рублей серебромъ.

— **Наказаніе за жестокое обращеніе съ животными.** — Недавно одинъ жесточивый англичанинъ приговоренъ былъ судомъ лондонской полиціи къ трехъ-мѣсячному тюремному заключенію, зато, что онъ кошку свою зажарилъ живую. Она повадилась бѣгать въ другой домъ, и чтобъ наказать ее, онъ повѣсилъ ее надъ горящимъ очагомъ, и покуда кошка въ мученіяхъ испускала крики, онъ спокойно пилъ чай.

— **Высочайшій городъ на землѣ** — это Сенъ де-Пасто въ Перу; онъ лежитъ въ 13,720 футахъ надъ уровнемъ моря и почти на свѣговой ли-

нѣ Андскихъ горъ. Днемъ температура въ немъ довольно теплая, но ночью всегда холодно. Жители этого города преданы сильной страсти къ игрѣ. У нихъ ежедневно разыгрываются лотереи.

Новыя блестящія моды. — Никогда еще роскошь дамскаго туалета не была такъ сильна, какъ въ нынѣшнее время въ Парижѣ. Она даже переходитъ въ странность. Возвращеніе къ временамъ Имперіи оставилось однакоже, и возвышеніе талій кончилось, какъ и акціи желѣзныхъ дорогъ. Но модѣ хотѣлось бы коснуться и до другихъ предметовъ. Нѣкоторыя дамы не только возстановляютъ простую пудру, — это уже не новая попытка, но пробовали ввести даже разную роскошную пудру, — а именно: серебряную и золотую пыль: — первую для блондинокъ, а вторую для черноволосыхъ. Въ этой блестящей пудрѣ видѣли до десяти дамъ въ италіянскомъ-театрѣ. Видъ былъ прелестный, — и красота дамъ много выигрывала отъ этого. Онѣ похожи были на Данай, только что осыпанныхъ дождемъ Юпитера. Отцамъ и мужьямъ однакоже не очень нравится эта мода. До-сихъ-поръ выдавали они просто наполеондоры на туалетъ дочерей и женъ, — а теперь надобно будетъ превращать эти монеты въ пыль, чтобы посыпать ею волосы.

Разговоры милліонеровъ. — Извѣстно, что знаменитый сѣверо-американскій банкиръ Агуада оставилъ по смерти тридцать шесть милліоновъ франковъ. Когда Ротшильдъ узналъ объ этомъ, то сказалъ: Бѣдный маркизь, я думалъ, что дѣла его въ лучшемъ положеніи. « Недавно случилось подобное же происшествіе. Для обсужденія одного огромнаго предпріятія составилось засѣданіе банкировъ и капиталистовъ, — и во-время преній о предложенномъ предметѣ надобѣлъ всѣмъ чрезвычайно одинъ провинціальный банкиръ, безпрестанно твердившій: « Позвольте однако же! Надѣюсь, что я имѣю право сказать свое мнѣніе. Вѣдь я здѣсь представляю цифру въ милліонъ. » — Наконецъ Ротшильдъ потерялъ терпѣніе, и сказалъ ему: « Да замолчите, сударь, съ вашимъ дряннымъ милліономъ. »

Семейства англійскихъ поэтовъ. — По случаю кончины единственной дочери Бейрона, замѣчаютъ въ англійскихъ газетахъ, что семейства знаменитѣйшихъ поэтовъ Англій всѣ имѣли печальную участь. Шекспиръ и Мильтонъ умерли бездѣтны — и имена ихъ исчезли. У Аддисона была одна дочь, которая умерла не замужемъ. У Кольриджа и дочь и сынъ умерли бездѣтными. Тоже было съ обими сыновьями и дочерью Вальтеръ-Скотта. Боттлеръ, Прейоръ, Попе, Гей, Томсонъ, Грей, Куперъ, Коллинсъ, Гольдсмитъ — были не женаты.

Воспитаніе дѣвушекъ въ сѣверной америкѣ. — Въ этой землѣ матери даже бѣднѣйшихъ ремесленниковъ учатъ дочерей своихъ не уступать въ гордости самымъ богатымъ дѣвушкамъ. Оттого-то и увидите вы на лицѣ каждой изъ нихъ главное чувство характера ихъ — гордость. Впрочемъ

послѣдній долларъ отдають родители на наряды дочерей. Въ то время, какъ сыновья бѣгаютъ оборванными по улицѣ, сестры ихъ гуляютъ въ шляпкахъ, съ зонтиками и муфтами. Предметы воспитанія дѣвушекъ весьма обширны. Самыхъ бѣдныхъ учатъ: читать, писать, арифметикѣ, географіи, исторіи и тому подобное. Въ богатыхъ пансіонахъ преподають астрономію, ботанику, химію и философію, однимъ-словомъ, ихъ учатъ всему, кромѣ предметовъ хозяйства, домашней жизни и будущихъ обязанностей супруги и матери. Окончивъ курсъ, дѣвушка ничѣмъ дома не занимается, но только читаетъ, наряжается и ѣздитъ по гостямъ. Менѣе всего занимаются онѣ кухнею, потому-что столъ сѣверо-американцевъ совершенно простъ и однообразенъ. О шитьѣ и вязаньи дѣвушки не имѣють понятія. Одно только странно при этомъ: почти каждая изъ нихъ сама стираетъ свое бѣлье.

Константинопольскій базаръ.— Прочтя все, что написано объ уединенной жизни женщинъ на Востокѣ, ничто не удивитъ такъ путешественника съ перваго взгляда, какъ константинопольскій базаръ и чрезвычайное множество гуляющихъ тамъ женщинъ. Завернутыя въ своихъ бѣлыхъ покрывалахъ, прогуливаются онѣ въ желтыхъ туфляхъ по рынку, чтобъ украдкою бросить любопытный взглядъ на прохожаго. За ними всегда идетъ служитель, или негрятянка. Болѣе всего любятъ онѣ посѣщать магазины шалей и женскихъ работъ, чтобъ выбирать тамъ товары для своихъ нарядовъ. Потомъ заходятъ онѣ въ кондитерскія, гдѣ угощаютъ себя разными сластями. Самые богатые магазины ювелировъ на базарѣ не привлекають своею наружностію. Купцы привыкли скрывать свои богатства, — и кто хочетъ видѣть брилліанты и другіе драгоценные камни, тотъ долженъ войти во внутреннія комнаты хозяина. Видѣвшіе эти магазины говорятъ, что въ нихъ заключаются огромныя богатства.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Прелюдія имбродіо. — Художественная выставка въ Училищѣ живописи и ваанія, и нѣкоторыя впечатлѣнія, ею вызванныя. — Отзывъ о выставкѣ Карпа Федосѣича, и разговоръ о нѣкоторыхъ московскихъ новостяхъ. — Еще выставки картинъ, звѣринецъ, панорама и проч. — Новая колокольня Страстнаго монастыря. — Библиографическія извѣстія: продолженіе прежнихъ изданій, новыя книги, новое изданіе. — Газеты и «Москвитяиницъ» № 21. — Театры: оживленіе ихъ, *Выгодная женитьба* и остальные новыя пьесы русской и французской сцены; новый балетъ. — Два слова о двухъ концертахъ. — Обращеніе къ читателю.

... Еще прошелъ мѣсяць, какъ не бесѣдовали мы съ вами, читатель!

Мѣсяць! тридцать дней, — около пятидесяти театральныхъ представленій, — не одинъ десятокъ въ первый разъ игранныхъ пьесъ, — двадцать-пять нумеровъ одной газеты, — тринадцать нумеровъ другой газеты, книжка журнала, — съ дюжину, если не болѣе, волюмовъ и брошюръ, впервые увидавшихъ свѣтъ Божій, — два-три концерта, — аффиши, — объявленія, новые товары, нѣсколько маскерадовъ, морозъ и оттепель, — три-четыре бала, семьдесятъ-семь слуховъ, сто-одна сплетня, и наконецъ, выставка художественныхъ произведеній въ Училищѣ живописи и ваанія, — и еще выставка картинъ, — и еще выставка рѣдкихъ картинъ, — кажется, еще выставка картинъ славныхъ мастеровъ, — и еще звѣринецъ съ звѣрьми, которыхъ нѣтъ нигдѣ на всемъ земномъ-шарѣ!.. Подумаешь, чего-чего тутъ нѣтъ? Подумаешь, мало-ли на шеѣ, въ памяти, на письменномъ столѣ корреспондента «Пантеона»? Мало-ли что, въ-продолженіе мѣсяца, видѣлъ, читалъ и слышалъ онъ, чего не видалъ, не читалъ и не слышалъ иногородный, а быть-можетъ иной и московскій, читатель?... Но что изъ всего видѣннаго, слышаннаго, прочитаннаго корреспондентомъ, должно, что можетъ попасть въ «Московскій Вѣстникъ»? Увы! очень немногое! Еще еслибы удалось привести въ дѣйствіе давнишнее правило: «Non multa, sed multum»... А то...

Отчего-бы, однакожь, и намъ не принадлежать къ тому счастливому союзу жизненныхъ фланёровъ, которымъ дано отъ судьбы и легко восхищаться всёмъ, начиная отъ новой драмы до пары свѣжихъ перчатокъ, начиная отъ намохнатѣйшаго жилета шерстью вверхъ и папиросницы съ женскимъ изображеніемъ до журнальной программы, — и съ искусствомъ Тита-Ливія подчинять свои ощущенія вѣчнокруглой фразѣ? Тогда, какъ пріятно бы пѣлось про «несравненные таланты», «восхитительные наряды», «замѣчательныя повѣсти», «оглушительныя рукоплесканія», «сочувствіе публики», «общую извѣстность», и прочее, и прочее... Тогда, къ этимъ вседневному явленіямъ таланта, ума, изобрѣтательности, общественныхъ удовольствій, которыми снабжаетъ лѣтописца современность, и которыми онъ, въ свою очередь, долженъ продовольствовать другихъ, можно-бы было всегда приплестъ самую достовѣрную исторію каждаго обычая, каждаго зданія, каждой мѣстности, каждой квадратной сажени земли:—доказать, буде нашлась-бы охота, что тамъ, гдѣ вчера быстроглазая француженка смотрѣла на васъ въ окно изъ-за баттарей парижскихъ шляпокъ, американскихъ перьевъ и кашмировъ, нѣкогда, положимъ, хоть триста лѣтъ тому назадъ, день въ день и часъ въ часъ, кузнеца Митюху Криваго уходилъ до смерти конь лихаго опричника Тимофея Обыдника; что на томъ самомъ креслѣ... нѣтъ, на томъ самомъ квадратномъ аршинѣ земли, гдѣ стоитъ въ кондитерской кресло, на которомъ вы имѣете привычку глотать каждое утро чашку шоколата и взглянуть на «Journal pour rire» и «Punch»,—самъ... ну, положимъ, хоть Илья Муромецъ, столько то лѣтъ, мѣсяцевъ, дней, часовъ и минутъ тому, десять разъ напился воды изъ деревяннаго, даже некрашеннаго ковша, и десять разъ отеръ могучій лобъ полою!.. Но, съ другой стороны, что же изъ этого слѣдуетъ? Что, позвольте спросить, доказали-бы вы, если-бы и въ-самомъ-дѣлѣ доказали непреложность сихъ двухъ «достолавныхъ былинъ»?.. Источникъ, къ которому приходилъ когда-то Петрарка пить и бесѣдовать съ Лаурой, и писать сонеты, славится теперь гораздо менѣе этими поэтическими воспоминаніями, нежели близостію трактира, гдѣ угощаютъ путешественниковъ удивительною форелью, которою Англичане почитаютъ даже долгомъ объѣдаться до несваренія желудка: Sic transit gloria mundi! Что-же вы думаете, встань сейчасъ изъ земли Петрарка, за что бы онъ ухватился, придя къ Воклюзскому ключу? Разумѣется, за форели... Ну, такъ... я рѣшительно не знаю, къ чему бы привелъ меня послѣдній аргументъ; но дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось привязать къ нему какъ-нибудь слѣдующее: куда-бы хорошо, еслибъ фельетонистъ могъ быть немножко и Шампольономъ, и графомъ де Сен-Жермень, и Калиостро, и въ то же вре-

мя протеемъ современности, то-есть, и знать исторію своего города— больше и подробнѣе, нежели знаетъ ее кто-либо, и читать прошедшее по его остаткамъ—лучше, нежели цыганка читаетъ на ладони будущее, и умѣть ловить животрепещущій элементъ всякаго современнаго событія—будто бы за хвостъ рыбку, вспрыгнувшую надъ поверхностію воды!... Не правда-ли, куда-бы хорошо было распорядиться въ прошедшемъ, какъ въ своей комнатѣ, подобно, хотѣ-бы, почтенному де-Сен-Жермену, который, въ 1840 г. *, сидя въ Фонтенблô за чашею пуиша съ однимъ изъ французскихъ писателей, шута, оглянулея назадъ въ прошлое Фонтенблô, будто въ длинный корридоръ, немножко прищурился и сталъ представлять своему собесѣднику, какъ бы гостей, съѣхавшихся на блестящій вечеръ: Людовика IX, Генриха IV, Людовика XIII, Людовика XIV; Габріель, госпожу де-Ментонъ, Катерину Медичи, Анну Австрійскую и Марію-Луизу, Бенвенуто-Челлини и Франциска I, Христину Шведскую и Приматиччію, Сюлли и Людовика XV, Карла-Пятаго и Наполеона I,—и представлять ихъ не въ томъ неоживленномъ и натянутомъ видѣ, въ какомъ болѣею частію являются они на зовъ строгой Клію, но людьми живыми, со всеми страстями, съ полнымъ отпечаткомъ ихъ характеровъ... Куда бы хорошо, во-вторыхъ, имѣть всегда подъ рукою или надъ письменнымъ столомъ такое волшебное стеклышко, такой реверберъ, въ которомъ бы вся мимо-несущаяся жизнь дня отражалась своею интереснѣйшею и живописнѣйшею стороною, и тутъ-же, рядомъ, стенографическую машинку, которая, принявъ отъ первой все, уже расположенное и сгруппированное, клала-бы новости на бумагу, съ вѣрностію дагерротипа!...

— Помилуйте!—прерываетъ читатель, развѣ есть или былъ хоть одинъ фельетонистъ, одаренный тѣми счастливыми данными, которыя вы здѣсь исчислили? развѣ всѣ фельетонисты не пробавлялись и не пробавляются всегда безъ разбора всемъ, что ни подвернется подъ перо, т. е. на болѣшую половину медочами? развѣ можно представить себѣ фельетониста ученаго? развѣ, сверхъ-того, не у каждаго фельетониста свое bobo, свой конекъ, очень хорошо извѣстные читателю? развѣ...

Остановитесь! я питаю такое глубокое уваженіе къ фельетонистамъ вообще, русскимъ въ особенности, и нѣкоторымъ изъ послѣднихъ по преимуществу, что еслибы рѣшился возражать на одно первое замѣчаніе ваше, такъ долженъ бы спорить безъ конца. Достаточно, на этотъ

* Я полагаю, всемъ извѣстно, что графъ де-Сен-Жермень умеръ въ концѣ прошлаго вѣка.

разъ, напомнить вотъ, что: фельетонисты есть прекрасные; есть прекрасные фельетонисты и на Руси; несмотря даже на увѣренія одного изъ хорошихъ русскихъ фельетонистовъ, будто-бы русскаго фельетона никогда не существовало—я, съ своей стороны, стою на томъ, что самъ насмѣшникъ прекрасный фельетонистъ: не ученъ онъ, не всегда занимателенъ, но чего стоить его знакомство съ графомъ д'Орсэ, чего стоятъ его ароматическія сигары и его стройная ножка, которую онъ такъ кокетливо выставляетъ и на прогулкѣ, и въ гостиной... и въ своихъ фельетонахъ! За эти достоинства, кто не проститъ ему его свѣтской неловкости, его болтовни и его французскаго жаргона, сбивающаго немножко на смѣхъ съ нижегородскимъ? Есть и еще прекрасные фельетонисты на Руси: такіе, что, говоря словами Осипа (въ «Ревизорѣ»), «расскажутъ тебѣ, что всякая звѣзда на небѣ значитъ»; такіе, что и небывалое разложить передъ вами какъ на рукѣ; наконецъ, мало ли еще какіе!

И такъ, напрасно неудовольствіе на русскихъ фельетонистовъ. Если не все они знаютъ, что говорятъ, если не все думаютъ о томъ, о чемъ говорятъ, если не все помнятъ, что говорили, все-таки, все они говорили, говорятъ и будутъ говорить, и ихъ читали, читаютъ и будутъ читать—а болѣе этого и не нужно.

Но мое горе, о которомъ хлопочу я, совсемъ иное. Мнѣ, изволите видѣть, опасенъ весь сонмъ фельетонистовъ. Куда угнаться мнѣ за ними, моими славными петербургскими собратіями! Гдѣ для меня счастливыя условія ихъ развитія,—гдѣ вся эта петербургская жизнь, такъ и подмывающая, такъ и вдохновляющая?... Что московскій фельетонистъ въ сравненіи съ ними, этими гигантами мелкой печати и узкихъ столбцовъ? И поневолѣ хотѣлось бы тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, о которыхъ размышлялъ я на первыхъ страницахъ...

Но пора къ дѣлу: я высылаю передъ читателемъ—безъ дальнѣйшаго уже предисловія—мѣшокъ моихъ впечатлѣній за послѣдній мѣсяцъ утекшаго въ вѣчность года! Будемте соединенными силами выбирать изъ нихъ.

Съ пятнадцатаго ноября началась выставка въ здѣшнемъ Училищѣ живописи и ваянія, которая должна продолжаться до перваго января.

Нѣсколько бѣднѣе своей предшественницы, нынѣшняя выставка все-таки не лишена положительнаго интереса. Не нужно говорить, что изъ двухъ отдѣловъ, отдѣла живописи и скульптуры, первый занимаетъ и болѣе мѣста и большее число рукъ. Извѣстное дѣло: если въ порядкѣ первоначальнаго происхожденія искусствъ скульптура и предшествовала живописи, такъ тамъ, гдѣ оба эти искусства начинаютъ развиваться въ новѣйшее время, живопись непременно должна опередить

скульптуру; тысяча-одно основаніе этого неизбежнаго закона не требуетъ и комментарий; ясно само-собою, что на художественной выставкѣ здѣшняго Училища, онъ менѣе могъ измѣнить себѣ, чѣмъ гдѣ либо.

Такъ прежде о произведеніяхъ живописи.

Имена г-дъ: академикомъ Рабуса и Мокрицкаго, — художниковъ Фелицына, Наваховича, Пуговшикова, Саврасова, Мейера, Стрѣлковскаго и Воробьева, — ученикомъ Астрахова и Малова останавливаютъ насъ наиболѣе въ этомъ первомъ отдѣлѣ.

Г-нъ Рабусъ является съ своимъ *Видомъ храма Василія Блаженнаго*. Линейная и воздушная перспектива, тщательная до мелочности отдѣлка подробностей — вотъ несомнѣнныя достоинства этой картины г. Рабуса, какъ и его прежнихъ произведеній. Но впечатлѣніе холодно. Передъ вами, можетъ-быть, прекрасный учитель — и нѣтъ художника.

Г-нъ Фелицынъ читаетъ передъ зрителемъ ту нескончаемую страницу искусства, которая носитъ въ заглавіи заманчивое слово «женщина», — читаетъ ее съ увлеченіемъ, и какъ видно, не со вчерашняго дня. «*Передъ купаньемъ*», «*Послѣ купанья*», «*Воспоминаніе о миломъ*», «*Женщина въ домино*» и нѣкоторыя другія, болѣе или менѣе свидѣтельствуютъ о пониманіи своего предмета, о врожденномъ и довольно уже развитомъ чувствѣ женственности и граціи, и о теплой любви къ избранной специальности. Какъ мила, при всей своей незатѣйливости (быть-можетъ, именно по своей незатѣйливости), эта дѣвушка «*Послѣ купанья!*» Какъ мягки выраженія всѣхъ фигуръ у г. Фелицына! Болѣе твердаго рисунка — вотъ чего слѣдуетъ желать этому художнику. Отсутствіе изысканности въ позахъ, простота изображаемыхъ эпизодовъ и обстановокъ — составляютъ также достоинства его работъ, которыя, въ соединеніи съ упомянутыми выше, оставляютъ въ зрителѣ самое благоприятное воспоминаніе.

«*Русалка*», г. Наваховича, со всею зеленью, служащею ей и ковромъ и наметомъ, дышетъ свѣжестью лѣсной прохлады, которая такъ и манитъ васъ, такъ и отрезвляетъ. Очень строгій глазъ, пожалуй, доберется до того, что славянская нимфа немножко пококетничала, слегка воспользовавшись довольно новымъ косметическимъ изобрѣтеніемъ — cold-cream и poudre de riz; но тотъ же глазъ долженъ будетъ сознаться, что если «*Русалка*» воспользовалась самымъ изобрѣтеніемъ, такъ не пренебрегла и современнымъ стараніемъ скрыть его приложеніе. Это не сгладило однакоже, всѣхъ ея тѣлесныхъ недостатковъ, и тѣ, которые зависѣли отъ недовольно основательнаго изученія художникомъ анатоміи, производятъ съ цѣлымъ картины невыгодное разногласіе. Чтобы не утра-

тить пріятное впечатлѣніе, получаемое отъ работъ г. Наваховича, должно стоять передъ ними не слишкомъ долго.

Передъ пейзажами г. Саврасова, напротивъ, чѣмъ дольше стоять, тѣмъ лучше. Двѣ его «*Степи*», то-есть, двѣ картины, на которыхъ онъ изобразилъ степь, громко говорятъ въ пользу художника, какъ исполнителя, и неменѣе внятны русскому сердцу — по мысли. Этотъ безбрежный просторъ, это необозримое поле, которое раскинулось ровнемъ да гладью — вы найдете только въ нашей Малороссіи, или на берегахъ Волги. И нельзя не сказать :

«Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!»

Мягкость теплыхъ горизонтовъ и вся прелесть вечероваго освѣщенія въ ту минуту, когда уже спускается на землю сумракъ — поняты г. Соврасовымъ прекрасно, и съ технической стороны переданы такъ же. Видно, что г. Саврасовъ глубоко чувствуетъ русскую природу и поэзію роднаго пейзажа. И какъ хорошо дѣлаетъ онъ, что не романтизируетъ. Что г. Саврасовъ прислушивался къ русской пѣснѣ — настоящей и безыскусственной, не салонной и не театральной — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но да читаетъ онъ почаще Кольцова, и да восприметъ всю живительную струю отъ благодатнаго родника, которая льется въ стихотвореніяхъ Кольцова: исполненный его, г. Соврасовъ сдѣлается гордостью русской школы.

«*Итальянскій видъ*», г. Меера, удовлетворительный въ цѣломъ, особенно замѣчательнъ по освѣщенію.

«*Старушка*», г. Пуговешникова, полуфигура въ полроста, — руская старушка, вся въ черномъ и въ черной же повязкѣ, вяжущая чулокъ, очень недурна. Другая «*Старушка*», въ натуральный ростъ, г. Каверина, мало уступаетъ первой.

Изъ акварелей гг. Стрѣлковскаго и Воробьева, занимающихся преимуществу портретною частію, понимается, при небольшихъ размѣрахъ, предпочтеніе приходится на долю г. Воробьева: кисть бойкая, смѣлая и вѣрная, — рисунокъ прекрасный. Г. Стрѣлковскій удивительно отчетливо работаетъ миниатюру на кости и умѣетъ придавать ей жизнь, которую не часто встрѣчаешь въ работахъ этого рода. Портретъ работы г. Никитина, женская полуминиатюра въ ростъ, весьма замѣчательнъ, какъ трудъ диллетанта.

Ученики Училища живописи и ваянія, Астраховъ и Маловъ, представляютъ самыя отрадныя явленія: первый, какъ жанристъ, второй — какъ воздѣлыватель противоположной отрасли — идеальнаго. «*Мучной лабазъ*»,

г. Астрахова, — такая живая натура, которая вѣрнѣе, нежели на полотнѣ подъ рукою даровитаго юноши, могла бы отразиться развѣ въ уменьшающемъ зеркалѣ. Четыре фигуры: два играющіе въ шашки купца — бородачи и два зрителя, сидящій посѣтитель и стоящій сидѣлецъ, — котъ, умывающійся на скамеечкѣ, вся декорація, служащая фономъ, съ принадлежащимъ къ ней въ дѣйствительности мелочами: все это такъ вѣрно, такъ живо, что я не знаю право, позволено ли желать болѣе правды въ изображеніи. Ближайшій къ зрителю планъ декораціи — верхъ искусства воспроизведенія мертвой природы. Возьмите хорошій очеркъ изъ нашего простаго быта у гг. Даля или Григоровича — и вотъ вамъ pendant къ цѣлому «*Мучнаго лабаза*». Акварельный *Эскизъ* г. Астрахова чрезвычайно боекъ. Зато «*Семика*», тоже акварель, несравненно слабѣе. Неужели г. Астраховъ не видалъ семика въ Марьиной роцѣ — и воздуха Марьиной роцѣ? Откуда эти лиловыя, итальянскія тѣни?... Пусть г. Астраховъ приглядывается еще пристальнѣе къ русской натурѣ, и живой, и мертвой, (воздухъ и пейзажъ, впрочемъ, кажется совѣмъ не его дѣло) пусть смотритъ на игру г. Садовскаго, пусть читаетъ русскихъ народныхъ писателей, и мы, можетъ-быть, доживемъ до того дня, когда намъ придется привѣтствовать въ г. Астраховѣ русскаго Гогарта, только Гогарта болѣе мягкаго, чѣмъ настоящій Гогартъ, болѣе мягкаго на столько, на сколько русскій юморъ теплѣе юмора англійскаго и голландскаго, на сколько міросозерцаніе русскаго юмора человѣчнѣе и глубже міросозерцанія величайшихъ юмористовъ туманной Британіи.

Страшно произносить подобныя предположенія! — пожалуй, замѣтитъ здѣсь иной Пингородный Подписчикъ, поклонникъ всяческой англomanіи. Зато, сладко думать, что они могутъ сбѣться — отвѣчаетъ корреспондентъ «*Пантеона*».

Г. Маловъ съ любовью копируетъ Манса. Его «*Магдалина*» передъ распятіемъ и черепомъ, достаточно полна того идеальнаго выраженія, котораго требовалъ сюжетъ. Но колоритъ страненъ, особенно цвѣтъ тѣла не удовлетворяетъ васъ: подумаешь, сверхъ всѣхъ красокъ наложенъ слой мѣла.

Чтобы и пополнить, и хотя нѣсколько привести въ систему сказанное нами о выставкѣ, — летучія замѣтки, гдѣ все безпорядокъ и отрывочность, — я попытаюсь набросать еще главнѣйшія общія черты.

Черта, дѣлающая честь скромности художниковъ и нелицепріятному сознанию ими своихъ средствъ, это отсутствіе на выставкѣ сюжетовъ слишкомъ серьезныхъ: меньше, значить, требуетъ зритель и больше остается доволенъ. Портретовъ — ремесленной стороны искусства —

немного, причѣмъ нелишнее запомнить, что портреты, исполненные масляными красками, художникомъ Тороповымъ, очень схожи и живы. Внутренней перспективѣ посвящено достаточное количество картинъ, имѣющихъ почти исключительно предметомъ виды изъ русскихъ монастырей и церквей. Въ этомъ отдѣлѣ, между произведеніями разнаго достоинства, первое мѣсто принадлежитъ «*Церкви Гефсиманскаго скита, близъ Троицкой Лавры*». Мертвая природа рисуется мало, но имѣетъ даровитаго представителя въ лицѣ г. Щеголева, учителя Строгоновской школы; его «*Столъ ружейнаго охотника*» смотритъ такъ весело и бойко. Нѣсколько копій съ Моллерова «*Портрета Гоголя*, болѣе или менѣе удовлетворительны. Вообще же копій болѣе всего съ Брюлова, Калама, Бергема, Айвазовскаго и Маиса. Брюловъ оказывается труднее; Бергема списываютъ уже очень удачно, также, какъ и Маиса; Калама чѣмъ болѣе будутъ изучать наши художники, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ, и для насъ; не менѣе полезно учиться и у Айвазовскаго, такъ чудно изучившаго только двѣ специальности — цвѣтъ моря и воздуха. Я и забылъ сказать выше о г. художникѣ Соколовѣ, ученикѣ покойнаго К. П. Брюлова: «*Эскизъ изъ Пушкинскихъ Цыганъ*» и два портрета, принадлежащіе ему, были бы вездѣ пріятнымъ украшеніемъ.

Но вотъ слабая сторона выставки, о которой нельзя не упомянуть: это, во-первыхъ, численная бѣдность ея русскимъ жанромъ, во-вторыхъ, странное повиманіе живописцами русскаго быта и русскаго вида — характера того и другаго. Разумѣется, это общее замѣчаніе нисколько не задѣваетъ гг. Саврасова и Астрахова, напротивъ того, ярче еще выставляетъ ихъ достоинства, — но въ отношеніи къ прочимъ изображеніямъ, такъ или иначе взятымъ изъ русскаго быта или изъ русской природы, оно остается во всей своей силѣ. Я беру три разнородные примѣра: «*Зиму*», г. художника Лобова, «*Тройку*», г. художника Рыбинскаго, и «*Внутренность крестьянскаго сарая*», г. художника Грибкова. Передъ «*Зимой*» вамъ холодно не русскимъ холодомъ, не тѣмъ, который согрѣлъ бы васъ въ картинѣ, — и думается невольно, что г. Лобовъ никогда не стоялъ лицомъ къ лицу съ русскимъ снѣгомъ, русскою вьюгою и русскою зимою, а рисовалъ свою *Зиму* съ одной изъ тѣхъ раскрашенныхъ литографій, которыя, если помните, въ дни моды на оклеиваніе коробочекъ, столиковъ и стеклянныхъ ширмочекъ, привозились на святую Русь огромными альбомами, преимущественно изъ Дюссельдорфа. Въ Москвѣ, и по-сѣ-временя, нѣтъ въ иномъ домѣ перевода разнымъ *милымъ* памятникамъ этой несчастной *артистической* эпидеміи. «*Тройка*», г. Рыбинскаго

другое дѣло. Складъ ямской лошади схваченъ очень хорошо; тройка какъ бы списана съ настоящей натуры — но и только. Лошади вымыты, сбруя какъ-будто сейчасъ изъ лавки, а ужъ ямщикъ, въ которомъ недурна, впрочемъ, поза, точно прямо изъ бенефиснаго дивертисмана. Ко всему этому, и кисть г. Рыбинскаго еще слаба. Фигурѣ ямщика и въ особенности драпировкѣ рубашки, у него какъ-будто служила моделью картонная кукла въ картонномъ же одѣяніи. Г. Грибковъ изображаетъ «*Внутренность крестьянскаго сарая*» вотъ какъ: на переднемъ планѣ крестьянинъ, сидя на землѣ, стрижетъ овцу, — мальчикъ возится тутъ же съ ягненкомъ; на второмъ планѣ — двѣ женщины: одна, сидя, держитъ крынку, другая, стоя, льетъ въ нее молоко, — въ сторонѣ дѣвочка высыпаетъ соръ изъ подола въ лохань. Противъ этого размѣщенія и самой обстановки сказать нечего; но зачѣмъ же все безъ исключенія — и лица, и фигуры, и костюмы, вѣрные сами-по-себѣ, — и звѣри, и декорация съ ея подробностями, напримѣръ, бороной — зачѣмъ все это выглажено, завито и напомажено? Взгляните на бороду крестьянина, на шерсть овцы и ягненка, на рубашки, сарафаны и проч., — откуда на нихъ — мало сказать этотъ праздничный — этотъ театралный колоритъ? Случалось-ли видѣть художнику что-нибудь подобное въ натурѣ?..

Диковинное дѣло! — повторю я замѣченное мною прежде — живописцы, которые берутся за русскую жизнь (не говоримъ о рѣдкихъ исключеніяхъ) непремѣнно хотятъ прикрасить ее, и г. Грибковъ только представитель цѣлаго направленія современной школы живописи, совершенно противоположнаго направленію литературной школы, той, которая иногда ни зачѣтъ не покажетъ вамъ предмета или лица изъ нашей народной жизни, не вывалявъ его предварительно въ сажѣ! И спрашиваешь себя: неужели Русскій не видалъ русской природы? Или хоть-бы г. Рабусъ, неужели, когда онъ писалъ храмъ Василія-Блаженнаго, ни разу не потрудился взглянуть на русскую телегу и не замѣтилъ, что въ нее запрягается въ Москвѣ лошадь, а не верблюдъ?..

Изъ работъ любителей недурны нѣкоторыя — г-жи Юліи Гагенъ, особенно «*Монахъ нищенскаго ордена*»... Какъ заблудились сюда же дагерротипы и фотографіи, мимоходомъ сказать, и сами-то по себѣ плохія, недоумѣваю. До фотографіи Даутендея не достигаетъ ни одинъ изъ московскихъ экспонентовъ.

Всѣхъ картинъ на выставкѣ болѣе двухъ-сотъ.

Произведенія скульптуры не составляютъ и половины этого числа. Въ этомъ отдѣленіи обращаютъ на себя вниманіе работы гг. учениковъ. Милославскаго, Фадѣева и одиннадцатилѣтняго Севрюгина; отличается

это всѣхъ «Львица и газель», прекрасная миниатюрная группа г. свободного художника Иванова (которому принадлежит «*Мальчикъ, качивающійся въ бань*», до-сихъ-поръ не выставленный), уже заказанная изъ бронзы г. П. С. Шиловскимъ, — и красуется «*Бюстъ Гоголя*», г. Рамазанова. Здѣсь же выставлены весьма интересные рисунки барельефовъ, исполняемыхъ г. Рамазановымъ для скульптурной залы Порѣдской виллы гр. С. С. Уварова. Эти рисунки, числомъ четыре, изображаютъ: *Музыку, Скульптуру, Живопись и Архитектуру*. Строгая простота замысла, счастливое размѣщеніе фигуръ, грація и легкость цѣлаго — вотъ обыкновенныя черты композицій г. Рамазанова, и въ настоящемъ случаѣ они ему не измѣнили несколько. Взгляните на рисунки, и вы увидите всю разницу между г. Рамазановымъ и г. Логановскимъ. Разстояніе приблизительно то же, что отъ Моцарта до Сальери. Мнѣ въ особенности нравится Музыка.

Чтобы этотъ бѣглый обзоръ выставки Училища живописи и ваянія, въ которомъ никто, надѣюсь, не найдетъ претензій на полный отчетъ о ней, сдѣлать дѣйствительно такимъ отчетомъ, нужно было-бы присокупить очень многое.

Я-же, съ своей стороны, не умѣю сказать о ней ничего больше, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи, минуя многія забавныя, а иногда, признаться, и грустныя сужденія о предметахъ выставки, представить здѣсь, однакоже, отрывочекъ изъ одного недавняго разговора, имѣвшаго темою и выставку, и нѣкоторыя другія событія московской современности.

Въ одинъ изъ послѣднихъ, довольно сносныхъ дней минувшаго декабря, весь полный впечатлѣній, которыя возбудили во мнѣ гг. Саврасовъ и Астраховъ, — словомъ, очень довольный своимъ утромъ, я прямо съ выставки, часу въ третьемъ, зашелъ съ однимъ пріятелемъ къ Педотти, — въ единственную въ Москвѣ кондитерскую, гдѣ можно спросить что-нибудь, кромѣ конфетъ и гдѣ можно найти газеты. Вѣроятно, оттого, — замѣчу въ скобкахъ, — въ эту кондитерскую ходятъ очень мало — я помѣшанъ на консеквентности.

Вошедши, мы вынули по сигарѣ, спросили по чашкѣ кофе и усѣлись каждый, кто за что вздумалъ.

Въ комнатѣ, кромѣ насъ, былъ одинъ только посѣтитель — господинъ съ кисло-прѣсной физиономіей, одѣтый весь въ замѣчательно яркіе цвѣта. Кисло-прѣсная физиономія поглощала пирожки и съ любовью смотрѣлась въ зеркало, рѣшительно не отходя отъ него.

Это, не знаю ужъ почему, показалось мнѣ интереснѣе, нежели

фельетонъ г. Жюля Жаненя съ его вѣчными цитатами изъ Энеиды и Горация,—и я сталъ наблюдать—какъ подобаетъ фельетонисту.

— Ба, ба, ба! Карпъ Федосѣичъ, или Иванъ Сергѣичъ, или Петръ Егорычъ, — непомню, право, имени, произнесло, обращаясь къ моему Нарциссу, новое вошедшее лицо, очевидно съ дороги. А я только—что ввалился въ Москву. Какъ я радъ! Ну, скажите—ка, что новенькаго? Все, я чай, знаете.... Варварь! Порхаетъ себѣ по Москвѣ — не то, что мы, заѣзжие.

Кисло-прѣсная физиономія благосклонно посмотрѣлся въ зеркало и махнулъ рукой.

— Новаго, какъ вѣтъ сказать? новое—то есть, да все какъ-то....

— Ну, вотъ выставка, напиримѣръ; теперь у васъ художественная выставка; я ее и не увижу: завтра-же лечу въ Петербургъ — дѣлишки разные завязались....

— Не многое теряете....

Влетѣло третье лицо.

— Карпуша, здорова!... Ты какимъ образомъ?—обратилось третье лицо къ пріѣзжему.

— Да вотъ, братецъ, пріѣхалъ и ѣду. Впрочемъ, погоди, послѣ скажу. А вотъ пусть-ка онъ поразскажетъ про ваши новости, а ты, моя непосѣда, помолчи.

— Онъ тебѣ разскажетъ? Ну, ну, пусть. А мы будемъ поправлять опечатки.

— Вы все съ своими любезностями!—нѣсколько обиженный замѣтилъ кисло-прѣсная физиономія, благосклонно оглядывая свой туалетъ и небрежный костюмъ собесѣдника.

— Я васъ слушаю — сказалъ пріѣзжий.

— О бюетѣ Гоголя говорили, говорили — началъ нашъ цѣнитель: какъ вы думаете, смѣшно просто! Во—первыхъ, непохожь....

— Послушай, Карпуша, Карпъ ты мой....

— Непохожь, во-первыхъ. Во—вторыхъ, просто гримаса: вообразите себѣ челоуѣка, у котораго одна половина лица смѣется, а другая плачетъ; и какое-же тутъ случайное выраженіе?

— Да ты видѣлъ-ли его?—спросилъ названный непосѣдою. А тебѣ—обратился онъ къ пріѣзжему — вотъ что скажу: успеешь, сходи посмотрѣть, купи.... непременно купишь: вещь капитальная! Онъ-же, шутникъ въдѣ: видѣлъ онъ не работу Рамазанова, а куклу, что вертится у Антони и Невилля.... Ахъ, ты, забавникъ этакой!

Кисло-прѣсная физиономія благосклонно взглянулъ на себя въ зеркало, безстрастно продолжалъ.

- Что-жь тамъ хорошаго? *Зимняя вьюга* Малова....
- Плохая картинка, очень плохая!—перебилъ упрямый антагонистъ.
- *Семикъ* Астрахова....
- Гдѣ-жь ты видѣлъ этакой *Семикъ*? Нешто въ театрѣ?
- *Видъ Кремля* Черкасова....
- Schwach!...

— Ну, въ отдѣлѣ портретной живописи, штучки, знаете, въ родѣ русалокъ, дѣвушекъ съ тамбуриномъ, съ плодами и съ маской....

— Какъ, какъ! повтори! До смерти люблю категоричность.

— Это изъ какой книжки слово?—остроумно спросилъ кисло-прѣсная физиономія, и опять благосклонно оглянувъ себя въ зеркалѣ, флегматически продолжалъ: — Ну, изъ ваянія, *Львица съ газелью* и *Амуръ на львъ*....

— Тутъ общее *левъ*, понимаю: оттого ты ставишь рядомъ работу десятилѣтняго ребенка и произведеніе художника, который....

— Тамъ пойдутъ бюсты Александра Македонскаго, Юпитера Олимпійскаго, Ахиллеса, и другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ физиономій.

— Что ясно, то ясно! Но во-первыхъ, нѣтъ бюста ни одного изъ нихъ, а только головы, надъ которыми — этими, по твоему, болѣе или менѣе извѣстными физиономіями, — всякій благоразумный учитель заставляетъ учиться учениковъ, потому-что изъ этихъ головъ, или этихъ физиономій каждая—типъ опредѣленнаго рода красоты и воплощеніе опредѣленной идеи искусства. Ты этого не домекаешь, Карпуша?

— Отстань, пожалуйста, съ своими глупостями....

Пріѣзжій замѣтно болѣе уже вѣрилъ новому оратору, который продолжалъ, однакоже, болѣе обращаясь къ кисло-прѣсной физиономіи.

— Что ты видѣлъ изъ произведеній новой скульптуры?

— Какъ что?.. Все видѣлъ...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, напримѣръ...

— Напримѣръ, имѣешь ты понятіе о «Бабочникѣ» Пименова?

— Нѣтъ...

— Видалъ ты что-нибудь Ставассера?..

— Нѣтъ, кажется, не видалъ...

— Ну, въ Италіи ты не былъ: имѣешь-ли понятіе, хоть по рисункамъ, о Бартолини?

— Нѣтъ...

— Постой, не видалъ-ли хоть рисунка съ группы Фракарроли «Икаръ и Дедалъ» — рисунокъ-то не рѣдкость?

— Не видалъ, братецъ...

— Нечего дѣлать: не видалъ-ли, наконецъ, хоть чего Кановы?.. И въ Москвѣ есть Кановы...

— Кампиони! какъ же видѣлъ, видѣлъ — у него еще на бѣгу пара въ дышлѣ призь взяла...

— Ну, другъ сердечный, сказалъ предлагавшій все эти вопросы: я вижу, съ тобой объ этихъ вещахъ толковать тоже, что воду толочь. Кампиони и Канова! пойми ты, это также не все-равно, какъ, напримеръ, извини меня, ты и герцога Девонширъ, или, если хочешь, какъ Гунгль и Верди...

— Ты ужъ пойдешь, — сладко замѣтилъ кисло-прѣсная физиономія.

— Ну а еще что новенькаго? — спросилъ пріѣзжій, видимо желая не оскорбить Карпа Федосѣича.

— Благородное Собранье перестроено — отвѣчалъ, съ неизмѣннымъ спокойствіемъ, Карпъ Федосѣичъ — роскошныя козетки, нѣжное благоуханіе цвѣтовъ, тихій плескъ фонтана (кисло-прѣсная физиономія терялъ понемногу первую половину своего эпитета и колорита), увлекательные звуки Сакса, таинственный полусумракъ и, наконецъ, тихое щебетаніе какой-нибудь таинственной маски...

— Поцѣлуй меня, невинная душа! — воскликнулъ непосѣда: — mille-fleurs ты мой, ручеекъ ты мой! Каково журчить!.. Радуюсь твоему *нарпчю*, и даже въ немъ привѣтствую успѣхъ, но не мастеръ я населять пустую комнату порожденіями моей лѣнивой фантазіи, не розовой, въ этомъ отношеніи, какъ твоя. Но рассказывай, рассказывай. Ты мнѣ доставляешь величайшее удовольствіе; я-таки слоняюсь по Москвѣ, долженъ сказать, съ самоотверженіемъ, но что-бы ты ни сказалъ, все для меня ново...

— Картины Фельдштейна, въ домѣ Грузинскаго Царевича, замѣчательная вещь!

— Панорама-то? Помилуй, да ты шутишь, вѣрно?.. Я тебѣ скажу про эту панораму — обратился онъ къ пріѣзжему: — захожу я часу въ четвертомъ какъ-то:—показывается панорама, изволишь видѣть, съ двухъ часовъ. Толкнула меня въ дверь какая-то неблагообразная особа, боясь, видно, чтобъ я не отнял у нея полтинника, который она съ меня взыскала. Вхожу. Мракъ совершенный и ни души. Впрочемъ, лобъ я себѣ чуть-чуть не разбилъ о ламповщика, который вскочилъ освѣщать панораму. Минуты черезъ двѣ, при прогрессивно-распространявшейся вони отъ масла и скипидара, маленькій мальчишка схватилъ меня за руку и подвелъ къ стеклышку, которое пришлось мнѣ противъ самой ложечки: оттого я его невдвугъ отыскалъ въ этой тѣмѣ кромешной...

«Извольте смотрѣть. Гибель французскаго корабля *Медуза* на Эгейскомъ морѣ отъ англійскаго пороха.» Смотрю: бѣлое пятно на пламенномъ фонѣ... Прекрасно, думаю. Дальше, дѣлаю шагъ дальше: что-то падаетъ мнѣ на голову, потомъ что-то лется на меня, все кажется мнѣ зеленымъ въ эту минуту, — и я, разумѣется, испаряюсь. «Куда же, позвольте, не все», — кричитъ мальчишка, удерживая меня за пальто. Вѣрю, братецъ, вѣрю, говорю — и удаляюсь.

Карлъ Федосѣичъ не возражалъ, но спросилъ себѣ пирожковъ и опять посмотрѣлся въ зеркало.

— Такъ ужъ теперь я буду рассказывать, — сказалъ врагъ замѣчательныхъ картинъ г. Фельдштейна. Къ счастью, облило меня не масломъ, а водой — и я могъ, en haute conscience, продолжать мою экскурсію по области московскихъ новостей. Надо вамъ сказать, господа, что, по случаю, что-то тяжелое, упавшее мнѣ на голову, только помяло мою шляпу: есть звѣзды для фланеровъ! Попалъ я, поэтому, и въ звѣринецъ... синьора... синьора Караба... Бириби... да, Бернабо. Слононь презабавный: танцуетъ нѣкоторые новѣйшіе танцы, право, не хуже инаго московскаго льва. Страусы, два тигра, красоты, что называется, непостижимой — такъ бы, вотъ, кажется, и отлилъ ихъ въ бронзу; медвѣдю черному какой-то господинъ, какъ только вошелъ, далъ пососать палець, а медвѣдь сосалъ какъ щенокъ: господинъ-ли храбрець, медвѣдь-ли трусь — для меня покрыто мракомъ неизвѣстности. Бѣлый медвѣдь довольно желтъ, но, сколько я замѣтилъ, не сговорчивъ. Впрочемъ, вообще все эти заморекіе и приморекіе гости съ большимъ душкомъ... Уфъ! дайте мнѣ киршвассера рюмочку!

Ораторъ проглотилъ содержаніе рюмочки и продолжалъ:

— Ну, какія же еще у насъ новости? Да, картины у г. Дубле. Не стоятъ звѣринца, а чего стобитъ каждая сама по-себѣ, про то вѣдаетъ Зевесъ; — имена, впрочемъ выставлены громкія. По-моему, конфекты г. Дубле лучше этихъ картинъ, которыя, однакожь, можно бы взять, еслибы онъ давалъ ихъ, напримѣръ, въ видѣ сюрприза къ фунту конфектъ, или цуду своего искусственнаго гуано... Выставляя то же картины какой-то г. Винкельманъ, который увѣрялъ даже, что онъ родня знаменитому эстетику. Я ему повѣрилъ, и въ-слѣдствіе этого, даже принялъ изъ его рукъ, и старался всеми средствами закурить, сырѣйшую и сквернѣйшую сигару, которою онъ, ужъ не знаю изъ какихъ видовъ, кажется, хотѣлъ купить мое расположеніе къ своей нехудожественной коллекціи... Все это, — заключилъ разскащикъ, обрязааясь къ пріѣзжому, — можешь, по пріѣздѣ во свояси, или куда знаешь,

хоть печатать. Съ подлиннымъ вѣрно. Выстрадано, братецъ, понимаешь; изъ жизни, изъ жизни! О прочемъ тамъ, — продолжалъ онъ, — о портныхъ, ресторанахъ, сапожникахъ, куаферахъ ужъ пусть тебѣ повѣствуетъ Карпуша: это его спеціальность. Пожалуй, расскажетъ онъ тебѣ и о театрахъ, о музыкѣ, о литературѣ. На это онъ тоже имѣетъ неоспоримыя права, а именно: онъ седьмой годъ все ухаживаетъ за одной фигуранткой, — сочинилъ романъ, который никто не положилъ на музыку, — и создалъ надписи для папиросокъ Гальнбека, которыя бы, конечно, его обезсмертили, еслибы въ здѣшнемъ мірѣ, и папирасы, какъ многое, не были прахъ и тлѣніе...

— Послушай, однакожъ... перебилъ Каръ Федосѣичъ, благосклонно смотря въ зеркало...

Я вышелъ...

Продолжаю теперь мой собственный отчетъ...

Интересную архитектурную новость, очень еще свѣжую, составляетъ новая колокольня Страстнаго-монастыря, выстроенная по плану и подъ надзоромъ талантливаго Быковского. Прекрасное зданіе, совершенноумѣтное по стилю. Теперь на колокольнѣ поставлены и часы.

Здѣсь уже къ слову сказать о выходѣ тринадцатой тетради пятого года «Русской старины», издаваемой г-мъ Мартыновымъ. Я не знаю, въ какой мѣрѣ изслѣдователи русской старины, въ родѣ г. Забѣлина, удовлетворяются текстомъ г. Снегирева, но что касается до изображеній въ «Русской старинѣ», они не могутъ не нравиться. Въ нынѣшнемъ выпускѣ получаемъ: «Церковь въ селѣ Медвѣдковѣ, церковь въ селѣ Леоновѣ, церковь въ селѣ Тайнинскомъ» (два вида) — все это относится къ московской губерніи — и «Часовню близъ Переяславля Залѣскаго», владимірской губеніи. Но предпріятіе г. Мартынова, кажется, не нуждается ни въ похвалахъ, ни въ поощреніяхъ.

Изданіе «Подробнаго плана Москвы по частямъ», подъ распоряженіемъ г. оберъ-полиціиместера, благополучно продолжается.

Какія же вообще библиографическія новости?

Джонъ Ло, или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регентства, И. К. Бабста. Это сочиненіе, въ которомъ ученый, быть-можетъ, найдетъ немного новаго, зато прочтется съ большимъ удовольствіемъ каждымъ образованнымъ человѣкомъ. Одно мастерское изложеніе достаточно рекомендуетъ новый трудъ г. Бабста.

Изъ прочихъ новыхъ книжекъ литературнаго наименованія, есть маленькій романъ г. Крылова, — заглавіе, виновать, совсѣмъ изъ

ума вонъ, — который, заурядъ, можно пробѣжать въ деревнѣ, и два другіе романчика, тоже довольно-миниатюрные, которые мнѣ было очень тяжело читать въ городѣ.

Изъ этой пары, *Приворотное зелье*, романъ въ трехъ (микроскопическихъ) частяхъ, неизвѣстнаго автора, кончается, какъ и продолжался, весьма романически:

«Гусарь выигралъ пари и получилъ отъ блондинки вышитую ермолку.

«Недалеко отъ П*, между дикими скалами, есть долина. Рѣдкій изъ любопытствующихъ не посѣщаетъ ее. Не знаю, почему она носитъ названіе: *долины смерти*. На ней разбросано нѣсколько могилъ, въ числѣ ихъ есть одна, на которой положенъ камень.

«Разсказываютъ, что вихорь часто вѣется около этого камня, и кругомъ взвиваетъ облака пыли. Окружные жители творятъ знаменіе креста, когда имъ случается проходить мимо этой могилы, и пугаютъ ею своихъ дѣтей».

Какія ужасы! Впрочемъ, я догадываюсь: дѣло, просто, идетъ о кладбищѣ. Но что значитъ быть романтикомъ! Изъ «кладбища» непременно выйдетъ «долина смерти», изъ «женщины» — «сосудъ любви», изъ «мужчины» — «кинжалъ страсти», изъ «мѣсяца» — «стражъ ночнаго безмолвія или «фонарь любящихся», изъ «дворяшки» — «вѣрный церберъ», и такъ далѣе до безконечности. Недурно бы издать особенный лексиконъ русскихъ романтиковъ, разумѣется, сравнительный съ персидскимъ языкомъ. Ежели найдется желающій воспользоваться этою мыслию, я предлагаю поставить тридцать-три тысячи триста-тридцать-три выраженія — безденежно.

Другой романъ, оригинальный, какъ онъ называетъ себя, «Богатая невѣста и московскіе сваты, или ахъ денежки, денежки!» тоже неизвѣстнаго автора, въ четырехъ — по счастью — дважды микроскопическихъ частяхъ, имѣетъ совершенно-противуположное первому стремленіе: это реализмъ, самый реальный. Вслѣдствіе того, дѣйствующія лица его всѣ безъ исключенія грязноваты; кисть же автора обличается съ первой странички во всемъ своемъ блескѣ.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ИНТЕРЕСАНЫ.

«О деньги! полезны вы для всѣхъ»

«И для воюющихъ, и для живущихъ мирно,

«И услаждение для тѣхъ,

«У коихъ брюхо жирно...»

«На этомъ основномъ грунтѣ я созидаю свой разсказъ. Въ одно июльское утро восемьсотъ-сороковыхъ годовъ нашего столѣтїа, шель, не теряя времени, по московской Садовой-улицѣ, человекъ среднихъ лѣтъ, то-есть, сорока или съ чѣмъ-нибудь, худощавый, уже поблеклый, однакожь свѣжій и бодрый, съ масляными, желтоватыми глазами, простонародной походкой, въ степенномъ изъ чернаго сукна сюртукѣ, порядочно уже поношенномъ...»

Und so weiter.

...Вышелъ, не помню который, выпускъ изданїа г. Улитина: «Библиотека романовъ, повѣстей, путешествїй, записокъ и прочихъ издѣлїй».

...Является третьимъ изданїемъ (!) изданїемъ «Сѣрый армякъ», повѣсть для дѣтей кн. В. В. Львова.

...Нѣкто выпустилъ въ свѣтъ такую брошюрку: «Оракулъ супружеской жизни, или бракъ и любовь, совѣтникъ для всѣхъ желающихъ быть счастливыми въ брачномъ состоянїи». Я полагаю, это должна быть сатира, которая, лѣтъ черезъ тысячу, убѣдетъ, пожалуй, и Ювеналовы: тогда, безъ сомнѣнїя, и смыслъ ея разгадается.

... Въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полици» былъ помѣщенъ довольно бойкій этюдъ г. Кокорева — «Кухарка». Но неужели нельзя обойтись безъ грязноватаго колорита? Или г. Кокоревъ думаетъ, que c'est là le chic du genre? Напрасно.

... Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» есть нѣсколько чрезвычайно-полезныхъ и интересныхъ матерїаловъ для русской исторїи.

... Въ 21 № «Москвитянина», вышедшемъ въ ноябрѣ...

Но, позвольте. Замѣтили ли вы, читатель, что въ моемъ предпрошломъ «Вѣстникѣ», выставивъ въ заголовкѣ «17 № Москвитянина», я не сказалъ объ этой книжкѣ ничего?.. Это произошло не случайно. Назвать книжку я считалъ себя, по обыкновенїю, обязаннымъ. Но говорить о ней было нечего. Повѣсть г. Писемскаго М-г *Батмановъ*, о которой было сказано въ прошломъ письмѣ, въ № 17 только началась. Замѣчательнѣйшее же послѣ нея: «Наблюденїа надъ русской литературой и журналистикой» г. Эраста Благоднарова, я счелъ не-

приличнымъ дѣлать предметомъ литературнаго и журнальнаго разговора. Эти вещи, впрочемъ, полезно иногда печатать для поученія потомковъ, какъ «памятникъ заблужденій вѣка».

Возвращаюсь къ послѣднему № «Москвитянина», 21-му.

Я открываю сегодня прежде всего «Критику и библиографію».

Вотъ что говоритъ г. Филиповъ:

«Извѣстно всѣмъ несчастное направленіе отечественной критики, господствовавшее у насъ въ прошломъ десятилѣтіи: журналы, получившіе въ то время, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, особенное вліяніе на публику, казалось, поставили себѣ цѣлью мыслить о вещахъ наизворотъ, то-есть, хорошее звать дурнымъ, дурное — хорошимъ. Мы говоримъ это безо всякаго намѣренія шутить: съ этимъ согласится всякій, кто только отважится порыться въ старыхъ критическихъ дрязгахъ. Несмотря на то, эта критика, какъ мы сказали, имѣла вліяніе и увлекла за собой толпу, по причинамъ, которыя уяснить было-бы очень полезно для общества. И нельзя сказать, чтобъ въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ этого вліянія. Нѣтъ! Въ самыхъ важныхъ вопросахъ нашей литературы многое остается до-сихъ-поръ запутаннымъ и *сбитымъ*; вышеупомянутая критика сообщила весьма-значительному количеству читателей превратнѣйшія понятія о лучшихъ представителяхъ нашей литературы. Объ этомъ писано было много истинно-прекраснаго и спасительнаго, въ то же время, благородными и самостоятельными критиками, но ложь, какъ и всякое зло, имѣетъ своего рода силу и обаяніе, свои минуты торжества. Всякая попытка возстановить поруганную истину имѣла значеніе только для немногихъ, которые и безъ того признавали и цѣнили ее; несвоевременность была причиной тому, что самая безстыдная нелѣпость имѣла возможность уничтожать чистый и здравый смыслъ».

Баста!

Нынѣшняя серьезная критика, петербургская критика, — московская все еще зарождается, — вѣроятно не удостоитъ вниманія этой забавной иносказательной выходки.

Критикъ, разбирающій «Отечественныя Записки», говоритъ:

«Современнику» неразъ уже замѣчали въ «Москвитянинѣ», что онъ смотритъ на литературу слишкомъ легко и беззаботно, «От. Зап.» можно иногда упрекнуть въ другомъ: онъ подчасъ любитъ озадачивать своихъ читателей такими учеными статьями, которыя, имъ очень хорошо извѣстно, прочтутся очень немногими, но зато придаютъ журналу чрезвычайно серьезный видъ».

Это говоритъ, замѣьте, ученый журналъ по поводу интересныхъ и

важныхъ статей г. Егупова «О среднихъ цѣнахъ и проч.», о которыхъ была рѣчь въ «Пантеонѣ». Этому ужъ не истолкуешь иносказательно.

Не слѣдуетъ ли скорѣе отнести къ разряду трудно и мало понимаемыхъ журнальнымъ читателемъ статей, статью г. барона Шенцинга «Иванъ-царевичъ, народный русскій богатырь», помѣщенную въ 21 № «Москвитянина»?

Г. Григорьевъ, русскій фельетонистъ по части Шекспира, по обыкновенію, отдѣлываетъ «Пантеонъ». Защищаться противъ него опасно, такъ онъ сердить. Что бы сказалъ, однакоже, г. Филаретъ Шаль, если бы приснился ему такой приговоръ, что онъ, Филаретъ Шаль, какъ извѣстно, знаменитость въ ряду французскихъ критиковъ, но чисто-французская знаменитость. Онъ мастеръ говорить, но не мастеръ думать? Жаль что г. Шаль не читалъ г. Григорьева по части Шекспира. Можетъ-быть, это и повело-бы къ какой-либо почтительной антикритикѣ со стороны автора статей «Англійскій театръ до Шекспира»...

Хотите ли образецъ такъ-называемаго «на распахку» въ литературѣ, пробѣгите на досугѣ «Феничку», рассказъ г. Меженина: превосходный фронтисписъ къ проектированной мною въ прошломъ письмѣ «Галлерей женщинъ» Москвитянина. Выписывать — страшно: спишешь, пожалуй, всю «Феничку». И право, стоило бы того.

Извѣстный поэтъ, г. Бергъ, рассказываетъ съ идиллическимъ простодушіемъ и высоко-изящною граціею, какъ онъ прокормилъ двухъ поросятъ — Ваську и Машку. Статья его—«Опыты прокармливанія разныхъ животныхъ» есть пріобрѣтеніе и для психической зоологіи, и для литературы.

Изъ стихотвореній нынѣшней книжки «Москвитянина», взгляните-ка вотъ на эти:

«Молодой дѣвушкѣ».

Не надышусь я, право, вами,
 Не налюбуюсь я на васъ!
 Душа полна, когда я съ вами,
 Тоскливо, пусто мнѣ безъ васъ.
 При васъ слетаетъ съ сердца хололъ,
 Встаю душею ото сна:
 Я вновь здоровъ, счастливъ и молодъ,
 Вновь сладкихъ грѣзъ душа полна.
 Полна возвышенныхъ стремленій.
 Васъ нѣтъ, и я уже не тотъ:
 Ползетъ мнѣ въ душу рой сомнѣній,
 Житейскихъ мелочныхъ заботъ».

— Что это вы дѣлаете? слышу сзади меня.
Оглядываюсь. За мною стоитъ одинъ мой бывший школьный товарищъ, въ настоящее время... какъ-бы вамъ сказать, провинціальный честолюбецъ.

— Списываю, для статьи въ «Пантеонъ», изъ «Москвитянина» прекрасные стихи г. С. З.

— Покажите.

Онъ прочелъ, и произнесъ рѣшительно.

— Если такъ, не угодно ли вамъ послать въ «Пантеонъ» образчикъ моихъ стихотвореній. Судя потому, что вы говорите о стихотвореніи г. С. З., я увѣренъ, что ваша редакція не захочетъ сдѣлать несправедливость, и напечатаетъ всѣ мои стихотворенія и поэмы.

— Помилуйте! — отвѣчалъ я, — это никакъ не отъ меня зависитъ...

Но несносный собесѣдникъ меня не слушалъ, кликнувъ своего лакея, который вѣдитъ за нимъ вездѣ съ чемоданомъ его произведеній, — развернулъ одну претолстую тетрадь, и сказалъ:

— Пишите.

— Зачѣмъ, помилуйте? Лучше въ другой разъ.

— Пишите.

Я повиновался невольно, будто подъ вліяніемъ необоримой магической силы:

«Городъ нашъ не многолюденъ,
Хоть и знаменитъ,
Зодчества дарами скуденъ,
И въ травѣ стоитъ.
Въ немъ двѣ улицы прямыхъ,
Двадцать-двѣ кривыхъ,
Есть панели насыпныя,
Нѣту мостовыхъ.
Въ немъ палатъ не очень много,
Но плѣнаетъ взоръ,
И почтовая дорога
И гостинный дворъ.
Подъ горою площадь, лавки,
Мутная рѣка,
Инвалидъ, на случай давки,
Тоня рыбака;
Кузницъ рядъ необозримый,
Караульный домъ,
И курганъ необъяснимый
Съ камнями — на немъ;
Три трактирныхъ заведенья,
А харчевенъ шесть,
И манежъ для развлеченья:
Молодежи есть!

— Не довольно ли на первый случай? — умоляющимъ голосомъ оставилъ я моего честолюбца, который, было, ужъ расходился не на шутку.

— Пусть по вашему! сказалъ онъ : только ужъ сообщите, что это — начало поэмы, въ которой слишкомъ семь тысячъ стиховъ, — что у меня готово еще семь поэмъ, и что я согласенъ ставить стихи, когда только угодно и во все журналы : пишу же я, прошу замѣтить, изъ славы, и таланта своего не продаю.

— Чтò съ вами дѣлать! Да судять же читатель и редакция «Пантеона» образчикъ поэзии неизвѣстнаго до-сихъ-поръ поэта : можетъ-быть, его стихи и въ-самомъ дѣлѣ не хуже прекраснаго стихотворенія г. С. З. Я говорю : можетъ-быть, самъ же я, право, судить не рѣшаюсь ; мои понятія о поэзии какъ-то спутались въ послѣднее время. Очень нравились мнѣ «Ифигенія въ Тавридѣ»—г. Щербины, переводъ изъ Байрона —г. Мина, и нѣкоторыя изъ стихотвореній г-жи Хвоцинской... но г. Григорьевъ сдѣлалъ въ послѣдней книжкѣ «Москвитянина» такіе реприманды г-жѣ Хвоцинской, что я начинаю подозрѣвать въ себѣ даже совершенное отсутствіе чувства поэзии.

«. . . Перехожу къ ноябрьскимъ спектаклямъ.

Но прежде исчисленія новостей, два слова о главной новости, объ общей новости, очень пріятной, очень утѣшительной. Знаете ли, чтò въ прошломъ мѣсяцѣ наши театры, говоря относительно, чрезвычайно начали оживать, болѣе, чѣмъ обыкновенно въ ноябрѣ, и оживать — дивитесь-ка !—безъ особенныхъ балетовъ или иныхъ пьесъ à grand spectacle?

А причины вотъ какія. До-сихъ-поръ велось у насъ такое правило : понравилась пьеса, — давать ее разъ за разомъ ; два-три балета за зиму ; разъ въ мѣсяцъ пьесы Гоголя и «Горе отъ ума», воскресныя пьесы ; прибавьте къ этому бенефисы, обыкновенно дорогіе по цѣнамъ и бѣдные по содержанию, и вы получите въ итогѣ à-peu-près то, чѣмъ долженъ былъ пробавляться московскій театраль, — не считая оперъ и французскаго спектакля. Все это велось давно, и разнообразилось только пріѣздами петербургскихъ и иностранныхъ гостей. Нынѣ принялись за архивъ, и съ достойнымъ всякаго уваженія знаніемъ дѣла, начали вновь вызывать на сцену нѣкоторыя старыя произведенія. Такимъ-образомъ, кромѣ пьесы «Великодушіе, или рекрутскій наборъ», — покойнаго Н. Ильина, возобновленной впервые для бенефиса г. Садовскаго, мы видѣли, «Бобыля» (комед. въ 5-ти дѣйств.) — Плавильщикова, и еще должны увидѣть : «Недоросля», «Благородный театръ», «Своя семья, или замужняя невѣста» (князя А. Шаховскаго), и нѣкоторыя другія. Точно также ходили слушать большой театральнй оркестръ, по поводу «Невѣсты-лунатика» и «Севильскаго цирюльника». Все это не могло не произвести благопріятнаго вліянія на театръ и на публику.

Театръ долженъ былъ наполняться болѣе обыкновеннаго, потому—что кому же могло не улыбаться разнообразіе спектаклей? А сверхъ-того, развѣ мало людей, у которыхъ съ иною, давно неигранною пьесою связано то или другое воспоминаніе, которое возобновить никто не прочь? Да я скажу вамъ про себя. Не принадлежа далеко къ числу людей старыхъ, тѣхъ, я разумѣю, которые живутъ только въ прошломъ, и отъ души желая нашему театру всевозможныхъ успѣховъ на пути, указываемомъ современными, новѣйшими требованіями искусства, — я первый считаю себя счастливымъ, когда бываетъ мнѣ дано оживить мои раннія сценическія впечатлѣнія, съ которыми, поднимается, въ душѣ цѣлый рой самыхъ сладкихъ видѣній, самыхъ милыхъ образовъ. Была, когда-то пьеса «Розальба, или маскарадъ», первое театральное представленіе, удержавшееся у меня въ памяти. И не повѣрите, чего не далъ бы я, чтобы взглянуть на «Розальбу, или маскарадъ!»... Сдѣлаемте скачокъ на двадцать лѣтъ впередъ отъ нынѣшняго дня: тогда спросите у театраловъ 1848 — 1849 г., что бы они дали, чтобы посмотрѣть «Пахиту» и *pas-de-manteaux*!...

Вы теперь знаете, стало-быть, причину оживленія нашего театра, главную-то, по-крайней-мѣрѣ, кромѣ самого времени года.

Сценическія новости, каковы-бы ни были онѣ, перечестъ все-таки нужно.

Вотъ онѣ: *Западня, или хотѣлъ поймать, да самъ попался!* вод. въ 1 д. соч. (?) С. Соловьева;—*Моя дочь вышла замужъ*, вод. въ 1. д., подраж. франц.—К. Тарновскаго и Θ. Руднева;—*Дилеттантъ 5-го яруса*, ориг. шутка въ 1 д.;—*Чудныя встрѣчи или суматоха въ маскарадѣ*, ориг. ком. въ 5 д., въ стихахъ и съ 4 интерм., соч. Б. Федорова;—*Дитя тайны*, шутка-вод. въ 1 д. съ франц.;—*Прикажете, я вамъ расскажу про Роберта?* рассказъ съ пѣніемъ въ 1 д.;—*Дѣвъ камелии*, сцены, взятая изъ жизни, родъ комедіи, въ 1 д., соч. кн. Кугушева.

Послѣ пьесы *Западня, или хотѣлъ поймать, да самъ попался*, нѣкоторые зрители утверждали, что они, конечно, попались, но что и авторъ, если думаетъ, что не попался, такъ ошибается. *Моя дочь вышла замужъ* — передѣлка французской пьесы »*J'ai marié ma fille*», несравненно-болѣе... неудачная, нежели передѣлка той-же пьесы, исполненная г. П. Федоровымъ и помѣщенная въ «Пантеонѣ». *Дилеттантъ* и *Чудныя встрѣчи*, сколько помнится, извѣстны нашимъ читателямъ. *Дитя тайны* пусть останется тайною для всѣхъ. *Дѣвъ камелии*, можетъ-быть, и взяты изъ жизни, можетъ-быть и нѣтъ; но вѣрно, что это не лучшее изъ заимствованій кн. Кугушева. *При-*

кажете, я вамъ разскажу про Роберта? при извѣстномъ расположеніи духа и фізіономіи г. Живокини, можетъ иного заставить разсмѣяться, но ужъ позвольте не распространяться, какъ и почему.

Въ числѣ новостей я обязанъ помянуть еще дебютъ г-жи Ленской, въ роли Маріи, въ «Материнскомъ благословеніи». Г-жа Ленская явилась, была принята какъ, вѣроятно, и сама не ожидала.

Но что за странное начало для сценическаго цоприща вся эта мелодраматическая роль Маріи, роль вся изъ эффектовъ, какъ и самая пьеса?

Хореографическая новинка одна: *Фламандская красавица* (La jolie fille de Gand); большой балетъ въ 2 д. и 7 картинахъ. Онъ данъ въ бенефисъ г-жи Санковской 4-й... Г-жи Баркова, стройная, какъ пальма, и прекрасная,—и Панова (М.), миниатюрная, но тоже прекрасная,— вотъ что было лучшаго въ *Фламандской красавицѣ*, кромѣ ея новости и нѣкоторыхъ нумеровъ музыки.

Новыя пьесы французской сцены слѣдуютъ здѣсь по порядку: Le domino noir, op.-com. en 3 a., p. Scribe, musique d'Auber. — L'échelle des femmes, com.-vaud. en 2 a., p. Dennery et Decourcelles. — Le chapeau de paille d'Italie, com.-vaud. en 5 a., p. Marc-Michel et Labiche. — La fille d'Hoffmann, com.-vaud. en 1 a., p. Bayard et Varner. — Chasse au lion, com. en 1 a., p. Gustave Vattier et Emile de Najac. — La queue du diable, v. fant. en 3 a., p. Clairville et Jules Cordier. — Jusqu'à minuit, com.-vaud. en 1 a., p. Dartois et Besse-tivre. — Le cabaret de Lustucru, com.-vaud. en 1 a., p. Etienne Arago. — L'aventurière, com. en 5 a., p. Emile Augier. — Un serment, com.-vaud. en 1 a., p. Latouche. — Les suites d'un premier lit, com.-vaud. en 1 a., p. Labiche et Marc-Michel. — Titu ou la représentation de Robert le diable, com., paroles d'Ambroise, mus. d'Eugène Déjazet. — Mademoiselle de Choisy, c. v. en 2 a., p. St. Georges et Lopes. — Les Reines des bals publics, f.-v. en 1 a., p. Delaporté et Gaston de Montbeau. — Les incertitudes de Rosette, c.-v. en 1 a., p. Ernest Serret. Пьесы, безспорно и какъ на подборъ, все болѣе или менѣе бойкія; причемъ гдѣ фарсъ, такъ ужъ не прогнѣвайтесь, пущено во-всю; гдѣ комедія — мѣстами водевиль, не исключая и давно-прославленной пьесы Ожье—L'aventurière; зато гдѣ водевиль, такъ ужъ дѣйствительно водевиль, т. е. живая, легкая, не задумывающаяся и не унывающая французская жизнь. Протей французской труппы теперь здѣсь г. Поль-Жене: онъ играетъ и въ комедіи, и въ водевилѣ, и въ фарсѣ; онъ-же будетъ играть и серьезно-драматическую роль; и плясать польку, да еще какъ! Не заключайте изъ этого, чтобъ я хо-

тѣль подтрунить надъ г. Поль-Жене: его дарованіе одно изъ почтенныхъ дарованій, а по своей многосторонности—удивительно. Комикъ-же онъ очень-хорошій. Le domino poig такъ извѣстно, что говорить о немъ нечего.

...Концертамъ, вы знаете, когда еще быть? Однако, уже было два концерта: гитариста, г. Конрада Соколовскаго, и г-жи Генриетты Саломонъ. О г-жѣ Саломонъ, хорошей исполнительницѣ классической музыки, «Московскому Вѣстнику» придется, вѣроятно, поговорить въ слѣдующій разъ, потому-что она общается музыкальнѣе утра, въ подражаніе петербургскимъ утрамъ г. Контскаго. Чтѣ-же касается до г. Соколовскаго, являшагося здѣсь впервые въ 1846 г., и тогда уже обратившаго на себя вниманіе, то должно сказать, что это—виртуозъ замѣчательный, и теперь въ особенности. Гитара, эта испанская балалайка,—гитара, на которой Пенанцы-самоучки разыгрываютъ свои boleros и tirannas, гитара, которая и у насъ на Руси пользуется чрезвычайно двусмысленнымъ кредитомъ, подъ рукою г. Соколовскаго поетъ и... плачетъ, да, гдѣ нужно, и плачетъ. Вслѣдъ за нѣкоторыми французскими и нѣмецкими артистами, вслѣдъ за Сѳромъ, Агуадо, Гуэрта, Каркасси и нѣкоторыми другими, г. Соколовскій приспособляетъ гитару къ оркестру—очень удовлетворительно, а въ своихъ solo вызываетъ искреннія рукоплесканія. Одну ошибку сдѣлалъ онъ въ своемъ концертѣ—что не сдѣлалъ выше, отчего много-бы выигралъ.

..Чѣмъ же еще дополнить мой сегодняшній бюллетень?

Да ужъ довольствуйтесь, въ видѣ дополненія, вышеприведеннымъ разсказомъ молодого человѣка, врага замѣчательныхъ картинъ г. Фельдштейна. Скептикъ онъ, этотъ молодой человѣкъ, — какъ говорилъ милый Карпъ Федосѣичъ,—но, скажу вамъ теперь по секрету, взглядъ его довольно близко сходится съ моимъ взглядомъ, и ко всему имъ сказанному я не нахожу возможнымъ прибавить чтѣ-нибудь особенное.

И вотъ мы, шутя-шутя, достигли съ вами до послѣдней бесѣды за прошлый годъ.

Наступилъ новый 1853 годъ, и хотя я встрѣчаюсь съ вами не въ первые дни его, но несмотря на то, спѣшу поздравить васъ, благосклонный читатель! Желая вамъ счастья, денегъ, славы, любви! Читатель, я поднимаю бокалъ! А вы? неужели откажетесь выпить за здоровье русской литературы, за миръ и дружбу фельетонистовъ, критиковъ и журналовъ... и за дальнѣйшій успѣхъ нашего Вѣстника!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Нѣсколько словъ о Вѣстникѣ. — Похожъ ли онъ на фельетоны другихъ газетъ и журналовъ? — Цѣль и назначеніе Вѣстника. — Первая книга «Отечественныхъ Записокъ». — Богатство замѣчательныхъ статей. — *Нѣсколько лѣтнихъ дней*. В. Крестовскаго. — Переводъ Илиады. — Г. Ордынский и его статьи. — Какимъ языкомъ должно переводить Гомера. — Простой и простонародный языкъ. — Убѣдныя прилагательныя, странныя выраженія, тривіальности и провинциализмы. — Необходимость изученія Областнаго Словара для пониманія перевода Илиады. — Правописаніе собственныхъ именъ. — Статья г. Забѣлина. — В. А. Жуковскій. — *Русская Литература въ 1852 году*. — Война противъ фельетонистовъ. — Уклончивость Отечественныхъ Записокъ. — Г. Небольсинъ. — Иностранная Литература и Смѣсь. — Сюрпризъ къ Новому году. — Десятая книга Сына Отечества. — Повѣсть о молодомъ челоуѣкѣ, написанная молодой дѣвицей. — Смерть В. А. Воляярскаго.

Начиная второй годъ бесѣду съ читателями о русской журналистикѣ, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ Вѣстникѣ, въ отвѣтъ на цѣкоторыя замѣчанія журналовъ. Весьма немногіе отдали справедливость Вѣстнику; остальные или прешли важнымъ молчаніемъ наши статьи, или назвали ихъ подражаніемъ фельетонамъ другихъ журналовъ. Мы благодарили уже тѣ періодическія изданія, которыя оцѣнили труды наши и добросовѣстность при обзорѣ современныхъ журнальныхъ произведеній. Тѣмъ, которые не говорятъ ничего о Вѣстникѣ, онъ, къ несчастію, не могъ отвѣчать тѣмъ же, взявши на себя однажды обязанность — говорить обо всемъ, что является замѣчательнаго въ нашихъ журналахъ, хотябы замѣчательно-слабого и не эстетическаго.

Тѣмъ же, кто обвиняетъ насъ въ подражаніи, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, чтобы доказать несправедливость подобныхъ обвиненій.

Для этого намъ необходимо прежде всего опредѣлить значеніе нашего Вѣстника, дать ему мѣсто въ ряду статей, имѣющихъ цѣлю обзорніе русскихъ журналовъ. Въ послѣднее время въ нашей литературѣ распространился такъ-называемый фельетонъ, то есть, легкая, веселая, остроумная болтовня, — или, по-крайней-мѣрѣ, *долженствовавшая быть таковою*. Начавши съ толковъ о погодѣ, о пирожкахъ Излера, разныхъ лавочкахъ, и тому подобныхъ не-литературныхъ предметахъ, фельетонъ мало-по-малу перешелъ въ область искусствъ, литературы, эстетики, заговорилъ о важныхъ предметахъ, иногда продолжая перемѣшивать философскіе вопросы съ промышленными объявленіями, иногда отдѣляя литературу и науку отъ коммерціи, но толкуя по привычкѣ о первыхъ тѣмъ же тономъ, какъ и о послѣдней. Такого рода фельетонъ завладѣлъ, въ послѣднее время, почти всеми русскими журналами, и мы должны бросить бѣглый взглядъ на фельетонъ всѣхъ нашихъ періодическихъ изданій, чтобы видѣть, въ какой степени нашъ Петербургскій Вѣстникъ похожъ на другіе фельетоны.

Въ настоящее время, старѣйшій фельетонъ принадлежитъ безспорно «Сѣверной Пчелѣ». Всякая Всячина, являющаяся по субботамъ, и Замѣтки, выписки и корреспонденція—по средамъ, говорятъ обо всемъ и между-прочимъ о литературѣ, но только—между прочимъ, потому—что собственно литературный фельетонъ, являющійся, къ сожалѣнію, въ неопредѣленные сроки, принадлежитъ другому лицу, г-ну К***, который разбираетъ только нѣкоторыя произведенія нашей словесности, не говоря ни слова о журналахъ. Въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» фельетоновъ и фельетонистовъ не перечесть: тамъ являются фельетоны и ученые, и промышленные, и объ удовольствіяхъ общественной жизни, и чисто литературные, и театральные, и критическіе, и съ разборами журналовъ, и еще другіе, которые не подходятъ ни подъ какой разрядъ. При такомъ обиліи фельетонистовъ, сверхъ-того часто измѣняющихся и смѣняющихся, немудрено, что одинъ фельетонъ, впадая въ область другаго, противурѣчитъ своему собрату и говоритъ объ одномъ и томъ же предметѣ вовсе не то, что было сказано нѣсколько времени тому назадъ. Газета, конечно, выигрываетъ отъ этого въ отношеніи разнообразія, которое многіе предпочитаютъ единству. Но о журнальных явленіяхъ газета эта, — заслуживающая впрочемъ полного вниманія, — говоритъ непостоянно и какъ-будто мимоходомъ, останавливаясь только на томъ, что всего болѣе занимаетъ читающую публику. «Отечествен-

няя «Записки», помѣщая на своихъ страницахъ самыя полныя разборы почти всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгъ, о русской журналистики говорятъ немного, вскользь, пропуская иногда не только отдѣльныя статьи въ журналахъ, но и цѣлые нумера, перескакивая отъ одного журнала къ другому, безъ всякой видимой надобности, умалчивая, неизвѣстно почему, о замѣчательныхъ явленіяхъ журналистики и распространяясь о другихъ, менѣе важныхъ. Къ тому-же, подобныя обзоры являются въ этомъ журналѣ весьма не регулярно.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» утвердиль теперь свое мѣстопробываніе глава новомодныхъ фельетонистовъ, переѣхавшій туда изъ «Современника» Иногородный Подписчикъ, съ иностраннымъ взглядомъ на русскую литературу и иноземнымъ способомъ выраженія. Объ этомъ фельетонистѣ мы говорили много въ прежнихъ статьяхъ, и потому читатели наши знаютъ, какъ далеки отъ справедливой критической оцѣнки статьи Иногороднаго подписчика, обращающагося съ публикой и писателями самымъ нецеремоннымъ образомъ, говорящаго иногда такіе вещи, какихъ, по счастью, не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ его писемъ.

Мѣсто Иногороднаго Подписчика въ «Современникѣ» заступилъ его подражатель Новый Поэтъ, съ которымъ также знакомы по нашимъ статьямъ читатели «Пантеона». Тонъ фельетоновъ этого поэта немногимъ скромнѣе тона Подписчика; у перваго такая же претензія на бонтонность и свѣтскость, какъ у послѣдняго на любезность и энциклопедичность; и тотъ и другой говорятъ о себѣ больше, чѣмъ о разбираемыхъ ими журналахъ, изо всѣхъ силъ стараются быть остроумными, и оба не достигаютъ цѣли. Разница между ними еще та, что Поэтъ пишетъ стихи, а Подписчикъ только любитъ ихъ, что нисколько не мѣшаетъ ему не знать даже механизма стихосложенія, и серьезно доказывать, что спросить въ стихахъ: «проглянетъ-ли завтра солнце»?—значить не знать астрономіи; кромѣ того, Поэтъ пишетъ статьи гораздо короче Подписчика, хотя и акуратно каждый мѣсяць, а Подписчикъ исчезаетъ по временамъ на цѣлые полгода цитъ Нарзанъ, тогда какъ Новый Поэтъ не пьетъ нарзана.

Быль недавно между современными фельетонистами еще одинъ, выражавшійся сентенціями и афоризмами, но статьи его болѣе не появляются.

Читатели лучше всего увидятъ сами: похожъ ли нашъ Вѣстникъ на всѣ названные нами фельетоны. Мы не говоримъ вовсе о себѣ и стараемся какъ можно рѣже говорить, въ статьяхъ о журналистикѣ, о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ петербургскихъ журналовъ. Цѣль наша — представить по возможности полный обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ ста-

тей этихъ журналовъ, разобрать критически ихъ достоинства и недостатки. Мы не пропускаемъ ни одного нумера, ни одного произведенія, хорошаго, или дурнаго, безъ того, чтобы не отмѣтить его на нашихъ страницахъ хоть нѣсколькими строками. Само собою разумѣется, что мы не можемъ говорить подробно о каждой статьѣ нашихъ журналовъ, да и врядь ли кто потребуеть этого. Въ такомъ случаѣ разборъ могъ бы выдти больше разбираемой статьи, не послуживъ ровно ни къ чему. Легко можетъ быть, что мы ошибаемся въ нашихъ сужденіяхъ, но думаемъ, что высказываемъ ихъ съ полною добросовѣстностью, не имѣя пристрастія ни къ одному изъ нашихъ изданій, не руководствуясь никакими условіями, кромѣ эстетическихъ требованій изящнаго. Мы считаемъ критическую оцѣнку произведеній дѣломъ серьезнымъ, требующимъ уваженія къ этому дѣлу отъ того, кто за него берется, и если иногда позволяемъ себѣ легкія шутки надъ слабыми произведеніями, то потому только, что есть произведенія, которыя нельзя разобрать серьезно, какъ есть люди, которыхъ скорѣе можно убѣдить насмѣшкой, чѣмъ силлогизмомъ. Ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы мы играть словами и забавлять читателей наборомъ фразъ, вовсе неидущихъ къ дѣлу. Рецензентъ долженъ прежде всего пріобрѣсти довѣріе читателей, потому что не можетъ на каждомъ шагу цитатами доказывать справедливость своихъ положеній: необходимо, чтобы ему вѣрили и на слово, когда онъ произноситъ приговоръ какому-нибудь произведенію.

Слѣдовательно, статьи наши нельзя ни въ какомъ случаѣ назвать фельетономъ, а тѣмъ менѣе фельетономъ подражательнымъ, потому что разборовъ, подобныхъ нашимъ, нѣтъ ни въ одномъ періодическомъ изданіи, и если ихъ нельзя отнести къ строго-эстетической, серьезной критикѣ, то они еще дальше отъ фельетона. Самое названіе, впрочемъ, вполне характеризуетъ ихъ: статьи эти *Вѣстникъ петербургской журналистики* — ни больше, ни меньше. Цѣль ихъ очень проста и ясна, и мы желали бы, чтобы наши фельетонисты также просто и ясно сознавали цѣль своихъ фельетоновъ...

Переходимъ теперь къ первымъ книжкамъ петербургскихъ журналовъ, и начинаемъ обычный разборъ ихъ съ того журнала, который явился раньше прочихъ своихъ собратьевъ и который мы всегда почитали лучше, разнообразнѣе, дѣльнѣе и серьезнѣе прочихъ.

Первая книга «Отечественныхъ Записокъ» по наружности ничѣмъ не отличается отъ прошлогоднихъ, также какъ не отличается отъ нихъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Если и бываетъ иногда, что одни нумера этого журнала слабѣе другихъ — чего никогда нельзя избѣжать, — то разнища эта чисто случайная и не-

обусловливается никогда началомъ, окончаніемъ года, лѣтними мѣсяцами или какими-нибудь другими уваженіями, принимаемыми иногда въ расчетъ другими журналами. «Отечественныя Записки» утвердились такъ прочно въ нашей публикѣ, что имъ не нужно пускать пыль въ глаза первымъ номеромъ, съ тѣмъ, чтобы остальные одиннадцать мѣсяцовъ этотъ номеръ служилъ всеѣмъ прочимъ какимъ-то недосыгаемымъ идеаломъ.

По отдѣлу беллетристики первая книга «Отечественныхъ Записокъ» очень богата; этотъ отдѣлъ занимаетъ почти полъ-книги; въ немъ помѣщена первая часть романа г-жи Т. Ч. «Дина», писательницы съ большимъ дарованіемъ, о которой мы поговоримъ когда кончится романъ; продолженіе романа Самюэля Варрена — *Тяжба*; первыя три рапсодіи Илиады, въ переводѣ г. Ордынскаго, и небольшой рассказъ «Нѣсколько лѣтнихъ дней» — другой дамы писательницы, печатающей свои произведенія подъ псевдонимомъ *В. Крестовскаго*.

«Нѣсколько лѣтнихъ дней» небольшой, но чрезвычайно граціозный рассказъ. Поэты давно уже называли весну и лѣто порою любви. Въ эту поэтическую пору одна дѣвушка — Варенька, гостившая у своей родственницы, отъ нечего дѣлать, влюбляется въ гувернера своего двоюроднаго брата. Въ этоже время останавливается у нихъ-же, проездомъ, ея подруга — Соня. Варенька робка; она не знаетъ даже, дѣйствительно-ли ей нравится Артеминь (гувернеръ), или она обратила на него вниманіе отъ скуки, оттого, что кромѣ его не было никого подлѣ нея, — или наконецъ просто оттого, что въ это время стояли прекрасные лѣтніе дни. Она признается своей подругѣ, что просто хотѣла-бы наполнить чѣмъ-нибудь эти несносные, долгіе, жаркіе дни. Соня беретъ начатъ комедію съ гувернеромъ, съ тѣмъ, чтобы подруга продолжала ее послѣ. Комедія начинается, чѣмъ бы она кончилась — знаетъ одна судьба, но Соня остается у подруги только три дня, къ тому же Артеминь человекъ опытный; онъ понимаетъ, что имъ забавляются; Соня тоже замѣчаетъ, что Артемина не легко обмануть притворной привязанностью. Она уѣзжаетъ недовольная комедіею, которую сама затѣяла, унося, можетъ-быть, въ сердцѣ затаенную досаду несбывшихся мечтаній, непонятнаго чувства, которое ей самой высказывается смутно, неопредѣленно. Но еще болѣе недовольна и Артеминымъ, и своею подругою, и цѣлымъ свѣтомъ бѣдная Варенька. Холодно простилась она со своей подругой, а послѣдній разговоръ съ Артеминымъ убилъ въ ней окончательно всякое чувство. Онъ ясно и смѣясь высказалъ ей, что женщины, изъ врожденнаго кокетства, принимаютъ иногда на себя маску чувства и играютъ любовью, какъ мячикомъ, но что онъ очень хорошо

понимаетъ эти маневры, и если допускалъ себя обманывать, то для того только, чтобы доставить себѣ удовольствіе спросить подъ конецъ, какъ Фигаро въ комедіи Бомарше: кого-же здѣсь обманываютъ? Послѣ этихъ словъ Варенька конечно не продолжаетъ разговора, и зерно любви и чувства, которое могло бы распусться пышнымъ цвѣткомъ, умираетъ безплодно въ ея сердцѣ.

Мы представили только блѣдный очеркъ этого поэтического разсказа, въ которомъ все такъ неполно и такъ глубоко, такъ недосказано и въ тоже время такъ ясно. На этихъ немногихъ страницахъ высказано столько мысли и чувства, что ихъ стало бы на многотомный разсказъ. Это, если хотите, не тщательно отдѣланная картина художника, а скорѣе эскизъ, набросанный смѣло и широкою кистью, въ которомъ видна однакоже рука художника. Характеры героинь разсказа, Вареньки и въ особенности Сони, очерчены превосходно въ нѣсколькихъ сценахъ; даже второстепенныя лица, какъ тетушка Вареньки и ея кузень прекрасно изображены въ нѣсколькихъ словахъ. Мы бы желали только, чтобы Артеминъ высказался нѣсколько яснѣе и опредѣлительнѣе. О его характерѣ у читателя остается довольно смутное понятіе. Почему этотъ человѣкъ такъ хорошо понимаетъ съ перваго слова, что съ нимъ играютъ комедію? отчего онъ не увлекается и не хочетъ увлекать? Дѣйствительно ли онъ лицо холодное, эгоистическое, неспособное чувствовать, — или только хочетъ казаться такимъ? На эти вопросы повѣсть не даетъ отвѣта, а намъ кажется, что она вышла бы полнѣе, еслибы Артеминъ былъ очерченъ такъ-же рельефно, какъ Соня. Во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ видѣ этотъ разсказъ займетъ видное мѣсто въ нашей литературѣ, и «Отечественныя Записки», напечатавъ его, положили прекрасное начало своему беллетристическому отдѣлу 1853 года. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать изъ него нѣсколько мыслей, составляющихъ основную тему разсказа:

Женщины особенно любятъ сострадать; вѣчно чувствуя или воображая себя угнетенными, онѣ рады встрѣтить существо обиженное, также какъ рады, даже случайно, встрѣтить въ зеркалѣ свое отраженіе. Тогда (можетъ-быть, чтобы оправдаться предъ собою, можетъ-быть потому, что всякая женщина болѣе или менѣе выросла въ романтическихъ идеяхъ) эгоизмъ ихъ видитъ въ этомъ состраданіи что-то возвышенное, называетъ его сродствомъ душъ, и радуется тому, что имѣетъ предлогъ находить въ себѣ неисчерпаемые источники любви и силы. Последнее особенно важно. Въ женщинахъ, можетъ-быть, нѣтъ страсти выше страсти покровительствовать, защищать и спасать. Это ихъ идея, надежда, стремленіе и цѣль, и онѣ думаютъ, что достигаютъ ее, часто поступая какъ дѣти; часто, чтобы утѣшать себя, дополняя дѣйстви-

тельность—мечтами, которыя создаетъ ихъ воображеніе... Такъ бѣдняки всегда видятъ себя во снѣ богатыми....

Жаль одного. Начавъ сострадать, казалось бы, съ очень чувствительной цѣлю, женщины, — должно-быть по врожденной хлопотливости, обращаютъ чувство въ дѣло и продолжаютъ и оканчиваютъ его съ одной цѣлю: какъ-нибудь занять время, котораго у нихъ всегда слишкомъ много. Эгоизмъ ихъ, прикрытый громкими и игривыми фразами, проглядываетъ наружу, потому-что, заботясь о другихъ, утѣшительницы болѣе всего хлопочутъ о томъ, чтобъ имъ самимъ было не скучно утѣшать и заботиться.

Къ сожалѣнію, тоже можно сказать и о любви. Это чувство вообще и чаще всего является въ видѣ прихоти, въ видѣ необходимости заняться, подъ благовиднымъ предлогомъ, что время потрачено не напрасно, что тратя его — чувствовали, слѣдовательно были людьми.... Къ тому же, что можетъ быть занимательнѣе всѣхъ этихъ маленькихъ волненій, приключеній, ожиданій, такъ хорошо наполняющихъ часы, которые безъ того было бы некуда дѣвать? Главное чувство этого занятія состоитъ въ желаніи заняться какъ можно сильнѣе, не оставить себѣ ни минуты на размышленіе, въ стараніи прожить свой день не заглядывая дальше, и главнѣйшее, — въ совершенной беззаботности о предметѣ любви, хорошо-ли ему, что онъ любимъ, лишь бы намъ самимъ не надобно любить....

Принято утверждать, что это любимая забава мужчинъ; должно сказать однако, что это еще болѣе занятіе женщинъ. На безлюдьи, въ скукѣ, мужчина еще, можетъ-быть, развеселится чѣмъ-нибудь другимъ; женщина непременно будетъ искать поклонника, будетъ стараться употребить время съ пользою.... Мы даже видѣли эти слова, написанныя, какъ девизъ, какъ афоризмъ, рукою одной молодой дѣвушки на нотахъ другой молодой дѣвушки.

И эта забава такъ необходима, такъ вошла въ привычку у женщинъ, онѣ принимаются за нее такъ свободно и расстаются съ нею такъ легко, что... что онѣ потеряли право жаловаться, если даже ихъ истинное чувство будетъ встрѣчено сомнѣніемъ, а въ дурной часъ, можетъ-быть, и насмѣшкой.

Остается только разобрать, должны-ли правыя, то есть тѣ, которыя въ самомъ дѣлѣ истинно полюбить, отвѣчать за вины неправыхъ и выносить сомнѣнія и насмѣшки только потому, что съ перваго взгляда кажется, будто и онѣ забавляются, какъ забавляются виноватыя?...

Самый важный трудъ, начатый въ первой книгѣ «Отечественныхъ Записокъ», безспорно, новый переводъ Иліады въ прозѣ. Переводы г. Ордынскаго уже извѣстны читателямъ. Это весьма опытный знатокъ греческаго языка и классической древности, и статьи его о древнемъ мірѣ были замѣчены всѣми любителями Эллады и языческаго Рима, хотя въ тоже время справедливо находили въ статьяхъ его нѣкотораго рода сухость въ изложеніи, и мѣстами даже тяжелый слогъ. Теперь

г. Ордынскій задумалъ перевести Иліаду простонароднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ эпическимъ языкомъ. Мысль эта не новая; уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Сенковскій утверждалъ, что Иліаду иначе переводить нельзя и не должно, и даже приводилъ примѣры тому, какъ надобно переводить ее. Гекзаметръ г. Сенковского, писанный языкомъ простонародныхъ сказокъ, переходилъ однакоже въ тривіальность, и переводчикъ съ намѣреніемъ употреблялъ самыя низкія выраженія, чтобы придать болѣе комизма и юмора своему переводу. Тонъ перевода г. Ордынскаго гораздо приличнѣе и благороднѣе; но достигнулъ ли новый переводчикъ своей цѣли, дѣйствительно ли языкъ его перевода точно такой, какимъ должно переводить Гомера — въ этомъ мы позволяемъ себѣ усомниться, хотя и отдаемъ полную справедливость труду и познаніямъ г. Ордынскаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гомера надо переводить, подходя какъ можно ближе къ самому простому, разговорному, всѣмъ понятному, пожалуй даже простонародному языку, но гдѣ границы между выраженіями простонародными и тривіальными, общеупотребительными и низкими? какъ найти черту, перейдя за которую, народное слово дѣлается уже площаднымъ, простота обращается въ неестественность, въ грубость, въ изысканность? Всякій пойметъ, что нужно огромное дарованіе, чтобы выбирать выраженія простые и вмѣстѣ съ тѣмъ не площадныя, чтобы сохранить постоянно строгое благородство языка, даже въ изображеніи самыхъ обыкновенныхъ предметовъ. А противъ этого г. Ордынскій грѣшитъ чуть не на каждомъ шагу, что мы постараемся доказать.

Прежде всего спросимъ мы его: съ какою цѣлью разсыпалъ онъ въ своемъ переводѣ такое множество чисто простонародныхъ выраженій, неупотребляющихся никогда въ самомъ простомъ всеневномъ разговорѣ? Странно было бы думать, что наши простолюдины будутъ читать Иліаду. Эпосъ Гомера слишкомъ далекъ отъ ихъ понятій, взгляда на жизнь, условій и требованій общества, въ которомъ они живутъ; у нихъ нѣтъ ничего общаго съ древнимъ міромъ, и для того, чтобы полюбить его, принять въ немъ участіе, мало обыкновеннаго образованія свѣтскаго человѣка, мало даже ученаго образованія, но не направленаго именно въ эту сторону. Есть и въ нашемъ кругу много очень образованныхъ лицъ, съ огромными дарованіями въ разныхъ родахъ, для которыхъ Гомеръ непопятенъ и незанимателенъ. Если г. Ордынскій хотѣлъ познакомить съ Гомеромъ людей образованныхъ, то для того, чтобы объяснить имъ Гомера, вовсе не нужно было переводить его сказочнымъ, простонароднымъ языкомъ, и языкъ этотъ тѣмъ тяжелѣе у г. Ордынскаго, что

смѣшивается часто съ эпическимъ и употребляетъ выраженія, выпадающія въ другую крайность, въ такъ называвшейся нѣкогда *высокій слогъ*, столько же неупотребительный въ языкѣ обыкновенномъ, какъ и слогъ низкій.

Стало-быть, по нашему мнѣнiю. г. Ордынскій ошибся, прибѣгнувъ въ своемъ переводѣ къ языку *простонародному*, тогда какъ ему слѣдовало бы говорить только *простымъ* языкомъ. Разница между этими способами такъ невелика, что стоило бы уничтожить только нѣкоторыя выраженія, — и вообще какъ говорится: поизгладить мѣстами слогъ, чтобы переводъ вышелъ вполне безукоризненный. Примѣры лучше всего объяснять наше мнѣнiе.

Вотъ переводъ первыхъ стиховъ Иліады:

«Воспой, богиня, гнѣвъ Ахилла *Пелеевича*, пагубный гнѣвъ! тѣму бѣдъ онъ надѣлалъ Ахеямъ, много могучихъ душъ богатырскихъ *спровадилъ* къ Анду, а тѣла ихъ достались въ добычу псамъ и воронамъ; была же на то воля Зевеса. Такъ было съ тѣхъ поръ, какъ *повздорили* князь *Атреевичъ* и свѣтъ Ахиллъ.»

Читатель видитъ, какъ немного надо сдѣлать измѣненій въ этой фразѣ, чтобы она вышла безукоризненною: вмѣсто слова *спровадилъ* поставить — *отправилъ*, вмѣсто *повздорили*, поссорились, выбросить не нужную частицу *же*; выраженіе *свѣтъ-Ахиллъ* замѣнить прилагательнымъ, хотя тѣмъ же *свѣтлый*, и вмѣсто *Атреевичей* и *Пелеевичей* ввести уже давно принятыхъ и освященныхъ употребленіемъ *Атридовъ* и *Пелидовъ*, звучащихъ для русскаго уха лучше этихъ окончаній по-отчеству, которымъ довольно ихъ всенеднежнаго употребленія. Право надобно, чтобы какой-нибудь Иванъ Ивановичъ отличался отъ Агамемнона Атреевича.

Стараясь, быть простонароднымъ. г. Ордынскій впадаетъ часто въ изысканность и натянутость. Къ чему, на примѣръ, эти усѣченныя окончанія, понятныя въ стихахъ, но неумѣстныя въ прозѣ, эти *быстры-корабли*, *чернѣ-кровь*, *жирны-бедра*, *скорѣ корабль*, *крѣпкодушны-Ахеи*, *милъ товарищъ*? Зачѣмъ, въ приведенной нами выше фразѣ называть Агамемнона *княземъ*, также, какъ потомъ Апполона и даже самого Зевеса? Конечно, это подстрочный переводъ слова *οὐκ*; но въдъ Гомеръ употреблялъ выраженія *οὐκ*, *αὐτῶν*, *ραπίδων* какъ синонимы, тамъ, гдѣ метръ стиха требовалъ одного изъ этихъ словъ, — для чего же держаться въ прозѣ подобной точности, заставляющей только улыбнуться при названіи князя Зевеса?

Приведемъ теперь еще нѣсколько странныхъ выраженій перевода, изъ которыхъ многія даже противны свойству русскаго языка, какъ

напримѣръ, эпитетъ Апполона: *Далековержець*. Русскій челоѣкъ непременно спроситъ послѣ этого чего? «*Ладно обутые* Ахеи,— война и язва *донимають* Ахеевъ;— *стобычые*, корабли *скулистые*, Пелеевичу за бѣду стало,—осерчалъ я, люто побили ихъ, не хоти спорить, славою кичась, мило тебѣ втай отъ меня дѣла вершить, напущусь на тебя, наложу руки не оборныя, ты мнѣ больше противѣшь, сошвырнулъ съ порога, сробѣла честнѣ Гера, гдѣ сыпалъ, когда одолить его сонъ, учинился возвратъ Ахеямъ, не хоти перечить, корабли много уключенныя, кичась крыльями, голосъ некрушмый, честнѣ-дѣвица, гостеприимецъ, мечъ серебровоздный, зычный витія,»—употребленіе выраженія *чаю* вмѣсто думаю, — все это, понашему мнѣнію, напрасныя и изысканныя *простонародности*, тѣмъ болѣе неумѣстныя, что рядомъ съ ними употребляются выраженія книжныя: *сколь* я выше тебя, смѣхъ *негасимый*, возстанъ воини, клянуся *симъ* жезломъ, розоперстная заря, и т. п. Очень часто употребляетъ г. Ордынскій эпитетъ *неподобный*, въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ встрѣчается у Кириши Данилова; но мало ли какихъ словъ нѣтъ у Кириши Данилова, неужели ихъ необходимо употреблять, переводя Илиаду? Эпитетъ *виновидное* море также не совсѣмъ удаченъ, *слезы лючи* изысканно; эпитетъ *строителей* народовъ — темень и гораздо удобнѣе могъ быть бы замѣненъ *устроителями*; Зевсъ *гремящій*, а не *гремучій*, потому—что Зевсъ не порохъ; волна *багрецовая*, вмѣсто багряная; что за выраженіе: тосковалъ по *бою-битель*. Если переводчикъ объясняетъ слово *волоокая*—имѣющая большіе глаза, что совершенно справедливо, то и слѣдовало переводить вездѣ такимъ же образомъ этотъ эпитетъ, а не называть Геру то вологлазой, то волоокой, какъ Авину то сѣроглазой, то сѣроокой. Нѣкоторыя выраженія заставляють даже улыбаться, хотя переводчикъ очевидно метилъ въ этихъ случаяхъ на красоту слога, напримѣръ: «распѣвали музы по очереди гласомъ прекраснымъ.» Выраженіе хромецъ Гефестъ также изыскано, какъ и употребленіе вмѣсто олицетвореннаго сна названія Морока. Вмѣсто одѣться, облечься, переводчикъ постоянно употребляетъ слово: оболонуть, оболонуться. Выраженія: а нуте-ка, а ну-ко, такъ такъ-то, ахти—безъ всякой нужды встрѣчаются очень часто; употребленіе мѣстоимѣнія—что, вмѣсто который, и таковой, вмѣсто какой, каково—вмѣсто какъ, также напрасно; выраженія: *справъ* блисталь молніей нельзя употребить вмѣсто: блисталь съ правой стороны; грянуть отовсюду вѣтры всяческіе — также странное выраженіе; къ чему говорить: уйти отъ *труда* Ареева — вмѣсто: уйти отъ кары Арея, отростель — вмѣсто отрасль? Что значить: «умѣнье строить коней и мужей щитниковъ»? Зачѣмъ такая изысканность во фразѣ: «теперь

ужь его содержала черна-земля? Зачѣмъ, вмѣсто побочный сынъ, употреблять совершенно неизвѣстное слово *сурасъ*, найденное въ какихъ-то очеркахъ Сибири? Замѣтимъ, что подобныхъ провинциализмовъ у г. Ордынскаго очень много: онъ говоритъ, *атара* вмѣсто стадо, супарни — Амазонки, яловець — гребень на шлемъ; *юро*, вмѣсто слѣдь судна на водѣ. Чтобы понимать Гомера въ его переводѣ, надо изучить Областной Словарь мѣстныхъ русскихъ нарѣчій.

И подлѣ подобныхъ провинциализмовъ снова появляются образчики высокаго слога: Ителей злачный, наикрасивѣйшая изъ дочерей, ярые въ битвѣ копейной, топоръ нерушимый, ливень несказанный, перемѣшанные съ *сутолокой*, *серебробучальнымъ*, *сподручные*, *страшное супостатство*, *чаялъ отмститъ миходью*, *глубоки корабли*, *вышивала разныя удачи богатырскія*, *лучше бы мнѣ смерть лютая взмилилась*, *вдругожды*, *свѣтъ-Елена долгополая*, *бирючи почестные*, *смѣшали въ чашку вина*, *слово нѣкое*. (При этомъ очень любопытно примѣчаніе, въ которомъ переводчикъ говоритъ, что употребилъ *нѣкой* вмѣсто *какой-то*, потому, что такъ говорится въ Псковской губерніи), *мозгъ на земь потечетъ*, *второй напуцался съ мѣдью Атреичъ Менелай*, *смѣшки-любящая Афродита помутила душу Елень*, *паридовъ жеребий*, *Илій вътрисый*, *отпрыскъ отъ воды Стига*, *отче Зезесъ супротивъ тебя нѣтъ другаго бога пагубиѣ...*

Останавливаемся на этомъ, замѣтивъ, что перечислили только главнѣйшія странности перевода трехъ первыхъ рандсдій. Какъ ни много подобныхъ выраженій у г. Ордынскаго, но исправить ихъ, замѣнить другими очень легко. Найдеть ли онъ это нужнымъ, согласятся ли читатели съ нашимъ мнѣніемъ, это другой вопросъ. Мы считали только своею обязанностью высказать это мнѣніе, изъ уваженія къ такому труду, какъ переводъ *Иліады*.

Не можемъ также не замѣтить, прощаясь съ этимъ трудомъ до слѣдующей книжки «Отечественныхъ Записокъ», что намъ кажется страннымъ правописаніе г. Ордынскаго въ нѣкоторыхъ греческихъ словахъ: такъ онъ пишетъ *Стигъ* вмѣсто *Стиксъ*, *Паридъ* вмѣсто *Парисъ*, *Калхантъ* вмѣсто *Балхасъ*, *Тесей* вмѣсто *Тезей*, *Илій* вмѣсто *Иліонъ*; *Гелій*, *Аргъ*, *Родъ*, вмѣсто *Гелиосъ*, *Аргосъ*, *Родосъ*. Замѣнять *фитою* греческую *тету* старая попытка, никогда у насъ непринимавшаяся, потому-что тогда слѣдовало бы переименовать множество словъ, получившихъ давно уже право гражданства въ русскомъ языкѣ, какъ *театръ*, и др. Таже исторія была и съ буквою (ъ) *эта*, которою хотѣли замѣнить русскимъ звукомъ *и*; имя *Париса* также очень обрусѣло и за-

мѣнять его Паридомъ, и даже, еще чаще, Александромъ, не зачѣмъ. Что же касается до отбрасыванія окончаній собственныхъ греческихъ именъ *осъ* и *онъ*, въ этомъ случаѣ переводчикъ противорѣчитъ самъ себѣ. Пишетъ же онъ самъ: Итонъ, Антронъ, Меоонъ, Олизонъ наконецъ Агамемнонъ, Апполонъ—отчего же ему не хочется писать *Илионъ*, какъ пишетъ вся Европа? Развѣ *Илій* благозвучнѣе? Въ именахъ: Аргосъ, Гелиосъ Родосъ, *осъ* точно такое же родовое окончаніе, какъ и *онъ*. Можетъ-быть усѣченныя окончанія и правильнѣе, но *usus turgidus* ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить ихъ, потому-что они освящены вѣковою давностью. Вѣдь переводить же и самъ г. Ордынской Иліаду Гомера, тогда какъ имя *Омиръ* гороздо правильнѣе?..

Изъ ученыхъ статей этой книги «Отечественныхъ Записокъ» первое мѣсто принадлежитъ статьѣ г. Забѣлина: *Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени*, заключающей въ себѣ, по возможности полную и подробную картину семейной жизни нашихъ государей до петровскихъ временъ. Каждая строка этой статьи имѣетъ высокій интересъ для историка и археолога, и обнаруживаетъ въ авторѣ огромныя познанія, добытыя постояннымъ, настойчивымъ трудомъ.

Мы гораздо менѣе довольны статьею о Василии Андреевичѣ Жуковскомъ со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности. Много высказано въ ней дѣльныхъ замѣчаній, но со многими положеніями автора нельзя согласится вполне, и сколько намъ кажется, сама длиннота статьи, очень многословной, мѣшаетъ ея ясности и опредѣлительности. Мѣстами, слогъ этой статьи кажется намъ также уже слишкомъ возвышеннымъ. Вотъ для примѣра первая строка статьи:

«Девятнадцатый вѣкъ, столь щедро надѣляющій исторію новыми, неожиданными судьбами, вступая въ свой путь, привѣтствовалъ нашу уметвенную жизнь приношеніемъ ей начатковъ новой животворной силы».

Опредѣленіе поэзіи въ этой статьѣ кажется намъ слишкомъ широко и неточно: «Поэзія прежде всего есть *чувство* вѣчной истины и благоговѣйное вѣрованіе въ разумный, божественный порядокъ жизни». Не думаемъ также, чтобы о переводахъ Жуковскаго можно было выразиться такимъ образомъ:

«Всѣ они прошли сквозь его сердце, и восчувствованные, возрожденные его любовью, въ прекрасномъ словѣ страны имъ чуждой, стали плотію отъ плоти и костію отъ костей его». Задачу поэзіи авторъ опредѣляетъ слѣдующими, не совсѣмъ понятными для насъ, словами: «Низводитъ дѣйствительность до идей, и тѣже самыя идеи облакать въ новую, сообразную съ ними дѣйствительность, и сходную съ первою, и несходную, сходную законами, несходную совершенствомъ и полнотою».

явленій». Не понимаемъ также мысли, что Жуковскій связанъ прагматически съ Пушкинымъ и Гоголемъ въ исторіи нашей поэзіи. Въ фразѣ: «въ полуночномъ мракѣ сверкаетъ мгновенный, *двусмысленный* свѣтъ» вмѣсто слова *двусмысленный* очевидно должно быть употреблено таинственный. Слѣдующая за этимъ оцѣнка риторическаго лиризма, господствовавшаго пѣкогда въ нашей литературѣ, написана прекрасно; но сравненіе Жуковскаго и Пушкина съ прекрасными видами и очаровательной мѣстностью, кажется намъ нѣсколько изысканнымъ. Разбирая стихотвореніе: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», авторъ соглашается съ тѣмъ, что лица, выведенныя авторомъ, очерчены единообразно и краски ихъ блѣдны, но не находитъ этого въ портретахъ главныхъ дѣятелей войны. Думаемъ, что даже приведенная имъ въ примѣръ строфа довольна слаба. Что значитъ выраженіе:

Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести.

И можно ли сказать въ последнемъ стихѣ, вмѣсто: Богъ отмститъ за насъ—Богъ намъ мщенье?

Статья о русской литературѣ въ 1852 году почти вся занята разборомъ фельетоновъ Иногороднаго Подписчика и Новаго Поэта; все это очень длинно, а главное все это вовсе не литература. «Львы въ провинціи» и повѣсти г. Писемскаго разобраны очень вѣрно, и объ нихъ мы говорили почти тоже самое въ свое время; о другихъ замѣчательныхъ явленіяхъ прошлаго года сказано немного, и читатель, болѣею частью отсылается къ прежнимъ разборамъ этихъ явленій. Замѣтимъ также автору этой статьи, что онъ напрасно причисляетъ «Вѣстникъ Пантеона» къ подражателямъ «Иногороднаго Подписчика» и называетъ самый журналъ *уклончивымъ*. «Пантеонъ» не уклонялся никогда ни отъ какого вопроса, касающагося до литературы, но высказывая всегда прямо свое мнѣніе обо всѣхъ явленіяхъ, не стѣснялся никакими отношеніями, чего мы не можемъ сказать объ «Отечественныхъ Запискахъ». Еще недавно имѣли мы случай доказать это, по поводу разбора очень слабой книги «Литературные досуги», о которой журналъ этотъ отозвался весьма уклончиво; а теперь, въ этой самой статьѣ о русской литературѣ, видимъ другой, еще болѣе рѣзкій примѣръ уклончивости. «Отечественныя Записки», весьма рѣдко печатающіе стихи, сдѣлали въ прошломъ году исключеніе для весьма замѣчательныхъ стихотвореній г-жи Хвощинской. Потомъ Новый Поэтъ и «Москвитянинъ» сказали, что этимъ стихотвореніямъ придаютъ уже слишкомъ много важности, «Москвитянинъ» сказалъ даже прямо, что хвалить ихъ могутъ только люди безъ

вкуса,—и «Отечественныя Записки», вѣроятно, боясь прослыть за журналь безъ вкуса, благоразумно умолчали, при разборѣ поэтическихъ произведеній прошлаго года, объ этихъ дѣйствительно прекрасныхъ стихахъ. Какъ же это назвать иначе, какъ не уклончивостью? Слишкомъ тридцать страницъ этой статьи заняты разборомъ русскихъ фельетоновъ.

Библиографическая хроника этой книги не велика, «Смѣсь» также, но въ послѣдней есть очень интересная, примѣчательная статья П. И. Небольсина: Разказы Прѣзжаго, въ которой авторъ выводитъ на сцену любопытное лице Меценатина, больного, капризнаго, оригинальнаго старика, сдѣлавшаго однако же множество важныхъ пожертвованій въ пользу наукъ и сильно заботящагося о процвѣтаніи отечества. Одно только не совѣмъ понравилось намъ въ этой статьѣ: авторъ ея очень холодно говоритъ объ этомъ лицѣ, во всякомъ случаѣ заслуживающемъ полного уваженія и оказавшемъ даже пособіе самому автору, поэтому мы и хотѣли бы найти въ авторѣ немножко побольше теплоты и сочувствія къ старику, у котораго, безъ сомнѣнія, много странностей, но странности эти не должно было бы взвѣшивать, выставять и анализировать съ юпитеровскимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Меценатину можно извинить всѣ его слабости, или, по-крайней-мѣрѣ, не обрисовывать ихъ съ такимъ анатомическимъ равнодушіемъ. Пріятно найти умъ въ человѣкѣ, но, еще пріятнѣе найти въ немъ сердце...

Чрезвычайно интересны три статьи въ Иностранной Литературѣ. Біографіи Шанфора и Шеллея являются чуть ли не въ первый разъ на русскомъ языкѣ, и весьма хорошо составлены, но еще замѣчательнѣе разборъ и переводъ «Пѣсни о Роландѣ», эпической поэмы XI столѣтія, въ которой столько первокласныхъ красоть, что надо удивляться, почему она не столько извѣстна, какъ заслуживала этого.

Новости наукъ, искусствъ и литературы и петербургскія замѣтки также очень занимательны.

О первыхъ книжкахъ «Современника» и «Библіотеки для Чтенія» поговоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, а теперь скажемъ, что около новаго года появилась десятая книга «Сына Отечества». Во второй половинѣ этой книги, посвященной не политикѣ, а собственной литературѣ, есть очень хорошая статья: Галванизмъ и практическія его приложенія, и начало французской повѣсти Амедея Ашара. Есть тоже въ этой книгѣ немножко смѣси и библиографіи, есть даже русская повѣсть, разказъ молодаго человѣка, написанный, какъ сказано въ примѣчаніи, молодой дѣвицей. Въ этой повѣсти молодой человѣкъ, пріѣхавшій по дѣламъ въ уѣздный городъ и приготовившійся тамъ скучать, не скучаетъ потому—

что встрѣтилъ очень миленькую дѣвочку, Надю, и достойныхъ ея родителей. Повѣсть очень интересная и поучительная.

Упомянемъ еще о потерѣ, которую въ началѣ нынѣшняго года понесла наша литература въ лицѣ г. Вонлярлярскаго, писателя съ большимъ дарованіемъ, хотя и торопившагося писать въ послѣднее время. У насъ не такъ много писателей, чтобы подобныя потери были нечувствительны для русской литературы. Г. Вонлярлярскій могъ сдѣлать еще много хорошаго, начавъ писать весьма недавно. Отъ души пожалѣемъ объ немъ и о читателяхъ, которыхъ у него было не мало.

II. НОВЫЯ КНИГИ.

Театралы разныхъ возрастовъ. — Путешествія: по Волгѣ, въ Америку и во всѣ страны свѣта, до Новой-Деревни включительно. — Дѣтство, молодость и послѣдніе дни знаменитаго поэта.

Все журналы! Развѣ книги совсѣмъ вывелись на Руси? — Помилуйте, отнюдь не вывелись — онѣ, по-прежнему выводятся, если не вдохновеніемъ, то искусственно, какъ дымятъ въ паровыхъ печахъ. Вотъ цѣлая груда всевозможныхъ форматовъ, отъ четвертой до шестнадцатой доли листа, съ цифрою только что наступившаго 1853 года. Но «Пантеонъ» будетъ бесѣдовать съ вами лишь о тѣхъ книгахъ, которыя, прямо или косвенно,* соприкасаются съ искусствомъ, съ собственною литературою*, и, по давней слабости своей къ театру, начнетъ съ изданій, непосредственно ему посвященныхъ...

Первое изъ нихъ называется *Театралъ*... Кто изъ столичныхъ жителей, и даже изъ обитателей губернскихъ городовъ, не бывалъ хоть разъ въ жизни «театраломъ»... иной въ первой молодости, другой въ послѣдней старости... третій всю жизнь театральствуетъ или театраль-

* Петербургскій Вѣстникъ, въ составъ котораго входятъ общественная жизнь и новости столицы, литература, музыка и другія искусства, естественно, не можетъ быть исключительною (въ короткій срокъ) работою одного лица. Нѣсколько литераторовъ принимаютъ участіе въ составленіи этого неизбѣжно-многосложнаго фельетона. Сужденія о современной журналистикѣ и — отзывы о новыхъ книгахъ принадлежать двумъ разнымъ лицамъ, что и считаемъ не лишнимъ пояснить, чтобы мнѣнія одного не принимались другимъ, и каждый отвѣчалъ, передъ публикой и истинной, *за себя*. Еслибъ когда, случайно, и встрѣтилось нѣкоторое частное несходство во взглядѣ и убѣжденіи, то, въ спорномъ дѣлѣ искусства, это именно служить на пользу истины.

ничаютъ, возится до гроба съ своими сценическими или закулисными воспоминаніями... Самые интересные типы этого вечерняго міра, подъ солнцемъ люстры—настоящее *центральное* солнце, изобрѣтенное г. Медлеромъ—интереснѣйшіе типы партера—энтузіастъ сѣдовласый и диллетантъ безбородый—юноша, который ровно ничего не понимаетъ и *не видитъ*, какъ не безъ основанія должно заключать по вставленному въ глазъ его стеклышку, безпрестанно обращаемому во все стороны, съ цѣлю обратить на себя, въ свою очередь, всеобщее вниманіе. Онъ вертится, юлитъ, нарядно бѣгаетъ по рядамъ, критикуетъ, уничтожаетъ славу, вызываетъ хлопасть, шикаетъ... потомъ ѣдетъ на ванкѣ ужинать къ Дюсо или Доминику, гдѣ продолжаетъ спорить, горячиться... поздно возвращается домой, на утро опаздываетъ въ должность, за что изрядно, и совершенно справедливо, моетъ ему голову солидный набольшій, давно уже, недовольный его изложеніемъ и правописаніемъ, доказывающими, что онъ съ большимъ рвеніемъ изучилъ оперныя либретто, нежели грамматику Греча ..

Очень ошибетесь вы, если по этому приступу, предположите, что названная выше книжка *Театралъ* — сочиненіе сатирическое, или одна изъ тѣхъ шаловливыхъ физиологій, которыми такъ обильна новѣйшая французская литература... Быстраго взгляда на изящную, но строгую обертку, на оглавленіе и первыя строки текста достаточно будетъ для убѣжденія васъ въ томъ, что вы имѣете дѣло съ «театраломъ» степеннымъ и очень умнымъ: въ этой красиво напечатанной книжкѣ не острятъ, не шутятъ, не пустословятъ, а обстоятельно сообщаютъ *факты*, кратко, но удовлетворительно, языкомъ правильнымъ и чистымъ, безъ малѣйшей задоринки, съ необыкновенною точностью корректуры, что, сказать мимоходомъ, въ настоящее время, составляетъ большую рѣдкость, почти диковинку, въ книгахъ, а въ журналахъ и подавно, и въ чемъ развѣ только послѣдніе могутъ быть извинены слишкомъ срочною поспѣшностью и многосложностью своего изготовления...

Содержаніе разсматриваемой монографіи слѣдующее: бѣглый очеркъ исторіи петербургскихъ театровъ; нынѣшній ихъ составъ; труппы — русская драматическая, оперная и балетная; французская, нѣмецкая, италянская; помѣщеніе и распредѣленіе здѣшнихъ театровъ, и наконецъ, театральное училище.

Нельзя лучше дать понятіе о сжатости, простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ скрытой щеголеватости выраженія этой полуброшюры, полукниги, какъ сдѣлавъ изъ нея малую-толику интересныхъ выписокъ:

«Приступая, начинаетъ авторъ, къ обзорѣнію исторіи и нынѣшняго состоянія всенародныхъ зрѣлищъ въ нашей столицѣ, не имѣемъ надобно-

сти пускаться въ изслѣдованія и описанія сѣдой старины. Пройдемъ молчаніемъ и драмы монастырскія въ Кіевѣ, Ростовѣ, Москвѣ, подражанія зрѣлищамъ средневѣковой католической Европы, и странствія бурсаковъ. Упомянемъ мимоходомъ о представленіяхъ московскихъ семнадцатаго вѣка, какъ *Алаферну голову отпѣкли, и на органахъ играли нѣмцы и дворовые люди баярина Матвѣева на фіолахъ и струментахъ, и тѣшили зрителей всякими потѣхами разными.* Въ комнатахъ царевны Софіи Алексѣевны царедворцы и знатныя дѣвицы играли комедіи Мольера, и есть преданіе, что она сама сочинила драму. Петръ Великій уважалъ драматическое искусство, въ Парижѣ бывалъ на французскомъ театрѣ, и пожаловалъ золотую шпагу славному актеру Барону, но не могъ находить удовольствія въ нелѣпныхъ фарсахъ, которыми пріѣзжіе нѣмцы старались забавлять московскую публику, переводя ихъ на русскій языкъ, подъ странными заглавіями, напри- мѣръ: *о Францискѣ, король Эпирскомъ и о Мирандонѣ, сынъ его,* и проч.

«Русскому театру суждено было возникнуть и процвѣсть въ новой столицѣ Россіи. Первый театръ въ С. Петербургѣ устроенъ былъ стараніями сестры Петра Великаго, царевны Наталіи Алексѣевны. Актеровъ было десять, а музыкантовъ шестнадцать человѣкъ, все изъ русскихъ. Представленія этого театра открылись, въ особомъ, построенномъ для того деревянномъ домѣ, трагедіей, въ которой нельзя не замѣтить вліянія Шекспирова: содержаніе ея заимствовано было изъ недавнихъ мятежей, потушенныхъ правительствомъ, и трагическое дѣйствіе не обошлось безъ шута. Жаль, что все эти опыты драматической поэзіи исчезли совершенно. Не знаемъ о дальнейшей участи этого театра. Осталась память о народныхъ зрѣлищахъ, представлявшихся по праздни- камъ молодыми людьми, цирюльниками, кошушенными служителями и тому подобн., въ открытыхъ балаганахъ, изъ которыхъ нерѣдко дождь и гроза изгоняли и зрителей и дѣйствующихъ.

«Въ 1730 году, по вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны, усилились пышность и великолѣпіе двора.» Въ томъ же году «началась италіанская опера. Въ 1735 и 1740 годахъ выписаны были актеры нѣмецкіе и французскіе. Театръ былъ устроенъ во дворцѣ; мѣста отводимы были по чинамъ зрителей, безъ всякой платы» (стр. 1 — 2).

Далѣе объясняется начало собственно рускаго театра, возникшаго, подъ вліяніемъ Сумарокова и покровительствомъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ Сухопутномъ (нынѣ Первомъ) кадетскомъ корпусѣ, который возростилъ столько замѣчательныхъ людей на всѣхъ поприщахъ: полко-

водцевъ, министровъ, дипломатовъ... прозаиковъ и поэтовъ, въ томъ числѣ писателей драматическихъ—Хераскова, Ефимьева, Озерова, Крюковского, Булгарина, и нѣкоторыхъ другихъ.

Такъ-какъ постепенное развитіе народнаго театра нашего извѣстно уже изъ учебниковъ, стариннаго альманаха «Талии» и многочисленныхъ, довольно подробныхъ по этому предмету статей редактора «Пантеона», то не представляется надобности въ копотливомъ извлеченіи изъ настоящаго историческаго очерка, составленнаго преимущественно для той части современной молодежи, которая, пылая страстію къ сценѣ, не заглядываетъ ни въ учебники, ни въ старинные альманахи, ни въ драматическіе журналы прежнихъ лѣтъ. По этому достаточно будетъ напомнить читателю лишь кое-что главное.

Давнымъ давно вы знаете исторію Волкова и его импровизированнаго ярославскаго театра*, гдѣ впервые *дѣйствио* обнаружился сценическій геній Дмитревскаго (Нарыкова). Говоримъ «дѣйствио», потому что онъ и Поповъ играли тамъ женскія роли. Ярославская труппа вытребована была ко двору. Правительство понимало, сколько отъ сцены зависитъ ходъ образованности и нравовъ, и 30 августа 1756 года, послѣдовалъ именной указъ объ «учрежденіи Россійскаго театра». — «На содержаніе его опредѣлено было въ годъ *по пяти тысячъ рублей*» (стр. 5). Изъ этого легко заключить, съ одной стороны, объ относительной по времени цѣнности денегъ, съ другой—о младенческомъ состояніи первоначальной мельпомены нашей, блиставшей однако памятными доннынъ дарованіями Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго, Попова... Съ небольшимъ черезъ три года наступитъ столѣтній юбилей—со дня officialнаго открытія русской сцены, и желательно, чтобы 30-е августа 1856 г. ознаменовалось представленіемъ, достойнымъ тѣхъ попеченій и щедротъ, какими постоянно возвышалась эта изящная и великолѣпная отрасль народнаго просвѣщенія. Быть-можетъ, въ эти три года успѣютъ вдругъ явиться у насъ и новые Фонъ-Визины, Озеровы, Грибоѣдовы, Гоголи. Но пока сбудется эта пріятная надежда, обратимся къ старинѣ...

Въ 1758 г. представлена была *первая русская опера* «Цефаль и Прокрисъ», Сумарокова. Въ царствованіе Екатерины усилено содержаніе театра; лучшія иностранныя пьесы переводились на русскій языкъ; Майковъ, Княжнинъ и другіе—писали комедіи и трагедіи; высокій сатирическій умъ Дениса Ивановича произвелъ «Недоросля» и «Бригадира», поколебавшихъ степныя предубѣжденія, и благородному классу

* См. «Пантеонъ», 1840 г. статью О. А. Кони «А. Дмитревскій».

внушившихъ блатородныя понятія. Въ 1783 году открытъ новопостроенный Большой каменный театръ, съ умѣренною для всей публики платою за входъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, сцена, кромѣ Дмитревскаго и Шумскаго, красовалась Плавильщиковымъ, Крутицкимъ, Черниковыми, Сандуновыми, Рахмановой, Воробьевымъ, и наконецъ знаменитымъ Яковлевымъ. «Въ Москвѣ театръ постоянно установился въ 1776 году». Сама Екатерина сочиняла для театра, и стихи къ ея «пьесамъ писалъ статсъ-секретарь Государыни, умный и даровитый Александръ Васильевичъ Храповицкій».

Въ исходѣ девяностыхъ годовъ замѣчательнѣйшимъ явленіемъ была «Ябеда», Капниста, недавно возобновленная, но не имѣвшая прежняго успѣха, потому-что нынѣ нѣтъ уже прежнихъ подъячихъ, и все, въ этомъ смыслѣ, приняло другія формы, такъ что даже и комедія Грибоедова, съ своими Молчалиными и Фамусовыми, начинаетъ становиться позднимъ анахронисмомъ, древне-московскаго колорита.

Одновременно съ обличеніемъ Капнистомъ ябеды канцелярскаго (по точному выраженію разсматриваемой книжки, въ комедіи этой, «рѣзкимъ образомъ выставлены были злоупотребленія старинныхъ подъячихъ»), — «водворился на нашемъ театрѣ неистощимый Коцебу» (стран. 7). Другими словами, вкусъ публики, со времени перваго свѣтскаго писателя нашего, Кантемира, воспитанный преимущественно на холодныхъ и жѣлчныхъ сочиненіяхъ сатирическихъ, сталъ замѣтно обнаруживать склонность къ нѣжному, чувствительному, трогательному и страстному, развитую въ-послѣдствіи Карамзинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, ихъ подражателями и послѣдователями. Отъ сухаго, педантскаго, искусственнаго и ложнаго, каковы, наприм., были наши оды на разные случаи, или стихотворенія, обращаемаыя къ милостивцамъ, и публика, и писатели, мало-по-малу начали переходить къ животрепещущимъ, истиннымъ чувствамъ сердца человѣческаго, — и вотъ, вмѣстѣ съ симпатическимъ талантомъ Коцебу, который зналъ сердце человѣка и умѣлъ затрогивать слабыя его струны, разгадка успѣха: «Ненависти къ людямъ и раскаянія», «Сына любви», «Самопожертвованія», «Гуситовъ подъ Наумбургомъ». Вскорѣ замѣчательнѣйшимъ представителемъ новаго направленія, патетическаго и глубоко-сердечнаго, хотя и не во все чуждаго стариннаго реторисма, въ оковахъ тяжеловатой версификаціи, явился Озеровъ. Плакали, слушая Эдипа и Антигону, въ совершенствѣ выраженныхъ Шушеринымъ и Семеновой (Катериной Семеновной). Тезея игралъ Яковлевъ.

Между-тѣмъ, какъ, вообще въ литературѣ нашей, чувствительное впадало тогда въ сантиментальное или приторное, на сценѣ излиш-

ня сладости и слезливости не могли надолго утвердиться, благодаря умному противодѣйствию князя А. А. Шаховскаго. Въ «Новомъ Стернѣ» своемъ, онъ удачно трунилъ надъ безпричинною плаксивостію и смѣшнымъ вздыханьемъ....

«Собственно русской оперы, говоритъ авторъ, не было до Кавоса *... На пустое и безтолковое либретто «Князь невидимка», написалъ онъ оперу, имѣвшую долгое время заслуженный успѣхъ, и украсилъ свою музыкую народную оперу Крылова «Илья богатырь»... Между прочимъ, играли *Багдадскаго Калифа, Лодиску, Деревенскія пѣвицы*; но болѣе всего привлекали представленія *Русалки*, одушевляемыя

* Съ этимъ мнѣніемъ мы несогласны. До Кавоса были оперы русскія: «Анюта», Михайла Попова, ягранная въ первый разъ въ Сарскомъ Селѣ въ 1772 г.; въ томъ-же году «*Любовникъ колдунъ*», о которой сказано: «музыка составлена съ *голосовъ* русскихъ пѣсень, приносящая большое удовольствіе»; «*Гостинный дворъ*», опера въ 3 дѣйств., слова и музыка Матинскаго, крѣпостнаго человѣка гр. Ягужинскаго. Матинскій этотъ, котораго имя еще нашей современной публикѣ неизвѣстно, былъ очень замѣчательный человѣкъ, хорошо учился, писалъ легко стихами, и подучилъ солидное музыкальное образованіе въ Италиі, куда его послалъ гр. Ягужинскій на свой счетъ. Вотъ что пишетъ современникъ объ его оперѣ, представленной въ 1774 г.: «Успѣхъ сочинителя оной оперы, забавное зрѣлище и нарядный спектакль въ российскихъ древнихъ нравахъ, приносятъ честь сочинителю. Театръ представляетъ по обычаю российскому древнему подъяческую нарядную свадьбу. Характеръ жениха, играющій Московскаго Российскаго театра актеръ, г. Залышкинъ, совершенно обращаетъ на себя вниманіе публики, принося ей забавное зрѣлище. Часто сія пьеса представляется на российскихъ театрахъ, какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Когда въ первый разъ отдана была на театръ сочинителемъ въ Санктпетербургѣ содержателю театра Книперу, то была представлена разъ до пятнадцати краду и никакая пьеса не дала ему столько прибытку, какъ оная.» — Далѣ слѣдуютъ оперы: «*Перерожденіе*», съ муз. изъ русскихъ пѣсень, въ 1777 г.; «*Мельникъ колдунъ*» Аблесимова, музыка Соколовскаго (въ 1779 г.); «*Несчастіе отъ кареты*» въ 2 д., Княжнина, муз. Пашкевича (въ 1779 г.); «*Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ*», въ 3 д., Аблесимова, музыка Эккеля, въ 1781 г.; «*Добрые солдаты*», соч. Хераскова, муз. Раупаха, придворнаго капельмейстера, въ 1780 г.; «*Збитеньщикъ*» опера въ 3 д., Княжнина, музыка камермузыканта Бюлана, въ 1783 г.; «*Матросскія шутки*», въ 2 д., сочинен. на русскомъ языкѣ *пылкимъ любителемъ литературы*, музыка капельмейстера Себастьяна Жоржа (въ 1780 г.); «*Миленка*», соч. Хераскова, муз. капельмейстера кн. П. М. Волконскаго, Ѳ. Т.; — «*Новое семейство*», Вязьмитинова, музыка капельмейстера Фрейлиха (въ 1781 г.); «*Опекунъ-учитель* или *Любовь хитрѣ злоковенци*», слова и музыка Н. Николова (въ 1782 г.); «*Окупой*» Княжнина, муз. Пашкевича; «*Тунисскій паша*», въ 2 д., слова Матинскаго, муз. Пашкевича; «*Храбрый и смѣлый витязь Архидицъ*» въ 5 д.; «матерія взята — какъ говорить лѣтописецъ — изъ старинныхъ русскихъ сказокъ и пѣсень. Въ первый разъ представлена была въ Санктпетербургѣ съ *наивеликолѣпнѣйшими* декораціями 1787 года, въ октябрѣ мѣсяцѣ». «*Счастливая тоня*», въ 4 д., соч. Горчакова, музыка Стаббингера (1785 г.); объ ней сказано: «часто представляется на Московскомъ театрѣ; публикою принята съ отменною благосклонностію. Едвали изъ русскихъ оперъ подобно была похваляема всеми другая.» — И наконецъ того-же автора и того-же композитора опера въ 4 д. «*Ягабаба*», которая держалась на сценѣ еще долго и послѣ появленія первыхъ оперъ Кавоса.

Редакторъ.

геніяльною игрою Воробьева, не уступавшаго лучшимъ италіанскимъ буфамъ.

На страницѣ 10-й объясняется вліаніе князя Шаховскаго, завѣдывавшаго долгое время репертуаромъ, и участіе въ драматическихъ трудахъ лицъ высшаго общества. Для сцены писали тогда, кромѣ самаго князя Шаховскаго, Озерова, Крюковскаго (*Пожарскій*), Крылова (*Модная лавка* и *Урокъ дочкамъ*, которыя однакожь доселѣ не научились), — Гнѣдичъ, Маринъ, Ф. Ф. Кокошкинъ, графъ Потемкинъ, Шапошниковъ, Лобановъ. Актеры и авторы образовывались взаимно. *Горемъ отъ ума*, Грибоѣдова, оканчивается историческій этотъ перечень и взглядъ, некасающійся подробностей, обходящій даже краткую, отличительную характеристику драматическихъ писателей. Объ актерахъ говорится нѣсколько болѣе. На долю иныхъ достаются и біографійки, чрезвычайно искусно втиснутыя въ нѣсколько строчекъ, причемъ самый предприимчивый критикъ не въ-правѣ сказать, что здѣсь для краткости выпущенъ смыслъ. Эта книжка красна именно тѣмъ, что въ ней больше смысла, нежели словъ: тутъ цѣлая програма для обширнаго творенія, для многочисленныхъ разсужденій и отвлеченностей. О Дмитревскомъ узнаете (если не знали прежде), что онъ въ 1765 году ѣздилъ въ чужіе края, познакомился тамъ съ Лекенемъ и Гаррикомъ, а по возвращеніи въ отечество избранъ былъ въ члены Россійской Академіи, управлялъ театальною школою, въ 1787 году вышелъ въ отставку, но отъ времени до времени продолжалъ еще играть, въ Эрмитажѣ и на публичномъ театрѣ — до 30 августа 1812 года, когда онъ въ послѣдній разъ вышелъ на сцену въ драмѣ: *Всеобщее ополченіе*. Про Сторожева свѣдаете, что онъ, неподражаемый въ роляхъ *слугъ*, женатъ былъ на дочери Дмитревскаго, который, вмѣсто приданнаго, сыгралъ въ его бенефисѣ роль Зомира, въ «Магометѣ». Но вотъ, лучше, три четыре лица, на выдержку, для убѣжденія васъ, что эти законическія біографійки не безличны:

«*Сила Николаевичъ Сандуновъ*, родомъ изъ грузинскихъ дворянъ, получившій хорошее воспитаніе, былъ сначала въ гражданской службѣ, но увлекшись страстію къ театру, сдѣлался, на двадцатомъ году жизни, актеромъ: онъ игралъ съ большимъ успѣхомъ роли *слугъ* и *подьячихъ*; по характеру ролей, былъ онъ разнообразенъ до невѣроятности. Онъ образовался въ Москвѣ и поступилъ на петербургскую сцену; потомъ, женившись на Елисаветѣ Семеновнѣ Урановой, воротился въ Москву, и пользовался исключительно благосклонностью тамошней публики; оставилъ сцену по какимъ-то неудовольствіямъ, и скончался въ 1817» (стр. 13).

«*Алексій Семеновичъ Яковлевъ* (родился въ 1773 году, въ С. Петербургѣ, умеръ 3 ноября 1817 года), купеческій сынъ, былъ въ молодости сидѣльцемъ въ лавкѣ гостинаго двора. Посѣтивъ однажды театръ, онъ восхитился игрою Дмитревскаго, и лишь только позволили обстоятельства, бросилъ коммерцію, и поступилъ на сцену. Прекрасный ростъ, правильное, выразительное лицо, пламенное чувство и громкій, гибкій голосъ, доходившій до сердца слушателей — все составляло въ немъ великаго актера, и еслибъ онъ въ молодости получилъ хорошее образованіе, а въ-послѣдствіи руководствовался примѣрами великихъ артистовъ, и слушался голоса критики, а не вопля глупой толпы, то, конечно, сдѣлался бы первостепеннымъ актеромъ, наравнѣ съ Гаррикомъ и Тальмою. Самое блистательное его время было при появленіи трагедій Озерова (1803 — 1809); онъ торжествовалъ въ роляхъ Синава, Росслава, Фингала, Дмитрія Донскаго, Пожарскаго, Гамлета, Танкреда, Отелло, бургомистра въ «Гусситахъ», незнакомца въ «Ненависти къ людямъ», и тому подобное. Лучшею ролью своею самъ онъ почиталъ Юдая въ «Говоли». Изъ литературныхъ произведеній его извѣстны нѣкоторыя лирическія (стр. 13 — 14).

О Воробьевѣ, ученикѣ Мартини и Маркетти, говорится, что «такого буффа у насъ никогда не бывало».

«*Елисавета Семеновна Сандунова* (до замужества Уранова), славившаяся въ молодости подъ именемъ Лизаньки, первая пѣвица, образовавшаяся въ школѣ Сарти, Паиззелло, Чимарозы и другихъ итальянскихъ композиторовъ, а въ драматическомъ родѣ учившаяся у Дмитревскаго, восхищала Петербургъ въ девяностыхъ годахъ, переведена была въ Москву, а послѣ 1812 года опять играла въ Петербургѣ» (стр. 17).

«*Нимфодора Семеновна Семенова*, даровитая актриса, замѣчательная красавица и пріятная пѣвица въ опереттахъ Мегюля, Боальде, и тому подобн., была очень хороша въ «Сандрилліонѣ», въ «Швейцарскомъ Семействѣ» и т. п.» (стр. 18).

Какъ видите, это все еще объ отжившихъ, старинныхъ представителяхъ и представительницахъ русской сцены. Современные артисты, всѣ, безъ исключенія, очерчены въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, безъ особенныхъ критическихъ изслѣдованій свойствъ ихъ таланта.

«Французскій театръ, — продолжаетъ почтенный «Театралъ», повидимому обнимающій собственными воспоминаніями болѣе полувѣка, — существовалъ у насъ со временъ Императрицы Елисаветы Петровны, и въ царствованіе Екатерины II былъ въ самомъ блистательномъ состояніи. Въ трагедіяхъ отличались Офрень (Rival Aufresne),

рекомендованный Государынѣ Вольтеромъ и пользовавшійся ея вниманіемъ и благосклонностью, и Флоридоръ; актрисы Лесаажъ и Гюсъ. Въ комедіяхъ: актеры Дорсевиль, Бурде, Дельпи, Фастіе; актрисы Добнуръ, Мишленъ, Дюфуа. Дмитревскій склонилъ было Лекена и госпожу Клеронъ поступить на петербургскую сцену, но французское правительство не позволило имъ выѣхать изъ Франціи. Въ оперѣ французской, въ концѣ XVIII вѣка, отличалась пѣвица и актриса Шевалье. Французская труппа возобновлена была въ 1802 году. Извѣстнѣйшіе актеры того времени были: Деглини (въ трагедіяхъ), Дюкруаси, Фрожеръ, Талонъ (въ комедіяхъ) госпожи Вальвиль (въ драмахъ), Туссенъ (въ комедіяхъ, въ роляхъ субретокъ). Въ оперѣ блистали: пѣвицы Филисъ-Андріе, талантъ необыкновенный, Филисъ-Бертенъ и Мессъ; пѣвцы Сень-Леонъ, Дюмушель и Мессъ. Въ 1809 году играла въ трагедіяхъ знаменитая Жоржъ, бывшая тогда въ цвѣтѣ юности и таланта. Съ 1812 года (по причинамъ военнымъ и политическимъ) французскаго театра у насъ не было. Онъ возобновился въ 1819 году, изъ немногихъ прежнихъ артистовъ, въ числѣ которыхъ отличалась актриса Туссенъ-Мезьеръ, дочь режиссера Мезьера и актрисы Туссенъ. Къ нимъ присовокупились нѣкоторые новые сюжеты, и между-прочимъ хорошіе актеры Сень-Феликсъ, Дорваль и пѣвецъ Брисъ. Французскій театръ возрасталъ и мало-по-малу обогащался новыми хорошими артистами. Назовемъ Женъеса, Альфонса Атрюкса, Дюфура, Бурде, Стоклейта, Мере, г-жъ Данжевиль, Малю, Бурбіе и Бра (Bras), несравненную въ роляхъ старухъ. Въ 1837 году оживили сцену Алланъ съ женою. Въ послѣднее время заслужили особенную благосклонность публики Брессанъ и комикъ Поль-Мине. Прочіе, находящіеся еще на нашей сценѣ, исчислены будутъ ниже. Скажемъ по правдѣ, что существованіе въ Петербургѣ хорошей французской труппы ни мало не мѣшаетъ успѣхамъ артистовъ русскихъ, а напротивъ служило имъ полезнымъ примѣромъ, и возбуждало соревнованіе! Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что Жоржъ была во многомъ образцомъ для К. С. Семеновой».

«Нѣмецкій театръ, продолжаетъ авторъ, есть существенная необходимость города, въ которомъ живутъ до *сорока тысячъ* нѣмцевъ. Первая нѣмецкая труппа, преплохая, поселилась въ С. Петербургѣ въ 1763 году, и играла въ бѣдныхъ костюмахъ, въ недостроенномъ домѣ (князя Голицына, въ Морской), варварскія пьесы тогдашняго нѣмецкаго репертуара. Особы вышаго круга ѣздили въ этотъ театръ, чтобъ посмѣяться надъ артистами. Потомъ отвели этой труппѣ брошенный театръ, выдали гардеробъ, и она тѣшила зрителей средняго состоянія. Въ 1783 году, тогдашній директоръ театра, Петръ Ивановичъ Мелисено, выписалъ изъ

Германіи превосходнѣйшихъ актеровъ того времени, но такъ какъ эта труппа обходилась очень дорого, то и была распущена въ 1791 году».

Далѣе объясняется, что въ 1794 году прибыла въ здѣшнюю столицу странствующая труппа актрисы Тилли, принятая потомъ на службу дирекціи, и что «изъ этого общества составился *нынѣшній* нѣмецкій театръ». Читатели, конечно, не примутъ послѣднихъ словъ буквально: безъ сомнѣнія, всѣ члены той странствующей труппы давно уже не существуютъ. Наименовавъ замѣчательнѣйшихъ прежняго времени актеровъ этой сцены, «Театраль» прибавляетъ: «на нѣмецкомъ театрѣ появляются перѣдко артисты отличныхъ талантовъ и съ европейскою славою, въ качествѣ *гостей*; пробывъ здѣсь мѣсяца два и болѣе, возвращаются на родину. Таковы были, между-прочими, знаменитый комикъ Вурмъ, два Девриента, Кригеръ, который имѣлъ такой неожиданный успѣхъ въ Петербургѣ, что сошелъ оттого съ ума».... такъ опасны всѣ нечаянности; постоянная неудача сокрушаетъ медленно, какъ чахотка сорокалѣтняго человѣка, — шумный успѣхъ убиваетъ съ разу слабая или экзальтированныя головы... но мы дерзаемъ думать, что одна сценическая зависть вклепала на Кригера такую странную причину сумасшествія: онъ былъ актеръ, имѣвшій успѣхъ повсюду, одинъ изъ первыхъ талантовъ Германіи — стало-быть разсудку его подобныя неожиданности не могли быть въ диковину.

Возвращаясь къ итальянской оперѣ, существовавшей у насъ «уже въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія», обстоятельное обозрѣніе доводить до свѣдѣнія читателей, что «первою гѣвицею въ ней была мать извѣстнаго путешественника Казановы*, и буффомъ знаменитый Педрилло. Между-тѣмъ не было у насъ настоящаго итальянскаго театра: проходило иногда нѣсколько лѣтъ, что публика наша не слыхала гесперидскихъ соловьевъ. Императрица Екатерина сама не находила удовольствія въ музыкѣ**, но для великолѣпія своего двора, для удовольствія любителей искусствъ, содержала превосходную итальянскую труппу... Капельмейстерами были знаменитые композиторы: Чимароза,

* Котораго потомокъ показываетъ теперь у насъ ученыхъ обезьянъ и собакъ. Sic transit gloria mundi.

** Въ этомъ мы осмѣливаемся усомниться. Екатерина не любила, можетъ-быть, заморскихъ оперъ, но она любила музыку, и всѣми средствами старалась развить музыкальное чувство въ русскомъ народѣ. Она сама писала оперы, поощрала русскихъ композиторовъ, указывала имъ на національные источники музыки, отыскивала музыкальные таланты даже въ простомъ народѣ, доказательствомъ чему служитъ знаменитый скрипачъ Гандошпа, соперникъ Диди и Роде. При ней, можно сказать, сложилась настоящая народная русская опера.

Павзіелло, Сарти, Мартини.. Въ 1803 году возобновилъ итальянскую труппу частный содержатель Казаеси: но публика не оказывала къ оперѣ большаго участія, и она прекратилась года черезъ три. Въ 1827 году Театральная Дирекція устроила вновь итальянскую оперу, которая продолжалась до 1831, и хотя она, по замѣчанію автора, «была не первостепенная, но водворила любовь и вкусъ къ пѣнію, познакомивъ насъ съ твореніями Россини, Беллини и другихъ новыхъ композиторовъ, которые дотолѣ извѣстны намъ были по слабымъ отголоскамъ и переводамъ на русской и нѣмецкой сценѣ» (стран. 22—23).

Начало у насъ балета изыскательный «театраль» относить къ 1738 году. Танцмейстеръ Ланде обязался выучить танцованію и пантомимамъ по двѣнадцати мальчиковъ и дѣвочекъ, изъ сиротъ и бѣдныхъ. Молодые танцоры назывались не по прозвищамъ, а по именамъ. Болѣе всего славились изъ нихъ Дуня и Тимошка (Бубликовъ)... Въ 1801 году поступилъ въ балетмейстеры знаменитый хореграфъ Карлъ Дидло. Онъ образовалъ нашъ прекрасный коръ-де-балетъ, многихъ превосходныхъ артистовъ изъ воспитанниковъ театральной школы, и поставилъ на сцену, съ невѣдомою дотолѣ роскошью и изяществомъ, множество балетовъ... Такимъ образомъ, достигли мы достопамятныхъ временъ Евгенія Онѣгина, который, въ первой главѣ народнаго романа, разочарованно восклицаетъ:

«Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ!»

Колосова (мать А. М. Каратыгиной), Истомина, воспѣтая двумя одноименными гениальными поэтами, двумя Александрями Сергѣевичами, Телешова, Иконина, Лихутина — вотъ перлы хореграфическаго искусства этого времени; къ нимъ должно еще присоединить умершую въ первомъ разцвѣтѣ, на семнадцатой веснѣ своей привлекательной весны—Данилову, «ученицу пріѣзжавшаго сюда въ 1809 году знаменитаго французскаго артиста Дюпора», того самого, по поводу котораго, одному бездарному стихотворцу, имѣвшему притязаніе на всеобъемлемость фернейскаго мудреца, какой-то острякъ адресовалъ эпиграму:

Скажу тебѣ, шить, скажу я не въ укоръ,
Ты плящешь какъ Вольтеръ, а пишешь какъ Дюпоръ

Но что значить наша холодная исторія, наше бездушное извлечение, въ сравненіи съ двумя вдохновенными строфами Пушкина, тоже «театрала», въ свое молодое и прекрасное время русской сцены? Вы знаете

ихъ наизусть, но они нехотя припоминаются, къ услажденію нашего сухаго перечня:

Волшебный край! Тамъ, въ стары годы,
 Сатиры смѣлой властелинъ
 Блисталь Фонъ-Визинъ...
 И переимчивый Княжинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукопесканій
 Съ молодой Семеновой дѣлилъ;
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
 Корнеля геній величавый;
 Тамъ вывелъ колкій Шаховской
 Своихъ комедій шумный рой.
 Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулись,
 Младые дни мои неслись...
 Мои богини! Чтò вы? Гдѣ вы?
 Внемлите мой печальный гласъ:
 Все тѣ же-ль вы? другія ль дѣвы,
 Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
 Услышу-ль вновь я ваши хоры?
 Узрю ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И устремивъ на чуждый свѣтъ
 Разочарованный лорнетъ,
 Веселья зритель равнодушной,
 Безмолвно буду я звать
 И о быломъ воспоминать...»

(Евг. Опы., Гл. I, строфы XVIII — XIX).

Историческая часть занимаетъ въ разбираемой книжкѣ только 24 страницы, зато около ста посвящено настоящему. «Мы (говоритъ авторъ) считаемъ начало новѣйшаго, цвѣтущаго состоянія с.-петербургскихъ театровъ съ той поры, когда появились таланты, украшающіе нашу сцену въ нынѣшнее время. Эта эпоха совпадаетъ съ поступленіемъ Императорской театральной дирекціи въ вѣдомство министерства Императорскаго Двора, ознаменованнымъ въ управленіи ея единствомъ цѣли и преобладаніемъ любви къ изящному, величественному и благородному, появленіемъ на всѣхъ петербургскихъ театрахъ талантовъ, заслужившихъ, по справедливости, европейскую славу. Особенно возвысились и процвѣли наши театры со времени управленія ими нынѣшняго директора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Михайловича

Гедеонова. Отечественные таланты нашли въ немъ просвѣщеннаго и ревностнаго покровителя. Первыя европейскія знаменитости соревнуютъ на сценахъ нашихъ театровъ. Итальянская наша опера лучшая въ Европѣ. Французскій театръ не уступаетъ парижскимъ. Нѣмецкій равно можетъ соперничать съ хорошими театрами Германіи. Въ балетѣ, при блистательныхъ талантахъ русскихъ, красовались постепенно Галіони, Фанни-Эльслеръ, Карлотта Гризи. Оркестры отличаются участіемъ превосходныхъ талантовъ, полнотою и совершенствомъ исполненія Декорационная часть возведена на высокую степень. Костюмы и вообще вся монтировка спектаклей ознаменованы изяществомъ, великолѣпіемъ и строгимъ наблюденіемъ указаній исторіи и археологіи» (стр. 25—26).

Затѣмъ подробно разсматривается личный составъ каждой труппы отдѣльно. Удачнѣйшія и любопытнѣйшія характеристики выпали на долю итальянскихъ, въ-особенности же французскихъ и нѣмецкихъ артистовъ, болѣе оживленныя и разнообразныя, не чуждыя хотя краткихъ, но отчетливыхъ біографическихъ свѣдѣній, при оцѣнкѣ талантовъ, довольно удовлетворительной. Объ отечественныхъ, какъ выше упомянуто авторъ отзывается, болѣею частью, съ видимою уклончивостію, въ общихъ, близкихъ и сходныхъ между собою выраженіяхъ, подводя разнохарактерныя дарованія подъ какой-то стереотипный уровень. Это понятно: болѣе опредѣлительная и точная ихъ оцѣнка была бы нѣсколько щекотливою въ книжкѣ спеціальнаго свойства. Впрочемъ нѣкоторые обозначены явственнѣе. Вотъ для образца:

«*Петръ Ивановичъ Григорьевъ*, весьма полезный артистъ въ комедіяхъ и водевиляхъ, особенно искусно представляющій типъ русскаго солдата. Онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ, нравящихся среднему классу, въ которыхъ умѣлъ угодить господствующему вкусу публики; изъ нихъ болѣе всѣхъ имѣла успѣха «Житейская школа», одолженная тѣмъ въ-особенности превосходной игрѣ артистовъ, часто спасающихъ своимъ дарованіемъ самыя слабыя и неудачныя произведенія.

Семень Яковлевичъ Марковецкій, воспитанникъ театральнаго училища, молодой артистъ съ большимъ дарованіемъ, въ комическихъ роляхъ простаковъ, крестьянъ, и т. п. Кромѣ комисма, въ этомъ молодомъ и много общающемъ артистѣ есть неподдѣльное чувство, часто трогющее зрителей до слезъ въ такъ-называемыхъ драмахъ-водевиляхъ. Равно отчетливо и добросовѣстно исполняетъ онъ и незначительныя бенефисныя роли.

«*Катерина Николаевна Жулева*, воспитанница театральнаго училища, молодая артистка на тѣ же роли, какъ Н. В. Самойлова, имѣетъ

пріятный голосъ и счастливую сценическую наружность; въ игрѣ ея много чувства и простоты. Приобрѣтя больше сценической опытности, и укрѣпивъ голосъ, можетъ современемъ замѣнить Н. В. Самойлову.—

Марья Дмитріевна Дюръ (до замужества Новицкая), нѣкогда знаменитая танцовщица и пантомимная актриса, сводившая съ ума весь Петербургъ въ нѣмецкой оперѣ «Фенелла», теперь играетъ благородныхъ матерей и пожилыхъ женщинъ средняго круга.

Ирина Семеновна Сандунова, полезная и умная артистка на роли комическихъ старухъ, обладаетъ, сверхъ-того, замѣчательнымъ литературнымъ дарованіемъ: она написала нѣсколько повѣстей и театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ заслуженный успѣхъ. (Стр. 32, 33, 36—38).

Въ свѣдѣніяхъ объ артистахъ итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ любопытны, между-прочимъ, показанія настоящихъ, до-сценическихъ фамилій нѣкоторыхъ и кой-какія обстоятельства, или подробности, касающіяся времени, предшествовавшаго поступленію ихъ на сцену сѣверной Пальмиры. Но жители ея такъ знакомы со всеми личностями всѣхъ петербургскихъ труппъ, а иногородные такъ часто слышатъ въ «Пантеонѣ» оцѣнку здѣшнихъ артистовъ и артистокъ, что мы считаемъ совершенно излишнимъ какія-либо дальнѣйшія извлеченія изъ современной части «Театрала»; историческую-же достаточно исчерпали въ главныхъ чертахъ, и намъ остается сдѣлать послѣднее дополненіе, относительно прежняго помѣщенія петербургскихъ театровъ...

Прежде уже было сказано о первоначальныхъ, съ 1735 года, представленіяхъ, устроенныхъ въ Зимнемъ Дворцѣ, куда могъ входить безъ платы всякій порядочно-одѣтый человекъ.

«Въ-послѣдствіи передѣлывали для помѣщенія театральныхъ залъ манежи: сперва въ домѣ герцога курляндскаго Бирона, потомъ у Казанскаго моста; послѣдній сгорѣлъ въ 1749 году. Въ 1750 г. выстроенъ былъ большой театръ, деревянный, на Царицыномъ лугу, близъ Лѣтняго сада, гдѣ теперь находится домъ Принца Ольденбургскаго. Въ 1759 г. театръ былъ переведенъ въ зданіе Лѣтняго Дворца, у нынѣшняго Полицейскаго моста, гдѣ теперь домъ Коссиковского. Съ 1745 до 1778 г. былъ небольшой театръ въ Ново-Исакиевской улицѣ, въ нынѣшнемъ зданіи почтамта. Въ 1779 г. построенъ небольшой деревянный театръ на Царицынымъ лугу, близъ берега Мойки (гдѣ стоялъ въ-послѣдствіи монументъ Суворова); этотъ театръ сломанъ въ началѣ 1797 г. Послѣ бывшаго въ 1766 г. большаго каруселя, построенный для того большой амфитеатръ перевесенъ былъ на порожнее мѣсто между Мойкою и Никольскимъ (нынѣ Крюковымъ) каналомъ; на немъ представлялись народныя игрыща. Въ 1783 г. амфитеатръ былъ сло-

манъ, и на его мѣстѣ сооруженъ нынѣшній Большой Театръ. Въ 1801 г. построенъ малый театръ, деревянный, г-номъ Казаеи, для представленій итальянской труппы, и потомъ купленъ въ казну». Этотъ театръ имѣлъ достоинство акустическое: отвсюду было хорошо слышно и видно.

«Онъ сломанъ въ 1832, и на его мѣстѣ явился нынѣшній Александринскій. Нѣмецкій театръ долгое время былъ въ домѣ Кушелева, противъ Зимнаго Дворца, гдѣ нынѣ Главный Штабъ. Въ 1825 г. построенъ деревянный театръ у Чернышева моста, гдѣ нынѣ зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ сгорѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи. Еще существовалъ деревянный театръ, подъ именемъ *Новаго*, въ залѣ бывшаго цирка, у Симеоновскаго моста; онъ сломанъ въ 1833 году» (стр. 116—117)

Всякой разсудительный человѣкъ пойметъ, что отъ подобнаго дѣльнаго, фактическаго обозрѣнія странно было бы требовать романической занимательности, или отборныхъ красоть беллетрическаго изложенія. Это карманная, кабинетная, будуарная книжка для справокъ — соединеніе архива съ описью настоящаго, которое современемъ также обратится въ архивное достояніе, и послужитъ, съ другими данными, обстоятельнымъ матеріаломъ къ исторіи петербургской сцены. Такова, конечно, ни болѣе, ни менѣе, была и цѣль автора. Если и найдутся незначительныя обмолвки въ именахъ, цифрахъ — а ихъ здѣсь такое множество — то каждый *обязанъ* простить этого рода погрѣшность, можетъ быть и типографскую: такъ легко ошибиться въ показаніяхъ, гдѣ главную, почти единственную роль играютъ имена, цифры и внѣшности, роль трудную, амцлуа неблагодарное!

Разсмотрѣнный сценическій альманахъ или календарь украшенъ литографированными: 1) видами театровъ Большаго и Александринскаго; 2) портретами: В. В. Самойловой, Карлотты Гризи, Пальмиры Аннато, Леонтины Вольнисъ, Анны Берндорфъ и Лаблаша (изъ каждой труппы, слѣдственно, взято по одному сюжету) и 3) планами театровъ Большаго, Александринскаго, Михайловскаго и Цирка, съ означеніемъ цифрами всѣхъ мѣстъ въ ярусахъ и партерахъ. Остается выбрать лучшее, съѣсть и наслаждаться...

Но, прежде, позвольте пригласить васъ на «*Дѣтскій театръ и живыя картины*», предлагаемая г. Ал. П.

О предисловія! За что нападали и нападаютъ на васъ? И кто же? Лицеѣры рецензенты... которые безъ предисловія, собственнаго и авторскаго, шагу ступить не могутъ. Что до меня, пишущаго «сѣя» лѣнивыя строки, я безъ ума отъ введеній: я въ нихъ черпаю умъ и

смысль, когда не могу добраться до того и другаго въ текстѣ. Буду откровеннѣе, прямодушнѣе моихъ собратій: я не всегда и задаю себѣ напрасный трудъ лазить въ глубину текста... чтобъ не сломать свою шею, и чтобъ бѣдный мой умъ не зашелъ за разумъ... мнѣ достаточно, съ нѣкоторымъ вниманіемъ, пересмотрѣть, или, что—называется, перелистовать книгу, и я быстро освѣдомляюсь, съ кѣмъ имѣю честь бесѣдовать, на сколько градусовъ у почтеннаго г. сочинителя поднята голова, какъ у доброй мортиры, готовой выстрѣлить. Не думайте, чтобы, подобно «Новому Поэту», я гордо и надменно приписывалъ это устройству головы, покоящейся на моихъ согбенныхъ плечахъ, относилъ такую догадливость къ счастливымъ своимъ способностямъ и небывалымъ талантамъ... о нѣтъ! Это просто дѣло рутины, навыка, двадцати-двухъ-лѣтняго опыта пересматривать новыя книги и писать на нихъ, съ позволенія вашего, критики. Скромный и смиренный, я очень хорошо понимаю, что всякій талантъ есть условный даръ природы, и что отъ самого человѣка зависятъ только ученіе, трудъ, доброе намѣреніе. При такомъ кроткомъ взглядѣ на предметъ, критика можетъ иногда позволить себѣ невинное ратоборство съ посредственностію, вооруженною страшными претензіями, но отнюдь не должна отваживаться на крутые приговоры и выходки противъ произведеній безоружныхъ, открыто объявляющихъ всякое отсутствіе неумѣренныхъ притязаній. Послушайте, напримѣръ, какъ робко, стыдливо и благородно предисловіе издателя *Дѣтскаго театра*:

«При устройствѣ его, говоритъ онъ, постоянно встрѣчаются затрудненія въ выборѣ пьесъ, какъ по содержанию своему и сценическому интересу, такъ и по другимъ обстоятельствамъ удобныхъ для дѣтскаго возраста, хотя бы и съ участіемъ въ нихъ взрослыхъ. Это затрудненіе часто разрушаетъ планы *устраивать* спектакли, которые участникамъ, желающимъ угодить родителямъ, роднымъ и начальникамъ, всегда приносятъ большое удовольствіе, и радуютъ тѣхъ, для кого они *устраиваются*. Настоящее собраніе пьесъ для дѣтей средняго и меньшаго возраста издается съ цѣлью, по возможности, устранить этотъ дѣйствительный недостатокъ. Въ настоящее время уже доказано, что трудно писать для дѣтскаго возраста, и потому авторъ проситъ *снисходительной* оцѣнки своему труду; пусть благая цѣль, побудившая издать это собраніе *дѣтскихъ пьесокъ*, будетъ защитою и ходатаемъ за него предъ публикою».

У какого же неумолимаго критика достанетъ, послѣ этой просьбы, невеликодушной рѣшимости трунить или острить надъ «дѣтскими пьесками», притомъ не неграмотно и старательно составленными? Развѣ, что онъ не прочитаетъ предисловія...

Большая часть этихъ дѣтскихъ пьесокъ являются въ печати впервые: нѣкоторыя же изъ нихъ были уже помѣщены въ разныхъ изданіяхъ, а всѣ написаны, въ разное время, для представленія въ частныхъ домахъ. Содержаніе двухъ только заимствовано — одной изъ Беркена, другой изъ повѣсти Евгенія Фoa. Авторъ, съ новымъ извиненіемъ, присовокупляетъ, что «предлагаемыя пьески, при представленіи, не казались зрителямъ скучными и заслуживали одобреніе». Имѣя въ виду, что при выборѣ пьесъ для домашняго спектакля, требованія бываютъ различны, издатель усердствовалъ придать разнообразіе своему театру. Въ немъ есть пьески на два, на три, четыре и болѣе дѣйствующихъ лицъ; «въ нѣкоторыя для представленія нужно однихъ только мальчиковъ, въ другія дѣвицъ; есть и такія, гдѣ требуется участіе и тѣхъ и другихъ. Басни, разговоры и нѣкоторыя изъ пьесъ предназначаются для дѣтей мѣншаго возраста; но въ иныхъ, для исполненія ролей (для чего жъ бы иного?), нужны также и взрослые». Предоставляя выборъ самимъ участникамъ, издатель, впрочемъ, ничѣмъ не отличилъ пьески, назначенныя въ пользу малолѣтныхъ, отъ сочиненій, посвященныхъ юношеству, или, какъ онъ выражается, «взрослымъ» дѣтямъ, которые, сказать между нами, охотнѣе пойдутъ посмотрѣть «Ермила Кострова», русскую сватьбу г. Сухонина, водевилъ или драму взрослога писателя, и не чуждые музыкальнаго развитія, заслушаются итальянскою оперы, вмѣстѣ съ папенькой и маменькой заглядятся на роскошную постановку балета...

Недовѣрчивое предисловіе оканчивается опасеніемъ автора «за смѣлость изложить въ разговорахъ безсмертныя произведенія роднаго баснописца, и для связи, сдѣлать въ нихъ небольшія вставки; но (,) въ защиту себя, онъ позволить (кому?) сказать, что его попытка дать возможность представить въ дѣйствіи басни И. А. Крылова *увѣнчалась*, при представленіи ихъ *милыми малютками*, полнымъ успѣхомъ, что авторъ относитъ *единственно* къ занимательности вѣчно-юныхъ произведеній нашего славнаго баснописца». И авторъ не ошибается въ такомъ «отнесеніи»: лучшія пьески его репертуара принадлежатъ «вѣчно-юному» и «славному» баснописцу нашему; благодаря ихъ драматической или разговорной формѣ, къ нимъ оставалось только прилѣпить названіе дѣйствующихъ лицъ, какъ, напримѣръ, сдѣлано въ «Дѣтскомъ театрѣ» съ извѣстною баснею о римскомъ огурцѣ. Два разговаривающіе въ ней лица наименованы: одинъ — *пріятелемъ*, другой — *путешественникомъ*. Впрочемъ мысль обратить на сцену нѣкоторыя изъ этихъ неподражаемыхъ басенъ — мысль очень счастливая. Не только «милыя малютки», но и настоящіе, отличнѣйшіе актеры могли-бы не безъ пользы и удо-

вольствія для слушателей декламировать, въ два или три лица, глубоко-знаменательныя иносказанія покойнаго «дѣдушки».

Желая облегчить устройство домашняго театра, издатель приложилъ рисунки и описаніе удобнѣйшаго, простѣйшаго способа къ образованію комнатной сцены, а въ другой статьѣ объяснилъ постановку живыхъ картинъ, предложивъ самыя ихъ сюжеты и краткое истолкованіе послѣднихъ. Въ первомъ способѣ, по словамъ автора, «нѣтъ ничего новаго: это тотъ-же (,) прежній ширмовый театръ, о которомъ давно уже у насъ было печатано». Но авторъ, какъ сказано выше, очень скромнѣе, и двумя строками ниже — вы узнаете, что его сцена отличается отъ ширмоваго театра тѣмъ, что при *совершенной* простотѣ, легкости и быстротѣ, она представляетъ *совершенную* сцену... въ чемъ тутъ дѣло, любопытнымъ надлежитъ освѣдниться непосредственно изъ описанія и рисунковъ... Что касается постановки, въ комнатѣ, живыхъ картинъ, то это несравненно проще, вовсе не сложно и легко объясняется безъ длиннаго описанія и чертежей: «всего удобнѣе, говоритъ авторъ, избрать дверь, находящуюся посрединѣ стѣны зала и соединяющую его съ гостиною или другою комнатою (я полагаю, столовою, потому-что всякая постановка или экзерциція возбуждаетъ аппетитъ). Въ такомъ случаѣ рама двери будетъ служить рамою живой картинѣ. Для этой *цѣли* дверь закладывается снизу досками, или завѣшивается какой-нибудь темною матеріею, на аршинъ вышины». Я, «многоопытный» библиографъ, но совершенно неопытный театраль, долженъ вамъ, съ нѣкоторою однако робостью, признаться, что сію минуту въ неизобрѣтательной головѣ моей мелькнуло, какъ мнѣ самолюбиво кажется, не чуждое остроумія изобрѣтеніе *самонаилегчайше-упрощеннѣйшей* по этой части системы, отвергающей всякую «темную матерію»: стобить только живописно стать въ любой двери—и косяки ея изобразятъ раму, а вы лично—живую картину, во всей ея красотѣ и неоспоримости.— Я сейчасъ пробовалъ этотъ способъ, и онъ мнѣ совершенно удался, что нѣсколько развлекло меня въ моей скучной работѣ. Съ меньшимъ неудовольствіемъ возвратился я къ письменному столу, исчалъ передистывать обѣ части «Дѣтскаго театра», и даже одну пьесу, первую въ порядкѣ помѣщенія (она-же первая и по достоинству), прочиталъ сплошь, до конца, что дѣлаетъ честь и автору, и мнѣ. Комедія эта титулуется *Маленькій музыкантъ*, «Дѣтство Моцарта» тожъ. Маленькій Моцартъ голоденъ, сестрица его также, папенька и маменька равномѣрно. Сестрица, большая разумница, утѣшаетъ братца, будущаго генія музыки, проситъ его взять терпѣніе въ зубы, вмѣсто хлѣба, и притомъ логически доказываетъ, что ѣсть необходимо ежедневно—такая ужъ замаш-

ка у людей — маленькій Моцартъ сначала какъ-будто сомнѣвается въ этой могущественной истинѣ, но вопль желудка подь-конецъ убѣждаетъ его въ ея непреложности... волшебю является благодѣтельная особа — папенька и маменька получаютъ бифтексъ съ картофелемъ аля-метръ-д'отель и пожарскія котлеты, при бутылкѣ вина, а дѣтямъ присланы игрушки и конфекты.... Разумѣется, что все довольны, а главное сыты, и, что еще важнѣе, устраивается карьера знаменитаго маэстро.... И поучительно, и трогательно, и забавно!... Смѣю увѣрить васъ, что эта наивная комедія немногимъ уступаетъ нѣкоторымъ изъ пьесъ для взрослыхъ, о которыхъ «Пантеонъ» печально иногда докладываетъ вамъ въ своей театральной хроникѣ...

Вы, конечно, не потребуете отъ «Вѣстника», чтобы онъ разсказалъ вамъ содержаніе и прочіихъ пьесъ Д. Т. — Ихъ не мало. — *Испытаніе нансіонерки, Девъ Саши, Любопытство* — комедіи; *Слѣпая, Кадетъ, Восковая кукла, Великодушіе* — драмы; *Отгадай по музыкѣ* — представленіе (?); *Исправленіе* — водевилъ; *Братъ и Сестра* — семейная сцена; *Зомби* — историческій анекдотъ; *Трубочистъ и Хлѣбникъ, Два Пріятеля, Крестьянинъ въ бѣдѣ, Купецъ, Демьянова уха, Лжець* — разговоры, и еще разныя разности. Басенное содержаніе давно вамъ извѣстно, а сюжеты остальнаго безъ труда угадаете по заглавіямъ. Не дурны и замысловаты взаимные юмористическіе укоры «Трубочиста» и «Хлѣбника».

Хлѣбникъ. — Постой, братъ, дѣло не о томъ.

О ремеслахъ мы говорили.

И все до-сихъ-поръ не рѣшили

Чье лучше? Согласись, мое:

По крышамъ я, какъ ты, не лажу.

Въ трубахъ не вычищаю саму

И не глотаю я ея (ее)...

Трубочистъ. — За то я воздухомъ дышу

Не въ подземельѣ, а подъ небомъ,

Какъ ты, отъ жару не пыщу,

Залезши въ печку вмѣстѣ съ хлѣбомъ.

Подняться къ верху мнѣ легко,

Высоки-ль дома, или низки.

Хлѣбникъ. — Ты заберешься высоко,

Да какъ слетишь, вѣдь крыши склизки!

Сюжеты для живыхъ картинъ, между-прочимъ, слѣдующіе: *Жмурки или танцклассъ, Фортуна и Нищій, Велисарій, Діогенъ и Александръ Македонскій, Эдинъ и Антигона, Орлеанская дѣва,*

Отдача въ рекруты, Впщій Олегъ, ужаленный змѣею, выползшей изъ черепа коня его, *Ермакъ и Мегметъ Куль* (то сей, то оный на бокъ гнется), *Домоносозъ*, оставляющій родительскій домъ, и тому подобное. — Есть и нѣсколько раскрашенныхъ, къ этимъ сюжетамъ, литографіекъ, и ноты для пѣнія куплетовъ, и, въ довершеніе, обертка, съ пунцовою завѣсою, подъ лирой позлащенной, къ коей летящіе купидоны подносятъ ослабленные лица Демокрита и Гераклита, если не ошибаюсь, — между-тѣмъ какъ внизу амуръ меньшаго размѣра, сидя, играютъ въ лудочку, а дѣти пляшутъ по оной... Впрочемъ томики изданы исправно, чистенько, и могутъ быть не бесполезны, согласно своему назначенію.

Исторія театра, прошедшаго и современнаго, театръ дѣтскій, живыя картины, музыка маленькаго Моцарта, драматическіе разговоры и водевильные куплеты — такъ ошеломили меня, что мнѣ кажется, будто бы я, не сходя съ кресла, высидѣлъ въ душной залѣ три лѣтніе бенефиса; голова моя кружится, въ ушахъ трещитъ, въ глазахъ меркнетъ, поясницу ломитъ... а Ѳедоръ Алексѣевичъ немилосердо торопитъ меня на срокъ, не входя великодушно въ разсужденіе, что я изнываю подъ бременемъ ожидающихъ еще моего разбора четырехъ фоліантовъ. Нѣтъ! какъ угодно... пусть опоздаетъ выходомъ первая книжка «Пантеона», пусть подписчики осаждаютъ двери его конторы, — я отправляюсь немного поразсѣяться, пофланерствовать, вдохнуть въ себя свѣжую струю январскаго мороза, — и беру съ собою, въ дорогу, *великолѣпный «Дамскій Альбомъ»* (стихи и прозу, на трехъ языкахъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ), изданный Шрейдеромъ...

Въ минуту этой благоразумной съ моей стороны рѣшимости, ко мнѣ входитъ молодой пріятель, любезный сосѣдъ мой, Саша. — «Вы все и вѣчно работаете?» — Какъ быть? это моя профессія: не всѣ родятся съ незавиднымъ правомъ, возможностью и расположеніемъ ничего во всю жизнь не дѣлать; и самое развлеченіе, въ моихъ глазахъ, тогда лишь имѣетъ цѣну, когда наступаетъ послѣ труда и утомленія. Но сегодня я окончилъ работу — хочу отдохнуть: ведите, везите меня куда-нибудь. — «Прекрасно; я за тѣмъ собственно и зашелъ къ вамъ. Зима наконецъ взяла свое; санная дорога снова установилась, медвѣжьи шубы вынуты изъ шкафовъ, троечные извозчики пріободрились, пикники, загородныя поѣздки опять устраиваются; пятнадцать градусовъ мороза согрѣло лѣтнимъ вдохновеніемъ извѣстнаго чародѣя... разосланы заманчивыя афиши...» — А, злодѣй! вы импровизируете пародію на фельетоны, и я угадываю ваше приглашеніе. Мнѣ все-равно, лишь бы изъ-за письменнаго стола вырваться. Одно только условіе: этотъ рос-

кошый альбомъ ѣдетъ съ нами. — «Что за фантазія?» — Бываютъ фантази болѣе дикія, въ чемъ увѣрить васъ онъ лично и непосредственно. Мы будемъ развлекаться и, вмѣстѣ, *сочинять критику*. — «Идетъ».

Черезъ полчаса, «лихая тройка», не считая сильной хромоты ко-
рѣнной, «мчала» насъ уже по Суворовскому мосту. Еще четверть
часа —

И бѣлоснѣжныя равнины
Вокругъ насъ стлалися въ тиши;
Березы, липы и рябины
Торчали въ садовой глуши...
Безлунной вечера порою,
Уныль и мраченъ былъ нашъ путь,
Огни мелькали надъ Невою,
А вѣтеръ дулъ намъ прямо въ грудь.
Краснорѣчиво мы молчали —
Удобства не было рѣчамъ...
Лошадки злой рысцою бѣжали
Къ пустыннымъ Излера «Водамъ»...

Вы, статья-можетъ, находите, что библиографія моя нѣсколько «не-
принужденна» и «бойка», какъ «Замѣтки и размышленія Новаго Поэта
о русской журналистикѣ»; но смѣю увѣрить васъ, что я никому не
подражаю, что фельетоны и критики, въ прозѣ и стихахъ, писались
другими гораздо ранѣе фельетониста «Современника» который прель-
стился ими уже въ тѣ дни, когда «другіе» бросили эту забаву и при-
нялись за дѣло...

...Ничто не ново подъ луною...

Я оставляю минутную шаловливость, и обращаюсь именно къ дѣлу.
На форму вы не смотрите: она не помѣщаетъ сущности — я сколько
игривъ, столько же обстоятеленъ и точенъ...

Въ залахъ, лѣтнею порою столько многолюдныхъ и шумныхъ, было
почти совершенно пусто и порядочно холодновато. Въ одной, очень не-
дурно, доигрывалъ какую-то заунывную симфонію оркестръ, числомъ
музыкантовъ положительно превосходившій число слушателей, въ теп-
лыхъ шапкахъ и мѣховомъ одѣяніи. Въ другой, векоръ зашли тирольцы,
не тѣ именитые, которые, въ прошедшемъ году, при полномъ разцвѣ-
тѣ деревьевъ, окуренныхъ табакомъ, и въ павильонѣ, какъ плющемъ,
обвитомъ живыми цвѣтами, восхищали дилетантовъ, — а тирольцы *зим-*
ніе, съ простуженнымъ горломъ и нѣсколько сиповатыми оттого голо-

сами. Молодой мой другъ невнимательно прочелъ афишу, ошибся днемъ, и мы поехали на простой вечеръ, безъ всякихъ блистаній и затѣй, даже довольно темный и куда-какъ незатѣйливый... При такомъ разочарованіи оставалось отдохнуть отъ несовсѣмъ-пріятнаго путешествія и пообогрѣться; мы потребовали теплую комнату, наверху, велѣли затопить въ ней каминъ, или что-то въ родѣ камина, и расположились около этого полубивачнаго костра. — Я избралъ кушетку и взялъ со столика кѣмъ-то забытую тамъ, замѣчательную новую книгу: «Очерки Волжскаго Низовья», П. И. Небольсина, которой однакожь не находилось въ числѣ изданій, присланныхъ ко мнѣ изъ главной конторы «Пантеона», и началъ потому перелистывать эту любопытную новость. Саша помѣстился подлѣ въ креслахъ, и, въ свою очередь, сталъ разсматривать привезенный нами иллюминированный «Дамскій альбомъ», такимъ образомъ составлявшій, въ тотъ вечеръ, единственную на «Водахъ» иллюминацію, единственную, неподражаемую въ своемъ родѣ... Отъ времени до времени взглядывая на моего юнаго сосѣда, чтобъ угадать впечатлѣніе, какое на него производитъ «роскошный сюрпризъ» г-на К. Шрейдера, я угадалъ нѣчто иное. Неправильныя, но выразительныя черты лица его (говорится о Сашѣ) намекали на слѣдующую, безмолвную его мысль: «комфортъ недостаточенъ; пылающія сырыя полѣнья плохо меня согрѣваютъ... пріѣхали въ *увеселительное заведеніе*, и сидимъ голодные, какъ маленькій Моцартъ (еще дома я сообщилъ пріятелю объ этой комедіи: онъ любитель литературы и самъ кое-что пописывазеть)... до чаю я не охотникъ, китайская настойка!... а вотъ хорошо было бы, еслибъ... Онъ поднялъ голову, глаза наши встрѣтились, онъ улыбнулся, я разсмѣялся, и мы поняли другъ-друга. — «Не спросить-ли...» — Шампанскаго? досказалъ я, привставъ съ кушетки, и произнесъ сей поучительный для молодежи спичъ: Послушай, Саша! шампанское я не люблю. Настоящее эпернейское рѣдкость; Шампанія очень не объемистый округъ, и виноградной его производительности, конечно, не хватаетъ для удовлетворенія жажды пѣлой Европы. Тысячу разъ уже печатно доказывали, что «просвѣщенная», но довѣрчивая Европа зачастую угощается *нѣмецкимъ шампанскимъ*, или даже своими мѣстными издѣліями, правильнѣе подѣліями, которыя вредны здоровью. Всѣ эти мнимые клико, редереры и другія фирмы, сочиняемыя виноторговцами, въ мелкихъ типографіяхъ, изготовляющихъ всякіе ярлыки и ярлычки, всѣ эти горько-кислосладкія, якобы, *шампанскія* обыкновенно причиняютъ головную боль, ослабленіе всего организма, и, главнѣйше, разстройство пищеваренія... ты же трусишь холеры! — Саша поблѣднѣлъ: онъ страшно боится

смерти; ему еще такъ весело жить!—Я спросилъ бы добраго лафиту; но въ такомъ случаѣ, придется пить тебѣ одному: ты знаешь, я не терплю краснаго вина — это моя необъяснимая антипатія. И такъ, помиримся на шато-д'икемъ? — «Идетъ! это тоже вино съ *шикомъ*, любимое Тамарина, героя моднаго романа». — Что мнѣ до Тамарина; я остановился на шато-д'икемъ гораздо прежде, именно въ тѣ годы, когда Тамаринъ терзалъ еще не женскія сердца, а букварь... но чтобъ ты не подумалъ, что я скупиъ, какъ Гарпагонъ Мольера, или Плюшкинъ Гоголя, велимъ принести бутылочку высшей цѣнности, подороже твоего «редерера»... Я тоже иногда люблю задать тону, не хуже напримѣръ «Новаго Поэта», который, вамъ уже извѣстно, наканунѣ новаго-года, угостилъ друзей лукулловскимъ ужиномъ, въ замысловатомъ «Кошмарѣ» январекой книжки «Современника»...

Дорогую бутылочку принесли, два стакана наполнились блѣдно-янтарною, нѣжно-ароматическою влагою. Саша, воодушевившись, проливалъ юное вдохновеніе свое, а частію и шато-д'икемъ, на цвѣтистыя страницы «Дамскаго альбома», между-тѣмъ какъ я внимательно занялся чтеніемъ математическихъ, точныхъ «Очерковъ Волжскаго Низовья», чтобъ выиграть у себя время и какую-нибудь извлечь пользу изъ неудавшейся поѣздки... Мы передавали другъ-другу свои бѣглыя, отрывочныя замѣчанія. . и я былъ бы самымъ угрюмымъ, несноснымъ педантомъ, еслибъ не удержалъ здѣсь всей неискusstvenной простоты и пестроты этой оригинальной, но тѣмъ не менѣе до педантизма добросовѣстной критики... какъ и не можетъ быть иначе въ пріятельской бесѣдѣ .. драматическая же форма такъ свойственна «Пантеону».

Саша. — Сколько, однакожъ, хлопотъ это стоило!... Корешковъ переплетъ, съ блѣднымъ розаномъ на лицевой сторонѣ; раскрашенные «*оригинальные*» рисунки; чистые листы, бѣлые и цвѣтные, для вписыванія альбомныхъ нѣжностей; старые, давно-извѣстные стихи знаменитыхъ поэтовъ и новыя вирши неизвѣстныхъ сочинителей; проза писательницъ, о существованіи которыхъ мы не имѣли еще удовольствія слышать... претензіи на остроуміе и чувствительность....

Я.—Это ничего не стоить... «Рѣка Волга раздѣляетъ Низовую сторону на двѣ части, нагорную и луговую... земли по нагорному берегу именуется просто Волжскою степью, а земли по луговому берегу Луговую степь, или степью Заволжскою»... Это народныя названія, вѣрно опредѣляющія Низовую сторону... «Куда ни обрати взоръ, всюду встрѣчаешь здѣсь только безбрежную, ровную, грустную и однообразную голую степь»... такова почти вся сѣверная часть Каспійскаго побережья.

Саша (читая): «Художникъ, на первомъ листѣ этого дамскаго альбома представилъ корзину съ цвѣтами. Чтó онъ хотѣлъ сказать? я понимаю его мысль.» Женщины всего болѣе похожи на цвѣты... одной красоты мало... она только обращаетъ на себя вниманіе, но не заслуживаетъ любви (*красота не заслуживаетъ любви*)... на красивый цвѣтокъ скорѣе взглянуть, это правда; но, взглянувъ, начать нюхать, и если нѣтъ аромата, его (ароматъ?) бросать въ траву и затопчуть ногами. Тоже самое бываетъ и съ женщинами» .. Бѣдныя женщины! «Дамскій альбомъ», поднесенный вамъ въ видѣ сюрприза, грозитъ затоптать васъ. Какъ это угодливо, любезно, ловко, и сколько галантерейности въ этомъ прозаическомъ отрывкѣ, подписанномъ: «Матильда В.»—Другая статейка, еще галантерейнѣйшая, подъ заглавіемъ *Излеровекіе вечера* (кстати о нихъ здѣсь, на мѣстѣ), выдана за произведеніе «Аннеты Б.» Разумѣется, что это вымышленныя имена: ни Матильды В., ни Аннеты Б. не отыщешь нигдѣ, на всемъ земномъ полушаріи: онѣ поселились, вѣроятно, въ воображеніи какого-нибудь досужаго *еочинителя*...

Я.—Безъ всякаго сомнѣнія. Умный отецъ, мужъ, братъ непременно отсовѣтовали бы г-жамъ Матильдамъ и Аннетамъ печатать такія странныя, хотя и совершенно невинныя вещицы. Альбомъ издавъ къ праздникамъ, когда, въ торжествахъ, все покупаютъ для подарковъ. Вотъ и разгадка....

Саша.—Позвольте; проза не даетъ еще понятія о литературномъ достоинствѣ этого альманаха. Выслушайте восхитительную стихотворную «страницу изъ альбома уездной барышни»:

«Въ альбомъ пишу дрожа рукою;
Я знаю невозможно словомъ
Сказать (,) съ какою вы душою...
Какъ розанчикъ вы хороши,
Вы безподобны, какъ Венера,
Стройны, какъ гордая Армида,
Легки (,) какъ милая Сильфида;
Но вашихъ прелестей гдѣ мѣра?
О! сколько, сколько въ васъ души!

Александръ В.»

Но чтó всего курьёзнѣе, это три примѣчанія къ стихотворенію г-на Александра В.—1.) «Кто безподобенъ, какъ Венера, того уже нельзя сравнивать съ розанчикомъ. Венера хороша, а розанчикъ ужъ-фи!» 2) «Извѣстно, что Сильфида не *милая*, а *воздушная*; и этого не знаетъ, а стихи подписываетъ». 3) «Хорошо, да жаль, что не объяснено

именно сколько душ: пять фунтовъ, аль десять аршинъ; чѣмъ мѣрять?»...

Я. — Прекрасно, что альбомъ самъ себя критикуетъ. Онъ не въ-правѣ будетъ посягать на критику журналовъ, которые обязаны предупредить публику объ этомъ литературно-художественномъ явленіи: наружный видъ его можетъ вовлечь въ заблужденіе — пестро, много картинокъ, отличная бумага, ноты.... Съ перваго взгляда легко ошибиться....

Саша. — Пожалуй; почти что такъ! Но второй, третій взглядъ разоблачаетъ спекуляцію. Картинки, большею-частью, страшная безвкусица, и не соотвѣтствуютъ содержанию текста....

Я. — Успокойтесь! Вы еще, какъ вижу, не привыкли обращаться съ печатнымъ; порячитесь, негодуете. Во всѣхъ литературахъ въ мірѣ крайности неизбѣжны; съ-тѣхъ-поръ, какъ литература сдѣлалась промышленностью, комерціей, превосходное, порядочное, слабое и жалкое печатаются однѣми и тѣми же типографскими буквами. Въ утѣшеніе вамъ, я прочитаю страницу, другую (89—91), изъ «Очерковъ Волжскаго Низовья». Авторъ описываетъ кочеванье.... «Какъ только снѣгъ со стени сойдетъ, татары посемейно выходятъ на кочевку. Это случается около половины марта, и сопровождается слѣдующими обстоятельствами. Къ воротамъ двора выкатываютъ арбы и впрягаютъ въ нихъ по парѣ воловъ или по верблюду. На арбы накладываютъ: на переднюю—кибитку и котлы, на вторую—другую кибитку, если она случится у семьянистаго (?) татарина; на третью, четвертую и пятую, и т. д., иногда штукъ до десяти—разный домашній скарбъ, утварь, сундуки и прочія принадлежности домовитата хозяйства. По данному отъ главы семьи знаку, поѣздъ двигается въ путь. Впереди гонятъ весь скотъ—сначала лошадей, потомъ рогатую скотину, за ними козъ и овецъ. Каждое отдѣленіе замыкаютъ погонщики. За ними слѣдуютъ визгливыя арбы, въ которыя сажаютъ ребятишекъ; бабы и дѣвки садятся тоже всегда въ арбы; бабы же и погоняютъ упряжку. Шестые замыкаютъ мужчины верхомъ на лошадяхъ, а у кого нѣтъ лошади, тотъ и пѣшкомъ идетъ; бѣдные люди впрягаютъ въ арбы, вмѣсто воловъ, послѣднюю коровѣнку... Надобно самому испытать всю прелесть лѣтнихъ перекочевокъ по стени (,) и узнать цѣну благотѣльнаго вліянія ихъ на здоровье человѣка, чтобы вполне понять ту истину, что только крайняя бѣдность и нищета могутъ заставить номада отказаться отъ этого счастья и, изъ одной только нужды, искать хлѣба на чужой сторонѣ. Пока есть у него ветхая, еле держащаяся кибитка, пока есть голова десятокъ или полтора мелкаго скота, стениой житель не станетъ до-

бровольно лишать себя отрадной кочевки, и отвыкать отъ того, съ чѣмъ сроднили его и обычаи предковъ, и ограниченность житейскихъ потребностей, и условія климата, и характеръ общественныхъ занятій его племени, и насущная необходимость самому спастись отъ духоты жилыхъ покоевъ, раскаленныхъ знойнымъ солнцемъ, и откормить немногочисленные табуны и стада—единственный источникъ его благосостоянія... Выходъ на кочевку хотя и составляетъ радостное событіе, однакожь у Карагашей онъ не сопровождается особеннымъ праздникомъ. Все ограничивается только тѣмъ, что семья зарѣжетъ лишняго барана, мужчины побольше напьются айрына, ребятишки поплотнѣе набьютъ себѣ желудки, дѣвки и молодыя бабы покрасивѣе приодѣнутся; но ни пѣсенъ, ни плясокъ тутъ не бываетъ».

Саша. — Но вы еще не кончили собственно о Низовѣ поволжскомъ?

Я. — И трудно кончить. Для этого необходимо изучить всю первую главу «Очерковъ», что и совѣтую тебѣ сдѣлать надосугѣ, дома, когда ты приобрѣтешь эту полезную книжку, съ приложеннымъ къ ней чертежомъ: она пополнитъ твои географическія, топографическія и статистическія свѣдѣнія о любопытномъ, оригинальномъ краѣ нашего обширнаго отечества. Впрочемъ, вотъ, въ короткихъ словахъ, намекъ на природу и особенности Низовья, обильнаго пустырями, солончаками, сыпучимъ пескомъ, и бѣднаго — проточною водою....

Саша. — Какъ? Страну, омываемую широкою Волгою съ безчисленными ея притоками, вы называете безводною?

Я. — Не я, а самъ почтенный авторъ. И онъ, кажется, правъ. Онъ говоритъ: «слова эти, конечно, покажутся парадоксомъ для того (не *тому-ли*), кто лично незнакомъ съ краемъ и вообще не охотникъ стравляться съ географическими картами».... Правда, «разливъ Волги бываетъ такъ великъ, что сліяніе всѣхъ побочныхъ ея рукавовъ въ одно общее съ коренною Волгою русло представляетъ огромный водный потокъ, отъ тридцати до сорока верстъ ширины. Но что же есть тамъ еще, кромѣ этой гигантской массы воды? Что представляютъ пространства, на нагорной сторонѣ до рѣкъ Сарпы и Кумы, а на луговой, до Узеня и дальше, вплоть до самаго взморья? — Голую, *сухую* степь, на которой, въ знойные лѣтніе мѣсяцы, всѣ тощіе злаки почти совсѣмъ пожигаются. Зима здѣсь обыкновенно короткая, морозы слабые, снѣгъ некрѣпокъ; санный путь весьма непродолжителенъ.... съ іюня наступаетъ жара нестерпимая....» (стран. 2 — 3). Мало того, что въ этой сторонѣ, мѣстами нѣтъ воды — нѣтъ тамъ и тѣни, гдѣ, томимый жаж

дою, ты могъ бы, подъ вѣтвистымъ деревомъ, укрыться отъ палящихъ, сожигающихъ лучей. Безволье и безлѣсье! (стран. 7 — 9.)

Саша (подливая себѣ шато-д'икема, придвигаясь къ потухающему полукамину и продолжая разсматривать «Художественный» альбомъ).— Картичка, изображающая какой-то пейзажъ, съ грушами, сидящими подъ огромными деревьями (это, видно, не въ Низовой-сторонѣ)... вдали, по дорогѣ, кавалькада—а рядомъ старинные стихи: «*Братья, рюмки наливайте... лейся черезъ край вино!*»... Это въ дамскомъ альбомѣ?

Я. — Опять горячишься. Я буду унимать тебя статистикой.—«Настоящее народонаселеніе Низовой-стороны весьма разнообразно. Кромѣ русскихъ и армянъ, тутъ обитаютъ татары разныхъ наименованій: Юртовскіе, Кундровскіе, татары Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго дворовъ, туркмены, каракалпаки, калмыки и киргизы». Вся книга, въ десяти главахъ, какъ я убѣждаюсь и бѣглымъ ея пересмотромъ, подробно, при умной сжатости оживленнаго разсказа, сообщаетъ читателю основательную характеристику этого смѣшаннаго, частію осѣдлаго, частію кочеваго народонаселенія, краткую исторію каждаго племени, его прежній и настоящій бытъ, средства къ существованію, или промышленность, оригинальные нравы, мѣстные обычаи, описаніе одежды мужчинъ и женщинъ, обрядовъ, религіозныхъ и общественныхъ, анекдотическіе случаи—однимъ-словомъ, все относительно избраннаго предмета и дробныхъ его подраздѣленій...

Саша. — Птицы, плоды, въ наипестрѣйшихъ рисункахъ, разсужденіе объ «истинномъ счастіи» въ ужаснѣйшихъ виршахъ... гамбургская полька... вѣтъ-ли и лимбургскаго сыру?... Восхитительнѣйшій альбомъ! Увы, у меня не имѣется такой снисходительной кузины, которой я дерзнулъ бы поднести его...

Я. — Очерки Низовья вѣрно изображаютъ армянъ, отдаютъ полную справедливость высокимъ и нравственнымъ качествомъ юртовцевъ, красотѣ ихъ женъ и дочерей, музыкальнымъ и даже литературнымъ наклонностямъ этого племени...

Саша. — Припоминаю стихъ Грибоѣдова: «Тутъ все есть...» Добрался я наконецъ до элегіи и философіи. Дамскій альбомъ совѣтуетъ красавицамъ чаще посѣщать кладбища, дабы постигнуть суежность и переходчивость земную... предостерегаетъ смѣлыхъ барышень касательно катавья въ лодкѣ, на каковой конецъ сочинена и картинка, представляющая бѣдственную гибель двухъ яликовъ въ бурныхъ водахъ Финскаго залива...

Я (читая вслухъ).—«Племена, пребывающія въ первобытныхъ формахъ патріархальнаго управленія, обыкновенно славятся гостепріимствомъ.

Кундровскіе татары тоже гостепріимны. Добродѣтель эта выражается у нихъ тѣмъ, что вошедшаго въ кибитку гостя хозяинъ непремѣнно приглашаетъ сѣсть (,) и напоить его, или накормить. Если гость бѣденъ — ему дадутъ чашку айряна; если онъ близкій знакомецъ — нальютъ кирпичнаго чая, а если онъ и не коротко знакомъ, но человѣкъ или богатый, или нужный — для него непремѣнно зарѣжутъ кургашка» (стр. 106). Совершенно также, какъ и у некочевыхъ племенъ. Люди вездѣ люди, — и въ общихъ, основныхъ свойствахъ человѣческой природы, обитатель степей, занимающійся скотоводствомъ, и просвѣщенный горожанинъ, шеголяющій орловекимъ рысакомъ, неизбѣжно сходятся. Все различіе только въ формахъ и во внѣшности. Не должно быть слишкомъ взыскательнымъ къ слабостямъ, по крайней мѣрѣ безвреднымъ. На этомъ основаніи, не пощадить ли намъ и пресловутый «альбомъ»?

Саша. — Еще одну минуту. Позвольте испить до дна...

Я. — Да вѣтъ это не шато-дѣикемъ. Послушай, лучше, нѣчто изъ альбома калмыцкихъ дамъ. Онѣ «одѣваются въ ситцевые или шелковые *бешметы*; опоясываются шелковымъ поясомъ; носятъ также и *терлики*, просторныя платья съ стоячимъ воротникомъ, поверхъ котораго выпускаются длинныя воротнички бѣлой рубахи. Терлики обшиваются позументами и шелковыми лентами, а дѣлаются изъ нанки, ситца, шелка, газета, парчи или бархата. Для верховой ѣзды нѣкоторыя падѣваютъ *цегдыкъ*, тотъ же терликъ, но безъ рукавовъ, а съ распашными спереди и сзади полами. Носовыя платки — необходимость *щеголей обоихъ половъ*, точно также, какъ и кольца, но дѣвицы носятъ ихъ на мизинцахъ, а замужнія женщины на безыменныхъ пальцахъ. Дѣвицы косъ напередъ не выпускаютъ, а *существеннѣйшее* (?) отличіе ихъ отъ замужнихъ состоитъ въ томъ, что онѣ носятъ родъ корсетовъ, начиная стягивать грудь съ тѣхъ-поръ, когда формы начинаютъ округляться: условія калмыцкой скромности требуютъ, чтобъ у дѣвицы на груди никакихъ возвышенностей замѣтно не было» (стр. 196).

Саша. — А вотъ, наконецъ, и я, въ моемъ альбомѣ нашелъ нѣчто, *относительно* удачнѣйшее... Плохая, хотя и яркочвѣтная картинка изображаетъ «блестательный» балъ, а текеть гласить: «балы выдуманы для веселья, отъ чего же часто бываетъ на нихъ скучно? Вопросъ рѣшается просто. Тебѣ, Антонина, скучно на балѣ, потому что ты хочешь быть царицею бала — или первую — а *мѣсто* уже отдано другой, которая и красивѣе (,) и любезнѣе (,) и образованнѣе (,) и моложе тебя... Вамъ, Машинька, скучно потому, что не пріѣхалъ Александръ, для котораго вы такъ старательно вышили подушку съ двумя цѣлующимися голубками. Вамъ, Людмила»...

Я. — И такъ-далѣе... Ну, поздравляю тебя, дебютантъ-критикъ, если это признаешь удачнѣйшимъ?

Саша, немного въ досадѣ, что нѣсколько промахнулся, сталъ щипать свой только-что пробившійся усъ и, казалось, собирался вымѣстить ее на несчастномъ альбомѣ. «Тройка скачетъ, тройка мчится, — и въ стихахъ, тутъ перепечатанныхъ, и на украшающей ихъ картинкѣ» — произнесъ онъ вполголоса... — А наша мерзнетъ (прибавилъ я), нетерпѣливо бьетъ копытами, исключая коренной, у которой, кажется, недостаетъ двухъ копытъ. — «И страницы безъ нумераціи» — продолжалъ онъ, начиная уже придираться къ альбому, и забывая, что въ подобныхъ изданіяхъ, съ пробѣлами, нумераціи и не бываетъ. — Оставимъ критику и безмолвныя, не журчащія «Воды». Эксцентрическій альбомъ, съ нами сюда залетѣвшій, и книга, случайно здѣсь попавшаяся, достаточно разсмотрѣны... шато-д'икемъ выпить, огонь въ каминѣ погасъ, вмѣстѣ съ нашимъ вдохновеніемъ. Пора во-свясяси...

Когда мы сошли съ верху, въ залахъ не слышалось уже ни унылой симфоніи, ни сиповатаго гнѣія тирольцевъ, а была совершенная темь и тишь, хотя въ настроенный лѣтними здѣсь затѣями слухъ, отдаленнымъ, фантастическимъ эхомъ, и вторгалось нестройное завыванье цыганскаго хора... Черезъ нѣсколько минутъ, передъ нами снова разстилались снѣговыя поляны; вѣтеръ стихъ; блѣдный, полузаслоняемый облакомъ мѣсяць печально озарялъ серебристую, но мертвенную окрестность, и трудно было узнавать въ ней столь знакомое петербургскимъ жителямъ загородье, которое, впрочемъ, скоро опять оживится, зазеленѣетъ... конечно, не для всѣхъ, въ прошедшемъ году совершавшихъ обычный въ Новую-деревню путь... На берегу застывшей Карповки, слѣва, подлѣ каменнаго дома (гдѣ столько лѣтъ красовалась вывѣска: «лампы съ коловратнымъ движеніемъ»), мелькнула скромная, не чуждая прежнимъ сотрудникамъ «Сына Отечества», сѣренькая дачка автора «Стрѣльцовъ» и кроткаго журналиста, благоразумно промѣнявшаго періодическую славу на спокойное, безмятежное уединеніе...

Спустя четверть часа, наша порядкомъ отдохнувшая тройка домчала насъ до городского берега Невы, а потомъ и Фонтанки... Добровольный дебютантъ-критикъ отправился спать, а вашъ покорнѣйшій слуга, «обязанный» библиографъ, волею-неволею, присѣлъ еще къ письменному столу, продолжать литературный отдѣлъ «Петербургскаго Вѣстника»...

Благодареніе Аполлону, остаются только три тома... но какіе томы! ихъ одною рукою не поднимаешь, въ одинъ вечеръ не проглотишь, какъ сотню устриць, — за то можешь наслаждаться цѣлый годъ: книги дѣльныя, наставительныя и занимательныя!

Но что за странность? Два огромные тома «*Живописнаго путешествія въ южную и сѣверную Америку*» означены цифрами: первый — 1839, второй (или, какъ напечатано на заглавномъ листѣ, второй) — 1853 года, и къ русскому переводу этой извѣстной французской компиляціи сочли излишнимъ написать хотя маленькое предисловіе, которое объясняло-бы *тринадцатилѣтній* интервалъ между выходомъ одного, давно забытаго, и появленіемъ другаго, нынѣшняго тома. А въ эти тринадцать лѣтъ, новые путешественники и наука сдѣлали кой-какія новыя изслѣдованія, открытія, политика произвела нѣкоторыя измѣненія въ географическихъ границахъ и статистическихъ данныхъ областей южной Америки, такъ что въ старомъ описаніи могутъ встрѣчаться непріятные анахронизмы, требующіе поправокъ, оговорокъ, примѣчаній. Это было-бы обязанностью русскаго издателя... а кто издатель — также неизвѣстно. Одни критики называютъ книгопродавца Печаткина, другіе г. Плюшара. Въ самомъ имени переводчика возникло недоразумѣніе. На оберткѣ обоихъ томовъ сказано: «переводъ П. И. Корсакова». Но заслуженнаго литератора, носившаго эту почтенную фамилію, звали Петромъ Александровичемъ, и его давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Остался-ли по смерти его полный переводъ втораго тома; переведенъ-ли этотъ томъ, или, по-крайней-мѣрѣ, оконченъ другимъ лицомъ, и кѣмъ именно? — все это вопросы, разъясненіе которыхъ служило-бы для публики немаловажнымъ ручательствомъ въ достоинствѣ и *современности* перевода, то-есть, въ исправленіи и дополненіи его согласно новѣйшему положенію Америки. Отъ насъ, русскихъ, въ особенности петербургскихъ жителей, теперь она уже не такъ далеко, какъ за тринадцать лѣтъ тому: стоить только заглянуть въ панораму Миссисипи, и, повторяя сказанное въ ноябрьской прошлаго года книжкѣ «Пантеона», — зрителю покажется, «булто онъ на паролдѣ плыветъ по гигантской рѣкѣ, и мимо его мелькаютъ калифорнскія розсыпи, дѣвственные лѣса, пустыни, села и цвѣтущіе города «Новаго свѣта. Со времени приступа къ французскому изданію полезной впрочемъ компиляціи г. Алкида д'Орбиньи, возбужденной успѣхомъ Дюмонъ-Дюрвилева «Путешествія вокругъ свѣта», прошло чуть-ли не около двадцати лѣтъ, а въ-продолженіе этого срока мы столько прочитали объ Америкѣ въ газетахъ, журналахъ и книгахъ, что едва-ли разема-триваемое твореніе, безъ сказанныхъ исправленій и дополненій, не будетъ отнесено иными, слѣдящими за наукою читателями — къ числу явленій, нѣсколько запоздалыхъ. Что предиріятіе д'Орбиньи — трудъ не самостоятельный, а именно, надлежитъ повторить еще разъ, компиляція — это подтверждаетъ самое заглавіе обоихъ томовъ: «*извлечено*

изъ путешествій Колумба, Лазъ—Казаса, Овiedo, Гомара (слѣдуетъ еще исчисленіе *сорока-трехъ* именъ, оканчивающееся словами: «и проч. проч.») редакторами Живописнаго путешествія вокругъ свѣта».

Тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ, неизвѣстному издателю должно послать спасибо, хотя за то, что вышелъ наконецъ и второй томъ этого давняго путешествія въ Америку, безъ чего подписчики на первый остались—бы немного въ накладѣ. Не уклонившись отъ замѣчаній, какихъ требовала справедливость и точность библиографическая, можно и должно воздать книгѣ подобающее хваленіе. Если въ ней и не оказывается современнаго, животрепещущаго интереса, то историческаго у нее никто не отниметъ, а свѣдущій читатель, съ небольшимъ трудомъ, отмѣтитъ на поляхъ ея измѣненія, указываемыя временемъ и политическими обстоятельствами. Форма описанія, какъ знаетъ онъ уже по первому тому русскаго перевода, или по французскому подлиннику — повѣствовательная: обѣ Америки изображены здѣсь не въ сухомъ, дидактическомъ изложеніи, а въ самомъ заманчивомъ, разнообразномъ разказѣ многочисленныхъ путешественниковъ — путешественниковъ ученыхъ (каковы, напримѣръ, Гумбольдтъ, Франклинъ, Пари), странствователей полуроманическихъ, туристов—авантюристовъ, непосѣдъ всякаго характера и покроя. Но этотъ пестрый, увлекательный разказъ *многихъ*—свѣренъ, провѣренъ, избавленъ отъ противорѣчій, или повтореній, приведенъ въ отчетливое единство и строгую систему умными, просвѣщенными редакторами французскаго подлинника. Противъ русскаго перевода нечего сказать невыгоднаго: мѣстами онъ очень хорошъ, мѣстами послабѣе, но не дуренъ, и лишь кое—гдѣ попадаются незначительныя задоринки, неважныя погрѣшности. Множество недурныхъ гравюръ разцвѣчаетъ компактный текстъ; изданіе книги вообще чистое и не некрасивое — ему недостаетъ только, какъ уже упомянуто, современныхъ исправленій и дополненій... чему подаетъ примѣръ третій томъ истинно роскошнаго и великолѣпнаго *«Живописнаго сборника замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія»*. Несутомимый и старательный издатель его, А. А. Плюшаръ, съ полною добросовѣстностію исполняетъ свою обязанность передъ публикою. Представляя на судъ ея этотъ превосходный томъ, редакция говоритъ: «смѣемъ надѣяться, что онъ послужитъ доказательствомъ постояннаго стремленія къ усовершенствованію изданія. Въ первомъ томѣ Сборника было помѣщено 86 статей на 375 страницахъ, во второмъ 32 на 352 страницѣ, а въ третьемъ 24 статьи заняли 397 страницъ. Постепенное уменьшеніе числа статей произошло отъ того, что редакция заботилась обрабатывать каждую изъ нихъ сколько возможно тщательно и полно,

чтобы читатели могли получить объ описываемых предметах достаточно полный и разносторонній свѣдѣнія. Такимъ-образомъ многія относящіяся къ одному предмету мелкія статьи, разбѣяныя по разнымъ иностраннымъ иллюстрированнымъ изданіямъ, нерѣдко сливаются въ «Живописномъ сборникѣ» въ одно стройное описаніе, и дополняются необходимыми свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. При этой системѣ, естественно, представляется возможность придать статьямъ болѣшій интересъ, не лишая общій составъ изданія того разнообразія, какое предположено въ его программѣ. «Относительно исправленія и пополненія нѣкоторыхъ статей, редація обращалась къ извѣстнымъ нашимъ специалистамъ, между прочими, къ заслуженному профессору Медико-Хирургической Академіи, доктору П. О. Горяинову, профессору ботаники въ здѣшнемъ Университетѣ П. О. Шиховскому и ученому синологу З. О. Леонтьевскому. Прекрасными рисунками третій томъ Сборника богаче двухъ первыхъ, и притомъ многіе рисунки вырѣзаны на деревѣ въ Петербургѣ, а нѣсколько изъ нихъ и вновь сняты съ натуры... Такъ именно и должны быть ведены подобныя изданія, на которыя «Пантеонъ», какъ журналъ литературно-художественный, постоянно будетъ обращать преимущественное вниманіе.

И, при сей okazji, «Пантеонъ» могъ бы — разумѣется, не въ отдѣлѣ летучихъ сообщеній «Петербургскаго Вѣстника» — представить читателямъ своимъ чрезвычайно-любопытныя и занимательныя извлеченія или сокращенія изъ третьяго тома «Сборника». Хотя основаніемъ болѣшей части статей его и служитъ литература заграничная, но ихъ составъ изъ разбросаннаго тамъ и сямъ матеріала, и самое ихъ изложеніе, изящное по формѣ, обдуманное въ сущности содержанія — придаетъ имъ достоинство оригинальности и самобытности. Послѣ описанной по ѣздкѣ въ Новую-деревню, вашъ слуга употребилъ цѣлые два дня собственнo на прочтеніе этой книги, отъ которой нельзя оторваться, и уже мечталъ ухитриться, — въ двухъ, трехъ страничкахъ, дать хотя приблизительное о ней понятіе, какъ новый набѣгъ того же любезнаго сосѣда совершенно разрушилъ это, откровенно сказать, неудободостигаемое намѣреніе.

«Возитесь съ страшными фоліантами, ломать голову надъ тѣмъ, чего никто не оцѣнитъ, когда весь городъ сѣштитъ къ легкому и дешевому наслажденію? Нѣтъ, ужъ извините, я не допущу, чтобы вы, изъ неблагодарной любви къ литературѣ, мучили себя такъ жестоко!» тараторилъ онъ, закуривая папирску.

— Но *сегодня* необходимо кончить статью... было ему отвѣтомъ.

«И вы ее кончите, то-есть, я за васъ кончу... чрезвычайно

эффектно, неожиданнымъ оборотомъ.. я все придумалъ... только не упрямитесь...

— О щеглата, о юные гении! Вы способны загонять любого старого воробья или воркуна литературного...

«Ничуть не питаю въ себѣ такихъ самоувѣренныхъ замысловъ: но о пѣвчихъ птичкахъ вы вспомнили кетати. Не медля ни минуты, собирайтесь послушать удивительнаго соловья...»

— Вѣрно, въ пассажѣ? Прошлою зимою, тамъ, въ-самомъ-дѣлѣ, чудно пѣлъ одинъ. .

«Безъ вопросовъ и распросовъ. Время дорого; минуты, повторяю, сочтены. Съ первымъ полумракомъ сумерекъ, нѣжный пѣвецъ умолкнетъ надолго, и быстро отлетитъ къ дебрямъ днѣпровскимъ...»

Нельзя было устоять противъ такой восторженной и пѣвучей фразы. Не заглядывая нѣсколько дней въ афиши и газеты, я все еще не догадывался, въ своемъ библиографическомъ затмѣніи, и меня притомъ спутывалъ недавній прїездъ г-жи Виардо, которая, какъ молва уже разнесла отъ бель-этажей до чердаковъ, восхитительно пѣла русскаго соловья въ «Севильскомъ Цирюльникѣ»...

Это было въ воскресенье, 11 января. Итальянская и Михайловская улицы дрожали подъ экинажами. Мы не успѣли къ началу, и застали уже первый антрактъ. Партеръ и хоры, въ-слѣдствіе пониженныхъ цѣнъ, немного оставляли пустыхъ мѣстъ. Публика жужжала; одни сидѣли, другіе прохаживались, третьи разговаривали группами. Кто прївыкъ видѣть залу Дворянскаго Собранія во-время вечернихъ баловъ и ночныхъ маскараровъ, на того, при смѣшеніи двухъ свѣтовъ, дневнаго и гасоваго, она производитъ особенное впечатлѣніе. Провинціалъ, никогда въ ней не бывавшій и нечаянно здѣсь очутившійся, на мгновеніе, статья-можетъ, невольно бы ошибся: эти кристаллыя люстры съ множествомъ искусственныхъ свѣчъ, издающихъ мерцающее, ослабляемое туманными волнами натурального освѣщенія, пламя; эти грандіозныя колонны, амфитеатръ обитыхъ краснымъ сукномъ скамеекъ, высокій потолокъ, и все остальное могло бы родить поэтическую фантазію...

«Я сдерживаю слово, и диктую вамъ», сказалъ острый щегленокъ. «Дома вы запишете, въ четверть часа. Я прочиталъ Сборникъ прежде васъ, и отъ доски до доски. Слушайте: *Мадридъ и тамошніе нравы*, 13 главъ; *Остзейскія губерніи*... въ эти статьи, увѣряютъ, вкрасное нѣсколько обмолвокъ, и совѣтуютъ г. Плешару исправить ихъ, при выдачѣ 4-го тома; издатель, конечно, приметъ совѣтъ, если редакція убѣдится въ дѣйствительности погрѣшностей... *Встрѣча Ру-*

бенса съ Тассомъ, 8 главъ — въ пятой встрѣчается и Мишель-Монтанъ... *Очерки Китая*, 7 главъ, очень интересныхъ, особенно главы о воспитаніи и о домашнемъ бытѣ китайнокъ и объѣдахъ ихъ супруговъ и отцовъ... *Англичане во-своихъ*, обширная, еще болѣе любопытная статья, въ семи отдѣлахъ, которые знакомятъ съ умнымъ Джонъ-Булемъ до короткости тѣсной дружбы. Это, и еще другія, не такъ бросающіяся въ глаза статьи — болѣе или менѣе заимствованія: но есть нѣсколько и чисто-русскихъ...»

— Что это? Кажется, птичка сюда залетѣла? вполголоса произнесъ подлѣ насъ нѣкто, съ весьма простодушной физиономіей...

Дѣйствительно, послышались робкіе, тихіе звуки, похожіе на пѣніе птички, на трепетаніе мягкихъ крылышекъ. Общее вниманіе, также развлеченное растабарами, повидимому, обманулось не лучше-наивнаго господина: въ секунду воцарилось въ залѣ ненарушимое молчаніе... я быстро выхватилъ изъ рукъ Саши желтую афишу концерта, и въ третьемъ номерѣ прочиталъ: «le rossignol, fantaisie sur un motif d'Alabiëff, avec piano, comp. par Ar. de Kontski». И скоро волшебный смычокъ его точно запѣлъ соловьемъ — не передаваемое печатными буквами — да и не наше библиографическое дѣло...

«Оригинальныя статьи слѣдующія», продолжалъ мой щегленокъ, когда, передъ новымъ антрактомъ, прекратились рукоплесканія: «*Самоотверженіе русскаго моряка...* мичмана Домашенки, который спасая простаго матроса погибъ, вмѣстѣ съ нимъ, самъ. За то благородные товарищи воздвигли ему памятникъ (въ Кронштатѣ). Передъ нимъ, на рисункѣ, задумчиво стоитъ флотскій офицеръ, съ другой стороны проходитъ статскій съ дамою, и рѣзвится молоденькая дѣвушка. Это напоминаетъ стихи Пушкина:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Подвигъ Домашенки рассказалъ съ чувствомъ г. Блокъ, которому также принадлежитъ и замѣчательная біографія адмирала Лазарева. Г-нъ И. Маннъ подарилъ въ Сборникъ Бетговена... Ахъ, изъ переводныхъ, я пропустилъ Мольера!...»

Но тутъ уже нельзя было пропускать ни звука: Контскій снова явился передъ оркестромъ Кажинскаго, и все опять замолкло, все жадно внимало этой чародейственной скрипкѣ. И что жъ, когда она потомъ заключила знаменитымъ венеціанскимъ карнаваломъ, Паганини,

нашлись остроумные критиканы. Какъ это жалко и не остро! Нѣкій сонный джентельменъ, съ лорнетомъ въ глазу, раскачиваясь на стулѣ, полупешталъ своему сосѣду: «Назовите мой приговоръ — приговоромъ осла соловью (въ баснѣ Крылова), а я все-таки скажу:

Его безъ скуки слушать можно...

Но сердце у меня не билось тревожно!»

Правда, вдохновенный артистъ, снисходительно угождая вкусу большинства, избралъ для этого прощальнаго, передъ отъѣздомъ своимъ въ Кіевъ, концерта, пьесы, болѣею частію, внѣшняго, механическаго эффекта: но кто не знаетъ, что смычокъ единственнаго ученика Никола Паганини умѣетъ трогать за живое, извлекать слезы, волновать душу...

Къ чести щегленка нашего, должно прибавить, что онъ хотя тоже довольно вѣтренный молодой человекъ, далеко не раздѣлялъ мнѣнія непризваннаго судьи, и въ такой степени увлекся игрою Контскаго, что вовсе забылъ даже упомянуть о лучшей, важнѣйшей статьѣ Сборника, о біографіи В. А. Жуковскаго, составленной П. А. Плетневымъ, въ которой маститый поэтъ мастерски изображенъ, такъ сказать, отъ безвѣстной колыбели до увѣчаннаго лаврами гроба, и вы внимательно, съ душевнымъ участіемъ, слѣдите за этою тихою, созерцательною жизнью...

Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ своихъ «Пантеонъ» надѣется подробнѣе познакомить читателей съ любопытнымъ и симпатическимъ произведеніемъ П. А. Плетнева, а въ другой разсмотрѣтъ и полное собраніе сочиненій здравствующаго поэта нашего, пувелиста и драматурга, Н. В. Кукольника, который теперь, по кончинѣ Жуковскаго, какъ авторъ Тасса, имѣетъ все справедливое притязаніе наследовать лиру незабвеннаго переводчика Шиллера и Гомера (Одиссея); нынѣшній же бібліографическій перечень свой Петербургскаго Вѣстника заключаемъ указаніемъ еще на одно художественное изданіе. Содержаніе *Памятной книжки* извѣстно веѣмъ, но съ каждымъ новымъ годомъ она украшается новыми превосходными гравюрами. Въ нынѣшней (1853 г.) ихъ тринадцать. Между-прочимъ, онѣ изображаютъ «гренадеровъ въ сраженіи подъ Остроленкою; сложеніе оружія Гергеемъ; древній замокъ въ Ревелѣ; царскіе терема въ Кремлевскомъ дворцѣ; прощаніе инвалида съ сыномъ, отправляющимся на службу». Композиція рисунковъ и гравировальное ихъ исполненіе выше всякой похвалы...

III. МУЗЫКА.

Нѣсколько словъ о пѣніи вообще и о пѣніи г-жи Віардо-Гарціи въ особенности. — Дебютъ ея въ Итальянской Оперѣ. — Пѣвица Клара Добре — права ея на извѣстность. — Концертъ г. Рубинштейна. — Его сонаты. — Г. Всеволодъ Мауреръ и о скрипачахъ вообще. — Злоупотребленія солистовъ. — Концертъ г. Контскаго. — Еще фантази. — Воспоминанія изъ Дона Паскале и новая мазурка Контскаго. — Новый инструментъ, изобрѣтенія г. Казинскаго. — Предстоящіе концерты дѣтскихъ приютовъ и г. Бальфе. — Наша филантропія. — Сигизмундъ Штервъ и его «Теорія музыки». — Появленіе новаго Варламова. — Новыя музыкальныя изданія.

Искусство пѣнія принадлежитъ къ самымъ сложнымъ, и требуетъ отъ жрецовъ своихъ самыхъ рѣдкихъ качествъ. Сколько трудностей и техническихъ препятствій долженъ преодолѣть пѣвецъ, сколько терпѣнія потратить, чтобы послѣ долгаго и тщательнаго ученія достигнуть возможности управлять голосомъ, и придавать ему то выраженіе, которое необходимо для воспроизведенія чувствъ, имъ ощущаемыхъ. Этотъ звукъ, вылетающій изъ гортани пѣвца, въ которомъ дышетъ и живетъ его душа, который рѣзко и живо отражаетъ всѣ оттѣнки страсти, и увлекаетъ, восторгаетъ слушателя, былъ, какъ брилліантъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, подверженъ дѣйствию пилы гранильщика. Очищенный, блестящій человѣческій голосъ, этотъ благороднѣйшій инструментъ, не нуждается ни въ какомъ пособіи, и передавая вмѣстѣ съ мелодіей и слова, выражающія мысль поэта, дѣйствуетъ прямо на сердце и душу человѣка. Поэтому-то пѣніе и занимаетъ такое важное мѣсто въ музыкѣ. Но одна техническая обработка голоса и строгое изученіе всѣхъ таинствъ искусства пѣнія — не составляютъ еще пѣвца драматическаго. Отъ него требуется душа воспримчивая и сообщительная, требуется глубокое поэтическое постиженіе и оригинальный способъ выраженія. Такихъ пѣвцовъ и пѣвицъ очень немного, и одно изъ первыхъ мѣстъ между ними, безспорно, занимаетъ г-жа Віардо-Гарціа, превосходная актриса, геніальная пѣвица, первая изъ современныхъ оперныхъ героинь, послѣ знаменитой и неподражаемой Женни Линдъ.

Г-жа Віардо долго была любимицей нашей публики: она почти развилась и образовалась на петербургской сценѣ, и отсюда понеслась ея громкая слава по Европѣ. Появленіе ея вновь въ составѣ нашей Итальянской Оперы составляетъ эпоху въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, и возбудило живѣйшій восторгъ во всѣхъ настоящихъ любителяхъ искусства.

Г-жа Віардо-Гарціа одарена обширнымъ, приятнымъ и гибкимъ голосомъ; она съ удивительною легкостію и смѣлостью преодолеваетъ всякую трудность.

Но кромѣ прекраснаго инструмента, голосъ ея — по преимуществу симпатическій, невольно овладѣвающій слушателемъ и увлекающій его до восторга. Она одинаково поетъ всѣ партіи и всѣ роды. Живая, веселая въ роли *Розины* въ «Севильскомъ цирюльникѣ», кокетка въ *Нинь* «Любовный напитокъ», страстная въ *Дездемонь* въ «Отелло», г-жа Виардо соединяетъ въ себѣ всѣ качества и всѣ недостатки гениевъ: тщеславіе, увлеченіе, восторженность, блескъ и неровность. Въ талантъ ея заключаются самыя разнородныя влеченія и самыя рѣдкія качества великихъ пѣвцовъ Италіи. Никто, какъ она, не обладаетъ такою дивною способностью соединять съ такимъ рѣдкимъ совершенствомъ страсти трагическія съ легкими вдохновеніями комизма, и въ этой-то двойственности находится оригинальность ея дарованія, основа ея вліятельности и успѣха и права на повсемѣстную славу.

Много говорили о предстоящемъ пріѣздѣ г-жи Гарціи, много толковали о распространившемся слухѣ, что она утратила свой серебристый голосъ; но какъ удивился Петербургъ, когда прежняя любимица его явилась передъ нимъ съ замѣчательнымъ усовершенствованіемъ, не только въ голосѣ, но и въ самой методѣ пѣнія. Правда, произошла перемѣна въ ея голосѣ, но перемѣна благодѣтельная: она дѣйствительно утратила двѣ верхнія ноты сопрано, но зато приобрѣла столько же нижнихъ контральтовыхъ. Стало-быть діапазонъ не только не утратился, но сдѣлался еще болѣе замѣчательнымъ и рѣдкимъ.

Перечислять восторги публики, при первомъ ея появленіи на сценѣ, мы предоставляемъ другимъ словоохотнымъ фельетонистамъ; скажемъ только, что восторгъ былъ основательный и пріемъ вполне заслуженный.

Но кромѣ г-жи Гарціи, гоститъ у насъ еще одна извѣстная пѣвица: Клара Добре, принявшая на себя, нѣсколько недѣль тому, по случаю внезапной болѣзни г-жи Маррай, роль королевы въ оперѣ «Гвельфы и Гибеллины». Неожиданное появленіе услуживой гостью произвело на публику пріятное впечатлѣніе, которое вскорѣ перешло въ большой восторгъ. Прекрасная наружность, пріятный голосъ, отличная метода и отчетливая игра г-жи Добре, приобрѣли ей самый радушный пріемъ. Посышались громкіе аплодисманы, раздались шумныя браво, и Петербургъ доказалъ, что умѣетъ цѣнить, какъ истинный талантъ, такъ и рѣдкую угодливость пріѣзжей артистки.

Недостатокъ подробныхъ свѣдѣній не позволяетъ намъ распространяться о г-жѣ Добре, и мы можемъ подѣлиться съ читателями нашими только тѣмъ, что извѣстно намъ самимъ.

Дѣвица Клара Добре, воспитаница парижской Музыкальной Консерваторіи, получила первую премію лирической декламации и пѣнія, и

поступила на сцену тамошней Большой Оперы, гдѣ находилась до-сихъ-поръ, и долгое время пѣла вмѣстѣ съ Маріо. Въ 1844 году удостоилась она получить отъ комитета Общества музыкальныхъ артистовъ лавровый вѣнокъ, съ дипломомъ за подписью директоровъ, барона Тайльора и Габенека, и въ томъ же году выбрана членомъ парижской королевской Академіи изящныхъ искусствъ. Въ 1845 году г-жа Добре была назначена въ солистки (*membre solo*) Общества концертовъ королевской Музыкальной Консерваторіи, и получила похвальный листъ отъ Французскаго Института (*Institut de France*). Спѣшимъ сообщить выписку Баденъ-Баденской-газеты отъ 1842 года, № 125. Сначала газета объявляетъ объ исполненіи *Stabat Mater* Россіи подъ управленіемъ г. Панофки, а потомъ говоритъ: Соло, хоры и оркестръ соревновали между собою въ достойномъ выраженіи мыслей знаменитаго композитора. Слушатели, уже подготовленные религіозной интродукціей, вскорѣ были совершенно покорены изящнымъ вкусомъ тенора, г. Ронци, благороднымъ и вѣрнымъ голосомъ г. Обергофера, и одушевленнымъ пѣніемъ г-жи Добре и Катеньки Гейнефетеръ; далѣе газета объясняетъ, что празднество это, устроенное въ колоссальномъ размѣрѣ стараніями г. Бенозенса и Панофки, во всѣхъ отношеніяхъ было достойно, какъ имени Россіи и творенія его, такъ и избраннаго общества слушателей, и успѣхомъ своимъ обязано соединенію талантовъ, каковы г-жа Добре, Катенька Гейнефетеръ и гг. Ронци и Обергоферъ. «Успѣхъ г-жи Добре» — продолжаетъ газета — «былъ совершенный», отнынѣ имя ея извѣстно Европѣ, потому-что при праздествѣ этомъ присутствовало европейское общество.»

Вотъ слава, которая предшествовала прибытію въ Петербургъ г-жи Добре. Надѣмся, что пребываніе ея здѣсь не останется безъ пріятныхъ для насъ послѣдствій. На дняхъ даетъ она въ залѣ Дворянскаго Собранія большой концертъ, въ которомъ примутъ участіе лучшіе артисты Италіанской Оперы и извѣстный арфистъ г. Джонъ-Томасъ (см. Пантеонъ за 1852 г. № 12). Судя по приему, оказанному г-жѣ Добре, при неожиданномъ появленіи ея на сценѣ нашего театра, надо ожидать большаго стеченія публики въ ея концертъ, о которомъ дадимъ читателямъ въ свое время подробный отчетъ. Теперь же перейдемъ къ двумъ концертамъ, бывшимъ въ-теченіе этого мѣсяца.

10-го января былъ въ залѣ Лихтенталя концертъ Рубинштейна, въ которомъ принимали участіе гг. Всеволодъ Мауреръ и Шубертъ.

Въ декабрьской книжкѣ «Пантеона» высказали мы уже мнѣніе наше о талантѣ г. Рубинштейна. Мы совѣтовали ему не увлекаться самона-

дѣянностію и не считать себя уже совершеннымъ маэстро, а учиться, учиться и учиться. И теперь мы можемъ только повторить сказанное.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Рубинштейнъ является талантомъ самобытнымъ и многостороннимъ; идеи его отличаются свѣжестью и богатствомъ. Къ несчастію, проскакиваютъ иногда въ его композиціяхъ мѣста, которыя свидѣтельствуютъ объ отсутствіи серьезнаго и ученаго на-правленія, объ увлеченіи къ подражанію, а главное, объ усиліяхъ— не быть — а казаться оригинальнымъ. Оригинальность — есть присущее гению свойство, она выливается сама-собою, находитъ звуки и форму въ глубинѣ души, изъ которой беретъ источникъ. Достигнуть ея насильственными средствами нельзя, и всякое усиліе въ этомъ отношеніи будетъ только оригинальничаньемъ, и повредитъ творенію. Но можно надѣяться, что все эти недостатки молодости исчезнутъ въ нашемъ юномъ артистѣ съ лѣтами.

Въ концертѣ своемъ г. Рубинштейнъ исполнялъ двѣ сонаты своего сочиненія, и вполне удовлетворилъ слушателей своею ровною, легкою и чистою игрою, безъ примѣси фокусъ-покусовъ современныхъ пѣанистовъ.

Первая соната, въ *gé majeur*, писанная для фортепьяно и виолончеля, довольно слабое произведеніе, и украшалась только превосходной игрою г. Шуберта. Композиторъ, какъ пѣанистъ, обратилъ болѣе вниманія на техническую часть, которую обдѣлалъ весьма изящно, и совершенно пренебрегъ содержаніемъ, отъ чего и произошла безцвѣтность этой пьесы. Музыкальная идея выдержана въ ней только въ одномъ *Alegro*, черезъ что вся соната не имѣетъ общаго характера.

Вторая соната, въ *la mineur*, хотя немного натянута, но зато полна свѣжести и оригинальности. Въ особенности понравилось превосходно написанное и изящно исполненное *скерцо*, въ которомъ главная мысль повторяется въ игривой формѣ, и придаетъ всему легкость и блескъ.

Участвовавшій въ этой сонатѣ Всеволодъ Мауреръ — замѣчательный артистъ. Легкая игра его полна пѣвучести и чувства; онъ избѣгаетъ тщательно всякаго ухищренія, не выдѣлываетъ на инструментѣ своемъ наѣздническихъ и гимнастическихъ штукъ, напротивъ, инстинктивно разгадываетъ мысль автора, и передаетъ ее полными звуками и въ такомъ духѣ, въ которомъ-бы композиторъ самъ передалъ ее. А это, въ настоящее время, рѣдкое качество въ солистѣ. Теперь гг. солисты во-все не уважаютъ композиторовъ, и часто пренебрегаютъ ихъ идеей, чтобъ только удивить слушателей легкостью, гибкостью и проворствомъ пальцевъ и смычка. Этого рода игра очень похожа на *неистощимую бутылку* Германа, изъ которой онъ всякому наливаетъ по нѣсколько капель того ликера, какого потребуетъ любитель, но которую, вѣрно,

никто не поставилъ—бы на лукулловскій столъ, потому—что, въ сущности, она пуста.

«Музыка, гдѣ ты?» приходится часто повторять при исполненіи пьесъ, гдѣ каждый тонъ выводится до совершеннѣйшей ясности, гдѣ точно сохранены размѣры темпа, но гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго чувства. А музыки, производящей на человѣка никакого впечатленія, мы не понимаемъ и не признаемъ. Музыка должна говорить сердцу и затрогивать душу, а не удивлять глаза. Чтобъ удивляться гибкости, изворотливости и ловкости человѣческихъ членовъ, мы ходимъ къ акробатамъ, наѣздникамъ и гимнастикамъ. Надо же, чтобы художникъ, артистъ, берущій элементы своего творчества изъ души и имѣющій претензію дѣйствовать на душу, чѣмъ—нибудь отличался отъ этихъ господъ.

Но артисты живутъ въ духѣ времени. Масса слушателей восхищается, аплодируетъ ихъ труднымъ трелямъ, флажолетамъ, арпеджіямъ, гаммамъ, прыжкамъ и сальто—мортале смычка, но что чувствуютъ истинные поклонники искусства! До нихъ артистамъ дѣла нѣтъ, они не составляютъ большинства.

Повторяемъ: усовершенствуйте инструментъ, чтобъ въ совершенствѣ передавать совершенную музыку, но только не на показъ! Признаемся, намъ кажется страннымъ, что находятся рецензенты, которые упрекаютъ публику въ томъ, что она восхищается музыкой, а объ исполненіи и не думаетъ. Такъ, по—крайней—мѣрѣ, выразился на дняхъ г. Раппопортъ. Но это неосновательно; на повѣрку выходитъ совершенно наоборотъ: публика напротивъ, смотритъ на музыку, какъ на второстепенность, а преимущественно занимается исполненіемъ! Это доказалъ восторгъ, съ которымъ приняли въ концертѣ г. Контскаго фантазію его на романсъ Алябьева «Соловей», въ которой нѣтъ ничего музыкальнаго, а одно простое подражаніе чириканью птицъ, да и то вовсе не соловья. Чириканье это передается г. Контскимъ превосходно—арпеджіями и гаммами, но у всякаго невольно вырывается вопросъ: музыка, гдѣ ты?»

Впрочемъ, мы уже однажды сказали, что капризы и фантазёрство позволительны артистамъ, и если аплодируютъ каскаду, изображенному журчаньемъ мелкаго ручейка, то почему бы и не аплодировать соловью, являющемуся въ видѣ придорожника. Такова фантазія артиста, а мы не намѣрены входить въ психологическій разборъ фантазіи. Значеніе ея слишкомъ разнообразно, и мѣняется смотря по наклонностямъ людей. Попробуйте только сказать, что фантазія есть цѣлый горизонтъ красоты, распространяющійся далеко за предѣлы видимаго, и доступный только избраннымъ любимцамъ природы, или что фантазія все то, что

восхищаетъ насъ безсознательно, все, что мы любимъ и желѣемъ въ противность себѣ, все, что заставляетъ насъ мечтать и задумываться— и хоромъ закричатъ:

Красавцы: — это любовь!

Люди положительные: — Калифорнія!

Журналисты: — подписчики!

Игроки: — Семь въ червахъ!

Содержатели библиотекъ: — абоненты!

Маркеры: — желтый въ среднюю и карамболь по красному!

Концертисты: — сборъ!

Фельетонисты: — новости, зрѣлища, происшествія!

И такъ далѣе, до безконечности.

Réminiscences изъ оперы «Донъ Пасквале», соч. Контскаго, исполненныя имъ самимъ, съ акомпаниментомъ оркестра, понравились намъ болѣе всѣхъ прочихъ нумеровъ этого концерта.

Въ этой пьесѣ г. Контскій весьма удачно выбралъ лучшія мѣста изъ оперы Доницети, которой Лаблашъ придалъ такое патетическое значеніе, и очень искусно слилъ ихъ съ собственными игривыми идеями. Все это облечено въ прекрасную форму, не наполнено излишними трудностями, и притомъ отличается блистательнымъ характеромъ. Въ особенности хорошъ конецъ, въ темпъ-вальса, и, можемъ сказать, образуетъ одинъ изъ лучшихъ вальсовъ, которые удалось намъ слышать. Новая мазурка г. Контскаго премиленькая пьеса, немного въ родѣ Шопеновской въ do majeur. Маккавей, поэма давно извѣстная Петербургу, а потому и не къ чему говорить о ней. Недостатокъ глубокихъ мыслей замѣняется въ ней искусной, блестящей и эффектной инструментовкою, очень живо напоминающей манеру итальянца Маэти.

Все было исполнено въ концертѣ этомъ превосходно; жаль только, что г. Кажинскій, слишкомъ увлекаясь артистическимъ жаромъ, ввелъ въ оркестръ лишній инструментъ, о которомъ, вѣроятно, и во снѣ не снилось ни Веберу, ни Герольду, когда они окрестрировали свои увертюры. (Въ концертѣ этомъ исполнены были увертюры изъ «Оберона» и «Цампы».) Г. Кажинскій билъ тактъ палочкой своей о пульнитръ, и такимъ образомъ не только управлялъ оркестромъ, но и самъ принималъ участіе въ исполненіи на вновь изобрѣтенномъ имъ деревянномъ барабанѣ. Не знаемъ, какъ онъ, но публика была очень недовольна этимъ нововведеніемъ, и часто изъясляла явные признаки нетерпѣнія.

Но что всѣ эти концерты въ сравненіи съ тѣми, которыми предстоитъ намъ насладиться въ скоромъ времени. Мы хотимъ говорить о

предстоящихъ концертахъ въ пользу Дѣтскихъ Приютовъ и г. Бальфе (см. № 11 Паптеона за 1852 годъ).

Нигдѣ филантропія не развита въ такой степени, какъ у насъ въ Россіи; нигдѣ не имѣетъ она столь христіанскаго направленія. Филантропія у насъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя гнѣздятся въ темныхъ лабиринтахъ утопій. Тѣ общають много въ теоріи, но ничего не даютъ на практикѣ, и довольствуются однимъ шумомъ и чувствительными рѣчами, произносимыми съ пафосомъ въ засѣданіяхъ. И громко и неубыточно! Наша филантропія находится въ тѣсныхъ границахъ разума; она не многорѣчива, а пропитана истиннымъ духомъ христіанскаго смиренія и милосердія. Мы, народъ сѣверный, говоримъ немного, но дѣйствуемъ, и врядъ ли найдется въ какомъ бы то ни было государствѣ столько различныхъ богоугодныхъ заведеній, какъ въ Петербургѣ.

Но изъ всѣхъ подобныхъ учрежденій, самое трогательное, самое благодѣтельное, несомнѣнно—Комитетъ Дѣтскихъ Приютовъ, вѣчно дѣятельный, безъ устали стремящійся распространить кругъ своихъ дѣйствій и доставить приютъ, надзоръ и воспитаніе бездомнымъ малюткамъ, ввѣреннымъ его отеческому попеченію. Такъ и нынѣ устраиваетъ Комитетъ Дѣтскихъ Приютовъ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, три праздника въ самомъ роскошномъ и изящномъ видѣ.

Первое будетъ состоять изъ концерта, другое изъ разныхъ увеселеній.

Въ концертѣ Комитета Дѣтскихъ Приютовъ примутъ участіе лучшіе артисты нашей Итальянской Оперы и извѣстнѣйшіе любители и любительницы искусствъ, числомъ до пятидесяти. Концертъ будетъ колоссальный; составъ и управленіе ввѣрено одному изъ опытнѣйшихъ музыкантовъ теоретиковъ нашего времени, г. Сигизмунду Штерну. Г. Штернъ митавскій уроженецъ, съ юншества посвятилъ себя изученію музыки, и обладая прекраснымъ талантомъ игры на скрипкѣ, отправился, для усовершенствованія, за границу. Здѣсь однако предался онъ совершенно изученію теоріи, и, глубокой мыслитель, издалъ, въ 1850 году, въ Парижѣ, новую методу музыки. Сочиненіе это, *Manuel général de Musique à l'usage de l'enseignement élémentaire du chant, des instruments et de la composition, par Sigismond Stern, approuvé par l'Institut de France, Academie des Beaux Arts et adopté par le Conservatoire de Musique*, отличается совершеннымъ отсутствіемъ трудной и ни къ чему не ведущей терминологіи, и заключаетъ въ себѣ новыиъ взглядъ на искусство. Метода эта удивительно упрощаетъ и облегчаетъ изученіе музыки, чему лучшимъ доказательствомъ служить принятіе ея въ руководство парижской Музыкальной Консерваторіи, первой въ мірѣ. У насъ эта

метода продается въ домѣ Голландской—церкви, въ музыкальномъ магазинѣ Брандуса и комп., и продается весьма дешево. Экземпляръ, украшенный изображеніями всѣхъ инструментовъ, для чего избраны портреты учениковъ Консерваторіи, и заключающій въ себѣ полный лексиконъ всѣхъ нотацийъ различныхъ инструментовъ, стоить только 2 р. 50 к. серебромъ.

Поручивъ управленіе и составъ концерта такому заслуженному артисту, какъ г. Штернъ, Комитетъ Дѣтскихъ Пріютовъ хотѣлъ доказать желаніе свое доставить публикѣ возможность, за благотворительность свою, — насладиться истинно изящнымъ вечеромъ.

1-го февраля, въ залѣ Дворянскаго Собранія, данъ будетъ концертъ г. Бальфе. Онъ составленъ изъ всѣхъ образцовыхъ произведеній этого знаменитаго композитора, и несомнѣнно произведетъ эпоху въ музыкальныхъ лѣтописяхъ Петербурга. Вѣроятно, услужливый и проворный Musée Musical поторопится познакомить публику покороче со всѣми пьесами, которыя будутъ исполнены въ этомъ концертѣ.

Въ этомъ магазинѣ вышли нынѣ въ свѣтъ три романа: «Ноктюрнъ», «Разлюбила красна дѣвица» и «Спой, сыграй и поцѣлуй». Романы эти замѣчательны тѣмъ, что это первыя сочиненія сына покойнаго народнаго романсера нашего, Александра Егоровича Варламова. Они доказываютъ, что творческой огонь не улетѣлъ съ душою композитора; онъ вновь воспламенился въ сердцѣ сына его, Григорія, который обѣщаетъ быть достойнымъ преемникомъ таланта своего отца!

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Оригинальность «Пантеона» и автора этихъ строкъ. — Праздники по поводу столѣтія Морскаго Кадетскаго Корпуса. — Литературное утро г. Гилью. — Стихи къ г-жѣ Вольнискъ. — Общественныя увеселенія. — Горы и музыка. — Театральные слухи и вѣсти. — Даггеротипы г. Левицкаго. — Юбилей торговаго дома гг. барона Штаглица и Ко.

«Пантеонъ» имѣетъ оригинальность выходить не послѣ перваго числа каждаго мѣсяца, какъ всѣ прочіе русскіе журналы, а въ двадцатыхъ числахъ; оригинальность какъ нельзя болѣе понятная, но очень невыгодная для перваго мѣсяца въ году.

Въ остальные мѣсяцы, «Пантеонъ» играетъ съ прочими журналами въ лотерею, и вѣроятности выигрыша равны для всѣхъ сторонъ: выходя послѣ пятнадцатаго числа, онъ можетъ предупредить своихъ товарищей разсказомъ о происшедшемъ въ общественной жизни Петербурга въ первыя двѣ недѣли мѣсяца, точно также, какъ его товарищи предупреждаютъ его разсказомъ о происшествіяхъ двухъ послѣднихъ недѣль; но въ январѣ другое дѣло. Январемъ у насъ начинается годъ, къ первому января отлагается обыкновенно все, что ни задумано для увеселенія, пользы, утѣшенія общества, и потому собратья наши въ другихъ журналахъ имѣютъ полную возможность разузнать обо всемъ ранѣе насъ, и, слѣдовательно, обо всемъ разсказать; такъ, что намъ останется идти по ихъ слѣдамъ, *sur leurs brisées*, какъ говорятъ французы. Но какъ бы ни было, а и пишущій эти строки хочетъ быть сегодня оригинальнымъ, то-есть, только вскользь упомянуть о томъ, что уже сказано его собратіями, а повѣдать вамъ о томъ, чего они еще не успѣли разсказать, или не удостоили своимъ вниманіемъ.

Одного намъ только жаль,—а именно праздниковъ по случаю совершившагося столѣтія Морскому Кадетскому Корпусу: иллюминаціи, великолѣпнаго бала, устройства залы, которымъ занимался талантливый г. Вальцъ, спектакля въ Александринскомъ Театрѣ; даннаго для моряковъ и состоявшаго исключительно изъ цѣсь морскаго и военного содержанія. Обо всемъ этомъ много написано. Впрочемъ, по пристрастію нашему ко всему, что относится къ театру, мы не можемъ удержаться, чтобъ не сказать хотя нѣсколько словъ о спектаклѣ.

Давали «Дѣдушку русскаго флота», «Русскаго моряка», въ которомъ игралъ г. Петровъ и пѣлъ «пѣснь въ честь русскаго флага», музыка которой написана г. Кажинскимъ, наконецъ «Солдата Балагура». Театръ, наполненный моряками, представлялъ чрезвычайно оригинальное и небывалое зрѣлище; мундиры и веселыя, счастливыя лица придавали залѣ Александринскаго Театра торжественный и вмѣстѣ радостный видъ. Нельзя описать восторга этой публики въ ту минуту, когда вывели на сцену *Дѣдушку русскаго флота*; не рукоплесканія и не обыкновенное театральное *браво* раздались тогда, но какой-то побѣдный кликъ, вырвавшійся изъ глубины сердецъ, потрясъ своды залы. И все, что намекало въ этотъ вечеръ на состояніе нашего флота, все, что затрогивало чувство къ родинѣ, находило потрясающій отголосокъ въ зрителяхъ. Этотъ вечеръ будетъ долго памятенъ Александринскому Театру.

По случаю этихъ праздниковъ написано, какъ мы уже сказали, множество фельетоновъ, статей, даже книгъ, безъ сомнѣнія, всѣми уже

прочитанныхъ, и потому мы переходимъ къ другимъ явленіямъ нашей общественной жизни.

Въ послѣднихъ дняхъ прошедшаго года было литературное утро, о которомъ не считаемъ себя въ-правѣ умолчать. Оно было дано въ залѣ Второй Гимназіи, господиномъ Гилью. Нужно-ли вамъ говорить, кто такой господинъ Гилью? Вы его навѣрное знаете. Онъ пріѣхалъ къ намъ музыкантомъ, флейтистомъ, и мы были отъ него въ восторгѣ, потому-что онъ флейтистъ отличный; но въ одно прекрасное-утро, флейта г. Гилью умолкла, по неизвѣстной намъ причинѣ, и восторгъ замѣнился равнодушіемъ. Не предшествовало-ли, впрочемъ, равнодушіе молчанію флейты, и не было-ли оно даже причиной этого молчанія—хорошенько не помнимъ—но дѣло статочное. Въ Петербургѣ также много людей страстныхъ поклонниковъ новаго, довольно равнодушныхъ къ своему и враговъ всего, что не ново; слѣдовательно, очень можетъ-быть, что Петербургъ охладѣлъ къ г. Гилью потому, что онъ поселился въ немъ, сдѣлался *своимъ*, пересталъ быть *новостію*. Впрочемъ г. Гилью, какъ мы убѣдились, не любитъ забвенія; онъ отъ времени до времени пытался напоминать о себѣ неблагодарному Петербургу. Г. Гилью былъ литераторомъ и печаталъ критическія статейки объ искусствахъ, потомъ былъ журналистомъ и издавалъ художественный журналъ «L'Artiste russe»; но французскія статейки не могли имѣть у насъ значенія, а журналъ жилъ не долго. Всѣ эти неудачи не лишили однакоже г. Гилью бодрости: онъ сдѣлался преподавателемъ французскаго языка и, какъ кажется, избралъ благой путь. Въ этомъ-то качествѣ учителя и далъ онъ, въ послѣднихъ дняхъ прошедшаго года, литературное утро, о которомъ мы хотимъ здѣсь разсказать.

Литературное утро г. Гилью состояло въ декламациі и чтеніи поэтическихъ произведеній и краткомъ вступленіи, въ которомъ онъ изложилъ свой взглядъ на искусство декламациі и чтенія, взглядъ, впрочемъ, не новый и потому избавляющій насъ отъ отчета о немъ. Но особенно замѣчательно было это утро тѣмъ, что, за исключеніемъ двухъ стихотвореній Ламартина, одного—Виктора Гюго и одного—Віоло, всѣ остальные принадлежатъ поэтамъ, живущимъ въ Петербургѣ. Да, въ Петербургѣ есть французскіе поэты, и на утрѣ г. Гилью мы познакомились съ четырьмя изъ нихъ: съ гг. Перро, Лепá, Энглесомъ (Heingleis) и Пенжономъ. Если сказать правду, такъ изъ нихъ (сколько мы можемъ судить о нихъ на основаніи нашего недавняго и неблизкаго знакомства съ ними) только одинъ г. Перро заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Г. Лепá владѣетъ стихомъ, онъ издалъ даже въ Парижѣ, до пріѣзда своего

въ Россію, книжку довольно звучныхъ и гладкихъ стихотвореній, но кто-же, въ настоящее время, не пишетъ такихъ стиховъ? За одинъ механизмъ стиха нельзя еще назвать поэтомъ. Впрочемъ, мы не отрицаемъ въ г. Лена и нѣкотораго дарованія.

Что касается до г. Энглеса, то мы знакомы съ нимъ по одному только переводу его оды «Богъ.» Переводъ этотъ—вольный, но это не бѣда, а бѣда въ томъ, что переводъ блѣденъ, хотя г. Гилью и объявилъ своимъ слушателямъ, что онъ можетъ стать на ряду съ подлинникомъ. Шутка сказать, на ряду съ подлинникомъ! Впрочемъ, вотъ вамъ одна изъ первыхъ строфъ, судите сами:

Toi qui remplis de ta puissance
Tous les èspaces, tous les temps,
Triple personne, unnique essence,
Etre des êtres existants;
Esprit, source, origine, cause
De tout esprit, de toute chose,
Invisible, quoiqu'en tout lieu
Soutenant tout par ton empire,
Vivant dans tout ce qui respire,
Enfin Toi que nous nommons Dieu!

Г. Пенжонъ занимается поэзіею какъ дилеттантъ, и мы говорить о немъ не имѣемъ права, но за то съ особеннымъ удовольствіемъ поговоримъ о г. Перро.

Г. Перро (Jules Joseph Perrault) служитъ лекторомъ французской словесности въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ; прежде онъ былъ лекторомъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ, а до того, если не ошибаемся, занимался преподаваніемъ въ домахъ частныхъ лицъ. Г. Перро много путешествовалъ, долго жилъ на Востокъ, особенно въ Египтѣ, и вообще, онъ человѣкъ бывалый и знающій. Впрочемъ, это уже біографическія подробности, а мы имѣемъ право говорить о г. Перро только какъ о поэтѣ.

Г. Перро написалъ очень много, но никогда, если не ошибаемся, ничего не печаталъ; онъ поэтъ изъ любви къ поэзіи и искусству, но это не мѣшаетъ ему имѣть весьма замѣчательное дарованіе, которому немного равныхъ, въ настоящее время, въ его отечествѣ. Особенно замѣчательнъ онъ какъ переводчикъ, и намъ привелось читать нѣкоторыя

изъ его переводовъ съ русскаго, которые мы очень-бы желали видѣть въ печати. Стихи его звучны и сильны, они изобилуютъ картинами и мыслями. Въ стихотвореніи, читанномъ г. Гилью, г. Перро прощается съ музою, и очень напрасно, потому-что это прощаніе показываетъ, сколько еще въ немъ свѣжихъ, крѣпкихъ силъ. Оно произвело очень сильное впечатлѣніе, хотя въ немъ есть нѣкоторыя длинноты и повторенія, ловко впрочемъ скрытыя искуснымъ чтеніемъ г. Гилью. Особенно сильное впечатлѣніе произвело одно мѣсто, въ которомъ поэтъ, сожалея объ утраченныхъ силахъ, о протекшей невозвратно юности, проситъ музу возвратитъ ему бывшее, со всѣми его обманами и ослѣпленіями. Онъ проситъ ее, чтобъ она послала ему возможность внимать чужимъ вдохновеніямъ, если онъ уже не можетъ вдохновляться самъ, и вспоминаетъ при этомъ о вдохновенныхъ актерахъ, которые приводили его въ восторгъ въ молодости, особенно-же о Леонтиѣ Фе, нынѣшней госпожѣ Вольнищъ.

Такъ какъ госпожа Вольнищъ, неожиданно этого обращенія, находилась въ залѣ, то вы понимаете, что эффектъ былъ громадный. Рукоплесканія долго не умолкали, а артистка ужасно смутилась. Приводимъ здѣсь это обращеніе, въ полномъ убѣжденіи, что оно будетъ прочтено съ удовольствіемъ:

Du breuvage immortel si mes lèvres sevrées
 Pour chanter se rouvrent en vain,
 Laissez moi me suspendre aux levres inspirées
 Qui répètent le chant divin;

—

Que je revive encore ce temps ou Léontine
 Sous son casque de cheveux noirs,
 L'éclair dans le regard, le Dieu dans la poitrine,
 Amante ou reine au désespoir,

—

Faisait courir d'un mot des frissons dans la foule.
 Sa paleur inondait mes traits;
 Quand son geste calmait ou soulevait la houle,
 J'étais artiste — je pleurais!

—

De le France, sa mère, elle est encor l'image
 Par sa beauté, par son honneur;
 Elle en porte les traits sur son visage
 Et le soleil d'or dans son coeur.

Elle a gardé sa grace, elle a gardé sa flamme,
 L'éclair brille encore dans ses yeux;
 En vain je me réchauffe aux rayons de son âme:
 Elle est jeune — et moi je suis vieux!

Не смѣемъ переводить этихъ стиховъ, чтобъ не повредить красотѣ подлинника.

Что касается до г. Гилью, то онъ, мы должны отдать ему справедливость, читаетъ и декламируетъ очень хорошо, хотя и не безъукоризненно; впрочемъ мы и не имѣемъ права требовать совершенства: и въ солнцѣ есть пятна, говоритъ извѣстная аксіома. Мы слышали, что г. Гилью собирается дать еще одно такое-же утро и открыть курсъ чтенія и декламации. Въ добрый часъ; дѣло хорошее.

Разсказывать-ли вамъ объ общественныхъ увеселеніяхъ, которыхъ очень много: о музыкальныхъ вечерахъ и катаньяхъ съ горъ у Излера на *Минеральныхъ водахъ*, о таковыхъ-же вечерахъ и катаньяхъ въ Екатерингофѣ, на Крестовскомъ и Петровскомъ Островахъ? Во всемъ этомъ очень мало новаго, мало пищи для пера, какъ сказалъ бы иной литераторъ двадцатыхъ годовъ. Ну—съѣдутся, на тройкахъ съ бубенчиками, въ каретахъ, въ скромныхъ одиночныхъ санкахъ, слушаютъ польки и вальсы, катаются съ горъ при свѣтѣ разноцвѣтныхъ фонарей, кушаютъ котлеты и ростбифы (у Излера и въ Екатерингофѣ), пельмени и вафли (на островахъ), пьютъ шампанское (у Излера) и менѣе аристократическіе напитки (на островахъ). Вотъ и все. Но это увеселенія загородныя, *extra muros*; въ городѣ онѣ разнообразнѣе. Въ городѣ, не считая стараго и давно-извѣстнаго, есть во-первыхъ, *панорама Миссисипи*, потомъ панорама Берлина, наконецъ, театръ обезьянъ. Панорама Миссисипи вещь очень замѣчательная, по мысли; это панорама *движущаяся*. Вы спокойно сидите въ креслахъ, а можете представить себѣ, что плывете по рѣкѣ, на пароходѣ, потому-что берега Миссисипи, съ прибрежными городами и селеніями, вилами, садами, рощами, однимъ-словомъ, со всей прибрежной обстановкой этой царицы сѣвероамериканскихъ рѣкъ, пробѣгающей нѣсколько тысячъ миль, проходитъ мимо

вась. Это спокойное, чрезвычайно удобное, дешевое путешествіе продолжается часа два съ небольшимъ. Другая панорама иного рода: городъ Берлинъ вырѣзанъ изъ дерева, въ миниатюрномъ видѣ, со всеми улицами и зданіями; вы видите его сверху, à vol d'oiseau, и можете представить себѣ, что глядите на него изъ гондолы воздушнаго шара. Вмѣстѣ съ Берлиномъ показывается также точно такая-же панорама Санъ-Суси, лѣтней резиденціи королей прусскихъ.

Что касается до обезьянъ, дающихъ представленія въ концертномъ залѣ Пассажа, то это одно изъ самыхъ забавныхъ и любопытныхъ зрѣлищъ. Они вошли въ большую моду и привлекаютъ ежедневно множество любопытныхъ. Въ день бываетъ два представленія, и народу постоянно много. Обезьяны и собаки, лошади и козы дѣлаютъ такія штуки, что поставятъ въ тупикъ любого клоуна. Представленіе открывается обѣдомъ нѣсколькихъ большихъ обезьянъ. Изъ большихъ замѣчательнъ павіанъ, называемый въ афишѣ Кокомъ; онъ большой обжора, пьяница, и, какъ кажется, охотникъ до музыки, потому-что безпрестанно киваетъ головой и дѣлаетъ разныя движенія подь музыку. Затѣмъ слѣдуетъ драматическая сцена «Дезертеръ изъ любви». За тѣмъ слѣдуютъ: pas de trois трехъ собакъ; вальсъ одной собаки; сцена двухъ рекрутъ, исполняемая обезьянами; гимнастическія упражненія трехъ пуделей; упражненія такъ-называемой *высшей школы*, исполняемыя огромной собакой; гимнастическія упражненія козы; поѣздъ обезьяны въ коляскѣ, везомой двумя пуделями, съ кучеромъ и лакеемъ обезьянами и проч., и проч. Особенно замѣчательно третье отдѣленіе представленія, состоящее изъ упражненій обезьянъ на маленькихъ лошадакахъ (пони); лошадки дрессированы превосходно, а обезьяны дѣлаютъ на нихъ такія же штуки какія дѣлаются наѣздниками въ циркахъ. Животныя гг. Орбана и Казановы доведены до невѣроятнаго проворства и ловкости, такъ и кажется, что они заговаряютъ; но признаемся, ихъ искусство произвело на насъ непріятное впечатлѣніе. Мы удивлялись, но не могли улыбаться, подобно большинству, потому-что мысль о томъ, сколькихъ ужасныхъ страданій и немилосердыхъ побоевъ стоило бѣднымъ животнымъ ихъ искусство, не допускала насъ до улыбки. Мы скорѣе готовы были заплакать, охотно сознаемся въ этомъ, хотя многимъ, вѣроятно, это *скотолобіе* покажется смѣшнымъ. Повѣрьте, въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего смѣшнаго. Блаженъ, кто и скотовъ милуетъ... Впрочемъ, найдутся, мы увѣрены, между нашими читателями и такіе, которые будутъ намъ сочувствовать. Года два или три тому назадъ, былъ напечатанъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ статей г. Порошина, имѣвшихъ цѣлю подвинуть на хорошее обращеніе съ животными; эти ста-

ты имѣли много читателей, возбудили споры, толки, и тѣмъ доказали, что затронули важный вопросъ. Въ Англiи существуютъ особенныя представленія касательно обращенія съ животными, и недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, тамъ призывали въ судъ извѣстнаго воздухоплавателя Поатевена, за то, что онъ поднялся на воздухъ верхомъ на лошади, привязаной къ воздушному шару.

Много новаго было въ театральномъ мiрѣ: новая драма Н. В. Кукольника и дебютъ актрисы виленакаго театра Котовской, прїѣздъ г-жи Віардо, дебютировавшей въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». О новой драмѣ и о г-жѣ Котовской разсказано уже вамъ въ другой статьѣ, а мы скажемъ хотя нѣсколько словъ о нашей несравненной Розинѣ—Віардо. Чудная, чудная Розина! ее никто не могъ замѣнить у насъ и мы встрѣтили ее съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Достать билетъ на представленіе госпожи Віардо почти такъ-же трудно, какъ увидѣть въ небѣ звѣзды, не вооруженнымъ глазомъ, среди бѣлаго дня. Первый ея выходъ въ роли Розины былъ безпрерывнымъ рядомъ овацій, можно было оглохнуть отъ грома рукоплесканій, когда она, въ сценѣ *урокъ пѣнія*, пропѣла Алябьевскаго *Солозья*; слова Бартоло, Лаблаша, *certo, certo, bella voce!* возбудили такой-же громъ. Великое спасибо Дирекціи Театровъ за этого соловушку.

Ждемъ оперы «Іоаннъ Лейденскій», съ музыкой изъ Мейрберова «Пророка», и Вердіева «Риголетто»; но это, пока, не болѣе, какъ ожиданія, основанныя на довольно-достоверныхъ прочемъ слухахъ.

На Михайловскомъ театрѣ ставятъ «Diane de Mirmande», прекрасную драму Эмиля Ожье; она пойдетъ въ бенефисъ г-жи Вольнисъ.

На Александринскомъ давали недавно, въ бенефисъ г. Максимова, «Бенвенуто Челлини», очень эффектную драму, въ которой былъ очень хорошъ В. А. Каратыгинъ, и съ которой мы надѣемся поближе познакомить читателей «Пантеона». Сверхъ-того, переведены для русской сцены двѣ большія пьесы: «Габріель», комедія Эмиля Ожье, стихами, и «Швейцарская пастушка», о которой разсказано въ письмѣ изъ Парижа, напечатанномъ въ этой же книжкѣ «Пантеона». Н. В. Кукольникъ написалъ еще новую, историческую драму, въ стихахъ «Азовское сидѣнье»; о ней говорятъ много хорошаго, но когда дадутъ ее — не знаемъ.

Ну что сказать вамъ еще новаго? — «Пантеонъ» готовитъ вамъ цѣлую галерею портретовъ; но вы это уже знаете.

Кстати о портретахъ. Бывали-ль вы (обращаемся къ петербург-

скимъ читателямъ) въ мастерской нашего русскаго художника дагерротиписта С. Л. Левицкаго? Если нѣтъ, такъ совѣтуемъ побывать. Г. Левицкій радушно и предупредительно принимаетъ всѣхъ посѣщающихъ его. Отдавая полную справедливость г. Даутендею, искусство котораго наши читатели имѣли много случаевъ оцѣнить, мы считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь о г. Левицкомъ, какъ потому, что онъ нашъ соотечественникъ, такъ и потому, что вполне заслуживаетъ вниманіе. Его дагерротипы прелесть. Г. Левицкій изучилъ это дѣло какъ ученый и художникъ, и довелъ его до высокой степени совершенства. Дагерротипы его не просто дагерротипы, но художественныя произведенія. Зато, въ ясный день, въ мастерской г. Левицкаго бываетъ тѣсно отъ множества желающихъ *изобразить себя*. Въ Парижѣ, гдѣ г. Левицкій жилъ нѣкоторое время, дагерротипы его обратили на неба вниманіе Академіи.

Намъ остается разказать вамъ о событіи, болѣе семейномъ, правда, нежели общественномъ, но которое имѣетъ большое значеніе для Петербурга: о празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея торговаго дома барона Штиглица. Этотъ домъ, извѣстный во всемъ комерческомъ мѣрѣ, играетъ слишкомъ важную роль въ торговой жизни нашего отечества, чтобъ мы имѣли право умолчать о его семейномъ, такъ-сказать, праздникѣ. Притомъ-же Штиглицы, покойный основатель торговаго дома, баронъ Любимъ Ивановичъ, и сынъ его, нынѣшній хозяинъ фирмы, Александръ Любимовичъ, столько едѣлали добра, столько осушили слезъ, что праздникъ торговаго дома Штиглица есть праздникъ для всѣхъ благодѣтельствованныхъ ими, число которыхъ очень велико. Еслибъ мы не боялись оскорбить скромности Александра Любимовича, то могли-бы разказать много, очень много прекраснаго и трогательнаго, извѣстнаго впрочемъ не намъ однимъ; но истинная благотворительность не любитъ огласки. Дѣла говорятъ громче словъ, и одинъ *Образцовый пріодъ Барона Штиглица* краснорѣчивѣе всего, что мы могли бы сказать. Итакъ, перейдемъ къ юбилею. Не принадлежа къ числу знакомыхъ барона, мы не могли, не имѣли права присутствовать на юбилей, и потому заимствуемъ описаніе его изъ «Сѣверной Пчелы», въ надеждѣ, что почтенная Редакція этой газеты не будетъ на насъ за это сѣтовать.

«1-го января нынѣшняго года, совершилось пятьдесятъ лѣтъ со дня основанія извѣстнаго во всей Россіи и въ Европѣ торговаго дома барона Штиглица. Естественно явилась мысль отпраздновать достойнымъ обра-

зомъ этотъ день, замѣчательный въ лѣтописяхъ русскаго коммерческаго міра.

Поутру, въ двѣнадцать часовъ, все служащія въ конторѣ этого знаменитаго торговаго дома явились къ барону Александру Любимовичу Штиглицу. Одинъ изъ среды ихъ произнесъ рѣчь, въ которой сильно и краснорѣчиво выразилъ благодарность къ покойному основателю дома, барону Любиму Ивановичу, и чувства искреннѣйшей преданности нынѣшнему хозяину. Баронъ Александръ Любимовичъ отвѣчалъ съ свойственною ему скромностью, приписывая весь успѣхъ торговаго дома покойному своему родителю; рѣчь его была безъ всякой изысканности, но очень дѣльная, и шла прямо къ сердцу.

Послѣ произнесенія рѣчей, трое изъ главныхъ сотрудниковъ барона Штиглица поднесли ему, на память объ этомъ торжественномъ днѣ, серебряную вазу превосходной отдѣлки.

Прочіе служащія въ конторѣ поднесли барону золотую на этотъ случай вычеканенную медаль, на которой съ одной стороны изображены портреты основателя дома, барона Любима Ивановича, и его сына, нынѣшняго владѣльца дома, а на другой сторонѣ представленъ геній торговли и промышленности, съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ, и съ рогомъ изобилія въ другой. Медаль эта была вложена въ богатый футляръ, на которомъ изображенъ былъ гербъ фамиліи Штиглица, и выставлены годы: 1803, 1826 и 1853; первый указываетъ на эпоху основанія торговаго дома, второй на пожалованіе фамиліи Штиглица баронскаго Россійской Имперіи достоинства, а третій на день пятидесятилѣтняго юбилея. Медаль замѣчательна не по одной благородной мысли, которая внушала гг. служащихъ у барона Штиглица: исполненіе ея также заслуживаетъ похвалу, какъ и чувство, внушившее ее.

Потомъ одинъ изъ родственниковъ барона процѣлъ стихи на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненные имъ на этотъ случай. Въ нихъ коротко, но живо были выражены благодарное воспоминаніе о покойномъ Л. И. Штиглицѣ, и сердечная привязанность къ его сыну. Замѣчательна музыка, нарочно сочиненная къ этимъ стихамъ. Друзья и пріятели барона повторяли послѣднія строфы хоромъ, и эта лирическая сцена произвела поразительно пріятный эффектъ.

Послѣ того празникъ изъ семейнаго превратился въ общій. Съехалось множество гостей, желавшихъ отъ души поздравить юбиляра. На этотъ случай рижскій биржевой комитетъ прислалъ въ С. Петербургъ

банкира Стефани, съ письменнымъ поздравленіемъ, въ коемъ, отъ лица рижскаго купечества, благодарилъ за содѣйствіе, оказанное торговымъ домомъ Штиглица рижской торговлѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ.

Въ шесть часовъ начался обѣдъ, на которомъ присутствовали друзья дома и всѣ служащіе въ конторѣ. За обѣдомъ самыя откровенныя и искренніе тосты подавали поводъ къ рѣчамъ дѣльнымъ и занимательнымъ. Въ концѣ обѣда, позванъ былъ артельщикъ Андрей Алексѣевъ, который служитъ торговому дому почти съ самаго его основанія, то есть, около пятидесяти лѣтъ. Его длинная, сѣдая борода, внушающая почтеніе, показывала, что онъ уже довольно пожилъ на свѣтѣ. Дѣйствительно, ему теперь семьдесятъ лѣтъ. За здоровье его пили всѣ гости, каждый съ нимъ чокался. Баронъ Александръ Любимовичъ привѣтствовалъ его отъ души; Алексѣевъ отвѣчалъ по своему, просто, но сильно, со слезами, вспоминалъ о покойномъ своемъ благодѣтелѣ, родителѣ нынѣшняго хозяина знаменитаго торговаго дома. Сцена была трогательная и умиленная; она возбуждала множество воспоминаній, и множество самыхъ утѣшительныхъ, самыхъ сладкихъ мыслей о будущемъ!»

На вечеръ никого не звали, но пріѣхали многіе члены дипломатическаго корпуса, многія знатныя особы и извѣстные негоціанты. Совершенно неожиданно составился балъ, тѣмъ болѣе оживленный, что къ нему вовсе не готовились, и начали танцовать безъ особенныхъ приготовленій. Вечеръ этотъ имѣлъ всю прелесть неожиданности. Балъ кончился ужиномъ, за которымъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ С. Петербургскаго биржеваго комитета произнесъ рѣчь, превосходно принаровленную къ обстоятельствамъ этого дня. Онъ показалъ, какъ умно, дѣльно и добросовѣстно велся и теперь ведется торговый домъ барона Штиглица. Рѣчь эта можетъ служить лучшимъ панегирикомъ уму и таланту Александра Любимовича, который мастерски ведетъ самыя трудныя коммерческія предпріятія

Такъ кончился праздникъ, незабвенный для друзей и почитателей этого дома. Онъ навсегда останется въ сердцахъ ихъ. Въ этотъ день баронъ Александръ Любимовичъ не ограничился однимъ весельемъ: *многое сдѣлано для многихъ*. Всѣ служащіе въ конторѣ его награждены въ возможной степени; но мы не имѣемъ права рассказывать о благодѣяніяхъ этого дня; скажемъ только, что старинный слуга, артельщикъ Андрей Алексѣевъ, также не былъ забытъ при этомъ случаѣ, и будущая его участь обезпечена. Одногo недоставало въ этомъ торжествѣ: самого незабвеннаго основателя дома. За то все было имъ полно.

Мраморный бюстъ его былъ поставленъ благодарнымъ сыномъ на возвышеніи, великолѣпно украшенномъ цвѣтами; все и все обращались къ этому памятнику теплой, живѣйшей любви. Никто не забылъ старца, основателя торговаго дома, честнѣйшаго и добрѣйшаго человека, благотворителя ближнимъ и ревнителя просвѣщенія.

Очень любопытно было бы издать брошюрку объ огромныхъ предпріятіяхъ бы торговаго дома Штиглица и о содѣйствіи, какое онъ всегда оказывалъ торговлѣ и промышленности. Въ ней нашлось-бы много статистическихъ данныхъ, которыя показали-бы, какъ занимательны операціи этаго торговаго дома въ исторіи русской коммерціи; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ доказали-бы, что не даромъ такъ радостно и торжественно праздновали пятидесятилѣтній юбилей его блистательнаго существованія!

Теперь перейдемъ къ немаловажной части нашей общественной жизни, къ прихотливымъ установленіямъ, называемымъ

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Мода у насъ властвуетъ во всемъ, въ постройкѣ домовъ (и теперь, мимоходомъ сказать, она очень изящна), въ мебели, въ экипажахъ, въ убранствѣ комнатамъ и наконецъ въ самыхъ костюмахъ мужчинъ и нарядахъ женщинъ.

Она представляла бы обширное поле нашему фельетону, еслибъ мы рѣшились говорить о всѣхъ частяхъ ея, вникать во все подробности малѣйшихъ ея измѣненій, въ мелкіе оттѣнки ея прихотливыхъ капризовъ, но на это развелось у насъ слишкомъ много спеціальныхъ листковъ, изъ которыхъ мы особенно рекомендуемъ нашимъ читателямъ журналъ «Моду», издаваемый изящно и притомъ очень полный по своей части. Мы-же присвоимъ себѣ право заняться только важнѣйшимъ предметомъ, источникомъ всѣхъ прихотей моды, главною ея цѣлю и конечнымъ результатомъ, словомъ, прекраснымъ поломъ. Дамскій нарядъ вещь слишкомъ важная въ проявленіяхъ общественной жизни, чтобы не обращать на него должнаго и почтительнаго вниманія.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ установилась у насъ зима, то-есть, съ половины января мѣсяца, моды дамскія приняли у насъ опредѣленный характеръ. Платья бальныя и для прогулокъ играютъ между ними первенствующія роли.

Вотъ главнѣйшіе наряды, которые бросились намъ особенно въ глаза и обращали на себя всеобщее вниманіе на послѣднихъ балахъ и утреннихъ зрѣлищахъ.

Первый нарядъ. — Платье легкое шелковое, съ тремя широкими воланами. Корсажъ—кофта, съ открытой грудью и широкими отворотами, въ видѣ шали. Напередѣ онъ соединяется широкимъ бантомъ изъ атласной ленты подъ цвѣтъ платья. Рукавчики полу—длинные, венеціанскіе, съ разрѣзомъ внутри. Какъ воланы, такъ отвороты и края рукавовъ и кофты, украшены нашивнымъ узоромъ, состоящимъ изъ мелкихъ крестиковъ, вырѣзанныхъ изъ узкой бархатной ленты. Кромѣ—того: они обшиты мелкою сборкою изъ атласной ленты, подъ цвѣтъ платья.

Головной уборъ состоитъ изъ широкой ленты, затканной серебромъ, съ длинными, ниспадающими съ обѣихъ сторонъ на плеча концами. Надъ ушами, немножко назадъ, прикалываются шу, изъ мелкихъ перьевъ, которыхъ концы украшены серебряною или золотой канителью.

Браслеты безъ каменьевъ.

Второй нарядъ. — Платье изъ бѣлаго гласе, выложенное бархатными полосками, широкими книзу, и суживающимися кверху. Корсажъ, съ широкими отворотами, въ видѣ шали. Открытая грудь корсажа, короткіе рукавчики, края отворотовъ и низъ таліи украшены бахромкою изъ голубой синели или шелку. Вью же обшиты и края трехъ широкихъ волановъ на юбкѣ.

Головной уборъ изъ ленточныхъ розанчиковъ, въ видѣ вѣнка, который надъ ушами, съ обѣихъ сторонъ, оканчивается большими бантами, съ висячими двумя длинными концами.

Третій нарядъ. — Шляпка бѣлая, атласная, внутри и снаружѣ отдѣланная мелкою блондою, съ перьями. Подвязки у шляпки изъ плотныхъ и чрезвычайно широкихъ лентъ. Такъ—называемый *Шведскій костюмъ*, состоящій изъ очень широкой бархатной юбки, и такой же амазонки, съ иллирійскими рукавами, которые книзу шире и отъ локтя имѣютъ разрѣзъ. Амазонка вся кругомъ и рукава, начиная отъ разрѣзовъ, обшиты соболемъ; юбка внизу также обшита соболемъ въ два ряда. Въмѣсто соболя, многія дамы употребляютъ также горностаи. Широкіе двойные подрукавники изъ кружева.

Четвертый нарядъ. — Шляпка бархатная, съ фаншоною, обшитою чернымъ кружевомъ. Поля внутри подбиты бѣлымъ атласомъ, украшены мелкими цвѣтами и бантиками изъ лентъ. Двойныя подвя-

зущки. Платье изъ пу-де-соа, съ тремя воланами, въ двѣ полосы обшитыми моаромъ, подь цвѣтъ. Корсажъ à la polonaise. Мантилья-плащъ, изъ бархата, съ широкою бахромою и нашивками изъ атласнаго рюло.

Пятый нарядъ. — Открытое платье изъ затканной матеріи дамъ, или тяжелаго моаре; передъ атласной съ затканными цвѣтами. Лифъ вырѣзной; весь лифъ кругомъ и передъ юбки отдѣланы гирляндю изъ цвѣтовъ и зелени. Рукава самые короткіе. Открытый передъ корсажа перехваченъ тремя золотыми аграфами. Вѣеръ изъ перламутра, выложенный золотомъ, вѣка Людовика XV. Букетъ. По браслету на каждой рукѣ. Уборка волосъ съ цвѣтами.

Всѣ шляпки работы М-ше Флаксіонъ, въ Малой Милліонной, противъ Англійскаго-магазина.

Уборка волосъ — Мг. Вотье, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голицына.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- ШОПАН.** Trois nocturnes célèbres (1 p.) Trois valse brillantes (1 p. 50 к.)
- DOELER.** Fantaisie sur l'opéra: Le Prophète (1 p. 43 к.) Fantaisie sur l'opéra: Norma (75 к.) Nocturne célèbre, op. 24. Nouvelle edition (60 к.)
- FESCA.** Trois morceaux de Salon. 1 p.
- HENSELT.** Grand air d'Adolar de l'opéra: Euryanthe (75 к.) Invitation à la danse de Weber, arrangée pour être jouée dans les concerts (1 p. 50 к.) Marche-Hongroise (1 p.) Masurka et Polka (1 p.) Air de Balfe, chantée par M-me Viardot-Garcia 1 p.
- HALKBRENNER.** Adagio et Rondo concerto (1 p. 50 к.) Le Rêve. Grande fantaisie (1 p. 15 к.) Le Fou. Fantaisie brillante 1 p. 15 к.
- MAYER CH.** Romance, italienne (60 к.) Rondo brillant (H dur) 1 p. 50 к.)
- MENDELSONN-BATHOLDI.** Lied ohne Worte (60 к.) Rondo capriccioso (85 к.) Capriccio brillant 1 p. 50 к.
- MEYER.** Carnaval de Venise 85 к.
- SCHULHOFF.** Tarantelle op. 34 (1 p.) Menuet de Mozart (50 к.) Feuille d'Album 30 к.
- WEBER.** C. M. Memento capriccioso 60 к.

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

- АКСЕНОВЪ С.** Новый альбомъ, состоящій изъ 12-ти пѣсенъ съ варіаціями (3 p.) Air varié de Mauger (40 к.) Попури изъ русскихъ пѣсенъ (85 к.)
- НОРКОВЪ В.** Пять любимыхъ цыганскихъ пѣсенъ (60 к.) Два этюда соч. Бертини (40 к.) Романсъ Варламова: Осѣдлаю коня (40 к.) 24 Любимыя русскія и малороссійскія пѣсни (2 p.) Русская пѣсня «Душечка дѣвица», соч. А. Даргомыжскаго (60 к.) Серенада изъ оперы: Севильскій цирюльникъ, для двухъ гитаръ (60 к.) Ноктурна изъ оперы: Донъ Пасквале, для двухъ гитаръ (60 к.)
- ПАВЛИЩЕВЪ** Орывки изъ оперы: Волшебный стрѣлокъ (Freyschütz) 85 к.
- ПЕТРОВЪ О.** Этюдъ, соч. Габербира (70 к.)
- САРЕНКО. В.** Фантазія на любимый романсъ: «Бывало, бывало» соч. Виейльгорскаго (75 к.) Вальсъ Шопена (Melancolique) (40 к.)
- СНУРА А.** Русскія пѣсни: Не бѣлы снѣги, Охъ боится и Малютка шлемъ нося (60 к.) Варіаціи на пѣсню: Вѣтка (60 к.) Фантазія посвящ. Лунину (75 к.) Три малороссійскія пѣсни: Ихавъ, ихавъ. Ой маты маты, И шумить (50 к.) Большая фантазія на мотивы изъ оперы: Волшебный стрѣлокъ (1 p. 50 к.) Варіаціи на вальсъ Галенберга (60 к.) Полька-Мазурка Гунг'ля (40 к.)

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

- РОДЕ. КРЕЙЦЕРЪ и БАЛЬО.** Лучшая и самая употребительная школа для скрипки, съ приложеніемъ скрипичнаго грифа, по которому начинающій ясно можетъ видѣть, гдѣ и на какой именно струнѣ извлекаются всѣ возможные тоны. На русскомъ языкѣ, 3 р. с.
- СИХРА А.** Полная школа для семиструнной гитары. Третье, исправленное изданіе, съ похожимъ портретомъ автора. На русскомъ языкѣ, 3 р.
- ЛИ Ф.** Лучшая и самая полная школа для виолончеля, съ многими примѣрами, упражненіями и этюдами. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Принятая консерваторіями Парижа и Лейпцига и приспособленная къ самоученію, 4 р.
- ФУКСЪ И.** Генераль-Басъ, или новая метода, содержащая главныя правила музыкальной композиціи и руководство къ практическому примѣненію ихъ; съ краткимъ изложеніемъ двойнаго контрапункта, канона и фуги, съ примѣрами и упражненіями. На русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Второе, исправленное и дополненное самимъ авторомъ изданіе, 7 р.

Всѣ эти новости можно получать:

въ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО

въ Большой Морской, въ домъ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преисъ-курантъ италіанскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно,

ВЪ МАГАЗИНѢ Ш. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домъ
Паскаля, № 11.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО:

- BERNARD.** Polka-Mazurka de salon. Morceau caractéristique (60 к.) Romances de Warlamoff transcrites. Liv 3 (1 p.)
- BEYER.** Les Huguenots. Bouquet de mélodies 1 p.
- DAMCKE.** Marche caractéristique. op. 37 (75 к.)
- FIELD.** Andanté inédit (avec portrait) 75 к.
- FRACRMANN.** Andante (30 к.) Polka (50 к.)
- GOTTSCHALK.** Le bananier. Chanson nègre (60 к.)
- HERZ.** La Californienne. Polka brillante (75 к.)
- JEDLICZKA.** Feuillet d'album. Nocturne (50 к.) Les heureux. Fantaisie—étude (60 к.) L'agréable, valse (75 к.) Seconde mazurka, (85 к.)
- IDE.** Impromptu (50 к.) La capricieuse. Polka 50 к.
- KULLAK.** Illustrations russes: № 1. Romance de Dargomijsky, op. 65 (75 к.) № 2. Romance de Glinka, op. 66 (1 p.) № 3. Romance de Warlamoff transcrites, op. 67, (75 к.)
- LANGER.** Deuxième chant du marin (60 к.)
- LEWY.** Gand galop. de concert, op. 34, (1 p.)
- LISZT.** Raccoczy-marche hongroise (75 к.)
- MAYER.** Romance italienne (60 к.)—Nocturne (50 к.)
- PRUDENT.** Les champs. Pastorale (1 p. 15 к.)
- RUBINSTEIN.** Cracovienne (1 p.) Mazurka (85 к.) Deux. mélodies (75 к.) Polonaise 85 к.
- SCHILLER.** «Тяжело, не стало силы». Fantaisie sur la romance favorite de Warlamoff (1 p.)
- SCHULHOFF.** Caprice sur des thèmes hongrois, op. 31 (1 p. 50 к.) Souvenir de Moscou, chant du pêcheur op. (85 к.) Impromptu-Polka avec portrait op. 33 (1 p.) Feuille d'album (38 к.) Menuet de Mozart (50 к.)
- THALBERG.** La fille du regiment. Fantaisie op. 68 (1 p. 70 к.)
- VOGT.** Etude d'amateurs (50 к.) Polka de salon 75 к.
- VOSS.** La juive. Grande fantaisie (1 p.) Ernani, Grande fantaisie (1 p.) Rosalie-Redova (1 p. 15 к.)
- VOLF.** Chanson polonaise (50 к.)

ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- LES FLEURS.** Cinquième album de danses nouvelles pour 1853. Содержание: № 1. *Tischler*, Cavallerie — Polka-Marche № 2. *Strauss* (fils), Ball-Quadrille — № 3. *Bilse*, Valse — № 4. *Liadoff*, Блондинка полька — № 5. Mazurka favorite de Varsovie—№ 6. *Laade*, Кадриль Благороднаго Собранія.—№ 7. *Strauss*, Harmonie Polka—№ 8. *Wallerstein*, Polka-Mazurka—№ 9. *Bernard*, valse des fleurs—№ 10. *Laade*, Bon-vivant—Polka—№ 11. *Ossipoff*, Mazurka de bal—№ 12. *Labitzky*, Galop sans fin, съ красивымъ заглавнымъ листкомъ, въ переплетѣ. Цѣна 3 р. за пересылку за 2 ф-

ДЛЯ ПѢНІЯ.

- АРХАНГЕЛЬСКІЙ.** На сѣверѣ дикомъ. Романсъ (40 к.)
БЕРНАРДЪ. Воспоминаніе (40 к.) Сельская красавица (40 к.)
ВАРЛАМОВЪ. Романсы на два голоса; Ты скоро меня позабудешь (60 к.) Для чего ты лучъ востока (85 к.)
ВИЕЛЬГОРСКІЙ (Графъ М. Ю.) Колокольчикъ. Пѣсня (40 к.)
ГАБЕРЦЕТТЕЛЬ. Пастушеская любовь (40 к.)
ГЛИНКА. О милая дѣва! Романъ (85 к.)
ГОЛИЦЫНЪ. (Кн. Л.) О спой еще! (40 к.) На молодость твою (40 к.)
ГУРИЛЕВЪ. Романсы и пѣсни: № 23. И скучно и грустно (40 к.) № 26. Какъ смотрю на него (40 к.) № 27. Мнѣ не забыть тотъ взглядъ (40 к.)
ДАРГОМЫЖСКІЙ. Романсы и пѣсни: № 42. Восточный романсъ (40 к.) № 43. Застольная пѣсь (60 к.) № 44. Минувшихъ дней очарованья (75 к.) № 45. Кудри (60 к.) № 46. Охъ, тихъ, тихъ, ти! Пѣсня (50 к.)
ДЕРФЕЛЬДЪ. Не отходи отъ меня (50 к.) Черны очи 40 к.
РУБИНШТЕЙНЪ. Шесть романсовъ на два голоса: № 1. Ночь. № 2. Горныя вершины. № 3. Тучи. № 4. Горлица и прохожій. № 5. Ангель. № 6. Прощаясь, въ аллеѣ сидѣли. 2 р.

РУКОВОДСТВО.

Къ изученію гармоніи, приспособленное къ самоученію и составленное *Иосифомъ Гунке*, извѣстнымъ учителемъ Генералбаса. Цѣна 3 р. с.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ 2 процента уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, кромѣ того ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать чрезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го января 1-я тетрадь музыкальнаго журнала «*Нувеллистъ*» (годъ XIV), которая содержитъ въ себѣ: *Mayer, Allegro vivace — Kuhé, Nocturne — Lewy, Galop de concert — Herz, — Marche mexicaine — Unger, Mélodie polonaise — Talexy, Wanda — Polka-Mazurka — Meyer, Meyer-Polka — Brunner, Lucrezia Borgia. Divertissement, Burgmüller, Rondo turc — Даргомыжскій, Охъ, тихъ, тихъ, ти. Пѣсня — C-te Wielgorsky, Romance — Музыкально-литературное прибавленіе.*

Годовая цѣна подписки 10 р. с., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.

Тутъ-же поступилъ въ продажу, только что вышедшій въ свѣтъ, изящно изданный:

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬБОМЪ

АРІЙ, РОМАНСОВЪ И КУПЛЕТОВЪ ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ ПЬЕСЪ, ПѢТЫХЪ НА СЦЕНѢ.

Содержаніе. 1. **ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.** Романсъ Оедорова, музыка *Вителларо*. 2. **ПИТЕРЪ ЧУДНАЯ СТОЛЦА,** куплеты Кони, музыка *Живокини*. 3. **УПРЕКЪ.** Романсъ Оедорова, музыка *Дальберга*. 4. **СВАДЕБНАЯ КОРЗИНКА.** Арія Оедорова, музыка *Дютча*. 5 и 6. Двѣ пѣсни изъ **РУССКОЙ СВАДЬБЫ,** музыка *Дютча*. 7. **ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.** Рондо гр. Созлогуба, музыка *Толстаго*. 8. **ФИГУРАНТКА,** куплеты Г*. 9. **ФОКУСЪ-ПОКУСЪ,** куплеты Кони, музыка *Вителларо*. 10. **НЕВѢСТА,** куплеты Зотова, музыка Г*. 11. **UNE JEUNE VIEILLE** и 12. **ROMANCE,** музыка капельмейстера *Жосса*.

Цѣна 3 р. с. съ пересылкою 3 р. 50 к. с.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ТОМЪ II.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

ТОСКА И СМѢХЪ.

КАПРИЗЪ.

ВАСИЛІА ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

Дѣйствіе происходитъ въ Павловскѣ, лѣтомъ.

Гостинная; на аррьер-сценѣ большая отворенная дверь въ садъ; близь двери сидитъ на кушеткѣ графиня, передъ нею на столѣкъ работа и книга; направо фортепяно; на лѣвой сторонѣ, ближе къ публикѣ, сидитъ въ креслахъ Павелъ Захаровичъ, въ рукахъ у него Journal pour gige! — Вечеръ. При поднатіи занавѣса слышенъ громкій смѣхъ Павла Захаровича.

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы всегда такъ смѣялись?

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ (*глубоко вздыхая*). Уфъ! всегда, мой другъ.

ГРАФИНЯ. И вамъ не совѣстно?

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Теперь нѣтъ, но прежде, когда былъ молодъ, признаюсь, случалось приходиться только что не въ истинное отчаяніе.

ГРАФИНЯ. Вѣрю.

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Представь себѣ, бывало въ театрѣ, или просто въ большомъ обществѣ, всѣ чинно сидятъ, разговариваютъ въ полголоса; тогда, мой другъ, было не то, что теперь: говорили старики, а молодые слушали; и когда слушали, не разваливались на диванахъ, не клали ногу только-что не на сосѣдей; покойная бабка,—стога была старуха,—подзоветъ бывало за чѣмъ-нибудь, такъ разовѣ шесть переѣнишься въ лицѣ, прежде чѣмъ дойдешь; не знаешь, куда руки дѣвать; хорошо если подвернется шляпа, ну вертишь, безъ шляпы же бѣда! — вотъ и подзоветъ, а тутъ какъ на грѣхъ этакой какой-нибудь съ кошицею, взглянешь, — фыркнешь, да ни съ того ни съ сего и лопнешь со смѣху, — характеръ такой; ну и поведутъ на атресоль!..

ГРАФИНЯ. Не доканчивайте, mon oncle; послѣдствія грустныя!

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Положимъ, что грустныя, а все-таки, мой другъ, искреннюю и постоянную веселость я всегда предпочиталъ постоянной тоскѣ.

ГРАФИНЯ. Это на мой счетъ?

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Можетъ-быть.

ГРАФИНЯ. Но виновата-ль я, что здѣсь скучно?

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Гдѣ же весело?

ГРАФИНЯ. Не знаю, придумайте.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Помилуй, гдѣ мнѣ, и какое средство?

ГРАФИНЯ. Трудно, вы видите, такъ виновата я?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А казалось, чего бы лучше?—дача прелесть, погода ясная, Гунгль неподражаемъ, молодежи множество, всѣ веселятся отъ души.

ГРАФИНЯ. Какая тоска!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Тоска тебѣ здѣсь, — поѣзжай за границу.

ГРАФИНЯ. Съ кѣмъ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Со мною пожалуй; спутника менѣе скучнаго не найдешь, — ручаюсь.

ГРАФИНЯ. Напротивъ, mon oncle, вы слишкомъ веселы, вотъ что и скучно.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. По-крайней-мѣрѣ откровенно выражаешься.

ГРАФИНЯ. Простите, мнѣ лѣнь говорить неправду.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*махая рукою*). Отъ души прощаю, и ужъ конечно не поѣду съ тобою; гдѣ мнѣ? А вотъ, мой другъ, что, по моему мнѣнію, остается сдѣлать.

ГРАФИНЯ. Любопытно.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. О первомъ твоемъ замужствѣ говорить не буду, ты была слишкомъ молода, мужъ былъ слишкомъ старъ, умеръ и Богъ съ нимъ. Выйди за другаго.

ГРАФИНЯ. За кого же,

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Мало ли?

ГРАФИНЯ. Однако?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. За князя Чудина. Собою видень, имя блестящее; лучшаго мужчины не знаю.

ГРАФИНЯ. Мужъ красавецъ, — фи!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Хочешь уroda?

ГРАФИНЯ. Я ничего не хочу.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А ничего, такъ Богъ съ тобою; кого же винить и на что жаловаться? Право дивное дѣло, непостижимое, — вотъ вѣкъ, вотъ люди! Спроси у нихъ, дай на выборъ все, все, — продумаютъ до старости... не выберутъ ничего... Нѣтъ, попорчена натура, искаженъ вкусъ, взглядъ не тотъ, чувства притупились, — право этакое что-нибудь произошло! Въ наше время выдерживали молодежь, водили на атресоль — правда!

ГРАФИНЯ. Mon oncle!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Не тревожься, подробностей описывать не буду, а умолчать не могу, что всѣ вы пренесчастливыя созданія. Ну какъ не пользоваться тѣмъ, что ниспослала судьба на одну твою го-

лову, Елена? — богатство есть, молодость въ полномъ разгарѣ, красота — еще какая! ты прехорошенькая! (*Графиня поворачивается спиною*). Прелесть — клянусь!

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы нестерпимы.

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. А ты несносна, — повѣрь, ума не приложу.

ГРАФИНЯ. И не нужно!

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Не нужно, не нужно, говоришь, — такъ не мѣшай же мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, смѣяться, когда хочется.

ГРАФИНЯ. Только не громко.

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Не ручаюсь, чтобы могъ, — впрочемъ попробую... Ахъ — неисправимая ты! (*Вздыхая, беретъ за чтеніе журнала. Послѣ нѣкотораго молчанія, графиня встаетъ съ кушетки, садится за фортепьяно и беретъ нѣсколько аккордовъ; въ это время Павелъ Захаровичъ заливается новымъ смѣхомъ; графиня перестаетъ играть и молча смотритъ на дядю*). Прости меня, мой другъ, не буду, право не буду; ну что же дѣлать, глупо, самъ вижу, что вздору смѣюсь, а не могу, никакъ не могу. (*Хохочетъ; графиня пожимаетъ плечами*).

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Хочешь я уйду?

ГРАФИНЯ. За чѣмъ же?

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Запрусь въ мою комнату и ужъ тамъ дохохочу.

ГРАФИНЯ. А вы, mon oncle, воображаете, что четырехъ стѣнъ достаточно, чтобы...

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Какъ четырехъ стѣнъ? неужто мало четырехъ... все-таки слышно?

ГРАФИНЯ. Увы!

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Ну, ну, — въ такомъ случаѣ надлежитъ изобрѣсти новое средство, болѣе дѣйствительное.

ГРАФИНЯ. Я назначаю на это премію.

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Нашель! Дай мнѣ что-нибудь очень серьезное, и возьми этотъ листокъ.

ГРАФИНЯ. Но не смѣтаетъ ли вы, mon oncle, надъ моею тоскою, а я ничего серьезнѣе не знаю, какъ она.

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Нѣтъ, есть кромѣ твоей тоски много вещей; первая — вотъ она. (*Беретъ газету*) «Полицейская газета»; прекрасно... ну, теперь прости смѣхъ. — Начну съ продажей, — во-первыхъ, поддержанная пролетка, — спросить у дворника Ивана во Второй Адмиралтейской; потомъ, квартира со всѣми удобствами — дѣвъ комнаты, то есть, безъ кухни, разумѣется, безъ конюшенъ.

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы будете читать громко.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А что?

ГРАФИНЯ. Я такъ спрашиваю.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ты этого не хочешь?

ГРАФИНЯ. А какъ вы думаете? (*Павелъ Захаровичъ кланяется и начинаетъ читать тихо; въ это время графиня, поклонясь, также беретъ книгу и садится на кушетку;—минутное молчаніе, послѣ котораго Павелъ Захаровичъ вдругъ радостно вскрикиваетъ, графиня содрогается.*)

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Я, кажется, вскрикнулъ?

ГРАФИНЯ. И ужасно.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Опять виновать, но какъ же не крикнуть, посудите: Зоринскій въ Петербургъ.

ГРАФИНЯ. Кто?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Зоринскій, Дмитрій Зоринскій, сынъ Николая Афанасьевича.

ГРАФИНЯ. Слышу въ первый разъ.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Помилуй, мой другъ, дѣтьми играли вы вмѣстѣ, прекрасный мальчикъ; съ его отцемъ служилъ я тридцать лѣтъ, чудесный человекъ былъ покойникъ.

ГРАФИНЯ. За чѣмъ же кричать, топ опсе?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Сказалъ уже виновать; а какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть молодого; впрочемъ, неужели онъ не догадается зайти къ намъ въ домъ? Не можетъ-быть. Все-таки напишу ему про всякій слушай, пошлю нарочнаго по жѣлезной дорогѣ. (*Звонитъ, слуга входитъ*). Дай бумаги и чернила. (*Слуга уходитъ*) Какъ я радъ, какъ я радъ! Вотъ человекъ, давно его не видалъ, правда, а общалъ быть порядочнымъ. — Вотъ, еслибы тебѣ, мой другъ, ему понравится!

ГРАФИНЯ (*съ удивленіемъ*). Что, топ опсе?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Я говорю, что сынъ не можетъ не походить на отца, и подобный мужъ, — но ты, я вижу, смѣешься?

ГРАФИНЯ. А вы говорите серьезно? — Что же, топ опсе, мы оба исправилсь отъ своихъ недостатковъ. (*Слуга приноситъ бумагу и чернила и подаетъ Павлу Захаровичу, который, написавъ записку, складываетъ ее и отдаетъ слугѣ*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*слугѣ*). Ступай сію минуту въ Петербургъ. Въ гостинницѣ Кулона, такъ кажется? (*Смотритъ въ листокъ*) такъ точно, отыщешь Зоринскаго Дмитрія Николаевича, и отдашь ему эту записку отъ меня, — слышишь?

СЛУГА. Слушаю-сь.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да скажи, что ожидаю его непременно, непременно, — понимаешь?

СЛУГА. Понимаю—съ.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ну, ступай же — да поскорѣе. (*Слуга уходитъ*). Богъ мой, какъ я счастливъ, какъ я радъ! и сколько хорошаго напомнить мнѣ Дмитрій; какъ весело живали мы съ отцемъ, и сколько плановъ строили! Стояли съ полкомъ въ Зубцовѣ, домъ его вотъ этакъ, а мой — такъ, сойдемся бывало чуть свѣтъ, и начнется хохотъ. Веселый былъ.

ГРАФИНЯ. Воображаю, какъ вамъ было весело.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да нѣтъ, да теперь нѣтъ и молодежи такой, все измѣнилось: надъ дружбою, надъ товариществомъ смѣются, а тогда — придетъ въ полночь, разбудить, спросить: спишь? Сплю, а что? Вставай, говоритъ, ѣдемъ. — Ёдемъ, отвѣчаю; не спрашиваешь, куда везетъ, зачѣмъ везетъ, и спать хочется, а ѣдешь; — въ другой разъ и не хочешь, и какъ не хочешь, а ѣдешь все-таки! Славное было время, славные люди! (*Вздыхаетъ*). Покойный отецъ твой, какъ теперь слышу, говаривалъ намъ съ Николаемъ Афанасьевичемъ: вотъ дожждаться бы, какъ Леночка выростетъ, да выростетъ и Дмитрій... сколько плановъ!

ГРАФИНЯ. Планы, mon oncle?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да, соединишь васъ, т. е. тебя съ Дмитриемъ. Но къ сожалѣнью, онъ пристрастился къ морю, старики умерли, и все разстроилось.

ГРАФИНЯ (*иронически*). Какъ я несчастлива!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Впрочемъ молодой человекъ не обѣщаль сдѣлаться тѣмъ, что нравится теперешнимъ женщинамъ.

ГРАФИНЯ. А именно?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Онъ не хорошъ, не танцуетъ, не любитъ общества, не болтаетъ вздора, не любезничаетъ какъ современные львы, не носитъ гривы, и больше занимается головою, чѣмъ ногами...

ГРАФИНЯ. Сколько рѣдкихъ достоинствъ!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ты и его не щадишь?

ГРАФИНЯ. Напротивъ, mon oncle, все, что вы говорите про Зоринскаго, мнѣ нравится; все эти свойства выходятъ изъ общей рамки свѣтскихъ молодыхъ людей, которые, по совѣсти, страхъ какъ присмотрѣлись.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, онъ не по тебѣ. Куда! объ этомъ и думать теперь нечего; я знаю, Дмитрій не женится, не таковъ человекъ.

ГРАФИНЯ. Жаль! (Смѣется).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Страсть къ страствованіямъ, къ безпрерывной переменѣ мѣстъ, заглушила въ немъ все прочія страсти.

ГРАФИНЯ (хохочетъ).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ба, ты смѣешься?

ГРАФИНЯ. Чтобъ не заплакать, mon oncle!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. О чемъ?

ГРАФИНЯ. О невозможности выйти за мужъ за сына Николая Афанасьевича, друга вашего.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Новая насмѣшка, а я съ глуна и не понялъ сначала; впрочемъ, чему-бы ни смѣяться, а смѣяться все лучше. Однако семь часовъ, пора въ вокзалъ. Ты не поѣдешь никуда?

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, mon oncle, лѣнь.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Напрасно.

ГРАФИНЯ. Право лѣнь.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Какъ хочешь, а вечеръ дивный, гуляющихъ толпы, приѣхало вѣрно много изъ Петербурга и Царскаго, отыщутся знакомые; позвать кого-нибудь? (Встаетъ).

ГРАФИНЯ. Ко мнѣ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да.

ГРАФИНЯ. Зачѣмъ? Имъ будетъ скучно, а мнѣ вдвое!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (пожимая плечами). Ты пренесчастливое существо.

ГРАФИНЯ. Немножко.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Право пренесчастливое (Уходитъ).

ГРАФИНЯ (одна). Несчастливая! нѣтъ, а скучно, ужасно скучно, однообразно все. Les hommes sont trop aimables pour ne pas être stupides! Право, какъ только войдетъ любой, такъ и хочется сказать: вы скажете мнѣ непременно то-то. Скучно слушать, а отвѣчать еще скучнѣй. (Звонитъ—слуга входитъ). Не принимать никого. (Слуга уходитъ). Бѣдный дядя, къ какимъ героическимъ способамъ не прибѣгаетъ онъ, чтобы развлечь, разсѣять меня; я ему надоѣла, вѣрно! (Беретъ работу). Вчера привелъ новаго претендента, съ талією танцорки, съ лицомъ правильнымъ, какъ треугольникъ, и съ выраженіями подобными: ahuri, anultatif, rebatatif и аросуриphique, каково? Прибавьте ко всему этому прическу а l'anglaise, перчатки jaune navette, cravate à l'enfant и проч. и проч., осаждающее насъ съ утра до вечера. Боже мой, но кто же изъ нихъ не таковъ? И подобнымъ созданіямъ позволить сказать себѣ: je vous adore! Избави Богъ! (Дѣлаетъ гримасу) А этотъ Чудишъ, этотъ живой экстрактъ изъ всехъ приторностей, этотъ натяну-

тый каламбуръ, одѣтый по журналу, — и смѣть называться мужчиной! Неужели Ledy Ravena не расхохоталась бы, смотря на лучшей букетъ современныхъ вздыхателей, неужели... тоска, ужасная тоска!

СЛУГА. Дмитрій Николаевичъ Зоринскій, ваше сіятельство.

ГРАФИНЯ Я приказала не принимать.

СЛУГА. Они спрашиваютъ Павла Захаровича.

ГРАФИНЯ. Скажи въ вокзалѣ (*Слуга хочетъ идти*). Впрочемъ про- си: (*Слуга уходитъ*) Еще испытаніе.

(*Зоринскій, одѣтъ просто, но со вкусомъ*).

ЗОРИНСКІЙ. Неужели Елень? Какъ вы перемѣнились!

ГРАФИНЯ (*едва привставая*). Мг. Зоринскій!

ЗОРИНСКІЙ. Вамъ сказали? — узнать меня вы не могли. Гдѣ-жь Павелъ Захаровичъ?

ГРАФИНЯ. Онъ въ вокзалѣ, я пошлю за нимъ.

ЗОРИНСКІЙ. Какъ хотите, впрочемъ конечно лучше: въ 10 часовъ мнѣ нужно быть въ Петербургѣ (*Садится*).

ГРАФИНЯ (*звонитъ и говоритъ вошедшему слугѣ*). Отыщи Павла Захаровича и скажи, что ожидаемый имъ гость пріѣхалъ. (*Слуга уходитъ*).

ЗОРИНСКІЙ. А онъ ждалъ меня?

ГРАФИНЯ. Случайно вычиталъ имя ваше въ листкѣ пріѣзжихъ.

ЗОРИНСКІЙ. Тѣмъ лучше; сюрпризовъ не терплю. Вы же неразлучны съ дядюшкою вашимъ?

ГРАФИНЯ. Съ минуты потери мужа.

ЗОРИНСКІЙ. Да, графиня, я слышалъ какъ-то, не помню отъ кого именно... но надѣюсь, что послѣдствія несчастія, то есть первая грусть успѣла уже...

ГРАФИНЯ. Подобныя потери не забываются.

ЗОРИНСКІЙ. Голь!

ГРАФИНЯ. Всею жизнь!

ЗОРИНСКІЙ. Не случалось убѣдиться въ этой истинѣ, впрочемъ можетъ быть.

ГРАФИНЯ. Вы же, М-г Зоринскій, по прежнему вѣчный странникъ?

ЗОРИНСКІЙ. Больше чѣмъ когда-нибудь.

ГРАФИНЯ. А попали къ намъ въ Россію?...

ЗОРИНСКІЙ. Чтобы сдѣлаться членомъ Яхтъ—Клуба.

ГРАФИНЯ. Потому.

ЗОРИНСКІЙ. Плыву на югъ, — люблю Пурвантъ; ничтожный городокъ среди померанцевой рощи, въ снѣгахъ Пиреней; надъ нимъ вѣчно голубое небо, подъ нимъ лазуревый заливъ, — дышать легко.

- ГРАФИНЯ.** Почему же не предпочтете вы Неаполь?
- ЗОРИНСКІЙ.** Въ немъ много людей.
- ГРАФИНЯ.** Вы мизантропъ?
- ЗОРИНСКІЙ.** Нѣтъ, графиня; просторъ, природа и вѣчное движеніе, вотъ мои элементы, люблю ихъ какъ друзей.
- ГРАФИНЯ.** Вы счастливы.
- ЗОРИНСКІЙ.** Почти.
- ГРАФИНЯ.** Зачѣмъ это слово?
- ЗОРИНСКІЙ.** Не достаетъ чего-то.
- ГРАФИНЯ.** А именно?
- ЗОРИНСКІЙ.** Товарища; васъ можетъ быть!
- ГРАФИНЯ** (*съ удивленіемъ*). Меня?
- ЗОРИНСКІЙ.** Да, васъ, графиня, или вообще существа, которому я могъ бы сказать, что я счастливъ.
- ГРАФИНЯ** (*смѣясь*). Но безъ любви, даже безъ симпатіи.
- ЗОРИНСКІЙ.** Какъ безъ симпатіи, почему безъ симпатіи?
- ГРАФИНЯ.** Товарищъ вашъ, надѣюсь, долженъ прежде всего вамъ понравиться.
- ЗОРИНСКІЙ.** Конечно.
- ГРАФИНЯ.** А это легко, М-г Зоринскій?
- ЗОРИНСКІЙ.** Говоря про васъ, полагаю легко.
- ГРАФИНЯ** (*смѣясь*). Неужели надобно благодарить?
- ЗОРИНСКІЙ.** Кого? меня? за что же?
- ГРАФИНЯ.** За любезность, за выборъ.
- ЗОРИНСКІЙ.** О нѣтъ, я сказалъ правду.
- ГРАФИНЯ.** Въ такомъ случаѣ, М-г Зоринскій, остается узнать, точно такъ ли скоро понравитесь вы мнѣ?
- ЗОРИНСКІЙ.** Смотря, графиня...
- ГРАФИНЯ.** Однако.
- ЗОРИНСКІЙ.** Если цѣль ваша быть совершенно счастливою, то въпросъ рѣшенъ.
- ГРАФИНЯ.** И...
- ЗОРИНСКІЙ.** Со мною вы будете счастливы.
- ГРАФИНЯ** (*смѣясь*). Право?
- ЗОРИНСКІЙ.** Безъ всякаго сомнѣнія.
- ГРАФИНЯ.** Даказательства!
- ЗОРИНСКІЙ.** Очень ясны: во-первыхъ — я не ревнивъ.
- ГРАФИНЯ.** Тѣмъ хуже.
- ЗОРИНСКІЙ.** Это почему?
- ГРАФИНЯ.** Значитъ вы неспособны любить.

ЗОРИНСКІЙ. А вы, графиня, этого бы желали?

ГРАФИНЯ (смѣясь). Можетъ—быть.

ЗОРИНСКІЙ. Даю вамъ честное слово.

ГРАФИНЯ. Въ чемъ?

ЗОРИНСКІЙ. Въ томъ, что буду любить.

ГРАФИНЯ. Мерсі.

ЗОРИНСКІЙ. Потомъ, наскучить женѣ я не могу, — страсть моя: море и вообще природа; страсть эта такъ велика, что большую часть времени посвящаю имъ.

ГРАФИНЯ. Тѣмъ хуже.

ЗОРИНСКІЙ. Какъ?

ГРАФИНЯ. Соперницъ ненавижу.

ЗОРИНСКІЙ. Вы ревнивы.

ГРАФИНЯ. Ужасно!

ЗОРИНСКІЙ. Тѣмъ лучше; это свойство въ женщинахъ вѣрное ручательство за ихъ постоянство. — Повѣрьте, графиня, мы будемъ счастливы.

ГРАФИНЯ (смѣясь). Но вкусы наши, М-г Зоринскій? я страшусь, различіе вкусовъ...

ЗОРИНСКІЙ. Напримѣръ?

ГРАФИНЯ. Вы любите Пурвантъ.

ЗОРИНСКІЙ. Очаровательный край, графиня; вѣчная весна тамъ дышетъ ароматомъ.

ГРАФИНЯ. Мнѣ нужны люди, свѣтъ.

ЗОРИНСКІЙ. Предлагаю мѣръ цѣлый.

ГРАФИНЯ. Мнѣ общество необходимо.

ЗОРИНСКІЙ. Все націи къ услугамъ вашимъ.

ГРАФИНЯ. Вы слишкомъ уступчивы, большой порокъ.

ЗОРИНСКІЙ. До сей минуты, графиня, мы только согласны.

ГРАФИНЯ. Не понимаю.

ЗОРИНСКІЙ. Я согласенъ помочь вамъ искать то, чего не достаетъ для полнаго вашего счастья.

ГРАФИНЯ. И вы способны были бы сдѣлать это?

ЗОРИНСКІЙ. Сдѣлать больше, графиня, довѣрить вамъ свое.

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, вы эгоистъ.

ЗОРИНСКІЙ. И основываете вы это предположеніе?

ГРАФИНЯ. На всемъ.

ЗОРИНСКІЙ. А именно?

ГРАФИНЯ. Слушайте: на вопросъ мой, счастливы ли вы вполнѣ? вы

отвѣчали: почти,—и не достаетъ вамъ товарища... меня можетъ—быть!..

Вы это сказали?

ЗОРИНСКІЙ. И подтверждаю, графиня.

ГРАФИНЯ. Какою же цѣною хотите вы купить у меня это почти?

ЗОРИНСКІЙ. Цѣною того, что не достаетъ для полного моего счастья,

ГРАФИНЯ. То есть?

ЗОРИНСКІЙ. Цѣною полного счастья, графиня.

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, игра словъ, игра же наша должна была бы быть серьезнѣе.

ЗОРИНСКІЙ. Я чрезвычайно серьезно готовъ любить васъ, графиня.

ГРАФИНЯ. Капризь.

ЗОРИНСКІЙ. Онъ первый у меня въ этомъ родѣ!

ГРАФИНЯ. Но кто же поручится, что онъ же будетъ и послѣдній въ этомъ родѣ?...

ЗОРИНСКІЙ. Вашу руку, графиня, и я повѣрю.

ГРАФИНЯ. Все это чрезвычайно мило, но до сей минуты, замѣьте, мы говоримъ только про васъ однихъ.

ЗОРИНСКІЙ. А про васъ, графиня, говорили мы съ отцемъ моимъ вашимъ дядею въ—продолженіе всей моей молодости...

ГРАФИНЯ. Да, я слышала, но вы уѣхали...

ЗОРИНСКІЙ. Съ полною надеждою на будущность, на васъ, графиня!

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, я не знала васъ тогда; океанъ дурной повѣренный въ любви; вы поставили его между нами, онъ молчалъ...

ЗОРИНСКІЙ. Вы вышли замужъ, графиня, и этому же океану повѣрилъ я мое отчаяніе, — но онъ молчалъ... вы и этого не знали.

ГРАФИНЯ (*посль нѣкотораго молчанія*). М-г Зоринскій, разговоръ нашъ принялъ странный оборотъ; мы знакомы такъ недавно...

ЗОРИНСКІЙ. Позвольте, графиня, предложить вамъ всю мою жизнь для продолженія знакомства.

ГРАФИНЯ. Вы будете раскаяваться.

ЗОРИНСКІЙ. Раскаяваюсь уже; что не сдѣлалъ этого ранѣе.

ГРАФИНЯ. Во мнѣ тѣма недостатковъ.

ЗОРИНСКІЙ. Они примирятъ меня съ собою.

ГРАФИНЯ. На жизнь смотрю я съ странной точки; вы будете недовольны мною.

ЗОРИНСКІЙ. Какое мнѣ дѣло, графиня, и смотря всю жизнь на одну васъ, я буду доволенъ, — повѣрьте,

ГРАФИНЯ. А противорѣчія?

ЗОРИНСКІЙ. Ихъ быть не можетъ.

ГРАФИНЯ. Напротивъ, и первое....

ЗОРИНСКІЙ. Что же, графиня?

ГРАФИНЯ. Я не ѣду въ Пурвантъ.

ЗОРИНСКІЙ. Предлагаю Лондонъ,

ГРАФИНЯ. Согласна, но вы въ немъ не избѣгнете людей, М-г Зоринскій.

ЗОРИНСКІЙ. Лондонъ пусть, съ утра до ночи все на выставкѣ... она же васъ не привлечетъ.

ГРАФИНЯ (смѣясь). Не ручаюсь, М-г Зоринскій.

ЗОРИНСКІЙ. Повѣрьте, не любопытна; хотите, я покажу вамъ ее во всей подробности, и сами убѣдитесь.

(За кулисами слышенъ голосъ Павла Захаровича).

Гдѣ онъ, гдѣ онъ? *(Павелъ Захаровичъ входитъ съ распротертыми объятіями).* Другъ, Дмитрій! вотъ спасибо, самъ вспомнилъ, самъ заѣхалъ, знать не измѣнился къ старымъ друзьямъ *(Обнимаетъ его)* А я, сознаюсь, усумнился, ужъ вѣкъ таковъ; думалъ, и взглянуть не захочетъ на старика, — послалъ нарочнаго въ Петербургъ.

ЗОРИНСКІЙ. Напрасное сомнѣніе, Павелъ Захаровичъ, чувства мои къ вамъ наследственныя, а наследствомъ кто же не дорожить и въ нашъ вѣкъ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Еще разъ спасибо *(Снова цѣлуетъ)*; а вѣдь точь въ точь покойный Николай Афанасьевичъ; чѣмъ больше смотрю, тѣмъ грустнѣе становится... Эхъ! былъ человѣкъ—то какой... ну да не вернешь! *(Утираетъ глаза).* Надолго ли же ты къ намъ, Дмитрій Николаевичъ?

ЗОРИНСКІЙ. Нѣтъ, почтеннѣйшій Павелъ Захаровичъ, увы, спѣшимъ,—время всемірной выставки, дня три, четыре пробудемъ, больше нельзя, опоздаемъ!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Только—то? Напрасно же, другъ, и свидѣлись; ненавижу разставаній.

ЗОРИНСКІЙ. Кто же велитъ, Павелъ Захаровичъ? Ѣдемъ съ нами,—не правда ли, Елень? *(Графиня хохочетъ, а Павелъ Захаровичъ, смотритъ на племянницу съ изумленіемъ).*

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Елень! Елень! брависсимо!

СЛУГА (вбѣгаетъ). Князь Чудинъ.

ГРАФИНЯ. Богъ мой, какая тоска! отказать.

СЛУГА. Они вошли, они въ прихожей, ваше сіятельство.

ЗОРИНСКІЙ. Такъ скажи князю, что намъ некогда, что мы говоримъ о вещахъ серьезныхъ.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Слугъ неловко, вѣдь гость этотъ претендентъ

(Обращаясь къ графинѣ); а позволъ мнѣ его спровадить. Позволяешь?

ГРАФИНЯ. Пожалуйста, топ осле; но что же вы ему скажете? Вѣдь онъ узнаеть, что мы не одни.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Я скажу, мой другъ, что у тебя женихъ.

ГРАФИНЯ. Моп осле!

СЛУГА. Прикажете принять?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (слугѣ). А безъ этой причины разумѣется принять.

(Зоринскій беретъ шляпу и пресерьозно кланяется графинѣ.)

ГРАФИНЯ. Вы же куда, М-г Зоринскій?

ЗОРИНСКІЙ. Въ Пурвантъ, графиня; для одиночества нѣтъ лучше уголка!

ГРАФИНЯ. А Лондонъ, а наши планы?

ЗОРИНСКІЙ. А князь, графиня? Что дѣлать съ княземъ?

ГРАФИНЯ (съ нетерпѣніемъ). Съ княземъ? Ахъ, Боже мой, какъ это скучно! Ну сдѣлать его шаферомъ. (Протягиваетъ Зоринскому руку).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Шаферомъ?... (слугѣ) Проя!

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

СОЛДАТЪ-БАЛАГУРЪ

ИЛИ

ДРУЖБА-ДРУЖБОЙ, А СЛУЖБА-СЛУЖБОЙ.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Соч. П. И. Григорьева 1-го.

(Музыка для куплетовъ составлена изъ русскихъ пьесъ и романсовъ).

ПИСАНО ДЛЯ КРАСНОСЕЛЬСКАГО НОВАГО ТЕАТРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БОРИСЪ ИГНАТЬИЧЪ , староста деревни ***	<i>Г. Самойловъ.</i>
АЛЕШКА	<i>Г. Мартыновъ 1.</i>
ГАВРЮШКА } его сыновья, молодые ямщики	<i>Г. Марковецкій.</i>
СЕНЬКА }	<i>Г. Зубровъ.</i>
ДОРОВЕЙ АНТИПЫЧЪ , зажиточный мужикъ	<i>Г. Фальцевъ.</i>
ШАВРУША , его дочь	<i>Г-жа Левкьева.</i>
НАТАЛЬЯ , крестница	<i>Г-жа Подобьдова</i>
ВАСИЛІЙ , сирота, вскормленный въ домѣ Дороева	<i>Г-жа Леонова.</i>
ЯКОВЛЕВНА , старая вдова, родная сестра Дороева	<i>Г-жа Шемлова.</i>
ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬЕВЪ ШУКИНЪ , отставной вахмистръ, проживающій въ домѣ Дороева	<i>Г. Григорьевъ 1.</i>
1. }	<i>Г. Сосновскій.</i>
2. }	<i>Г. Семеновъ.</i>
3. }	<i>Г. Григорьевъ 2.</i>
Станціонный смотритель	<i>Г. Славинъ.</i>
Крестьяне, крестьянки, молодые и старые ямщики.	

Театръ представляеть видъ деревни, гдѣ почтовая станція. Вдали, на возвышеніи, лежить почтовая дорога, и по срединѣ, на возвышеніи же, верстовой столбъ. Направо со сцены домъ Бориса старосты, съ надписью: *Староста*. Близъ дома колодезь, противъ колодца пристройка, означающая кладовую и сарай, далѣе другія избы. Налѣво со сцены домъ Дороева, двухъ-этажный, деревянный же, подлѣ дома деревенская лавка съ разными вещами, какъ-то: хомуты, дуги, кнуты, кушаки, баранки, орѣхи, пряники, булки, сайки и проч. и проч.; за лавкой другія избы.

I.

БОРИСЪ, съдой старикъ, съ палкой и въ рубахѣ, и **ДРОВЕЙ**, въ кафтанѣ, выходятъ изъ лавки, разговаривая между собою. Вдали, по большой дорогѣ, иногда мелькають мимо деревни рохожіе.

ДРОВЕЙ. Оно вѣстимо такъ, Борисъ Игнатьичъ... свое дѣтище всякому мило....

БОРИСЪ. То-то же вотъ и оно... другому поди, со стороны-то, какъ жись, ничего... Изъ троихъ сыновей, одного, говорятъ, сдать въ некрута старостѣ не жалко! А я говорю: да! ладно вамъ зубы-те точить! ребята-то мои вонъ пожениться хотять, а коли, говорю, у меня они не работаютъ въ полѣ, такъ лѣто и зиму извозомъ денюгу промышляють! вотъ оно што! А какая тройка у каждаго парня? станціонный бантъ: что на сто верстѣ такихъ коней не сыщешь.

ДРОВЕЙ. Такъ, такъ, дѣло ты говоришь...

БОРИСЪ. Еще-бы те не дѣло! Да и для чежь я-моль староста, коли не съумѣю своихъ ребятъ отъ очереди избавить? такъ-ли?

ДРОВЕЙ. Дѣло говоришь! ей-ей дѣло! коли можно, такъ чего зѣвать.

БОРИСЪ. Да ужъ съ управляющимъ дѣло наше покончено какъ слѣдуетъ : сотнягой цѣлковыхъ ему поклонился, и онъ говоритъ : бери, Борисъ, кого знаешь *негодящихъ*, а я, говоритъ къ барину отпишу, и дѣло будетъ въ шляпѣ! Управляющій у насъ человекъ наипочтеннѣйшій, свое дѣло знаетъ! Баринъ живетъ въ Питерѣ, въ вотчину не ѣздитъ, занять службой, ну, а намъ эвто и на руку!...

(На голосъ : *Шли наши ребята*)

Пусть злые люди насъ порочать и бранять
А съ управляющимъ всегда живу я въ ладъ!
Вѣдь коли дѣло есть, и множество хлопотъ,
Такъ онъ за хлопоты ужъ не хотя беретъ!
Онъ, знашь, и барину, што можно перешлетъ,
А экономію себѣ въ карманъ кладетъ.
Какъ ни толкуй объ немъ, а молвишь наконецъ :
Тамъ волки сыты всѣ, гдѣ много есть овецъ !

ДОРОВЕЙ. Чтó тутъ толковать-то? Вѣстимо, иной управляющій и возьметъ съ тебя, и ни на копѣйку добра не сдѣлаетъ.

БОРИСЪ. То-то и оно! Ну, такъ смотри же Доровей, твой сирота Васютка, какъ малый безотвѣтный, бездомный, пойдетъ въ очередь за мово Алешку ; а за Гаврюшку мово самъ управляющій взялся поставить парня изъ другой деревни. И слышь-ты, какъ только эвто дѣло покончимъ, Гаврюшку мово женимъ на твоей крестницѣ Натальѣ, а Алешку на твоей Маврушкѣ! смѣкаешь? (*Въ это время входитъ Васютка съ дугой и возжами и тихо приближается къ дому Доровей*).

ДОРОВЕЙ Гм... какъ не смѣкать?... Только все раздумье меня беретъ.... Васютка парень работающій, сирота круглый, я его пріютилъ, выросилъ, хотѣлъ тоже было, женить... Конечно онъ мнѣ чужой, да все какъ-то жаль расстаться съ парнемъ... Да и сестра-то у меня за него больно стойтъ...

БОРИСЪ (*строго*). Чтó жъ ты? на понятный дворъ, штоли? смотри! кончай лучше полюбовно, не то мы тебя, съ управляющимъ со свѣта Божьяго сживемъ! Слышишь Доровей? берегись, и лавочку твою запремъ! не ломайся! и дочушекъ своихъ пристроишь, и старосту успокоишь. Ну, пойдемъ-ка ко мнѣ въ избу, выпьемъ на радости, и дѣло пойдетъ на ладъ. (*Беретъ его подъ руку*).

ДОРОВЕЙ. Оно такъ... для че не выпить... Выпить можно... Только, все жаль Васютки... Важный помощникъ въ домѣ ; безъ него мнѣ тяжело будетъ ..

БОРИСЪ. Эхъ! ты! а Демьянъ-то Савельичъ Шукинъ у тебя за что даромъ проживаетъ? Онъ-те всяку работу справить! Мужичина ко-ренастый, вынесъ службу въ кавалеріи, такъ ужъ наша деревенская работа ему нипочемъ! Онъ же не имѣетъ ни кола, ни двора, взять былъ изъ нашей деревни одинокимъ; какъ теперь возьмутъ твоего Васютку, такъ радешенекъ будетъ за даровой хлѣбъ работать что тебѣ потребуется, Такъ ли? ась?

ДОРОВЕЙ. Оно, такъ, вѣстимо... Изворотиться бы можно, но... по-ди-ка, а моя сестра свое поеть.

БОРИСЪ.

(Ахъ, по мосту, мосту).

Эхъ, нече, Доровеюшко,
О вздорѣ такъ тужить,
Пойдемъ, пора намъ сватушко
Хлѣбнуть и закусить!
А коль ты воли сестриной
Боишься, Доровей,
Такъ я-же, съ ней, какъ староста,
Улажу поскорѣй!
Хоть я слыву незнающимъ,
Да сила-то не въ томъ....
2 } Коль лажу съ управляющимъ,
Такъ баба — ни почемъ!

(Уходятъ оба въ домъ старосты).

II.

ВАСЮТКА *(одино, покачавъ головою, говоритъ)* Да! вотъ-те бабушка и юрьевъ-день! Ну, ужъ коли староста супротивъ меня пошелъ, значить прощай моя головушка! А я-то, какъ радѣлъ для Доровея Антипыча!... Нѣтъ! ни что видно не беретъ! Яковлевна хоть и общала мнѣ свою помощь, да видно и ей тяжело тягаться съ старостой. И кавалеръ Савельичъ готовъ за меня вступиться, да не вѣрится... Что онъ смѣетъ, коли самъ живетъ на чужомъ хлѣбѣ, изъ милости? Нѣтъ! пропало! все пропало! *(Обращаясь къ дому Доровея)*. Прощай, Мавруша! прощай моя голубушка!

Ахъ, ты, участь моя горькая!
Сиротство мое бездомное!

Не знаять мнѣ въ жизни радости,
 Вѣкъ придется горевать!
 Долженъ сгнбнуть я во младости,
 Слезы проливать!
 Ахъ, прощай на вѣкъ,
 Душа дѣвица,
 Разлучаютъ насъ
 Злые вороги!
 Знать приходится
 Добру молодцу
 Жить безъ участи,
 Одинокому!
 Такъ и быть! пойду
 Въ службу Царскую!
 Тамъ, авось, найду
 Себѣ счастье!
 Буду вѣкъ служить
 Вѣрой, правдою!
 Тамъ не буду знать
 Одиночества!
 Тѣсенъ домъ не свой,
 Горекъ хлѣбъ чужой,
 Лучше свой добыть
 Службой честною!
 Или выслужусь,
 Такъ какъ многіе,
 Иль умру въ бою
 Смертью славною!!

(Съ энергіей).

III.

ВАСИЛІЙ и ЯКОВЛЕВНА, выходятъ въ душегрѣйкѣ, съ ведромъ.

ЯКОВЛЕВНА. Васютка! што ты это горло-то дерешь? ась? или выпилъ, што-ли?

ВАСЮТКА. Нѣтъ, Яковлевна, ты знаешь, что я хмѣльнаго въ ротъ не беру... я это такъ, промежь себя... сейчасъ пріѣхалъ, да тутъ услыхалъ кое-что... такъ съ горя, знаешь, и затынулъ — что на умъ пришло!

ЯКОВЛЕВНА. То-то! смотри у меня! я тебя вотъ какъ, коли вздумашь перенимать у Борисовскихъ робять! (*Показываетъ кулакъ*).

ВАСЮТКА. Эхъ, не грози, старуха! Сыновья старосты мнѣ не указъ! Пусть ихъ живутъ подъ отцовскимъ крылышкомъ, я у нихъ ничего не перейму, да и завидовать не стану! Мое дѣло ужъ почти кончено! Прощай, Яковлевна!

ЯКОВЛЕВНА (*сердито*). Што? што? да ты никакъ изъ-подъ моей воли наровишь? Ахъ, ты черномазый! смотри у меня! Я—те обрезаю по своему! Пикнуть не смѣй, коли я говорю! не то, вѣдь я тебя знаешь... чѣмъ ни попало. (*Подаетъ ему ведро*). На—ко! зачерпни воды..

ВАСЮТКА. Изволь, въ послѣдній разъ! (*Доставая воду изъ колодца*). Эхъ! была не была! Прощай, Яковлевна!

ЯКОВЛЕВНА. Што? развѣ ты опять ѣдешь?

ВАСЮТКА. Да! прощай добрая, старушка! Благодарю за хлѣбъ за соль! не поминай лихомъ, — коли добромъ помянуть не хочешь.

ЯКОВЛЕВНА. Васютка! слышь не дури! говори у меня порядкомъ! што—такое? ась?

ВАСЮТКА. Да, то, названная матушка, что меня староста Борисъ, какъ бездомнаго, сдастъ въ солдаты за своего сына, и Дороеей Антипычъ тутъ не смѣетъ поперечить.

ЯКОВЛЕВНА (*съ досадою*). Што? што? ахъ, они пустыя бороды! Да кто имъ позволить поступать такъ беззаконно? Коли Дороеей не смѣетъ разинуть рта, такъ я смѣю!! Да я и управляющему-то не спущу! На мой ротокъ не накинуть платокъ! Я вдова, мнѣ жалѣть нечего! Коли имъ очередь, такъ онъ изъ своихъ робятъ и сдавай кого слѣдуетъ! а ты мой вскормленникъ! мой второй сынъ! ведешь себя честно! работаешь прилежно, и долженъ за другаго... нѣтъ! не бывать этому! Да я на всю деревню вой подыму! Я къ барину писать стану, веѣ шашни Бориса наружу выведу! и хоть умру, а отстою тебя! да! жива не буду, коли не отстою! (*Цѣлуетъ его*).

ВАСЮТКА.

(*На голосъ: Не шей ты мнѣ матушка*).

Полно, полно матушка,

Не жалѣй меня!...

Съ вами распрощаюся

Скоро, скоро я!

Полно жъ такъ печалиться

И въ залогъ любви

Сироту — пріемьша

Въ путь благослови!

Чѣмъ мнѣ вѣкъ здѣсь маяться,

Горе, зло сносить,

2 { Лучше съ честью, съ славою
Родинѣ служить!

ЯКОВЛЕВНА (*рыдая*). Охъ—охъ! Васютка, не говори такъ! не выдержи! охъ... ничего не видя сердечушко надрывается!.. (*Вдругъ при-*

ходитъ въ негодованіе). Врутъ-же они, окаянные! гдѣ они? гдѣ Дороей? я ему докажу! я ему такъ вѣплюсь въ бороду, что ни одного волоса не останется!

ВАСЮТКА. Полно гнѣваться-то... онъ пошелъ выпить къ старостѣ.

ЯКОВЛЕВНА. Ну, ладно-же! придетъ домой, такъ я ему задамъ! выпою всю правду-матку! Слушай, Вася: Демьянъ Савельичъ коротко знаетъ нашего барина и служилъ съ нимъ, говоритъ, въ одной конницѣ, такъ надо намъ попросить Демьяна, чтобъ онъ написалъ къ барину про все шашни старосты. Слышишь?

ВАСЮТКА. Ладно, попросить можно, да будетъ-ли толкъ?

ЯКОВЛЕВНА. Авось, Богъ милостивъ. Онъ теперича работаетъ у насъ въ огородѣ; Наталья и Мавруша твоя побѣжали къ нему, чтобъ также упросить его написать всю правду матку-барину!

ВАСЮТКА (обрадовавшись). Неужто? Значитъ голубушка Мавруша-то не хочетъ со мной разставаться?

ЯКОВЛЕВНА. И! куда! спать и видѣть быть за тобой! а какъ ночью староста заговорилъ имъ обѣимъ о своихъ робятахъ, такъ онѣ и ухомъ не ведутъ, разомъ убѣжали къ Демьяну Савельичу. Пойдемъ-ка пока въ избу, ты еще, съ прїѣзда-то подико не ѣлъ ничего? Пойдемъ, я тебѣ сготовила сдобную ватрушку, а какъ Савельичъ съ дѣвками придутъ съ огорода, мы все вмѣстѣ и попросимъ его писать къ барину.

ВАСЮТКА. Ахъ, Яковлевна, какая ты добрая; ты мнѣ мила какъ родная мать!

ЯКОВЛЕВНА. Да ужъ не дамъ тебя въ обиду! а коли чуть твои злодѣи пристанутъ, такъ я и старостѣ глаза выпарапаю, и брата Дороея безъ бороды оставлю! Тащи воду, пойдемъ! (*Уходитъ въ домъ*).

ВАСЮТКА (съ ведромъ идетъ и смотритъ вдаль). Ладно! Ахти! да вонъ никакъ наши дѣвушки ведутъ домой Савельича... такъ и есть... Дай Богъ, кабы онѣ уломали его писать къ барину. (*Уходитъ за Яковлевной*).

IV.

МАВРУША, ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ ЩУКИНЪ и НАТАЛЬЯ, ведутъ его подъ руки и всячески ласкаютъ. У него въ рукахъ лопата, на немъ старая военная куртка, на головѣ фуражка.

Д. САВЕЛЬИЧЪ.

(*Ты поди моя коровушка домой*).

Ахъ, вы, дѣвушки, что-жь это за резонъ?
Не грѣшно-ль вамъ инвалида брать въ полонъ?

Полно, полно вамъ о вздорѣ толковать,
 И турусы на колесахъ подпускать.
 Всѣ напрасны ваши ласки и слова,
 У меня одна на плечахъ голова;
 Я служака былъ усердный и прямой,
 Архиплутики не знаю никакой!
 Коль Васютку въ рекрута берутъ отъ васъ,
 Такъ ужъ свято надо выполнить приказъ!
 Такъ-ли, сякъ-ли, говори, иль разсуждай,
 Служба требуетъ! молчи и исполняй!
 И Васютку какъ сформируютъ въ строю
 Такъ до ижицы узнаетъ службу всю!
 Служба — править, чистить, мыть, бережетъ,
 Дурака — на умъ, на разумъ наведетъ!
 Но за то, вездѣ одна молва и толкъ:
 Красота и загляденье каждый полкъ!
 И ужъ къ намъ теперь, ни носа—ни ноги,
 Не показывай заморскіе враги!

МАВРУША. Эхъ, Демьянъ Савельичъ! Ты намъ совсѣмъ не то поешь—то...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*весело*). Знаю, знаю, смекаю вѣдаю, понимаю, что у васъ своя пѣсня на умѣ! Вамъ бы только скорѣй подцѣпить сужейаго—ряженаго, дурачка немазаного? Эхъ, вы голубушки не-наглядныя, плутовски-нарядныя! Куда ужъ вы больно затѣйливы! Мнѣ писать къ вашему барину? Соваться не въ свое дѣло? Вооружаться на самого старосту, идти грудью противъ Дороея Антипыча, который меня калѣку приютилъ и кормить? Нѣтъ! Смирно! Этого не можемъ, дѣвушки! Надо быть дуракомъ пополамъ съ олухомъ, чтобъ поднимать оружіе противу такихъ бородатыхъ, достопочтенныхъ людей!

НАТАЛЬЯ. Да послушай, Демьянъ Савельичъ! За что жъ сестру-то отдадутъ за сына старосты Алешку, когда ей больно полюбился нашъ Василій?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*Маврушѣ*). Больно полюбился! Да неужто ужъ такъ полюбился, что... и во снѣ мерещится? и на яву грезится? а? говори прямо, Мавруша! Не финти, не юли, а что называется: душу на ладошку!

МАВРУША (*глубоко вздохнувъ*). О-охъ! И не спрашивай, Савельичъ! жить безъ Василья, все—равно, что не жить на свѣтѣ!

(Гурилева: *Ты полюбишь моя радость*).

Онъ и самъ того не чаетъ,
 Что я брежу имъ во снѣ!

Сердце такъ и замираетъ,
 Какъ подходитъ онъ ко мнѣ!
 А когда онъ скажетъ слово,
 И умильно поглядитъ....
 Оживетъ сердечко снова!
 И душа заговоритъ!
 А какъ съ нами въ хороводѣ
 Станетъ пѣть, или плясать,
 Такъ при всемъ честномъ народѣ
 Рада я дружка обнять!
 Съ нимъ, я рада-бъ повѣнчаться,
 И всю жизнь его любить!
 Если-жъ намъ велятъ разстаться....
 Такъ ужъ лучше и не жить!!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*крутя усы, подсмывается*). Эге! Вотъ какъ! Значитъ, молодець—то на твое сердечко накинулъ уздечку? Ловокъ Васютка! ловокъ! (*Наталья*). Ну, а ты, Наташа, радость наша? И у тебя чай заварилась каша? Чай и твои сердечныя дѣлишки ужъ на второмъ взводѣ? Только спустить курокъ, такъ и пойдетъ пифъ! пафъ! Знай успѣвай только подбирать раненыхъ, да увѣчныхъ? А? такъ ли?

НАТАЛЬЯ. Э, нѣтъ, Демьянъ Савельичъ! Я только боюсь, чтобъ отецъ не выдалъ меня такъ-же за старостина Гаврюшку. Онъ мнѣ больно не по сердцу!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*передразнивая ее*). Ишь—ты! Больно не по сердцу!.. Эко нынче времячко пришло; ужъ и въ крестьянекомъ быту вербуютъ нынче жениховъ тоже по сердцу! то-есть, какъ говорится: уму дрились, просвѣтились, понапитерились; всякой давай, чтобъ женихъ хоть будь молокососъ, да чтобы по сердцу пришлось, а кто не по сердцу — въ обозъ! (*Ей, съ насмѣшкой*). Да полно, еще есть-ли у тебя у самой—то сердчишко? Такъ, я чай кое-что, около того?

НАТАЛЬЯ. Эва! Слава тебѣ Господи! Да что жъ я по-твоему? не человекъ штó-ли?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Да Богъ знаетъ, голубушка... Ваша дѣвичья натура только такъ, смахиваетъ маленько на чтó-то въ родѣ человекъ, а по книжному *разсужденію*, женское племя сирѣчь....

МАВРУША. Эхъ, Демьянъ Савельичъ! Ты съ нами ужъ чтó-то хитро и премудро калякаешь, мы и въ толкъ не возьмемъ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*крутя усы*). Тотó-же! Все гвардейская служба наострила! У насъ не то, что у васъ; бывало чего не пой-

мешь, такъ тебя вахмистръ такъ вразумительно прищорить, что въ другой разъ глядишь въ оба-два, смекаешь за троихъ, работаешь за четверыхъ, да такъ, что послѣ самому любо, и лошади легче, и вахмистру по сердцу, да и самому эскадронному командиру разлили благодарствуй!

МАВРУША. Все такъ, но вступишь ты въ наше-то дѣло... Въдъ право у насъ теперь только на тебя и надежда.

НАТАЛЬЯ. Да, да, Савельичъ, голубчикъ! Заставь вѣчно Бога молить!

МАВРУША. Нашъ баринъ тебя знаетъ, ты, говоришь, служилъ съ нимъ вмѣстѣ, такъ напиши ему грамотку объ нашемъ горѣ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*весело*). Эхъ, вы, любушки-голубушки! написать не устать, да дисциплина-то не позволяетъ! Сверхъ-того: вамъ-то удружишь, а себя разоришь! А вѣдь у меня здѣсь своего-то добра: ни кола, ни двора! Куда-жь я грѣшные стопы направлю, какъ староста меня вытуритъ изъ деревни за мои продѣлки? (*Оглядываясь*). Живя здѣсь цѣлое лѣто, конечно, я много подмѣтилъ проказъ на заказъ. Прикащикъ съ старостой Борисомъ такъ производятъ дѣла, какъ словно лѣшие на болотѣ! И прїѣзжай самъ баринъ, такъ я бы ему подалъ такую исправную рапортничку, что чудеса въ рѣшетѣ! Но теперь я молчокъ! Тише воды, ниже травы... и вижу, да не вижу! Молчокъ!

(На голосъ: *Ивушка, ивушка зеленая*)

Субординація
 Мнѣ зажимаетъ ротъ!
 А береженаго
 И Богъ-то бережетъ!
 Хоть о прикащикѣ
 Идетъ молва — что воръ!
 Но отъ баталіи
 Я на попятный дворъ!
 Будь онъ изъ нашихъ,
 Я выправку-бы далъ!
 Ужь онъ-бы фификусъ
 И стыдъ и честь узналъ!
 Кавалерійскимъ-бы
 Манерцемъ парня вздулъ!...
 Все волчье поприще
 Невольно-бъ вспомнугъ!
 А здѣсь мнѣ воли нѣтъ,
 Такъ лучше не проси...
 Вонъ, близокъ локоть-то,
 Подпикъ-сь, укуси! (*Показываетъ примѣръ*)
 (*За сценой слышенъ колокольчикъ*).

НАТАЛЬЯ (*смотритъ*). Ахти! Алёшка, Гаврюшка и Сенька, всё вдругъ съѣхались.... Убѣжимъ, Мавруша!

МАВРУША. Убѣжимъ! а то съ своими балясами они надоѣдаютъ пуще горькой рѣдки. Демьянъ Савельичъ, пойдемъ съ нами въ избу, тамъ и тетка Яковлевна потолкуеть съ тобою....

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Нѣтъ, нѣтъ, мои красавицы! Я вамъ право не помога, и ссориться не хочу ни съ кѣмъ. Пришлите только кваску напиться, а про между-прочимъ, я покалякаю съ вашими женихами ямщиками; надо кое-что повывѣдать, чтобы знать, какъ вамъ и мнѣ дѣйствовать въ случаѣ неминуемой бѣды. (*Усаживается около дома Дороева*).

МАВРУША И НАТАЛЬЯ. Ну, ладно! ладно! (*Уходятъ обѣ въ домъ*).

—

V.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ, одинъ.

Ну, Демьянъ, держи уши на караулѣ, а гдѣ нужно, городи и чорта въ стулѣ! Попался я здѣсь между двухъ огней! ретироваться стыдно.... на драку лезть самому глупо, надо бить лучше навѣрняка.... Ну, да авось выдержимъ сраженіе съ честію!... Молодой баринъ знаетъ Демьяна Савельева какъ свой эскадронъ, авось пойметъ меня и выручитъ. (*Наталья подаетъ черезъ окно Савельичу кружку квасу*).

—

VI.

ДЕМЬЯНЪ, всторонѣ, **АЛЕШКА**, **ГАВРЮШКА** и **СЕНЬКА**. Двое одѣты ямщиками, только разнo; **СЕНЬКА** въ пестрой рубахѣ, безъ шапки. Всѣ трое спорятъ между собою.

СЕНЬКА.

(*Зеленая роща всю ночь прошумѣла*).

Нѣтъ отстаньте, братцы!
Што вы пристааете?...

АЛЕШКА и **ГАВРИЛО**.

Сенька! помоги-же!

Мы весь день въ работѣ!

СЕНЬКА *(кричитъ одну ноту)*.

НѢТЬ! нѢТЬ! нѢТЬ!

АЛЕШКА и ГАВРИЛО.

Вѣсть.

Сенька! не ломайся!
Вишь, мы какъ устали....
И невѣсть-то нашихъ
Нонче не видали!

СЕНЬКА.

Мнѣ-то што за дѣло?
Вамъ велятъ жениться,
А меня неволятъ
Съ лошадьми возиться!...
(Также.) НѢТЬ! нѢТЬ! нѢТЬ!...

АЛЕШКА и ГАВРИЛО.

Коль помочь не хочешь,
Мы-те приохотимъ!
(Хватаютъ его, онъ вырывается и бѣжитъ къ Демьяну Савельичу).

СЕНЬКА.

Помоги, Савельичъ!
Братцы лезутъ драться....

Д. САВЕЛЬИЧЪ.

На одну — двумъ силамъ
Грѣхъ вооружаться!
Одного, хотъ двое
Поколотятъ хватски,
Только не по формѣ,
Да и не по братски!

АЛЕШКА. Эхъ, Савельичъ! и ты еще заступаешься за этаго увальня!

ГАВРЮШКА *(Савельичу)*. Да знашь ли ты, что онъ намъ вотъ ничаво не помогаетъ!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Моя хата съ краю, я ничего не знаю.... а только замѣтилъ вамъ, братцы, что двоимъ бить одного неблагогородно....
(Отходитъ отъ нихъ).

АЛЕШКА. Неблагогородно! да што намъ этаво олуха гладить по головкѣ, штоль? *(Сенькѣ)*. Слышь, Сенька! пошелъ, проводи лошадей-те.

СЕНЬКА. Што лаешься? самъ проводи! я што-ль ѣздиль то?

ГАВРЮШКА. Да вѣдь ты, болванъ, ничаво не дѣлаешь?

СЕНЬКА. Самъ знаю, што ничаво не дѣлаю.... а табѣ што?

ГАВРЮШКА. Табѣ што! А мы съ Алехой сейчасъ вонъ дележанъ привезли!

АЛЕШКА (*показывая ему въ глубину направо*). Да! ишь ты какова рожна двадцать верстѣ волокли? И сами-то сморились, и шестерка ишь вся въ мыль? Пошелъ! поводи коней! не то, во сей часъ пойду отцу нажалось!

СЕНЬКА (*передразнивая его*). Отцу! поди, жалься.... много возьмешь! отецъ-то еще задасть вамъ, зачѣмъ лошадей-те такъ взморили....

ГАВРЮШКА (*хочетъ идти*). Э! Да вотъ постой! я пойду за отцомъ, онъ его оттреплетъ по своейски!..

СЕНЬКА (*струсивъ*). Ну, ну, полно страшать-то, иду.... иду....

АЛЕШКА (*кричитъ*). Ну, идешь, такъ пошелъ!

СЕНЬКА (*передразнивая*). Пошелъ! вѣстимо, коли пошелъ — такъ иду!

ГАВРЮШКА. Олухъ! такъ иди же скорѣй, коли пошелъ!

СЕНЬКА. Ну, што лаешься! ну и пошелъ! не помыкай, свое дѣло знаемъ!

АЛЕШКА. Знаешь ты свое дѣло, лѣнтяй! только въ бабки, да въ городки играть, только вотъ и знаешь!

СЕНЬКА. Да! ты больно много знаешь! только кульеровъ-те, да дележанъ возить знаешь.... эка важность! я и самъ бы могъ эвто....

ГАВРЮШКА. Да! ты поди ка свежи, такъ и узнаешь.

АЛЕШКА. Да! ты ужъ у отца одну тройку-то смориль, ѣздими лѣтошный годъ съ господамъ.

СЕНЬКА. Лѣтошный годъ! Не я, смориль, дорога сморила, тако безвременье было!

АЛЕШКА. Тако безвременье! Ну што врешь-то? съ дуру потащиль чортъ проселкомъ, когда можно было большой дорогой по сашѣ!

СЕНЬКА (*дразня*). Да! по сашѣ! да сашой-те выходило дальше.

ГАВРЮШКА. А лучше штоль вышло, что обогнулъ сашу-то? тройку-те зарѣзалъ, а она отцу стояла полтора ста рублевъ!

СЕНЬКА. Да! важность большая! У отца-те денегъ много!

АЛЕШКА. Много! про тебя, штоль? ну, ну, ползи, знай въ дѣлу-те! нече лаяться, пошелъ!

СЕНЬКА. Я не лаюсь, дьяволь! вы лаетесь, да ѣдите меня, ни за што, ни про што.

ГАВРЮШКА (толкая). Ну, ну ползи лѣнтяй! не то вѣдь вожжей попробуешь! слышь Сенька?

СЕНЬКА. Тронь-кась! самай сдачи дамъ! Эхъ вы, туда-же ямщицкую должность справляютъ.... эка, подумашъ, важна должность. (*Уходитъ*).

VII.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ СЕНЬКИ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ (подсмѣваясь). Ай-да ребятушки! видно, что родные вы братья, дружно живете! ласковыя рѣчи рѣкой льются! люблю-дорого послушать....

АЛЕШКА. Да по нашему, Савельичъ, нельзя иначе; мы вѣдь не то што ссоримся, а такъ себѣ, съ малости привычка такая....

ГАВРЮШКА. Вѣстимо, за што ссориться, а промежь себя нельзя-же не разговаривать....

АЛЕШКА. Извѣстно, ужъ наше дѣло такое, мужики значить.... такъ на штанціи не ужто стануть промежь собой черемониться.

ГАВРЮШКА. Вѣстимо, и не стоить званія толковать-то объ эвтомъ. Скажи-ко лучше, Демьянъ Савельичъ, што подѣлываютъ наши ненаглядныя зазнобушки?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ. Да мало-ли что!.... что отецъ да тетка прикажутъ, то и дѣлають.

ГАВРЮШКА. Вѣстимо дѣло.... а што? была у нихъ нонче рѣчь объ насъ? што баить обо мнѣ Наталья?

АЛЕШКА. А Маврушка, какъ то-есть, про меня тово.... на счетъ, знаешь.... эвтаго, какъ рѣчь ведетъ?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ. Да мало-ли что говорится у насъ?... что вамъ за охота узнавать, да развѣдывать?

АЛЕШКА. Какъ, што за охота? вѣдь ты знаешь, что нашъ батька безпремѣнно хочеть поженить насъ скорье? За меня просить у Дороея Мавру....

ГАВРЮШКА. А за меня, слышь, прочать Наталью.

АЛЕШКА. Я, сказалъ: што, пожалуй, не прочь....

ГАВРЮШКА. И я, пожалуй, тово.... съ моимъ удовольствіемъ....

АЛЕШКА. Мавруша, дѣвченка нешто, смазливая....

ГАВРЮШКА. И Наталья не што, пришла мнѣ по сердцу...
ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Эхъ, вы братики сударики! жениться небось охочи, а служить—нѣтъ мочи! полноте дурить!—пустяки болтать, чужой вѣкъ забдать. Аль вы забыли, что нынче ваша очередь въ ружьё идти? ась?

АЛЕШКА (*испугавшись*). Вотъ—те на! намъ въ некрутѣ идти? Нѣтъ Савельичъ, мнѣ и такъ хорошо....

ГАВРЮШКА. Да и я не хочу, мнѣ и такъ ладно!...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Разумѣется, — да кто-же за васъ пойдётъ? Вѣдь вся деревня знаетъ, что очередь—то ваша? Васъ у отца три сына....

АЛЕШКА. Да ужъ отецъ у насъ знаетъ, кого за насъ поставить на службу; онъ и управляющему сказалъ, што я совѣмъ не гожусь въ солдаты.

ГАВРЮШКА. А я и отродясь не годился.

АЛЕШКА. Куда намъ! Солдатомъ—те быть больно трудно говорить, не то, што наше дѣло—на тройкѣ ѣздить.

ГАВРЮШКА. Да! надь—ть, говорятъ — поди—ка маршировать, да съ ружьемъ возиться; куды намъ! да мы до сѣдыхъ волосъ съ братомъ не обучились—бы этому дѣлу.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Врете, братцы! только кто попади, тамъ у насъ выучатъ разомъ, такъ, что мѣсяца черезъ четыре и самъ себя не узнаешь!

АЛЕШКА. Што ты?

ГАВРЮШКА. Во-отъ!?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Право такъ!

(*Скорый кавалерійскій марш*).

Чтобы жить не баловаться,

И полезнымъ быть,

Молодому парню надо,

Долгъ велить служить!

Служба насъ выводитъ въ люди,

Лишь служи умно!

А безъ службы вѣкъ маячить

2. Стыдно! и грѣшно!

Въ нашемъ царствѣ православномъ

Будетъ добрый плодъ,

Какъ на службѣ обрусѣетъ

Каждый нашъ народъ!

Кто имѣетъ уваженье?

Нутка, распроси:

Тотъ, кто служить вѣрно, честно

2. На святой Руси!

Кто въ чинахъ, въ крестахъ и славѣ?
 Счастливъ и богатъ?
 Тотъ, кто истинный служака
 Съ маковки до пять!
 И не даромъ говорится
 На Руси у насъ:
 Дружба-дружбой, служба службой
 2. Это общій гласъ.

Такъ, чтобъ съ пользой отличиться!
 Маршъ впередъ! за мной!
 Въ службу, братцы! смѣло въ службу!
 Въ Царскій славный строй!
 Кто святой присягѣ вѣренъ,
 Отличать какъ разъ:
 Въ службѣ, въ дѣлѣ, днемъ и ночью,
 2. Богъ и Царь за насъ!!

А вѣдь теперь, вы оба по правдѣ сказать—что такое? такъ себѣ, мужичье-дурачье, безъ толку и разума, безъ сметки, безъ оглядки, живете, даромъ хлѣбъ жуετε, языкъ у васъ мелеть, голова не разумѣетъ, душа ничего не смѣетъ, сирѣчь безъ лести сказать: дрань вы насущная! А попадитесь вы оба въ солдатскую школу на выправку, такъ разомъ васъ, вотъ какъ вы есть, изъ ничего людьми сдѣлаютъ! ей-Богу! вычистятъ, выскоблятъ, сгорбился—выпрямятъ, не понялъ—разжуютъ, не смекнулъ—втолкуютъ, не стойшь—поставятъ, не пошелъ—ходу прибавятъ, сформируютъ, обмундируютъ, словомъ, такъ переварятъ, что будешь на взглядъ, отъ затылка до пять, чисто русскій солдатъ!

ОБА (почесывая затылки). Вотъ! што ты?!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ. Ей-же, ей такъ! военная дисциплина просто напросто чудеса творить изъ нашего брата!

(На голосъ: Какъ за рѣченькой слободушка).

ГАВРЮШКА.

Хоть и такъ онѣ.... да страшно бросить домъ!...

АЛЕШКА.

Нѣтъ, Савелычъ, въ некрута мы не пойдемъ

ГАВРЮШКА.

Вдругъ, того гляди въ страженіе пошлютъ,

АЛЕШКА.

Да, избави Богъ, ни за што и убьютъ!

Изящная словесность.(На голосъ : *Вдоль по улицѣ*).**Д. САВЕЛЬИЧЪ.**

Вздоръ ! въ сраженьи жизнь чудесная всегда !
 А убьютъ, тогда не ваша ужъ бѣда !
 Да, трусливый пусть хоть ляжетъ не боецъ,
 Дуракомъ однимъ поменьше и конецъ !

ГАВРЮШКА (*опять пѣсла какъ сначала*).

Нѣтъ, Савельичъ, мы ужъ лучше поживемъ....

АЛЕШКА.

Не заманишь насъ въ солдаты калачомъ !

ГАВРЮШКА.

То ли дѣло, здѣсь безъ горя проживать ?

АЛЕШКА.

Да часекъ въ харчевнѣ сяди попивать !

ГАВРЮШКА (на голосъ : *Вдоль по улицѣ*).

Здѣсь проѣзжій дастъ на водку, иль на чай...

АЛЕШКА.

Такъ и знай себѣ : по всѣмъ по тремъ качай !

Д. САВЕЛЬИЧЪ.

Славно братцы ! васъ не тронь, да не замай,
 А другой за васъ служи, не унывай !

VIII.

ТѢЖЕ, БОРИСЪ И ДОРОЖЕЙ входятъ на веселѣ, поютъ и приплясываютъ.(На голосъ : *Какъ у насъ во садочкѣ*).**БОРИСЪ** (*обнявъ Дорожея*).

Вотъ какъ мы подгуляли !
 Сговорились, да взяли
 Выпили ! (bis).
 (*Вмѣстѣ*) Чарочку выпили !
 Всѣ дѣла порѣшили !
 Выпили закусили !
 Ай-люди выпили !
 (*Вмѣстѣ*) Люпиньки выпили !

БОРИСЪ.

Покалякали важно!

А штобъ было куражно,

(Вмѣсть.) { Тягнули! выпили
Чарочку выпили*(Подходя къ Д. Савельеву съ угрозою).*

Эй! солдатъ! што жъ зѣваешь

Шапки што не ломаешь?

(Вмѣсть.) { Видишь, мы выпили!
Ай-люли, выпили!*(Приплясываютъ оба).*

БОРИСЪ (сыновьямъ). Вотъ какъ у насъ! здорово ребята! што? аль съ дележаномъ прѣхали?

ОБА. Съ дележаномъ. *(Дорооею, низко кланяясь)* Здорово, Дорооей Антипычъ!...

ДОРОЕИ. Добраго здоровья, ребятюшки. *(Борису)* Ну, Борисъ, такъ какъ же намъ поладить съ бабами-то?

БОРИСЪ. Да ужъ тово... ужъ коли за што взялся староста Борисъ, такъ всѣ у меня берегись. *(Подходя снова къ Савельеву)* Да што-жь ты и впрямъ служба, сидишь и никакова тово, нижайшаго почтенія не отдаешь старостѣ? ась? у меня смотри тово... за неуважительность, я всякаво турну по шеѣ! Слышь-ты?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ *(спявъ фуражку, кланяется)*. Эхъ, дядюшка Борисъ! помилуй, не гнѣвись... готовъ тебѣ отдать поклонъ при всемъ честномъ народѣ, да видишь, нонче я работалъ въ огородѣ, рѣпу сѣялъ, да капусту сажалъ, а вотъ теперь и самъ какъ грибокъ усѣлся... право не лгу, просто встать не могу! и спина-то болить, да и въ ногѣ пуля сидить... а то, какъ-бы тебя не уважить... всталъ бы, отдалъ бы честь, да не знаю ей-ей, какъ и въ избу пролестъ, бабы наши звали поѣсть... *(Притворяясь хворымъ, встаетъ)*. О-хо-хо! какъ-нибудь поднимусь... на авось полетусь... охъ! видно не забудешь вѣкъ нашей поговорки: укатали коня крутыя горки! *(Уходитъ въ избу)*.

—

IX.

ТѢЖЕ, кромѣ ДЕМЬЯНА САВЕЛЬЕВА.

БОРИСЪ. Ага, кавалеръ испужался! тото же! у меня, тово! не-даромъ про меня ямщики пѣсню сложили. *(Напѣвая)*.

Эй, ребята, берегись,
Ходитъ староста Борисъ!

АЛЕШКА (*въ-полголоса*). Дороей Антипычъ! ну, што? какъ вы съ батькой того порѣшили?

ГАВРЮШКА (*также*). Дороей Антипычъ! не томи души, разомъ помолвилъ бы насъ и дѣло въ шляпѣ!

ДРОЕИ (*тихо*). Молчокъ, робятушки! Батька вашъ взялся и съ Васюткой, и съ сестрой, и съ дочушками порѣшить все разомъ.

БОРИСЪ (*кричитъ въ окно къ Дороею*). Эй! гдѣ вы тамъ? Выходи сюда! Яковлевна! Васютка бездомный! Слышь староста зоветъ! шевелись! ей! вы!

ДРОЕИ (*также кричитъ*). Сестра! аль оглохла? подь сюды! Васютка! а Васютка!

X.

ТѢЖЕ И ВАСИЛІЙ, потомъ **ЯКОВЛЕВНА** въ огнѣ.

ВАСИЛІЙ. Я здѣсь, Дороей Антипычъ! Что прикажешь?

ДРОЕИ (*отходя*). Не мое, братъ, дѣло приказывать, слушка-съ вонъ старосту...

АЛЕШКА (*Василью*). А ты, Васютка, я чай, все тамъ въ избѣ около Мавруши балясничаешь? Смотри, Васютка!

ВАСИЛІЙ (*грубо*). А тебѣ што? ну, смотрю!..

БОРИСЪ (*повелительно*). Алешка! нишкни! Васютка! слушай старосту!

ВАСИЛІЙ. Слушаю, дядя Борисъ, что прикажешь?

БОРИСЪ (*треплетъ его по плечу и гладитъ по головѣ*). А вотъ оно што: я просилъ управляющаго, чтобъ онъ тебя, того... не трогалъ, что ты хощь и сирота молъ, да Дороею хорошии помощникъ, по управляющій и слышать того не хочеть! всѣхъ, говорить, бобылей вонъ изъ деревни! имъ, говорить, жалѣть некого, оставлять въ дому нечего; всѣхъ, говорить, въ некрута у кого ни кола ни двора! (*Гладя его по головѣ*) Вотъ оно што! Такъ прощай, голубчикъ! А штобъ ты не корилъ моихъ робятъ, што идешь за нихъ на службу, такъ получишь отъ меня сто рублей серебряныхъ! слышь, Васютка? такъ съ Богомъ! завтра васъ шестерыхъ повезутъ въ городъ, такъ прощай и не разговаривай!

ВАСИЛІЙ (*помолчавъ*). Вотъ оно что! Я ужъ это зналъ, что староста Борисъ на свой лады дѣло обрабатываетъ.

ГАВРЮШКА (*смѣясь*). Хе! хе! Да ужъ у насъ батька свое дѣло знаетъ...

АЛЕШКА. Еще бы! Онъ у насъ себѣ на умѣ, даромъ што выпилъ.
БОРИСЪ (*съ угрозой*). Гаврюшка! нишки! Алешка! слышь молчи, да помалчивай!

ВАСИЛІЙ (*Дорогую*). Дорогую Антипычъ! ты тоже молчишь? знать мое дѣло здѣсь, пропашее? такъ што-ли? говори прямо, не пугаешь...

ДОРОГЕЙ (*не зная, что сказать*). Какъ быть, Васютушка... дѣло мое подчиненное... сила и солому ломить.. радъ бы радостью... да вѣдь ты мнѣ не сынъ родной... самъ знаешь...

ВАСИЛІЙ. Знаю... знаю... (*Съ одушевленіемъ*) Ну, да была не была! Ступай моя голова, коли судьба такова! Спасибо, Дорогую Антипычъ, за хлѣбъ за соль — за щи съ квасомъ! Жаль только Маврушу покинуть, она помретъ съ тоски о бѣдномъ Васюткѣ!

АЛЕШКА. Объ этомъ не безпокойся, братъ! Какъ я женюсь на ней, такъ жалиться не будетъ!

ВАСИЛІЙ (*грубо*). Ты женишься? эхъ, ты, мурло неуклюжее!

АЛЕШКА. Ну што лаешься, черномазый?

БОРИСЪ (*кричитъ*). Робята! при мнѣ шутите полегче!

ГАВРЮШКА. Да чаво молчать, коли онъ задираетъ? Алешка-то вѣдь сынъ твой, какое-жъ у него неуклюжее мурло? Досадно знать, што въ некрута берутъ? да такъ тебѣ и надуть! давно пора!

ВАСИЛІЙ (*скрывая досаду*). Дядя Борисъ! вели лучше молчать своимъ робятамъ, а то вѣдь я ихъ обоихъ оттаскаю такъ, что и дома не скажутся!

БОРИСЪ. Ну, ну, Васютка! не озарничать! робята! (*Алешкѣ*) Молчокъ!

АЛЕШКА (*Василью*). Оттаскаешь! Ну-ка, лѣшій, попробуй, оттаскай! У насъ кулаковъ своихъ цѣтъ што-ль? (*Оба грозятъ Василью*).

БОРИСЪ. Робята! сказалъ, при мнѣ шутишь полегче! Васютка! оставь ихъ! плюнь на моихъ робятъ...

ВАСИЛІЙ. Эхъ! ужъ я плевалъ да не помогаетъ! Видно надо будетъ съ ними распрощаться поплотнѣе... (*Яковлевна показывается въ окнѣ и слушаетъ*).

БОРИСЪ (*подходя къ Дорогую*). Такъ вотъ оно какъ! Ну, Антипычъ, снаряжай же въ дорогу Васютку, а я теперь потолкую резоннымъ манеромъ съ твоей сестрой; она у меня разомъ язычекъ-те прикусить!

ЯКОВЛЕВНА (*свѣсившись изъ окна*). Што? што? снаряжать, Васютку? меня урезонить, мнѣ язычекъ прикусить? Смотри, Борисъ! даромъ, что ты староста, а-те сама такъ урезоню кочергой, што только

пыль пойдет! Не задрай меня... я хоть вдова бездѣтная, слабая, а ужъ въ кого вцѣплюсь, такъ натѣшуь до сыта!

БОРИСЪ (*подшучивая*). Ну, ну, Яковлевна... не блажи безъ толку, не ори безъ резону! Подъ-ка, подь къ намъ... покалякаемъ объ настоящемъ дѣлѣ...

ЯКОВЛЕВНА. Ахъ, ты грѣшная душа! (*Дороою*) А ты што передь нимъ уши-то развѣсилъ? радъ, што онъ поднесъ тебѣ чарочку? пошелъ въ избу!

ДОРООЕЙ. Ну, пошла командовать!

ЯКОВЛЕВНА. Васютка! тащи Дорооея домой!

ВАСИЛІЙ. Нѣтъ, Яковлевна, Дорооей мнѣ не отецъ, не свать, мое дѣло покончено! Богъ съ вами! (*Уходитъ*).

ЯКОВЛЕВНА. Васютка! куда! стой! (*Скрывается*).

БОРИСЪ (*сыновьямъ*). Робята! не спускайте его съ глазъ, штобъ онъ не далъ тягу изъ деревни.

ГАВРЮШКА. Небось, батька, у насъ не уйдетъ... мы тоже свое дѣло знаемъ!

АЛЕШКА. Мы его заманимъ въ харчевню, да пожалуй на чудо угостимъ чайкомъ съ кизляркой! (*Алешка и Гаврюшка убѣгаютъ вслѣдъ за Васильемъ*).

XI.

ТѢЖЕ, кромѣ **ВАСИЛІЯ**, **АЛЕНСІЯ** и **ГАВРИЛЫ**: входитъ **ЯКОВЛЕВНА**.

ДОРООЕЙ (*струсивъ*). Ну, староста, штобъ намъ того... сестра вѣдь у меня бѣдовая баба! я ужъ сробѣлъ!..

БОРИСЪ. Эхъ, ты! волковъ бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить! вотъ я ее!..

ЯКОВЛЕВНА (*въ сильномъ гнѣвѣ*). Куда вы, злодѣи, угнали маво Васютку? Староста! если ты Бога не боишься, такъ отъ меня будешь горько плакать! Мнѣ терять нечего, я одна голова, все твои грѣшныи дѣла расскажу! слышь-ты? Пойдемъ къ управителю! Другая наша деревня отсюда въ трехъ верстахъ, я-те туда сама поташу! (*Съ силой тащитъ его за руку*). Да и ему отпою всю правду-матку! На обѣ деревни вой подыму! Пойдемъ, варваръ!

БОРИСЪ (*перемльнивъ тонъ, старается отнять свою руку*). аба! стой! полно! погоди! экъ распустила горло-то!

ЯКОВЛЕВНА (*схвативъ Дороея*). И тебя, старый грибъ, поташу на расправу! вступлюсь за моего Васютку!

ДОРОЕЙ. Матушка-сестрица!..

(*Въ окнѣ высовывается Демьянъ Савельевъ и что-то жуеетъ, за сценой слышенъ колокольчикъ*).

ХII.

ТѢЖЕ, станціонный **СМОТРИТЕЛЬ** и за нимъ вскорѣ нѣсколько **ЯМЩИКОВЪ**.

СМОТРИТЕЛЬ. Эге! что за шумъ, а драки нѣтъ? хе! хе! хе!

БОРИСЪ. Да, посмотрите-ка, г. смотритель: два мужика съ одной бабой не сладятъ!

СМОТРИТЕЛЬ. Староста! ты ужъ и съ бабами-то сеоришься? худо дѣло! Яковлевна! куда это ты ихъ волочешь?

ЯКОВЛЕВНА. Къ управляющему г. смотритель! Штобъ онъ насъ разсудилъ, коли у него есть какая-нибудь совѣсть. Ну, што, такіе они нонче, оба обиды чинять, што хоть не живи на свѣтѣ! Борисъ вишь своихъ робятъ выгораживаетъ, а насъ лишаетъ послѣдней подпору! Пусть разсудятъ, честно ль поступаетъ староста?

БОРИСЪ (*съ крикомъ*). Молчи! глупая баба! Никому нѣтъ дѣла, што приказано управляющимъ! а я поступаю по его приказу!

ЯКОВЛЕВНА. Да ты подкупилъ управляющаго! Ты вонъ и маво дурака брата обморочилъ, да застрачалъ; всѣ наши мужики отъ тебя плачутъ!

СМОТРИТЕЛЬ. Въ-самомъ-дѣлѣ, староста, нельзя же весь вѣкъ кутить — да мутить, пожалуй выведутъ наружу ваши шашни, тогда хорошаго-то будетъ немного, а дурное-то все наверхъ всплыветъ.

БОРИСЪ (*заносчиво*). Управляющій и я, мы здѣшнее начальство! Мы всѣхъ въ дугу согнемъ, кто будетъ озорничать, или прекословить! (*Обращаясь къ Демьяну Савельичу*). Такъ-ли, Савельичъ? вѣдь не должны смѣть идти противъ начальства? говори!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*въ окнѣ*). Я молчокъ! всякъ-сверчокъ знай свой шестокъ!

СМОТРИТЕЛЬ (*обращаясь къ Шукину*). А, Демьянъ Савельичъ! а я шель искать тебя! У меня письмо къ тебѣ отъ здѣшняго помѣщика, прямо изъ Питера, съ парочнымъ! (*Уходитъ въ домъ*).

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ. А! неужто? Милости просимъ, дорогой вѣстовой. (*Скрызывается*).

(*Нѣсколько ямщиковъ входятъ, приближаясь къ дому Дороева*).

БОРИСЪ (*удивленный*). Штѣ? штѣ? (*Задумывается*).

ЯКОВЛЕВНА (*обрадовавшись*). Къ Савельичу? отъ нашего барина?.. Ахъ, батюшки-свѣты! ахти-мнѣ... штѣ такое? (*Убѣгаетъ туда же*).

ДРОУЕИ (*оробѣвъ*). Къ Демьяну Савельичу, отъ барина?.. Прощай, староста! (*Бѣжитъ за сестрой*).

ПЕРВЫЙ ЯМЩИКЪ (*второму*). Слышите, братцы? съ нарочнымъ отъ барина письмо-те?

ВТОРОЙ ЯМЩИКЪ (*третьему*). Да... и видно, тово штѣ ни наестъ значить... коли самъ смотритель понесъ къ Демьяну Савельичу.

ТРЕТИЙ ЯМЩИКЪ. Ужъ вѣстимо, што не просто, а тово... Демьянъ-то Савельичъ, вишь, служилъ въ одной кавалеріи съ нашимъ баринѣмъ.

ПЕРВЫЙ ЯМЩИКЪ (*указывая на Бориса*). Глянь-ко, глянь, робята: староста Борисъ вонъ и носъ повѣсилъ...

ВТОРОЙ и ТРЕТИЙ ЯМЩИКИ. Да... да... эхъ кабы, тово!..

ПЕРВЫЙ ЯМЩИКЪ. Мудрено... старый волкъ свое дѣло знаетъ.

БОРИСЪ (*подходитъ къ ямщикамъ, всматривается въ нихъ*). Робята!.. Слышали? отъ барина письмо!

ПЕРВЫЙ ЯМЩИКЪ. Да, слышали, письмо...

БОРИСЪ. Съ нарочнымъ, робята!

ВТОРОЙ ЯМЩИКЪ. Да... то-то и оно...

БОРИСЪ (*разводя руками*). И не ко мнѣ... не къ управляющему!..

ТРЕТИЙ ЯМЩИКЪ. Да... значить, оно не тово, штѣбы...

БОРИСЪ. Вишь-ты, прямо къ вахмистеру! а?

ПЕРВЫЙ ЯМЩИКЪ. Да... вишь-ты какъ!

БОРИСЪ (*встревоженный*). Робятушки! такъ тово... какъ вы, эвто смекаете? ась?

ВТОРОЙ ЯМЩИКЪ. Да, коли правду сказать, такъ... тово... почему знаешь, чего не знаешь?

БОРИСЪ. Оно, конечно такъ, робятушки... мало ли штѣ! Да какъ-бы, то-есть вы полагали?

ТРЕТИЙ ЯМЩИКЪ. Да вѣдомо какъ: оно вѣдъ дѣло, вишь, закрытое... такъ и мудрено, тово...

БОРИСЪ. Да вы, тово не отбаяривайтесь, а говорите мнѣ настоящее дѣло...

ПЕРВЫЙ ЯМЩИКЪ. Да говорить не устать, для-че не говорить...

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ЯМЩИКИ (*вмѣстѣ*). Конечно... говорить можно... языкъ-те не отвалится.... да што говорить?

ПЕРВЫЙ ЯМЩИКЪ (*Борису*). Ты вотъ поди, говори! а намъ какова лѣшаго говорить?

БОРИСЪ (*первому ямщику*). А! такъ ты значить не смѣкаешь?

ПЕРВЫЙ ЯМЩИКЪ (*почесывая затылокъ*). Да чево мнѣ смѣкать-то? Наше дѣло сторона. (*Отходитъ*).

БОРИСЪ (*второму ямщику*). А ты, какъ полагаешь?

ВТОРОЙ ЯМЩИКЪ. А вѣстимо какъ: ты староста, а намъ тутъ чево разговаривать! (*Отходитъ*).

БОРИСЪ (*третьему ямщику*). Такъ и ты значить, ничево-тово?

ТРЕТИЙ ЯМЩИКЪ. А мнѣ тутъ какова лѣшаго? ты самъ, тово, знай настоящее дѣло. (*Отходитъ къ другимъ*).

БОРИСЪ (*вспыхнувъ*). Эхъ, вы! настоящее дѣло! Чево сробѣли? Вѣстимо, коли я староста, такъ настоящее дѣло знаю! У васъ ничего не спрошу! вотъ что! А вахмистеръ хошъ и служивый, да вѣдь мы и сами-съ усами! (*Кричитъ*). Эй! ты! служба! покажь-ко, што тамъ у тебя за грамотка? Эй! вы! (*Идетъ къ дому*).

XIII

ТѢЖЕ, МАВРУША И НАТАЛЬЯ, вбѣгаютъ веселыя

МАВРУША. Ахти! какія радости!

НАТАЛЬЯ. Побѣжимъ искать Васютку!

МАВРУША. Побѣжимъ, сестрица голубушка! я теперича отъ радости, сама не своя!

НАТАЛЬЯ. И я тоже!

(*Я вечеръ въ саду, молодешенька гуляла*).

МАВРУША И НАТАЛЬЯ, (*вмѣстѣ*).

МАВРУША.

Миновало горе злое у дѣвицы!

НАТАЛЬЯ.

Какъ теперь я рада счастію сестрицы!

Гдѣ ты? гдѣ? скорѣй мой (нашъ) милый?

Покажися!

Золотымъ со мной (съ сестрой) колечкомъ

Обручися!

И со мной (съ сестрой) дружокъ сердечкомъ

Обмѣняйся!

Подъ вѣнецъ въ кафтанъ нарядный
 Наряжайся!
 И къ невѣстѣ ненаглядный
 Приласкайся! (*Объ убѣгаютъ*).

БОРИСЪ (*имъ вслѣдъ*). Эй! куда вы? чему обрадовались? да вотъ погоди у меня, вы откроете всю подноготную!...

XIV.

ТѢЖЕ, ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ съ письмомъ **СМОТРИТЕЛЬ** и **ЯКОВЛЕВНА** идутъ за нимъ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*повелительнымъ голосомъ*). Ага! теперь мы поведемъ дѣла военнымъ порядкомъ! (*Ямщикамъ*). Эй, вы! мужичье дурачье! смирррр—но!! (*Ямщики невольно снимаютъ шапки*).

БОРИСЪ (*надвѣз набекрень шапку*). Штѣ? штѣ?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*грозя ему*). Староста Борисъ! молчи, беригись! (*Сбиваетъ съ его головы шляпу*). Шляпу долой! руки по швамъ! смирно!! (*Обращаясь къ ямщикамъ*). Эй! ребятушки! сзывайте всѣхъ, кто есть на лицо, отъ барина ко мнѣ и къ вамъ есть пше-мецо; бѣглымъ шагомъ! или рысью! маршь! (*Ямщики убѣгаютъ въ разныя стороны*).

БОРИСЪ (*опять надвѣз шляпу*). Савельичъ! да ты, тово не команду!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Сказано: шапки долой! и смирно! (*Опять сбиваетъ съ него шляпу*). А не то, такъ тебя пришпорю къ печали и къ горю, что своихъ не узнаешь, и чужихъ не взвидишь! Руки по швамъ! Вотъ какъ я тебя возьму въ *шенкеля*, такъ ты у меня запляшешь такъ, что и небо съ овчинку покажется! Что ты здѣсь больно ротъ—то дерешь? *мундштукъ* что-ли *не по мордѣ* пришелся? Смирно! ты теперь ужъ у насъ въ браковку пошелъ! Мы тебя, какъ говорится, *назадъ посадили!* такъ молчать борода! не то будетъ бѣда!

БОРИСЪ (*струсивъ*). Ой! ой! ой! вотъ оно штѣ выходитъ!

ЯКОВЛЕВНА. Штѣ? попался съдой волкъ! хорошенько его, г. кавалеръ! поставь на путь истинный!

СМОТРИТЕЛЬ. Да, Борисъ, лучше кайся! Прошло твое золотое времячко...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Прошла твоя пора глядѣть въ полтора, теперь будетъ глядѣть въ оба, моя штыковая особа! Теперь вы у меня съ прикащикомъ берегитесь! Безпорядки, недоглядки, поборы да взятки, съ цыплѣнка и съ матки, кончены!! (*Обращаясь къ входящимъ крестьянамъ, между которыми являются Василій, Мавруша и*

Наталья). Милости просимъ миръ людской! просимъ откушать, приказа послушать!

ВСЪ ВМѢСТѢ (*кланяясь*). Штò такое, батюшка? прочитай, порадуй насъ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ Г. смотритель! Вы мнѣ принесли приказъ отъ ихъ барина, вы имъ и прочитайте во всеуслышанье. Смирно! Шапки долой!

СМОТРИТЕЛЬ (*взявъ письмо*). Слушайте-же хорошенько. «Очень я тебѣ благодаренъ, почтенный Демьянъ Савельевъ, что ты описалъ мнѣ подробно все плутни и шашни моего прикащика и шального старосты Бориса....

ВСЪ (*смѣются*). Ага! ай-да кзвалерь! ха! ха! ха!

БОРИСЪ. Какъ! ты писалъ къ барину? жаловался?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*Борису*). Смирно! А ты думалъ, что я здѣсь себѣ живу да даромъ хлѣбъ жую? (*Другимъ*). Нѣтъ, братцы, видя, какъ васъ они забираютъ, я ужъ съ мѣсяцъ назадъ послалъ барину рапортчику!

ВСЪ (*кромя Бориса*). Ай-да служба! большое тебѣ спасибо!

СМОТРИТЕЛЬ. Слушайте-жь! (*Читаетъ*). «Вслѣдствіе сего, приказываю тебѣ, Савельевъ: взять плута прикащика и немедленно переслать ко мнѣ въ Петербургъ на ревизію, за добрымъ конвоемъ, а старосту Бориса формально лишитъ должности навсегда; изволь разобрать и успокоить обиженныхъ, сдать по совѣсти, кого слѣдуетъ, въ рекруты и наконецъ, главное: приказываю тебѣ быть въ обѣихъ моихъ деревняхъ *полнымъ старшиною*, съ жалованьемъ по 20-ти рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Это я дѣлаю на томъ основаніи, что испытанные и заслуженные воины, *каковъ ты*, знаютъ вести указанный порядокъ и уже во многихъ мѣстахъ умѣли оправдать свои назначеніе, какъ самые надежные люди! А какъ я получу послѣ маневровъ отпускъ, явлюсь самъ и помогу тебѣ ввести во всемъ новый, благодѣтельный порядокъ! Прочти этотъ приказъ всѣмъ и каждому и помѣщайся съ Богомъ въ домъ бывшего прикащика».

Штабъ-Ротмистръ Лачинскій.

ВСЪ (*кромя Бориса*). Ай-да добрый баринъ! вотъ порадовалъ! дай Бой ему здоровья!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*весело*). Ну, братцы, просимъ любить да жаловать, работать не баловать! жить не тужить! всѣмъ будетъ хорошо, кто самъ хорошъ! такъ безъ обиды, безъ нахальства оправдаемъ-ка милость добраго начальства! такъ что ли?

ВСЪ. Вѣстимо, родной, ты для насъ втрое лучше шального старосты

Баринъ тебя знаетъ, мы тоже, такъ ужъ нами будешь доволенъ, голубчикъ...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*Борису*). Слышишь, староста Борисъ? маршь-ка на печь, спать ложись! (*Разговариваетъ съ мужиками тихо*).

БОРИСЪ (*очнувшись*). Э-эка притча, подумаешь! Значить надо будетъ распуснуть лисій хвостъ передъ Демьяномъ Савельичемъ... авось, попадетъ какъ куръ воши?..

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*вслухъ*). Да ужъ надѣйтесь, братцы: все плутни обнаружу, все штуки выведу наружу! всехъ разберу, помирю, со всеми полажу, всехъ братцы уважу! кто чистъ, да правъ, будетъ цѣлъ и здоровъ, (*Увидя входящихъ*). А вотъ, кетати, учинимъ первую расправу.

XV.

ТѢЖЕ, АЛЕШКА, ГАВРЮШКА и СЕНЬКА, входятъ веселые и чѣмъ-то лакомятся.

АЛЕШКА. Эва! што эвто за компанія? вишь, Гаврюшка?

ГАВРЮШКА. На какова лѣшаго притащились ребята?

СЕНЬКА. И впрямъ! чаво вы тутъ не видали? Пошли по домамъ, мужичье!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*ставъ позади ихъ, вскрикиваетъ, топнувъ ногой*). Смирно!!

ГАВРЮШКА (*вздвонувъ*). Ой! ой!

АЛЕШКА (*также*). Эвоя!

СЕНЬКА (*также*). Экъ рявкнулъ! ижно орѣхи посыпались!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*мужикамъ*). Ребята! у Бориса три сына, старшаго и средняго, я завтра сдамъ въ рекрута, а меньшаго оставляю при отцѣ! Справедливо ли это?

ВСѢ (*вмѣстѣ*). Очень справедливо! давно имъ пора! такіе озарники, што не приведи Богъ!

ГАВРЮШКА. Чаво? насъ въ некрутѣ?

АЛЕШКА (*громко*). Въ некрутѣ? да я ни за какіе прянички!... Батъка! слышь ты?

БОРИСЪ (*имъ тихо*). Молчите, я ужъ не староста больше! Баринъ, его назначилъ главнымъ старшиной, надо подмаслить, такъ авось гроза минуетъ?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Ребята? такъ смотрѣть за ними въ оба! Вы отвѣчаете! чтобъ они не укатили куда по столбовой дорожкѣ! (*Алешкѣ и Гаврюшкѣ*). Ну, голубчики, полно цировать, пора службу знать, на ученѣ вставать!

АЛЕШКА (*сильно оробѣвъ*). Демьянъ Савельичъ! а Демьянъ Савельичъ! Да я твою.... ей-ей не гожусь на службу! Я и не привыченъ, и отъ одново слова душа обмерла! Право слово не гожусь!

ГАВРЮШКА (*чуть не плача*). И я совѣмъ негодящій паренъ!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Смирно, ребята! Я вамъ говорилъ давеча, что теперь вы дрянъ насущная, но военная школа васъ выправить, выпрямить, на славу. Да и стыдно, братцы, отъ службы лынять! какъ быть! дружба дружбой, а служба службой!

БОРИСЪ (*ласково*). Демьянъ Савельичъ! пойдѣмъ ко мнѣ... (*Тихо*). Да на радости и покончимъ какъ быть слѣдуетъ...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*грозитъ*). Молчокъ, старичекъ-мужичекъ-дурачекъ! мы на часахъ не беремъ, хмѣльнаго не пьемъ! береги бороду, а то у меня разомъ опростоволосишься! Чтобъ не быть въ потерѣ, на свой аршинъ другихъ не мѣрай! Мужикъ! (*Повертывая его*). Налѣво кругомъ! (*Всѣ громко хохочутъ*).

БОРИСЪ (*сыновьямъ*). Ну, плохо, робятушки! видно кавалеръ тоже свое дѣло знаетъ... На кривой его не объѣдешь.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Господинъ смотритель! благодаримъ васъ всепокорно, что кетати принесли отрадную граматку! Дороеей Антипычъ! Яковлевна! благодарю васъ за приютъ и хлѣбъ-соль вашу! А чтобъ въ въ вашемъ дому сдѣлать счастье кой-кому.... женимъ-ка добраго Васютку на Маврушѣ! Пусть себѣ живутъ пришъваючи! такъ ли?

ЯКОВЛЕВНА. Съ нашимъ удовольствіемъ, господинъ старшина! вѣдь онъ мой вскормленникъ!

ДОРОЕЕЙ. Съ нашимъ почтеньемъ-съ!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. А Наталья Дороеевнѣ, коли будетъ доля, по Божьей власти.... (*Тихо ей*). Отыщемъ женишка кавалерійской масти! Смекаешь? Гм! молчокъ! до времени!

НАТАЛЬЯ (*про себя*). Неужто? Ухъ! ижно такъ въ краску и бросило!

ВАСИЛІЙ (*обнимая Демьяна*). Демьянъ Савельичъ! ты мнѣ теперь сталъ милѣе отца роднаго!

МАВРУША. Голубчикъ, Демьянъ Савельичъ! ты мнѣ душу отвелъ своею милостью! По гробъ благодарна!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. И то ладно! а вы вдвоемъ отведите намъ душу задушевной русской пѣсенкой! Яковлевна! Дороеей! придайте-ка отваги, подавайте домашней браги! подчуйте нежданныхъ гостей! Ну смѣлѣй, веселѣй! кто потягивай, кто подтягивай, катать не страшно! (*Всѣ крестьяне усаживаются кто гдѣ можетъ. Дороеей изъ лавки выноситъ: сайки, пряники, орѣхи, и угощаетъ всѣхъ, низко кла-*

нясь. Яковлевна съ Натальей выносятъ изъ избы брагу и угощаютъ также).

АЛЕШКА (сквозь слезы). Батюшка! у нихъ будетъ пиръ горой, а я съ Гаврюшкой хошь волкомъ вой!

ГАВРЮШКА (также). Батка! меня убьютъ на страженіи! Не пущай меня! будь отецъ родной!

БОРИСЪ (скрывающая досаду). Эхъ, робятушки! бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, а то бы я... (Съ отчаяніемъ). Да ужъ видно отъ судьбы не уйдешь и не уѣдешь!

(На голосъ: *Вспомни, вспомни моя любезная*).

Ахъ, вы, дѣтушки мои милые,
Васъ берутъ во солдатушки,
Въ службу Царскую....
Такъ служите-жъ вы, сынки мои
Ненаглядные, вѣрой—правдою
Царству русскому!

ДЕМЬЯНЪ САВЛЕВИЧЪ. Э, полно, Борисъ.... Не плачь не крушись! Они ужъ будутъ служить какъ слѣдуетъ, а вотъ лучше ты сослужи намъ службу, тряхни-ко стариной на веселомъ сговорѣ! на-ка, вышей, да возьми балалайку и затяни такую, чтобъ все жилки заговорили!

БОРИСЪ (сбрасывая кафтанъ). Эхъ! такъ и быть! давай! нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ!

(На голосъ: *Шли наши ребята*).

Сватався на дѣвушкѣ богатый старичекъ,
Сказывалъ-высказывалъ богатство свое:
«Будешь ты красавица со мной богато жить,
«Бархатны, газетовы шугачки носить!
Что-жъ сказала дѣвица, смотря на женишка
Думою, подумая, идти ль за старичка?...
Съ старичкомъ богатенькимъ не весело женѣ,
Съ старичкомъ жите-бытье плохое будетъ мнѣ!

(Топнувъ ногою.)

Убирайся, старый мужъ, мнѣ нуженъ молодой!
Молодой, хорошенькій, пригоженькій собой!
Ахъ, люди! люди! люди, люшеньки мои!!

(*Оркестръ ускоряетъ темпъ, Борисъ и все пляшутъ, занавѣсъ падаетъ*).

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; новѣйшей музыки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРЪ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки, въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ ОБЪЩАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя, въ С. Петербургъ, у Чернышова моста, въ домъ Лыткина.